

О.Ю. ПЛЕНКОВ

ТАЙНЫ Третьего Рейха

СПАРТАНЦЫ
ГИТЛЕРА

О. Ю. ПЛЕНКОВ

**ТАЙНЫ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА.
СПАРТАНЦЫ ГИТЛЕРА**

ОЛМА
МЕДИА ГРУПП

Москва

2011

ББК 63.3(0)62
ПЗ8

Пленков О. Ю.

ПЗ8 Тайны Третьего Рейха. Спартанцы Гитлера. — М.:
ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2011. — 480 с.
ISBN 978-5-373-01990-3

В данной книге доктор исторических наук О. Ю. Пленков рассказывает об основах нацистского государства и анализирует механизм взаимодействия государственных институтов — как старых, так и новых — Третьего Рейха между собой, а также их влияние на развитие немецкого общества.

Любая форма тоталитарного правления отвратительна и негуманна, будь то нацистский тоталитаризм или советский. Об этом необходимо помнить сторонникам «сильного государства», которое и сегодня многим представляется панацеей от всех бед.

Как действовала эта монолитная и жесткая система власти? И насколько эффективны оказались в итоге ее достижения?

ББК 63.3(0)62

ПРЕДИСЛОВИЕ

История социальной утопии и идеологических мифов Третьего Рейха многогранна и многослойна, и в рамках одного — пусть даже капитального — исследования раскрыта быть не может. Предыдущая моя работа была посвящена идеологии Третьего Рейха, а также обусловленным ею как негативным, так и позитивным аспектам его социальной истории. Данная — вторая (и, вероятно, не последняя) по счету книга о социальных основах нацистского государства анализирует механизм взаимодействия государственных институтов — как старых, так и новых — Третьего Рейха между собой, а также их влияние на развитие немецкого общества. В частности, рассматриваются конкретные инструменты социальной политики нацистского государства, а также состояние немецкого общества как в целом, так и его отдельных групп: молодежи, крестьян, рабочих, женщин, среднего сословия.

Последовательное и по возможности беспристрастное воссоздание максимально полной картины истории Третьего Рейха создает благоприятные возможности для «проникновения» в его действительность, позволяет представить, как функционировали те или иные государственные институты, какова была логика развития отдельных социальных групп в немецком обществе.

Настоящая книга выявляет фундаментальный парадокс, характеризовавший внутреннее устройство нацистской Германии. Этот парадокс заключался в том, что идеологические цели и установки, вытекавшие из идеи создания «национальной общности», — часто шли вразрез с реальными направлениями эволюции как старых, так и новых институтов, а также с генеральным вектором социальных изменений нацистского государства. Иными

словами, желаемое и требуемое нацистами очень редко соответствовало действительному положению дел в Третьем Рейхе.

В основу работы легли труды историков, социологов и других ученых, опубликовавших детальные монографии по отдельным вопросам истории Третьего Рейха. Я вполне сознаю, что широкие обобщения, которыми наполнена моя книга, возможны только благодаря этим дотошным исследованиям. В некоторых случаях я обращаюсь к опубликованным источникам, однако, в силу общего характера работы эти обращения не принципиальны и никакие новые источники, ранее неизвестные коллегам, я не использовал.

Непосредственным толчком к написанию этой книги послужил спецкурс по социальной истории Третьего Рейха, который я читал в течение ряда лет в Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург). Я очень благодарен коллегам по кафедре всеобщей истории, особенно Н. Б. Сторожеву, кафедре методики преподавания истории, особенно И. М. Николаеву, а также декану факультета социальных наук В. В. Барабанову за их интерес к моей работе, моральную поддержку в тяжелые моменты. Это, разумеется, не снимает ответственности с меня за возможные добросовестные заблуждения и вероятные ошибки в некоторых суждениях и оценках, по которым мне с коллегами иногда так и не удалось найти согласия.

* * *

Внутренняя логика развития государственных институтов и социальная история Третьего Рейха до сих пор практически не привлекали внимание отечественных историков. Причина, как очевидно, заключалась в стремлении не столько проанализировать и изучить, сколько просто осудить нацизм, принесший нашей стране столько горя и страданий.

Это простое осуждение, однако, не дает ничего в понимании природы национал-социализма, не позволяет по-настоящему выявить суть того, что же действительно произошло в Германии в 30—40 гг. XX в. В отношении этого периода немецкой истории существует огромное ко-

личество стереотипов, которые сильно упрощают и представляют одномерной целую эпоху в развитии не только Германии, но и вместе с ней и всей Европы, а равно самые интересные, динамичные и до предела насыщенные событиями годы XX в.

Упомянутые стереотипы, экономя усилия познающего при восприятии сложных социальных явлений прошлого, на первый взгляд, призваны «защитить» нынешние — либерально-демократические — ценностные позиции и претензии. Однако эта «защита» оказывается фиктивной, поскольку не дает подлинного понимания природы зла и, следовательно, обезоруживает перед ним как нынешние, так и грядущие поколения. А ведь эта природа, по всей видимости, вполне элементарна — и именно по этой причине она оставалась «невидима» для немцев в нацистские времена. Дело в том, что в жизни сочетание преступления и нормы гораздо сложнее и тоньше, чем в теории, и потому в повседневности зачастую существует неуловимая диалектика взаимодействия недопустимого и нормального. Поэтому ответ на вопрос о природе зла равносителен ответу на вопрос о том, где пролегает рубеж, за которым «дозированное зло» вдруг превращается в «диалектическую доминанту», становясь основой социального бытия.

Адекватное изучение прошлого, требующее учета многогранности, многоплановости и неоднозначности каждого события истории, не всегда оказывается по плечу даже профессиональным историкам, не говоря уже о неспециалистах, просто пытающихся найти собственное понимание произошедшего.

Преодоление стереотипов и упрощений, характерных для отечественных работ, посвященных истории государства и общества Третьего Рейха, составляет одну из важнейших целей настоящей работы. Речь, разумеется, не о том, чтобы вместо отрицательной утвердить положительную характеристику социальной истории нацизма. Речь о формировании новых, более интегральных, многомерных и сложных, одним словом, более верных представлений о ней.

Во-первых, автор ставит перед собой цель разрушить стереотип представления о нацистском государстве как

монолитной и жесткой системе власти, которая — по сравнению с любой демократической властью — действовала всегда эффективно и эффективно. При внимательном и спокойном анализе стереотип всемогущего государства во главе со всемогущим «фюрером» рассыпается как картонный домик. На поверку «сильное государство» (которое и ныне многим представляется панацеей от всех бед) лишь временами действовало внешне эффективно, но никогда — эффективно в исторической перспективе. Это очень важный исторический урок, который на самом деле довольно трудно усвоить, ибо и демократическое государство часто выглядит беспомощно перед многими социальными и другими проблемами, но важным преимуществом демократической системы является то, что в природе демократии заложены возможности свободного обсуждения проблем и своевременного осуществления необходимых изменений, в то время как тоталитарная система не в состоянии даже почувствовать свое нездоровое состояние, поскольку тоталитаризм сам и есть — болезнь.

Во вторых, ликвидации подлежит стереотип представления о немецком обществе в период Третьего Рейха как царстве всеобщих несправедливости, угнетения и несвободы. Я далек от мысли, что Третий Рейх был в социальном отношении лучезарным «городом солнца», но хочу показать, что в разных аспектах социальной истории он был разным. С одной стороны, он был в самом деле первым прецедентом «*welfare state*» в европейской истории, а, с другой стороны, в иных сферах социальной политики (по отношению, к примеру, к крестьянам, в женской политике) был абсолютно несовременным, утопическим государством. Расово-национальный аспект социальной политики нацистского государства, — который, как правило, выходит на первый план при разговоре об общественной эволюции Третьего Рейха, — также требует самостоятельного анализа и вплетения в историко-социальный контекст.

Социально-политическое развитие Германии в 30-е гг. бросило вызов и марксистской, и либеральной теориям исторического развития и прогресса, в итоге дискредитировав их. В соответствии с либеральной просветительской теорией, в Германии должна была осуществиться в

первую очередь демократизация, ибо именно в Германии в ту пору наблюдалась самая высокая в мире степень грамотности населения. По марксистской же теории Германия — как высокоразвитая капиталистическая страна, имеющая самый сознательный и многочисленный рабочий класс, — должна была в своем революционном развитии указать путь другим странам. То, что произошло в Германии на самом деле, опрокинуло все расчеты и предположения. Поэтому, избавившись от догматических подходов и суждений, следует обратиться прямо к тому, что именно привлекло в национал-социализме молодежь, крестьян, женщин, военных, студентов, пенсионеров, ученых, служащих, торговцев, ремесленников, представителей вольных профессий, других людей, что побудило их оказывать постоянную поддержку «чудовищному», как нам сейчас представляется, режиму. Какова внутренняя логика такого развития, что конкретно побуждало разные социальные группы в Германии принимать и приветствовать нацизм?

Каждый тоталитарный режим оказывал своеобразное магическое воздействие на людей — он очаровывал, околдовывал мифами, декорациями, инсценировками. С точки зрения политкорректности трудно даже признать сам факт столь продолжительного магического воздействия на людей. Во многом именно поэтому после 1945 г. в Германии и Европе в целом сознательно оттесняли это малоприятное признание на второй план, старались игнорировать, в итоге сформировав в обществе «комплекс недоговоренности».

Для того, чтобы по-настоящему преодолеть нацистский тоталитаризм, — а не «отмахнуться» от него, толком не зная и не понимая ни его природы, ни его истории, — необходимо говорить о нормальной, позитивной стороне истории Третьего Рейха так же подробно и открыто, как и о его преступной, антигуманной сущности. Этот разговор должен вестись спокойно, свободно и — самое главное — строго научно, без опасения быть заподозренным в симпатиях к нацизму, без страха задеть память жертв нацистского террора и обелить преступные деяния, более уместного в публицистике, а не в специальном исследовании.

При этом восстанавливать историю эволюции различных социальных групп Третьего Рейха следует не в современных понятиях и категориях, а в понятиях и категориях того времени, о котором идет речь. Также «с поправкой на прошлое» необходимо учитывать и психологический фактор. При этом важно соблюдать определенную — чисто человеческую и идеологическую — дистанцию по отношению к предмету обсуждения.

Так, например, если мы попробуем понять, почему нацистское движение оказалось массово-молодежным, то увидим, что произошло это по причине того, что нацисты сделали ставку на культ красоты, героизма, мужества, чувства общности, отвергнув при этом культ интеллектуализма. Нацистские идеалы были весьма живучими и двигали многими молодыми людьми по причине своей романтической притягательности, утверждавшей возвышение над обыденностью¹. Крупной ошибкой было бы считать причиной воздействия нацизма на молодежь только насилие и жестокость. Встает вопрос: каким образом гитлеровцы смогли превратить молодежные романтические ценности в боевые понятия и лозунги милитаристского и популистского движения обновления?

Другой пример. Нацистский режим обеспечил невиданную ранее не только в Германии, но и в мире социальную защищенность женщин, причем эта защищенность не была следствием эмансипационных устремлений и процессов, а носила патриархально-шовинистический характер. Даже во время войны в демократических западных странах и в Советской России мобилизация женщин либо на строительные-оборонные работы, либо на труд на оборонных предприятиях и во вредном производстве была значительно выше, чем в Германии — Гитлер был категорически против массового привлечения немецких женщин к производственной деятельности, которая, на его взгляд, могла серьезно повредить самой главной и основной женской функции воспроизводства и воспитания подрастающего поколения. Во время войны основным занятием большинства немецких женщин было периодическое протирание пыли в покинутом мужьями, братьями и сыновьями доме. Нацисты вообще хотели уподобить весь

немецкий народ высокородной семье, корни которой известны до глубокой древности: такой подход к немецкой общности, несомненно, должен был вызвать возвышенные чувства гордости в связи с принадлежностью к ней. Хранительницей этой семьи в глазах нацистов была женщина. Эта тема тем более любопытна и привлекательна для рассмотрения, что во многих других странах, особенно в нашей, эмансипация женщин привела не к разумному, настоящему освобождению женщин от бремени разного рода обязанностей, препятствующих гармоническому развитию, а, наоборот, под маркой ложной эмансипации — к двойной нагрузке — и на производстве, и на работе по дому, от которой в действительности никто женщин не освободил. Как же интерпретировать такой важнейший элемент социальной истории, как женский вопрос, в случае с нацистской Германией? Следует ли сделать вывод о том, что Гитлер, в отличие и от либералов, и от марксистов, и от феминисток, был гораздо ближе к пониманию места и роли женщины в современном обществе? В литературе часто встречается мнение о том, что нацизм якобы был тесно связан с авторитарной семьей, но ведь эта самая «авторитарная семья» прекрасно существовала и в демократической Франции, и в либеральной Британии, и в большевистской России. Таким образом, анализ истории решения женского вопроса в Третьем Рейхе должен носить самостоятельный характер и не может быть простой производной от общей оценки нацистского государства как тоталитарного и преступного.

Хотя в Германии аграрный вопрос не играл сколько-нибудь существенной роли к 1933 г., но нацисты и здесь смогли провести весьма радикальные и значимые социальные преобразования, о которых крестьяне могли ранее только мечтать: «закон о наследственных дворах» ввел в Германии правило принципиальной неотчуждаемости крестьянских земельных владений — даже за долги. Как нетрудно понять, это была вековая и, казалось, невыполнимая крестьянская мечта не только в Германии, но и во всем мире. Обеспеченность крестьянского существования, таким образом, составила весьма примечательную и существенную черту нацистского режима. Разумеется, эта обеспеченность досталась крестьянам не даром — они долж-

ны были подчиниться нацистской экономической унификации и планированию, выполнять планы, осуществлять обязательные поставки по фиксированным ценам, рыночные установки были значительно ограничены в действии. Аграрный «папа» нацистов Вальтер Дарре, как впрочем, и другие главари режима, сильно идеализировал крестьянский труд — это часто интерпретируют как своеобразный антимодернизм, что, очевидно, противоречило интересам Германии в целом. Встает вопрос, как же в таком случае оценить итоги и направленность аграрной политики нацистов, как ее осмыслить теперь — в условиях, когда крестьянские среда и культура, обладающие несомненными преимуществами близости к природе и пониманию природы, ныне теряются во все возрастающей степени — и не только в индустриально развитых странах?

Совершенно иная картина предстает перед нами при рассмотрении среднесловной политики нацистов. На деле она была не столь последовательной, как в остальных случаях, а ведь в современных представлениях национал-социалистическое движение было преимущественно движением, имевшим «мелкобуржуазное происхождение».

Масштабы вопросов, которые ставит перед собой автор, кажутся совершенно непомерными и чересчур претенциозными перед лицом высокоразвитой современной немецкой историографии Третьего Рейха. Однако — при всей ее обширности, детальности и обстоятельности — эта историография обладает одним «изъяном»: она озабочена в первую очередь процессом национального перевоспитания, покаяния, преодоления искушения немецкого народа нацизмом. Такая нацеленность немецкой историографии производит каждый раз огромное впечатление и достижения современного немецкого обществоведения в этом направлении несомненны и ясны². Такая ориентация немецких ученых, хотя и похвальна и очень эффективно и благотворно воздействует на немецкое общество в процессе его перевоспитания и достижения демократической консолидации, но, к сожалению, мешает научному — то есть, беспристрастному — проникновению в историческое прошлое, создает часто одномерную картину прошлого, что, в свою очередь, небезопасно, с точки зре-

ния долгосрочных, а не сиюминутных интересов сохранения и воспроизводства демократической общественной модели.

Автор намеренно «выводит за скобки» вопросы, связанные с нацистской политикой расовой дискриминации, эвтаназией, преследованиями политических противников Третьего Рейха, поскольку эти вопросы уже рассматривались в предыдущей книге, посвященной негативному аспекту гитлеровского социализма, а также будут рассмотрены в следующей книге, где среди прочего акцент будет сделан на морально-этических проблемах в истории Третьего Рейха. Это указание должно предвосхитить возможные подозрения автора в излишне «лояльном» отношении к нацизму. Нацистский тоталитаризм, так же, как и советский, отвратителен и чем более углубляешься в его историю, тем он становится еще более неприглядным. Иными словами, знание ничуть не релятивирует нацистский антисемитизм, расизм, нацистскую евгенику и террор.

Часть I

СТАРЫЕ И НОВЫЕ ИНСТИТУТЫ ВЛАСТИ В ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ: ДИАЛЕКТИКА ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И НЕМЕЦКОЕ ОБЩЕСТВО

ВВЕДЕНИЕ

В Третьем Рейхе вследствие нацистской «революции» произошли значительные перемены в системе организации власти — эта новая ситуация, новая диалектика взаимодействия различных государственных (новых и старых) институтов и составляет предмет анализа в данной части работы.

Прежде всего привлекает внимание особое положение Гитлера в государстве — оно является совершенно беспрецедентным для немецкой, да и для европейской традиции организации власти. Литература по этому вопросу совершенно необозрима, и публикуются все новые и новые исследования. В этом море биографических исследований легко потеряться, поэтому прежде всего нужно найти приоритеты в анализе положения Гитлера в системе власти. Представляется, что наиболее существенной проблемой является проблема харизмы Гитлера — очень необычной (если такое определение применимо к ней), мощной и устойчивой. Порой кажется, что к ней можно свести все особенности власти в Третьем Рейхе. Поэтому в данной части работы большое место уделено харизме Гитлера и ее различным ипостасям и проявлениям.

Сама по себе харизма — это всего лишь форма, не открывающая еще мировоззрения ее носителя, поэтому к мировоззренческим основаниям и гитлеровской идеологии также следует отнестись с необходимым вниманием. В свою очередь, личность политика и ее идеологическая мотивация не могут раскрыться как значимые факторы без учета политического стиля и точного определения места политика в системе власти. Этими тремя приори-

тетами автор и ограничился в своих попытках определить масштабы и границы влияния Гитлера на власть в Третьем Рейхе.

Наиболее существенный тезис, который автор намерен отстаивать в этой части работы состоит в том, что в сфере властных отношений в Третьем Рейхе царило не однообразие и унификация власти, не ее централизация, а — невиданная для Германии с ее легендарной прусской иерархией и порядком в сфере властных отношений — анархия компетенций различных органов власти. Этот «институционный дарвинизм», царивший в Третьем Рейхе и позволил новым властным институтам (партии, СС, фюреру) добиться совершенно нового качества власти, которая весьма энергично принялась за преобразования облика немецкого общества.

Состояние государственных институтов власти в Третьем Рейхе составило объект анализа в первой части книги, а то, насколько далеко зашли эти преобразования общества и какую направленность они имели — составляет предмет анализа во второй части книги.

ГЛАВА I

**ГОСУДАРСТВО, ФЮРЕР И ЕГО НАРОД:
МИФ ГИТЛЕРА И ЕГО МЕСТО В ИСТОРИИ
ТРЕТЬЕГО РЕЙХА**

«We know what Heaven and Hell may bring,
But no man knoweth the mind of the King³».

(R. Kipling)

«Ввиду моих политических способностей все в значительной мере зависит от меня, от моего существования. Ведь этот факт, что никто, пожалуй, не пользуется таким доверием немецкого народа как я. В будущем, верно, никогда не будет другого такого человека, который имел бы авторитет больший, чем имею я. Следовательно, мое существование есть фактор огромного значения. ...Наши противники имеют лидеров ниже среднего уровня. Ни одной выдающейся личности. Ни одного властелина, ни одного человека действия».

(Гитлер 22 августа 1939 г.)⁴

«Гитлер оказался одним из тех необъяснимых феноменов, которые появляются в человеческой истории крайне редко. Его личность определяла судьбу нации. Вся нация была зачарована им, что с народом в истории случается крайне редко».

(А. Шнеер)⁵

«Крушение гитлеровского предприятия не делает его дураком, так же как масштабы предприятия не делают его великим человеком».

(Б. Брехт)⁶

Особенности харизмы Гитлера и его влияния на окружение и немецкую общественность

Самый крупный из современных биографов Гитлера — Йоахим Фест — в 1995 г. сказал, что со временем портрет Гитлера становится все более расплывчатым и неясным⁷, а автор одной из наиболее интересных и относительно недавних биографий Гитлера Райнер Цительман подчеркивал, что «исследования истории Гитлера только начинаются»⁸. Эти исследования тем более важны, что в истории современного мира (в политическом и нравственном отношении) Гитлер сыграл столь значительную роль, что, как писал Перси Шрам, «определение своего отношения к фигуре этого странного и страшного человека составляет первостепенный политический долг каждого»⁹. Немецкий социолог Ю. Кока считал, что любое адекватное объяснение нацизма и особенностей истории общества в Третьем Рейхе возможно лишь при выяснении несводимой ни к каким структурным проблемам немецкой истории роли Гитлера в этих процессах¹⁰. В обеих тоталитарных системах XX в. — советской и нацистской — трудно переоценить роль харизматических лидеров. Огромной трагедией современного мира было то, что в России в лице Ленина и в Германии в лице Гитлера демократия имела врагов исключительно большого калибра, они воплощали собой волю к власти в уникальной для нашего времени степени. И Гитлер и Ленин были продуктом эпохи сильных политических страстей, оба чувствовали себя в своей тарелке только в среде, где стремление к власти через заговоры, агитацию и силу было главной целью бытия. В этой безрадостной политической стихии Гитлер, как и Ленин, был полным властелином. Гитлер обладал таким же интеллектуальным эгоизмом, никогда не сомневался в себе, был безжалостен в личных отношениях, предпочитал силу дискуссии и, что особенно важно, был способен сочетать абсолютную верность одной долговременной цели с ловким оппортунизмом¹¹.

Биографию Гитлера следует рассматривать как биографию Бисмарка, Ришелье или Кромвеля; историку уже нет необходимости внушать, что Гитлер был отвратителен, что он — главный злодей XX в., а Третий Рейх — ужасен: та-

кие метафизические и морализаторские позиции уже не помогают на пути продвижения к истине, что, собственно, составляет цель истории. Несмотря на справедливость обличений, обвинений и морализма в отношении истории Третьего Рейха, все же следует констатировать, что первоначальный успех, которого добился Гитлер, является беспрецедентным в немецкой истории, а его некоторые военные достижения вообще не имеют себе равных в современной истории. С другой стороны, существует опасность, что, ограничивая повествование личностью Гитлера, можно легко фальсифицировать историю, даже не отходя от исторической правды. Сейчас очевидно, что немцы верили скорее в фюрера, чем в обскурантистскую доктрину нацизма, соответственно и Гитлер чувствовал себя неким универсальным гением, наподобие Фридриха Великого¹²; наверное поэтому Гитлер и не терпел фамильярности.

Как писал один из самых проницательных биографов Гитлера Перси Шрамм, Гитлер, исходя из объективно ясных и определенных посылок, действовал совершенно безрассудно, почти полностью теряя контроль над собой, при этом под тяжелейшим бременем ответственности его нервы напрягались до такой степени, что он переставал быть адекватным и словно превращался в медиума. Соответственно, указывал Шрамм, сложно прийти к заключению, до какой степени к действию его побудила логика, а до какой — врожденный инстинкт¹³. К тому же Гитлер был очень скрытным человеком, поэтому оппоненты обычно его сильно недооценивали; эта недооценка во многом и была причиной его сенсационных успехов на первом этапе карьеры. Необыкновенный для немца темперамент Гитлера, его невероятную энергичность и эмоциональный напор часто объясняют тем, что он был психически больным человеком, психопатом, злые на язык берлинцы говорили, что от злости Гитлер кусает ковер (называли его *Teppichbeißer*). Вероятно, Гитлер в самом деле был психопатом, как и Лютер, Торквато Тассо, Жан-Жак Руссо, Наполеон, Бетховен, Маркс, Бисмарк, Ван Гог, Ницше. Немецкий психолог Ланге-Эйхбаум писал: «Психопатическая аффективность может стать побудительной причиной, которая развивает талант, расширяет и углубляет

его. Внутренняя нервозность, беспокойство, изменение настроения позволяют увидеть многие вещи в самом различном освещении. Таким образом, взгляд на возвращающееся, на постоянное, на существенное обостряется. Психопат — с его быстрыми изменениями представление о жизни, вечной жадной раздражения, жадностью к новому — проникает в многочисленные области. Это расширяет горизонт, развивает внутренние возможности, даже раскрывает неведомый до сих пор талант»¹⁴. Известный итальянский судебный криминалист Чезаре Ломброзо утверждал, что гений — это безумие.

Как бы там ни было, но мнимая или истинная психопатия Гитлера усиливала действие его харизмы на людей. Иные историки усматривали причины гитлеровской харизмы в другом: итогом гитлеровской биографии Вернера Мазера является утверждение о том, что Гитлер — это результат интенсивного кровосмешительства (*Produkt einer dichten Inzucht*); биограф перечисляет при этом 250 предков фюрера¹⁵. Это исследование показывает кровосмесительные связи у предков Гитлера, но вряд ли дает ясную перспективу в интерпретации его исторической роли.

Прежняя марксистская историография предлагала интерпретацию не Гитлера и его харизмы, а национал-социализма в целом, поэтому в данном вопросе она помочь не в состоянии. Представления марксистской историографии о Гитлере как о циничном узурпаторе и кровавом маньяке, действовавшем в интересах реакции, следует отбросить: уничтожение политических противников, гибель огромного количества народа в концентрационных лагерях и холокост не были для Гитлера самоцелью, но лишь побочными продуктами войны. Если попытаться релятивировать происшедшее в Третьем Рейхе, может быть, Гитлер уже и не будет казаться сумасшедшим или глупцом? Может быть, логичнее будет считать, что вряд ли найдется человек, начисто лишенный добродетелей или хотя бы благих порывов? Может быть, следует избегать желания представить Гитлера смехотворным и жалким по той причине, что он в итоге проиграл: ведь Наполеон тоже проиграл. Слишком много разумных людей ему доверяло — в 1958 г. Голо Манн писал: «Если бы Гитлер имел толику умеренности, то для Германии начался бы легитимный

период истории и Гитлер правил бы до сих пор»¹⁶. То, что смог сделать Гитлер до 1938 г. — это беспрецедентная революция в дипломатии. Фест в своей великолепной биографии Гитлера повторил ту же мысль: если бы Гитлер умер в 1938 г., его рассматривали бы как самого значительного государственного деятеля в истории¹⁷. Не случайно уже к 1935 г. 1133 улицы и площади во всем мире были названы именем Гитлера¹⁸. У него была глубокая политическая интуиция, бесспорный стратегический дар, великолепная память (составляющая главный компонент интеллекта), он необыкновенно быстро читал, умел точно и убедительно излагать свои мысли. Гитлер прилично изъяснялся на французском языке: он изучал его в реальной школе 5 лет по 5 часов в неделю, а на фронте совершенствовал свои знания. Йозеф Попп, долго проживший в Америке, оценивал знание Гитлером английского языка как поразительно хорошее¹⁹. Из философов Гитлер больше всего читал и часто цитировал Шопенгауэра²⁰. В библиотеке Конгресса США хранится личная библиотека Гитлера. Собрание состоит из 2 тысяч книг и прочих материалов, найденных в Рейхсканцелярии в Берлине, в Бергхофе, или в Бергене у Берхтесгадена. Там много литературы псевдорелигиозного содержания, книг о нордическом духе и расистской литературы. Характерные пометки Гитлера свидетельствуют о его внимательном чтении этих книг. Гитлер читал в переводах Софокла, Гомера, Аристофана, Горация, Овидия. Особенно он любил старые немецкие сказания и почти наизусть помнил 25 тысяч строк «Парсифаля». Его живейший интерес вызывали Лютер, доминиканский монах Савонарола, Цвингли, Кальвин, учения Конфуция и Будды. В заключении в Ландсберге он читал Трейчке, Ранке, Маркса и мемуары Бисмарка²¹.

Гитлер обладал бесспорными светскими талантами (очевидцы отмечали его австрийскую манерность и склонность к жестикуляции²²); он умел втереться в доверие к обиженным и неимущим слоям общества и сохранить их уважение во времена духовного упадка; у него было великолепное чутье момента и почти сверхъестественная способность извлекать выгоду из ошибок, совершенных его политическими противниками. Он смог быстро и безжа-

лостно расширить ограниченную власть, которая попала ему в руки в январе 1933 г., и по прошествии двенадцати месяцев стал хозяином страны.

Как и многие диктаторы до него (Наполеон или Цезарь, например), Гитлер, обладая прекрасной памятью, был жадным читателем, умел отыскивать и запоминать факты, чтобы затем при любой возможности их использовать, подкрепляя свои идеологические послышки. Особенно большое впечатление производила его способность удерживать в голове огромное количество фактов и цифр: Гитлер часто спорил с адмиралом Редером о калибрах английских кораблей и неизменно выходил победителем. По мнению Редера, Гитлер, благодаря упорным занятиям и изучению технической документации, имел весьма обширные познания в разных сферах организации и строительства ВМФ, а в знании деталей, благодаря своей превосходной памяти, превосходил даже специалистов²³. Аргументацию подкрепляли его удивительные способности рассказчика; он мог импровизировать на любые темы из своего прошлого или фронтовых переживаний²⁴. Шпеер, во время войны регулярно обсуждавший с Гитлером проблемы вооружений, не уставал поражаться его компетентности: Гитлер всегда знал, какими видами вооружений и боеприпасов оснащен вермахт; он помнил калибр снарядов, длину стволов орудий и дальность их стрельбы, количество важнейших видов военной продукции и запасов снарядов, хранящихся на складах, объем их месячного производства. Шпеер писал, что Гитлер легко ориентировался в технических процессах и легко разбирался в планах и чертежах, его вопросы свидетельствовали о детальном знании. За короткое время доклада он успевал схватить суть даже самых сложных обсуждаемых проблем²⁵. С другой стороны, стоило Гитлеру столкнуться с ясным и незамутненным сознанием, он сразу утрачивал свою силу убеждения. Так, вспоминают, что на одном из совещаний двое молодых офицеров прервали его и с фактами в руках доказали, что приводимые Гитлером сведения устарели. После этого тот, даже не пытаясь спорить, покинул помещение²⁶.

Шпеер, попавший под месмерическое влияние Гитлера, писал, что «при обсуждении строительных планов в полной мере проявлялась способность Гитлера быстро

схватывать суть проекта, зрительно соединять горизонтальную проекцию и виды в разных ракурсах в единое пластическое целое. При обилии дел государственного уровня, при том, что речь шла о 10—15 стройках в разных городах Рейха, он, даже имея дело с измененными проектами, месяцы спустя немедленно разбирался в чертежах и вспоминал, на каких изменениях он настаивал прежде²⁷. Объем познаний Гитлера об архитектуре (не бывая прежде в Париже, в июле 1940 г. он для своих спутников провел экскурсию в только что захваченной французской столице на таком уровне, будто долго жил в этом городе и специально его изучал) и его потрясающее умение схватывать исторические и архитектурные детали общеизвестны. Это, без сомнения, указывает на то, что у Гитлера были хорошие профессиональные задатки архитектора. Мемуары Шпеера особенно интересны по той причине, что их «неискренние разоблачения Гитлера задним числом» вызывали у современников, и после 1945 г. оставшихся лояльными Гитлеру (например, у скульптора Арно Брекера), негативную реакцию²⁸. Напротив, апологетические воспоминания о Гитлере оставил архитектор Герман Гислер²⁹, который также был фаворитом Гитлера.

Прослушивая старые записи Гитлера, трудно понять многократно отмеченную мемуаристами завораживающую силу его речей, а эмоциональность фюрера и намеренная вульгарность стиля еще более затрудняют это понимание. Как указывал Фест, секрет заключался в магической связи, возникавшей между оратором и слушателями, как только с уст Гитлера срывалась первая фраза. Во время публичных выступлений, когда Гитлер выходил из себя, его речь, обычно неловкая и нерешительная, вдруг превращалась в магический поток слов, который зачаровывал аудиторию. Это выглядело так, будто он сам вслушивался в чужой разум, вступивший в обладание его душой. Затем, истощив силы, он вновь становился одиноким человеком, низвергнутым с высот оргиастического экстаза и лишенным той харизматической силы, которая только что давала ему возможность владеть своей аудиторией. Один из первых биографов Гитлера Алан Буллок отмечал: «Манеры Гитлера, эмоциональная природа его речей, при-

водящих его почти на грань истерии, выплескивающих ненависть и злопамятность, оказывали сильное влияние на аудиторию. Ему удавалось передать свою страсть тем, кто его слушал. Люди стонали и свистели, женщины были не в силах сдерживать рыдания, все были подхвачены колдовской волной мощных эмоций, где смешивались ненависть и возбуждение... Магическая власть, которую он имел над толпой, была схожа с оккультными обрядами африканских колдунов или азиатских шаманов. Ее также сравнивали с чувствительностью медиума или с магнетизмом гипнотизера»³⁰. С помощью магии живого слова Гитлер сумел выразить чувство ненависти, переполнявшее его современников, и отразить их желания и надежды. Один из современников писал, что в конце 1944 г., несмотря на ощущение приближающейся катастрофы, толпа продолжает молиться на фюрера. «И даже, — писал он, — если у нас наберется несколько процентов его противников, ему достаточно произнести одну только речь, как все прибегут к нему снова, все! В самом начале, когда в северной Германии он был совершенно неизвестен, я не раз слышал его в Мюнхене. Никто ему не сопротивлялся. Я тоже. Перед ним нельзя устоять». На вопрос собеседника: почему никто не мог противиться Гитлеру, тот повторил, не колеблясь ни секунды: «я этого не знаю, но устоять перед ним нельзя»³¹.

Гитлер обращался к затаенной обиде и скрытым желаниям каждого немца в отдельности и к настроению всех немцев вместе взятых. Фест писал: «Без этого соответствия между индивидуально — и общественно — патологической ситуацией приобретение Гитлером столь удивительно сильной власти над душами немцев немислимо. То, что в данный момент переживала страна — череду разочарований, упадок, утрату общественного положения, поиски виноватых и объектов ненависти, — уже давно испытал сам Гитлер. С тех пор он имел под рукой все объяснения и отговорки, выучил все лозунги и знал в лицо своих обидчиков; это придавало его собственным формулировкам иллюстративный характер: люди узнавали в нем самих себя»³². В книге «Гитлер и я» Отто Штрассер отрицал значение интеллектуальных аргументов фюрера, базирующихся на книгах, содержание которых он едва ус-

воил, «но стоило ему отбросить эти костыли и смело броситься вперед, позволяя Духу говорить его устами, как он немедленно превращался в одного из величайших ораторов нашего века... Адольф Гитлер входит в зал. Он чувствует его атмосферу. Лишь минуту он движется вслепую, нащупывая верный путь. Затем внезапно взрывается. Слова его летят, подобно стрелам, и попадают в цель. Он обнажает тайные раны, высвобождая подсознание масс, чьи самые секретные желания он выражает и кому он рассказывает о том, что сам хочет услышать»³³.

Тем немцам, которые были аполитичны и питали недоверие к политикам по причине корыстной и торгашеской деятельности партий Веймарской республики, Гитлер предложил спасение в искусстве и мифе. Себя он считал скорее художником, чем политиком, находясь под впечатлением слов Чемберлена о собственной персоне, что «идеальная политика заключается в ее отсутствии». Приняв эти слова близко к сердцу, Гитлер подменил обычные прозаические цели политики грандиозной концепцией немецкого предначертания и придал эстетическое значение политическим ритуалам посредством их драматизации³⁴. Своими речами Гитлер стремился скорее сломить эмоциональное сопротивление слушателей, чем воззвать к их интеллектуальным способностям; его величайшие ораторские достижения на ежегодных съездах партии в Нюрнберге, подобно творчеству романтиков XIX в.³⁵, строились на магической силе символов, ритуала и музыки. В романтизме Гитлера заключается самое важное отличие его харизмы от харизмы Ленина: Ленин был революционером религиозного типа, а Гитлер — романтиком. Это точно отметил Томас Манн в эссе 1939 г. «Брат Гитлер». Многие приметы указывали на его реакции как художника романтического склада. Художественный подход Гитлера был абсолютно необходим в Германии, а ленинский фанатизм религиозного типа никогда бы там не сработал, поскольку немцы были самой образованной нацией мира. Покорить их разум было трудно, а чувства и сердца — вполне возможно³⁶.

Язык Гитлера, подчас неуклюжий и вульгарный, черпал свою энергию в настроении, нагнетаемом внелитературными средствами. На взгляд Гитлера, немцы должны

«ощущать», «слышать голос крови», «чувствовать экстаз судьбы» (словосочетание изобретенное Хайдеггером), а затем уже действовать с «жесткостью» и «фанатизмом», как и предписывал фюрер³⁷. Гитлер апеллировал к героизму и самопожертвованию. Тонкий знаток истоков нацизма Карло Мирендорфф указывал, что типичным приверженцев нацизма является молодой человек в возрасте от 18 до 26 лет, которого более всего увлекает пропагандируемый нацистами «героизм»³⁸. Всем своим видом и поведением Гитлер умел показать, что предчувствует новый героический языческий яростный мир, поэтому, как указывал Перси Шрамм³⁹, феномен Гитлера нельзя объяснить, рассматривая его социальное происхождение и влияние на него различных интеллектуальных течений: он сам по себе представлял ясно выраженного сильного харизматика, источником силы которого была ненависть. При этом огромное значение имело то обстоятельство, что австриец Гитлер и в собственных глазах, и в глазах немцев смог идентифицировать себя с Германией, точно также как грузин Сталин идентифицировал себя с Россией, а корсиканец Наполеон — с Францией; старинная мудрость гласит, что нет пророка в своем отечестве.

Фест указывал, что «Гитлер оказался первым, кто — благодаря строго подобранным эффектам, театральным декорациям, иступленному восторгу и суматохе обожания — возвратил публичным зрелищам сокровенный смысл. Их впечатляющим символом был огненный свод: стены из волшебного света на фоне темного, угрожающего внешнего мира. Если немцы могли и не разделять присутствующий Гитлеру аппетит к пространству, его антисемитизм, вульгарные и грубые черты, то сам факт, что он снова придал политике величественную ноту судьбы и включил в нее толику страха, принес ему одобрение и приверженцев»⁴⁰. Гитлер был слишком хитер чтобы просто перенять антисемитские предрассудки и стереотипы своих земляков — как истинный художник он стремился к совершенно оригинальной картине, в которой религиозное видение мира было соединено с биологическими представлениями о продуктивности и дегенерации. Особую силу гитлеровскому антисемитизму придавало то, что он был одновременно и инструментальный и искренний.

Если же остановиться на первых 6 годах его 12-летнего правления, то оказывается, что Гитлер смог достичь многого такого, чего от него не ожидали ни его сторонники, ни враги. В раздираемой противоречиями СДПГ не нашлось по-настоящему интеграционной фигуры; увлекая за собой всех конкурентов, Гитлер смог стать таковой в НСДАП, которая под его руководством сотворила в предвыборной борьбе нечто беспрецедентное и невиданное в парламентской истории Германии: в 1928 г. гитлеровская партия имела 12 мест в парламенте из 600; после выборов в сентябре 1930 г. она стала второй, а после июльских выборов 1932 г. — первой партией по числу мандатов в Рейхстаге. Важнейшим фактором роста общественной популярности НСДАП были парамилитаристские отряды партии — СА. Себастьян Хаффнер писал, что сотворенная Гитлером армия гражданской войны — СА — оказалась самой эффективной и действенной организацией из всех партийных армий Веймарской Германии⁴¹. СА были на голову выше других по агрессивности, жажде борьбы, жесткости. Более того, когда потребность в агрессии на внутривнутриполитическом фронте отпала, Гитлер смог удержать эту вольницу из неуправляемых ландскнехтов и безработных на «легальном курсе», что, очевидно, было очень и очень непросто. Личный магнетизм Гитлера оставался с ним до конца, и только им можно объяснить повиновение ему до последнего часа, когда аппарат насилия и принуждения уже не действовал, и Рейху настал конец.

Многие думали, что демагогические способности Гитлера не помогут ему в практической работе, но эти люди ошибались: после прихода к власти Гитлер оказался чрезвычайно энергичным, напористым и фонтанирующим удачными тактическими находками политиком; можно даже сказать, что Гитлер оказался организационным гением, способным создать эффектный и временами эффективный аппарат власти и полностью его контролировать. Но самым большим достижением Гитлера было привлечение на свою сторону всей нации, даже тех, кто до 1933 г. был против него. Большинство немцев инстинктивно стремилось дистанцировать Гитлера от всего, что им не нравилось в нацизме, наподобие того, как в старой

России крестьяне наивно верили в хорошего царя: «если бы царь-батюшка знал»...

Во многих отношениях ход мыслей Гитлера был обычным для интеллигенции и народа его эпохи; гитлеровские идеи базировались на трех аксиомах: социал-дарвинизме с его извечной борьбой между народами и расами, приоритете расы перед личностью и ведущей роли выдающейся личности. Гитлер считал, что евреи были ведущей силой в революциях 1789, 1917 и 1918 гг. Евреи оказывались во главе угнетенных и, будучи интеллигентнее их, руководили борьбой против государства и церкви, а наиболее ярким примером реализации этой схемы Гитлер считал Россию. Значительная часть современников Гитлера, в том числе и немцев, думала так же, а если припомнить, что в 1933 г. большинство немцев отрицательно относилось к левым и что немецкие коммунисты находились под полным контролем Сталина, картина становится яснее. Да и после Второй мировой войны в отношении к евреям мало что изменилось: разве у нас в стране евреи перестали быть маленьким нелюбимым меньшинством, разве не заметно было желание в кризисы сделать это меньшинство козлом отпущения? Да и расизм, теперь совершенно неприемлемый в нормальном обществе, весь XIX в. и первую треть XX в. был обычным делом, а представление о равенстве всех рас — большой редкостью. Хотя расизм — это то, что на самом деле по-настоящему выделяет национал-социализм из череды «империализмов» в человеческой истории.

Парадокс заключается в том, что кровавый маньяк Гитлер по своему образу мысли и порядку умозаключений (но не по масштабам харизмы) был совершенно заурядным и нормальным немецким интеллигентом, представления которого о мире и месте Германии в нем не выходили за пределы обычных представлений немцев его времени: в противном случае он не нашел бы генералов для своих войн, не нашел бы такое большое количество помощников для ликвидации мнимых и настоящих врагов Рейха, не получил бы столь фронтальной и всеобщей поддержки своих действий и политики практически по всем направлениям. Весьма уместной кажется максима Андре Глюксмана, который, подчеркивая «нормальный» харак-

тер умозаключений Гитлера, писал: «Проблема Гитлера не в том, что он совершил то, что хотел, а в том, что ему позволили это сделать. Тайну следует искать не в его безумии, а в его современниках, которые наделили его безумие властью. Спрашивать, как был возможен Гитлер, значит спрашивать Европу, как она его допустила, — то есть спрашивать самих себя. В конечном счете приходишь к убеждению, которое не терпит лжи: я — возможность Гитлера, я и есть Гитлер»⁴².

Чем Гитлер выделялся среди современников, так это только необычно мощной харизмой. Именно в ней заключается тайна Гитлера, его воздействия на людей, почти магического свойства внушать людям свои мысли; он говорил с гипнотической убедительностью, его слушателей увлекала волна энтузиазма, от его нелепой фигуры и необычных усов (Гитлер носил их для того, чтобы скрыть слишком широкий нос) и физиономии, выдающей смешанный, отнюдь не арийский расовый тип (если о таком вообще имеет смысл говорить), исходила невероятная притягательная сила, которой подчинялись как отдельные люди (очень немногие могли противостоять действию его харизмы), так и толпа. Любопытно, что Гитлер родился под знаком Тельца, как Ленин и Робеспьер — у этих людей в самом деле было нечто общее в способности увлекать и завораживать людей. Один человек из окружения Гитлера сравнил тип поведения Гитлера с поведением капризного и своенравного ребенка, единственного в семье, только масштабы этой «семьи» были гораздо больше обычных. Гитлер обладал уникальной способностью убеждать людей, скептически настроенных к его планам и суждениям. Отто Штрассер передавал: «Гитлер реагировал на вибрацию человеческого сердца, как самый точный сейсмограф, что и позволяло ему исполнять функцию репродуктора, делающего всеобщим достоянием запретные инстинкты, заветные чаяния, мятежные настроения целой нации»⁴³. Эти мощные признаки своей харизмы Гитлер начал выказывать приблизительно с 1927 г., когда он во все большей степени стал превращаться в тонкого психолога, умеющего быстро устанавливать контакт с людьми⁴⁴. Интересно, что сам Гитлер видел причину эффективности собственной харизмы не в каких-то тай-

ных свойствах своей личности, а в умении упрощать. Когда французский философ Бертран де Жувенель спросил Гитлера о глубинных причинах его успеха, тот ответил: «Говорят о моем голосе, о моем даре гипнотизера, о моих качествах оратора. Чушь! Секрет куда проще: в головах немцев царил беспорядок, а я упростил для них все проблемы»⁴⁵.

В сентябре 1936 г. английский экс-премьер-министр Дэвид Ллойд Джордж провел две недели в Германии в качестве личного гостя Гитлера. Знаменитый англичанин был поражен масштабами влияния и авторитета Гитлера; покидая Оберзальцберг, Ллойд Джордж шутливо приветствовал Гитлера поднятием правой руки. В «Дейли экспресс» он писал что Гитлер смог сплотить в единую и сплоченную нацию католиков и протестантов, предпринимателей и рабочих, бедных и богатых, что фюрер — это немецкий Джордж Вашингтон и самый великий немец XX в.⁴⁶ Гитлер и сам был в восторге от демагогических способностей Ллойда Джорджа — эти качества в еще большей степени характеризовали самого Гитлера. Английский журналист Сэвил Кинг писал: «Ллойд Джордж остался при мнении, что Гитлер является самой значительной личностью в европейской политике со времен Наполеона, может даже более значительной, чем император французов. Ллойд Джордж также сказал, что со времен Аттилы и его гуннов в лице Гитлера мы имеем дело с самым строгим аскетом»⁴⁷. Баварский либеральный журналист и противник нацизма писал: «я не раз слышал Бебеля и Жореса. Никогда никто из них не производил на своих слушателей такого захватывающего впечатления, не держал их в своей власти, как Гитлер во время своего выступления. У него был настоящий талант оратора»⁴⁸. Как передавали очевидцы, от больших светло-голубых глаз Гитлера исходили почти магические флюиды, зачаровывающие аудиторию, эти флюиды потом возвращались к нему и он еще более воодушевлялся и его гипнотическое действие на людей еще более увеличивалось. Этот феномен точно описал Фридрих Ницше: «У всех великих обманщиков можно подметить одно явление, которому они обязаны своим могуществом. Во время самого акта обмана под впечатлением таинственности голоса, выражения

лица и жестов среди эффективнейших декораций ими овладевает вера в себя; и именно эта вера так чудесно и убедительно действует потом на слушающих»⁴⁹. Можно вспомнить английского короля Георга IV (1762—1830), который вследствие самовнушения и подобострастного согласия окружающих уверовал в то, что именно он при Ватерлоо самолично вел в атаку кавалерию и именно он, а не вовремя подоспевший прусский генерал Гебхард Блюхер, обеспечил победу Гитлер же был не только эгоцентриком, а явно выраженным харизматическим лидером, главной способностью которого было необыкновенно развитое чутье «духа времени» (*Zeitgeist*) и к его ясному и последовательному (в рамках ложной системы ценностей) выражению — это в его персоне было более важным, чем какие-либо отклонения или аморальность.

Развивая мысль о харизме Гитлера, можно также указать на то, что вместо политизации театра, имевшего место в период Веймарской республики, Гитлер театрализовал политику⁵⁰. Он, как опытный театральный актер, вселял в аудиторию надежду и уверенность, подкреплявшуюся его верой в самого себя. От осознания того, что речи его изобиловали полуправдой, преувеличениями и повторами, впечатление не менялось. С другой стороны — Гитлер ведь не был рассказчиком анекдотов, — он ни на секунду не упускал из виду свою цель. «Масса, — говорил Гитлер, — неповоротлива и нуждается в во времени, чтобы понять сущность дела. Только тысячекратное повторение простейших понятий закрепит их в памяти. Никаких изменений нельзя вносить в содержание пропаганды»⁵¹. Обоюдная «подзарядка» аудитории и Гитлера кажется тем более убедительной, что после начала войны Гитлер, несмотря на настойчивые просьбы Геббельса, уже не появлялся на публике. Им овладел инстинктивный страх, что при его чуткой восприимчивости к настроениям аудитории он уже не сможет справиться с сомнениями и нарастающим чувством безнадежности, преодолеть которые и переубедить своих слушателей ему будет трудно. Есть сведения, что как-то, до 1933 г., Гитлер, выступая в неблагоприятно расположенной к нему аудитории и чувствуя, что ему не преодолеть скрытого эмоционального сопротивления слушателей, прервал речь на середине и поки-

нул зал. Один из американских биографов Гитлера указывал, что главной и самой ценной способностью Гитлера было умение почувствовать слабости своих врагов⁵² — то же можно сказать и о его чувстве собственной слабости. Гипнотического воздействия на своих собеседников он, однако, не утратил до конца: насколько упорным скептиком и спорщиком был генерал-полковник Йодль, который никогда не пасовал перед Гитлером и всегда готов был спорить с ним, — даже он перед смертью по приговору Нюрнбергского трибунала выказывал полную лояльность Гитлеру. Макс Домарус, самый дотошный эксперт гитлеровских речей, указывал, однако, что действие гитлеровской харизмы имело одно ограничение — она никак не действовала на иностранцев: англосаксы, русские и японцы оставались равнодушны к риторике Гитлера, от которой немцы были в восторге.⁵³ Может быть, разница в восприятиях была связана с языковым барьером. Утверждению Домаруса о невосприимчивости иностранцев к харизме Гитлера противоречит удивительное свидетельство, оставленное после встречи с фюрером в 1936 г. одним из самых умных людей XX в., английским историком Арнольдом Тойнби. Своему немецкому интервьюеру (уже после 1945 г.) он сказал: «Может быть, Вас ошеломит и удивит то, что я Вам скажу, но он очаровал меня, был очень вежлив и в некотором роде интеллигентно красноречив. Мне не удалось ощутить в нем ничего демонического, если под этим понимать необъяснимые мне движущие силы и исходящие из них злоеущие целевые установки, хотя за те два с лишним часа, что я провел с ним в присутствии будущего министра иностранных дел Риббентропа, рейхсминистра Франка, начальника отдела МИД Дикхофа и специалиста по международному праву Фридриха Бербера, он произвел на меня впечатление человека, привыкшего только к монологам. Вскоре после первоначальной сдержанности и натянутости Гитлер заговорил раскрепощенно и свободно; он много жестикулировал, но излагал мысль связно и ясно, словно вознамерился прочитать мне лекцию о своей политике в широком диапазоне германской истории. При этом взгляд его был устремлен на Восток. Кривая его рассуждений кончалась Лениным, чей коммунизм и антиколониализм ста-

ли заклетыми врагами капитализма и империализма Запада. Когда же я упомянул, что в случае победы Германии над Россией, в чем в Англии никто не сомневался, влияние Рейха распространится на всю Европу, Гитлер сделался уклончивым. Он якобы не намерен завоевывать Украину и Урал, для молодых немцев он найдет дело и получше, чем управлять неполноценными народами. При этом прояснилось поручение, с которым он хотел отправить меня в обратный путь: в Англии я должен был способствовать представлению, что Гитлер стремится к взаимопониманию с нами, цивилизованными державами, которые он будет защищать на границе с Азией. Ни слова об экспансии, ни слова о жизненном пространстве»⁵⁴.

Не один Тойнби попал под влияние гитлеровской харизмы: последняя имела действие даже и на Сталина — иначе как объяснить, что в течение нескольких лет после 1945 г. официальная советская пропаганда не допускала мысли о том, что Гитлер мертв; только в 1950 г. в фильме Михаила Чиаурели «Падение Берлина» (за эту ленту режиссер получил Государственную премию СССР) Гитлер погибает в своем подземелье⁵⁵. Останки Гитлера и Евы Браун, а также Геббельса и членов его семьи сначала захоронили в Магдебурге на территории советских армейских казарм, а в ночь с 4 на 5 апреля 1970 г. по приказу руководителя КГБ Ю. В. Андропова раскопали и сожгли⁵⁶.

От влияния вездесущей и все подавляющей воли Гитлера и магического воздействия его харизмы в Германии не мог избавиться никто. «Гитлер обладал, — вспоминал подполковник де Мезьер, — какой-то необъяснимой, я не побоюсь сказать, — демонически источаемой силой, которую нельзя не только описать, но даже понять, и уклониться от влияния которой могли только очень немногие люди»⁵⁷. Спустя много лет после окончания войны Шперер считал личность Гитлера настолько «загадочной» и влиятельной, что (по его шутливому предположению), будь фюрер заинтересован в коневодстве, среди лидеров Третьего Рейха разразилась бы мания коневодства⁵⁸. Даже такой сдержанный и холодный человек, как генерал Ганс фон Зект, причислял встречу с Гитлером к самым большим событиям своей жизни⁵⁹. Державшийся от нацистов на почтительной дистанции Гейнц Гудериан в мемуарах

отмечал, что, наряду с исключительной памятью и аналитическими способностями, «самым выдающимся качеством у Гитлера была огромная сила воли, которая притягивала к нему других людей»⁶⁰. Даже представители ученого мира — лауреаты Нобелевской премии физики Филипп Ленард и Йоханнес Штарк считали Гитлера величайшим из живущих немцев. В литературе постоянно отмечается особенно мощное воздействие Гитлера на женскую часть аудитории. Психолог Ютта Рюдигер, ставшая в середине 1930-х гг. одной из руководительниц женского движения в Третьем Рейхе, еще в университете связалась с НСДАП, но именно под воздействием харизмы Гитлера порвала со своей прежней средой и стала активистской движения. В одном из интервью уже после 1945 г. она сказала: «Я увидела, что под впечатлением выступлений и высказываний Гитлера люди разных классов, которые прежде ожесточенно противостояли друг другу, слились в единую и сплоченную нацию под влиянием одного простого человека, который заявил, что национализм и социализм взаимообусловлены, что это даже одно и то же, и что людей нужно оценивать не по их финансовому состоянию, а по их способности к борьбе за национальную общность»⁶¹. Боязнь остаться вне этой новой общности и двигало многими сторонниками Гитлера. Свой социализм Гитлер отделял от марксистского; он постоянно нападал на марксизм, потому что последний ставил на место «вечной борьбы» пацифизм, на место расы — интернационализм, на место личности — демократию. Под «социализмом» Гитлер понимал науку о коллективном благосостоянии, которая не имеет ничего общего с интернациональным марксизмом и большевизмом.

Масштабы воздействия харизмы Гитлера были многократно увеличены чрезвычайно эффективной пропагандой, которая по своему размаху далеко превзошла даже американские образцы. Например, за семь апрельских дней 1932 г., во время выборов рейхспрезидента, Гитлер облетел на самолете 21 город; за неделю его выслушал 1 млн человек. На выборах в рейхстаг в июле и октябре Гитлер (опять же перемещаясь на самолете) выступил на 49 митингах. 4 апреля 1934 г. в берлинском Люстгартене был проведен самый большой митинг, в котором приня-

ло участие 150 тыс. человек⁶². Всего на митингах 1932 г. его слушало более 10 млн человек⁶³. Уклониться от такой массовой атаки на воображение и эмоции избирателей было непросто. Сопровождавший Гитлера английский журналист из «Лондон дейли ньюс» писал, что стиль Гитлера был навеян впечатлениями об американских предвыборных кампаниях, о которых Гитлеру рассказывал близкий ему в этот период Ханфштенгл, долгое время живший в США⁶⁴. При этом важно отметить, что американскую и гитлеровскую политическую пропаганду сближали простота и односложность; речь Гитлера мало чем отличалась от его текстов: те же бесконечные повторы с разными вариациями и высокопарный стиль. Эти недостатки, впрочем, вполне компенсировались непосредственностью его страсти, интенсивностью ненависти и грозными интонациями. В печатных текстах, однако, недостатки становились явными. Собственно, написал он только два тома «Майн кампф» — первый том в 1923 г.; второй был написан в 1926 г., а опубликован в 1927 г. Сначала успех «Майн кампф» был незначителен: за первые три года было продано 56 тыс. экземпляров. С другой стороны, не только принуждение тоталитарного государства помогло «Майн кампф» достичь тиража в 6 млн. До 30 января 1933 г. было продано 250 тыс. экземпляров — это гораздо больше, чем у кого-либо из самых известных немецких публицистов того времени⁶⁵. «Майн кампф» — это, как отмечал Эрих Фромм⁶⁶, «довольно умно, хотя и недобросовестно состряпанный памфлет»; этот памфлет также сыграл определенную, хотя и не совсем ясную роль в формировании харизмы Гитлера.

Удивительно, но жесткость и безапелляционность Гитлера в государственных делах находилась в контрасте с его церемонностью, мягкостью, обязательностью и ответственностью в обращении с частными людьми, особенно с теми, кто от него зависел; даже будучи в скверном расположении духа, он всегда обращался с адъютантами вежливо и предупредительно, он помнил дни рождения всех своих секретарш и сам придумывал им подарки. Он любил своих собак — овчарок Принца, Блонди и Беллу — и

сам занимался их дрессировкой. Толанд описывает случай с поварихой Гитлера Марлен Экснер — молодой красивой австрийкой, отвергнувшей сексуальные домогательства Бормана, после чего тот установил, что у Марлен со стороны матери была примесь еврейской крови. Борман с большим трудом смог убедить Гитлера, что Экснер следует уволить, но зато Гитлер приказал заплатить ей шестимесячное жалование и сделал всю семью Экснеров «почетными арийцами»⁶⁷. Его обходительность и мягкость проявлялась и в том, что неспособные генералы и администраторы часто могли оставаться на своих постах значительно дольше, чем в демократических странах антигитлеровской коалиции или в СССР.

К отношениям с родственниками Гитлер подходил довольно щепетильно: он стремился держать их в тени и никаких особых условий для них не создавал, поскольку осуждал «пагубную семейственность» и ставил ее в упрек Наполеону⁶⁸. Встречаться с большинством родственников Гитлер не желал... Его племянник Хайнц Гитлер (1920—1942), сын брата Гитлера Алоиса от его последней жены, посещал, правда, привилегированное нацистское учебное заведение НАПОЛА, но потом вступил в вермахт и, став унтер-офицером, погиб на Восточном фронте. Другой племянник Гитлера — Уильям Патрик, 1909 г. рождения, также сын Алоиса от Последней жены, родился в Ирландии, с 1930 г. по 1938 г. жил в Германии, затем вернулся в Ирландию. Сестра Адольфа Гитлера Паула (1896—1960) с 1936 г. по 1945 г. вела домашнее хозяйство брата и была его домоправительницей⁶⁹. Ее сын, лейтенант саперных войск Лео Раубаль, попал в советский плен под Сталинградом; Гитлер хотел его обменять на Якова Сталина. Сам Лео узнал об этом только в 1967 г.⁷⁰ Единственная наследница Гитлера Паула умерла 1 июня 1960 г., его сводная сестра Паула-Анжела умерла 30 октября 1949 г., а сводный брат Алоиз умер 20 мая 1956 г.⁷¹

Буллок отмечал удивительную доверчивость и лояльность Гитлера к своему окружению⁷². Моммзен указывал на стремление Гитлера избегать каких-либо конфликтов со своими палачами⁷³. Обычно Гитлер был против крайних мер по отношению к провинившимся чиновникам — так, он отказался утвердить высшую меру по отношению

к чиновнику МИД Лютеру за «пораженчество» и распространение подметных писем о сумасшествии Риббентропа (по словам Лютера, тот всю войну четыре раза в месяц менял обои на своей вилле). Несмотря на то, что Лютера допрашивал сам «гестапо-Мюллер», в 1943 г. Гитлер отменил смертный приговор и приказал отправить провинившегося чиновника на перевоспитание⁷⁴. Гитлер приказал оставить в живых даже покушавшегося на него Йогана Эльзера, который 8 ноября 1938 г. в Мюнхене взорвал бомбу в Бюргербройкеллер (*Bürgerbräukeller*), вследствие чего было убито 7 человек и 63 ранено. Гитлер сказал: «Я оставляю его в живых, чтобы он сам убедился, что он был неправ, а я прав»⁷⁵. На удивление, никакого процесса Йоханна Эльзера не состоялось — Гитлер приказал поместить его в концлагерь, где тот имел возможность заниматься своим ремеслом. Этот ход был довольно тонким: известие о помиловании Эльзера увеличило симпатии к Гитлеру; 13 ноября 1939 г. СД передавала, что весть о покушении на фюрера в Мюнхене усилило в народе чувство общности, а любовь к Гитлеру еще более увеличилась⁷⁶. Любопытно отметить, что Эльзер был весьма незаурядным человеком — прекрасным мастеровым, которого с охотой взяли на авиазавод Дорнье; потом он работал на часовом заводе, превосходно играл на контрабасе и виолончели в любительском оркестре. Эльзер состоял в КППГ, СКФ (Союз Красных Фронтовиков), но, с другой стороны, регулярно посещал церковь и был верующим человеком. Даже по фотографии Гитлер угадал в нем незаурядную личность и, в принципе, был прав. Эльзера поместили в привилегированный концлагерь вместе с Куртом фон Шушнигом, пастором Нимеллером, Леоном Блюмом и другими «особыми узниками». В соответствии с полицейским известием от 16 апреля 1945 г., Эльзер погиб во время бомбежки (на самом деле его расстреляли по приказу от 4 апреля 1945 г.). В ближайшем окружении Гитлера поговаривали, что Эльзер все подстроил по поручению гестапо и на его деньги⁷⁷... Возможно ли, чтобы 7 человек и 63 раненых были пожертвованы для того, чтобы показать всему миру, что Гитлера хранит провидение? Вполне, принимая во внимание весьма низкую цену человеческой жизни в Третьем Рейхе.

Будучи человеком невероятно большого самомнения⁷⁸, Гитлер, тем не менее, имел аскетические склонности (он не курил⁷⁹ и не пил спиртного⁸⁰); его личные потребности были невелики, он не был интриганом, то есть в личном общении был вполне порядочным человеком: как это ни странно звучит, обыденное его поведение диктовалось бюргерскими условностями. У Гитлера была глубоко укоренившаяся склонность к дилетантским занятиям — это распространялось даже на заботу о собственном здоровье. Гитлер попал под влияние доктора Морелля, который любил рассказывать, что учился у Мечникова⁸¹. Гитлера можно было назвать аскетом, но этим описывается его образ жизни, а не менталитет, ибо настоящие аскеты жертвуют плотскими удовольствиями ради высшей идеи, в которой они черпают силы. Гитлер же вел аскетический образ жизни из чисто материалистических побуждений: он был уверен, что мясо вредно для здоровья, что табак — это яд и что спиртное притупляет бдительность и ослабляет самоконтроль. На фронте он получил довольно редкую для рядового награду — Железный крест первой степени, но никогда не говорил, за что. Гейден утверждает, что за пленение разом 15 (!) французов⁸² (сам Гитлер не подтверждал, но и не опровергал этого). Есть мнение, что эти обстоятельства Гитлер утаивал по причине того, что к высокой и почетной награде он был представлен батальонным офицером — евреем.

Гитлер неоднократно выражал неудовольствие ростом культа собственной личности; сейчас, правда, сложно сказать, насколько это было искренним. Как и всякий культ такого рода, он часто выливался в маразм, случаи коего современники охотно передавали другу. Так, Толанд рассказывает историю о даме, которая на партийном собрании рассказала об опытах с говорящей собакой. По словам этой дамы, на вопрос о том, кто такой Гитлер, собака отвечала: «Мой фюрер» (в немецком языке это слово имеет значение и «поводырь служебной собаки»). Даму засмеяли, и, расплакавшись, она сказала: «Это умное животное знает, что Адольф Гитлер принял законы против опытов над животными и против ритуальных убийств животных евреями. Из чувства благодарности мозг этой собаки признал Гитлера фюрером»⁸³. В принципе, этот

случай вполне соответствует чудовищному самомнению Гитлера, которое он, когда того требовала обстановка, умел скрывать. Так, в 1935 г. он разрешил публикацию Эрнстом Ханфштенглом сборника карикатур на самого себя⁸⁴.

Тем не менее Гитлер, особенно после 1933 г., не переносил дискуссии и предпочитал монологи; когда Муссолини приехал в Берлин, Гитлер замучил его полутора-часовым монологом: Муссолини неосмотрительно согласился общаться с Гитлером на немецком, но владел им, разумеется, не как родным. Подобный опыт имели и другие визитеры Гитлера, а во время войны его речи приобрели эксцессивный характер; клевавшие носом генералы до утра выслушивали тирады об искусстве, философии, расе, технике, о разведении пчел и истории: его ассоциации и сравнения не имели границ и внутреннего порядка и уходили в бесконечность⁸⁵. Вместе с тем, застольные беседы Гитлера-демонстрировали его талант вести разговор — он перескакивал с пятого на десятое, при этом ухитряясь, благодаря своей удивительной памяти, выстраивать более или менее связанные цепочки фактов, выуженные из разных книг и справочников. Даже и сейчас при чтении стенографических записей некоторые реминисценции, логические или риторические находки Гитлера производят впечатление. Например, в одной из застольных бесед Гитлер, стремясь представить финансовую активность евреев вредоносной, указал на то, что в период расцвета Ганзы⁸⁶ цены на зерно оставались стабильными, и сами торговцы отвечали за качество зерна. С проникновением на зерновой рынок евреев, цены на зерно поползли вверх, а качество его ухудшилось. Это обстоятельство на самом деле довольно трудно объяснить.

Гитлер, без сомнения, был по натуре романтиком, а поскольку антисемитизм как мировоззрение берет начало в романтизме, то это многое объясняет в упорной и весьма устойчивой приверженности Гитлера этой идеологии, которая, как и романтизм, грубо и односторонне преувеличивает некоторые структуры и процессы в толковании действительности (или ее отдельных составляющих частей). Нужно представлять, что нацизм — это ядовитый отросток немецкого романтизма, он виноват в его появлении, как христианство виновато в появлении инк-

визии; романтизм сделал нацизм специфически немецким явлением и отделяет его от фашизма и большевизма. Романтизм нашел свое наиболее яркое выражение в расовой проблеме, которая наиболее последовательно проявилась в антисемитизме. Таким образом, еврейский вопрос для нацизма — это наиболее важный вопрос, он — его квинтэссенция⁸⁷. Не случайно от часто экстатической, пафосной, возвышенной музыки Вагнера, хотя он и не относится к романтикам, Гитлер, по его собственному свидетельству, часто получал побуждения к антисемитизму⁸⁸. Хотя антисемитизм самого Вагнера объясняется значительно проще — причина лежит в негативной оценке еврейскими музыкальными критиками вагнеровских опер. Впрочем, как развитие вагнеровского, так и развитие гитлеровского антисемитизма можно описать, но не так легко ответить на вопрос, почему такой великий композитор, как Вагнер и такой одаренный, начитанный и своеобразный человек, как Гитлер стали жертвой чудовищной и тупой ереси. Об этом речь в следующем разделе.

***Гитлер-идеолог: мотивы общественной мобилизации
и цели нацистского государства***

«История — это искусство невозможного»

(А. Гитлер)

Quos deus perdere vult, dementat prius⁸⁹.

«Ужаснейшие из людей: те, что все знают
и верят в это»

(Элиас Канетти)

Конечно, невелико удовольствие погружаться в гитлеровское мировоззрение до тех глубин, где нет ясных ответов, где все начинает зависеть от вкуса и посторонних обстоятельств, но это нужно сделать, так как в этом и заключается смысл изучения истории. В процессе изучения гитлеровской идеологии и ее критического переосмысления оказывается, что одна из самых больших проблем в том, что истоки этой идеологии элементарны и имеют прежде всего инструментальное значение. Важно

понимать, что, как и уничтожение мирового капитала для большевиков, так и ликвидация евреев для Гитлера были скорее метафизическими принципами, способом мобилизации, нежели настоящей целью идеологии.

Ядро гитлеровской идеологии составляет расизм, который, как и представления Гитлера о «жизненном пространстве», основывался на мнимых «научных» представлениях того времени. Гитлер, как это он обыкновенно делал, создал свой расизм на основе чтения всевозможной литературы и бесед, содержание которых он удерживал в памяти и всякий раз ловко приспособлял к новым обстоятельствам. Расовую концепцию Гитлера определили тексты Гобино, Дарвина, Чемберлена и большого числа популярной литературы часто случайного характера. Установить всех авторов трудно: в отличие от Гиммлера или Геббельса, скрупулезно фиксировавших книги, которые они прочли, Гитлер этого не делал и редко ссылался на авторов — то ли по причине забывчивости, то ли из желания выдать ту или иную концепцию за свою собственную.

Показательной для гитлеровских идеологических ценностей является речь от 13 августа 1920 г., когда он выступил с обоснованием собственного антисемитизма; эта речь так и называлась: «Почему мы антисемиты». В выступлении фюрер в первую очередь сосредоточился на арийцах и их созидательной роли в истории; Гитлер считал, что именно они создали древнеегипетскую, античную и персидскую цивилизации. Евреи же не обладали истинной культурой, которая отразилась бы в достижениях изобразительного искусства, архитектуры (их храмы, по словам Гитлера, строили чужаки) или музыки. Гитлер утверждал, что для «арийцев» работа — это этическое понятие и общее дело, а у евреев — это наказание за первородный грех. Они «трудятся» лишь на собственное благо и исключительно из эгоистических побуждений, что проистекает из их материализма и погоней за наживой⁹⁰. Гитлер говорил, что гениальнейшей идеей еврея Маркса является организация рабочих против национального капитала и во благо интернациональному капиталу, то же относится и к мировой торговле. В той речи Гитлер проводил ясную линию различия между национальным про-

мышленным капиталом, который приносит пользу народу и государству, и международным капиталом, существующим за счет спекуляций и никакой пользы никому, кроме евреев, не несущим. В заключительной части своей речи Гитлер развивал мысль о том, что со времен Древнего Рима евреи проникали в другие государственные образования, разрушая при этом последовательно расу, культуру и государство. Разрушение государства, подрыв трудовой этики и расовой чистоты народа — вот, на его взгляд, три основных цели евреев. Для него не было плохих или хороших евреев — по его мнению, все они действовали в соответствии со своей расой и кровью. Гитлер говорил, что быть социалистом означает быть антисемитом, ибо социализм — это противоположность материализму и «маммонизму», социалист должен действовать исключительно в интересах нации. Таким образом, по Гитлеру, социализм, антисемитизм и национализм — нераздельны. Гитлер-идеолог часто употреблял слова «раса», «народ» и «племя» как синонимы, хотя как политик — практик Гитлер (и Геббельс) отвергал последовательное внедрение расовых комиссий, ибо они должны были бы отправить в отставку большинство нацистских вождей⁹¹. При этом Гитлер указывал, что немцы как раса не являются однородным организмом: основная масса народа состоит из разнородных, часто неарийских элементов; истинные «представители расы господ» (*Herrenmenschen*) составляют небольшое меньшинство. Основная масса немцев состоит из людей, не способных приказывать; это «женские типы», которые прежде всего стремятся к подчинению. Такие люди сначала будут сопротивляться, — как женщины сначала сопротивляются мужчинам, — твердой власти арийских господ, но в конечном счете они подчинятся закону природы и покорно последуют за расой господ.

Самого себя Гитлер воспринимал не только как государственного деятеля, законодателя, архитектора и художника, но и как пророка, основателя новой религии и новой идеологии. Его представления об этой новой религии и его «мировоззрение» при определении целей немецкой политики после 1933 г. играли самую существен-

ную роль. В этой связи политиков Нового времени можно условно разделить на прагматиков (например, Бисмарк, Рузвельт, Хрущев) и идеологов. Мироззрение Гитлера и нацистская идеология, однако, не были постоянной и изолированной величиной, они постоянно менялись, как, впрочем, и у всех прочих идеологов. Безусловно относясь ко второй группе, Гитлер не был настолько преуспевающим идеологом, как Джефферсон, Ленин или Мао; другой вопрос, что и у последних в действительности получилось несколько иное по сравнению с их планами. Ханна Арендт когда-то высказалась в том смысле, что марксистское учение о классовой борьбе и дарвиновское расовое учение стараниями политиков дегенерировали в идеологии⁹², в случае с дарвиновским учением главенствующую роль в этом процессе сыграл, без сомнения, Гитлер со своим параноидальным расизмом и антисемитизмом. Если смысловым центром идеологии большевизма был антикапитализм, то в национал-социализме — антисемитизм; и в первом и во втором случае⁹³ колоссальная мобилизация была достигнута благодаря грандиозной организации и инсценированию образа врага, без которого, как показал Карл Шмитт, невозможна организация политики⁹⁴. О существовании Шмитта и о его трудах Гитлер, наверное, и не знал, но, обладая точным политическим инстинктом, строил свою идеологию в соответствии с рекомендациями этого государствоведа и политолога. При этом Гитлер, будучи политиком, с начала и до конца ожесточенно придерживавшимся идеологической фиксации, использовал разного рода идеологические импульсы. Главными пунктами его фиксации было завоевание «жизненного пространства» и вытеснение из Германии евреев. Значимость вопроса о «жизненном пространстве» рассматривалась уже не раз, его истоки ясны, но, как писал Мазер, «несмотря на все наше знание деталей, происхождение антисемитизма Гитлера выяснить невозможно»⁹⁵. Гитлер не был обычным антисемитом, рассматривающим евреев как помеху в развитии нации — его антисемитизм носил принципиальный характер. Дело в том, что не многие антисемиты являются последовательными расистами в настоящем смысле слова — их антисемитизм является только частью расизма, а у Гитлера в его системе

идеологических взглядов «еврейская проблема» имела особое значение и по рангу стояла значительно выше расизма. Также Гитлера отделяет от прочих антисемитов стремление к тому, что, — как он указывал еще в 1920 г., — чтобы решить «еврейскую проблему» не эмоционально, но рационально, научными методами и холодным рассудком⁹⁶. Вскоре после конференции в Ванзее, на которой было продекларировано «окончательное решение еврейского вопроса» на основании рационального расчета, Гитлер заявил: «Евреи должны исчезнуть из Европы. Лучше всего — в Россию. У меня нет никакого сочувствия к евреям, поскольку они всегда оставались подстрекателями враждебности между народами. Точно такую же роль они всегда играли и в обыденной жизни. Евреи должны быть повсеместно удалены из всей Европы, даже из Швеции и Швейцарии. Там, где их мало, они особенно опасны. Пять тысяч евреев занимает ключевые позиции в Швеции, и для нас было бы проще удалить их оттуда»⁹⁷.

Вместе с тем нацистская идеология при общей устойчивой фиксации на антисемитизме подразделялась на отдельные сектора: Дарре делал акцент на антицивилизационных аспектах идеологии, Розенберг и Гиммлер — на антихристианских, Геббельс активно использовал антикапиталистический аффект, который был весьма распространен и популярен после кризиса 1929 г. Гитлеровская же модель истории и идеологии выполняла роль своеобразного шарнира, соединявшего различные варианты нацистского мировоззрения в верхушке Третьего Рейха, а также, как отмечал Мартин Бросчат, она была интеграционным началом для самых разнообразных учений и догм внутри в высшей степени гетерогенной идеологии Третьего Рейха⁹⁸. Немецкий историк Генрих Гамм считал, что в процессе создания «коричневого культа» отсутствовала какая-то одна основополагающая и самостоятельная идея⁹⁹. В отличие от своего окружения и вопреки широко распространенным упрощенным суждениям, Гитлер никогда не выказывал каких-либо симпатий к германской старине. В отличие от Гиммлера, Розенберга или Дарре, он редко ссылался на германские доисторические времена. Древних германцев он вспоминал не для того, чтобы указать на образцовую общественную организацию, но

скорее чтобы напомнить об их «храбрости, готовности к борьбе и расовом сознании». Гитлер неоднократно с раздражением высказывался против попыток фелькише идеализировать германскую старину; вообще создается впечатление, что фелькише ему просто действовали на нервы. По Гитлеру, не германцы, а арийцы основывали государства, развивали энергичную и деятельную культурную активность, вели человечество к материальному прогрессу и к духовным вершинам. Германский народ в этом отношении был только одним из возможных вариантов развития, реализации арийского существа, но не основным, не главным. Поэтому и задача Третьего Рейха состояла не только в консолидации германства, а скорее в объединении усилий всех арийских народов. Историко-теоретическое «обоснование» под это подводил Розенберг, который доказывал, что все высокие культуры в истории человечества имели якобы арийско-нордические корни и предпосылки.

Своего пика, согласно Гитлеру, арийцы достигли не в достижениях германцев, а в греческой и римской античности; эта эпоха была его «идеальным временем», ею он восторгался и считал, что ее достижения в культурной и политической сферах являются непревзойденными и абсолютно беспрецедентными. Прерванное было кризисом 1929 г. раскопки Немецкого археологического института на Олимпе в Греции, приказом Гитлера были возобновлены; он распорядился финансировать шесть археологических экспедиций в Грецию. Широко освещаемые в Германии раскопки были прекращены нападением Муссолини на Грецию весной 1940 г., потом возобновлены и продолжались до 1944 г. Как неоднократно говорил Гитлер, античная эпоха совпадает во времени с германским варварством, и у его собеседников не было ни малейшего сомнения, на чьей стороне симпатии фюрера. Именно классическое античное искусство Гитлер сделал образцом для нацистского искусства и нацистской политики в этой сфере¹⁰⁰. Даже штандарты гитлеровских элитных воинских частей были прямым подражанием древнеримским воинским штандартам (*Vexillum und Labarum Constantins*). Имперский орел и венец из дубовых листьев восходят к рельефу Траяна в церкви Двенадцати Апостолов в Риме.

Символом Берлинской Олимпиады стала скульптура древнегреческого мастера Мирона (V в. до н.э.) «Дискобол». 18 мая 1938 г. Гитлер приказал купить одну из римских копий этой работы за баснословную по тем временам сумму в 914 748 рейхсмарок (такие деньги не смог заплатить даже американский Метрополитен-музей). Правда, при этом Гитлер распорядился передать драгоценную скульптуру не в Пергамон-музей, а в партийную глиптотеку в Мюнхене. В 1948 г. по распоряжению американского генерала Клея «Дискобол» был перевезен в Рим¹⁰¹.

По убеждению Гитлера, древнегреческие полисы создавались на принципах «чистоты крови», «дисциплины» и «расовой политики», а пренебрежение этими принципами привело античный мир к гибели. В древней Спарте Гитлер видел образцовое и совершенное с расовой точки зрения государство. Зато Гитлер осуждал бесплодные завоевательные походы Александра Македонского: в «Майн кампф» он указывал на необходимость освоения и заселения завоеванных территорий. Несмотря на критику, один из залов новой имперской канцелярии Гитлер приказал украсить гобеленами с изображением Александра Македонского, изготовленными парижским мастером Шарлем Лебреном для Людовика XIV¹⁰². К Древнему Риму Гитлер апеллировал, когда ему нужно было обосновать необходимость мирового господства, которое, на его взгляд, было идеально воплощено в Риме. Наряду с Древним Римом, Гитлер часто поминал и Британскую империю; он не раз говорил, что «местом рождения английского мессианского чувства является Индия. 400 лет назад у англичан не было такого самосознания, как сейчас. Огромные пространства Индии принудили их при помощи небольшого количества людей руководить миллионами. Тем, чем Индия является для Англии, тем восточные пространства должны стать для Германии»¹⁰³. Рассуждая о вытеснении с восточных территорий славян, он иногда сравнивал этот процесс с вытеснением белыми европейцами индейцев с территории дикого Запада.

Имперское величие Древнего Рима или Британской империи были идеалами, абсолютами, совершенствами, которым Гитлер противопоставлял упадок и деградацию

современного мира. В этом подходе было нечто манихейское. Впрочем, и концепция еврейства у Гитлера имела дуалистический манихейский характер и основывалась на представлении о некоем извечно существующем зле, воплотившемся в одном народе, и о борьбе добра и зла, света и тьмы, Аримана и Ормузда. Гитлер однажды заявил, что «в тот день, когда человеку нечего будет преодолевать, он прекратит и развиваться»¹⁰⁴. Арийцы и евреи в этом смысле были ориентированными друг на друга понятиями, как тезис и антитезис, как акция и реакция. Вера Гитлера в это была настолько устойчива, что, по свидетельству Геббельса, Гитлер даже не верил в противостояние Троцкого и Сталина, считая, что все это еврейский заговор с целью перетащить Троцкого в Германию и поставить во главе КПГ¹⁰⁵. Гитлер считал, что без евреев народы вернуться к «естественному» порядку, то есть к крестьянской и военной структурам общества, которые, по его мнению, еще сохранились в Японии. Евреи же — это катализатор, который разжигает огонь социальной критики и противостояния внутри наций. Такому подходу характерно противопоставление «абсолютного добра» и «абсолютного зла», и в этом противостоянии не может быть компромисса. Такое состояние ума лучше всего описывает словосочетание «конспиративистский менталитет» или «параноидальный стиль»: для таких людей единственной моделью перемен в обществе может быть только заговор. Дэниэл Пайпс справедливо указывал, что «конспиративистский антисемитизм выражал глубокую сущность национал-социализма и был одной из ключевых доктрин, которые привели Гитлера к власти»¹⁰⁶. Это можно сравнить с марксистской доктриной классовой борьбы: утверждение «история всех существовавших до сих пор обществ — это история борьбы классов» равно по значению утверждению «вся мировая история — это выражение инстинкта самосохранения различных рас». Оба утверждения имеют большую силу внушения на массы, оба становятся озарением: запутанное становится простым, тяжелое и трудное для понимания — легким и простым, возникает облегчающее чувство ясности и решимость действовать. Вместе с тем возникает и чувство нетерпения по отношению к тем, кто не хочет понять очевидного, а

также подозрение, что это непонимание не является следствием недомыслия или случайным... Главное сходство между нацистами и большевиками — это сильное нетерпение и стремление сократить путь к цели столь же желанной, столь и совершенно очевидной и ясной.

Гитлер, как и большевики, преувеличил одну из исторических интенций: в истории были и расовая борьба, и классовая борьба, но были и другие мотивы и побуждения; иногда историей двигали даже случайные эмоциональные побуждения. Но ни один из этих мотивов не доминировал в человеческой истории постоянно, не было и не может быть постоянного главенствующего мотива, стержня исторического развития; историческое развитие не имеет устойчивого алгоритма или цикличности, оно скорее напоминает ризому, причудливо разветвленную корневую систему, в которой невозможно выделить «самый важный» ствол.

Гитлеровская доктрина антисемитизма, опиравшаяся на теорию заговоров, давала ее сторонникам целостную картину мира без нет противоречий, вопросов без ответов; она дарила ощущение комфорта и легко объясняла любые личные неудачи¹⁰⁷. Довольно часто конспиративизм воспринимают как признак глубины ума и стремления докопаться до глубокой сущности вещей, но на деле он является выражением поверхностности и нежелания или неумения охватить всю многообразную сложность явления. Человеку, углубившемуся в предмет, ясно, что история — это бессмысленный и бесконечный поток событий, и внести в него смысл можно только извне, в нем самом этого смысла нет; человек в состоянии осмыслить только части этой истории, но никак не смысл ее в целом. В разные эпохи разные факторы были главенствующими; как писал Хаффнер, «в истории были и классовая борьба, и расовая борьба, сверх того и борьба между государствами, народами, религиями, династиями, партиями и так далее. История, однако, состоит не только из этой борьбы и не столько из нее. Как народы, так и классы гораздо больше времени жили в мире и сотрудничестве, чем в войне и противостоянии. Средства и способы этого сосуществования тоже интересны, более интересны, чем то, что разделяло людей»¹⁰⁸. Воистину: не так интересно,

отчего народы погибают (это всем и так ясно), а вот вопрос, благодаря чему они продолжают жить, всегда остается без ответа. Конечно, мир несовершенен, он полон несправедливости, страдания, нужды, беспомощности человека или общества перед бесконечной чередой проблем, но к этому несовершенству нужно подходить с другой стороны, нежели это делал Гитлер, воспевавший и превозносивший дикие инстинкты и устремления. В конце концов, Лютер, Фридрих Великий, Бисмарк и другие немецкие гении тоже видели это несовершенство мира, но они были религиозными или разумными людьми, понимавшими тщетность попыток превзойти Бога и радикально переменить общество, но не одержимыми параноиками, как Гитлер. В этом отношении поведение Гитлера похоже на поведение португальского пирата XVI в. Мартина Альфонсо де Соузы, который поджигал ограбленные им корабли, а пассажиров сажал на шлюпку, которую расстреливал потом из пушки. Мораль этого исторического анекдота, записанного Хорхе Луисом Борхесом в «Письменах Бога»: можно молиться Богу, а можно его имитировать... Гитлеровская идеология и практика были имитацией Бога.

Диалектика гитлеровского антисемитизма выражалась в том, что для того, чтобы «вызвать, спровоцировать нечто позитивное, хорошее, доброе и благое, — необходимо зло, только при этом условии добро и может состояться. Негативное связано с позитивным. В тот момент, когда человек перестает преодолевать что-либо, он перестает развиваться»¹⁰⁹. По мнению Гитлера, в борьбе со злом и состоит смысл истории. В этом отношении лучшим девизом национал-социализма могли бы стать строки из первой части «Фауста»: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идет за них на бой». У Гитлера было возведенное им в ранг закона убеждение, что «борьба — это мать всех вещей»; он твердил это с утомляющей монотонностью, особенно до 1933 г. В этой связи в гитлеровской идеологии огромное значение имел культ героев и героического, культ эффективности как таковой. Отсюда — необычайно высока роль орденской идеологии СС с ее абсолютной верой в эффективность и с культом успеха. К основополагающим формулам гитлеровских убеждений принадлежали «право сильного», «гибель слабого»,

ссылки на потребность «естественного отбора» и «выживания сильнейшего». Все эти понятия были заимствованы из биологии и перенесены в сферу межчеловеческих отношений, государство, народ или нацию. В силу этих посылок политика представлялась ни чем иным, как борьбой расы за свое физическое существование, а историю Гитлер считал реконструкцией основных этапов и смысла этой борьбы. Гитлер был уверен, что только борьба, война могут обеспечить народу подъем до культурного и политического величия, только они являются мотором развития современного мира. Прогресс в его мировоззрении был неразрывно связан с борьбой, более того — только он делает возможным разрушение и уничтожение всего ветхого, вялого, отжившего, больного.

В гитлеровской идеологии «арийство» и «еврейство» и были зависящими друг от друга величинами, эта пара могла варьироваться: «германство» и «славянство» (Гиммлер) или «нордическая крестьянская раса» и «кочевники» (аграрный «папа» нацизма Вальтер Дарре) — главное, чтобы был динамический потенциал, чтобы было противостояние, борьба. Излишне говорить, что на деле никакого реального противостояния в этих диалектических парах не было или почти не было, были просто определенные культурные стереотипы, мнимые антагонизмы, вымышленная несовместимость, устойчивые социальные мифы, которых по необходимости вызывали к жизни. Даже такая важная гитлеровская идеологема, как борьба за «жизненное пространство», при близком рассмотрении оказывалась пустышкой: со времен Великого переселения народов в Европе никаких серьезных перемен в расселении различных этносов не произошло. Даже крупные завоевательные войны, — например, разделы Польши, — не привели к изменению национального состава на приобретенных Россией, Пруссией или Австро-Венгрией польских землях; поляки оставались жить там, где их застали завоеватели, которые с большей или меньшей энергией пытались давить на местное население. И где же в таком случае «вековая борьба» за жизненное пространство? На этом примере становится ясно, что Гитлер, избрав поначалу внешне безупречное по своей очевидности суждение, начинал произвольно нагнетать аргументацию, совершен-

но не стесняясь в средствах, которые скоро переставали соответствовать предмету доказательства. Это классический пример использования в риторике принципа «*a fortiori*», то есть способа аргументации от очевидного (в данном случае — мнимо) к еще более очевидному.

Упомянутые гитлеровские диалектические пары, тезис и антитезис, акция и реакция — нужны были только для того, чтобы состоялся акт политики, чтобы широкие массы людей пробудились к действию, к активности, чтобы вызвать у них игру воображения, то есть те эмоции, которые, по существу, и являются сущностью национал-социализма, большевизма, фашизма. Иными словами, антисемитизм Гитлера не был его самоцелью: гораздо важнее, чем судьба национального меньшинства, была политическая мобилизация 80-миллионного народа. С другой стороны, нельзя считать, что антисемитизм Гитлера является ключом к разгадке его успеха: в беседе с Раушнингом Гитлер сказал однажды, что если бы евреев не было, их следовало бы изобрести. То есть для политической мобилизации могли быть использованы и другие средства.

Йоахим Фест писал, что Гитлер не терпел над собой никаких авторитетов, даже авторитета идеи: «Национализм, антикапитализм, культ народных обрядов, внешнеполитические концепции и даже расизм и антисемитизм были открыты для постоянно подвижного, абсолютно беспринципного оппортунизма, который ничего не уважал и не боялся, ни во что не верил и как раз самые торжественные свои клятвы нарушал наиболее беззастенчиво»¹¹⁰. Немцы со злой иронией называли идеологию национал-социализма «миром, где воля есть, а ума не надо». И все же некоторые немецкие исследования эволюции мировоззрения Гитлера подтверждают вывод о том, что идея завоевания «жизненного пространства» на Востоке принадлежит к числу констант гитлеровской идеологии¹¹¹, определявших и его расизм, и антисемитизм, и империализм.

В движениях, где политический выбор есть дело веры, важно иметь свою библию, тому примером — «Основы ленинизма» Сталина, «Капитал» Маркса, «Красная книга» Мао, «Идеи наполеонизма» Луи-Бонапарта. Таковую книгу не обязательно читать и понимать: сложность и неясность составляют скорее ее достоинства, ибо свиде-

тельствуют о глубине мысли вождя, о его умении ставить вопросы, которые не по плечу простым смертным... Вместе с тем эта книга была во всех случаях и необходимым отражением умственного и психического состояния общества, отражением вторичным, сильно искаженным, корявым, но отражением... Французский правый публицист Дрие ла Рошель остроумно писал, что книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» очень разочаровывает, но разве вышло бы лучше, если бы перед назначением на пост командующего Итальянской армией Наполеона попросили истолковать несколько статей из Энциклопедии? «И разве гений Ленина, всецело тактический, не проникнут чем-то родственным философии движения и действия, которая распространялась в это время Вильфредо Парето и Жоржем Сорелем в философии, Анри Пуанкаре в науке, а немногим позже, в облинии футуризма, кубизма и сюрреализма привнесли в искусство доктрины, основанные на отрицании разумного начала бытия, на идеалистическом феноменализме, ведомом прагматической моралью?»¹¹². Трудно с этим не согласиться.

Для нацистского движения такой книгой стала «Майн кампф», в которой были и остроумные мысли, и меткие формулировки, и впечатляющие картины. Впрочем, сам Гитлер относился к «Майн кампф» довольно критично, однажды он сказал: «Я не писатель. Каким прекрасным итальянским говорит и пишет Муссолини! У меня на немецком так не получается. При написании текста у меня путаются мысли. Поэтому “Майн кампф” — это сборник передовиц для ФБ. Но даже в таком качестве из-за отвратительного немецкого эти передовицы не могут быть признаны образцовыми»¹¹³. В другой раз Гитлер назвал «Майн кампф» стилистически неудачной чередой передовиц из партийного официоза ФБ, в третий раз — «фантазиями, появившимися за решеткой»¹¹⁴. Как бы там ни было, но «Майн кампф» отразила все кошмары и интеллектуальные вывихи своего времени: прочно засевший и долго не проходивший страх перед большевистской революцией и возможностью ее распространения; специфический антисемитский психоз немца из Вены; страх немецкого фелькише, что неповоротливые и медлительные немцы, несмотря на их культуру и традиции, в гонке буржуазного

века окажутся побежденными; наконец, страха перед растущим отчуждением человека от общества, от производства и от политики.

Из «Майн кампф» понятно, что большевизм был для Гитлера одновременно и пугалом и образцом для подражания; Гитлер был уверен, что его партия — это более веский ответ большевизму, чем западные демократии. Со временем все становятся похожими на своих врагов; это стало ясно уже по делу Рема, а в стремлении к уничтожению евреев проявилось полное родство нацистов с большевиками и их практикой массовых убийств людей¹¹⁵. Его критика марксизма, однако, представляется вполне зрелой; однажды он следующим образом высказался о конечной цели марксизма — построении коммунизма: «Мы ведь прекрасно знаем, что не существует конечного состояния вещей. Будущее подобно неистощимой реке, потоку бесконечных возможностей создания чего-то нового»¹¹⁶. С другой стороны, По общим идеологическим признакам Гитлер был все же революционером; его отношение к марксистам было смесью страха и восхищения и, несмотря на свое презрение к «ноябрьским преступникам», он рассматривал Ноябрьскую революцию как предпосылку «величайшей революции 1933 г.». Революционная концепция Гитлера включала в себя попытку превращения Германии в современное динамичное государство. Гитлер хотел повысить социальную мобильность в смысле оптимизации нужд и потребностей «народной общности», создать «равенство шансов». По отношению к буржуазии он находился на резко отрицательных позициях, в то время как к рабочему классу относился положительно. Он планировал «революционные» преобразования в экономическом порядке: под девизом «примат политики» он стремился к своего рода «*mixed economy*», к идее социализации он в целом относился положительно. Гитлер был поклонником технического прогресса. Из этого можно сделать вывод о том, что, с точки зрения содержания гитлеровской идеологии и метафизики, Гитлера нельзя целиком отнести к правому политическому спектру¹¹⁷. Он был идеологом «национальной революции» особого свойства и качеств, впрочем, есть ли одинаковые революции, полностью идентичные по содержанию и целям?

Место Гитлера в системе власти Третьего Рейха

«Воля фюрера была в Третьем Рейхе повсеместно и постоянно актуальна и действовала разрушительно даже применительно к иерархиям Гитлером же и созданным»

(Ханна Арендт)¹¹⁸

«Гитлер не был демократом, он был популистом, то есть государственным деятелем, который строил свою политику на массах, а не на элите; в определенном смысле он был народным трибуном, добившимся абсолютной власти. Важнейшим средством его господства была демагогия, а инструментом господства являлась не строго иерархизированная система власти, а хаотически сформировавшийся пучок не связанных между собой массовых организаций, деятельность которых только он и координировал и практику которых только он и мог обозреть».

(Себастьян Хаффнер)¹¹⁹

«Простому человеку доверяют потому, что доверяют себе. Великому человеку доверяют потому, что не доверяют себе. Вот почему во времена трусости и слабости поклоняются великим. Мы и не слышим о великих людях до тех пор, пока все не станут мелкими человечками».

(У. Черчилль)

«Секрет политики Наполеона и вообще всякой политики состоит всего-навсего в превознесении того, что есть, где под тем, что есть, понимается реальность, присутствующая в подсознании людей, которая в каждую эпоху, в каждый момент составляет истинное и глубоко проникновенное чаяние какой-либо части общества».

(И. Г. Фихте)

Издавна повелось, что Гитлера в первую очередь стремились представить как исторический персонаж, не только лишенный каких-либо положительных свойств (что соответствует действительности), но и как фигуру несамостоятельную, зависимую от ряда обстоятельств; как деятеля, который стремился к реализации целей заимствованных, неоригинальных, уже имевших место в истории. Это последнее обвинение кажется несправедливым: К. Маркс некогда написал работу «18 брюмера Луи Бонапарта», в которой хотел показать, что Луи-Наполеон — только жалкий подражатель своего дяди. Но не подражал ли сам Наполеон Цезарю, когда высадился в Египте и в битве у пирамид доказал свое подобие римскому императору? Коронация Наполеона в 1804 г. была тоже цитированием Карла Великого, который короновался за тысячелетие (в 800 г.) до этого. Наполеоновское поражение при Ватерлоо и его возвращение к власти — это тоже цитирование, на этот раз позднесредневекового римского диктатора Кола ди Риенци (1313—1354), который дважды в XIV веке пытался возродить в Риме империю. Часто указывают, что Гитлер цитировал Наполеона, когда напал на СССР в тот же день, что и император французов, а когда 12 апреля 1945 г. умер Рузвельт, то, отождествляя себя с прусским королем Фридрихом Великим, Гитлер представил, что Рузвельт — это «его» царица Елизавета Петровна, смерть которой спасла Пруссию от гибели в 1761 г. Эти гитлеровские «цитирования» были невольными, то есть Гитлер не был менее оригинальным в своих целях, чем какой-либо политик до него, или более зависимым от старых имперских мифов, чем его предшественники. И все-таки Гитлер, по всей видимости, никогда не будет рассматриваться «отстраненно», точно так же, как никогда нацистские преступления не будут релятивированы или даже сопоставлены с преступлениями других режимов (даже сталинского) по причине их последовательного антисемитизма. Венгерский философ Дьердь Лукач в своей известной книге об очередном «закате Европы» хотя и высказал вполне определенно традиционную гуманистическую точку зрения по отношению к уничтожению евреев нацистами, но одновременно отмечал, что принимаемое либеральными мыслителями как очевидное утверждение

о том, что нацизм — это более преступное чем сталинизм явление, проистекает исключительно из положения еврейского населения в Третьем Рейхе. На самом деле, по количеству жертв, по чудовищности преступлений и по масштабам антигуманности и жестокости сталинизм — вне всякой конкуренции, он не может быть поставлен рядом с нацизмом. Однако если сталинизм был направлен прежде всего против собственного народа, то нацизм — вовне нации, и антисемитизм был его краеугольным камнем. Только по этой причине Гитлера никогда не будут рассматривать как государственного деятеля ранга Наполеона, о наследии которого подчас отзываются положительно вследствие бесспорных военных и административных успехов¹²⁰.

Как тут не вспомнить Мишеля Фуко, который писал: «нам хорошо известно, что говорить можно не все, говорить можно не обо всем, и, наконец, что не всякому можно говорить о чем угодно». Представляется все же, что до некоторой степени искусственное сужение свободы суждений и мнений на любую тему является недопустимым. Скорее следует подчеркнуть, что каждый человек, формируя свое мнение на тот или иной счет, обязан помнить о необходимости морализации и учитывать ее в той степени, в какой он в состоянии это сделать, не разрушая собственных представлений о предмете. Это не значит, что автор выступает за реабилитацию Гитлера: чем больше изучаешь гитлеризм, тем более он кажется отвратительным, но прийти к этому нужно добровольно... Хотя, следует признать, что когда долго занимаешься какой-либо исторической проблемой, когда кажется, что начинаешь что-то понимать в происшедшем, то происходит и неосознанная релятивация оценок этого прошлого. Клод Лянцман, чей фильм «Шоа» принес ей мировую известность, принципиально отвергала всякие попытки объяснять Гитлера, так как любое объяснение является оправданием, преуменьшением преступления¹²¹. Голо Манн указал на это обстоятельство в рецензии на сдержанную и взвешенную книгу Йоахима Феста о Гитлере: «Чем дольше мы занимаемся этим героем, его происхождением, мотивами его поведения, его психологией, тем больше мы склоняемся к тому, чтобы понять его, и — только один

шаг к прощению, а затем и к восхищению»¹²². Каких-либо признаков «восхищения» Феста своим героем в книге не прослеживается и хотя в принципе мысль авторитетного критика вполне ясна, но вовсе отказываться от попыток понять даже самые страшные злодеяния — недопустимо.

Гитлер находился у власти всего 12 лет, но за этот небольшой для истории срок смог радикально изменить жизнь большого государства, своих подданных и всего мира. Масштабы этих перемен не смог предвидеть ни один политический мыслитель или историк. Его руководство международной и военной политикой вплоть до 1938 г. было блестящим, убедительным и безошибочным; необходимость в быстрых действиях, которую он испытывал, придавала его тактическим ходам темп, который путал карты соперникам и оставлял их в растерянности. При этом Гитлер действовал почти открыто, он говорил: «моя программа с самого начала предусматривала упразднение Версальского договора — я писал об этом тысячу раз, никто не заявлял или писал об этом чаще меня». Это правда. В конце концов Гитлер потерпел поражение, но он был довольно близок к победе; в принципе, он мог победить, и тогда доктрина о неизбежном торжестве его противников и абсурдности нацистского мировоззрения была бы посрамлена. История Гитлера как государственного деятеля и восприятие его немецкой общественностью ясно указывает на то, что в условиях современного массового общества с его колоссальными возможностями общественной мобилизации энергичный и безжалостный человек, не имеющий чувства меры, ловко манипулирующий общественными настроениями и находящийся вне контроля со стороны представительских учреждений, — может изменить общество до полной неузнаваемости.

Для Гитлера в сфере властных отношений не было никаких секретов и, по всей видимости, он почти всегда действовал интуитивно; как писал известный немецкий историк Михаэль Штюмер: «Гитлер был виртуоз власти, — он умел сочетать ледяное отчуждение и экстатическое объединение. Эта двойственность была инструментом его власти. Он сохранял дистанцию со всеми: с собственной партией, с традицией, с политикой, с армией, с

церковью и с промышленностью. Никто из помощников и сообщников не знал, как он его встретит завтра: ни старые товарищи, ни черные паладины из СС, ни дамы из общества, ни генералы. Но неотступна была угроза мучительной гибели в гестаповских застенках, как и соблазн власти, жестокости и алчности»¹²³. После всего того, что написано о Третьем Рейхе, с трудом верится, что такие столпы режима, как Геринг, Гиммлер и Кейтель отнюдь не принадлежали к ближайшему окружению Гитлера, но это факт. Два года спустя после прихода к власти Гитлер буквально загипнотизировал нацию, как ни один немецкий государственный деятель до него. Гитлер имел огромный авторитет, который превосходил даже «богоданный» авторитет монарха в старой династической системе. Все суждения о каком-либо влиянии на Гитлера следует отменить; его персона была, пожалуй, самым ярким примером отчуждения власти от сил, которые к ней привели. Адъютант Гитлера Видеманн писал: «Когда он был занят какими-либо планами, он запирался у себя в кабинете. Слышно было, что он беспокойно ходил взад и вперед. Самые значительные решения — о всеобщей воинской повинности, о введении войск, в Рейнскую демилитаризованную зону он принимал самостоятельно, во многом вопреки мнению своего окружения и советников. Ясно, что и ответственность за эти решения он нес сам»¹²⁴.

После окончания Второй мировой войны и противники Третьего Рейха и немцы долгое время были убеждены в том, что гитлеровское государство было перфектно отлаженной системой террора и господства. Однако с течением времени картина эта все более дифференцируется историками, которые видят разделение и подчас нерациональную борьбу компетенций отдельных ветвей власти. Дело в том, что ни у Гитлера, ни у его ближайшего окружения не было продуманной и логически строгой концепции власти ни до, ни после 1933 г. Практика исключительных полномочий, неопределенность компетенций отдельных параллельных ведомств, нагромождение различных отростков и аппендиксов всемогущего аппарата и всеобщая анархия компетенций определяли развитие режима и перманентность его различных учреждений в политической, социальной и экономической сферах. Это

противоречило рациональному и четкому структурированию государственной власти, как того требовала внутренняя логика всякого авторитаризма и к чему пытались прийти некоторые искренние «государственники» из рядов старой нацистской гвардии (например, Фрик). Им было невдомек, что при помощи старой тактики «разделяй и властвуй» Гитлер стремился воспрепятствовать возникновению стабильных слоев носителей власти, что укрепляло положение фюрера нации и наделяло его совершенно беспрецедентной для немецких (и не только немецких) условий властью, делало его независимым от традиционной бюрократии и нормативных актов; Гитлер испытывал отвращение к любой законности и конституционности¹²⁵.

В оценке персоны Гитлера как государственного деятеля существует два подхода — интенционалисты (Эрнст Екель, Карл-Дитрих Брахер, Франц Хилльгрубер, Конрад Хильдебрандт) видели в Гитлере неограниченного властителя, а нацистскую диктатуру считали реализацией намерений (интенций) фюрера. Функционалисты же (Г. Моммзен, М. Бросчат, Вольфганг Шидер) видели в Гитлере слабого и нерешительного правителя, все действия которого проистекали из простой логики развития событий или логики функционирования аппарата. Наиболее ярко «функционалистский» подход представлял известный немецкий историк, большой знаток нацистской истории Ганс Моммзен, исходивший из допущения Гитлером непрерывной борьбы компетенций, на основании чего был сделан вывод о том, что Гитлер являлся «слабым диктатором», не имевшим характера и решительности установить жесткие структуры власти и покончить с анархией. Эта точка зрения первоначально была встречена положительно, но последующие публикации выдвинули весьма аргументированные и документально подтвержденные возражения против такой оценки и релятивировали ее¹²⁶. В подтверждение своей точки зрения функционалисты обычно указывают на то, что Гитлер не был способен к какой-либо регулярной работе и при этом обладал «дарвинистской» склонностью постоянно вставать на точку зрения сильного. В результате возникло модернизированное государство без координирующего центра, и руково-

датель этого государства со временем все более отдалялся от своего создания. Суть функционирования этой системы весьма точно описал Кершоу: «Тот, кто смог пробиться в дарвинистских джунглях Третьего Рейха и завоевал определенные позиции в иерархии власти, тот получал возможность предугадать волю фюрера и делать то, что, на его взгляд, соответствует желаниям и целям Гитлера»¹²⁷. Бывший в первые годы власти Гитлера министром иностранных дел Эрнст фон Вейцзекер писал: «Искусство министров заключалось в том, чтобы улучшить благоприятный момент, когда можно было ненароком, исподволь подвигнуть Гитлера на определенное решение вовремя брошенной репликой, намеком, вызвать у Гитлера нужную “спонтанную” реакцию, которая затем воплощалась в “приказ фюрера”, возразить или противостоять которому ни у кого не было никаких возможностей»¹²⁸. Гитлер был убежден, что противоборство, противостояние компетенций является единственно верным выходом — каждый вопрос решался в пользу наиболее упорной, наиболее влиятельной и сильной стороны, что соответствовало и социал-дарвинистским установкам режима в целом. Именно поэтому, как указывал Ганс Моммзен, в Третьем Рейхе не было такой сферы, за которую не отвечало бы сразу несколько инстанций¹²⁹. Секретарь Гитлера, чрезвычайно исполнительный и дотошный бюрократ Мартин Борман, понял стиль своего шефа и однажды заметил, что до утверждения Гитлером любой указ или закон должен быть утвержден и «утрясен» со всеми имеющими к нему отношение инстанциями, которые должны обозначить свою позицию к планируемому нововведению. Такой подход и частое нежелание принимать принципиальные решения снимали с Гитлера всякую ответственность и одновременно делали его высшим арбитром в многочисленных столкновениях компетенций и в поощряемом самим Гитлером соперничестве его паладинов. Этим и насыщена бюрократическая история Третьего Рейха.

Борьбе компетенций различных властных инстанций противостояла другая тенденция — стремление объявлять себя несостоятельным или некомпетентным в том случае, если речь шла о непопулярных или морально тяжелых вопросах: об уничтожении евреев, цыган или эвтана-

зии. Министерство внутренних дел, например, содействуя своими указами депортации евреев, подчеркивало, тем не менее, свою некомпетентность в этом вопросе, так как формально не было осведомлено о цели этих депортаций. Именно по этой причине гестапо и нацистские суды легко преодолевали юридический «формализм» в своей зловещей деятельности.

Взгляды и оценки функционалистов и интенционалистов не меняют того факта, что за всю историю Германии в ней не было политика более популярного и влиятельного, чем Гитлер; в Третьем Рейхе существовало полное взаимопонимание между элитой общества, народом и фюрером. Именно благодаря Гитлеру нацистское государство имело не только пассив, но и актив — оно располагало огромными возможностями массовой мобилизации и достигло гораздо большей, чем во многих демократических системах степени общественной интеграции и сплочения. Внешняя организационная форма нацизма, техника руководства им во многом были определены взаимодействием мировоззрения, пропаганды и принципа фюрерства и были осознанно сформированы Гитлером. Из 46 партийных собраний, проведенных партией с ноября 1919 г. по ноябрь 1920 г. (то есть в ключевой момент формирования организационных и идеологических принципов движения), в качестве главного докладчика Гитлер выступал на 31 собрании, что указывает на его ведущую пропагандистскую роль в партии — это и позволило Гитлеру получить всеобъемлющие полномочия в руководстве движением, стать его «фюрером», на полномочия которого в партии никто не смел претендовать. В процессе дальнейшего численного роста партии (до конца 1932 г. в НСДАП было 0,8 миллиона членов и 0,5 миллиона в СА) каких-либо изменений в руководстве, составленном Гитлером, не произошло¹³⁰.

В любой момент с помощью специальных уполномоченных и чрезвычайных комиссаров Гитлер мог обойти рутинную государственную бюрократию, что создавало для него возможность политически и идеологически контролировать народ. В иррациональном мировоззрении нацизма было два центральных элемента: народ как расовая и псевдосоциальная общность и ожидаемый наро-

дом мессия — фюрер. Этот стереотип был близок немцам с вильгельмовских времен; особенно отчетливо он стал заметен в 1914 г.: война обещала совершенно новое видение мира, великое освобождение, очищение от всего наносного, политического. В 1914 г., по словам Фридрих Майнеке, чуть не сбылась романтическая мечта о неполитической политике¹³¹. Эта мечта не реализовалась, но осталась в немецком сознании; нацисты ее уловили и ловко пользовались этой особенностью немецкого национального характера. При этом большое значение имело то, что в политическом стиле Гитлера было нечто, создававшее дистанцию между его персоной и всеми остальными. Риббентроп называл эту дистанцию «неописуемо большой». Гитлер был на «ты» только с семейством Вагнеров¹³², семьей Бехштайн, Ремом и Эссером, а ко всем остальным демонстративно обращался на «Вы». Эта дистанция существовала даже по отношению к самым значительным функционерам Третьего Рейха. Генрих Линге пишет, что даже высокомерный Геринг превращался перед Гитлером в вернопопданнейшего льстеца¹³³. С Гиммлером он часто обращался как с нерадивым учеником, совершенно не разделяя и не понимая его увлечения ведической религией, буддизмом, астрологией и натуропатией. На самом деле, многое из того, во что верил Гиммлер, было слишком эксцентрично даже для его преданных последователей: ледниковая космогония, магнетизм, гомеопатия, месмеризм, ясновидение, исцеление верой и чародейство. Гиммлеру не нравилось сидеть лицом к Гитлеру; генералу Вольфу он однажды сказал, что когда фюрер на него смотрит, он чувствует себя как школьник, не выучивший урок¹³⁴.

Планировалось даже создание сената, который бы определил преемника Гитлера¹³⁵, хотя сам Гитлер избегал всякого институционального контроля и вообще институционализации собственной власти. Логическим следствием последовательного недоверия к институтам с твердо ограниченными компетенциями стали управленческие и административные принципы, основанные на личной лояльности. Гитлер часто высказывал симпатии и зависть к английской неписаной конституции, которая, на его взгляд, содействовала утверждению в Британии «права на

произвол»¹³⁶. Это показывает, что тоталитарная система стремится к освобождению от всех норм и правил, к полной свободе исполнительной власти, произволу — именно это является наиболее примечательным в ней. Поэтому «по-настоящему тоталитарная государственная система является враждебной государству, поскольку она противоположна традиционному государству, осуществляющему власть в рамках законности»¹³⁷. Термин «тоталитаризм» крайне необъективен по той причине, что тоталитарное руководство государством невозможно, поэтому главным намерением Гитлера в отношении государства было — править в активном согласии с народом, что исключало возможность появления эффективной оппозиции. Если Сталин действовал против потенциальной оппозиции, то Гитлер — исключительно против актуальной. Участники немецкого Сопротивления до разоблачения (после неудачного покушения на фюрера) пользовались значительной свободой: беспрепятственно ездили за границу, встречались в Берлине с иностранными дипломатами, почти открыто пытались установить контакты с высшим военным и государственным руководством. И все им удавалось; это невозможно себе представить в СССР: там сразу бы донесли «куда следует». Гитлер вовсе не был беспечным человеком, нет: как писал Иан Кершоу, он чувствовал себя не тираном, обманывающим Германию, но в высшей степени популярным народным лидером¹³⁸. На самом деле, рабочие на заводах Круппа были более надежными сторонниками Гитлера, чем прусские бюрократы и чиновники. Гитлер никогда не хотел учреждения тирании; он часто говорил, что не является диктатором и не хочет им быть. Своеобразие гитлеровского государства как раз и состояло в том, что оно было создано не «над» народными массами, а с их непосредственной помощью¹³⁹.

Помимо государства Гитлер был и высшим руководителем партии, в его распоряжении находился штаб партии — «канцелярия фюрера НСДАП» (*Kanzlei des Führer der NSDAP*) во главе с Филиппом Булером) — в качестве дополнения, дописка к имперской канцелярии. Разделить полномочия канцелярии фюрера (Булер) и партийной канцелярии во главе с Р. Гессом (потом Борманом), а также «личной канцелярии» Гитлера со временем станови-

лось все сложнее. И без того сложная проблема усугублялась еще и существованием системы адъютантов при Гитлере; эти адъютанты составляли ближайшее окружение Гитлера. До начала войны ближайший круг доверенных лиц состоял из Вильгельма Брюкнера, Юлиуса Шауба, Фрица Видемана и Альбрехта Шульце. Этим людям часто поручали специальные поручения. Гитлер постоянно находился в разъездах, и его адъютанты постепенно стали важной частью системы приводных ремней власти. Бросчат указывал, что «со временем стало обычным делом, что отдельные адъютанты Гитлера, особенно группенфюрер СС Юлиус Шауб, выполняя поручения Гитлера, доводили до сведения соответствующих министров его указания и пожелания»¹⁴⁰. Адъютанты, в свою очередь, имели соперника и конкурента в лице Мартина Бормана, который всячески стремился оградить фюрера от «посторонних» влияний.

Партийная канцелярия также делилась на две пропорциональные части — одна занималась чисто партийными делами, другая, под руководством статс-секретаря Клоппфера, была занята связями с государственными органами, указания которым часто давались в форме «приказов фюрера». В качестве секретаря Гитлера и руководителя партийной канцелярии Борман часто «перекрывал кислород» руководителю имперской канцелярии Ламмерсу. В соответствии с личностью и «пробивными способностями» отдельных нацистских иерархов, их ведомства могли достигать весьма значительного веса и влияния, что служило удвоению, амальгамированию партийных и государственных функций. Ярким примером тому было назначение в июне 1933 г. инженера Фрица Тодта «главным инспектором немецких дорог»; его задачей стало строительство автобанов. Ведомство Тодта вскоре получило высший имперский ранг в системе властных отношений; финансирование его проектов проходило непосредственно через имперскую канцелярию. Это был первый пример нетрадиционной самостоятельной организации, созданной помимо обычных институтов власти. «Организация Тодта» обладала огромными средствами и превратилась в государственное предприятие, имевшее колоссальное социальное значение. Другим подобным при-

мером является ведомство четырехлетнего плана во главе с Герингом. Еще одним институциональным новшеством Гитлера было учреждение РАД (трудовой службы) во главе с Константином Хирлом — с 1935 г. для мужчин, а с 1939 г. — для женщин. Ведомство Хирла подчинялось первоначально министерству труда, потом МВД, а с 1943 г. получило ранг самостоятельного высшего имперского ведомства. С 1 декабря 1936 г. такой же статус получил и «Гитлерюгенд», но в финансовых вопросах он остался зависим от партии.

Гитлер обвинял бюрократов в недостаточной гибкости, в том, что инструкция, предписания, иерархия значили для них гораздо больше, чем успех дела, к которому они приставлены. С другой стороны, очевидно, что вовсе отказываться от бюрократии Гитлер не хотел: отношение его к государству и его институтам характеризовалось чередованием «революционных» и охранительных импульсов. 3 июля 1933 г. на собрании активистов СА фюрер заявил, что самым существенным в «национальной революции» является не захват власти, а создание «нового человека». Три дня спустя на другом партийном собрании Гитлер говорил, что «революция — не перманентное состояние»; это утверждение взбудрило министра внутренних дел Фрика, недовольного усилением анархического и неуправляемого элемента СА, и он потребовал от местных властей наведения порядка. Еще неделю спустя — 14 июля — после запрета всех политических партий, Гитлер заявил, что необходимо расширить и усилить влияние партии — в этой связи вновь был оживлен тезис о «национальной революции». 1 сентября на открытии партийного съезда Гитлер подчеркивал, что «партия является единственным носителем государственной власти». 28 сентября 1933 г. Гитлер в присутствии Фрика потребовал у штатгальтеров прекращения «революционных» эксцессов. 2 февраля 1934 г. на собрании партийных боссов Гитлер заявил, что государственный аппарат не достаточно надежен; это же он подтвердил 20 марта, призвав гауляйтеров «продолжить революцию». 5 сентября 1934 г. на открытии очередного партийного съезда Гитлер объявил об окончании «национальной революции», а четыре дня спустя заверил растерянных партийцев, что «не госу-

дарство повелевает нами, а мы повелеваем государством». Впрочем, 13 октября 1934 г. Геббельс, комментируя последние приведенные слова Гитлера, сказал, что не партия должна командовать, но мировоззрение должно влиять на государство. 1 ноября 1934 г. Гитлер заявил гауляйтерам, что государственных чиновников следует контролировать, ибо в большинстве своем они находятся в стане политических противников и саботажников¹⁴¹. Из вышеприведенных цитат ясно, что Гитлер стремился к освобождению от контроля государства, но и не желал слишком опасного усиления партии — его целью была поликратия различных противоборствующих между собой ведомств, в этой поликратии единственной полновластной фигурой был он сам. Власть Гитлера, таким образом, релятивировала и государственную власть, и власть партийных инстанций. Ханна Арендт в своей фундаментальной монографии об истоках тоталитаризма отмечала, что центр тяжести тоталитарной власти в Третьем Рейхе постоянно перемещался Гитлером от одной организации к другой¹⁴². Это можно проследить на примере политики, экономики и социальной сферы. Примечательно, что организации, проигравшие в борьбе компетенций, не ликвидировались, а продолжали существовать (как СА после «ночи длинных ножей»), ибо они были интегральной частью тоталитарной системы. Кроме этого, Гитлер продолжал оставаться лояльным к руководителям этих обанкротившихся организаций, за единственным исключением Эрнста Рема, которого он, по всей видимости, на самом деле опасался: на этого ландскнехта гитлеровская харизма не действовала.

Чтобы представить себе, как Гитлер правил и принимал решения, нужно знать его стиль жизни и привычки. Ложился спать Гитлер около 2 часов ночи и вставал около полудня. У него была мания к перемене мест, он постоянно перемещался из одного конца Германии в другой, имея одновременно три резиденции — в Берлине, Мюнхене и Берхтесгадене. Своим старым привычкам Гитлер оставался верен, по крайней мере, до 1936 г. Интересно, что в поездках Гитлер всегда придерживался заведенного порядка и останавливался всегда в одних и тех же гости-

ницах — в Нюрнберге в «*Deutschen Hof*», в Веймаре — в знаменитой гостинице «*Elefanten*», в Аугсбурге — в «*Drei Mohren*», в Ротенбурге — в «*Eisenhut*», в Гамбурге — в «*Atlantis*», при поездках по Рейну — в отеле «*Dreesen*», в Вене — в «*Imperial*», в Берлине, до назначения канцлером, он жил в отеле «*Kaiserhof*»¹⁴³.

Правда, первые недели и месяцы у власти Гитлер регулярно ревизовал работу различных министерств, особенно когда в Берлине бывал президент: видимо, он сохранил пиетет перед «стариком», как за глаза называли Гинденбурга. После смерти Гинденбурга и до начала войны почти все свое время он проводил в разъездах между Берлином, Мюнхеном, Оберзальцбергом и Байройтом. В отличие от Муссолини, прилежного и аккуратного работника, лично изучавшего горы входящих документов и важных государственных бумаг, Гитлер не занимался такой работой. Разъезжая по стране, Гитлер хотел произвести впечатление собственной вездесущести. Например, 26 июня 1933 г. в Мюнхене в 9.00 Гитлер держал речь перед молодыми итальянскими фашистами; в 14.00, уже в Берлине, он принимал участие в похоронах адмирала Шредера; в 17.00 он снова был в Баварии на Вагнеровском фестивале в Байрейте. Там Гитлер задержался на два дня для того, чтобы принять участие в приемах в доме Вагнера; 30 июня он возложил венок на могилу Вагнера, а после обеда отбыл в Штуттгарт, где принял участие в гимназическом празднике. Вечером он выехал в Берлин, а оттуда в Оберзальцберг, где 6 августа произнес трехчасовую речь перед гауляйтерами¹⁴⁴. Такой динамичный стиль должен был внушить представление о чрезвычайно энергичном и вездесущем руководителе.

Правительственный стиль Гитлера был крайне своеобразен и эксцентричен¹⁴⁵; Гитлер, как и Сталин, с отворачиванием пресекал все попытки письменно фиксировать собственные распоряжения (многие важные решения формально не регистрировались). Гитлер часто и подолгу отсутствовал в Берлине, оставаясь недоступным даже для самых важных министров, поэтому иногда трудно определить, какие акты, исходившие от правительства, Гитлер читал и как он на них реагировал. У Гитлера часто не хватало терпения изучать сложные вопросы, и он скло-

нялся к импульсивным решениям, руководствуясь при этом советами старых партийных соратников или фаворитов. Как диктатор, для историков Гитлер остается в туманной дали, ибо здесь источники молчат, и приходится полагаться исключительно на косвенные свидетельства, которые, естественно, легко оспорить. Это дает повод для всевозможных интерпретаций характера организации власти при Гитлере. Ясно, что систематического государственного правления и соответствующих стройных структур власти при таком властном раскладе просто не было. Правительство не собиралось с 1937 г. Гитлер редко вмешивался в споры по внутренней политике, предпочитая, чтобы стороны сами находили решение сложного вопроса. В процессе «утрасок» вопрос либо находил приемлемое разрешение, либо надолго увязал во взаимных противоречиях.

Роль Гитлера в системе власти отличалась как от роли западных политических деятелей (в Берлине не существовало «кабинета» в собственном смысле слова), так и от роли Сталина в системе власти в СССР (у Гитлера не было своего политбюро, на котором хотя бы первоначально принимались коллегиальные решения, и Гитлер никогда не декларировал готовности к «коллективному руководству»), роль Гитлера была беспрецедентна и уникальна. Гитлер непостижимо быстро и, кажется, при полном «одобрении» общественности целиком подмял власть под себя; власть его была абсолютно единоличной, влиять и тем более давить на него никто не мог. Кроме Эрнста Рема, убитого в 1934 г., среди нацистских сатрапов не было ни одной самостоятельной фигуры, за исключением Рейнхольда Гейдриха. При этом такое положение было достигнуто Гитлером не при помощи террора, как в сталинском Советском Союзе: после 1934 г. в нацистской Германии не было казнено ни одного официального лица, нацистская элита оставалась неизменной все 12 лет диктатуры. Лишь дважды были смещены гауляйтеры: в 1940 г. скандалист, антисемит и психически неуравновешенный Юлиус Штрайхер и в 1936 г. — Вильгельм Кубе (вследствие анонимного доноса о том, что его жена — еврейка). В обоих случаях Гитлер вмешивался в дело неохотно; впрочем, уже в 1941 г. Кубе стал генеральным губернатором

Белоруссии, где продолжал враждовать с СС (интересно, что ээсовцы считали завзятого антисемита Кубе «еврейским пособником»¹⁴⁶) из-за полномочий; этой борьбе положила конец бомба, подложенная женщиной из прислуги Кубе. Штрайхер же довел партийцев своими выходками (последней каплей, переполнившей чашу терпения, было заявление Штрассера о том, что дочь у Геринга появилась в результате искусственного оплодотворения); его судил партийный суд — в том числе и за очевидные случаи коррупции — и признал его негодным для занятия высших руководящих должностей. Гитлер с большой неохотой удалил Штрайхера с его поста, но ему разрешили и дальше руководить «Штюрмером»¹⁴⁷. Подобная терпимость Гитлера по отношению к откровенному психопату граничила с полным попустительством. Гитлер не любил кадровых перестановок; по словам барона фон Нейрата, фюрер со слезами на глазах сообщил ему, что его пост министра иностранных дел будет замещать Риббентроп¹⁴⁸. В окружении Гитлера, — в отличие от окружения Сталина, — царил не страх, но боязнь утратить его расположение. Сталин не терпел и жестоко карал малейшее неповиновение, а Гитлер относился к этому снисходительно: например, как-то поздно вечером он позвал к телефону министра иностранных дел Константин фон Нойрата, но прислуга сказала, что министр спит; Гитлер настаивал и все-таки получил отказ. Больше фюрер никогда не звонил Нойрату поздно¹⁴⁹. Ближайшее окружение Гитлера, его секретарши часто подсмеивались над ним, не вызывая у него ни малейшего недовольства. Можно ли представить себе подобное поведение со Сталиным?

Такой «попустительский» стиль правления Гитлера побуждал некоторых исследователей писать о том, что вообще «решения» Гитлера являлись принятием неизбежных *faite accompli*. Эрих Фромм даже сомневался в том, что фюрер вынашивал идею нападения на Польшу, так как с симпатией относился к польскому министру иностранных дел полковнику Беку. Но когда Бек отверг сравнительно мягкие предложения Гитлера, тот пришел в ярость и стал нагнетать напряженность в отношениях с Польшей так интенсивно, что единственным выходом из создавшегося положения стала война¹⁵⁰.

Словосочетание «принцип фюрерства» наиболее точно отражает сущность власти в Третьем Рейхе; фюрер был единственной полномочной инстанцией во всех отношениях и сферах: даже в партии не было единого руководящего центра, а титул «рейхсляйтер НСДАП» (*Reichsleiter der NSDAP*) был пустым звуком¹⁵¹; партийные съезды НСДАП были способом аккламации и поводом продемонстрировать мощь и единство движения; до войны часто собирались конференции высших сановников Рейха, предназначавшиеся для оглашения каких-либо новых политических директив, но не для их одобрения. Знаток истории Третьего Рейха Брахер подчеркивал, что «основополагающим для нацизма и его системы господства было то, что она с самого начала и до конца была связана с одним человеком, вместе с которым она и пала»¹⁵².

В войну Гитлер почти полностью оставил внутреннюю политику триумвирату Гиммлер—Борман—Геббельс. Совершенно независимо от этого триумвирата оперировал Шпеер, обеспечивая эффективное функционирование военной экономики. Кроме того, был еще целый ряд «полубогов»: много потерявшие во влиянии Геринг, Риббентроп, Розенберг, Кальтенбруннер. В этих условиях Гитлер все более сдавал политически, что, в частности, продемонстрировал слабый резонанс немецкого общественного мнения на его новогоднюю речь в 1944 г. (как передавала СД), нарастающая волна анекдотов про фюрера и критика в его личный адрес. Геббельс пытался релятивировать эту тенденцию, историзируя персону фюрера и вводя исторические масштабы в освещение и оценке его деятельности: сравнивая Гитлера с Фридрихом Великим с его неудачами в Семилетнюю войну. Со своей стороны, Борман пытался возвысить главу государства до религиозных масштабов¹⁵³. Нацистской пропаганде и Геббельсу на самом деле удалось привязать всю нацию к персоне Гитлера, миф фюрера оказался чрезвычайно устойчивым и умер вместе с Гитлером. Экстремальная фиксация немцев на персоне Гитлера отразилась в том, что после покушения 20 июля 1944 г. кривая популярности фюрера резко пошла вверх, а консервативный генералитет стали считать основным виновником военных поражений и не-

удач¹⁵⁴. Тот факт, что 20 июля 1944 г. Гитлеру удалось избежать смерти, был истолкован немцами как повод к еще большему сплочению перед лицом врага. Современники передавали, что генералы вермахта, чтобы спастись от народного гнева, поверх мундиров надевали дождевики. Гитлер сам написал приказ о недопустимости нападков на офицерский корпус и дворянство, однако, в узком кругу он сказал, что Сталин был прав, когда в 1937 г. произвел чистку офицерского корпуса, и что сам он сожалеет, что в 1934 г. выступил против революционных СА, а не против Рейхсвера¹⁵⁵. С другой стороны, 27 августа 1944 г. Гитлер распорядился, чтобы члены семей офицеров, расстрелянных по делу о заговоре 20 июля, были обеспечены всем необходимым, как и 10 лет назад члены семей погибших в «ночь длинных ножей» 30 июня 1934 г.¹⁵⁶

В заключении главы о положении Гитлера в системе власти Третьего Рейха хотелось бы привести слова Робеспьера о Марате: «Этот человек был очень опасен — он верил в то, что говорил». То же можно сказать и о Гитлере. Продолжая цитирование, стоит вспомнить слова Трево-ра-Ропера: «Гитлер был Руссо, Мирабо, Робеспьером и Наполеоном революции, ее Лениным, Троцким и ее Сталиным. Пусть по характеру и по сути своей он далеко уступал большинству из них, но, как бы там ни было, ему удалось то, что не удалось никому из них — он удерживал революцию в своих руках на каждом из ее этапов и даже в момент поражения. Это говорит об осязаемом понимании им того, какие силы он пробудил»¹⁵⁷.

В 1941 г. при встрече с Иденом Сталин сказал, что слабость Гитлера — это неумение распознать момент, когда следует остановиться. Гитлер собирался создать этакую гигантских масштабов современную Спарту, основанную на перемещении и на порабощении миллионов людей. В отличие от Гитлера, Сталин осознавал границы, переступать которые было бы опасно¹⁵⁸. Советник немецкого посольства в Москве Густав Хильгер писал, что на Сталина произвели сильное впечатление определенные черты характера и действий Гитлера: «при этом у меня уже тогда возникло гнетущее чувство, что ему, очевидно, импони-

ровали именно те качества и те решения Гитлера, которые стали роковыми для Германии. Но и Гитлер никогда не скрывал, что он (разумеется, за исключением своей собственной персоны) считал Сталина самым значительным из всех современников. Разница между обоими состояла только в том, что Гитлер сохранил свое восхищение Сталиным до самого конца, между тем как отношение Сталина к Гитлеру превратилось в жгучую ненависть, а затем в глубочайшее презрение»¹⁵⁹. Хаффнер, кажется, вполне справедливо поместил Гитлера в черед диктаторов XX в. между Муссолини и Сталиным — ближе к Сталину, чем к Муссолини. «Нет ничего более вводящего в заблуждение, — писал Хаффнер, — чем считать Гитлера фашистом, ибо фашизм — это господство элиты общества, опирающееся на искусственно вызванное массовое воодушевление. Гитлер также зажигал и воодушевлял массы, но не для того, чтобы свергнуть господствующий класс. Но он не был и классовым политиком, поэтому национал-социализм — это нечто другое, чем фашизм»¹⁶⁰.

В итоге следует констатировать, что при ближайшем рассмотрении персоны Гитлера и характера его воздействия на немецкое общество, лубочные представления о пороке и зле, которые олицетворял Гитлер, становятся неудовлетворительными и неубедительными — от них следует отказаться не ради собственно личности Гитлера, бесспорно отвратительной в силу своего обструкционизма и политических целей, но ради того, чтобы научиться распознавать реальное зло за броскими и неясными лозунгами. Как указывал Фромм, всякая попытка внести в портрет фюрера искажения, лишить его человеческих черт, чревата в дальнейшем неспособностью распознавать потенциальных гитлеров в людях, вовсе не похожих на чертей, но спокойно и целеустремленно прокладывающих себе путь к власти¹⁶¹.

ГЛАВА II

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ: УЗУРПАЦИЯ ВЛАСТИ, НОВЫЕ КАЧЕСТВА ВЛАСТИ ПРИ НАЦИСТАХ

«Как в природе, так и в государстве многое изменить сподручней, чем что-то одно»

(Френсис Бэкон)

«Есть только форма и мысль. Этого утверждения вы не найдете у Ницше, но оно там скрыто. Его белокурая бестия — это мечта об объединении духа и власти. Но из этого ничего не получится, ибо это два разных царства. До тех пор, пока мы в этом сомневались, это объединение можно было осуществить. Но теперь ясно, что этого сделать нельзя и все кончено».

(Готтфрид Бенн в 1934 г.)¹⁶²

«В наши дни средства словно превратились в цель, и не только “бог умер”, как утверждал в XIX в. Ницше, но и человек умер, а живы только организации и машины».

(Э. Фромм)

Государственная власть и нацисты: соотношение теории и практики

Для Гитлера государство, как и партия и экономика, были лишь средствами для достижения цели — сохранения расы и создания Германского Рейха немецкой нации. Гитлер считал, что миссия всех, кто борется под знаменем со свастикой, состоит в том, чтобы противостоять большевистской угрозе и еврейской опасности. С оглядкой на собственную социал-дарвинистскую идеологию и исходя из тактических соображений, Гитлер вплоть до написания своего политического завещания избегал вы-

казывать однозначную позицию по отношению к роли государства в собственных планах. 27 апреля 1920 г. Гитлер заявил, что нельзя однозначно высказаться в пользу монархии или республики: выбор формы государства зависит от конкретных обстоятельств. Все зависит не столько от самой формы правления, но от наличия эффективного правительства, обладающего необходимым авторитетом и властью: «Мы боремся не за монархию, — сказал Гитлер на процессе по делу о “пивном путче”, — и не за республику, мы боремся за наше немецкое отечество»¹⁶³. Во второй главе «Второй книги» Гитлер, рассматривая проблемы государства, приходит к выводу, что определения государства дать невозможно; с целью критики и анализа Гитлер выделяет три подхода к проблеме государства. Первый — гегелевский подход — обожествление государства; при этом, по словам Гитлера, не государство служит людям, а, наоборот, люди обязаны служить государству. Подобное обожествление государства Гитлер отвергал как неплодотворное. Второй подход к роли государства сводится к необходимости ограничения его деятельности только экономикой; такой подход исчерпывает либеральную оценку роли государства, также для Гитлера неприемлемую. Третий подход в классификации Гитлера сосредоточен на создании и сохранении национального государства, но даже и сторонники этого подхода в итоге скатывались, на его взгляд, на позиции беспредельного обожествления государства. Сам же Гитлер был сторонником восприятия государства не как цели, а исключительно как средства политики¹⁶⁴. Весьма характерно его высказывание в 1930 г. во время судебного процесса в Лейпциге над тремя офицерами рейхсвера, обвиненными в причастности к НСДАП: «Когда мы будем располагать соответствующими конституционными правами, мы сформируем государство в таком виде, в каком сочтем необходимым»¹⁶⁵. Очевидно, что это будет не парламентская система, ибо, на взгляд Гитлера, парламентаризм страдает существенными слабостями: принцип большинства, основывающаяся на эгоизме и плюрализме политика, демократия как выражение господства капитала, всеобщее вырождение и слабость¹⁶⁶. Стараясь утвердить негативное отношение к демократии, за несколько дней

до «пивного путча» Гитлер заявил: «Масса состоит из посредственностей, из демократов, но тысяча слепых не могут в сумме дать зрячего, тысяча трусов — героя, сто тысяч парламентариев — государственного деятеля. Трусы выбирают вождем самого трусливого, чтобы не допустить появления храброго человека, а глупые выбирают наиглупейшего с тем, чтобы чувствовать, что они чуть умнее его. Народ, который подчинен принципу большинства, обречен на гибель»¹⁶⁷. Подобной аргументации не откажешь в изобретательности, тем более что эти суждения часто соответствовали истине.

Гитлер клеймил продажность парламентариев, их зависимость от лобби; он обещал, что как только окажется у власти, то законодательным образом обеспечит независимость министров, чиновников и партийных функционеров от промышленности. 15 января 1936 г. Гитлер заявил: «мы победили своих врагов на их собственной демократической основе и по их правилам игры»; 30 января 1941 г. он говорил, что НСДАП «в демократии демократию сломила демократией» (*in der Demokratie mit der Demokratie die Demokratie besiegt*)¹⁶⁸, что он объяснял собственным умением бить врага его же оружием.

Какое же государство Гитлер хотел создать вместо Веймарской республики? Партийная программа настаивала на сильном авторитарном государстве, значение представительских институтов отрицалось. В соответствии с собственной теорией отрицания необходимости принципа большинства, Гитлер писал в «Майн кампф»: «Нет и не может быть принятия эффективных решений большинством голосов, поэтому слову «совет» следует вернуть его первоначальное значение. Любой сведущий человек может советовать, но решение принимает один ответственный государственный деятель». Парламент, по Гитлеру, мог сохраняться, но его функции должны быть в корне изменены; голосования также могут проводиться, но из способа принятия решений они превратятся в простые рабочие инструменты¹⁶⁹. Парламенту, таким образом, отводилась функция «сокращенной» (по сравнению со всей нацией) аккламации.

В «Майн кампф» Гитлер высказывался за унитарное устройство: «Поскольку для нас, национал-социалистов,

государство само по себе есть только форма, и более важным является его содержание, то есть нация, народ, раса, — то ясно, что суверенным интересам такого государства должны быть подчинены все. Поэтому мы не можем допустить в рамках единого государства какие-либо суверенные интересы и права отдельных земель»¹⁷⁰. После прихода к власти Гитлер сделал все, чтобы создать централизованное государство, но он не спешил закрепить эту форму юридически; он опасался лишить нацистское движение его динамики, революционного порыва и «созидательной силы». Гитлер подчеркивал, что фундаментальной ошибкой юристов и законодателей является их убеждение, что таким образом они благотворно воздействуют на жизнь. Он писал, что конституции могут вытекать из реальной общественной практики, а не навязывать последнюю¹⁷¹. Подобным образом Гитлер реагировал и на предложение создания сословного государства: «К таким вещам нельзя принуждать. В обществе ничего нельзя искусственно конструировать. Понимаете? Такие вещи должны вырасти снизу. Вы знаете, как творят художники? Так же и государственный деятель для такого рода изменений должен дать созреть не только собственным мыслям и представлениям, но и реальным общественным силам». Он подчеркивал, что никогда не действовал по определенным рецептам¹⁷². Именно поэтому в 1935 г. Гитлер запретил письменные или устные дебаты о будущей государственной форме Рейха. Он хотел получить в свое распоряжение элиту энергичных людей, которые смогли бы решать поставленные задачи: «Я ставлю перед партийцами задачу; если они ее выполняют, значит, они на своем месте, а если нет — значит, им нужно искать замену. Но если я не нахожу никого подходящего, то это верный признак того, что время решения этой задачи еще не пришло. Существует абсолютно закономерная связь между задачей и теми людьми, которые в состоянии ее разрешить»¹⁷³.

Частые антисемитские высказывания Гитлера даже в партии сначала воспринимали как «заскок Адольфа» (*Hirngespinnst von Adolf*); но очевидно, что, несмотря на заскоки, он смог удержать под контролем центробежные силы в партии. Гитлер с самого начала не упустил контроль над

государством, что свидетельствует о его прекрасно развитом инстинкте политика и государственного деятеля. В соответствии с представлениями Гитлера, государство не следует втискивать в определенные рамки и структуры — ему нужно позволить развиваться органически¹⁷⁴. Веймарская конституция, на его взгляд, была слишком «механистичной» и «слишком легальной», «переузаконенной» (*zu legalistisch*)¹¹⁵, по Гитлеру, она более была ориентирована на индивидуума, чем на национальную общность; для того, чтобы способствовать развитию адекватного новой национальной общности государства, Гитлер на некоторое время планировал сохранить структуры старой Веймарской системы, по частям заменяя ее новыми органами. Началом движения по этому пути стало основание министерства народного просвещения и пропаганды.

Кто из немцев в начале 1933 г. мог представить себе, что через полгода вся прежняя республиканская политическая система с партиями, парламентаризмом, законностью и либерализмом исчезнет практически бесследно? Очевидно, что необыкновенная легкость, с которой нацисты провели политическую унификацию государства, объясняется объективной слабостью либеральной политической культуры в Германии и инстинктивным использованием Гитлером тайного стремления немцев к эффективной и эффективной власти, а также к компенсации национального унижения от Версальской системы. Примечательный исторический анекдот, описывающий атмосферу узурпации власти нацистами, передает К. Гейден в своей ранней биографии Гитлера. В 1928 г. в пивной «Бюргербройкеллер» выступал министр иностранных дел республики, лауреат Нобелевской премии мира Густав Штретземан, много сделавший для пересмотра несправедливых решений Версальской конференции. В середине его речи в зал вошла группа нацистов и начала петь национальный гимн, а председательствующий вместо того, чтобы прервать наглецов, встал и запел вместе с ними. В результате собрание было сорвано, а когда Штретземан обвинил председателя в трусости, тот объяснил, что следовало показать этим хулиганам, что присутствующие такие же патриоты, как и собравшиеся в зале. То есть, вместо того,

чтобы указать нарушителям порядка на дверь, их приветствовали как истинных патриотов. Гейден сделал вывод, что приход Гитлера к власти и последующая узурпация власти развивались по этому же сценарию¹⁷⁶.

Благоприятные для нацистов и Гитлера условия Версальских ограничений на Германию были подкреплены невероятным, почти сверхъестественным политическим инстинктом Гитлера, о котором шла речь в предыдущем разделе. Не следует забывать, что разрушение Версальской системы и Веймарской республики началось еще в 1929—1932 гг., а создание фюрерского государства не закончилось и в 1939 г. Динамикой разрушения одного и создания другого было наполнено все нацистское десятилетие: трансформация и создание новых политических структур шли рука об руку, были органически взаимосвязаны. Не следует недооценивать, как указывала Ханна Арендт, псевдодемократической стороны тоталитарных режимов, поскольку «захват власти»¹⁷⁷ (*Machtergreifung*) Гитлером был осуществлен легально и по правилам демократической конституции¹⁷⁸; демократизация общества, достигнутая в период Веймарской республики, была сама предпосылкой возникновения и утверждения тоталитаризма.

Гитлер был лидером самой большой в Германии политической партии, которой немного не хватило до большинства в рейхстаге. Именно по этой причине представления марксистской историографии о Гитлере и его партии как об агентах крупного финансового капитала неверны, ибо не согласуются с огромной популярностью фюрера в народе. Нацистский юрист Ганс Франк писал, что «это была первая революция всемирного значения, которая не нарушила формального права»¹⁷⁹. Уже в марте 1933 г. стало ясно, насколько большой популярностью стали пользоваться нацистские политики и Гитлер в среде интересующихся политикой рабочих — бывших коммунистов, социал-демократов, профсоюзников: все они видели в партии Гитлера партию авторитета и долгожданного порядка. Очень многие из них устремились в НСДАП и примыкающие к ней организации. Известный социал-демократ Вальтер Хегнер вспоминал, как, прогуливаясь в конце 1933 г. со своим товарищем по рабочему кварталу, кото-

рый ранее был оплотом коммунистов, они с удивлением обнаружили, что все дома были увешаны знаменами со свастикой, а по разговорам жен рабочих на улице они поняли, что Гитлера и его политику здесь однозначно приветствуют и одобряют. Такая метаморфоза настроений рабочих показалась Хегнеру и его товарищу очень странной и совершенно нелогичной¹⁸⁰. Хегнер был поражен тем, как тонко нацисты смогли мобилизовать нацию; он объяснял это тем, что социал-демократы, будучи рационалистами и не обладая фантазией, сосредоточились в своей политике на сугубо приземленных вещах: на зарплате, на домашнем бюджете, на буднях и прозе жизни. Нацисты же, по его словам, смогли зажечь сердца высокими целями, смогли пробудить фантазию, оторвать людей от будничных забот, внушить им романтически возвышенный образ мысли, обращенный к целям, стоящим высоко над действительностью: «нам казалось, что это какое-то злое колдовство»¹⁸¹. Хотя для Гитлера и для НСДАП большой проблемой было то, как рабочие отнесутся к партии, которая формально называлась рабочей, а на деле претендовала на представительство интересов всей нации. Эти опасения не были напрасными, ибо доля рабочих в партии между 1928 г. и 1933 г. снизилась с 38% до 33%, среди избирателей с 32% до 27%, а в нацистской фракции рейхстага — с 8,3% до 10,2%. Статистика показывает, что в 1933 г. среди выборщиков НСДАП рабочих было 28%¹⁸².

Правительство Гитлера начинало как вполне конституционный президентский кабинет: 1 февраля 1933 г. канцлер испросил у президента разрешения на проведение досрочных парламентских выборов 5 марта. Предвыборная борьба и была первой фазой борьбы за захват власти, потому что она позволила Гитлеру ввести в действие свои главные козыри: отлаженный пропагандистский аппарат и отлично организованную и динамичную армию гражданской войны — СА. Во время предвыборной борьбы Гитлер не удовлетворялся легальными средствами борьбы против «марксизма», поэтому пожар рейхстага 27 февраля означал удобный повод для резкой радикализации действий против политических противников нацизма: руководство коммунистов было арестовано (только в Прус-

сии к середине марта было арестовано 100 000 коммунистов). 28 февраля 1933 г., на следующий день после пожара, Фрик издал закон «О защите народа и государства», который отменил права граждан, свободу собраний, тайну переписки и разрешил домашние обыски. Полиция и вспомогательные отряды СА получили возможность арестовывать без всяких доказательств вины, неприкосновенность жилья и личности не были более гарантированы, так же как и прочие свободы, которые попирались ради «порядка». С 28 февраля до 5 марта 1933 г. 69 человек погибло в уличных стычках¹⁸³; по всей стране возникли импровизированные (дикие) концлагеря СА, в которых пытками, избиениями и издевательствами «урезонивали» противников Гитлера; сразу после прихода к власти началась фаза самого подлого и низкого террора и мести своим противникам со стороны СА: разнообразным формам давления и преследований подверглись партийные организации, мэрии, профсоюзные организации. Штурмовики тащили своих жертв в импровизированные лагеря на территории заброшенных складов, заводов, сараев, ангаров; только в Берлине таких концлагерей было более 100. Всего было арестовано более 100 000 человек (в том числе и женщин), которых подвергали пыткам, избиениям, издевательствам, военной муштре или наказаниям работой. 500—600 человек из этих арестованных было убито или умерли в результате издевательства. Волна террора несколько спала только в конце лета 1933 г., после того как Гитлер официально объявил о завершении «легальной революции». СА в качестве вспомогательной полиции были лишены полномочий только 2 августа 1933 г.

Несмотря на террор С А, выборы в рейхстаг 5 марта 1933 г. были относительно свободными (нацистская система террора и унификации еще не приняла завершенных черт) и НСДАП получила 44% голосов, а вместе с ННП — 52% и имела все формальные права для представления народа в правительстве. По сравнению с выборами ноября 1932 г., нацисты увеличили свое представительство на 10,8%¹⁸⁴. Партнеры Гитлера упустили из виду, что насильственная ликвидация левых партий приведет к нацистской гегемонии над всеми прочими политическими силами Германии. Политическое развитие Германии

по приходу к власти нацистов прошло два этапа: на первом этапе нацисты вместе со своими партнерами по кабинету в феврале, марте и апреле 1933 г. осуществили устранение левых партий из политической жизни, а к концу 1933 г. начали осуществлять давление и на другие политические партии с целью их самороспуска, которые вскоре и последовали.

Несмотря на легальный характер прихода к власти, изменения в системе государственной власти Германии, предпринятые нацистами, носили революционный характер, но эта революция была связана не с восстанием народных масс, а с административной унификацией и ее формальной легализацией сверху; однако и без давления снизу Гитлер не смог бы получить столь значительную полноту власти. Итогом нацистской революции в системе государственной власти было, как и в других европейских революциях XIX и XX вв., отеснение от власти прежних политических элит и групп, ликвидация политических партий, парламента, автономной общественности. Все это было заменено аморфной массой, именовавшейся «немецким народом», «нацией», находящейся в состоянии некоей органической национальной общности, наподобие российской «соборности», в которой недемократически организованной общностью управляли авторитарно, что исключало всякий плюрализм, рассматривавшийся как вредоносный. Единственно, что серьезно интересовало эту новую общность — это благосостояние, доходы, жилье, автомобили, возможности отдыха на юге; всем этим устремлениям нацисты активно потакали, рассматривая социальную сферу как бесспорно приоритетную. Соответственно и гитлеровское государство придавало самое важное значение именно социализации человека, то есть по возможности более полному его включению в коллектив, дисциплинированию его в рамках нового государства, а компенсацией последнего были социальные гарантии — именно они и были самой важной чертой нацистского социализма. Здесь антонимом слову «социализм» был не капитализм, но индивидуализм, против которого решительно выступало гитлеровское государство. Важно отметить, что унификация различных сторон жизни немецкого общества часто осуществлялась в унизи-

тельной форме: старые, заслуженные, опытные, знающие люди в руководстве различных организаций заменялись молодыми и неопытными, единственным достоинством которых было наличие партбилета¹⁸⁵. Это были совсем молодые люди — 1900 года и позже рождения, они действовали по принципу «есть должность, найдутся и способности» (*Wem Gott ein Amt gibt, dem gibt er auch Verstand*). При этом к власти пробирались весьма сомнительные личности, что не особенно беспокоило нацистское руководство, ибо в партии существовала совершенная система политического и мировоззренческого контроля.

Вполне осознавая причины своей победы, Гитлер при создании нового государства — как и при создании партии — руководствовался мыслью, что и государство должно строиться на точно таких же командно-самовластных началах отдельных управленческих структур. Но поскольку природа одного и другого института совершенно различны, то рецепты успеха, сопутствовавшего ему при создании-чрезвычайно динамичной и мощной партии были совершенно непригодны при государственном строительстве. Последнее было несравненно более сложным делом, чем создание партии, поскольку приходилось иметь дело с уже сложившимся институтом, который нужно было не создавать заново, а перестраивать и приспособливать к новым задачам. В конечном счете следует признать, что «люди государства» в Третьем Рейхе не смогли преодолеть влияния «людей партии» и СА: они отчаялись преодолеть анархию компетенций и отсутствие каких-либо правил игры однопартийного государства, которому было присуще безусловное повиновение воле фюрера. Иными словами, можно сказать, что старая немецкая авторитарная традиция была прервана нацистским государством и никакой преемственности между ними нет¹⁸⁶. Чиновная клика кайзеровских времен рассчитывала после 1933 г. вернуть себе утраченные в республике позиции, но эти ожидания не оправдались, поскольку в борьбе компетенций и противостоянии людей партии и людей государства Гитлер отдавал предпочтение первым. Государство в Третьем Рейхе уже не исполняло присущей ему роли регулятора интересов различных общественных групп, оно само стало одной из групп влияния. Тактика Гитлера в

отношении государства состояла в том, что после своего утверждения в качестве главы государства он долгое время делал вид, что бессилён против самодеятельности, витализма и активизма НСДАП и СА. На самом же деле, это был его хитрый маневр, Гитлер охотно и сознательно поощрял этот активизм и инициативы или, по крайней мере, терпел их. Эта тактика Гитлера привела к нацистской унификации государства в таких масштабах и такой скоростью, каковых никто не ожидал. Ханна Арендт остроумно сравнила эту унифицированную нацистами государственную власть с внешней оболочкой луковицы, которая закрывает более горькие и жгучие ее слои¹⁸⁷. Традиционный государственный аппарат в такой «луковице» представляет внешний слой, а внутренние слои ее — это постоянно растущий аппарат власти партии, развивавшейся и усиливавшейся вплоть до 1945 г. Иными словами, государство при нацистах было скорее не аппаратом исполнения государственной политики, а правовой процедурой, которой в принципе старались придерживаться, но как только возникала какая-либо потребность нарушить эту процедуру (обнажить новый слой «луковицы»), тогда создавались соответствующие компетентные органы, которые действовали исключительно по собственному произволу¹⁸⁸.

Гитлер верно почувствовал, что народу, государству и экономике нужны импульсы в преодолении застоя после кризиса. Первоначальная действенность всех гитлеровских начинаний была увеличена решительностью, с какой отдавались необходимые распоряжения, и динамикой (хотя часто и бестолковой), которой были отмечены действия нацистских властей. Ко всему прочему, инстинкт, выказанный Гитлером при захвате власти, теперь нашел дополнение в его бесспорной способности представлять власть¹⁸⁹. Это отчетливо видно даже на документальных лентах того времени, запечатлевших целые спектакли, которые умело разыгрывал Гитлер, изображая «отца» нации или весьма впечатляюще представляя власть. Легко себе представить, какое впечатление это производило на простой народ, который жаждал мессии, избавившего бы от всех напастей. Миллионы нормальных простых людей поверили в Гитлера и его государство и оказались обма-

нутыми в своей вере, ибо в целом режим имел в виду прежде всего достижение своих собственных целей.

Гитлер считал, что главной целью и смыслом нового государства должно быть сохранение и дальнейшее развитие расовой общности в физическом и духовном смысле, а также обеспечение свободного развития каждого полноправного члена этого сообщества и пробуждение сил к созидательному творчеству. «Задачей истинно народного государства, — писал Гитлер в “Майн кампф”, — является написание мировой истории, в этом процессе расовый вопрос должен занимать доминирующее положение»¹⁹⁰. Для Гитлера государство и нация, нация и социализм были идентичны, он стремился к тотальной общности, динамично рвущейся к имперским целям и положению: «Тот, кто любит свой народ, должен доказать это жертвой. Национального чувства, восходящего к выгоде, не существует. Национальное чувство, которое охватывает только определенные классы общества — тоже. Распространенный в наше время страх перед шовинизмом—это признак импотенции»¹⁹¹.

Новое нацистское государство носило тоталитарный характер, как и в СССР. Тоталитаризм вообще был совершенно новым политическим явлением в истории Европы, он в корне отличался от старого имперского и авторитарного государства. За тоталитарной политикой скрывались неведомые до того представления о политической реальности и власти вообще. Причиной этих необычайных свойств тоталитарной власти была, как это ни странно звучит, массовая демократизация, которая по-новому и весьма эффективно легитимировала насилие, унификацию общества, бесконтрольный характер власти. Первооткрывательница феномена тоталитаризма Ханна Арендт указывала, что своеобразие тоталитарной формы государства обусловило возникновение до тех пор неведомой психологической ситуации, когда под воздействием тоталитарной машинерии человек попадает в состояние полного одиночества перед лицом всемогущего и бесконтрольного государства и его многочисленных проявлений. Это одиночество и покинутость и составляет главную примету тоталитаризма¹⁹². Тоталитарное государство составляет противовес либеральному государству и является за-

вершенным выражением этого противопоставления. Нацистское тоталитарное государство было фюрерским и расовым государством с весьма важными элементами современного социального государства, что придавало гитлеровскому государству особую привлекательность в глазах немцев, по крайней мере до начала войны. Тоталитарный характер государства, однако, не означал неперменной его эффективности, даже и сама тотальность государства оказалась на поверку фикцией во многих отношениях. Гитлер в 1932 г. говорил об инфляции законов, но подлинная инфляция законов началась после 1933 г.: начиная с Закона о чрезвычайных полномочиях правительства от 24 марта 1933 г. (с этого момента законы могли приниматься правительством без рейхстага); до 8 мая 1945 г. было выпущено 8 тыс. законов и распоряжений¹⁹³, которые часто противоречили друг другу. Во время войны утверждение новых законов прекратилось — так, в 1944 г. было выпущено лишь два закона, но зато вышло 206 распоряжений, имеющих силу закона. Очевидно, что при такой юридической практике даже верные партии юристы вынуждены были прибегать к импровизации¹⁹⁴. Карл Шмитт, комментируя Закон о чрезвычайных полномочиях, писал: «Закон от 24 марта 1933 года является конституцией современной немецкой революции. На основании этого закона и с его помощью может быть проведено дальнейшее переустройство государства»¹⁹⁵.

Французский посол в Берлине Франсуа-Понсе указывал, что нацисты в 5 месяцев проделали то, что итальянские фашисты не сделали и за 5 лет. Эти слова посла относятся не только к осознанно осуществляемому нацистами преодолению сословных привилегий (итальянские фашисты, наоборот, хотели законсервировать сословия в корпоративном государстве), но и к изменению характера государства. Практически к осени 1934 г. Третий Рейх не имел ни писанной, ни неписанной конституции (хотя Веймарскую конституцию никто не отменял до 1945 г.), не признавал основных прав человека; не существовало никаких правовых ограничений компетенции различных государственных органов, правительство было одновременно и исполнительным и законодательным органом.

Впрочем, за последние пять лет правительство не собиралось ни разу. Рейхсрат был распущен еще 12 февраля 1934 г.¹⁹⁶, но его еще три раза избирали и собирали по различным торжественным случаям¹⁹⁷. Если в СССР в ЦК КПСС были созданы отделы, дублировавшие (или заменявшие) функции соответствующих министерств, то в нацистской Германии и этого не было сделано — государственная власть была брошена в борьбу с партийными компетенциями, на стороне которых была всеильная власть Гитлера, поэтому шансы первой были невелики... Совершенно уникальной чертой нацистской системы было то, что она не имела органа принятия решений и никаких совещательных инстанций, в стране царила анархия компетенций различных учреждений. Первоначально координирующей фигурой был государственный секретарь (с 1937 г. министр рейхсканцелярии) Ганс Ламмерс, но в войну доступ к фюреру ему перекрыл Мартин Борман¹⁹⁸. Удивительно, но даже в партии не существовало ясной руководящей инстанции, титул Бормана «рейхсляйтер НСДАП» был лишь формальным, а пресловутые партийные съезды ничего не решали.

Свидетельством искажения нацистами немецкой государственной традиции является не только создание общегерманской полиции (ранее ее никогда не было, это была сфера земельной компетенции), но и расширение числа «оруженосцев» нации. Казалось, Гитлер, уничтожив верхушку СА, согласился с мнением руководства рейхсвера, что в лице СА третий (помимо армии и полиции) оруженосец Германии не нужен, хотя еще в сентябре 1933 г. для охраны канцлера был создан полк «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» — ранее канцлера охраняла полиция. Это было неслыханно: канцлер создал лишь ему лично подчиненное войско, которое не принадлежало ни к армии, ни к полиции. Вслед за «Лейбштандартом» стали формироваться и другие вооруженные подразделения СС. С 1935 г. служба в СС приравнивалась к службе в армии; во время войны Гитлер разрешил формировать дивизии СС; был сформирован танковый корпус и даже армия Ваффен-СС. В указе от 17 августа 1938 г. Гитлер таким образом сформулировал задачи СС: «Войска СС для поручений не являются частью ни полиции, ни армии. Эти вооруженные

силы предназначены исключительно для моего личного распоряжения». В самом деле, если после призыва в армию членство в партии приостанавливалось и солдаты (офицеры) членских взносов не платили, то в Ваффен-СС солдаты оставались в партии, хотя формально считалось, что они на военной службе. Это происходило по той причине, что «войска для поручений СС», из которых и выросли Ваффен-СС, по просьбе Гимmlера рассматривались как подразделение партии¹⁹⁹. Как указывал немецкий историк Эрнст Екель, Гитлер, лавируя между консервативной армией и революционной партией, боялся попасть в немилость какой-либо влиятельной группе и поэтому создал СС²⁰⁰. Эти искажения государственной традиции оказались напрасными — у Гитлера не было повода воспользоваться СС как аппаратом террора для подавления путчей, мятежей или восстаний по причине их отсутствия.

Несмотря на головокружительные темпы изменений, какого-либо определенного плана действий нацисты не имели и действовали подчас спонтанно: в истории редко бывает, чтобы политическая партия была в такой степени не подготовлена к власти. Никто из партийных активистов не имел никакого административного или управленческого опыта. Сам Гитлер никогда не работал в парламенте, не знал изнутри механики принятия политических решений, а его соратники использовали парламент не для позитивной работы, а для агитации против республики. Готфрид Бенн, талантливый немецкий поэт, сторонник «консервативной революции» в период Веймарской республики, первоначально симпатизировавший Гитлеру, в 1934 г. заметил, что, очутившись у власти, нацисты показали ему провинциальной театральной труппой, которая на гастролях в столице дала анонс о представлении «Фауста», располагая актерами, способными сыграть разве только в дешевом и легкомысленном водевиле, а не в сложной, серьезной и ответственной драме. В самом деле, никогда в истории Германии страной не управляли такие посредственные и вульгарные персоны — «старые бойцы» (как они именовались на партийном жаргоне и в пропаганде); все они были людьми, как правило, или без профессий, или не сумевшими ничего достичь в избран-

ной ими сфере деятельности, или бывшие безработными, как их фюрер. Другой духовный лидер «консервативной революции», Эрнст Юнгер, отметил, что ни один серьезный предприниматель не дал бы ни одному из них торговой доверенности и не стал бы иметь дело с собранием подобных странных фигур²⁰¹. Консервативная оппозиция и недоверие к нацистам вылилось в речь вице-канцлера Папена в Марбурге, которую для него написал Эдгар Юнг — один из лидеров консервативных сил. В этой речи, среди прочего, говорилось, что «правительство хорошо осведомлено о том, что за “национальной революцией” скрывается эгоизм, бесхарактерность, ложь, нечестность»²⁰². Юнг был убит нацистами 30 июня 1934 г. Сами нацисты, разумеется, расценивали свое государство и свои способности по-другому: так, в 1945 г., когда будущее Третьего Рейха уже было предрешено, Гиммлер сказал своему врачу Феликсу Керстену, что вместе с нацизмом уйдет элита нации, а «те, кто останутся, не представляют никакого интереса — победители будут распоряжаться ими, как захотят»²⁰³. Суждение Гиммлера, по крайней мере, справедливо в том отношении, что, как подсчитал С. Хаффнер, среди десяти тысяч ведущих функционеров НСДАП кавалеров Железного креста первой степени было гораздо больше, чем в КПГ, СДПГ и НННП²⁰⁴. Иными словами, элита ветеранов Первой мировой войны принадлежала нацистской партии; героями войны были Гитлер, Лей, Гесс, Риббентроп, Геринг.

Унификация немецких земель

После рейхстага вторым важным препятствием на пути утверждения нацистской диктатуры в Германии были права земель и рейхсрат, представлявший интересы земель. По этой причине на первом этапе нацистского государственного строительства (вернее, перестройки нацистами государства для своих целей) важнейшей целью нацистов стала унификация земель, то есть захват власти в землях, обладавших традиционной в Германии и довольно широкой автономией; это стремление нацистов ни для кого не было секретом. Надо отметить, что требование

нацистов о необходимости унификации земель не было их изобретением — дело в том, что в Веймарскую республику самостоятельность земель рассматривали как обременительную и бесполезную, и в Веймарской конституции пытались ее ограничить²⁰⁵. Многие немцы были убеждены в необходимости сильного центрального правительства, и унификация земель многими воспринималась как преодоление старого немецкого партикуляризма и земельной разобщенности, иногда даже враждебности немцев разных регионов и исторических областей Германии²⁰⁶. Не нужно также забывать о духе эпохи в целом: после 1929 г. авторитарные режимы в Европе с их тотальными претензиями повсюду были на марше, казалось, что именно им, а не демократии принадлежит будущее, что было как нельзя более кстати для Гитлера. При этом на руку Гитлеру было и то, что еще до 1933 г. начался демонтаж земельной автономии и возрождение старой кайзеровской традиции слитного существования имперской власти и Пруссии: 20 июля 1932 г. власть в Пруссии была перенята правительством Рейха, что и положило начало разрушению федерализма в Германии. Насильственное прекращение самостоятельности Пруссии дало после 30 января 1933 г. неограниченную власть в Пруссии в руки Геринга и стало моделью для будущей унификации прусских земель.

В момент прихода Гитлера к власти ненацистские правительства были в Гессене, Саксонии, Гамбурге, Бремене, Любеке, Баварии, Бадене, Вюртемберге; правда, нигде эти правительства не имели большинства в ландтагах. Самой важной проблемой для Гитлера была Пруссия, в ландтаге которой 2 февраля 1933 г. была провалена нацистская резолюция о его самороспуске. Вопреки воле прусского ландтага, четыре дня спустя гитлеровцы по собственному произволу внедрили в Пруссии в качестве главы исполнительной власти имперского комиссара (им стал Геринг). 16 февраля рейхсрат первоначально вынес решение о сомнительной законности этих комиссарских полномочий, но в суд на имперское правительство подавать не стал. 18 мая Геринг наряду с комиссарскими полномочиями получил и полномочия главы правительства Пруссии; в прусском ландтаге он заявил, что «является прежде всего вер-

ным паладином фюрера», а не прусским министр-президентом — такой тон был совершенно новым явлением в политической жизни земель: он предвещал унификацию²⁰⁷. Таким образом, была осуществлена узурпация власти в Пруссии, которую начал еще Папен. Нацисты почти сразу избавились от старых прусских консервативных управленческих кадров: уже к марту 1933 г. только один из семи прусских обер-бургомистров остался на своем месте. Интересно отметить, что после утверждения собственной власти в Пруссии Геринг не был заинтересован в сильных позициях партийных инстанций, в частности, гауляйтеров, которых почти безоговорочно поддерживал Гитлер — это был первый признак грядущей борьбы компетенций в Рейхе. Пруссия в силу ее величины и традиционных местных различий (Саксония, Гессен-Нассау, рейнские земли, Ганновер, Силезия, Бранденбург, Шлезвиг-Гольштейн, Померания) была поделена на 21 гау²⁰⁸. Таким образом на место прежних прусских правительственных округов встали гау во главе с гауляйлерами, найти управу на которых Герингу часто было довольно трудно: парадоксально, но традиционная немецкая местная автономия вылилась в самоуправство гауляйтеров...

31 марта 1933 г. вышел «предварительный Закон об унификации земель в Рейхе», по которому все ландтаги распускались и формировались вновь без проведения дополнительных выборов в соответствии с результатами выборов в рейхстаг 5 марта 1933 г., когда НСДАП в условиях террора²⁰⁹ и давления на избирателей со стороны СА получила 17,3 млн голосов (43,9% голосов — всего на 6% больше, чем в свой триумф в июле 1932 г.), СДПГ — 7,2 млн, партия Центра — 4,4 млн, НННП — 3,3 млн, ННП — 0,431 млн голосов. Голоса, поданные за коммунистов при этом не учитывались: КПГ перешла на нелегальное положение после пожара рейхстага в ночь с 27 на 28 февраля 1933 г. Несмотря на то, что Гитлер «преодолеет» влияние коммунистов таким узурпаторским способом, совершенно не считаясь с правовыми нормами, сам факт исчезновения КПГ из политической жизни за границей и в Германии по большей части приветствовались²¹⁰.

«Революционный» переворот в землях достиг пика после упомянутых выборов в рейхстаг, когда при нейтрал-

тете рейхсвера Гитлеру и его сторонникам удалось сместить земельные правительства в Гессене, Бадене, Вюртемберге, Баварии, Саксонии, Шаумбург-Липпе, Гамбурге, Бремене, Любеке, — и самим прорваться к власти. Слабость земельных правительств в 1933 г. состояла в отсутствии у них большинства в ландтагах. Нацисты и воспользовались этим обстоятельством для организации внепарламентского давления путем всевозможных провокаций, «спонтанных» демонстраций против земельных правительств. Так, 6 марта под смехотворным предлогом, что гессенское правительство якобы не в состоянии сохранить спокойствие и порядок и со ссылкой на чрезвычайный закон от 28 февраля 1933 г., главой местной полиции был назначен нацистский ставленник. Последний уравнивал в правах полицию и СА — они стали отрядами вспомогательной полиции. 13 марта «под давлением народа» (это давление инсценировали те же СА) гессенский ландтаг избрал нацистского активиста доктора Вернера главой земельного правительства²¹¹. В Гессене узурпация власти нацистами осуществлялась как смесь революции и театральной инсценировки, в процессе развертывания которой главная роль отводилась вооруженным отрядам СА и СС. Следуя указаниям местного нацистского руководителя Вернера Беста и назначенного оберпрезидентом земли члена НСДАП принца Филиппа Гессенского, они захватили общественные здания, даже здание полиции²¹².

В тех землях, где попытались создать законные ненацистские правительства, нацисты вводили комиссаров с чрезвычайными полномочиями, которые силой принуждали правительства к отставке. Чуть иначе развивались события в Гамбурге, где в местном сенате после исключения социал-демократов нацисты заявили претензии на пост полицей-президента, а когда сенат им отказал, они заняли ратушу и повесили знамя со свастикой на здании полиции. В дело вмешался министр внутренних дел Вильгельм Фрик: он назначил командира местных штурмовиков полицейским комиссаром Гамбурга на том основании, что сенат якобы не в состоянии обеспечить порядок в городе. Бургомистру и сенату ничего не оставалось делать, как подать в отставку, что практически означало

унификацию Гамбурга, обладавшего земельным статусом вольного города.

Подобным же образом осуществлялась унификация и в других землях, практически завершившаяся уже к 15 марта 1933 г. — в то время как на имперском уровне речь шла о сотрудничестве с различными правовыми силами, на земельном уровне нацистская унификация уже завершилась. Унификация в землях всегда начиналась с требования предоставления нацистам полицейской власти, затем следовали инсценированные митинги, выражавшие «волю народа», все обычно завершалось вывешиванием нацистского стяга со свастикой на общественных зданиях. Земля за землей попадали в руки нацистов. Насколько смехотворными были претензии на легальность, показывает высказывание Мура, гауляйтера Вюртемберга, после узурпации власти в этой части Германии: «Новое правительство будет жестоко подавлять всякие попытки противодействия. Мы не говорим “око за око, зуб за зуб”, нет: кто нам выбьет глаз, тому мы оторвем голову, а тому, кто выбьет зуб, мы свернем челюсть»²¹³. Дольше всех сопротивлялось земельное правительство Баварии, но и оно сдалось 16 марта 1933 г. — вся власть была передана баварскому гауляйтеру и по совместительству штатгальтеру Адольфу Вагнеру. Мотором унификации земель были СА — жесткие, дисциплинированные, организованные, сумевшие на улице доказать свое превосходство над всеми прочими партийными войсками, включая даже коммунистический «Союз красных фронтовиков», который штурмовики считали единственным достойным соперником. Парадоксально, но впоследствии бывшим членам КПП, отречьшись от своего прошлого, легче было пристроиться в СА, чем членам какой-либо буржуазной или социал-демократической общественной организации²¹⁴.

Мыслящие категориями правового государства критики нового режима предупреждали Гитлера, Фрика и Геринга, что разрушение правовой традиции немецкого федерализма может приобрести необратимый характер в воздействии на государственную власть. Так, заместитель председателя НННП, который первоначально даже всту-

пил в правительство Гитлера, в открытом письме Гитлеру в «*Schwäbische Merkur*» дипломатично указывал, что хотя Гитлер и является наследником великой правовой традиции, основанной Фридрихом Великим, но в создавшейся ситуации правового беспредела ему нужно срочно принять экстренные меры. Несмотря на эти предупреждения, Гитлер долго отделивался лишь неопределенными обещаниями или призывами к партийным соратникам проявить умеренность и сдержанность. Наконец, 29 марта 1933 г. Гитлер дал толчок к проведению важного решения: на заседании кабинета он внес предложение учредить в землях в обход власти президента посты особых уполномоченных. Сразу же была организована комиссия, которая быстро воплотила предложение Гитлера в оперативно принятый законопроект. В соответствии с этим законом, с 7 апреля 1933 г. была введена новая административная инстанция — имперский штатгальтер (*Reichsstatthalter*), который имел полномочия смещать и назначать земельные правительства и их глав; штатгальтеры рассматривались как постоянные представители правительства в землях²¹⁵. Сначала появилось 18 штатгальтеров, все они были членами партии и почти всегда гауляйтерами, то есть местными партийными боссами. Гитлер создал эту инстанцию для того, чтобы остановить «дикую революцию» на местах. Всякие обвинения в насилии и беззаконии со стороны СА Гитлер отвергал, заявляя, что он, наоборот, удивляется неслыханной дисциплине, проявляемой штурмовиками и опасается, как бы последующие поколения не стали упрекать нацистов в излишней мягкости по отношению к слабому и трусливому буржуазному миру. Для того, чтобы представить в глазах немцев единение старых консервативных сил, 21 марта 1933 г. Гитлер и Геббельс устроили в цитадели пруссачества Потсдаме демонстрацию единства нацистской «революции» и немецкой консервативной традиции, олицетворением которой выступил престарелый герой Первой мировой войны президент П. фон Гинденбург, провозгласивший вместе с Гитлером союз во имя новой Германии над склепом Фридриха Великого в здании Потсдамской гарнизонной церкви. Это был удачный и ловко отрежиссированный Геббельсом пропагандистский ход, имевший планируемый

эффект, хотя критики называли «день Потсдама» фальшивой и сентиментальной комедией.

23 марта 1933 г. рейхстагом 441 голосом против 94 голосов социал-демократов (социал-демократы во главе с О. Вельсом напоследок проявили характер, несмотря на сильное давление нацистов) был принят закон о предоставлении чрезвычайных полномочий правительству (*das Ermächtigungsgesetz*), который означал изменение конституции, и для этого требовалось не просто большинство, а $2/3$ голосов. В своей сдержанной речи перед голосованием Гитлер сказал: «Правительство намерено прибегать к помощи этого закона только в том случае, если потребуются проведение совершенно неотложных мер. Ни существование рейхстага, ни рейхсрата не ставятся этим законом под угрозу. Положение и права президента также остаются неизменными, внутреннее согласие с его волей — это высшая задача правительства. Существованию земель и их самоуправлению также ничего не грозит. Права церкви не будут ущемлены, их положение в государстве не изменится. Правительство просит партии не препятствовать спокойному развитию страны в интересах ее будущего. Правительство, однако, настроено решительно и готово противодействовать объявлению неповиновения и несогласия его политике. Господа депутаты, таким образом, могут выбрать войну или мир с правительством»²¹⁶. Почти все эти обещания Гитлер впоследствии нарушил. Закон о предоставлении чрезвычайных полномочий правительству был принят, и с этого момента законы могло выпускать и само правительство, без парламентского одобрения. До конца Третьего Рейха этот закон продлевался в 1937, 1939 и в 1943 г., то есть не отменяя Веймарской конституции, нацисты продолжали править страной, да и потребности что-либо формально менять не было, так как нацистский режим отличался экстремальной фиксацией на персоне Гитлера. Эта фиксация и предопределила структурные изменения в системе власти. Впервые в истории Германии Гитлер смог узурпаторскими способами по-настоящему объединить страну, ликвидировав стародавнюю феодальную региональную структуру; земли лишились традиционной автономии — такого нельзя себе представить ни при Бисмарке, ни при Вильгельме II.

Несмотря на свою хваленую эффективность и традиции, лишились власти и старинные государственные институты и земельная бюрократия. До 1933 г. Гитлер часто говорил об инфляции законов, но настоящая инфляция началась после его прихода к власти: с Закона о чрезвычайных полномочиях 23 марта 1933 г. до 9 мая 1945 г. было утверждено 8 тыс. законов и указов, причем подавляющее большинство этих законов было принято помимо рейхстага. Так, с 21 марта 1933 г. по 6 октября 1939 г. рейхстаг собирался 16 раз и принял 6 законов, а правительство за это же время — 4500.

30 января 1934 г., неделю спустя после принятия Закона о чрезвычайных полномочиях, Гитлер заявил, что ландтаги упраздняются, а суверенные права земель передаются Рейху. Все земельные инстанции подчинились центру, а рейхсрат, отражавший интересы земель на общегерманском уровне, был отменен 14 февраля 1934 г. В новых условиях упомянутый выше институт штатгальтеров становился излишним, и его сохранение указывало на стремление Гитлера законсервировать ситуацию противоборства компетенций — иначе зачем ему было сохранять в землях властные инстанции, которыми он руководил и как партийный идеолог, и как руководитель государства. Рейхсштатгальтеры подчинялись министру внутренних дел Фрику, часто конфликтовавшему с ними, а, с другой стороны, штатгальтеры были партийными функционерами, и в этом качестве они подчинялись непосредственно Гитлеру: параллельное (а не пирамидальное) существование двух инстанций давало Гитлеру возможность осуществлять свою волю и как главы партии, и как главы государства. Партийные и государственные должности часто переплетались, и по значению и влиянию первые почти всегда превосходили вторые. Так, в 1936 г. было 14 рейхслайтеров, которые по своему окладу были приравнены к министрам, а их соответствие государственной номенклатуре было таким, как показано в таблице²¹⁷ (см. стр. 93—94).

Уже к 1934 г. «старые бойцы» (ветераны партии) смогли занять почти половину всех административных постов в Рейхе. 30% из них удалось добиться постов ландратов, 31% из 827 крайслайтеров и 19% из 21 тыс. ортсгруппен-

Партийная должность	Государственная должность
Рейхсляйтер прессы Макс Аманн	Президент имперской палаты прессы.
Руководитель штаба заместителя фюрера Мартин Борман	Нет
Шеф канцелярии фюрера НСДАП и председатель партийной контрольной комиссии по печати Филипп Булер	Нет
Председатель верховного партийного суда и оберсудья партии Вальтер Бух	Нет
Руководитель аграрной политики партии Вальтер Дарре.	Имперский министр продовольствия и сельского хозяйства
Имперский шеф прессы д-р Отто Дитрих	Нет
Руководитель партийного ведомства колонизационной политики генерал Франц Риттер фон Эпп	Имперский штатгальтер в Баварии
Секретарь НСДАП и руководитель главного ведомства коммунальной политики Карл Филер	Обер-бургомистр Мюнхена
Руководитель ведомства права д-р Ганс Франк	Министр без портфеля, президент академии немецкого права
Руководитель фракции НСДАП в Рейхстаге д-р Вильгельм Фрик	Министр внутренних дел
Имперский руководитель прессы д-р Геббельс	Имперский министр народного просвещения и пропаганды, председатель имперской палаты культуры
Председатель второй палаты верховного партийного суда Вилли Гримм	Нет

Партийная должность	Государственная должность
Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер	Заместитель шефа и инспектор тайной государственной полиции в Пруссии, командующий всей политической полицией земель
Руководитель орготдела партии и руководитель ДАФ д-р Роберт Лей	Нет
Начальник штаба СА Виктор Лютце	Нет
Руководитель внешнеполитического ведомства партии, уполномоченный фюрера по мировоззренческому воспитанию НСДАП Альфред Розенберг	Нет
Имперский руководитель Гитлер-югенд Бальдур фон Ширах	Нет
Имперский казначей, уполномоченный фюрера по всем имущественным вопросам партии Франц Ксавер Шварц	Нет

ляйтеров быстро прибрали к рукам ведущие государственные и коммунальные посты. Почти 60% крайсляйтеров, облеченных государственной властью, работали бургомистрами в городах, а ортсгруппенляйтеры — бургомистрами маленьких городков²¹⁸. Хорошо информированный мюнхенский регирунгсрат Готтфрид Неессе (*Neesse*), слышавший в Третьем Рейхе крупным знатоком истории партии и примыкающих к ней организаций, писал, что в годы после прихода к власти для партии было чрезвычайно важно утвердить на решающих постах «старых бойцов», чтобы они смогли закрепить победу нацистского движения и расширить предпосылки для строительства Третьего Рейха²¹⁹. Эта инсценированная «нацистская революция», по мнению Неессе, имела преходящий характер и никак не отразилась на последующем развитии Третьего Рейха²²⁰.

Таким образом, весьма оперативно было покончено со значительной и пестрой (до 1933 г. насчитывался 41 тип организации общин) немецкой традицией местного самоуправления и федерализма. Такая оперативность выглядит странной: в немецкой политической культуре государство всегда имело приоритет и к нему относились с большим уважением; несмотря на это, фюрерская система в течение короткого времени его заменила.

Институционный дарвинизм в Третьем Рейхе

Самым существенным признаком власти в Третьем Рейхе, как это ни покажется странным, была анархия компетенций различных ветвей государственной власти и партийных инстанций. Так, одно из ключевых министерств — МВД — сразу оказалось в руках нацистов: министром стал старый член партии, юрист по образованию Вильгельм Фрик, сразу начавший проводить партийную линию. Именно Фрик нес ответственность за жесткие меры против оппозиционных политических партий, профсоюзов, критиков режима и евреев; он принимал активное участие в организации 30 июня 1934 г. «ночи длинных ножей» и в унификации земель. Важнейшей частью его министерства была полиция, которая, вопреки сопротивлению Фрика, вскоре перешла в руки рейхсфюрера СС Г. Гиммлера. Помимо полиции, важными отделами МВД были отдел здравоохранения во главе с Леонардо Конти, отдел «имперской трудовой повинности» (*Reichsarbeitsdienst*) во главе с Константином Хирлом, отдел «Гитлерюгенда» во главе с Бальдур фон Ширахом и отдел «опросов мнения народа, статистики и обмеров» (*Volkstumsfragen, Vermessungswesen und Statistik*)²²¹. В каждом из этих ведомств было заметно партийное влияние, а Фрик всегда стремился защищать интересы государства перед вторжением партийных инстанций, но перед авторитетом Гитлера он был совершенно бессилён. Даже после отлета в Британию Гесса надежды Фрика на восстановление примата государственной власти хотя бы на среднем уровне не оправдались: деятельность Бормана в качестве проводника интересов партии оказался боде

успешной, чем ранее это удавалось Гессу. В глазах Гитлера Фрик был крайне жестким и упорным централистом, стеснявшим активность его гауляйтеров. Для положения Фрика было чрезвычайно важно то, что существовавшее в Германии традиционное земельное право на осуществление полицейских функций также перешло к Рейху. Впервые в немецкой истории возник общенемецкий полицейский центральный орган — 12 июня 1934 г. Гиммлер был назначен шефом немецкой полиции, оставив за собой пост рейхсфюрера СС. Формально Гиммлер первоначально подчинялся Фрику как министру внутренних дел, но фактически он был самостоятелен в своих действиях. Уже во время войны, 24 августа 1943 г., он сам стал министром внутренних дел, а Фрик был назначен рейхспротектором Богемии. Теоретически это означало усиление традиционных государственных инстанций (прежде всего — ущемленных в правах ландратов) и ослабление власти гауляйтеров. Воодушевленный поначалу перспективой истинной централизации Рейха, Гиммлер, однако, вскоре разочаровался, так как 28 февраля 1944 г. Гитлер особым распоряжением подчинил гауляйтеров себе лично, сохранив эту партийную инстанцию в прежнем виде. Поэтому в своей сфере компетенций гауляйтеры считались непосредственными представителями Гитлера. Пользуясь таким положением, гауляйтеры комбинировали разные факторы власти: личные связи, региональные особенности тех районов, где они работали и т. д. для расширения и укрепления своей власти. О том, что имя Гиммлера было для гауляйтеров пустым звуком, свидетельствует высказывание гессенского гауляйтера Якоба Шпренгера²²²: «Гиммлер мне не может ничего приказать. Если он захочет провести какое-то решение, то он должен действовать через фюрера. Мы не намерены подчиняться кому-либо, помимо фюрера»²²³. По указанию Гиммлера полиция была разделена на полицию уголовную и полицию для поддержания общественного порядка, хотя наряду с этим существовала и политическая полиция (гестапо), которая действовала тайно и была одним из важнейших инструментов тоталитарного контроля и унификации, но она, вопреки распространенному в отечественной историографии мнению, не была всемогуща. В частности, всемо-

гущие гитлеровские штатгальтеры, как правило, имевшие прямой выход на фюрера, совершенно игнорировали «империю СС» и постоянно против нее интриговали. Однажды Гитлер весьма точно назвал гауляйтеров «вице-королями» Третьего Рейха²²⁴. Более того, даже во время кризиса Третьего Рейха, когда Шпеер имел неограниченные полномочия в сфере организации экономики, его никто не ставил в известность о личных планах партийных руководителей; гауляйтеры и крайсляйтеры сосредоточили в своих руках огромную власть. Шпеер писал, что он их совершенно не контролировал и крайне редко мог наложить вето на их решения. Более того, они вообще не обращали внимания на его запреты²²⁵. Большинство рейхсляйтеров занимало настолько прочное положение в обществе, что не нуждалось в нацистской партии и могло бы обеспечить карьеру и при другом режиме; то же касается и властных позиций большинства гауляйтеров²²⁶.

В основу территориальной партийной организации были положены избирательные округа, которые в соответствии со старинной традицией, восходящей к организации франкской империи Карла Великого (742—814), именовали гау. В 1938 г. гау было уже 43, включая организацию немцев за границей²²⁷. Границы гау не были точно определены и часто получалось, что один и тот же населенный пункт оказывался подчинен разным инстанциям, что, впрочем, было обычным делом при анархии компетенций в Третьем Рейхе. Весьма характерен пример с компетенциями Бюркеля, гауляйтера Рейнпфальца, который, не оставляя упомянутого поста, в 1935 г. стал штатгальтером вновь присоединенного к Рейху Саара. Бюркель, пользуясь своими чрезвычайными полномочиями, начал постепенно «изымать» властные компетенции у традиционной бюрократии и в 1938 г. по существу объединил Саар и Рейнпфальц. 1 апреля 1940 г. Гитлер назначил Бюркеля своим полномочным доверенным лицом в «Восточной марке» (*Ostmark* — так гитлеровцы навали Австрию), а поскольку Бюркель был гауляйтером, то он мог влиять на принятие политических решений. Таким образом, был реализован примат политического руководства, а влияние центральных имперских ведомств сильно ослаблено. После того как Бюркель вернулся в Пфальц, его

власть расширилась за счет объединения поста имперского комиссара Саара и регирунгспрезидента Пфальца. С момента же слияния поста имперского комиссара Пфальца и вновь созданного поста шефа гражданского управления Лотарингии в ведомстве имперского штатгальтера Западной марки 11 марта 1941 г., Бюркелю удалось создать собственную Западную империю, которая была вассальной по отношению к Гитлеру²²⁸. В этом огромном гау Бюркель распоряжался гражданскими и партийными инстанциями с оглядкой только на Гитлера. В качестве шефа гражданского управления Лотарингии, он мог приказывать СС и полиции, а также полиции безопасности и СД. Такая логика развития власти привела Бюркеля к острому конфликту с Борманом, отстранившего Бюркеля от власти в сентябре 1944 г. 24 сентября 1944 г. Бюркель покончил с собой²²⁹. Этот пример свидетельствует об отсутствии определенной последовательности нацистов в процессе унификации государства — они хотели только разрушить существовавший порядок земельного и коммунального администрирования. Менее серьезные расхождения с центральными имперскими ведомствами были и у других гауляйтеров, как, например, у одного из 4 бессменных с 1925 г. до 1945 г. гауляйтеров Роберта Вагнера, которого раздражало отсутствие лично у него контроля за деятельностью гестапо в собственном гау²³⁰.

Сначала казалось, что ключевые позиции во властных отношениях займет партия, так как Рудольф Гесс сразу по приходу Гитлера к власти получил статус министра, но это впечатление было обманчивым. Партия даже при гораздо более влиятельном и энергичном заместителе Гитлера по партии Мартине Бормане могла только косвенно влиять на всемогущих гауляйтеров, подчинявшихся непосредственно Гитлеру. Партийное влияние на СС, на геринговское управление четырехлетнего плана и на СА было весьма узким. Главное, для чего создавалась партия — пропагандистская и агитационная деятельность, — в условиях тоталитарного государства лишилась смысла, и партия ограничилась всевозможными социальными программами, вроде «Зимней помощи».

Министр внутренних дел Вильгельм Фрик развил впечатляющую активность и, казалось, за счет унификации

земельной бюрократии он был близок к желанной рационализации и упрощению (особенно после объединения прусской и общенемецкой администрации). Вскоре, однако, выяснилось, что выросшие компетенции Фрика все равно не перекрывают компетенций гауляйтеров, поднаоторевших во внутривластной борьбе и склоках, а также, что особенно важно, имевших прямой выход на Гитлера. По этой причине не достигли своей цели ни планируемая Фриком реформа управления Рейхом, ни им же планируемые изменения в конституции. Первые годы Фрик стремился взять под собственный контроль штатгальтеров, и в январе 1934 г. он, казалось, добился своего: очередной гитлеровский закон подчинил имперских штатгальтеров главе МВД, но после бурных протестов штатгальтеров, требовавших прямого подчинения Гитлеру, особым распоряжением фюрера была принята поправка к этому закону, и все устремления Фрика к контролю над местной властью пошли прахом²³¹. Сладить с гауляйтерами не смог даже всемогущий Гиммлер. Это можно объяснить тем, что Гитлер зависел от гауляйтеров и поэтому всегда оказывался на их стороне в любого рода конфликтах компетенций, будь то конфликты с СС, государственными инстанциями, с вермахтом, с ДАФ или с ГЮ. Некоторые партийные руководители, например, баденский гауляйтер Вагнер, вообще ратовали за ликвидацию поста штатгальтера и формальную передачу всей власти гауляйтерам в целях экономии кадров²³², но не добились этого.

Несостоявшееся реформирование администрации Рейха имело следствием постоянные недоразумения в определенных границах компетенций между центром и должностными лицами на местах: оберпрезидентами, министр-президентами, обер-бургомистрами; хотя все эти должности были партийной номенклатурой и беспартийный, как правило, их занять не мог, борьба за власть все равно возникала при любом удобном случае.

Как говорилось выше, самым существенным для МВД было то, что Фрик потерял бразды правления полицией; несмотря на его яростное сопротивление, их прибрал к рукам Гиммлер. Гитлер не верил в эффективность государственной бюрократии — отсюда проистекают огромные полномочия нетрадиционных организаций нацис-

тов — ведомства четырехлетнего плана, организации Готта, СС. В разгар войны в Третьем Рейхе насчитывалось 11 специализированных организаций²³³. Все они были выведены из-под государственного контроля и напрямую подчинялись Гитлеру, который тщательно избегал институционального контроля и вообще всякой институционализации собственной власти. Логическим следствием недоверия к институтам государственной власти стала их замена принципом личной преданности, лояльности. Имперский пресс-секретарь Отто Дитрих писал, что «Гитлер за 12 лет своей власти создал в государственном управлении такую неразбериху, которой никогда не было ни в одном цивилизованном государстве»²³⁴. Баварский министр внутренних дел Адольф Вагнер в 1934 г. писал имперскому министру внутренних дел Вильгельму Фрику: «В соответствии с нынешним положением Вам, как имперскому министру внутренних дел, подчиняются все имперские штатгальтеры. Адольф Гитлер является имперским штатгальтером Пруссии. Он делегировал свои полномочия прусскому министру-президенту, а Вы сами являетесь прусским министром внутренних дел. Адольф Гитлер, таким образом, подчинен Вам в качестве прусского министра-президента. Поскольку Вы одновременно являетесь и прусским министром внутренних дел, то Вы подчинены опять же прусскому министру-президенту и самому себе в качестве имперского министра внутренних дел. Я не правовед и не историк, но, мне кажется, что такая правовая конструкция нигде ранее не встречалась»²³⁵. Это похоже на анекдот, но Вагнер совершенно точно проследил последовательность компетенций, которая с формальной точки зрения была полной белибердой.

В нацистском государстве не было таких сфер, за которые не отвечало бы сразу несколько инстанций; повсюду в Рейхе и в оккупированных областях Гитлер намеренно создавал состояние двойственности и тройственности всех инстанций власти, систему «специальных уполномоченных» без определенных границ компетенций и тому подобное. Занимавший поначалу второе место в нацистской иерархии Геринг со временем терял все больше и больше в компетенциях; Геббельс тоже находился в постоянном напряжении, под угрозой давления конку-

рентов, ревниво следя за объемом своих полномочий. В 1942 г. Геббельс записал в дневнике: «Каждый делает то, что хочет, так как ни на кого не найти управу. Партия идет своей дорогой и никого не слушает»²³⁶. Даже Гиммлер не был вполне спокоен за свое «государство СС»; представления о всевластии и абсолютном доминировании СС в системе власти нацистской Германии очень преувеличены. На каждого функционера, на каждую инстанцию имелся противовес: так, в немецком посольстве в Голландии было два генеральных комиссара — один от СС, а другой от партии, и подчинялись они не рейхскомиссару в Голландии Зейсс-Инкварту, а соответственно Гиммлеру и Борману. Министр сельского хозяйства Дарре воевал с Шахтом, Шахт боролся против вмешательства в экономическую политику ДАФ, Гесс отбивался от чрезмерно энергичной позиции лидера ДАФ Лея, который одновременно был руководителем орготдела партии (*Reichsorganisationsleiter*). Крайслейтеры (партийные функционеры) и ландраты (государственная номенклатура) ожесточенно боролись за компетенции. Гауляйтеры рейнских земель перессорились потому, что только один из них — Тербовен — имел прусский титул оберпрезидента. Интересно, что некоторые гауляйтеры были штатгальтерами, некоторые — имперскими комиссарами обороны, другие — министрами или, как упомянутый Тербовен, оберпрезидентами... Никакой унификации и единообразия не было — это не соответствует прусской традиции с ее прозрачностью и стройностью иерархической структуры. Конфликтовали друг с другом министр труда Зельдте и Лей. Непрерывно противостояли друг другу заместитель Гитлера по партии Борман и руководитель «канцелярии фюрера НСДАП» Филипп Булер. Символы и институты политической деятельности Гитлера соперничали и противостояли друг другу: рейхсканцелярия для руководства государством, ОКБ для осуществления приказной власти в армии; соперничали даже канцелярии: одна для партии (Борман), другая для протокольных мероприятий (Мейснер), третья — для личных дел (Булер).

В жилищной политике творился настоящий кавардак компетенций. Напряженная «подковерная» борьба шла между гауляйтерами и СД, которая превратилась со вре-

менем в настоящую контрольную инстанцию. В оккупированной Польше воевали друг с другом генерал-губернатор Франк и руководитель тамошних СС обергруппенфюрер Крюгер. Борман жаловался Гитлеру, что в армии не ввели запрет на посещение и покупки в еврейских магазинах и что солдаты ходят в церковь в униформе. Министр церквей Керрль критиковал партийного идеолога Розенберга за планы воссоздания языческой веры и обрядов. Весьма острыми были противоречия между Гиммлером и данцигским гаулейтером Ферстром, публично заявившим, что, имея он внешность Гиммлера, он никогда бы не осмелился заговорить о чистоте расы²³⁷. Этот список можно продолжить, так как главным принципом системы было отсутствие системы, но при этом ни разу ни с одной стороны конфликтная ситуация не была доведена до «наказания» врага и его смерти.

В то же время, как справедливо указывал Нольте, нельзя говорить и о поликратии в Третьем Рейхе, ибо при ней несколько самостоятельных носителей власти сами распределяют между собой полномочия и задачи, а верховная власть их только ратифицирует. Так в 1941 г. в Японии сухопутные войска были за нападение на СССР, а военно-морской флот выступал за экспансию в Тихом океане; военные моряки оказались сильнее, и император утвердил последний путь. Такая ситуация в гитлеровской Германии была немыслима²³⁸. Третий Рейх был монархией ярко выраженного типа, писал Нольте, и именно по этой причине он мог допустить поликратию на нижних этажах власти. Каждый нацистский функционер старался прикрыться авторитетом фюрера, одного слова которого было достаточно, чтобы отстранить любого начальника. Гитлеру не нужно было даже прибегать к принципу *«divide et impega»*: если бы он сомневался в лояльности Гиммлера или Геринга, те ни секунды не удержались бы на своих постах²³⁹. Некоторые историки называют Гитлера «слабым диктатором» по той причине, что многие решения он стремился переложить на других, но логичнее считать, что Гитлер таким образом просто отдавал дань «плюрализму» на нижних этажах власти, что не было свойственно советской тоталитарной системе. Вполне может быть, что система бесчисленного умножения инстанций,

умножения числа функционеров разных рангов, которые чувствовали себя ответственными только перед Гитлером, имела целью, как указывала Ханна Арендт, создать необычную ситуацию, когда каждый из этих функционеров мог чувствовать себя соприкасающимся с волей фюрера²⁴⁰.

Подводя итог сказанному, можно констатировать, что истолкование нацистского государства как исключительно монархического или исключительно поликратического недостаточно, поэтому, как ни парадоксально это звучит, следует его считать одновременно и монархическим и поликратическим: оно было поликратическим как раз вследствие своей монархии. Конфликты компетенций эффективно контролировались Гитлером, который полностью царил в этой системе власти. Знаток системы власти в нацистской Германии Дитер Ребеншиш точно назвал эту систему «организованным хаосом», в котором не было возможности принять какое-либо важное решение, исходя из существа вопроса или коллективно. В этой системе Гитлер правил монархически при помощи поликратических средств²⁴¹.

Еще в довоенное время в нацистской Германии единая административная система была во многих отношениях нарушена; с самого начала монархического государства в Третьем Рейхе не существовало. С учреждением в начале войны Совета обороны (*Ministerrat für die Reichsverteidigung*), постов имперских комиссаров обороны (*Reichsverteidigungskommissaren*) и генеральных уполномоченных (*Generalbevollmächtigten für die Reichsverwaltung*) казалось, что созданы значительные предпосылки для унификации и упрощения государственной администрации. На деле это не имело никакого результата: весь пар вышел на гудок. Да и сам Гитлер рассматривал Совет обороны как уступку Герингу, он и не думал придавать этому органу центральное положение в системе принятия решений. Именно Гитлер позаботился о том, чтобы после 15 ноября 1939 г. этот орган больше не собирался²⁴². По-настоящему новые органы администрации создавались лишь на Востоке на оккупированных территориях. Почти всегда носителями власти там были гауляйтеры, которые полу-

чали все новые компетенции в ущерб централизованной единой администрации.

В итоге следует констатировать, что Гитлер всегда мог эффективно контролировать борьбу компетенций в рамках Третьего Рейха. Это был, как указывалось, поликратический хаос, определяемый окончательно разъединенными отдельными органами власти; не предпринималось никаких попыток искать коллективных решений, опираясь на мнения экспертов²⁴³. Но хаос был специально организован, он и составлял сущность фюрерского государства. Поликратическая дезорганизация административной системы была предпосылкой для формирования фюрерской автократии, за которой последовало монархическое господство поликратическими средствами. Эти выводы цитированной монографии Ребентиша положили конец долголетней дискуссии о характере гитлеровского государства, поскольку долгое время после окончания Второй мировой войны европейцы оставались жертвами нацистской пропаганды, представлявшей нацистский режим как абсолютно централизованную и унифицированную систему власти: режим, который мы, исходя из этических посылок, определяем как «тоталитарное государство». Последнее в нашем представлении характеризуется полной отобюрократизованностью при жесточайшей централизации и полной «непрозрачностью» власти. Английский знаток истории Третьего Рейха Тревор-Роупер указывал, что если бы это было так, то Германия могла бы выиграть войну²⁴⁴. И это несмотря на то, что по материальным и людским ресурсам Германия находилась в невыгодном положении: мы знаем в истории много случаев, когда побеждали бедные и малочисленные армии, которые были либо хорошо организованы, либо вели народную справедливую войну. Нацистская же государственная и политическая система, о которой шла речь в этой главе, не только вела несправедливую войну, в ходе которой не произошло настоящей мобилизации нации (как в Первую мировую войну в Германии или во Франции), но которая была плохо организована административно, что совершенно несвойственной немецкой организованности и дисциплине: нацистская административная пирамида была не обычной прусско-немецкой пирамидой с четким разде-

лением властных компетенций, а беспорядочным смешением частных инициатив, частных влияний и специальных полномочий. «Авторитарная анархия», «планомерный хаос компетенций», «новый плюрализм», «тоталитарная система доменов», «полицентризм», «плюрализм властей», «руководящий хаос», «дарвинизм властных инстанций», «запланированное отсутствие структуры власти», «институционная путаница», «джунгли организаций», «институционная анархия», «управляемая поликратия», «организованный хаос» — такие термины характеризуют и описывают в современной литературе парадигму эволюции многополярной системы власти в Третьем Рейхе²⁴⁵.

Такая властная система способна была эффективно разрешать какие-либо частные задачи; но намеренно созданному Гитлером хаосу компетенций было не по плечу сознательно и разумно отбирать политические цели и в полном осознании их значимости и важности браться за их реализацию. Несущие опоры государства — бюрократия, вермахт и экономика — были ослаблены, но все же не полностью сломлены нацистской революцией. Гитлер, обладая бесспорным политическим инстинктом, чувствовал внутреннее сопротивление народа и старых общественных элит и их разочарование в нацизме. Именно поэтому в январе 1942 г. он заявил: «если немецкий народ не в состоянии по-настоящему бороться за свое самосохранение, тогда он должен погибнуть»²⁴⁶.

ГЛАВА III

МЕСТО СС В ГИТЛЕРОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

«Радикальное зло — это то, что нельзя ни понять, ни объяснить, ни простить любой мотивацией поступков, будь то эгоизм, алчность, зависть, жажда власти, злоба, трусость или еще что угодно, это зло настолько непостижимо, что нельзя представить себе такого гнева, который можно было бы им извинить, нет такой любви, которая могла бы его вынести, нет такой дружбы, которая могла бы его простить, нет такого закона, который мог бы его покарать».

(Ханна Арендт)²⁴⁷

Немец во времена Третьего Рейха говорит американцу, что если бы у президента Рузвельта были СС, то гангстеров в Америке не было бы. На это американец ему отвечает: «Конечно, они все стали бы штандартенфюрерами».

(анекдот нацистских времен)

Принципы организации и причины притягательности СС для молодежи

СС²⁴⁸ в немецком обществе занимали особое место: они, по словам гауптштурмфюрера СС Дитера Вислисени, чувствовали себя «религиозной сектой нового образца с собственной формой и обычаями»²⁴⁹. Элитный характер СС и отличал их от СА. Конрад Гейден указывал, что в отличие от революционных СА, в СС были воплощены консервативные ценности и принципы²⁵⁰. В отличие от СА, в котором — как и во «фрайкорах», добровольных вооруженных отрядах фронтовиков после Первой мировой войны — царила преданность и лояльность к непосредственному командиру, в СС на первом месте сто-

яла личная преданность Гитлеру; чувство чести и безукоризненная дисциплина, а также готовность к самопожертвованию — таков был эсэсовский символ веры. Весьма важным было то обстоятельство, что принадлежность к НСДАП в СА была необязательной, а СС были задуманы как часть партии, ее элита²⁵¹. СС достигли положения элиты общества благодаря трем следующим факторам: во-первых, партия довольно быстро превратилась в массовую организацию, занимавшуюся более интеграционными проблемами и пропагандой, чем политикой, а для осуществления последней Гитлер, как известно, предпочитал специальные организации. Положение НСДАП начало меняться только в конце войны, когда под влиянием Бормана партия стала наращивать политический вес и теснить СС. Во-вторых, после 1934 г. СА превратились в аморфное массовое образование, лишенное былого влияния и занимавшееся допризывной подготовкой, пропагандой и физкультурой. Третьим и наиболее значительным фактором была деятельность и активизм Гиммлера и Гейдриха и их бесспорные организационные достижения²⁵².

Поначалу эсэсовская концепция создания и воспитания новой нацистской элиты вызывала в партии смех — все это походило на принципы разведения кур, тем более что по образованию Гиммлер был агрономом и как опытный селекционер (он на самом деле одно время занимался куроводством) требовал от кандидатов в СС определенного роста (1,80 м) и ясной родословной до 1750 г.; все это казалось нелепым, но со временем к этому привыкли, тем более что все более притягательным становилось понятие элиты. Дело в том, что все те, кто не мог себя причислить к элите общества по образованию, происхождению или имущественному положению, увидели в СС свой шанс... Эти люди ожидали от СС и продуманной системы иерархии, и организации ритуалов, и культивирования чувства элиты. Жесткость и иерархия также нашли отклик у молодежи, поскольку в немецком национальном характере необыкновенным образом сочетались жесткость и романтика²⁵³. Молодежь из средних слоев также охотно шла в СС, справедливо надеясь, что там легче можно будет сделать карьеру. Нельзя упускать из виду и

то обстоятельство, что эта молодежь находилась в мире ценностей и представлений антибуржуазного движения «бюндише» с его культом лидерства, авторитаризмом, протестом против старого общества — все эти интенции нашли отклик в СС. Также важно отметить, что насколько велико было в СС значение солдатских достоинств, настолько велико было для Гитлера значение СС. Большой смысл имела и эстетическая сторона дела: СС собирались превзойти всех не только в насилии, но и в красоте. Черная форма, черные сапоги и белые перчатки: В этом был драматизм и затаенная угроза. Доминирующим типом функционера в СС были холодные, трезвые и несентиментальные технократы, богом которых была власть и эффективность; для них не возникало дилеммы «плохо — хорошо», но — «эффективно — неэффективно». Несмотря на фанатичную приверженность Гимmlера национал-социализму, при подборе кадров он совершенно не интересовался партийным стажем кандидата; Гимmlер искал умных, старательных и энергичных людей. Самым последовательным воплощением культивируемого в СС типа был руководитель полиции безопасности и СД Райнхольд Гейдрих, которого швейцарский дипломат Карл Буркхардт назвал «юным злым богом смерти»²⁵⁴. Гейдриха даже его окружение называло «белокурой бестией» и он на самом деле олицетворял тип энергичного и вездесущего функционера СС, отличавшегося феноменальным профессионализмом и большими способностями²⁵⁵.

Возникновение и практика СС указывает на то, что никакое государство, будь то демократическое или (особенно) диктаторское, не может обойтись без элиты. Несмотря на элитный, «орденский» характер, СС была огромной организацией: 45 тыс. чиновников и служащих гестапо²⁵⁶, 65 тыс. служащих полиции безопасности, 2,8 млн полиции порядка, 40 тыс. охранников в 20 концлагерях и в 160 рабочих лагерях, 950 тыс. солдат Ваффен-СС, 100 тыс. информаторов в СД. Итогом деятельности СС стала гибель 6 миллионов евреев, 2,5 млн поляков, 200 тыс. цыган, 473 тыс. советских военнопленных, а также 100 тыс. неизлечимо больных (по программе эвтаназии)²⁵⁷. Не было такой сферы в жизни общества, в которую не проникли бы СС: СД, гестапо, Ваффен-СС, расовое и пересе-

ленческое ведомство СС (РУСХА), «Аненэрбе», «Лебенсборн», концлагеря, экономическая деятельность. Однако чрезмерно подчеркивать «монопольное» положение СС в системе власти Третьего Рейха не следует. Злодейский характер СС не вызывает никаких сомнений, но историки несколько перестарались, пытаясь предстабить СС не только злодейской, но и всесильной, всемогущей и вездесущей организацией, узурпировавшей всю власть в Третьем Рейхе; это является сильным преувеличением и искажением действительного места СС в немецком обществе и системе власти. В борьбе компетенций Третьего Рейха СС часто добивались успеха, но монополией на власть они не располагали и каждый раз должны были доказывать свои полномочия и свою эффективность. Словосочетания «империя смерти», «государство СС», звучат красиво, но не соответствуют настоящему положению дел, более того, государство в Третьем Рейхе трудно даже считать тоталитарным: оно представляло собой невообразимый хаос компетенций и борьбу всевозможных ведомств и полномочий, и СС были **одним из** этих факторов или центров силы, причем часто не самым значительным. Тотальной в Третьем Рейхе была только власть Гитлера, который по собственному разумению и управлял 80-миллионным народом. Эта власть подчас действовала эффективно, но, несмотря на кажущуюся адекватной нацистскую критику неэффективности парламентской системы власти, на самом деле война компетенций в Третьем Рейхе в более значительной степени подрывала эффективность государства²⁵⁸. Один из ведущих руководителей СД, интеллектуал Отто Олендорф, в 1946 г. таким образом характеризовал государство: «Фюрер не только отрицал государство как самоцель, но и принизил его значение в столь больших масштабах, что оно уже не могло служить инструментом власти. На место государства выступил плюралистический произвол верховных иерархов режима»²⁵⁹.

В этом хаосе не было места монополии со стороны СС: партия и армия часто опережали СС в борьбе за власть. Генерал-губернатор Польши Франк, к вящему удовольствию армии и СА, оттеснил на второй план обергруппенфюрера СС Крюгера. Да и сам Гитлер не всегда

благоволил к СС, часто сетуя, что новая полиция так же плоха, как и старая; к Гиммлеру он относился как к неразумному школяру и никогда не усматривал в нем своего преемника. Плохо относились к Гиммлеру и в партии. Большинство партаппаратчиков, жадных до денег и наслаждений, откровенно смеялось над морализированием Гиммлера, над его орденскими представлениями и прочей мистической чепухой. В своем кругу Гиммлер говорил, что порядок в Германии будет установлен только тогда, когда все гауляйтеры будут висеть на телеграфных столбах²⁶⁰. Гауляйтеры, соответственно, отвечали СС тем же. Как рассказывал Шпееру гауляйтер Нижней Саксонии Ханке, Гиммлер, решив положить конец независимому положению некоторых местных руководителей, начал передавать им распоряжения через командиров расположенных на территории их гау частей СС. Борман, однако, с невероятной оперативностью смог добиться от Гитлера запрета на эти меры, граничащие, по его словам, со злоупотреблением властью. Об отдельных гауляйтерах Гитлер мог отзываться с презрением, но в душе он был искренне привязан к людям, вместе с которыми в двадцатые годы он совершил восхождение к власти; можно даже сказать, что Гитлер был сентиментально предан им. И ни Гиммлер, ни СС оказались не в состоянии заставить его забыть о прежних чувствах. В дальнейшем Гиммлер удовлетворился тем, что поставил под свое начало не обладавших большим политическим влиянием обер-бургомистров и начальников окружных управлений²⁶¹. По словам Гитлера, Гиммлер был человеком, не понимавшим искусства, а это в глазах фюрера был большой недостаток. Когда эсэсовцы без ведома Гитлера вмешались в румынские дела, он в ярости закричал, что в один прекрасный день истребит «черную чуму». Вермахт долгое время вовсе не допускал СС во Францию; после балканского похода военные, несмотря на попытки Гиммлера, не пускали СС в Югославию и Грецию.

Один из наиболее самостоятельных и радикальных партийных функционеров, гауляйтер Рейнпфальца Бюркель, указывал, что его не устраивает в СС, во-первых, их элитарный дух, который противоречит партийным представлениям о национальном единстве и общности; во-

вторых, то, что Гиммлер чрезвычайно несимпатичный человек и прожженный бюрократ; в-третьих, то, что СС — это просто-напросто жадная до власти клика.

В своем гау Бюркель против воли гестапо поддержал одного офицера вермахта, критиковавшего претензии СС на статус армии; тот считал, что СС — обычные вспомогательные отряды полиции, а вовсе не элита нации²⁶². Бюркель содействовал освобождению тысяч узников концлагерей в своем гау; однажды он даже отменил полицейское распоряжение шефа гестапо Мюллера — разумеется, не по гуманистическим соображениям, а из «принципа». Свидетельством отсутствия монополии власти СС даже по отношению к евреям является пример с рейхскомиссаром Белоруссии Кубе, который обвинил офицеров СД в преступлениях против евреев. Немецких евреев, которых эсэсовцы хотели транспортировать в Минск для уничтожения, Кубе взял под свою защиту, мотивируя это тем, что некоторые из них в годы Первой мировой войны служили в германской армии и имели боевые награды. Кубе даже допускал утечку информации о планировавшихся акциях опергрупп полиции безопасности и СД на населенной евреями территории, что позволяло потенциальным жертвам скрыться. Гиммлер был только рад смерти Кубе от партизанской бомбы.

СС были основаны личным шофером Гитлера Шреком в 1925 г.²⁶³; уже к концу года СС насчитывали 1000 членов²⁶⁴. По примеру гусар старой кайзеровской армии эсэсовцы избрали своим символом мертвую голову, которая должна была обозначать угрозу врагам и готовность к жертве ради фюрера (в годы Первой мировой войны знак мертвой головы носили также подразделения немецких огнеметчиков). С 6 января 1929 г. СС стал возглавлять Генрих Гиммлер, который, не будучи по возрасту фронтовиком (почти обязательное условие для карьеры в партии) и не отличаясь природным даром оратора или харизмой вождя (как Геббельс или Гитлер), был зато чрезвычайно методичным организатором; его аккуратность в делах граничила, по воспоминаниям многих свидетелей, с помешательством. Все существо Гиммлера излучало бюрократическую исполнительность, прилежание и лояльность²⁶⁵.

Гиммлер, как вспоминал Шпеер, имел такое редкое среди соратников Гитлера качество, как способность признать правоту оппонента²⁶⁶. Многие наблюдатели сходятся на том, что он был самым «нормальным» в нацистской верхушке, обычным немецким обывателем, вполне заурядным служащим, правда очень исполнительным и скрупулезным. Эрих Фромм указывал, что известный историк Халльгартен был одноклассником Гиммлера и, узнав о карьере рейхсфюрера СС, не мог поверить, что речь идет именно о нем²⁶⁷. У Гиммлера был совершенно тривиальный художественный вкус и привычки к обыденной домашней жизни мелкого буржуа. Англичанин Робертс писал: «Гиммлер — это человек необыкновенной вежливости, руководитель, лишенный какой-либо позы, в отличие от других крупных нацистских бонз, которые изображают из себя небожителей и полубогов. Ему меньше всех в Германии подходит пост шефа полиции, который он занимает, и я убежден, что из всех, кого я встречал в Германии, он — самый нормальный»²⁶⁸. Ханна Арендт, по книге которой приводится эта цитата, тут же с юмором вспоминает слова матери Сталина о ее сыне: «Он — образцовый сын, я желаю каждой матери такого сына, как он». Правда, в отличие от Сталина, Гиммлер сохранял к своим соратникам исключительную лояльность и даже заботу, иногда производившую впечатление нарочитой. Так, известно его письмо штурмбанфюреру Каттулински; в этом письме заботливый рейхсфюрер налагал на своего подчиненного запрет на курение, приказывая по истечении двух лет предоставить справку от врача, после чего Гиммлер решит: возобновлять запрет или нет²⁶⁹. Известно, что Гиммлер также посылал своим подчиненным домашние рецепты лечения хворей. Гиммлер очень не любил охоту и относился к ней, как к «хладнокровному убийству невинных и беззащитных животных»²⁷⁰.

С детства Гиммлер находился под впечатлением истории Тевтонского ордена, основанного в XII в. и сыгравшего огромную роль в немецкой колонизации Востока Европы. Орденские принципы и даже внешние символы Ордена затем были переняты протестантской Пруссией, и от нее уже перешли к СС: прежде всего это орденские и прусские цвета — черный и белый, тевтонский крест; Гим-

млер добавил к ним рунические знаки. Миссией гиммлеровского ордена было распространение немецкой культуры на Восток, поэтому, дабы возродить древний германский орденский дух и традиции, в части СС надлежало принимать лишь чистокровных немцев. Одним из главных физических признаков человека Гиммлер считал рост: по его мнению, человек большого роста принадлежал к хорошей расе. Имели значение и правильные черты лица. Разумеется, все антропологические ограничения СС не касались руководителей партии, а также ветеранов Первой мировой войны. Именно поэтому сразу были засекречены сведения, обнаруженные личным исследователем генеалогического древа Гиммлера майором Бергманом: мать Гиммлера, оказывается, имела примесь монгольской крови²⁷¹.

Определяющей чертой воззрений Гиммлера был антисемитизм и антиславизм: не случайно он начал партийную карьеру в качестве члена антиславянской аграрной молодежной организации «артаманов». Также не случайно было то, что он считал себя реинкарнацией Генриха Птицелова (876—936) — основателя Саксонской династии, который начал захват земель полабских славян. Гиммлер неоднократно говорил, что более всего ценит организацию его рыцарства, благодаря которому Генрих Птицелов прогнал датчан, разбил венгров и господствовал над славянами. Гиммлер высоко ценил и постоянно читал Бхагават-гиту, Ригведы, Эдды, Веды, беседы Будды и различные астрологические тексты. Дистанцировавшись от своего католического прошлого, Гиммлер стал приверженцем индогерманской веры, поборником идеи реинкарнации и кармы. «Индогерманцы, — уверял Гиммлер, — верят в повторное рождение. В одной жизни жизнь не исчерпывает себя. То, что совершит человек в одной жизни, становится его кармой, которая не является для него чем-то неотвратимым: он может ее изменять. Это соответствует германскому мышлению, что все делается не по милости и благодати божьей, но и по тому, что человек сделал в одной жизни. В новой жизни человек всегда имеет возможность собственными усилиями изменить судьбу»²⁷².

Гиммлер был убежденным мистиком, он верил в гипноз²⁷³; как и Гесс, он был натуропатом и стремился к воз-

рождению языческих германских обычаев. Особой страстью Гиммлера были руны: в письменах древних норманнов он хотел отыскать сходство с японскими иероглифами и доказать, что японцы принадлежат к арийской расе²⁷⁴. Руны — это форма древнего северного письма: выразительные, отделенные друг от друга написанные или вырезанные на чем-либо знаки; руны издавна ценились мистиками за их «магические» свойства. Каждая руна имела имя и собственный смысл, выходявший за пределы ее фонетики и буквального смысла.

Гиммлер находился под сильным влиянием своего астролога Вульфа. Вместо традиционных христианских праздников Гиммлер распорядился учредить собственные эсэсовские — прежде всего праздники летнего и зимнего солнцеворота. Гитлер снисходительно относился к этой «орденской» эксцентричности Гиммлера, но симпатизировал ей и до определенной степени допускал. Главным орденом замком СС, «вальхаллой» (в скандинавской мифологии — чертог мертвых и одновременно замок древнегерманского бога Одина), по замыслу Гиммлера должен был стать замок Вевельсбург (в Вестфалии, недалеко от города Падерборн), который якобы был построен гуннами. Свое название замок получил не то от рыцаря, не то от разбойника по имени Вевель фон Бюрен. Гиммлер хотел превратить Вевельсбург в духовный центр своего «ордена» и открыть там имперскую школу для руководителей СС. В этом замке высшие эсэсовские иерархи должны были заседать за круглым столом, как это, по легенде, было устроено у кельтского короля бриттов Артура, боровшегося в V—VI вв. против англосаксов. Гиммлер настолько увлекся древними преданиями, что внедрил древнее (со II в.) руническое германо-скандинавское письмо в эсэсовскую символику: руна победы *S* использовалась в молодежной символике, двойная руна победы *SS* — в названии СС; также в символике использовались руна радости, руна торжества и т. п. Не удивительно, что члены СС в качестве символов своей организации имели мечи и кинжалы. Помимо иерархического построения организации, Гиммлер ввел еще и почетные знаки: перстень с изображением мертвой головы, почетный кинжал и шпагу. Награждение кинжалом, кольцом или шпагой

было произвольным. Кольцом награждали тех, кто имел организационные или пропагандистские заслуги перед СС, кинжалом награждали некоторых высших чинов СС, а также участников расправы над СА 30 июня 1934 г. Позднее кандидат, вступавший в СС, получал кинжал как символ причастности к ордену и личной верности Гитлеру; почетная шпага была признаком особой близости к верхушке СС. Особенно часто награждали кинжалом в черных ножнах с широким заостренным лезвием и надписью «моя честь — это верность». В основу дизайна был положен так называемый Гольбейновский кинжал, который получил название по рисунку на ножнах, воспроизводившему сцены с полотна «Пляска смерти». Накануне войны в дополнение к ножу появился меч — на этот раз основой послужило холодное оружие немецких полицейских: изящный прямой клинок и прямая деревянная рукоятка, украшенная рунами победы. Вскоре началось производство прекрасных ручной работы дамасских клинков, украшенных эсэсовскими позолоченными надписями. Этот вид клинков пользовался особой популярностью еще в XVIII в., и они были чрезвычайно дороги. В Германии носителем старинного ремесла был кузнечных дел мастер Пауль Мюллер. Гиммлер поклялся, что древнее мастерство не будет утрачено и поручил Мюллеру организовать в Дахау специальную кузнечную школу. Процесс изготовления дамасских клинков (ковка в одно целое нескольких тончайших полосок стали была трудоемка и дорогостояща) был подобен тому, что изобрели японские мастера, изготавливавшие знаменитые самурайские мечи. Мюллер, правда, пережил войну и продолжал ковать дамасские клинки вплоть до 1971 г., оставив секреты мастерства своему ученику Роберту Кюнерту²⁷⁵.

Мистическое восприятие действительности шло рука об руку с увлечением Гиммлера гомеопатией, натуропатией, оккультизмом и астрологией. Им было основано «Немецкое общество по изучению древней германской истории и наследия предков» (*Ahnenerbe*). Изучение древней германской истории в рамках этого общества осуществлялось в странном сочетании естественных наук с любительским романтизмом, направленном на утверждение превосходства арийской расы: раскопки на юге Франции,

три экспедиции в Тибет, исследования курганов на юге Украины. Под впечатлением итогов экспедиций в Тибет Гиммлер создал оккультную школу, в которой влиятельные члены партии могли пройти курс медитации и трансцендентальной магии. Целью «Аненэрбе» было проведение исследований «локализации духа», свершений и наследия индогерманской расы. Руководителем этой группы Гиммлер назначил профессора Виррста, друга Хаусхофера²⁷⁶. В принципе, эти странные увлечения Гиммлера не были оригинальными: так же поступали и представители других европейских наций. К примеру, о дохристианской Руси известно очень мало, поэтому русские националисты использовали преимущественно мифы; для утверждения представлений о превосходных качествах своей нации чешские националисты использовали так называемую «Краледворскую рукопись» якобы тысячелетней давности. Понадобился авторитет основателя Чехословацкого государства Массарика, чтобы положить конец распространению подделки. В России наибольшую известность получила фальшивка «Влесова книга», в которой утверждалось, что в России еще до принятия христианства существовала великая цивилизация, восходившая к 1000 г. до нашей эры. Оживил идеи «Влесовой книги» доктор исторических наук Скурлатов, который хотел доказать, что именно русские — истинные арии, раса суперменов... Скурлатову не удалось убедить историков, но его проповеди нашли спрос у романистов вроде Владимира Чивилихина, чей роман-эссе «Память» (Государственная премия 1982 г.) был опубликован в начале 80-х гг.²⁷⁷ Такие фальсификации схожи с тем, что делали в «Аненэрбе», который систематически занимался собиранием (и подделкой) свидетельств о «славном» языческом и арийском германском прошлом.

Странности руководителя СС на этом не заканчивались: Гиммлер, как и Гитлер, был заражен гигантоманией; говорят, что в 1942 г. он собирался построить в Берлине здание высотой в 335 метров, с фундаментом протяженностью 1,5 км; подвал этого здания предназначался для захоронения Гитлера²⁷⁸. Впрочем, практического значения для деятельности СС причуды Гиммлера не имели, поскольку, высшие офицеры СС мыслили и действовали преимущественно в военных и политических категориях,

а мистические выкрутасы своего шефа воспринимали как чудачества, которые нужно терпеть²⁷⁹.

Гиммлер распорядился обставить процесс приема и пребывания в СС многочисленными церемониями и обрядами: 9 ноября (день «пивного путча») кандидата в СС объявляли новобранцем СС и разрешали ему облачиться в эсэсовскую форму, но без петлиц; 30 января (приход нацистов к власти) новобранец получал предварительное удостоверение; 20 апреля (день рождения А. Гитлера) новобранец после торжественной церемонии получал петлицы и удостоверение. Дав клятву верности фюреру, новоиспеченные эсэсовцы сдавали спортивные нормативы для получения «имперского спортивного значка», затем 1 октября они отправлялись отбывать повинность на «трудовом фронте», а потом — на короткое время — в вермахте. Получив характеристику от армейских командиров, после новой торжественной церемонии, ровно через год — 9 ноября — эсэовец становился полноправным членом организации. Эсэсовцы со стажем носили на пальце серебряное кольцо с изображением мертвой головы, а особо отличившиеся — «кинжал чести». Гиммлер разрешил в СС самоубийство, которое было обставлено бюрократическими условностями и иногда служило карой за преступление. В СС были разрешены дуэли, хотя Гиммлер стремился к насаждению семейных добродетелей, идеализма, мистики — вся эта мистика и идеализм на практике ничего не стоили, ибо непрерывные убийства, культ смерти, массовые казни и полная безнаказанность уродовали психику даже самых жестоких и тупых людей: они становились алкоголиками, наркоманами, психопатами. Так складывались дела во время войны. До войны все эти организационные новшества, особый церемониал, инсценировка обрядов и прочие ухищрения обеспечили СС особое место как в системе власти в Третьем Рейхе, так и в немецком обществе. Особенно притягательными СС стали для немецкой молодежи.

Войска СС делились на три основных группы: общие отряды (*Allgemeine SS*)²⁸⁰, караульные отряды (*SS-Wachverbände* или *Totenkopf*) и отряды для поручений (*SS-Verfügungstruppen*). Из последних в войну выросли СС-оружия (Ваффен-СС), начало которым в сентябре 1933 г. на Нюрн-

бергском съезде положил Гитлер, дав гвардии СС имя «лейб-штандарт Адольф Гитлер».

В речи от 1937 г. Гиммлер указывал на пять «столпов» СС: 1. Общие СС, состоявшие из членов, имеющих гражданские профессии. 2. Отряды для поручений (предназначались для военных действий и для поддержки полиции в борьбе с большевизмом). От общих отрядов отряды для поручений отличались магическим характером посвящения. 3. Охранные отряды концлагерей (*Die Totenkopfverbände*) 4. Мировоззренческая разведка и контрразведка партии и государства (*SD — Sieherheitsdienst*) 5. Расовое и переселенческое ведомство, задачи которого сводились к позитивному расовому отбору и переселенческой политике. Только СС Гитлер разрешил самофинансирование и поиск спонсоров; каждый эсэсовец при вступлении в организацию обязался привлечь по крайней мере одного спонсора. Финансовые возможности СС со временем росли, особенно во время войны.

Гиммлер пытался культивировать в СС особого рода семейные добродетели: еще 31 декабря 1931 г. он издал «Приказ о помолвках и женитьбах»; в 1936 г. Гиммлер требовал от эсэсовцев, чтобы они женились в 25—30 лет, до 1940 г. из СС даже изгоняли за нарушение супружеской верности. Гиммлера огорчало то обстоятельство, что к 31 декабря 1939 г. у 115 650 женатых эсэсовцев вместо предполагаемых 4 детей на семью была в среднем лишь 1,1 ребенка. Нацистское требование многодетности противоречило стремлению молодежи оторваться от традиционной системы ценностей и семьи, действуя под лозунгом «молодежь должна руководить молодежь».

Довольно экзотичным было и гиммлеровское требование о многодетности вне семьи: свято веря в то, что во время войны действует негативный отбор, он призывал к тому, чтобы вдовы солдат и офицеров СС рожали детей. Будущее этих незаконнорожденных «арийских» детей, по замыслу рейхсфюрера, должны были обеспечить СС. Ответственные чиновники СС должны были вести документацию, касающуюся усыновления этих детей. Таким образом, Гиммлер объявил об официальной поддержке незамужним матерям и незаконнорожденным детям (при условии их арийского происхождения). Организация, ко-

торая занималась устройством этих детей, называлась «Лебенсборн» («источник жизни»); во главе «Лебенсборна» долго стояла Инге Фирметц; это было расово-политическое подразделение СС, основанное по инициативе Гиммлера 12 декабря 1935 г. Врач Гиммлера Керстен впоследствии писал, что Гиммлер хотел, чтобы расово полноценные немецкие женщины рожали вне брака, а ребенок воспитывался бы за государственный счет²⁸¹. Организационно «Лебенсборн» входил в РУСХА, но юридически он являлся независимым собственником и имел свою недвижимость. В цели «Лебенсборна» входило: 1) поддержка расово и биологически полноценных многодетных семей; 2) забота о расово и наследственно биологически полноценных матерях, которые — после доскональной проверки их семей и семей производителя — будут давать стране здоровое и полноценное потомство; 3) забота об этих детях²⁸². Редактор еженедельника СС «Черный корпус» Гюнтер Д'Алкен настаивал на введении понятия «отец военного времени» и «мать военного времени», доказывая, что служить народу можно не только на фронте и на заводах, но и рожая детей. Женщины, которые не хотят рожать детей, должны приравняться к дезертирам; тех же, кто рождает детей, не имея мужа, государство должно всемерно поддерживать²⁸³. Еще в декабре 1931 г. по СС вышел приказ о женитьбах и помолвках, в котором говорилось, что от ээсовца ждут ранней женитьбы и производства расово полноценного потомства. Число детей при этом было не частным делом семьи, но государственно важным обстоятельством — требовалось как можно более многочисленное потомство. Этот приказ, однако, не имел ожидаемого эффекта, и Гиммлер стал рассматривать «Лебенсборн» как средство для поддержки и поощрения многодетных ээсовских семей. Бездетным же ээсовским семьям «Лебенсборн» должен был предоставлять возможности для усыновления детей. Неожиданностью для СС стали жесткие нападки Ватикана на эту затею. Мировоззрение СС обычно считают несовместимым с христианской верой, но во время войны на эти проблемы смотрели сквозь пальцы: можно было состоять в Ваффен-СС и принимать святое причастие. Более того, Гиммлер не раз подчеркивал, что не потерпит атеистов в СС:

«Если я требую от ээсовцев, чтобы они были верующими людьми, то мое требование рассматривают подчас как маскировку или прикрытие настоящего положения дел. Я требую этого вполне осмысленно и твердо. Людей, которые не признают высшего существа или предопределения — назовите это как угодно — в своем окружении я не потерплю». В инструкции для ээсовцев указывалось, что атеисты — это высокомерные, тупые и сумасбродные люди²⁸⁴. Любопытно отметить что, вопреки распространенным убеждениям, $\frac{2}{3}$ ээсовцев остались в церкви: 54% протестантов и 24% католиков. На фронте в Ваффен-СС иногда появлялись даже военные капелланы²⁸⁵.

Вместе с тем, «Лебенсборн» никак не вписывался в христианские представления, ибо наследственно-биологический отбор в понимании нацистов означал стерилизацию и уничтожение расово неполноценных или малоценных, «недостойных» жизни людей.

Гиммлер планировал пресечь потери «расово полноценных» детей. Большая часть аборт, запрещенных законом, приходилась на внебрачные зачатия; Гиммлер хотел создать условия, при которых женщины вынашивали бы и рожали детей. Собственно, одной из причин учреждения «Лебенсборна» было ужасающее — с точки зрения Гиммлера — число аборт: в начале войны эта цифра составляла 600 тыс. Одной из причин тому было запрещение с января 1941 г. производства и распространения противозачаточных средств²⁸⁶.

В то время как в партии не прекращалась дискуссия о внебрачных детях, Гиммлер создал свой собственный инструмент для решения проблемы незаконнорожденных детей. «Лебенсборн» брал на себя опеку над рожденными в его стенах детьми, разумеется, от женщин и производителей хорошей расы. Для незамужних матерей, не отвечающим расовым требованиям, двери этой организации были закрыты. Если в «Лебенсборн» рождались дети с пороками, руководство отправляло их в центр эвтаназии для умерщвления.

Матери в «Лебенсборн» были свободны выбирать — либо оставить ребенка себе, либо отдать его на усыновление в бездетные семьи ээсовцев. С 1938 г. бесплодие считалось достаточным основанием для развода²⁸⁷.

Женщины, претендующие на место в «Лебенсборн», должны были представить большое количество справок: документально подтвержденную родословную, восходящую к 1 января 1800 г., всеобъемлющие сведения о наследственных болезнях или их отсутствии, полное медицинское освидетельствование, сведения о профессии, страховой медицинский полис, рукописная автобиография, фотографию обнаженного тела. Поскольку эти сведения нужны были и со стороны матери, и со стороны отца, то будущий отец ребенка должен был под присягой подтвердить факт своего отцовства. На основе этих документов и принималось решение о приеме или об отказе роженице. Забота о детях погибших эсэсовцев также составляли предмет деятельности «Лебенсборн». Кроме того, Гиммлер поставил задачу лишить восточные народы «хорошей крови»: детей (в возрасте до 6 лет) славянского происхождения, отвечающих определенным расовым требованиям, эсэсовцы отбирали и передавали в «Лебенсборн» для последующей передачи на усыновление в немецкие семьи; матерей этих детей отправляли в концентрационные лагеря. Особенно много таких случаев было в Польше²⁸⁸. С 1942 г. все большую конкуренцию «Лебенсборн» стала составлять благотворительная организация Хильгенфельда НСВ, и понадобилось вмешательство Гиммлера, чтобы как-то разделить компетенции.

Впрочем, масштабы деятельности «Лебенсборн» были небольшими: с 1935 г. для незамужних беременных женщин было создано 22 дома «Лебенсборна», в которых родилось 11 тыс. детей²⁸⁹. В войну и после войны распространялись упорные слухи, что в «Лебенсборне» специально выводили биологически полноценное потомство: это было чистой фантазией.

В 1942 г. Гиммлер издал приказ об отзыве с фронта и возвращении домой эсэсовцев, оставшихся в своих семьях единственными наследниками мужского пола. В целях сохранения «арийского» генофонда «нордических» детей собирали по всей Европе и отправляли в Германию; затем их помещали в специально отобранные эсэсовские семьи на воспитание. По замыслу Гиммлера, став взрослыми, эти люди должны были вернуться к себе на родину и стать там некоей высшей нордической кастой,

которая в интересах Германии контролировала бы местные «низшие» расы. Вопросами формирования расовой политики СС занималось расовое и переселенческое ведомство СС (РУСХА), имевшее следующие задачи: контроль расового состояния членов СС, а также их жен и невест; обеспечение условий для поселения ээсовских семей на земле и для обучения их крестьянскому труду; обеспечение физического воспитания и психологической подготовки кадров СС²⁹⁰. РУСХА была чисто штабной организацией без разветвленного аппарата.

Террор и другие методы принуждения и унификации общества в полицейской деятельности СС

Большим организационным достижением Гиммлера было объединение всей немецкой полиции в единую организацию — до этого полиция в Германии находилась в ведении отдельных земель. 17 июня 1936 г. Гиммлер стал шефом всей немецкой полиции, таким образом была осуществлена не только централизация всей полиции, но произошло ее полное подчинение СС. В титуле Гиммлера — «рейхсфюрер СС и шеф немецкой полиции» — отобразилось не только слияние СС и полиции, партийной и государственной должности, но, что гораздо важнее, изъятие полиции из юрисдикции государства. Гиммлер получил пост статс-секретаря МВД и в принципе был подчинен министру внутренних дел, это противоречие в иерархии, впрочем, было явным лишь для посвященных. Как рейхсфюрер СС, Гиммлер подчинялся только Гитлеру, а как статс-секретарь МВД — министру внутренних дел; ясно, какое подчинение было более существенным для власти... Полиция была практически исключена из государственного аппарата, она стала ненормативным исполнительным органом гитлеровской власти. Это последнее обстоятельство и позволило Гиммлеру организовать полицейскую деятельность по-новому: например, 9 марта 1937 г. Гиммлер (на основе только агентурных полицейских сведений) приказал арестовать обозначенных в картотеках рецидивистов и отправить их в концлагеря Заксенхаузен, Заксенбург, Лихтенбург и Дахау²⁹¹. Эта акция

открыла новую главу в истории уголовной полиции в Германии — превентивную борьбу с преступностью. На следующий год превентивные аресты коснулись всех асоциальных типов, за которыми — в строгом смысле — вообще ничего криминального не числилось; их арестовывали просто за определенное «поведение». Находясь под превентивным арестом, эти люди должны были работать в каменоломнях или на кирпичных заводах — это делалось в целях приучения их к производительному труду. Гейдрих объявил целые группы населения вредоносными для нации и приказал действовать невзирая на юридические «условности». У полиции, между тем, не было правового обоснования превентивным арестам. Доктор юриспруденции ээсовец Вернер Бест обосновывал действия полиции тем, что она является частью народа и выражает его волю. По словам Беста, полиция помогает преступникам, помещая их на перевоспитание в концлагеря. Несмотря на то, что вспышки преступности в Германии не наблюдалось, Гейдрих распорядился регулярно проводить превентивные аресты и отправлять арестованных в концлагеря. Помещению в концлагерь подлежали рецидивисты (трижды сидевшие в тюрьме не менее чем по 6 месяцев), асоциальные элементы (спекулянты, бродяги, цыгане, проститутки, гомосексуалисты, алкоголики, психопаты, хулиганы, нарушители правил дорожного движения), а также тунеядцы (2 раза отклонившие предложенную на бирже работу).

Пример превентивных арестов показывает, какой властью обладал в Германии Гейдрих. С тех пор как в 1936 г. Гиммлер стал шефом немецкой полиции, а Гейдриху, руководителю СД, было передано руководство полицией безопасности, последний получил в свои руки власть такого масштаба, каковой не обладал ни один полицейский чиновник за всю историю Германии. Правда, в отличие от СССР, где НКВД арестовывала судей, прокуроров и кого угодно, в Германии гестапо так далеко не заходило, но неугодного адвоката или неудобного свидетеля вполне могли подвергнуть «превентивному аресту» и отправить в концлагерь.

По распоряжению Гиммлера вся полиция была разделена на две части: полицию безопасности (*Sipo*, в нее вхо-

дила и уголовная полиция, и гестапо), подчиненную Гейдриху (который руководил и СД — внутренней полицией партии), и полицию порядка (*Orpo — Ordnungspolizei*), подчиненную Курту Далюге (он имел звание «генерал полиции»). Обе полиции подчинялись Рейхсфюреру СС и были подразделениями МВД, но органического единства между ними не было ни до, ни после образования РСХА. Гейдрих пытался интриговать против Далюге, но тот был слаб для открытой борьбы и никаких амбиций не имел; однако препятствием для Гейдриха был огромный престиж и авторитет прусской полиции, зеленые мундиры которой долгое время были воплощением авторитета государства и олицетворением блестящей традиции правопорядка в Пруссии. Зеленые мундиры насчитывали первоначально 150 тыс. человек, затем У₃ из них вступила в вермахт, а остальные, собственно, и составили полицикЗ порядка. Хотя Гейдрих превосходил Далюге по властным полномочиям, последний в иерархии СС был формально выше²⁹², поскольку в полиции порядка к 1945 г. служило 3 млн человек; к тому же Далюге распоряжался и пожарными. Именно Далюге в октябре 1941 г. подписал первый приказ о депортации немецких евреев на Восток.

Одной из наиболее зловещих организаций СС было гестапо, созданное Герингом в Пруссии еще в 1933 г., а потом перешедшее к Гиммлеру; это была политическая полиция: в ее задачу входило выявление и подавление любой независимой политической мысли, а также уничтожение всякой оппозиции гитлеровскому режиму. Гестапо было тайной организацией, поэтому гестаповцы носили черные эсэсовские мундиры со знаком СД. В странах, оккупированных Германией, гестапо, как правило, принадлежали функции исполнительной власти, поэтому оно (с 40 тыс. сотрудников) было более крупной организацией, чем СД (3 тыс.) или уголовная полиция (15 тыс.). В 1943 г. в РСХА гестапо занимало наиболее важные позиции и именовалась «отдел IV», которым руководил зловещий Генрих Мюллер. Этот отдел имел следующие подразделения (рефераты): *I/A* — коммунизм, марксизм, реакция, оппозиция, либерализм, *I/B* — политический католицизм, политический протестантизм, церкви, масоны, *I/B4* — политические церкви, секты, евреи (руководите-

лем этого отдела был Эйхман), *IVC* — предупреждение преступности, *IVD* — иностранные рабочие, иностранцы, эмигранты. В высшей иерархии СС Мюллер занимал особое положение: в отличие от других нацистских боссов, он был высококвалифицированным полицейским, равнодушным к идеологическим вопросам. Благодаря исключительной способности разбираться в людях, Гейдрих сразу почувствовал в Мюллере полицейский талант и не ошибся в своих ожиданиях: Мюллер был гением сыска и хорошим организатором. Правда, вследствие открытой аполитичности Мюллера, его карьере едва не пришел конец. Гордясь своими профессиональными достижениями, он даже не вступал в партию, хотя по торжественным случаям иногда надевал мундир генерала СС²⁹³. Партийцы в Баварии относились к нему с недоверием и характеризовали его как карьериста, которому свойственно нетоварищеское поведение и чудовищное самомнение. Но Мюллер, чувствуя свое профессиональное превосходство, мог себе позволить относиться свысока и к Гиммлеру, и к Борману, и к Гейдриху, и к сменившему последнего Кальтенбруннеру, выходцу из Австрии, который не был ветераном войны (шрамы на лице он получил на студенческих дуэлях).

Если СД (Гейдрих) была глазами и ушами режима, то гестапо и полиция — его руками. Для огромной страны гестапо, в принципе, было небольшой организацией: 40 тыс. чиновников контролировали 80 млн населения; для сравнения — Штази (полиция государственной безопасности) в ГДР насчитывала 102 тыс. агентов, контролировавших 17 млн населения. Один гестаповец приходился на 2 тыс. населения, а один агент Штази — на 166 человек²⁹⁴. Сравнительная малочисленность гестапо не препятствовала, однако, его эффективности, поскольку в Третьем Рейхе существовала разветвленная сеть секторов.

СС не только прибирали к рукам полицейские функции, но и неустанно расширяли их: в 1937 г. Гиммлер заявил, что перед политической полицией стоит задача создания нового политического порядка, а не охрана старого, при этом ее деятельность протекает вне всяких законов и ничем не ограничена; главное — ее соответствие ука-

занятиям руководства. Другими словами, из политической необходимости по отношению к гражданам Германии могло быть совершено какое угодно действие. Даже такой яркий нацист, как Ганс Франк, в 1942 г. констатировал, что любой немец без всякой надежды на защиту мог быть отправлен в концлагерь на любое время; ощущение незащищенности порождало всеобщий конформизм и аполитичность.

СС понимали себя не как функциональная, а как общественная элита, которая насильем стремилась к созданию новой национальной общности. В идеологии и политической практике нацизма насилье играло столь значительную роль, что нацизм и насилье, СС и насилье — стали почти синонимами. Тактика террора развивалась параллельно движению, и одними из основных носителей террора со временем сделались СС. Эсэсовский рациональный, бюрократический, безличный террор и насилье заменили «эмоциональный» и стихийный террор СА. Юридически террор оправдывался статьей 48 Конституции, в соответствии с которой чрезвычайное положение было введено 28 февраля 1933 г. в связи с поджогом рейхстага, а затем периодически продлевалось. Таким образом, в обход государственной бюрократии и судов осуществлялась практика террора, основным орудием которого были СС, возникшие как личная охрана Гитлера. СС, в отличие от СА, не были традиционной военизированной партийной армией, обычной для Германии Веймарской республики. СС были созданы как своеобразное ядро НСДАП, как своего рода внутренняя полиция партии, функции которой, впрочем, с 1931 г. целиком переняла СД. Создателем и вдохновителем этого тайного контрольного органа нацистского движения был злой гений движения Гейдрих. Как пишет Шелленберг, Гейдрих обладал исключительным чутьем на моральные, человеческие, профессиональные и политические слабости людей и умел эффективно этим качеством пользоваться²⁹⁵. Ни один из персонажей в верхушке нацистов не вызывал столько споров, как Райнхольд Гейдрих: выдающийся спортсмен-десятиборец, фехтовальщик, прекрасный скрипач; в 27 лет он уже стоял во главе СД, а в начале войны возглавил ядро СС — РСХА. В 1941 г. Гитлер назначил его штатгальтером в Прагу, чем молодой шеф РСХА был чрез-

вычайно польщен. Ко всеобщему изумлению, поведение Гейдриха в Праге было совершенно нетипичным для жесткого стиля СС. Новый штатгальтер смог обеспечить Чехию достаточным количеством продовольствия; с чехами — при условии их трудолюбия и законопослушания — он обращался вполне лояльно. Как Гейдрих, так и Карл Вольф, были живыми опровержениями представления об эсэсовце, как о грубом и неотесанном профессиональном убийце: оказывается, среди эсэсовцев встречались высокообразованные, высококультурные люди, говорившие на многих языках, знатоки немецкого и международного права, находившие общий язык с коронованными особами и высшей аристократией²⁹⁶. Покушение на Гейдриха и его смерть не были следствием давления нацистской власти в Чехии (положение в Польше было во сто крат хуже), а следствием действий диверсантов, направленных чешским эмигрантским правительством из Лондона. После смерти Гейдриха его пост в Чехии занял (до 28 августа 1943 г.) Курт Далюге, потом ненадолго — Вильгельм Фрик, а с 1943 г. имперским министром Богемии стал Карл Франк²⁹⁷.

В отличие от Чехии, в Польше СС проводила политику давления, насилия, убийств, дискриминации и унижения местного населения; итоги этой политики были плачевны для поляков. Гейдрих же политикой кнута и пряника смог за короткий срок превратить протекторат в образцовую оружейную мастерскую. Даже внешне он, в отличие от большинства нацистских бонз, соответствовал расовому нацистскому идеалу: высокий белокурый саксонец из Галле. Один из биографов называл его Сен-Жюстом и Фуше Третьего Рейха в одном лице²⁹⁸. Именно Гейдрих был истинным творцом-технократом адской машинерии СС. Эффективность, а не идеологические постулаты Гитлера, была его богом: шла ли речь об уничтожении целых групп населения, об интригах разведки, о фехтовании, о музыке, о вылетах на самолете в тыл врага, чтобы доказать своим подчиненным, что он тоже солдат.

Главным организационным достижением Гейдриха было создание СД, которая первое время занималась исключительно внутривнутрипартийными делами и защитой партии извне; в ее задачи входило выяснение и пресечение оп-

позиционной деятельности внутри партии. Как в вермахте офицер Генштаба отдела 1с отвечал за сбор сведений о противнике, так и в высшем руководстве СА отдел 1с отвечал за сбор информации; в 1931 г. в мюнхенском руководстве СА его возглавил Гейдрих. Из этого 1с-отдела в 1932 г. и возникла СД (служба безопасности)²⁹⁹. Она была элитой СС — почти 40 % офицеров СД имели высшее образование (в целом среди немцев — 2—3 %) ³⁰⁰.

После того, как Гиммлер стал руководителем всей немецкой полиции (1936 г.), СД была полностью реформирована Гейдрихом и ему же подчинена. Сначала из-за юридических препон СД сама не производила арестов — это делало гестапо. Огромную роль в работе СД играла деятельность многочисленных доверенных лиц (*Vertrauensmänner* или *V-Männer*), информаторов СД. Располагая значительным числом информаторов, СД получала от них сведения из различных фирм, учреждений, школ, из частной жизни немцев — все эти сведения сосредотачивались в Берлине, где они классифицировались и систематизировались. Руководство СД таким образом формулировало задачи своих доверенных лиц: «Каждое доверенное лицо должно повсюду (в семье, в кругу друзей, на работе, в транспорте) бдительно следить за состоянием общественных настроений и откликами немцев на важнейшие политические события и состояние экономики страны, а также повседневной жизни и своевременно об этом доносить, не пренебрегая даже самыми малозначительными деталями»³⁰¹. Если обнаруживались враги, то их предавали гестапо под началом Мюллера.

Кроме того, в СД было VI ведомство (иностранное дела), которое первоначально возглавлял Хайнц Йост (потом этим отделом руководил Вальтер Шелленберг); этому ведомству подчинялось специальное подразделение диверсионной деятельности «Ораниенбург» (им командовал Отто Скорцени), личный состав подбирался из полка диверсантов «Бранденбург»³⁰²; VII ведомство СД во главе с профессором Зиксом занималось мировоззренческими вопросами.

23 сентября 1939 г. Гейдрих объединил систему специальных подразделений СС в РСХА; это управление включало политическую полицию (гестапо во главе с Мюллером), уголовную полицию во главе со старым асом утро-

зыска Артуром Небе³⁰³ и СД, в задачу которой входило преодоление вражеской деятельности и за пределами Рейха. Слияние СС и полиции, правда, противоречило орденским представлениям СС, но зато давало огромные политические возможности. Интересно отметить, что немецкая общественность по-разному относилась к различным подразделениям полиции: с полным пониманием, симпатией и готовностью помочь — к уголовной полиции, к гестапо же с настороженностью, а иногда даже с открытой враждебностью³⁰⁴. СД, занимавшаяся мировоззренческими противниками режима (коммунисты, масоны, евреи, католики), была вообще вне поля зрения общества. Сферы активности СД и гестапо соприкасались, и между ними часто возникали трения. В отличие от чинов гестапо (в прошлом, как правило, профессиональных полицейских), офицеры СД отличались интеллектом и образованием. В сферу деятельности СД входила контрразведка, но эта служба обладала ограниченными возможностями для ареста; контрразведчики презрительно относились к «мясникам» из гестапо, так как те ограничений для арестов не имели и часто влезали в сферы, за которые отвечало СД. В 1937 г. Гейдрих разделил сферы деятельности: гестапо достался марксизм, государственные преступления, эмиграция, а СД — наука, искусство, воспитание, народоведение, воспитание, партия, государство, конституция, заграница, масоны. Гестапо должно было сосредоточиться на государственных преступлениях, а СД — на противонародных. Трения, однако, продолжались, поскольку полностью разделить компетенции было невозможно. Кроме того, со временем СД все активней вторгалось в сферу деятельности армейской разведки, «Абвера», во главе которой стоял Канарис. Гестапо (около 40 тыс. сотрудников) было несравненно более многочисленной организацией, чем СД (около 3 тыс. человек); гестапо финансировали неограниченно, а СД с трудом «пробивала» финансирование своего ведомства. Кроме того, гестаповцы пользовались большими пенсионными льготами, а сотрудники СД — нет.

Реорганизация полицейской службы Третьего Рейха и возникновение РСХА соединило СД и полицию безопасности в единую унифицированную систему полицейско-

го надзора, но на деле слились лишь некоторые отделы этих организаций; в целом они и в дальнейшем вели раздельное существование, пытаясь отобрать друг у друга компетенции. Мечте Гейдриха об единой организации так и не удалось осуществиться. РСХА не имело официального статуса, тем не менее сразу после начала войны управление получило право «исправлять» приговоры судов. Министр юстиции Франц Гюртнер (не являвшийся членом партии), которого уважал Гитлер, пытался противостоять правовому беспределу СС; иногда ему это удавалось, и поэтому вплоть до его смерти (он умер в январе 1941 г.) власть РСХА имела некоторые рамки. После смерти Гюртнера министерство возглавил статс-секретарь Франц Шлегельбергер, значительно менее влиятельная фигура. Ко всему прочему, в августе 1943 г. Гиммлер стал преемником вышедшего в отставку министра внутренних дел Вильгельма Фрика: с этого момента вся сфера внутренней политики и формально оказалась в руках СС.

Весьма любопытным поворотом в деятельности СС было то, что одно из их подразделений — СД — взяла на себя функцию критики нацистского режима. Один из руководителей СД, профессор Райнхольд Хен, внушил своему подчиненному Отто Олендорфу, что поскольку открытая критика нацистского режима невозможна, то эту задачу должна взять на себя СД: вскрывать недостатки и указывать на возможные варианты социально-экономического или политического развития. Умный и энергичный организатор Олендорф рьяно взялся за дело. Из многих опасностей для режима он выделил две наиболее существенные: условно он их называл «большевизм» и «фашизм». «Большевизм», на его взгляд, выражался в коллективистских тенденциях и в усилении влияния «немецкого рабочего фронта» (ДАФ) во главе с Леем, а также с идеологом «Имперского продовольственного сословия» Дарре. Опасность «фашизма» Олендорф усматривал в усиливающемся при поддержке партии и юристов цезаризме, в росте влияния олигархов. Олендорф и Хен всерьез полагали, что смогут таким образом повлиять на решения и политику руководства Третьего Рейха³⁰⁵. Хен и Олендорф поставили своей задачей своевременное и объективное информирование руководства о настроениях и

позиции различных слоев населения по отношению к Третьему Рейху. В 1937 г. Хен рекомендовал назначить Олендорфа руководителем крупного центрального отдела СД 112, в рамках которого было создано три больших штаба, которые должны были освещать истинное положение дел по различным направлениям. Отдел 1121 — культура, наука, воспитание, народ, отдел 1122 — право и администрация, высшая школа и студенты, отдел 1123 — экономика. Со временем сводки Олендорфа, рассылавшиеся нацистским иерархам, становились все более критическими; Олендорф называл вещи своими именами, критикуя расширение власти крупных концернов, безоглядную финансовую политику Рейха, «коммунистический» коллективизм ДАФ, угнетенное положение в Рейхе среднего сословия, на которое нацисты первоначально делали ставку, манию величия партийных боссов. Разумеется, доклады Олендорфа нравились не всем партийным иерархам, поэтому Хен вскоре пал жертвой интриг: он лишился своего поста и был переведен с понижением. Олендорф же остался, так как Гиммлеру, способному понять и принять даже неугодное мнение, нравились доклады Олендорфа, дававшие относительно объективную картину происходящего в Рейхе. Старые партийцы относились к Олендорфу не так благосклонно: их раздражала критика, казавшаяся надуманной и искусственной. С ними Гиммлер вынужден был считаться, поэтому однажды он вызвал и отчитал Олендорфа. После этого Олендорф хотел вообще уйти из СД, но Гиммлер и Гейдрих его непустили. По существу, Олендорфом был создан институт исследования общественного мнения, который регулярно выпускал бюллетени для нацистского руководства — «Вести из Рейха». Эти интереснейшие документы были опубликованы немецким историком Боберахом и составляют ныне важнейший источник по изучению социальной истории Третьего Рейха³⁰⁶. В мае 1945 г. во время допроса группенфюрер СС Олендорф таким образом определил место своего «бюро новостей» в СД: «Заменить политическую и общественную критику руководства своевременным и объективным информированием оного о состоянии и тенденциях развития общественных настроений в Германии»³⁰⁷. Наряду с донесениями местной администрации

и полицейских инстанций, «Вести из Рейха» были важной частью демоскопических исследований в Третьем Рейхе; они сыграли важную роль в принятии ряда политических решений: Гитлер серьезно относился к этой информации. В разговоре с врачом Гиммлера Олендорф однажды сказал, что в Германии «Вести из Рейха» играли такую же роль, как общественное мнение в демократических странах³⁰⁸. Это весьма точное сравнение, поскольку иначе выяснить, как, собственно, немцы относились к тем или иным событиям в жизни страны, было невозможно: выборы в стране носили чисто формальный характер. Несмотря на упорство Олендорфа, после смерти Гейдриха СД в конечном счете капитулировала перед партией в завершающей стадии войны; у СД осталось только две функции — иностранный шпионаж и террор в Восточной Европе³⁰⁹. После открытия Второго фронта 6 июня 1944 г. «Вести из Рейха» перестали выходить. С июня 1941 г. до июня 1942 г. Олендорф возглавлял оперкоманду полиции безопасности и СД на Восточном фронте, за что получил генеральское звание. За участие в преступлениях американским трибуналом он был приговорен к смерти и казнен 8 июня 1951 г. в Люнебурге³¹⁰.

Интересно отметить, что параллельно Олендорф возглавлял отдел экономики СД; в этом отделе работало много крупных интеллектуалов — экономистов. Одно время в нем подвизался и будущий отец «немецкого экономического чуда» Людвиг Эрхард. Олендорф был сторонником рыночной экономики, поэтому в памятной записке «Экономика в национал-социалистическом государстве» он указывал, что вооружение Рейха привело к значительной напряженности, так как крупные монополистические предприятия усилили свою роль, а мелкие — ослабили; это следует рассматривать как ущербное развитие. Кроме того, следствием государственной политики вооружений и растущих государственных закупок стало нежелательное и чреватое неблагоприятными последствиями ослабление частной инициативы³¹¹.

Наряду с концлагерями, самой жуткой частью истории СС стала деятельность опергрупп полиции безопасности и СД, которые впервые были сформированы во

время войны с Польшей. По приказу Гейдриха было сформировано 5 оперативных групп полиции безопасности и СД, члены которых носили полевую форму СС с нарукавными знаками СД. Каждая группа была придана армии и делилась на 4 оперативные команды СС, в каждой по 100—150 эсэсовцев. Верхушка СД взяла на себя руководство этими группами. По заранее заготовленным спискам врачей, учителей, чиновников, помещиков, духовенство и предпринимателей свозили в специальные сборные лагеря. Задачей этих групп было уничтожение польской элиты и подавление сопротивления. Уже 27 сентября 1939 г. Гейдрих заявил, что от польских вождей и элиты осталось 3%³¹². Гитлеровцы рассматривали эти действия как месть за убийство в Бромберге, в начале войны, 4 или 5 тыс. немцев (фольксдойч), геббельсовская пропаганда говорила о 13 тыс. Этот инцидент на самом деле имел место, но он отличался от действий Гейдриха тем, что польские государственные органы заранее эти убийства не планировали.

На Восточном фронте опергруппы полиции безопасности и СД использовались для уничтожения пленных комиссаров и командиров Красной Армии, евреев, цыган, партизан, коммунистов, бродяг. Так, группа «Д» (500 человек, последняя резиденция в Симферополе) под командованием Отто Олендорфа уничтожила на южном участке советско-германского фронта за один год 90 тыс. мужчин, женщин, детей; группа «Б» под командованием бригаденфюрера СС Артура Небе (последняя резиденция в Смоленске) за ноябрь — декабрь 1942 г. убила 134 тыс. человек. Не меньшей жестокостью отличались действия группы «А» под командованием бригаденфюрера Шталекера (последняя резиденция в Гатчине). Главной задачей этих групп считалось уничтожение в захваченных районах евреев. Для того, чтобы участники опергрупп полиции безопасности и СД отличались от других полицейских и военных отрядов, им было приказано носить серые полевые мундиры СД. 35% участников этих опергрупп относилось к СД, 20% — к полиции безопасности, 10% — к гестапо, 5% — к уголовной полиции.

Для оправдания своих операций опергруппы полиции безопасности и СД каждый раз находили «правдоподобные» причины — поджоги, нападения, взрывы, саботаж,

шпионаж и убийства солдат вермахта людьми в гражданском. Например, для убийства киевских евреев в Бабьем Яру, эсэсовцы использовали взрыв особняка, в котором размещался штаб одной из армий вермахта; взрыв этот был произведен советскими саперами, а обвинили во всем евреев, которых и подвергли массовым экзекуциям.

Другим важным инструментом террора стали караульные отряды СС, бывшие частью системы концентрационных лагерей. Концлагеря предназначались для изоляции на условиях превентивного заключения, для наказания посредством позитивных и негативных мер, для устрашения гражданского населения, для использования даровой рабочей силы, для трансформирования социального состава общества и, наконец, для ликвидации элементов, признанных вредными в социальном или расовом отношении³¹³.

После «ночи длинных ножей» концлагеря были изъяты из ведения СА и перешли в ведение СС. 7 июля 1934 г. было создано управление инспектора караульных отрядов и концентрационных лагерей, во главе которого встал Теодор Эйке. У Гейдриха, являвшегося ключевой фигурой в нацистской полиции, не было контроля над концлагерями, что соответствовало стилю нацистской борьбы компетенций. Во главе системы концлагерей Гиммлер поставил лично преданного ему Эйке, в 1933 г. бывшего комендантом Дахау (он сменил Гильмара Векерле, обвиненного в убийстве нескольких заключенных). Эйке стал шефом всех охранных отрядов СС, называвшихся с 1936 г. «Мертвая голова», а также инспектором всех лагерей. Гейдрих, недовольный тем, что контроль над концлагерями от него уплыл, постоянно «копал» под Эйке. Некоторой компенсацией для Гейдриха было то, что в войну сфера активности СД была расширена до диверсий и саботажа: в тех случаях, когда речь шла о деликатных задачах, «не вписывавшихся» в общепринятые представления о законности и морали, Гиммлер рассматривал СД как инструмент воли фюрера. Например, в акциях по «окончательному решению еврейского вопроса».

1 октября 1933 г. Эйке подписал «дисциплинарный и штрафной распорядок для узников лагерей», который

предусматривал не только телесные наказания, но и смертный приговор. Эйке так обращался к заключенным: «Каждый, кто подвергается превентивному заключению в этом лагере, на досуге может поразмыслить, почему он здесь оказался. Ему представлена возможность изменить свои сокровенные взгляды относительно родины и народа, если он хочет вернуться в общество, построенное на основах национал-социализма. Но если он сделает другой выбор, он может отдать свою жизнь ради вонючих еврейских II и III Интернационалов»³¹⁴. С арестантами предписывалось обращаться с неумолимой жестокостью³¹⁵. Этот распорядок, с изменениями в сторону ужесточения, распространился затем на другие концлагеря. Тот же Эйке организовал еще два концлагеря — Заксенхаузен (под Берлином) и Бухенвальд³¹⁶ (под Веймаром). В 1937 г. (год самой низкой численности узников концлагерей) 4833 эсэсовца «Мертвой головы» охраняли около 10 тыс. узников в четырех лагерях: в Дахау, Заксенхаузене, Бухенвальде и Лихтенбурге³¹⁷; однако вести о зверствах в лагерях продолжали просачиваться в немецкую общественность. Штрафы, издевательства, лишение права переписки, карцеры, избиения и убийства были обычным явлением в лагерном быту. В переходное время в лагерях расширились категории узников. Наряду с политическими, появились асоциальные элементы, тунеядцы, члены секты свидетели Иеговы (отказывавшиеся служить в армии), гомосексуалисты, рецидивисты и евреи. Были введены цветные уголки на воротниках различных категорий заключенных: красный — политический, лиловый — религиозный сектант, черный — асоциальные элементы, зеленый — уголовники, розовый — гомосексуалисты³¹⁸, голубой — эмигранты. Среди лагерной охраны сначала были одни немцы, а во время войны — много хорватов и украинцев³¹⁹.

Число узников концлагерей во время войны резко возросло — в конце 1942 г. их было 90 тыс., в конце 1943 г. — 400 тыс., в конце 1944 г. — 700 тыс. Летом 1944 г. около 400 тыс. узников работало в военной промышленности, что составляло всего-навсего 1% занятых в Рейхе и 4% занятых в промышленности³²⁰. Эта вопиющая «бесхозяйственность» и нежелание использовать подневольный труд объясняется исключительно идеологическими целя-

ми нацистского террора и нацистских концлагерей. На самом деле, в Варшавском гетто среди 500 тыс. его обитателей было 40% людей различных дефицитных в Рейхе рабочих специальностей. Даже такой отъявленный нацист, как Ганс Франк, в декабре 1942 г. сокрушался по поводу того, что изъятие с производства еврейских рабочих создает огромные сложности; он ратовал за то, чтобы их оставляли хотя бы в военной промышленности³²¹. Обитатели концлагерей в большинстве своем были евреями. Если учесть, что гитлеровцы во время войны арестовали и содержали в лагерях 4 млн евреев, и если хотя бы 2 млн из них обладало рабочими специальностями, то это количество наполовину перекрыло бы дефицит рабочей силы в Рейхе в разгар войны. Использование на производстве (в концлагерях) этой рабочей силы было незначительным из-за высокой смертности вследствие ужасных условий содержания — 10% в месяц. По некоторым оценкам в 1942 г. смертность в концлагерях составляла 30%, в 1943 г. — 25%, в 1944 г. — 30%, в начале 1945 г. — 40% в месяц³²². Логика этого была проста: чем больше народу, тем тяжелее с питанием, тем хуже условия, тем опаснее эпидемии. Неудачей завершилась и попытка стимулировать заключенных премиальными: как показал А. И. Солженицын, рабский труд в лагерях вел к расцвету всевозможных средств отлынивания от работы, с которыми можно было бороться только приставив к каждому заключенному-рабу по охраннику, что лишало такую работу смысла. О какой-либо рентабельности такого труда не могло быть и речи, да лагеря и создавались не для производства, а совершенно для других целей, перечисленных в начале этого раздела. Иными словами, с точки зрения военно-промышленной целесообразности лагеря были совершенным абсурдом.

Не было никакого смысла и в медицинских экспериментах эсэсовских «врачей» над людьми, это было изощренным способом убийства: руководили опытами не ученые, а нацистские выдвиженцы, результаты опытов нигде не публиковали и единой концепции экспериментов не было.

Издательством над людьми были и воспитательные цели лагерной (в отличие от тюремной) системы содер-

жания заключенных. В концлагерях Гиммлер приказал выставить щиты с надписью: «К свободе ведет один путь. И его вежами являются покорность, прилежание, честность, воздержание, чистота, самопожертвование, порядок, дисциплина и любовь к родине»³²³. На деле же система насилия и издевательств приводила не к перевоспитанию, а к ненависти узников и к извращению морали и преступлениям со стороны охранников. Так, юрист Морген посадил Карла Коха — коменданта Бухенвальда; его расстреляли за злоупотребление властью. Та же судьба постигла коменданта Майданека и его главного помощника. Комендант лагеря в Хертогенбоше за жестокое обращение с заключенными был отправлен в штрафные войска, а комендант Флоссенбурга уволен за пьянство³²⁴. Легко представить себе, какое разлагающее воздействие оказывала атмосфера вседозволенности и на рядовой персонал охраны лагерей.

Самый большой лагерь создал в Верхней Силезии Рудольф Хесс — Освенцим (по-немецки — *Auschwitz*); его территория составляла 40 км², в него входило 39 рабочих лагерей. Рядом с Аушвицем, на территории 175 га, был построен концлагерь Биркенау — 250 примитивных барачков, куда со всей Европы свозили евреев. В год пика депортаций в Биркенау одновременно содержалось до 100 тыс. евреев³²⁵; по размерам лагерь был небольшим городом. Число жертв Освенцима в специальной литературе оценивается по-разному — от 0,5 млн (Курт Центнер) до 2,5 млн (Януш Пикальневич), и даже до 4 млн. Эти оценки оказались сильно преувеличенными: в 1990 г. в СССР были открыты некоторые исторические архивы, и международному Красному Кресту стали доступны документы из Освенцима, захваченные Красной армией. Списки погибших в Освенциме насчитывали 86 тыс. человек³²⁶, что, разумеется, не дает никакого повода для изменения общей моральной позиции по отношению к системе нацистских концлагерей. Со статистическим жонглированием миллионами жертв и всевозможными спекуляциями на этом давно пора покончить, ибо это несколько не увеличивает масштабы трагедии, но побуждает к сомнениям и неуместным спорам о предмете, совершенно для того не подходящем.

Во время войны имя Рудольфа Хесса было известно немногим; Хесс был типичным функционером нацистского государства, действовавшим автоматически в установленном высшими инстанциями порядке. Он был исполнительным служащим: даже во время Нюрнбергского трибунала он искренне стремился помочь следователям (позже и в Польше, где его и казнили), с такой же старательностью он готовил и массовую гибель заключенных. Хесс был благодарен суду за возможность написания воспоминаний о своей жизни. Эти записи стали документальным протоколом совращения среднего немца нацистской псевдоморалью. Хесс не был уголовником, его нельзя причислить и к людям с ущемленным самосознанием, которые пытались компенсировать собственную ущербность принадлежностью к ордену избранных. Наоборот, явными его чертами было строгое сознание долга, неподкупность, любовь к природе, сентиментальность, добродушие, простота, высокие представления о морали и почти гипертрофированная склонность предъявлять по отношению к себе весьма жесткие требования, что, очевидно, было формой внутренней потребности в авторитете. Все эти человеческие качества сами по себе не плохи, наоборот, их обычно приветствуют, но в условиях извращенной идеологии и извращенного сознания эти качества также извращаются и обращаются в противоположную сторону. Как справедливо указывал Фест, в тоталитарной реальности содержалось все, что искала душа людей такого типа: простота действительности и мира (недаром Гитлер ставил себе в заслугу то, что он упростил слишком сложный для обывателя мир), противостояние добра и зла, ориентированная на высшие нормы и образцы иерархия ценностей и осязаемая, близкая и понятная утопия³²⁷. В этой связи следует указать, что даже «онтологический суперфеномен садизма», каковым обычно предстает в литературе дипломированный врач Йозеф Менгеле, нуждается в пересмотре. Как справедливо указывала американский исследователь Лифтон, «демоническим» у нацистских «селекционеров» было то, что они не были демонами³²⁸. Они уничтожали людей с искренней верой в то, что именно им досталась тяжелая доля исправить сложившуюся ситуацию и осчастливить

человечество. Умерщвление человека стало хирургической операцией на теле человечества. В соответствии с этим формировалась и ментальность охранников концлагерей, а также участников опергрупп полиции безопасности и СД; можно выделить в итоге три типа поведения: уголовники, которые были рады участвовать в организованных государством убийствах, избиениях и т. п., идеалисты — таковые бывали и во времена инквизиции, Гиммлер даже сочувствовал такого рода типам, высказавшим готовность сделать за других «необходимую» грязную работу, и, наконец, тип «убийцы за письменным столом», находящего удовольствие в том, чтобы отдавать приказы об убийствах, которые исполняли другие.

Гитлер говорил, что понятие «преступление» относится к действительности, которая уже потеряла актуальность, а на деле существует только позитивная и негативная деятельность. Рудольф Хесс был ярким образцом такого подхода: находясь вне системы каких-либо моральных категорий, он даже не понимал, что такое личная ответственность, вина; убийство стало для него безличным административным действием. Он был спокоен, педантичен и трезв, чувство ненависти было ему незнакомо. В своих предсмертных записках Хесс подчеркивал, что всегда боролся с грубостью и пьянством среди подчиненных. Он уверял, что ничего не имел против евреев, а антисемитскую прессу не читал, полагая (справедливо), что она пробуждает низменные инстинкты. «Так называемые издевательства, — заявил Хесс на Нюрнбергском трибунале, — и мучения узников в концлагере не были общепринятым методом, это были только отдельные выходки охранного персонала, не санкционированные сверху»³²⁹. В своей моральной летаргии Хесс полагал, что страдания миллионов жертв — ничто перед грандиозными техническими проблемами палача: «Можете поверить, что мне не доставляло никакого удовольствия видеть горы трупов и вдыхать воздух крематория»³³⁰. Такая мораль была следствием системы извращенных ценностей и установок, старательно культивируемых руководством Третьего Рейха.

Уничтожение евреев в лагерях на территории Польши — это одно из самых тяжких преступлений против че-

ловечества, и в качестве убийц совершенно невинных людей эсэсовцы и останутся в истории; никакие другие мотивы не в состоянии перевесить эту оценку. Самым страшным было то, как отмечала Ханна Арендт, что организация массового уничтожения была делом рук не фанатиков и садистов, а совершенно обычных людей — даже садизм и озверение палачей сделало бы их облик более человеческим; страшнее было совершенное равнодушие и механическое действие жуткого аппарата смерти, функционировавшего благодаря СС. Как это ни странно звучит, но то, что произошло в концлагерях, нельзя объяснить аффектами или криминальной энергией эсэсовских проходимцев: история человеческой жестокости показывает, что только садизма и жестокости недостаточно для организации массовых депортаций и убийств ни в чем не повинных людей; лишь апелляция к идеализму и жертвенности предоставили в распоряжение нацистского режима новые силы и энергию для осуществления неслыханных по антигуманности целей. Это последнее обстоятельство особенно тяжело для интерпретации, но именно оно сделало «невидимыми» и для общественности и для непосредственных участников то, что они участвуют в преступлениях и только люди обладающие редким даром ясного морального видения в состоянии были правильно оценить происходящее.

В заключении раздела об СС следует констатировать, что именно вследствие деятельности СС нацистское государство было царством бесправия; это признал сам доктор юриспруденции, глава национал-социалистического союза правоведов Франк, который в 1942 г. писал в дневнике, что «расширение произвольного применения ненормативных полномочий полицейской власти приняло со временем такие формы, что вполне можно констатировать, что каждый отдельный немец полностью бесправен перед лицом полицейского произвола»³³¹. СС не были всесильной организацией тоталитарного общества, но весьма важной составной частью нацистского режима с перспективой постоянного усиления и расширения сферы компетенций и превращения в своеобразный питомник элиты «нации господ». Иными словами, СС имели не

только негативные функции, но и важные позитивные задачи — именно ради расширения возможностей выполнения этих задач СС во время войны стремились заработать максимальный моральный авторитет на фронте, стремясь во что бы то ни стало превзойти вермахт. Это им в полной мере удалось: при этом использовались как идеологические мотивы, так и культивирование особого рода фронтового товарищества. Именно эти полновесные моральные претензии на превосходство и делали СС столь опасными.

ГЛАВА IV

ПАРТИЯ, ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

«НСДАП — это активизм вместо политической теории, действие вместо переговоров, авторитет и дисциплина вместо осознанной убежденности, опасность и приключения вместо безопасности и буржуазного законного порядка, героическое измерение жизни вместо оппортунизма и стремления к выгоде».

*(З. Нойман)*³³²

«Каждый человек в Германии должен помнить, что не наши предприниматели, не наши профессора и ученые, не солдаты и деятели искусств, не философы и поэты спасли немецкий народ от неминуемого разрушения и гибели, а партия и только она — в Германии все может погибнуть, но только не она».

*(А. Гитлер в 1935 г.)*³³³

Партийное строительство в НСДАП до прихода Гитлера к власти

Гитлеровские представления о том, какой должна быть партия, в принципе были весьма схожи с ленинскими представлениями о «партии нового типа», с той лишь разницей, что Гитлер предпочитал проводить линию раздела не между буржуазными и пролетарскими партиями, а между партиями политическими и мировоззренческими. При этом Гитлер без обиняков утверждал: «политические партии сами считаются со своими противниками, а мировоззренческие не считаются ни с кем и ни с чем, объявляя себя непогрешимыми»³³⁴. НСДАП Гитлер причислял именно к мировоззренческим партиям. Так же, как и в вопросе антисемитизма, так и в вопросе создания партии он принимал решения в соответствии с собственными представлениям о враге. Гейден передает, правда без ссылки, что

Гитлер хотел назвать партию «Социал-революционная партия», подразумевая русских эсеров — антимарксистов и противников большевизма³³⁵. Это странно, так как среди эсеров было довольно много евреев; может быть, именно по этой причине в итоге он остановился на другом названии, приняв предложение австрийского инженера Рудольфа Юнга.

Сначала ни в идеологическом плане, ни в политической ориентации, ни в акценте на социальные проблемы НСДАП никак не выделялась из многочисленных групп фелькише в Баварии. Сразу после войны в Австрии также были подобные группы, например, «Немецко-социальная рабочая партия», основанная еще до войны австрийским адвокатом Вальтером Рилем и вышеупомянутым инженером Рудольфом Юнгом. Эта партия в 1918 г. приняла название «Немецкая национал-социалистическая партия», партийным символом была признана свастика, издавна считавшаяся символом и знаком австрийских антисемитов. Эта партия делилась на две части — австрийскую и судетскую, к которым в 1920 г. присоединилась и баварская группа, а затем и «Немецкая социалистическая партия» дюссельдорфского инженера Альфреда Брауна, нюрнбергским отделением которой руководил Юлиус Штрайхер. В 1920 г., на совместном заседании в Зальцбурге, сошлись на новом названии партии — НСДАП, новая партия переняла у австрийских пангерманистов приветствие «*Heil!*», сопровождавшееся поднятием правой руки, а также черно-бело-красное знамя со свастикой.

С 29 июля 1921 г. Гитлер перенял единоличную власть в партии, а ее председатель, рабочий мюнхенских железнодорожных мастерских Антон Дрекслер, оставался лишь номинальной фигурой и почетным председателем партии, с которым Гитлер практически не считался. Нужно отметить, что Гитлер не сразу добился безоговорочного авторитета и преобладания в партии — этот процесс начался с конца 1922 г., когда Герман Эссер провозгласил Гитлера «немецким Муссолини», предрекая по примеру «марша на Рим», осуществленного фашистами, подобный же «марш на Берлин» нацистов. ФБ в начале 1923 г. писала, что Гитлер — тот вождь, которого с нетерпением ожидает Германия³³⁶. Начальные позиции Гитлера были довольно

оригинальны: в 1923 г., в момент оккупации Рура французами, Гитлер выступал против участия в общенациональных акциях протеста, утверждая, что главный враг не французы, а внутренние предатели. Этим Гитлер стремился оградить партию от растворения в национальном блоке — разумность такой тактики стала очевидной несколько позже.

Неудачу же «пивного путча» 8 ноября 1923 г. (полиция расстреляла демонстрацию нацистов, погибло 16 членов партии — они и стали «мучениками движения») следует отнести исключительно к неопытности партии и ее вождя. Как писал Роберт Бернс, «путч не может кончиться удачей, когда он победит, его зовут иначе», то же и «пивной путч»: он не привел к революции, но помог Гитлеру осознать, что сможет он добиться власти в Германии легальными способами. Когда 20 декабря 1924 г. Гитлер вышел из тюрьмы, уже начался период относительно благополучного развития Веймарской республики, и в новых условиях партию нужно было создавать заново, ибо то, что от партии осталось, не соответствовало представлениям Гитлера об эффективной политической организации, да и численность ее была небольшой, в СА было всего 1 тыс. членов³³⁷. К тому же партия была преимущественно региональной баварской организацией — из 607 местных групп НСДАП в 1925 г. половина приходилась на Баварию. В этот момент большую помощь Гитлеру оказал Грегор Штрассер, человек весьма образованный (он читал Гомера в подлиннике) и политик левых убеждений, к тому же обладавший выдающимися риторическими и организационными способностями. Верным помощником Грегора был его брат Отто — также интеллеktуал и блестящий полемист. Оба брата воспринимали национал-социализм как доктрину преимущественно социалистической направленности, — в отличие от Гитлера, который делал акцент на нации, хотя и повторял, что социализм и нация — это синонимы.

В начале 1925 г. Гитлер предложил Грегору Штрассеру самостоятельное руководство партийными организациями Северной Германии. Благодаря огромной самоотдаче Штрассера и его продуманной ставке на рабочих в промышленно развитой части Германии, НСДАП делала не-

сомненные успехи: с 1925 до 1928 гг. число членов партии увеличилось во много раз. Одним из самых важных факторов успеха нацистов среди рабочих было то, что, несмотря на относительную экономическую стабилизацию, настроения рабочих вследствие французской оккупации Рура склонялись в благоприятном для национализма направлении, а социалистическая революционная программа Штрассера была весьма уместной в рабочей среде. В 1925 г. был создан даже «комитет северо-западных гау НСДАП», активными членами которого стали братья Штрассеры, Карл Кауфман, Виктор Лютце, а также один из интеллектуальных вождей левых национал-социалистов Северо-запада Германии — 28-летний доктор филологии Йозеф Геббельс, бывший одним из партийных функционеров гау Северный Рейн. Геббельс нашел в Штрассере родственную душу: он и сам был таким же радикалом и революционером. В органе северных нацистских организаций «Национал-социалистические письма» Геббельс писал: «Мы — прежде всего социалисты и являемся врагами современной капиталистической экономической системы с ее эксплуатацией и подавлением экономически слабых, с несправедливостью распределения социального продукта. Мы решительно настроены разрушить эту систему при любых обстоятельствах»³³⁸. По существу братья Штрассеры и Геббельс были весьма близки национал-большевистской части немецкой «консервативной революции»; оппортунизм и карьерные соображения побуждали Геббельса пересмотреть свои политические позиции, а Штрассеры остались им верны до конца.

Столкновение с левыми в НСДАП по поводу предложенного социал-демократами референдума о конфискации имущества бывших владетельных князей произошло летом 1925 г.: верные Штрассеру организации поддержали референдум, а Гитлер высказался против участия в нем, полагая, что это льет воду на мельницу классового противостояния в обществе. В ответ на это на собрании северо-западного партактива Геббельс потребовал «исключить мелкого буржуа Адольфа Гитлера из партии»³³⁹. Чтобы скрыть разногласия, Гитлер решил провести закрытое собрание; 14 февраля 1926 г. он собрал в Бамберге активистов партии, причем не пригласил на это собрание многих

сторонников Штрассеров и Геббельса. На этом собрании Гитлер в блестящей пятичасовой речи смог склонить присутствующих к собственной точке зрения; он доказал необходимость отклонения социалистических элементов программы левых, а конфискацию княжеских имуществ отверг под неожиданным предлогом: во-первых, НСДАП, якобы, защищает право и собственность, а во-вторых, плебисцит не касается действительно нужной конфискации имуществ еврейских банковских и биржевых магнатов. Эмоционально насыщенная речь Гитлера выбила козыри из рук левых фрондеров. Грегор Штрассер пытался противостоять эмоциональной аргументации Гитлера, но поскольку сам обращался исключительно к рациональным мотивам, не имея привычки и склонности аргументировать эмоционально, его речь находилась в другой плоскости, чем речь Гитлера, и не достигла цели. Геббельс же, напротив, с этого момента стал безоговорочным союзником и преданным сторонником Гитлера. В итоге в знак примирения Штрассер вынужден был протянуть руку Гитлеру, левая программа северной организации была отвергнута без всякого обсуждения, а участие в референдуме отклонили. Бамбергское совещание стало важным этапом на пути формирования фюрерской партии. В сентябре 1926 г. — для контроля над Грегором Штрассером — Гитлер сделал его членом центрального руководства партии (ответственным за пропаганду, вместо Германа Эсера), а позже и главой ПО (политической организации партии) в противовес СА во главе с Эрнстом Ремом: Гитлер и здесь остался верен себе, столкнув в борьбе за влияние две инстанции. Немецкий историк В. Хорн констатировал, что «несущие признаки нацистской фюрерской идеологии, в частности, идентификация «идеи» и персоны вождя (принцип фюрерства), обозначилась уже в начальной стадии развития нацистского движения в 1920-е гг. и потом уже не изменялась, разве что в несущественных нюансах»³⁴⁰. Кажущаяся ясность и четкость принципа фюрерства противоречила хаотичным организационным структурам и бесконечной борьбе компетенций внутри партии. Это противоречие вытекало из того, что Гитлер не хотел быть высшим партийным функционером, но средоточием симпатий и надежд партийцев, символом партии.

Геббельса Гитлер назначил сначала главой столичной организации партии, затем, 9 января 1929 г., Геббельс принял пост руководителя пропаганды партии, а Грегор Штрассер стал главой ПО; этот пост он занимал вплоть до 8 декабря 1932 г., когда вовсе отошел от партийных дел. Гитлер весьма осмотрительно не давал ПО больших полномочий — по этой причине центр тяжести партийной работы находился на местах, в гау. Хотя Штрассер и стремился к контролю над гауляйтерами, поощряя наиболее послушных, но это не сыграло никакой роли. Когда в декабре 1932 г. Штрассер, вопреки позиции Гитлера, с целью создания коалиции в рейхстаге попытался установить контакт со Шлейхером, гауляйтеры его не поддерживали и встали на сторону Гитлера. Грегор Штрассер был отстранен от руководства ПО, а в «ночь длинных ножей» убит вместе с «социальным генералом» Шлейхером. 9 декабря 1932 г. Гитлер поставил во главе ПО Роберта Лея.

В берлинской организации были большие проблемы с неуправляемой вольницей СА, установление контроля над которой и стало главной задачей нового руководителя столичной партийной организации Геббельса, с которой он смог справиться, правда, с некоторыми потерями для собственного имиджа популиста в среде штурмовиков. К счастью для Геббельса, последнее обстоятельство вскоре после прихода нацистов к власти и «ночи длинных ножей» перестало иметь значение. Что касается Отто Штрассера, то он, совершенно не перенося Гитлера, не пошел ни на какие уступки и продолжал борьбу, правда только в Берлине, не имея сторонников в других частях Германии. 4 июля 1930 г. Отто Штрассер и его сторонники вышли из НСДАП и основали собственный «Кружок революционных национал-социалистов». Отто Штрассер и после своего бегства за границу имел сторонников в Германии³⁴¹.

Грегор Штрассер считал, что успехи нацистского движения следует приписывать исключительно его антикапиталистической направленности. 10 мая 1925 г. он писал по этому поводу: «Самой любопытной и примечательной в этом развитии (в успехах НСДАП — *О. П.*) является великая антикапиталистическая страсть, охватившая весь

наш народ, и которую осознанно или неосознанно поддерживает 95% немцев»³⁴². Еще большие разногласия были у Гитлера с Отто Штрассером, который понимал национал-социализм как антикапиталистическое (он отвергал неприкосновенность частной собственности) и антиимпериалистическое движение без претензий на господство над другими народами, что совершенно не сочлалось с представлениями Гитлера. Вплоть до «ночи длинных ножей» Гитлер не упускал возможность направить стрелы критики в адрес «космополитических писак и салонных большевиков» в рядах партии. Впрочем, несмотря на несомненный и обоснованный интерес историков и общественности к национал-большевизму и левому национал-социализму, нужно помнить, что он оставался скорее маргинальным явлением, а магистральные пути развития НСДАП пролегали значительно правее.

Таким образом, Гитлер смог показать, что отказ от внутрипартийной дискуссии и необходимость в процессе партийного строительства полного и абсолютного авторитета вождя является собственно тем специфическим, что отделяет НСДАП от других политических партий. Символично, что рожденное на Веймарском съезде партии 1926 г. молодежное нацистское движение окрестили в честь фюрера «Гитлер-югенд». По причине отказа от обсуждения принимаемых решений, съезды партии (с 1927 г. они ежегодно, за исключением военных лет, проводились в Нюрнберге) превратились в своего рода смотры СА, СС и других подразделений партии: они торжественным маршем проходили мимо трибуны, на которой стоял Гитлер. Это дефиле со временем становилось все более продолжительным, торжественным и пышным и представляло собой великолепно организованный массовый карнавал, который развивался по тщательно разработанному регламенту. Английский посол Н. Гендерсон отмечал, что «тот, кто не подвергся воздействию особой атмосферы партийных съездов, длившихся целую неделю, тот не может утверждать, что имеет представление о национал-социализме»³⁴³. Американский журналист Ширер так описывал, как на партийном съезде 1934 г. проходили подразделения ДАФ с лопатами: «Их слаженный марш был настолько четким, что удовлетворил бы, наверно, даже

старого прусского фельдфебеля, а огромная толпа на съезде просто дрожала от восторга»³⁴⁴.

Ни в чем характер нацистского движения не проявлялся столь отчетливо, как в партийных съездах. Не случайно по протоколу государство стояло на третьем месте, на втором — вермахт, а на первом — партия³⁴⁵. Ни один германский религиозный праздник не мог сравниться с партийными съездами в Нюрнберге, в котором в те времена проживало 400 тыс. человек: в городе звонили колокола всех соборов — сначала когда фюрер прибывал на вокзал города, а потом — через неделю, когда он отъезжал, провожаемый сотнями тысяч боготворивших его членов партии, собравшихся со всей Германии. Гитлер медленно проезжал по улицам, забитым людьми, которые пребывали в экстазе от происходящего.

Ни одна группа правых не обладала столь мощным и развитым аппаратом партии, поэтому прочие правые и не могли конкурировать с КПГ и СДПГ в борьбе за влияние в массах. Некоторые приемы борьбы за влияние нацисты позаимствовали у коммунистов — например, создание уличных и производственных партийных ячеек (НСБО), от которых, впрочем, по приходу к власти пришлось отказаться по причине сильного левого влияния в них. Самым существенным организационным отличием от левой партийной организации и структуры было то, что в НСДАП местные партийные боссы — гауляйтеры — обладали в своей политической работе обширными полномочиями; суверенитет отдельных гауляйтеров часто простирался до устанавливаемых ими самими пределов. Гитлер чрезвычайно ценил огромный масштаб активизма, вызванный работой гауляйтеров, и всегда стремился поддерживать с ними наилучшие отношения; во конфликтах компетенций он почти был всегда на их стороне, — даже в таких сложных случаях, как череда инцидентов с Йозефом Бюркелем, гауляйтером Рейнпфальца. Бюркель, имея сложившиеся представления о необходимости автономной и сильной, максимально независимой от государства власти на местах, выступал, по существу, за «рефеодализацию» государства и его структур³⁴⁶. Таким образом он хотел преодолеть дуализм партии и государства.

Очень вероятно, что именно благодаря автономии гауляйтеров НСДАП смогла «обскакать» коммунистов во влиянии, ведь у последних «всякая инициатива являлась наказуемой» (как гласила циничная, но реалистичная советская максима), что снижало эффективность партийной работы. Благодаря необычайно действенной и динамичной организационной доктрине НСДАП, благодаря сильной харизме фюрера и беспрекословной дисциплине отдельных партийных лидеров нацистская партия еще до 1933 г. смогла стать самой мощной политической партией Германии. Назначенный в 1928 г. начальником организационного отдела партии Грегор Штрассер, несмотря на свои левые убеждения, а, может быть, благодаря им, провел в 1932 г. последовательную перестройку партийного руководства: 1-й отдел был занят внутривнутрипартийными оргвопросами и Штрассер заведовал им сам; 2-й отдел — внутренними и экономическими вопросами будущего «национального» (в терминах нацистов) правительства (право, культура, финансы, торговля, социальная политика, занятость); 3-й отдел — народное образование, пресса; 4-й отдел — экономика; 5-й отдел — сельское хозяйство; 6-й отдел — производственные ячейки НСДАП; 7-й отдел — чиновники; 8-й отдел — женщины; 9-й отдел — ветераны войны. Иными словами, партийное руководство стремилось дублировать функции правительства; из этого стремления логически вытекала и пресловутая борьба компетенций внутри верхушки Третьего Рейха.

Помимо прочего, причина беспрецедентного в немецкой и мировой политической истории взлета НСДАП находилась в самой партии: она «просто» довела до логического конца то, о чем на каждом углу кричали агитаторы. Известный немецкий либеральный мыслитель Теодор Хойсс, впоследствии президент ФРГ, был прав, когда указывал на то, что «полная отдача в агитационной работе и вызванный Гитлером энтузиазм в выполнении партийной работы, собственно, и были тем новым, что принес нацизм в политику»³⁴⁷. Именно потому, что невиданный доселе энтузиазм, мобилизация и энергия были главной чертой нацизма, левые интеллектуалы клеймили и его глупость, и стадные рефлексы толпы, но сами они ничего, кроме высокомерного презрения (оскорблявшего ко все-

му прочему простых людей), этому напору и энтузиазму противопоставить не смогли.

Острота конкуренции (не только политической, но и силовой — каждая партия имела собственную армию) между отдельными партиями была острой, причем эта борьба и противостояние политических партий отражались во всех сферах — даже предметы потребления использовались в пропагандистских целях. Например, коммунисты, социал-демократы и нацисты имели даже свои марки сигарет: только их должны были курить верные приверженцы этих течений. Интересно, что нацисты, как самофинансирующаяся партия, за пачку требовали на 1 или на 0,5 феннига больше, чем другие партии³⁴⁸.

В свое время остро дискутировался вопрос об источниках финансирования нацистской партии; в левой историографии подозрения часто падали на промышленность. Нужно отметить, что это обвинение справедливо лишь отчасти. Например, Крупп фон Болен унд Гольбах, Фридрих фон Сименс, Карл Бош (из ИГ — Фарбен), Карл Бюхер (из АЭГ) были убежденными сторонниками демократии и не симпатизировали нацистам. Что касается Гутенберга, активно помогавшего нацистам, то он не был полным собственником концерна, названного его именем: он располагал доходами от тяжелой промышленности, которая дотациями политическим партиям хотела избежать клейма отрасли, нажившейся на войне и военных поставках. Промышленники передоверяли распоряжение этими средствами Гутенбергу, который не был независим в расходовании денег, но должен был согласовывать свои намерения со специально созданным комитетом кураторов. Из общей суммы денег промышленников только 10—15% шло НСДАП, а остальные средства предназначались соперникам нацистов. В ноябре 1932 г. 339 представителей крупной промышленности высказались за правительство Папена и лишь 20 в петиции президенту Гинденбургу требовали назначить Гитлера канцлером³⁴⁹. Если крупных промышленников и есть в чем упрекнуть, так это в том, что они предоставили событиям развиваться своим ходом, не пытаясь активно на них воздействовать. В принципе, в Веймарскую республику такая практика была общепринятой: деньги на избирательные кампании про-

мышленные фирмы и банки давали всем, кроме коммунистов и социал-демократов. Размеры выплат нацистам часто преувеличивают: НСДАП была партией самофинансируемой, гораздо больше денег от промышленности получали Немецкая Национальная Народная партия и Немецкая Народная партия, но они никаких результатов добиться не смогли, что указывает на то, что не деньги были главной причиной взлета НСДАП и ее побед на выборах. Для того, чтобы покончить с финансовыми проблемами в партии, после 1933 г. Гитлер распорядился ввести в пользу партии налог в 0,5%, что составляло 30 млн марок³⁵⁰; для содержания партийного аппарата этого оказалось достаточно.

Удивительно, но Гитлер всегда был разборчив в источниках получения средств для партии и собственной политики: так, когда известный табачный фабрикант Филипп Реемтсма (*P. Reemtsma*; бывший летчик, который потерял на войне ногу), контролировавший 75% немецкой табачной промышленности, хотел пожертвовать деньги в личный культурный фонд Гитлера, тот, будучи некурящим и считая курение вредным для здоровья, отказался. Тогда Геринг договорился о регулярных взносах табачного короля на цели культуры в фонд Пруссии³⁵¹. Всего до 1945 г. Реемтсма передал в фонд Пруссии 15 млн рейхсмарок, впрочем, война обошлась ему еще дороже — он потерял на ней трех сыновей.

Вопрос финансирования партии так же, как и прочие проблемы партийного строительства, показывает, что Гитлер и в этой сфере смог сохранить необходимую для него свободу и всегда мог действовать подчиняясь лишь собственным представлениям о политической необходимости, а не озираясь на чьи-либо посторонние интересы или желания. Это положение, конечно, не изменилось и по приходу нацистов к власти.

Роль партии в нацистской системе власти и ее влияние на общество

До 1933 г., в период борьбы за власть, унифицированные подразделения партии выдвинулись в республике на первый план благодаря анархистским и террористи-

ческим методам борьбы, которые, в свою очередь, наложили на них глубокий отпечаток. После прихода Гитлера к власти эта тенденция пришла в противоречие с проповедуемыми партией и правым спектром принципами сильного государства и безусловного подчинения этому государству, которое якобы последовательно разрушала демократическая система. По всей видимости, именно апелляция к сильному государству и привело в 1929—1932 гг. к росту симпатий немцев к НСДАП. Их побуждала голосовать за Гитлера традиция авторитарного государства в Германии, а также тяжелейшая социально-экономическая ситуация после Великого кризиса 1929 г., выход из которой многие немцы видели в жесткой власти. Большинство выборщиков Гитлера более прельщала военная дисциплина и стройность рядов СА, нежели революционные идеи, владевшие умами некоторых руководителей СА.

Нужно помнить, что после 1933 г. НСДАП была не единственной силой, которая наслаждалась преимуществами политической унификации: большие преференции получила и государственная бюрократия, освободившаяся от парламентского контроля, а также военные. Вопрос о том, будет ли партия ведущей политической силой общества или государственной партией, как в иных европейских диктатурах, будет ли она играть роль вспомогательного средства в общественной мобилизации фюрера - кого государства или займет в государстве довлеющую позицию (как большевистская партия в Советской России), — был крайне важен с самого начала нацистской диктатуры. До конца Третьего Рейха этот вопрос так и не был разрешен. Также нельзя говорить о дуализме партии и государства, так как оба они были всего лишь производными от харизматической власти фюрера. Следует, скорее, вести речь о поликратии государственных и партийных инстанций, которую фюрер сам и регулировал или просто терпел, наблюдая за тем, кто окажется сильнее и проворнее в бесконечном противоборстве компетенций — иногда это давало положительный эффект в решении каких-либо конкретных задач, а иногда — нет. Представляется, что можно говорить даже о триализме властного базиса Третьего Рейха: партия — государство — фюрер. Ре-

тающим фактором в формировании этого триализма было то обстоятельство, что процесс захвата власти нацистами не имел линейного характера, а представлял собой чередование революционных и контрреволюционных фаз, а подчас и их бессистемное смешение³⁵².

Вопрос о месте партии в нацистском государстве был в центре внимания партийцев после 1933 г. — на собрании гауляйтеров 28 сентября 1933 г. Гитлер заявил о необходимости создания министерства СА или сената национал-социалистического движения. Идея последнего, по всей видимости, была навеяна итальянским Большим фашистским советом (*Gran Consiglio del Fascismo*). Но эти идеи не были реализованы — наверное, по причине справедливых опасений Гитлера, что такое собрание нацистских «революционеров» из СА будет неуправляемым³⁵³.

Вместо этого 1 декабря 1933 г. был обнародован «Закон об обеспечении единства партии и государства», в котором партия была определена как субъект общественного права (*Körperschaft des öffentlichen Rechts*), носительница государственной идеи, неразрывно связанная с государством. Для заинтересованных в усилении партии нацистов это был прогресс по сравнению с прежним официальным статусом НСДАП как «зарегистрированного общественного объединения» (*eingetragener Verein*). Для обеспечения более тесного контакта и сотрудничества партии и государства заместитель Гитлера по партии и начальник штаба СА включались этим законом в правительство. Упомянутый закон, однако, при ближайшем рассмотрении имел более декларативный характер — партия объявлялась не носителем государственной власти, а только «государственной идеи», то есть никаких властных и законодательных функций не имела; закон выражал лишь пожелание расширения влияния партии³⁵⁴. Даже формально финансирование партии как общественной организации осуществлялось министерством финансов, то есть существовала формальная зависимость от государственного учреждения; хотя министерские чиновники редко осмеливались возражать против претензий партийных инстанций в финансовые вопросы. Назначение Гесса и Рема министрами правительства ничего партии не дало — они не имели определенной сферы компетенций и ника-

кой конкретной властью кроме той, которую смогли отвоевать сами, не располагали.

Если Гитлер получил власть 30 января 1933 г., то НСДАП начала пробираться к власти только после успеха на выборах в рейхстаг 5 марта 1933 г. Успех партии на выборах Гитлер активно использовал в процессе унификации земель. Это расширение власти партии вылилось в то, что СА и СС приобрели функции вспомогательной полиции, а также была создана система комиссаров партии. Назначение ведущих представителей партии рейхскомиссарами в отдельные земли дало толчок тому, чтобы эти функционеры стали требовать новых полномочий для проведения требуемой сверху унификации земель. После того, как власть перешла к нацистам, региональное и местное руководство НСДАП, СА, СС и НСБО не только узурпировало полномочия земельных и коммунальных властей, но и активно вмешивалось в предпринимательскую деятельность. «Вспомогательные» функции СА и СС использовались таким образом, что инициативу в реализации власти на местах имели не офицеры полиции, а руководство СА и СС. Смущенные и даже испуганные неожиданной мощной динамикой штурмовиков, их активизмом и самоорганизацией³⁵⁵, полицейские руководители беспрекословно подчинялись новой власти.

В политической чистке особая роль принадлежала партийным старостам и доверенным людям партии на предприятиях и в органах местной власти. Эти активисты порой самостоятельно присваивали комиссарские полномочия или обращались «куда следует» для проведения политической чистки. Таким образом, уже в марте — апреле 1933 г. в почти всех без исключения имперских и земельных министерствах действовали особые партийные уполномоченные комиссары, которые занимались смещением неугодных чиновников или служащих (левых или евреев).

Наряду с назначенными рейхскомиссарами на предприятиях, в профсоюзах, в органах местной власти действовали неформальные, спонтанно назначенные местными партийными организациями уполномоченные с комиссарскими функциями. Именно на них и на их сомнительную легитимность и жаловалось руководство предприятиями и

местные власти, адресуя свои обращения к консервативным коллегам Гитлера. В числе недовольных оказались и руководящие нацистские деятели, получившие государственную власть и рассматривавшие несанкционированные ими действия местных активистов партии как вредоносные и противоречащие принципу фюрерства, подрывающие авторитет новой власти, а также создающие ненужный ажиотаж вокруг вопросов, требующих внимательного рассмотрения и последовательных действий. Особенно явно претензии партии на власть выявились в Баварии, земле, которую нацисты считали родиной их движения. Там после столь очевидной победы на выборах 9 марта 1933 г. штурмовики рассчитывали на особенные полномочия и власть. Эрнст Рем, 14 марта назначенный баварским государственным комиссаром с особыми полномочиями, распорядился передать полицейскую власть в отдельных баварских округах назначенным им самим особым комиссарам СА³⁵⁶. Рейхсфюрер СС Гиммлер в то время еще подчинялся Рему как руководителю СА, поэтому он сосредоточился на получении СС узких, но конкретных полномочий политической полиции в Баварии. В СА Рем видел прежде всего средство давления на государственную власть, а также средство расширения нацистами государственной власти как таковой. Несмотря на то, что Рем формально и номинально имел комиссарские полномочия только в Баварии, он, будучи начальником штаба САРА:, стремился распространить свои действия на весь Рейх, повсюду назначая комиссаров СА (например, в Берлин группенфюрера Эрнста или в Бреслау обергруппенфюрера Хайнеса; оба были отчаянными головорезами). Правда, полностью реализовать систему полномочных комиссаров СА ему удалось только в Баварии. Революционная энергия и активизм СА были дополнены властными претензиями отдельных наиболее энергичных гауляйтеров — Штрайхера в Нюрнберге, Бюркеля — на Рейне и многих других. Важнейшей особенностью нацистской системы являлась сильная власть на местах, часто выступавшая за свою максимальную автономию без всяких законных оснований. Гауляйтер Тюрингии Заукель довольно остроумно сравнил свое положение с положением английского короля, который при помощи

симпатий к себе и интриг сможет добиться в политике чего угодно, но помимо закона³⁵⁷.

10 марта 1933 г. Гитлер призвал СА к дисциплине, к тому, чтобы они не препятствовали нормальному функционированию государственных учреждений, но, с другой стороны, в том же воззвании он требовал жестких и последовательных мер для преодоления сопротивления «расширяющейся национальной революции»³⁵⁸. Такой же двойственностью было отмечено обращение к гауляйтерам, которое по поручению Гитлера составил Лей. В марте 1933 г. существовала реальная опасность узурпации партией кадровой политики новой государственной власти, поэтому Геринг и Фрик выступили за скорейшее принятие закона о реставрации немецкого служилого сословия (7 апреля 1933 г.). Этот закон имел целью ввести хаотичную чистку государственного аппарата партийными активистами в формальное и определенное русло. В подготовке закона, надеясь легализовать чистки, принимали участие даже консервативные политики (как министр финансов Пруссии Попитц). Тенденции к упорядочиванию и успокоению партийного активизма противостояли настроения многочисленных партийных лидеров на местах — в землях, гау, провинциях, городах и коммунах. Даже Рем 30 мая 1933 г. призвал СА к успокоению, к тому, чтобы прекратить «празднование» прихода Гитлера к власти; сам начальник штаба СА был недоволен тем, что позиции рейхсвера, бюрократии, церкви и промышленности остались неизменными...

Гитлер не разделял этой точки зрения Рема и в течение нескольких месяцев до 30 июня 1934 г. систематически и последовательно осуждал поведение и образ жизни руководителей СА, благо последние поставляли для этого обильный материал. При этом главными союзниками Гитлера были, кроме Геринга и Геббельса в Берлине, — рейхсвер и СС. В начале 1934 г. Гиммлер и Гейдрих поначалу только в Баварии, а затем и во всем Рейхе взяли под свой контроль всю политическую полицию, что было важной предпосылкой успешной деятельности против СА. Эта унификация коснулась даже Пруссии — гестапо перешло в юрисдикцию Гейдриха, который в качестве шефа въехал в известное всему Берлину здание на улице прин-

ца Альберта. Таким образом, было осуществлено слияние государственной (сначала только прусской) политической полиции и партийного органа (СД) во главе с методично и целеустремленно расширявшим свои компетенции Гейдрихом.

Пресечение нацистской революции снизу, предпринятое Гитлером, выразилось не только в известных действиях против СА и в некотором ограничении власти гауляйтеров, но и в общем снижении числа и интенсивности многочисленных партийных инициатив в программе и практической деятельности. Не случайно именно в 1934 г., после ослабления СА, начался спад надежд на «социализм» нового государства, на его активную среднесловную политику или серьезные шаги в направлении создания корпоративного государства. Прекращение революции многими старыми партийцами было воспринято как предательство Гитлером идеалов движения. Началась дедогматизация нацизма и решительное отеснение идеологов, фанатиков и горячих голов НСДАП, не искушенных в технике борьбы за власть. Процесс «отсеивания» регулировал сам Гитлер, выбирая, что приемлемо и что пригодится в дальнейшем, а что — нет³⁵⁹.

Всего высших иерархов партии — рейхсляйтеров — насчитывалось 20. Центральный аппарат партии состоял из двух частей — одна занималась практическими вопросами партийной работы: организацией, финансами, пропагандой и пр.; другая была своего рода теневым кабинетом, который готовили для перенятия государственной власти. Отдельные ведомства теневого кабинета занимались вопросами внешней политики (Розенберг), военным, юридическим, аграрным и пр. вопросам. После прихода к власти они, собственно, стали лишними, но были сохранены с целью идеологического контроля за соответствующими государственными органами.

В 1935 г. Гитлер таким образом определял задачи партии: «Назначение государства состоит в том, чтобы продолжать историческое развитие национальной администрации в рамках и с помощью закона. Партия же решает следующие задачи: 1) осуществляет развитие и укрепление своих внутренних организаций таким образом, чтобы они всегда были устойчивыми и жизнеспособными

центрами национал-социалистической доктрины; 2) прививает нации естественную привязанность к идеям национал-социализма; 3) поставляет государству идеологически воспитанных работников, как руководящих, так и рядовых. Обе эти силы должны взаимно уважать друг друга и признавать компетенции другой стороны»³⁶⁰. В партийном ежегоднике для функционеров НСДАП говорилось: «Государство родилось из необходимости организовать жизнь народа в соответствии с определенными законами, поэтому главным признаком государства является власть по отношению к отдельным людям, составляющим государство. Государство вправе потребовать от каждого члена народного сообщества, чтобы он действовал в соответствии с законами. В отличие от государства партия — это сообщество единомышленников, и легко можно себе представить, что они сольются воедино. Такое идеальное единение, однако, является большой редкостью в истории. Поэтому прямой обязанностью партии и ее долгом является вливание свежих сил и новых идей в государственный аппарат. Эту свою функцию партия должна осуществлять в полном сознании опасности слияния с государственным аппаратом и превращения в его придаток. В истории всегда бывало так, что после каждой политической революции полное преобладание получает государственная бюрократия, которая быстро сводит завоевания революции на нет. Единственное исключение составляет национал-социалистическая революция, в которой партия всегда была и остается на шаг впереди государственной бюрократии. Задача партии — добиться, чтобы народ не просто послушно следовал за государством, но активно и сознательно ему содействовал»³⁶¹. Понятно, что на практике такие декларации означали не ограниченные никакими законами «свободные» действия тоталитарной партии, которая могла интерпретировать политическую практику в собственных идеологических и воспитательных целях.

В конце 1933 г. было осуществлено удачное решение о разделении НСДАП на собственно политическую организацию (ПО) и различные примыкающие организации; это позволило нацистской партии сохранить характер политического ордена, не отказываясь от услуг квалифи-

цированных специалистов в примыкающих организациях, что обеспечило этим организациям высокую степень эффективности³⁶². В отличие от СС, ПО была органом с сильными федералистскими началами; ее сила проявлялась не в центре, а именно на местах, в гау. Поэтому можно сказать, что в 1933 г. Гитлер оказался не во главе единой партии со штабом в лице ПО, а скорее 32 (в 1933 г.) или 43 (в 1941 г.) партийных организаций в гау. Поэтому следует помнить, что НСДАП — это прежде всего гауляйтеры, являвшиеся полновластными хозяевами в своих «доменах». Гитлер сознательно не допускал усиления центрального политического руководства, предпочитая свободных в инициативах гауляйтеров. Бесспорно, в НСДАП отсутствовала внутривнутрипартийная демократия в том смысле, в котором она привычна для нас, но, с другой стороны, нельзя переоценивать монолитности партии и власти центра... После скандального устранения Грегора Штрайсера во главе ПО оказался совершенно лояльный Гитлеру человек — Роберт Лей. Гитлер, однако не удовлетворился и этим и в противовес ПО создал «Политическую центральную комиссию» во главе с Гессом, который, сам того не желая, стал конкурентом Лея. В сферу компетенций Лея входило: НСБО, нацистские сословные организации торговцев и ремесленников, служащих, учителей, студентов, НСВ, партийное ведомство коммунальной политики, партийное бюро науки и техники, организация партийцев-ветеранов Первой мировой войны и нацистская организация памяти жертв войны³⁶³. Руководство партийными организациями в гау входило в сферу полномочий не слишком энергичного и честолюбивого Гесса, которого 21 апреля 1933 г. Гитлер назначил своим заместителем по партии, что сделало партийную иерархию еще более непроницаемой для понимания ее логики. С июня 1933 г. Гесс имел право принимать участие в заседаниях правительства вместе с главой СА Ремом. Со 2 мая 1933 г. Лей оказался во главе самой богатой в финансовом смысле организации Третьего Рейха — ДАФ, что еще более усилило его позиции, тем более что ДАФ была одной из самых эффективных организаций Третьего Рейха, заслуги которой в социальном сплочении нации Гитлер безоговорочно признавал.

В отличие от КПГ, НСДАП не имела собственной ясной руководящей бюрократической структуры, хотя схема организации партии была проста: фюрер — заместители — 18 рейхсляйтеров — 32 гауляйтера — 827 крейсляйтера — 28 376 ортсгруппенляйтеров — 89 378 целленляйтеров — 463 048 блокляйтеров³⁶⁴. В соответствии с принятым 1 мая 1936 г. порядком, блоки должны были насчитывать 40—60 домашних хозяйств (160—240 человек). Ячейка (*Zelle*) насчитывала 4—8 блоков. Центральной фигурой низовой партийной организации был блокляйтер, являвшийся настоящим доверенным лицом партии, над которым не было дисциплинарной власти со стороны целленляйтера. В народе блокляйтеров именовали «блокварт» (*Blockwart*) — этот термин можно перевести как «сторожевой блока»; в Третьем Рейхе он был «цепным псом» нацистского режима: доносчик, постоянно шпионящий за соседями, услужливый и вездесущий носитель тоталитарной системы, приводной механизм взаимодействия власти и людей. Занятые многообразными задачами организации жизни на местах, блокляйтеры были полностью информированы о жизни своих подопечных. Средние немцы имели дело с партийными функционерами низших инстанций, которых, как правило, рекрутировали из мелкой буржуазии. Их образовательный статус был невелик; в отличие от высших партийных бонз, имевших большие зарплаты и многочисленные льготы, они получали мало и были склонны к коррупции, что, конечно, не способствовало росту уважения к партии и ее представителям.

Обязанности партийных функционеров определялись в партийных инструкциях и наставлениях; там проводилась четкая линия разделения задач отдельных партийных руководителей, но целленляйтеры, блокляйтеры, блокхельферы, а также многочисленные функционеры примыкающих к партии организаций были для простых немцев на одно лицо — блокварты. Это было следствием многочисленных переименований должностей в местных организациях партии, но в строгом смысле слова блокварт — это функционер отдельного самостоятельного подразделения противовоздушной обороны³⁶⁵. Каждая местная организация НСДАП разветвлялась на несколько ячеек, каждая из которых, в свою очередь, подразделялась

на 4—8 блоков. К примеру, в 1937 г. в Штуттгарте было 53 местных партийных организаций, в каждой — в среднем по 8 ячеек и 49 блоков. В каждый блок входило от 40 до 60 домов. То есть, под надзором у каждого блокляйтера находилось около 170 человек. В соответствии с принципом фюрерства каждый партийный функционер обязан был безоговорочно подчиняться вышестоящему начальнику; беспрекословное повиновение было обязанностью и рядовых членов партии. К партийным низовым функционерам примыкали и низовые функционеры ДАФ, НСФ, НСВ. Все они находились в двойном подчинении: с одной стороны, они были включены в собственные иерархии соответствующих примыкающих организаций партии, а с другой стороны — в соответствии с принципом фюрерства они должны были подчиняться политическому партийному функционеру. По крайней мере каждый пятый член партии был политическим руководителем какого-либо ранга, каждый третий — активистом какой-либо примыкающей к партии организации. После присоединения Судет и Австрии в Германии было около 2 млн блоквартов разных рангов. Брахер справедливо указывал, что «немцы — это народ вождей. Все должны повиноваться, но многие также являются начальниками, участвуя в реализации принципа фюрерства»³⁶⁶. В 1935 г. в донесениях информантов правления СДПГ в эмиграции говорилось: «Большинство членов партии имеет какой-либо пост, при этом партийная общность распадается на части. Партия превратилась в огромную организацию, которая существует преимущественно только на бумаге. Не имея собственной духовной жизни, она не в состоянии развить собственную динамику, поскольку расколота на сотни тысяч партийных постов и синекур»³⁶⁷. Вместе с тем должность блокварта не имела особенного социального престижа, поэтому члены партии часто стремились избежать этой работы. Найти на должность блокварта по-настоящему подходящих по характеру людей было нелегко: постоянная обработка и моральное давление на «фольксгеноссен» требовала определенных человеческих качеств, которыми обладали немногие. Нехватка кадров уже до начала войны вынудила руководство использовать на должностях блоквартов бывших функционеров социал-де-

мократии, а после 1939 г., в связи с призывом в армию, нехватка стала еще более острой³⁶⁸. В мае 1943 г. свыше 40% «политических руководителей» партии было призвано в армию, но в целом они гораздо реже призывались в армию и служили гораздо меньше, чем их сверстники.

В Третьем Рейхе существовало четыре составляющие части аппарата партийного слежения за широкими массами — первый важный элемент составляли собственно функционеры партии и ее подразделений; они доводили волю руководства до уровня жилых районов, по месту жительства. Второй элемент — параллельная деятельность различных партийных функционеров на предприятиях; с одной стороны, это были старосты предприятий от ДАФ, с другой — шпики от СД. На военных предприятиях к ним присоединялись и полномочные контролеры от вермахта, которые также осуществляли надзор за рабочими коллективами. На обоих уровнях — в жилых кварталах и на предприятиях — речь шла о превентивном характере осуществления власти над широкими слоями населения. Третий важный элемент составляла обработка и оценка полученной информации — этим обязаны были заниматься гестапо или РСХА. Четвертым составным элементом этой машинерии были суды, которые в процессе деятельности репрессивного аппарата создавали видимость законности и правопорядка. Юстиция использовалась нацистами как для преодоления политической оппозиции, так и для борьбы против спонтанных проявлений недовольства и «коварного тайного саботажа». Партийные организации на местах были очень важным элементом этой системы.

В этой связи встает вопрос: была ли НСДАП изоциренным аппаратом слежения и контроля за народом, репрезентативной организацией или кадровой элитной партией? На этот вопрос легче ответить, проследив динамику членства в партии. С момента прихода нацистов к власти наблюдался сильный приток новых членов в партию — старые нацисты презрительно называли ринувшихся в партию прозелитов «падшие в марте» (*Märzgefallenen*). С тем, чтобы остановить этот неуправляемый процесс, 19 апреля 1933 г. казначей партии закрыл прием новых членов до 1 мая 1939 г.; правда некоторые исключения

делали для ветеранов «Стального шлема» и активистов примыкающих к НСДАП организаций. Тем не менее, ветераны партии (вступившие до 30 января 1933 г.) — их было 850 тыс. — по сравнению с новичками (1,6 млн) стали в партии меньшинством, составляя $\frac{1}{3}$; принцип тщательно отобранной кадровой партии был нарушен. Приток желающих вступить в партию привел к тому, что номера партийных билетов уже в апреле 1933 г. были между 1,6 и 1,8 млн, а в мае 1933 г. — между 1,9 и 3,2 млн. Номера партийных билетов умерших или выбывших членов партии не восстанавливались, поэтому фактическая численность партии была ниже порядкового номера билетов. Так, в январе 1933 г. последние номера были около 1,5 млн, а на самом деле членов партии было 849 тыс. В очень редких случаях дату вступления в партию и номер партийного билета резервировали за какой-либо значительной персоной³⁶⁹. Между январем и маем 1933 г. число членов партии утроилось, поэтому прием новых членов запретили до 1939 г., хотя имелись многочисленные исключения: так, запрет не касался членов ГЮ, выбывавших из организации по возрасту (18 лет)³⁷⁰, членов НСБО, САРА: и СС. Следует иметь в виду, что после 1933 г. повсеместно практиковался простой перенос членства в СА и СС в партию. Впрочем, еще в 1937 г. 11% эсэсовцев не были членами партии (?!)³⁷¹. В 1935 г. рабочие были представлены в НСДАП на 30% относительно своей доли в социальной структуре Рейха; крестьяне — на 100%, служащие — на 65%, самодеятельное население — 100%, чиновники — 160%³⁷². 26 июня 1933 г. Гесс ввел правило, что испытательный срок для вновь поступивших в партию будет составлять 12 лет, в течение которых кандидаты в партию будут иметь не полноценный партбилет (*Partei-buch*), но лишь членскую карточку (*Mitgliedskarte*). В 1937 г. последовало некоторое смягчение ограничения приема в партию: вместо него ввели кандидатский стаж; статус назывался кандидат в члены партии» (*Partei-anwärter*). Кандидаты получали не полноценный красный партбилет НСДАП, а кандидатский билет; его номер не имел никакого значения и никакого отношения к номеру партийного билета. 10 мая 1939 г. ограничения на прием в партию были отменены, а институт кандидатов ликвидирован. Во

время войны (2 февраля 1942 г.) снова были введены частичные ограничения приема в партию, но при этом делали исключения для демобилизованных из армии и фольксдойч из Судет и Южного Тироля. Все члены партии, вступившие в организацию после 1933 г., обязаны были пройти испытательный двухгодичный срок (*Bewährungszeit*), во время которого они не имели права носить партийную форму³⁷³. В партии была собственная высшая награда — «орден крови» (*Blutorden der NSDAP*), которым сначала удостаивали только тех, кто принимал участие в пивном путче 9 ноября 1923 г.; с 30 мая 1935 г. список возможных кавалеров ордена был расширен за счет членов партии, приговоренных прежними властями к смерти или не менее года отсидевших в тюрьме за действия, связанные с участием в нацистском движении³⁷⁴.

На первом по приходу к власти съезде НСДАП Гитлер подчеркнул элитный характер партии и особое политическое предназначение этой элиты: «Из 45 млн взрослых немцев выделилось и самоорганизовалось 3 млн борцов — это носители политической воли партии». Гитлер сказал, что нужно ориентироваться на элиту нации, но в будущем отбор в нее будет еще строже и требования еще взыскательнее³⁷⁵. Однако провести этот принцип в практику не удалось, или это сделать не захотели — почти все, кто имел отношение к власти, были членами партии; крупные функционеры — даже если они не стремились в партию — все равно становились ее почетными членами, или членами СА или СС. Несколько видоизменившиеся задачи партии Гитлер сформулировал на съезде 1935 г.; он заявил, что после унификации всех общественных групп к партии переходит задача контроля над обществом и воспитательные задачи. По его словам, функционеры партии должны переориентироваться с пропагандистских на попечительские функции. Гитлер указывал, что политические руководители на местах должны обо всем заботиться, во все вмешиваться, все знать. В этом процессе заглавная роль отводилась упоминавшемуся выше блоккварту, роль которого Лей определял таким образом: «блоккварти в своем районе обязан знать друзей и врагов нашей идеи и бдительно предупреждать все враждебные происки против нашего государства. Благодаря блоквар-

ту мы поддерживаем связь с народом, именно благодаря ему наши идеи проникают в широкие массы»³⁷⁶. В активности блокварта можно выделить следующие сферы: во-первых, блокварт был активным пропагандистом нацистской идеологии; во-вторых, блокварт был эффективным инструментом политического контроля партии над населением. Блокварты обязаны были вести картотеку на каждого своего подопечного; в картотеке должны быть отражены все жители без изъятия. Чтобы составить мнение о политических настроениях и пристрастиях подопечных, блокварт должен был регулярно посещать отдельные квартиры. Верным знаком политической неблагонадежности могло быть отсутствие энтузиазма при проведении партийных мероприятий и т. п. Фактически блокварт часто выступал помощником полиции и гестапо. Доносительство не обязательно имело политический характер: например, во время кампании против работы по совместительству (*Doppelverdiene*), огромную роль сыграли именно блокварты. В условиях мании доносительства нежелательный сосед, опасный конкурент в бизнесе, личный враг при помощи блокварта могли быть вообще «нейтрализованы» — отправлены в концлагерь на перевоспитание. Иными словами, нацистский режим благопритствовал доносительству. В-третьих, блокварт был инструментом нацистской расовой политики. Доказано, что блокварты сыграли определенную роль в процессе преследования евреев. В обязанности блокварта входило наблюдение за проживавшими в их районе евреями, регистрация посещавших этих евреев людей, составление списков еврейского имущества. В одном из кварталов Франфурта-на-Майне блокварт следил даже за тем, чтобы члены партии не ходили в пивную, хозяин которой не разводился с женой — еврейкой³⁷⁷. В-четвертых, организацией противовоздушной обороны в жилых кварталах занимался именно блокварт, а не ДАФ или НСВ. Таким образом, с началом бомбежек авторитет блоквартов резко возрос.

Итак, НСДАП не была кадровой партией, а скорее средством организации, контроля, максимально широкого охвата и дисциплинирования нации. Эти новые акценты в партийном строительстве стали очевидны в 1939 г., когда запрет на прием новых членов в партию был отменен

и Гитлер выдвинул задачу, чтобы десятая часть немцев была в НСДАП. К концу войны в НСДАП было 6 млн членов. Примечательно, что особенно высока была доля новичков среди чиновников и учителей: до 1933 г. в партии было 44 тыс. чиновников и 13 тыс. учителей, а после прихода Гитлера к власти в партию сразу вступило 179 тыс. чиновников и 71 тыс. учителей³⁷⁸.

Гитлер говорил, что он опирается не на НСДАП, а на подчинявшихся лично ему 32 гауляйтеров (по состоянию на 1932 г.) и их аппарат; в то же время он не хотел придавать власти гауляйтеров постоянный характер. Один из партийных функционеров таким образом объяснял необходимость «размытого» статуса отношений партии и государства: «У нас нет ясного законодательного регулирования способов и видов взаимодействия партии и государства; его не будет и в дальнейшем, поскольку он невозможен и в высшей степени нежелателен. Носители политической идеи и хранители огня нашего движения не должны быть ничем ограничены в свободе действий»³⁷⁹. Гитлер осознанно изолировал отдельные гау друг от друга, поскольку они должны были служить цели перманентного «революционизирования» Рейха снизу. В исполнении различных административных функций эти партийные функционеры противостояли традиционным местным властям, властям земельного и имперского уровня (бургомистрам, ландратам, регирунгспрезидентам, оберпрезидентам, земельным правительствам, имперским министрам). Помимо МВД, самой урезанной в своих прежних правах инстанцией были ландраты: их компетенции неуклонно и последовательно сокращались в пользу партийных крайсляйтеров, поэтому именно на этом уровне особенно был заметен дуализм партии и государства; предложение гауляйтера Бадена Роберта Вагнера об объединении постов ландрата и крайсляйтера Гитлер отверг³⁸⁰. Борьба компетенций имела место даже в том случае, когда министры, ландраты и бургомистры были лояльными членами партии. Чем ниже были звенья власти, тем сильнее была тенденция слияния власти партии и государства. Это и понятно — настоящий захват власти имел место не в Берлине, а в отдельных землях, гау, правительственных округах, земельных округах и общинах. Борьба компетен-

ций была принципиальной установкой Гитлера, поэтому он вновь и вновь отклонял памятные записки с предложениями ликвидировать дуализм партии и государства³⁸¹. Со временем аппарат гауляйтеров рос, опережая государственные органы власти: накануне войны каждый штаб гау имел 20 различных ведомств и около 100 сотрудников; каждый штаб теоретически был в гау «теневым кабинетом».

Разделение партии и государства было предрешено уже тем, что резиденция партийного руководства осталась в Мюнхене, о чем Гитлер заявил уже на первом по приходу к власти Нюрнбергском съезде в 1933 г. Решение Гитлера стало отражением его стремления изолировать партийное руководство от правительства, что выразилось в гитлеровском распоряжении от 21 апреля 1933 г. о передаче всех функций руководства партией своему заместителю Рудольфу Гессу и предоставлении последнему права распоряжаться в партии от имени Гитлера.

Пожалуй, самой сильной стороной Гитлера было то, что он прекрасно разбирался в людях, и назначение слабого в политическом смысле Гесса «на партию» означало только одно — НСДАП не суждено было стать центром силы в будущем Третьем Рейхе. Как личный секретарь Гитлера, его тень, как чрезвычайно преданный ему человек, Гесс не мог быть значимой фигурой. В партии какой-либо опоры у него не было и никаким серьезным влиянием Гесс не располагал, несмотря на то, что с конца июня 1933 г. он, по предложению Гитлера, стал присутствовать на заседаниях правительства. Это было сделано для того, чтобы предотвратить недовольство гауляйтеров отдалением фюрера от партии.

В землях (или в гау) партийное руководство часто сливалось с администрацией, поэтому вскоре после 1933 г. оно перестало высказывать дополнительные властные претензии, чего нельзя сказать об СА. В 1934 г. последние насчитывали 2 млн членов и не хотели, чтобы «факел революции» потух... Уже в мае 1933 г. Рем с озабоченностью писал, что революция стагнирует, а доблестные СА и СС деградировали до пропагандистских коллективов, занимающихся фиглярством. Рем говорил о необходимости актуализации «солдатских доблестей» и о том, что перед

«гвардией революции» стоят грандиозные задачи. В отличие от Геринга, Геббельса, Дарре и гауляйтеров, удовлетворившихся в рамках государства своими властными позициями, Рем стремился расширить СА до организации, которая была бы выше старой государственной машины, которая стояла бы выше старого государства и смогла бы полностью воспринять и развить революционную мощь и динамику нацистского движения. В принципе, эта мысль напрашивалась: у всех перед глазами был пример невероятной динамики преобразований и массовой революционной мобилизации Советской России; талантливый военный организатор с огромным боевым опытом и опытом генштабиста Эрнст Рем чувствовал новые возможности и стремился реализовать эти потенции на благо создания нового общества и нового человека, как это он понимал. Рем рассчитывал стать в будущем чем-то наподобие военного министра или главнокомандующего. Тщательно избегая явной конфронтации с Гитлером, Рем стремился сделать его максимально зависимым от СА. Поскольку в силу своих размеров и амбиций СА не вписывалась в административную и бюрократическую систему Третьего Рейха, — конфликт между СА и государством был в будущем неизбежен. Гитлер понимал это лучше всех приближенных и, несмотря на традиционную лояльность к своим сторонникам, в отношении руководства СА решил на крайние меры. Это на него было не похоже. После 1934 г. акции, подобные «ночи длинных ножей», не повторялись.

Формально НСДАП была централизованной партией во главе с фюрером, которому подчинялись 18 рейхсляйтеров, руководившие различными частями партии, разбитыми на две части: подразделения партии и примыкающие организации. Подразделениями партии считались: СА, СС, Национал-социалистический союз автомобилистов — НСКК (национал-социалистический корпус автомобилистов), «Гитлер-югенд», Национал-социалистический немецкий союз студентов (НСДШБ). Примыкающие организации: Немецкий союз женщин (НСФ), Немецкий рабочий фронт (ДАФ), Национал-социалистическое народное благосостояние (НСВ), Национал-социалистиче-

ское призрение ветеранов войны (*NS-Kriegsopferversorgung*), Национал-социалистический немецкий союз врачей (*NS Deutsche Ärztebund*), Национал-социалистический союз учителей (*NS-Lehrerbund*), Национал-социалистический союз служащих (*NS-Beamtenbund*), Национал-социалистический союз юристов (*NS-Juristenbund*).

Гау подразделялись на округа, местные группы, ячейки и блоки. Несмотря на популистские требования (выдвигавшиеся до 1933 г.) упростить управление, число партийных функционеров постоянно росло: в 1935 г. было 35 гауляйтеров, 827 крайсляйтеров, 21 тыс. ортсgruppenляйтеров и около 260 тыс. блокляйтеров. Если в 1937 г. число партийных руководителей разного ранга доходило до 700 тыс., то во время войны их число возросло до 2 млн. Постоянно росли и расходы на управленческий персонал — партийным функционерам платили гораздо больше, чем хозяйственным или государственным служащим: рейхсляйтер получал в месяц 1200 марок, гауляйтер — 1500, крайсляйтер — 400 марок. Кроме этого, партия платила своим служащим «тринадцатую зарплату». Для сравнения: в 1938 г. банковский служащий получал 127 марок в месяц. В 1935 г. в НСДАП работало 250 тыс. служащих; только в центральном аппарате партии в Мюнхене числилось 1600 человек, там же партия владела 44 служебными зданиями³⁸².

По некоторым признакам — например, создание массовых организаций — нацистская партия была похожа на КПГ, но этим сходство и ограничивалось. Особенно отчетливо разница между этими партиями видна на примере разделения НСДАП на политическое ядро и примыкающие организации. Вовсе перечеркивает мнимое сходство большая степень автономии партийных гауляйтеров НСДАП. По той же причине организация НСДАП не подходит под армейский тип организации, так как свобода отдельных руководителей была очень значительна, а иерархия — весьма неустойчива и неопределенна. Все покоилось на намеренна или ненамеренно слабой координации действий отдельных партийных органов — ПО, СА, примыкающих и специальных организаций (вроде «Организации Готта», сначала занимавшейся дорожным строительством, а затем расширившей свои полномочия). Зна-

ток нацистской государственной машинерии Ганс Мом-мзен указывал, что краткосрочные преимущества системы не бюрократического, а прямого руководства людьми очевидны: в такой системе соперничество между аппаратом и нижними партийными чинами было поставлено на службу масштабной политической мобилизации, что, собственно, и составляло оригинальный и специфический вклад НСДАП в технику пропаганды, агитации³⁸³, а позднее и мобилизации общества.

После прихода к власти внутренняя структура партии, сформированная Грегором Штрассером, начала трансформироваться; этот процесс продолжался все 12 лет нацистского господства. В метаморфозах партийной власти и влияния огромное значение имел личный фактор, то есть возможность обращения партийного руководителя непосредственно к Гитлеру, имевшему реальную власть и распределявшую ее в пропорциях, только ему одному известных. После убийства в «ночь длинных ножей» Грегора Штрассера, наиболее значительным партийным руководителем стал Рудольф Гесс. После его перелета в Ал глию (10 мая 1941 г.) и объявления сумасшедшим, заместителем Гитлера по партии стал Мартин Борман, остававшийся на этом посту до 1945 г. Интересно отметить, что камердинер Гитлера Гейнц Линге еще в 1970-е гг. был убежден, что Гесс полетел в Англию по просьбе Гитлера³⁸⁴. После войны Гесс уверял Шпеера, что идею полета ему внушили неземные силы, радевшие за Гитлера³⁸⁵. Между прочим, Гитлер, узнав, что герцог Гамильтон отказался признать знакомство с Гессом, сказал: «Какое лицемерие! Теперь он его не хочет знать!»³⁸⁶.

При Бормане положение партии в системе власти видоизменилось: дело в том, что место и роль Гесса и Бормана в партии и в системе власти резко различаются. Большинство историков сходятся на том, что влияние Гесса на принятие политических решений — несмотря на обилие чинов и должностей — было невелико. Гесс был одним из немногих руководителей Третьего Рейха, который не использовал своего положения для личного обогащения. Он был ярко выраженным ипохондриком и даже Гитлера, терпимого к причудам приближенных, раздражал беспрестанными хлопотами о собственном здоровье,

диете и т. п. Кроме того, Гесс был помешан на лечебных травах, на целителях, на оккультизме, на народной медицине и астрологии. По воспоминаниям Шпеера, на обедах к фюреру Гесс обычно являлся со своим поваром, который готовил ему еду; однажды Гитлер при всех запретил ему готовить отдельно, а когда Гесс начал рассуждать о преимуществах диеты натуропата, Гитлер предложил ему питаться дома. После этого случая Гесс редко бывал на обедах у фюрера³⁸⁷.

Мечтатель и фантазер, Гесс докучал Гитлеру, который не понимал и не разделял интереса Гесса к натуропатии, к гомеопатии, к средневековым пыткам, к аскетическому самобичеванию и т. п. В среде ветеранов партии преобладали старые выпивохи-«жизнелюбы»; аскетизм Гесса, его склонность к здоровому и спортивному образу жизни вызывали у них только смех. Почти 10 лет Гесс был самым значительным функционером партии, так сказать, «Генеральным секретарем» НСДАП. Но несмотря на высокий чин и ранг (по неофициальной номенклатуре нацистского Рейха он был вторым человеком в государстве), в борьбе компетенций Рудольф Гесс проигрывал более настойчивым, работоспособным и ловким конкурентам. Гесс старался играть роль некоего медиума между фюрером и немецким народом; он представлял себя верховным жрецом нацистского культа³⁸⁸. Собственно, его полет 10 мая 1940 г. можно рассматривать как последнюю отчаянную попытку вернуть доверие фюрера, растерянное в бесконечных интригах и борьбе за власть: предложения Гесса англичанам были сходны с убеждениями Гитлера, который, получив известие о полете, несколько дней выжидал, прежде чем объявить своего соратника сумасшедшим. И долгие годы в тюрьме он оставался убежденным национал-социалистом; когда жена сообщила ему, что во время войны Гитлер не раз говорил, что Гесс — единственный идеалист в партии, — он заплакал³⁸⁹. В 1982 г. Гесс по недосмотру охраны повесился в берлинской тюрьме Шпандау, последним и единственным узником которой он был последний десяток лет.

Мартин Борман был полной противоположностью Гесса. Он выделялся удивительной даже среди трудолюбивых-немцев работоспособностью, пунктуальностью и при-

лежанием³⁹⁰. Сначала он занимал пост начальника штаба заместителя Гитлера по партии Гесса, который, казалось, делал все, чтобы растерять благосклонность фюрера: он не ждал часами, как Борман, чтобы оказать Гитлеру какую-либо услугу, а мог, например, уехать в горы кататься на лыжах³⁹¹. На руку Борману сыграло и то обстоятельство, что его долгое время никто не принимал всерьез и поэтому никто ему не мешал — кто бы мог подумать, что скромный и прилежный начальник личного штаба фюрера вскоре превзойдет по масштабам влияния самого рейхсфюрера СС Гимmlера? Исключительно благодаря Борману в системе нацистской диктатуры партия оставалась более значительным учреждением, чем СС. Примером недооценки Бормана является замечание Геббельса, что Борман — это примитивный тип советского функционера из ГПУ³⁹². Это, впрочем, не мешало Геббельсу поддерживать с Борманом наилучшие отношения: от него слишком многое зависело.

Час Бормана пробил, когда произошла история с перелетом Гесса в Англию: 29 мая 1941 г. он получил министерские полномочия в чине руководителя партийной канцелярии (точнее, личного секретаря Гитлера), что, учитывая специфику власти в Третьем Рейхе, означало очень многое: всю войну он был тенью Гитлера; некоторые историки считают, что он манипулировал Гитлером, целиком поглощенным руководством войсками. Именно Борман решал, кого допускать к Гитлеру, а кого — нет. Борман смог завоевать неограниченное доверие Гитлера — человека глубоко недоверчивого. После же покушения 20 июля 1944 г. Гитлер вообще всерьез доверял одному только Борману. Борман не был хорошим оратором, писал он коряво, но зато он прекрасно знал правила и приемы аппаратных игр и преуспел в них более, чем кто-либо. На руку ему было то обстоятельство, что по заранее заведенному порядку гауляйтеры в своей повседневной работе были с ним связаны; от его благосклонности зависел доступ к Гитлеру, что было жизненно важно для начальников всех рангов. Именно с именем Бормана связано усиление положения гауляйтеров во время войны: во-первых, потому, что регирунгспрезиденты (главы земельных правительств) лишились непосредственного подчинения министерству

внутренних дел, а во-вторых, все гауляйтеры стали имперскими комиссарами обороны и должны были координировать свои действия с руководством военных округов³⁹³. Оба эти обстоятельства существенно укрепили власть гауляйтеров; можно, собственно, говорить о создании новой государственной инстанции, которая контролировалась Борманом. Во время войны партия не только активно внедрялась в государственное управление, но и взяла на себя множество других задач — оказание помощи пострадавшим в бомбежках, обеспечение жильем бездомных, отправление детей из городов в рекреационные лагеря, забота о беженцах из среды фольксдойч, распределение карточек, забота о раненых; пропагандистская работа также была в ведении партии³⁹⁴. Все это способствовало тому, что ведомство Бормана стало забирать себе исполнительные функции, и следовательно становилось все более вездесущим и влиятельным. Одним Борман искусственно перекрывал доступ к Гитлеру, другим — обеспечивал благоприятные условия. Борман обладал безошибочным инстинктом власти и, видя как во время войны СС стали расширять свою сферу влияния, стал делать то же самое для утверждения влияния и веса партии; он преуспел в этом даже больше, чем Гиммлер и СС. Во всяком случае, к концу войны Борман был более влиятельным чиновником, чем Гиммлер, а партия стала еще более значительным институтом власти. В марте 1945 г. один из подчиненных Бормана писал, что «в 1929 г. ПО была самым мощным инструментом руководства партией, а сейчас эта роль принадлежит партийной канцелярии в лице Бормана»³⁹⁵.

Борман смог отгеснить от принятия важных политических решений всех своих соперников: и руководство рейхсканцелярии (во главе с Ляммерсом), и «канцелярию фюрера» (Булер), и военную канцелярию (во главе с генералом Йодлем). Шпеер писал, что даже в нацистской верхушке Борман выделялся своей жестокостью и полной эмоциональной глухотой. Будучи от природы угодлив, он обращался со своими подчиненными так, словно это были быки или коровы. Впрочем, победа одного из соперников не означала в условиях нацистской борьбы компетенций его исчезновение. Так, у Филиппа Булера в

«канцелярии фюрера» продолжало работать 137 сотрудников, которым Гитлер поручил совершенно не партийную «работу»: в этой канцелярии был создан «центр эвтаназии», который нес ответственность за убийство душевнобольных и калек³⁹⁶.

С другой стороны, роль Бормана не следует переоценивать: он никогда не был самостоятельной политической фигурой, хотя некоторые авторы (например, американский историк Луис Шмир) придают ему и его деятельности излишне большое значение³⁹⁷. Логически вполне допустимо, что расширить свое влияние до такой большой степени Борман смог именно из-за отсутствия ясных политических амбиций. Кроме того, самой существенной чертой партийного аппарата было то, что ни одно партийное ведомство — от «внешнеполитического ведомства НСДАП» под руководством Розенберга до «службы Риббентропа» (также занятого внешнеполитической сферой) или «иностранный организации НСДАП» — не имело четко очерченных границ собственных компетенций. В процессе борьбы за компетенции между традиционными государственными институтами и партийными организациями первые не были распущены, они и дальше работали как обычно, но вхолостую, так как значительная часть государственных функций и задач была «приватизирована» партийными или специальными инстанциями, учрежденными лично Гитлером. Дублировав почти все государственные службы и функции, партия сумела не слиться с государственной бюрократией: только 4 крупных партийных деятеля — Геринг, Геббельс, Фрик и Дарре — встали во главе государственных ведомств; в 1937 г. только 5 из 12 министров были членами НСДАП, а 7 министров были беспартийными³⁹⁸, что немыслимо в сталинской системе власти.

В итоге следует констатировать, что главную специфическую черту НСДАП составляла лояльность отдельных партийных руководителей лично Гитлеру; что ни в один из моментов партия своего развития не имела монопольного положения, напротив, именно в партии в наибольшей степени проступали идеологические и социальные противоречия отдельных ее групп; также значительную роль иг-

рали региональные и конфессиональные различия. Эти противоречия часто угрожали самому существованию партии, но каждый раз они благополучно преодолевались не при помощи собственно партийной организации и ее пресловутой необыкновенной эффективности и динамики, а за счет культа вождя. Такой способ решения проблем был приемлем для большинства немцев, которые таким образом получали возможность избежать личной ответственности и необходимости лично принимать решения. А партийные боссы имели почти полную свободу в разрешении внутренних конфликтов. Эта тактика соответствовала социал-дарвинистскому подходу Гитлера к вопросам управления. Гитлер вмешивался лишь тогда, когда чувствовал, что его положение как арбитра и суверена находится под угрозой. Вот запись из дневника Геббельса от 2 марта 1943 г.: «Во внутренней политике, точно так же, как и во внешней политике, каждый действует по собственному усмотрению по той причине, что никакого авторитета власти совершенно не заметно. Более всего это относится к партии, которая идет собственным путем и ни на кого не обращает внимания»³⁹⁹. Дезорганизация и отсутствие системы — вот методы, при помощи которых Гитлер регулировал режимы давления и торможения в процессе борьбы партии против государства,⁴⁰⁰ собственно, это была разновидность политики *divide-et-impera*.

Немецкий юрист и политолог Карл Шмитт писал, что в нацистские времена государство было менее значительным органом, чем партия, но во время войны на первый план вышла необходимость решения организационных проблем, а к этому были более приспособлены прежние государственные инстанции. Это касалось всех сфер жизни — обеспечения продуктами питания и их распределения по карточкам, распределения дефицитных товаров, организации коммунальных служб, учебного процесса в школах, организации фискальной политики и пр. К тому же отдельные немецкие земли обладали мощной традицией местной исполнительной власти — этой традиции совершенно не было у партии, которая, несмотря на всю ее динамику, зачастую вынуждена была импровизировать. В этой связи следует указать, что внутренним противоречием гитлеровской организации власти было то,

что все ценное, что несла в себе традиционная немецкая административная система и что спасало государство от развала и деградации — все это работало на нацистский режим, а не на сохранение старой государственной системы⁴⁰¹. Партия в этой ситуации не ухудшала положение, но и не улучшала его.

ГЛАВА V

НАЦИСТСКОЕ ПРАВОСУДИЕ И НЕМЕЦКОЕ ОБЩЕСТВО

Теоретическая перспектива

С начала Нового времени Германия была страной с высокоразвитым правосознанием, сформировавшимся под действием прусской традиции, и Гитлер со своим враждебным отношением к правовым процедурам и законности и со своим презрением к юристам представлял диссонанс с немецкой традицией. Правопорядок и законность, особенно в Пруссии, а после нее и в других немецких государствах, были плоть от плоти немецкой традиции с ее властью закона и независимостью суда. В 1794 г. прусские законы по указанию Фридриха Великого были сведены в «общее прусское право»; законы стали «обязательны для всех членов общества без различия сословий, ранга или пола, каждый житель государства обязан был требовать защиты своей личности и достояния»⁴⁰². Этот свод был принят почти одновременно с американской конституцией 1787 г., и эти оба документа можно рассматривать как значительный вклад в развитие прав человека. Как бы ни отличались национальные законодательства, но независимого правосудия, равного для всех — богатых и бедных, сильных и слабых — они придерживались в равной степени; практика могла отличаться от теории, но Фемида изображалась с повязкой на глазах, поскольку правосудие было едино для всех без исключения.

Можно привести великое множество примеров независимости прусского суда; были случаи, когда пруссаки судились даже с королем Вильгельмом II (по спорным арендным договорам) и выигрывали. О Фридрихе Великом, которого фюрер почитал более других исторических деятелей Германии, Гитлер любил рассказывать следующую историю: однажды король вызвал к себе начальника полиции, чтобы упрекнуть его за то, что он предоставляет меньше сведений, чем его коллеги при дворах других европейских владык. «Все дело в том, — ответил полицей-

ский, — что я не имею права использовать для наблюдения те же средства, что в других странах». На что король ответил, что, если это так, тогда ему ничего и не надо⁴⁰³. Это указывает на развитое правосознание, поощряемое к тому же монархией и подкрепленное привычкой немцев к неукоснительному соблюдению формальных установлений, а также контролем со стороны прекрасно налаженной административной системы. Последнее обстоятельство особенно важно, ибо какие бы хорошие законы ни принимались, работать в коррумпированной системе они все равно не будут.

Можно привести забавный случай, свидетельствующий о высокой интегральности закона в немецком сознании: после захвата власти нацистами СА пришли конфисковывать велосипеды спортивного клуба, основанного коммунистами, но хозяин гостиницы отказался выдавать велосипеды так как это частная собственность; после Второй мировой войны велосипеды были возвращены законным владельцам⁴⁰⁴. Такие инциденты не были единственной юридической проблемой — после прихода к власти нацистам сложно было преодолеть положение в сфере трудового права, и коллективное трудовое право периода Веймарской республики было нацистами либо отчасти ликвидировано, либо заменено представительством произвольно назначаемых доверенных лиц, либо регулировалось временными актами. При этом ликвидация профсоюзов создала массу правовых проблем, так как не все суды были готовы признать ДАФ правовым приемником профсоюзов⁴⁰⁵; власти каждый раз просто принуждали суды принимать решения на основании собственных административных распоряжений, что было довольно хлопотно.

О высоком правосознании немцев свидетельствует также и судьба еврейских кладбищ в Рейхе: в 1952 г. кладбищенская комиссия центрального еврейского совета в Германии насчитала в Германии около 1700 еврейских кладбищ⁴⁰⁶. Почему же в Германии сохранилось так много еврейских кладбищ? Почему их не закрыли, не сравняли с землей, как того требовали многие нацисты и как это сделали с синагогами? Дело в том, что закрытие и уничтожение еврейских кладбищ вступало в противоречие с

действовавшим земельным правом. Получалось парадоксальное положение: евреев нацистские власти всячески вытесняли из страны, а с еврейскими кладбищами власти обращались также, как и с христианскими, выделяя на уход за ними необходимые средства⁴⁰⁷. Кроме того, в Пруссии действовало правило, в соответствии с которым закрывать кладбище можно было только по истечении 40 лет после последнего захоронения, и чиновники категорически отказывались это правило нарушать.

Короче говоря, когда Гитлер пришел к власти, Германия, может быть, имела не слишком развитую демократическую традицию, зато это была страна фундаментального правопорядка — правопорядок и независимость судебной власти утвердились в Германии с XVIII в., а в XIX в. они расширились и утвердились. Нацисты могли отрицать теоретическое значение либеральной концепции конституционного правопорядка (что они и делали), но удалить все правовые либеральные нормы из судебной и административной практики и вернуться в XVII в. они были не в состоянии. Без определенного минимума правового государства не может функционировать современная экономика, невозможно управлять обществом, да и сам нацистский режим потерял бы всякую опору. Кроме того, в Германии правовая традиция была столь значительной, что (в отличие от Советского Союза) к радикальному переделу либеральной правовой системы нацисты так и не прибегли — либо не смогли, либо не захотели; правда, без радикального революционного изменения всего общества это и не было возможным. Поэтому позиция нацистов по отношению к прежней либеральной правовой системе и традиционной независимости судебной власти была в равной степени негативной и оппортунистической.

Следует обратить внимание еще на одно обстоятельство, связанное с тяжелыми политическими условиями первой немецкой республики: политические особенности развития Германии после Первой мировой войны повлияли на то, что правовое государство в Германии начало выхолащиваться еще в 1919 г.; это значительно облегчило Третьему Рейху дальнейшее разрушение права. С падением монархии Гогенцоллернов немецкая юсти-

ция утратила свой традиционный вид, так как в относительно спокойных и благоприятных условиях кайзеровского государства немецким юристам и в голову не приходило использовать юриспруденцию в политических целях. Попав под сильное политическое давление после 1919 г., немецкая юстиция оказалась не в состоянии противостоять настойчивому давлению. По большому счету, и отряды «фрайкора» и «черный» рейхсвер были нарушением закона, но большинство юристов закрывало на это глаза. «Грехопадение» немецкой юстиции произошло в 1922 г. вследствие принятия закона о защите республики. С принятием этого закона были нарушены некоторые основополагающие права человека, а также юридические принципы. Опираясь на этот прецедент, после пожара рейхстага нацисты ввели чрезвычайное положение, а также внедрили систему особых судов, к которым сначала принадлежал и пресловутый «народный суд» (*Volksgerichtshof*)⁴⁰⁸. Дезориентации немецкого правосудия способствовала его политизация, в процессе которой многие правовые принципы были нарушены и извращены, что и облегчило «интеграцию» юристов Веймарской республики в Третий Рейх.

В нацистские времена юстиция в значительной мере была освобождена от необходимости подведения под обвинения строгой доказательной базы, которая была заменена «здоровым народным рассудком» (*das gesunde Volksempfinden*). Это произошло вследствие закона об изменениях в уголовном законодательстве от 28 июня 1935 г.; закон предвещал большую правовую реформу на базе допущения приговоров по аналогии. Новшество состояло в том, что судья не был обязан проверять, есть ли в уголовном праве точное предписание о наказании за конкретное преступление, — он должен был выносить приговор исходя из духа закона, на основе «здорового народного рассудка». Таким образом, национал-социалистически мыслящим судьям режим давал возможность принимать нужные режиму решения. Однако действие «параграфа об аналогиях» (*Analogieparagraph*) на воспитанных в позитивистском духе немецких юристов было не столь велико, как того хотелось ведущим нацистским юридическим те-

оретикам — Франку, Фрайслеру, Ротенбергеру. Для старого немецкого юридического позитивизма и «здравый народный рассудок», и «воля фюрера», и «национал-социалистическое мировоззрение» не были юридическими категориями, годными в судебной практике. Такого положения не могли изменить даже внедренные нацистами «курсы повышения квалификации юристов», на которых там пытались внушить «истинно арийское мировоззрение». Нацистское руководство проклинали «формализм» юристов (на него жаловался и Гитлер), но предложить новые ясные и четкие юридические формулировки так до конца и не смогло; эта задача оказалась трудной, по крайней мере, она требовала много времени, изощренности и усилий. Итак, полностью преобразить право нацисты не смогли, они лишь частично его изуродовали, именуя свои новшества «национал-социалистическим правом». Такого правосознания и такой выучки юристов не было в СССР, где любые начинания тоталитарной системы в правосудии проходили «на ура». Наверное, и у нацистов было бы меньше проблем с юстицией если бы они, как в Советском Союзе, ликвидировали бы старую систему правосудия, прогнали всех юристов и создали бы собственное мировоззренческое «правосудие».

Гитлер сам активно участвовал в попытках демонтажа старого права, периодически корректируя судебные приговоры, которые казались ему неадекватными. Например, когда в 1938 г. произошло несколько крупных ограблений с использованием автомобильных ловушек-засад (*die Autofalle*) — заграждений или искусственных препятствий, — они вызвали озабоченность и опасения в немецком обществе. Воспользовавшись общественным неудовольствием, Гитлер 22 июня 1938 г. выпустил закон, имевший обратное действие до 1 января 1938 г. и предусматривавший смертную казнь за устройство подобных ловушек в преступных целях. Кроме того, ради осуществления скорого процесса в подобных случаях сфера компетенций особых судов, которые учреждали для рассмотрения политических дел, была распространена на уголовные дела⁴⁰⁹. Гитлер не брезговал даже использованием личного влияния для давления на суд с целью вынесения нужных ему приговоров.

В застольной беседе (в разгар войны) Гитлер назвал юриспруденцию «единственно верным путем к безответственности» и далее утверждал, что «для него каждый юрист либо дефективный, либо скоро станет им»⁴¹⁰. 26 апреля 1942 г. Гитлер потребовал у рейхстага, собравшегося в последний раз, особых полномочий для того, чтобы без всяких юридических формальностей принудить любого немца к выполнению долга под страхом лишения поста или штрафа⁴¹¹. Он потребовал для себя права смещать и назначать судей и самостоятельно вводить новые юридические нормы. В целом немецкая общественность поддержала эти начинания, хотя немцы недоумевали: зачем фюреру понадобилось выказывать всему миру слабости и несовершенство административной системы немецкого государства. Правда, многие радовались, что, наконец, будет положен конец коррупции и протекционизму в обществе и партии. Из очередного расширения собственной власти Гитлер, угадав в очередной раз самое слабое место в общественных настроениях, извлек значительную пользу⁴¹².

Рейхстаг, конечно, дал ему такое право; таким образом, эволюция принципа фюрерства завершилась: в этот день были отвергнуты последние связи власти фюрера с правом и законом: рейхстаг постановил, что «приказ фюрера» (*Führerbefehl*) является законом. Как утверждал один из нацистских юристов Готтфрид Неезе, «фюрер говорит не от имени народа, действует не представляя его интересы — фюрер сам и есть народ, поэтому никакие ограничения его власти неуместны. Сама его воля созидает право. Между фюрером и немецким народом существует магическое согласие, которое делает предательством любую оппозицию фюреру»⁴¹³.

СД передавал, что народ удивлялся, зачем Гитлеру понадобился еще и закон о чрезвычайных полномочиях: неужели ему, как фюреру, и без этого не хватает власти. Многие немцы восприняли обращение Гитлера к рейхстагу и его речь как завуалированную угрозу тем партийным функционерам, которые еще не осознали, что идет война и что нужно уметь идти на жертвы⁴¹⁴. В образованных же кругах новое расширение власти Гитлера расценили как диктатуру: говорили даже, что теперь все немцы

вне закона. Судьи же однозначно восприняли обращение Гитлера как призыв к ужесточению судебной практики, усиление репрессивных мер. Однако ожидаемого Гитлером прямого и непосредственного действия новые полномочия не имели по причинам, о которых речь ниже.

Из дневников Геббельса видно, что брожение умов среди юристов и чиновников, вызванное речью Гитлера перед рейхстагом, не улеглось: Геббельс в этой связи сетовал, что не стоит так сильно давить на чиновничий корпус в тяжелых условиях войны, требующих особого напряжения и самоотдачи⁴¹⁵. Это были не пустые слова: нацистам так и не удалось привлечь на свою сторону крупных ученых — юристов — за исключением короткого сотрудничества с ними Карла Шмитта. Гитлеровцы довольствовались второстепенными и третьестепенными специалистами — Теодором Маунцем, Вернером Бестом, Гансом Франком, Готтфридом Неезе, Рейнгольдом Хене. Отход от правового государства и его правил осуществился открыто и явно. Карл Шмитт объявил словосочетание «правовое государство» — плохим, в отличие от словосочетания «национал-социализм». Центральным элементом всякого правового государства является разделение властей. Другим важнейшим признаком правового государства является доступность правосудия для всех. Как в первом, так и во втором случае нацистская система отрицала правовое государство.

Критика нацистских юристов была направлена на «римское право», которое противопоставляли немецкому «народному праву». Против «римского права», в котором одна норма подтверждалась другой, была направлена и отмена запрета на приговоры по аналогиям и отмена правила о том, что закон не имеет обратной силы. В 1935 г. приговоры по аналогиям были допущены в судебную практику с той целью, чтобы заменить формальный подход к делу представлением о том, что любой ущерб общественно значимым целям следует строго пресекать. Нацистам было чрезвычайно важно, чтобы не произошло застывания (формализации) права в законах. Как пояснял министр юстиции Гюртнер, очень важно, чтобы принцип справедливости, ради которого существует закон, не был бы этим законом ущемлен. Писанные законы продолжали отражать

волю фюрера и оставались важным источником правосудия; там, где закон молчал, суд должен был действовать по своему усмотрению⁴¹⁶. Вновь введенный в практику принцип приговоров по аналогиям открыл почти неограниченные возможности для обвинительных заключений. Например, внебрачный сын еврейки был осужден за то, что при вступлении в НСДАП указал только на усыновивших его родителей. Этот человек был осужден, несмотря на то, что НСДАП не была государственной организацией, и заявление этого человека в юридическом смысле не было документом. В обвинительном заключении говорилось: «Нет никакого сомнения в том, что здоровое национальное чувство не может допустить подобного образа действия, наносящего прямой вред НСДАП»⁴¹⁷. Нацисты сплошь и рядом нарушали один из главных принципов права — *«nullum crimen, nulla poena sine lege»* (не карается действие, в момент совершения которого законом не было предусмотрено за него наказания).

Нацистское правосудие и общество до войны

Непосредственным поводом для создания нацистами «народного суда» был пожар рейхстага: СА и СС получили право на превентивные аресты; таким образом нацистское руководство стремилось укрепить свою властную автономию⁴¹⁸. Гитлеру и Герингу очень не нравилось то, что поджог рейхстага стал предметом следствия имперского суда; оба они по праву опасались, что следствие может прийти к выводам, которые не будут согласоваться с политическими потребностями и целями нацистов, что на деле и произошло. 28 февраля 1933 г. был опубликован чрезвычайный декрет «О защите народа и государства», который положил основу формирования «правовых» начал диктатуры. Гитлер обосновывал декрет следующим образом: «Показателем высокого уровня развития культуры является отнюдь не личная свобода... Если не ограничивать свободу личности, то люди начинают вести себя, как обезьяны... Чем примитивнее люди, тем более воспринимают они любое ограничение своей свободы как насилие над собой»⁴¹⁹. На заседании правительства 7 марта

1933 г. Гитлер и Фрик потребовали, чтобы следствие вообще не затевали, а Люббе публично повесили бы в связи с очевидностью его вины. Поскольку действовавший в Германии уголовный кодекс за поджог предусматривал «только» каторгу, а дополнения к кодексу о смертной казни за поджог рейхстага были утверждены уже после поджога Люббе, то в отношении этого конкретного преступления Фрик потребовал в виде исключения применить к закону обратную силу и казнить Люббе. Это было грубейшее нарушение права, которое не могла себе позволить никакая культурная страна, и в министерстве юстиции возникли возражения. Процесс о поджоге рейхстага все-таки состоялся, он протекал для нацистов крайне неблагоприятно, поскольку все обвиняемые, кроме несчастного ван дер Люббе, были оправданы. Тем не менее, 29 марта был опубликован «закон Люббе», и виновник поджога по этому закону в итоге был казнен. Однако вследствие сопротивления президента Гинденбурга и министра юстиции Гитлер вынужден был допустить следствие имперского суда. Иными словами, нацисты смогли создать прецедент, но органы правосудия формально отстаивали свои компетенции⁴²⁰.

Партийное руководство было недовольно действиями судебных инстанций и задумало создать для государственных преступлений специальное судопроизводство. Статс-секретарь министерства юстиции Рональд Фрайслер сыграл ведущую роль в дискуссии по этому поводу; именно он смог настоять на создании в начале 1934 г. чисто политического судопроизводства, компетенции которого распространялись на дела, связанные с государственными преступлениями. Интересно, что в 1915 г. Фрайслер попал в русский плен, выучился там русскому языку, после революции стал большевиком, был комиссаром и оставался в России до 1920 г. До 1925 г. был убежденным коммунистом, а затем перевернулся к нацистам; работал адвокатом, был избран депутатом рейхстага от НСДАП. В 1935 г. он стал статс-секретарем министерства юстиции и получил чин генерала СС (бригаденфюрер)⁴²¹. Фрайслер был настоящим садистом, «нашим Вышинским», как его называл Гитлер. Стремление к политизации юстиции у Фрайслера, очевидно, было от большевиков...

По предложению Фрайслера, каждый из назначенных в «народный суд» юристов должен был чувствовать себя, как «солдат закона», обязанный быстро и жестко покарать врагов государства⁴²². Первым президентом такого суда был назначен Фриц Рен, но в сентябре 1934 г. он неожиданно умер, после чего в течение двух лет этот пост оставался вакантным — в этот период не было вынесено никаких суровых приговоров. Недостаточная жесткость «народного суда» привела к критике в его адрес со стороны руководства министерства юстиции. После этого президент был, наконец, назначен — им стал член партии со стажем Отто Георг Тирак; именно под его руководством «народный суд» превратился в эффективный инструмент политического давления. Ради этого компетенция суда была расширена на преступления, связанные с саботажем и попустительством на производстве. Несмотря на декларированное Тираком усиление судебных преследований, судьи придерживались умеренного курса⁴²³, но только до поры до времени...

С момента пожара рейхстага в Германии под сенью перманентного чрезвычайного положения постепенно созидалось фюрерское тоталитарное государство: Закон о предоставлении чрезвычайных полномочий правительству от 24 марта 1933 г. является в такой же степени противоречащим Конституции, как и унификация земель. Дальнейшие нарушения посыпались, как из рога изобилия — вплоть до узурпации поста президента, что противоречило статьям 41—43 Конституции. Фактически Веймарская конституция были ликвидирована в 1933—1934 гг., и продление чрезвычайных полномочий в 1937 г. и 1938 г. уже ничего не меняло. Спектакли по продлению чрезвычайных полномочий устраивались каждый раз 30 января.

Большое значение для процесса юридической унификации Рейха имел Закон о главе государства от 1 августа 1934 г. Закон гласил: «пост рейхспрезидента объединяется с постом рейхсканцлера. Вследствие этого прежние полномочия президента переходят фюреру и рейхсканцлеру Адольфу Гитлеру». Специальным указом от того же дня Гитлер распорядился впредь более не употреблять термин «президент». После этого самозванный «фюрер немецкого Рейха и народа» утвердился в качестве пожиз-

ненного диктатора и легализировал свое назначение «свободным народным волеизъявлением». Во время референдума 19 августа 1934 г. 4,3 (10,1%) миллиона немцев проголосовало против, а 1,98 млн вообще не явилось на избирательные участки⁴²⁴. Юридическим сальто-мортале от 1 августа 1934 г. разделение властей, являющееся главным элементом современного конституционного порядка, было ликвидировано. Диктатор стал главой исполнительной власти и главнокомандующим армией. Рейхстаг, избранный 12 ноября 1933 г., также беспрекословно подчинился фюреру, так как там остались только члены НСДАП, которые повиновались его приказам хотя бы в силу того, что Гитлер был главой партии. После речи Гитлера с объяснениями убийств 30 июня 1934 г. («ночь длинных ножей») и объявления их «необходимой самозащитой государства» Геринг, председатель рейхстага и верный паладин фюрера, сказал: «Мы все всегда будем одобрять то, что делает фюрер». Марионеточный характер такого парламента был очевиден. В той речи Гитлер «обосновал» узурпацию судебной власти: «В этот час я был ответственным за судьбу всей немецкой нации и таким образом стал и высшим судьей немецкого народа»⁴²⁵. Карл Шмитт пустил в обращение формулу «фюрер защищает право»; вскоре это стало лейтмотивом многоголосого хора славословий в адрес Гитлера. Известный юрист Эрнст Рудольф Хубер поддержал Шмитта: «выступая в час опасности высшим арбитром, фюрер защищает право от самого худшего злоупотребления им. Действия фюрера — это реализация высшей справедливости. Фюрер не подчиняется правосудию — он сам правосудие». Хубер решительно выступал против политического плюрализма и разделения властей, которое «окончательно устранено политической тотальностью национал-социалистического государства». Все эти формальные изыски ученых юристов не могли скрыть того факта, что Веймарская конституция 1919 г., формально до конца не ликвидированная, была сведена на нет серией незаконных актов.

Презрение нацистов к законному порядку выразилось и в амнистии убийцам Маттиаса Эрцбергера, а день памяти убийц Вальтера Ратенау (1867—1922) был обставлен нацистскими режиссерами как торжественный государ-

ственный акт. 7 августа 1934 г. Гитлер объявил об амнистии для нацистов, проявивших до 1933 г. излишнее рвение (*übereifrige NS*) и вступивших в конфликт с законами Веймарской республики. Напротив, в августе 1934 г. было расстреляно 2 коммунистов из Дортмунда, в 1932 г. зарезавших в драке штурмовика, хотя они еще в Веймарскую республику подпали под амнистию, а на время совершения преступления смертного приговора в уголовном праве не было. Убийца автора текста нацистского гимна Хорста Весселя коммунист Али Холер (*Ali Hohler*) был намеренно вызволен нацистами из тюрьмы и убит⁴²⁶. Убийцы, разумеется, никакого наказания не понесли.

Необходимо отметить, что судьи — члены партии сами находились в юрисдикции партийных судов, бывших «судов чести», преобразованных в 1933 г. в местные окружные суды, региональные суды отдельных гау и высший партийный суд. Источником «права» для этих судов была партийная программа и «Майн кампф», а единственным действенным наказанием — исключение из партии. Особенно интенсивно проникновение нацистской идеологии в судебскую среду началось с введением обязательной идеологической учебы для работников суда. На курсах повышения квалификации судебские работники жили на казарменном положении и для «укрепления духа» даже участвовали в 25-километровом пешем марше. Комендант одного такого лагеря, офицер и ветеран Первой мировой войны, говорил, что нигде нельзя лучше узнать характер человека, чем во время такого марш-броска с полной боевой выкладкой⁴²⁷.

Любопытным феноменом в истории нацистского государства и его правосудия была эволюция министерства юстиции, во главе которого находился Франц Гюртнер, занимавший этот пост еще в правительстве Папена и Шлейхера. Гюртнер происходил из рабочей семьи (его отец был машинистом локомотива), героем войны (кавалер Железного креста 1-й степени); после войны он изучал юриспруденцию и в 1922 г. стал баварским министром юстиции. Во время процесса 1924 г. по делу о «пивном путче» Гюртнер, несмотря на то, что не был членом НСДАП, (он состоял в Баварской народной партии) вся-

чески помогал нацистам и их фюреру. Именно Гюртнер обеспечил досрочное освобождение Гитлера из тюрьмы. Он же содействовал слиянию старого Союза немецких судей с вновь созданным Союзом национал-социалистических немецких юристов. Гюртнер вместе с Фриком предпринимал попытки к сохранению независимой юстиции, но практического значения эти усилия не имели. Нацисты же после прихода к власти время от времени пытались изменить правопорядок и законодательство в свою пользу или скорректировать их в удобном им направлении. Изменения и извращения права, к которым прибегали нацисты, меньше всего касались гражданского права. Основы частной собственности и ее правового регулирования почти вовсе не были затронуты. Характерно, что в гражданско-правовых спорных вопросах НСДАП и примыкающие организации и после 1933 г. не имели особого статуса. В нацистские времена полем битвы в сфере юриспруденции были публично-правовые вопросы, а более всего уголовное право и система наказаний.

Прежние представления о равенстве всех перед законом были заменены системой правового апартеида: «расово чуждые» (*Artfremde*) и уголовные «паразиты на теле народа» не считались достойными правового обращения. Преступление рассматривалось как «предательство» по отношению к народу, поэтому всякие преступления или отклоняющееся поведение считались политическими. Тот, кто крал во время воздушной тревоги, становился «грабителем», а еврей или поляк, вступившие в половую связь с немками, становились виновниками «урона расе» (*Rassenschande*). В процессе дальнейшего отхода от цивилизованных норм права даже слова стали преступлением. Когда в немецком обществе начали распространяться слухи о причастности СА к пожару рейхстага, вышло чрезвычайное распоряжение от 21 марта 1933 г., которое в народе сразу прозвали «указ о коварных происках» (*Heimtückeverordnung*). По этому распоряжению все высказывания против партии и государства считались наказуемыми. Судебным и полицейским инстанциям вменялось в обязанность способствовать и наблюдать за распространением оптимистических настроений в обществе, быстро и эффективно пресекая всякие попытки негативных суж-

дений и высказываний о новом государстве и партии⁴²⁸. Преобладающая ценность коллективных интересов отразилась в новшествах уголовного законодательства. Дело в том, что в 1920—1930-е гг. в Германии, как и в других европейских странах, криминалисты, судебные эксперты, адвокаты и психиатры дебатировали о влиянии наследственных факторов с одной стороны, и социального окружения — с другой. В 1930-е гг. сторонники преобладающих наследственных факторов получили преимущество и продолжали усердно описывать типы бытовых правонарушителей, которые якобы отличались и от рецидивистов и от обычных граждан. Из убежденности в том, что наследственные факторы доминируют и такие люди являются неполноценными, логически вытекал вывод о том, что существует необходимость избавить в будущем национальную общность от размножения подобных типов. Разумеется, считалось, что евреи, цыгане и негры особенно склонны к правонарушениям, что якобы находило подтверждение в народных преданиях о евреях-отравителях колодцев или о цыганах — конокрадах и похитителях детей. Поэтому Закон об опасных бытовых преступлениях от 24 ноября 1933 г. связывал наказание за конкретное преступление с преимущественным правом «народной общности» на защиту от потенциальных преступников. На практике это означало вынесение приговоров, при которых преступник и в будущем не представлял бы опасности для общества (например, кастрация и (или) максимальное продление срока). Такая политика нацистов была ориентирована на «прикладные» возможности биологии и одновременно напоминала варварские обычаи прошлого, опиравшиеся на предрассудки. Понятие «здравый смысл народа» вместе с варварским биологическим популизмом выдвигалось нацистами на первый план. Уголовный кодекс и идеология охранительства стали частью эпидемиологии, средством для предотвращения размножения «расово чуждых» или для переименования преступления в болезнь, которую рассматривали как неизлечимую со всеми вытекающими отсюда последствиями⁴²⁹. Приблизительно так же поступали и в СССР — когда диссидентов уже невозможно было расстреливать, их объявляли сумасшедшими...

Вместо того, чтобы создавать собственное уголовное право, нацисты воспользовались правом, существовавшим на тот момент (*Preußische Strafgesetz von 1851 und das Reichsstrafgesetz von 1871*). В «Законе о реставрации профессионального служилого сословия» Гитлер обещал судьям независимое положение, но дал понять, что ожидает от них «гибкости». Руководитель корпоративной организации нацистских юристов Ганс Франк напоминал о необходимости согласия судей с «основными принципами фюрерского государства»⁴³⁰. По требованию Франка, адвокаты и прокуроры должны объединяться в достижении поставленных целей. Прокуратура стала важным звеном в реализации установок нацистского режима: именно она решала, в какой суд направлять дело, и определяла степень виновности и наказания. При этом гестапо часто занималось произвольными арестами, поэтому обещание об укреплении прокуратуры так и оставались обещаниями. Что касается защиты, то вместо того, чтобы делать упор на доказательстве невиновности своих подзащитных, она концентрировалась на смягчающих обстоятельствах и на том, чтобы «скостить» срок. Оправдательные приговоры были даже опасны — гестапо их «корректировало» при помощи превентивных арестов, поэтому защита и судьи сходились, как правило, на более мягких приговорах, предпочитая их отправке в концлагерь⁴³¹.

Однако для полного контроля над государством и народом простой политической и административной унификации было недостаточно. Хотелось еще и привлечь на свою сторону тех, кто скептически относился или был к нему враждебен гитлеровскому режиму. В начальной стадии развития режима большое значение имели законы об амнистии осужденным во времена «системы» (так в нацистской терминологии именовалась Веймарская республика) за «борьбу за национальное возрождение Германии», Закон о пресечении коварных происков врагов (речь идет об упомянутом выше «законе о коварных происках») и распоряжение о создании особых судов. Если амнистия была нацелена на освобождение нацистов, осужденных в Веймарскую республику, то «закон о коварных происках» был направлен против критики — даже устной — режима: критика каралась тюрьмой, а в особенно тяжелых случа-

ях — и каторгой⁴³². 28 февраля 1933 г. вышел чрезвычайный закон (поводом к его принятию был пожар рейхстага), направленный на «преступления против немецкого народа и государственные преступления», в этом законе понятия «предательство народа» и «государственное предательство» (*Landes — und Hochverrat*) были расширены, а наказания за них ужесточены. В некоторых пунктах закона заходил очень далеко: так, § 3 предусматривал 3 месяца тюрьмы даже за распространение сведений, которые уже были известны за границей и поступили туда официальным путем. Закон от 28 февраля стал правовым основанием для превентивного ареста, который осуществлялся без суда и полиции. Длительность его варьировалась от нескольких дней до нескольких месяцев, при этом основанием могло стать даже подозрение в связях с коммунистами. Если арестованному везло, то он попадал в тюрьму, а если не везло — то в концлагерь СА или СС. Только в Берлине в 1933 г. в заброшенных помещениях существовало около 50 импровизированных лагерей СА. Превентивный арест был важнейшим и самым массовым средством террора — в первой фазе нацистской революции — к 31 июля 1933 г. — под «превентивным арестом» находилось 26 784 человек⁴³³. С 1935 г. превентивное помещение в лагерь стало обычной практикой. Общее количество узников старались держать на уровне от 20 тыс. до 25 тыс. В концлагерях царили коррупция и садизм; во время войны Гиммлер даже приказывал судить за жестокость и воровство в лагерях, и было вынесено несколько смертных приговоров⁴³⁴.

Из сфер, касающихся политических вопросов, правовой беспредел постепенно распространился и на другие сферы жизни общества. Так, даже отношения по трудовому найму были для нацистов важным инструментом борьбы с политическими противниками режима. Закон об организации национального труда указывал, что всякий труд должен рассматриваться не столько с точки зрения производственной необходимости, сколько с точки зрения пользы для народа и государства. Соответственно, «враждебность» по отношению к государству уже рассматривалась как достаточное основание для увольнения с работы: уволить могли за оскорбление персоны Гитле-

ра, даже если это оскорбление было нанесено в состоянии алкогольного опьянения. Суды приговаривали к увольнению, если человек негативно высказался о ДАФ, партии, даже за уничижительный отзыв о Геббельсе⁴³⁵. Чтобы лишиться работы, достаточно было сказать, что Геббельса воспитывали иезуиты. Отказ от использования «немецкого приветствия» или нежелание петь песни движения тоже могло стать причиной увольнения. Суд по трудовым спорам в Берлине уволил квалифицированного специалиста по праву за то, что тот при исполнении' нацистского гимна «Хорст Бессель» вместо правой руки поднял левую. В 1937 г. лейпцигский суд по трудовым конфликтам признал достаточным основанием для увольнения отказ от участия в «Зимней помощи». В 1942 г. в Австрии по постановлению суда также за отказ от участия в «Зимней помощи» был уволен грузчик, признававший необходимость этой помощи, но выступавший против нарушения принципа добровольности⁴³⁶.

Ради политического давления на общество нацисты учредили «особые суды» (*Sondergerichte*) — специальный юридический инструмент политического преследования негодных режиму лиц. Распоряжение предусматривало создание «особого суда» при каждом верховном земельном суде; компетенции «особых судов» распространялись на все преступления, предусмотренные распоряжением о поджоге рейхстага и «законом о коварных происках». Рассмотрение дел в «особых судах» и в чуть позже созданном «народном суде» (для рассмотрения дел о государственных преступлениях) было «упрощено» и сокращено. Определяющей в этих судах была позиция председателя. Это походило на советскую систему «троек» и значительно ограничивало возможности правосудия в политических делах, которые стали напоминать простую расправу: если в 1932 г. за государственную измену было осуждено 230 человек, то в 1933 г. — 9529. Только через «народные суды» в 1934—1937 гг. прошло 450 дел о шпионаже и 575 — о государственной измене⁴³⁷.

Главным нацистским «спецом» и теоретиком юриспруденции был Ганс Франк, который в 1924 г. защитил диссертацию по юриспруденции, продолжая семейную тра-

дицию — его отец был прокурором. Несмотря на то, что по сравнению с другими партийными ветеранами он был молод (23.5.1900 г.) и не воевал, Франк сделал блестящую карьеру, уже в 1920 г. вступив в партию. Сначала Франк симпатизировал социализму; из его дневников следует, что он был почитателем лидера баварских социал-демократов Курта Эйснера, убитого монархистом в 1919 г. В отличие от марксистов, однако, Франк полагал, что целью социализма является не классовая борьба, а примирение классов, и реализовать эту цель может только вождь: «такой человек, который сможет снять с человечества проклятие классовой борьбы. Люди слабы и мелки, а вождь — это все»⁴³⁸. Понятно, что такая позиция не соответствовала республиканской правовой философии.

После прихода к власти Гитлера Франк некоторое время был баварским министром юстиции, а в 1934 г. стал имперским комиссаром по унификации правосудия в землях и обновлению правового порядка. В 1933 г. Франк основал «Академию немецкого права», главной целью которой было создание «права немецкой общности». К 1937 г. в Академии насчитывалось 45 комитетов и более 300 сотрудников. В качестве министра без портфеля Франк до 1945 г. был членом правительства Рейха. Как и Гюртнер, Франк пытался дистанцироваться от правового беспредела нацистов: по некоторым сведениям, в начале 1930-х гг. он пытался протестовать против действий политической полиции, выступал против создания концлагеря Дахау, против расстрела без суда и следствия руководства СА во главе с Ремом, против решения министра юстиции Франца Гюртнера о легализации убийств в «ночь длинных ножей» и проведения Закона о необходимой защите государства⁴³⁹. Правда, и самому министру юстиции доктору Гюртнеру стоило большого труда 3 июля 1934 г. поставить свою подпись под законом, задним числом оправдывавшим расправу с верхушкой СА, но он надеялся (как и прочие консервативные элементы в рейхсвере и среди чиновников) восстановить таким образом правопорядок в стране и остановить беспредел штурмовиков. Гюртнер добился своего только отчасти: общественный террор хотя и прекратился, но в тюрьмах гестапо и в концлагерях продолжало твориться насилие: внутриве-

домственные инструкции СС разрешали и даже поощряли убийства заключенных в случае побега и пр.

По распоряжению Гейдриха все политические дела с августа 1933 г. контролировали региональные отделы гестапо, а с 1935 г. эта практика была централизована. С 1935 г. эсэсовский еженедельник «Черный корпус» стал регулярно осуществлять нападки на суды за их чрезмерно мягкие приговоры; судьи, правда, в долгу не оставались. Так, «Черный корпус» писал в 1937 г.: «То, что вчера было “правом”, нынче не является таковым, а то, что не было правом, теперь является нашей нормой. Судья, прокурор или адвокат не могут держаться за нормы вчерашнего дня, не творя при этом беззакония»⁴⁴⁰. Один портовый рабочий из Дюссельдорфа получил 18 месяцев тюрьмы за то, что назвал Гитлера «быдлом, полным дерьма» (*Proleten, Sack voll Scheiße*). Одного поляка осудили за то, что в письме из Германии в Лодзь он обмолвился, что в новой Германии сажают в концлагеря. Его письмо было вскрыто в поисках денег, а не вследствие цензуры. Духовник, который скептически и недоверчиво высказался об официальной версии смерти Рема, получил 12 месяцев тюрьмы⁴⁴¹. В 1935 г. ветеринар, указывая на осла, сказал: «Такая же обожравшаяся скотина, как Геринг». Поденщик донес на него, но судьи оправдали ветеринара на том основании, что эти слова не подходили под понятие «публичного оскорбления», ведь собеседников было двое. Узнав о приговоре, Геринг написал судье о недопустимости подобных высказываний о государственных деятелях. На осуждении ветеринара он, впрочем, не настаивал⁴⁴².

Закон о гестапо 10 февраля 1936 г. институционализировал концлагеря и превратил состояние «чрезвычайщины» в правовую обыденность Третьего Рейха. По сути, гестапо было исключено из компетенций судов и само определяло, какое преступление является «политическим» и относящимся к сфере деятельности политической полиции (но не политической юстиции), а какое — нет. Попытки министерства юстиции узаконить практику превентивных арестов, ввести ее в русло закона сначала имели успех, но впоследствии были сведены на нет; четкой законодательной базы здесь не было. С 1934—1935 гг. преследования гестапо и помещение в концлагерь приняло

характер дополнительного (сверх судебного приговора) наказания или даже способа корректировки судебных приговоров. Часто оправданных по суду людей гестапо арестовывало в качестве «профилактики» преступлений. При этом иногда возникали конфликты компетенций: так, когда в 1937 г. бывшую коммунистку, арестованную по обвинению в государственной измене, «народный суд» оправдал за недостатком улик, присутствовавшие на заседании суда гестаповцы заявили о желании подвергнуть оправданную «превентивному аресту», но председатель суда запретил им это делать. Судья мотивировал свои действия тем, что он и его коллеги имеют высшие судебные полномочия, которые они получили от фюрера и не намерены уступать их гестапо. Судья смог настоять на освобождении бывшей коммунистки и запретил ее арестовывать в зале суда, что, впрочем, не помешало гестаповцам арестовать несчастную два дня спустя⁴⁴³. Хотя этот инцидент нельзя назвать характерным, так как до 1938—1939 гг. между политической полицией и судебными властями в целом преобладало «сотрудничество», а в войну судебные власти и вовсе капитулировали перед гестапо.

Систему власти в Рейхе (в том числе и судебной) Франк называл «анархией полномочий»; она, на его взгляд, делала невозможным эффективное правосудие и администрирование. Назначенный в войну генерал-губернатором Польши, Франк повел борьбу против исключительных полномочий СС, выступая, однако, не за утесняемых поляков и евреев, а за расширение собственной власти. Самую точную характеристику генерал-губернатору Франку, обосновавшемуся в краковском замке Вевельсбург, дал один из героев Сопrotивления, дипломат Ульрих фон Хассель: «Франк ведет себя, как страдающий манией величия султан»⁴⁴⁴. Такая оценка личности Франка совпала с мнением итальянского писателя Курцио Малапарте, но последний указывал на крайнюю противоречивость и многосложность его натуры, характеризующейся смешением жестокости и интеллигентности, утонченности и вульгарности, грубого цинизма и утонченной восприимчивости⁴⁴⁵. По всей видимости, эта неоднозначность натуры и склонность к спонтанным решениям и предопределили неожиданные выступления Франка против про-

извода властей в 1942 г. Будучи закоренелым нацистом, Франк, однако, как юрист не мог перенести правового беспредела и летом 1942 г., читая лекции в университетах Берлина, Вены, Мюнхена и Гейдельберга, пошел в открытую атаку против полицейского произвола. Резонанс от выступлений Франка усиливался тем, что всем был известен его конфликт с СС из-за компетенций. Лекции Франка вызвали неудовольствие Гитлера, который запретил ему выступать. Франк сам просил Гитлера об отставке, ему было отказано, но политической карьере Франка пришел конец — до 1945 г. он так и остался министром без портфеля. За преступления в Польше Франка повесили по приговору Нюрнбергского трибунала.

Нацистское правосудие и общество в годы войны

Большую роль во время войны сыграли «особые суды» (*Sondergerichte*), которые были созданы в Германии еще в 1933 г. и состояли из трех профессиональных судей. Эти «тройки» выносили судебные приговоры после упрощенного следствия. Приговор «тройки» обжалованию не подлежал и приводился в исполнение немедленно. Председатель «народного суда» Роланд Фрайслер именовал судебные «тройки» не иначе как «судами внутреннего фронта»: их задачей было преодоление «внутренней контрреволюции».

По важным делам в дополнение к «особым судам» использовался созданный в 1934 г. «народный суд» (*Volksgerichtshof*), исполнявший схожие с судебными «тройками» функции. Этот суд сразу стал судом первой инстанции по делам о государственной измене — до этого подобные компетенции имел только имперский суд в Лейпциге. «Народный суд» был политическим судом; он состоял из 5 судей (из них только два были юристами), которых назначал Гитлер. Фрайслер не сразу возглавил «народный суд», но после его назначения и без того высокая степень политизации этого суда стала еще выше.

В преддверии войны этих судебных мер нацистам было недостаточно, и с 1938 г. Гиммлер получил от Гитлера полномочия по осуществлению иных (помимо судебной вла-

сти) «мероприятий». Когда началась война, Гитлер обновил его полномочия. 3 сентября 1939 г. руководитель РСХА Гейдрих выпустил циркуляр «Об основах внутренней безопасности во время войны», в котором говорилось о возможности прибегать к прямым действиям исполнительной власти помимо судебных инстанций «для обеспечения решительности и воли немецкого народа к борьбе во имя победы»⁴⁴⁶.

В соответствии с этими решениями с началом войны судебная практика ужесточилась, приговоры стали приводить в исполнение быстрее, но настоящая радикализация юстиции, на которой настаивали Гитлер, Тирак, Геббельс и Гейдрих, началась в 1941 г., после смерти несколько тормозившего произвол министра юстиции Гюртнера. В августе 1942 г. министром юстиции был назначен сторонник крайних мер Тирак, а Фрайслер занял его место председателя народного суда. С этого момента число смертных приговоров, выносимых «народным судом», резко возросло: только до конца 1944 г. зарегистрировало 16 500 смертных приговоров⁴⁴⁷. Гитлеровская судебная система была тесно слита и зависима от исполнительной власти, поэтому она в той же степени ответственная за преступления перед человечностью. В «особых судах» подсудимые и надеяться не смели на честное ведение процессов. Сенаты «народного суда» являлись первой и последней инстанцией рассмотрения дел о государственных преступлениях, поэтому они комплектовались юристами, доказавшими свою безусловную преданность режиму и являвшимися членами партии. Как подготовку к государственному преступлению «народный суд» рассматривал прослушивание радио Москвы, хранение и распространение антинацистской литературы, оказание помощи государственным преступникам.

Как уже говорилось, с началом войны правовые нормы, особенно система наказаний, значительно ужесточились. К тому же с расширением полномочий и компетенций СС право все более выхолащивалось. В согласии с манихейским мировосприятием как враг рассматривался каждый, кто хоть как-то выделялся (или казалось, что выделялся) из народной общности. При этом страх перед повторением общественной ситуации Ноябрьской рево-

люции сочетался со страхом, навеянным нацистской пропагандой — страхом биологически-расовой дегенерации. «Особенностью задач правосудия в войну, — писал один из нацистских юристов, — является необходимость отделения преступных элементов, которые в критический момент могут нанести удар ножом в спину сражающемуся фронту (как это однажды сделали подобные элементы в Ноябрьскую революцию в 1918 г.). Это тем более важно, что в войну действует отрицательный отбор и лучшие погибают на фронте, а в тылу процветают неполноценные элементы»⁴⁴⁸. Поэтому наиболее опасными считались: правонарушения, имевшие следствием снижение обороноспособности страны (*Wehrkraftzersetzung*), саботаж (*Wirtschaftssabotage*), мародерство (*Volksschaden*), которое совершали в условиях суматохи воздушных тревог и бомбежек, что считалось особенно отягчающим обстоятельством. После отбытия наказания ни немец, ни инородец не обязательно освобождались — об близящемся освобождении суд за несколько недель уведомлял гестапо, а оно решало, не следует ли взять отбывшего наказание под превентивный арест. Для инородца концлагерь был гарантирован всегда, для немца — почти всегда⁴⁴⁹.

Во время войны число статей УК, требовавших смертной казни, увеличилось в несколько раз. Введение драконовских мер было усугублено и требованием властей «упростить» судопроизводство. Было введено в практику внесение отзыва судебного приговора (*außerordentliche Einspruch*): если вышестоящей судебной инстанции приговор казался недостаточно жестким, то она могла его изменить по своей воле и ходатайствовать в имперском суде о передаче дела в специальную штрафную инстанцию (*Strafsenat*)⁴⁵⁰. Для разрушения правовой немецкой традиции нацисты не брезговали и мобилизацией эмоций граждан, возмущенных действиями бандитов. Так, когда 13 октября 1939 г. судьи особого суда Берлина приговорили грабителей банка Лятакца и Якобса к 10 годам лишения свободы, то — по сведениям СД — многие немцы возмущались столь мягким наказанием; и через два дня Гитлер приказал расстрелять обоих преступников. Впрочем, закон от 5 сентября 1939 г. гласил, что опасные преступления, совершенные в условиях военного време-

ни, караются смертной казнью. Несмотря на жесткость наказаний, в войну преступность быстро росла. Введение в судебную практику экстраординарных мер нацистские юристы оправдывали необходимостью усиленной борьбы против преступности, как этого требовал Гитлер и практиковал Гиммлер. На самом деле эта жесткость выходила далеко за рамки разумного и достаточного. Количество смертных приговоров, вынесенных гражданскими судами, непрерывно росло, о чем свидетельствуют следующие данные⁴⁵¹:

Год	Кол-во смертных приговоров
1938	23
1939	220
1940	926
1941	1109
1942	3002
1943	4438
1944 (январь — август)	4438
Всего:	11 733

Такие показатели, по всей видимости, не удовлетворяли Гитлера: в годы войны он жестко критиковал судей и систему правосудия в целом, называя юристов «вредителями» и «преступниками». 26 апреля 1942 г. — на последнем заседании рейхстага (больше он не созывался) — он выступил с речью, в которой подверг резкой критике немецкую юстицию, а также потребовал полномочий (и получил их) по своей инициативе смещать судей, выносивших неугодные нацистскому режиму решения. В специальной литературе это решение Гитлера обычно изображают как поворотный пункт в развитии юстиции в условиях Третьего Рейха, так как независимость судей этим решением *de facto* ликвидировалась. Некоторые авторы писали даже о конце немецкого правосудия. Однако, как показали новейшие немецкие исследования, это мнение оказалось ложным⁴⁵².

Дело в том, что в почти часовой речи Гитлер посвятил правосудию всего три предложения — он больше говорил о ситуации 1939 г., приведшей к войне, дал исторический анализ положения Британской империи и ее предстоящего краха, упомянул мировое еврейство, которое якобы

активно действует во всех враждебных Германии государствах, коснулся и зимнего кризиса 1941—1942 гг. на Восточном фронте. Он обрушился на чиновников и служащих, цепляющихся за свое право на отпуск, выходные и отгулы, в то время как солдаты на Восточном фронте терпят невыразимые лишения. Гитлер заявил, что немцам следует забыть о своих правах и привилегиях, поскольку в условиях войны у всех остались только обязанности, и потребовал права в интересах дела смещать любого чиновника, какой бы пост он ни занимал. И только потом Гитлер обрушился на «формалистов-судей», которые якобы игнорируют политические потребности воюющей страны. Гитлер сказал, что он не в состоянии понять судью, который дает пять лет тюрьмы преступнику, до смерти забившему свою жену, в то время как на фронте миллионы немецких солдат отдают свои жизни за то, чтобы защитить своих жен и детей от врага. Гитлер имел в виду приговор земельного суда Ольденбурга от 14 марта 1942 г. по делу некоего Эвальда Шлитта, который по его личному распоряжению был повешен. Гитлер подчеркнул, что в подобных случаях он намерен решительно вмешиваться в такие дела, а судей, не понимающих политического значения своих решений, — отстранять от должности⁴⁵³. На деле, однако, эти полномочия Гитлера ничего не значили, поскольку еще 26 января 1937 г. был принят закон о немецких чиновниках (*Deutsche Beamten-gesetz*), в соответствии с которым судьи, не разделявшие национал-социалистического мировоззрения, могли быть лишены полномочий и отправлены на пенсию только после полного служебного расследования. Кроме того, принудительное отправление на пенсию не могло быть следствием какого-либо конкретного приговора. Гитлер вынужден был признать этот порядок, подтверждением чему является дело судьи Пауля Фабига, который отказал одной партийной активистке в праве на бесплатного адвоката и бесплатный судебный процесс (*Armenrecht*). В принципе, предоставление права на бесплатный суд было исключительно компетенцией судьи, но дама оказалась очень настойчивой и с жалобой дошла до канцелярии Гитлера, который приказал в течение 24 часов лишить судью полномочий и уволить. Начальник личной канцелярии

Гитлера информировал начальника рейхсканцелярии Ламмерса о том, что министр юстиции Гюртнер должен сместить этого судью. Ламмерс же, в обязанности которого входило следить за соблюдением формально-юридических правил, написал Гитлеру, что министр юстиции не обладает правом смещать судей — это можно сделать только после проведения дисциплинарного расследования. С тем, чтобы не дезавуировать только что принятый Закон о немецких чиновниках, Гитлер согласился с доводами Ламмерса⁴⁵⁴. Судья Фабиг остался на своем посту, хотя сам министр сделал ему строгое внушение.

Легко себе представить, как ограничение власти действовало фюреру на нервы. 20 марта 1942 г. Геббельс записал в дневнике: «До сих пор фюрер не в состоянии самостоятельно смещать неугодных судей. Как можно вести войну, если такая важная сфера общественной жизни является недосыгаемой для политического руководства?»⁴⁵⁵.

Эти обстоятельства и вызвали критику правосудия в речи Гитлера в рейхстаге 24 апреля 1942 г. Вскоре возникла возможность проверить действительность полномочий Гитлера: 10 апреля 1942 г. берлинский судья Пауль Грамзе за неуплату аренды вынес приговор о выселении из квартиры вдовы погибшего на Восточном фронте лейтенанта. Эсэсовская газета «*Der schwarze Korps*» писала, что этот лейтенант пал, защищая в том числе и этого злополучного судью, и такое обращение с родственниками героев, сражающихся за родину, недопустимо. 24 июня 1942 г. Гитлер распорядился лишить полномочий судью Грамзе, поскольку приговор «не соответствует национал-социалистическому правосознанию». Но и в этом случае Грамзе не был смещен, поскольку для этого требовались формальные процедуры и служебное расследование. Что касается вдовы лейтенанта, то Гитлер распорядился впредь не взимать квартплаты с родственников солдат, павших на фронте⁴⁵⁶.

Итак, решения рейхстага от 26 апреля 1942 г. имело скорее психологическое значение — как средство давления на судей, — а не формально-юридическое: изменить что-либо в этой сфере ввиду сильных традиций немецкого правосознания было очень непросто. Ни один судья так и не был отстранен от должности.

Некоторой компенсацией безотрадного (для Гитлера) положения с «регулированием» деятельности судей был «народный суд», который под руководством Фрайслера превратился практически в партийную инстанцию. Выступая в роли прокурора или судьи, Роланд Фрайслер угрожал, высмеивал, издевался над подсудимыми; его пронзительный голос был слышен в коридорах суда⁴⁵⁷. В то же время не следует преувеличивать роль Фрайслера в процессе унификации правосудия: некоторые немецкие историки права решительно выступают против тенденции, воцарившейся в историографии после войны — валить всю вину немецких юристов на Фрайслера. Убежденный нацист, Фрайслер все-таки был не один. Эти историки справедливо указывают на ужесточение позиций и трибуналов вермахта, и имперского военного суда, и других «особых судов», которые были несколько не гуманнее, чем «народный суд»⁴⁵⁸.

Не менее одиозной фигурой был Отто-Георг Тирак (*Thierack*), в середине 1942 г. взявший на себя руководство имперским министерством юстиции и предпочитавший не ссориться с могущественным РСХА. 19 марта 1942 г. Геббельс отметил в дневнике, что министерство юстиции после смерти Гюртнера «осиротело», а «буржуазные элементы» в этом министерстве тормозят нововведения. Действенные меры для борьбы с оппортунизмом Геббельс порекомендовал Гитлеру Тирака, который и стал министром юстиции⁴⁵⁹. Одновременно он являлся главой нацистского «Союза сохранения немецкого права» и президентом «Академии немецкого права». Его задачей было ориентирование юстиции на национал-социализм. Разумеется, никто из чиновников министерства юстиции не рискнул критически высказаться о новом министре, к тому же многие считали, что Тирак — это меньшее зло по сравнению с нацистским фанатиком Фрайслером⁴⁶⁰.

Тирак не обманул ожиданий руководства: по его словам, — поскольку юстиция не в состоянии была оказать реальную помощь в процессе истребления «асоциальных элементов», евреев, русских и цыган, — контроль юстиции следует поручить Гимmlеру, предоставив СС полную возможность для «уничтожения работой» упомянутых групп. В ноябре 1942 г., по распоряжению Тирака, служащие

министерства начали осуществлять селекцию «асоциальных элементов» и отобранных передавать СС: до 30 апреля 1943 г. было передано 14 700 человек. Чуть позже — 30 июня 1943 г. — РСХА известило, что русские и поляки входят в юрисдикцию СС, а не судов и полиции. Судебное разбирательство над этой категорией лиц должно проводиться только в том случае, если суд гарантирует вынесение смертного приговора⁴⁶¹. Таким образом, государство юридических норм окончательно превратилось в государство произвольных полицейских мер, чему всячески способствовал Тирак, стремившийся добиться расположения фюрера добровольной уступкой компетенций в пользу СС и полиции. Так, Тирак сошелся с Гиммлером во мнении, что содержащиеся в тюрьмах Германии уголовные преступники должны быть переведены в концлагеря (большой частью — в Маутхаузен) и там подвергнуты «уничтожению работой»⁴⁶². Тирак сразу высказался за то, чтобы преследование провинившихся польских и советских рабочих на территории Германии осуществлялось полицией, без участия судебных инстанций. 30 июня 1943 г. новый шеф РСХА Кальтенбруннер разъяснял подчиненным, что судебное расследование по факту преступления «остов» нужно проводить только в том случае, если при помощи судебных инстанций полиции нужно будет дополнительно легитимировать свои действия. Таким образом, отношения между полицией и правосудием были поставлены с ног на голову. С вступлением войны в радикальную стадию ведущие нацистские функционеры решили воспользоваться ситуацией и окончательно сломить дуализм государства и партии в пользу последней. Особенно это было заметно по отношению к правосудию: именно в трудный для государства момент ему собрались окончательно сломать хребет.

С помощью концлагерей, пыток и убийств полицейский аппарат боролся не только с «политическими», но занимался «профилактической борьбой с преступностью»: сначала в небольших масштабах, затем — устраивая облавы, вследствие которых число людей «асоциального поведения» и рецидивистов, помещенных в концлагеря, выросло с 2848 в конце 1937 г. до 12 921 в конце 1938 г. Несмотря на это, число особо тяжких преступлений с

1933 г. по 1939 г. выросло более чем в 10 раз. Тому способствовала сама система правосудия, которая не дифференцировала вины, осуждая людей в соответствии с их расовой принадлежностью или индивидуальными особенностями. Все было подчинено принципу «общее благо выше личного» (*Gemeinnutz geht vor Eigennutz*), иными словами, права отдельных людей были подчинены коллективным интересам. Нацистское правосудие вовсе не учитывало не отмененную при Гитлере конституцию Веймарской республики, гарантировавшую, между прочим, свободу вероисповедания и политические свободы. Высшим законом в Третьем Рейхе стала воля фюрера и интересы «народной общности» (*Volksgemeinschaft*), которые формулировал тот же фюрер... Каким образом он трактовал существо этих интересов в рациональных понятиях выразить было невозможно, поэтому от судей требовали «национальной укорененности» и «народности». Принадлежность к «народной общности» в конечном счете определялась расой, приобретая в этой связи все большее значение.

Недовольные «неповоротливостью» судов в борьбе с «врагами государства», подопечные Гейдриха постепенно перешли к систематической проверке и перепроверке их работы. С апреля 1935 г. по приказу Гейдриха стали составлять списки неудовлетворительно мягких приговоров, по которым затем делали выводы либо о политической близорукости судей или прокуроров, либо об их враждебности национал-социалистическому государству. Часто решения судов «корректировали», отправляя оправданного человека в концлагерь или в тюрьму. В войну судопроизводство ужесточилось, «особые суды» расширили свои полномочия. Такие преступления, как утаивание продуктов питания (например, несанкционированный убой скота), прослушивание вражеского радио или помощь военнопленным — карались тюрьмой или каторгой. Чтобы высвободить больше людей для отправки на фронт, мелкие окружные суды упраздняли, следовательно, полномочия все больше переходили к «особым судам»⁴⁶³. Например, в 1943 г. «особые суды» Гамбурга и Бремена брали на себя 73% всех судебных процессов. В военных законах туманно толковались понятия некоторых преступлений. Так, не было точно определено, что такое «ограб-

ление» в обстоятельствах, связанных с войной. Все четыре статьи закона судьи могли толковать совершенно свободно и за одно и то же преступление, например, присвоение чужой собственности во время налета вражеской авиации — можно было получить смертную казнь или 15 лет каторги. Число преступлений, каравшихся смертью, увеличилось к 1943 г. до 46. Начало массовых бомбежек немецких городов повлекло за собой увеличение приговоренных к смерти: в 1941 г. их было 1292, в 1942 г. — 3660, в 1943 г. — 5336⁴⁶⁴.

Какие же конкретно преступления заслуживали смерти? 26 июня 1943 г. служащая военного завода, вдова солдата, была осуждена на смерть за такой анекдот: Гитлер и Геббельс стоят на смотровой площадке берлинской башни для радиоантенн. Гитлер спрашивает, какую бы радость доставить немцам? Геббельс отвечает: спрыгнуть с башни... Несчастной еще припомнили, что она поддерживала контакты с чешскими рабочими и в разговорах с ними предсказывала поражение в войне. 23 октября 1943 г. «особый суд» Вуппертале осудил на смерть некоего инвалида за то, что на руинах после бомбежки он нашел и присвоил полотенце и серебряную ложку. Некий строительный рабочий украл и продал в общей сложности около 70 велосипедов; другой рабочий сбывал поддельные карточки на одежду и спекулировал радиоприемниками. «Особым судом» в Вуппертале оба были приговорены к смертной казни; 31 августа 1942 г. и 22 мая 1943 г. соответственно. Некий литовский рабочий взял на улице три алюминиевые миски, выкатившиеся из разбитой бомбой лавки. 8 марта 1943 г. «особый суд» Эссена, указав на тяжелые моральные последствия грабежей при бомбежках, приговорил несчастного к смерти. «Остов», то есть рабочих из Восточной Европы, могли приговорить к смерти и за более ничтожные проступки⁴⁶⁵.

Довольно жесткой была нацистская юстиция по отношению к солдатам вермахта, что видно из следующего сравнения. В Первую мировую войну, после краха наступления французского генерала Невилля 1917 г., некоторые французские дивизии взбунтовались. Даже в этот кризисный момент французские военные суды вынесли всего

629 смертных приговоров (50 из них было приведено в исполнение). В Германии же была распространена легенда, что был расстрелян каждый десятый французский солдат. Примерно таким же в Первую мировую войну было положение и в немецкой армии — за различные воинские преступления 150 немецких солдат были осуждены и 48 расстреляны. Во Вторую мировую войну англичане расстреляли 40, французы — 102, американцы — 146 своих соотечественников — военных преступников⁴⁶⁶. В английской армии дезертирство не каралось смертью; в 1942 г. генерал Окинлек, командующий английской армией в Северной Африке, хотел ввести там смертную казнь, но его не поддержали, хотя в английской армии в тот момент было приблизительно 20 дезертиров на батальон. В американской армии за дезертирство была предусмотрена смертная казнь, но ее, прибегая к различным юридическим уловкам, использовали крайне редко. В Красной армии с 1941 г. по 1945 г. военные трибуналы вынесли 157 тыс. смертных приговоров⁴⁶⁷. В Германии дезертирство часто каралось смертной казнью — уже к 1940 г. количество смертных приговоров в военных судах превысило их количество в судах гражданских: террор нацистской военной юстиции с каждым годом войны развивался все интенсивнее; в 1943 г. министерство юстиции приговорило к смерти 5684 человека, а в 1944 г. — 5768 человек⁴⁶⁸. Всего немецкие военные суды вынесли 30 тыс. смертных приговоров (20 тыс. было приведено в исполнение) — можно сказать, что военной юстицией было уничтожено две дивизии вермахта⁴⁶⁹. Правда, значительная часть смертных приговоров приходится на последнюю стадию войны. Вовсю зверствовали «летучие военно-полевые суды» (*Fliegende Standgerichte*) — эту необыкновенную (по сравнению с Первой мировой войной) жесткость нацистской военной юстиции можно объяснить только проникновением в сознание юристов нацистской идеологии. Из 9732 смертных приговоров, приведенных в исполнение до 31 декабря 1944 г., 7914 приходились на вермахт, 836 — на кригсмарине, 982 — на люфтваффе.

После Сталинграда репрессивная деятельность аппарата юстиции усилилась, и не только по отношению к солдатам: так, в декабре 1943 г. судебная палата Берлина

на 1,5 года тюрьмы осудила человека, предложившего вместо «хайль Гитлер» приветствовать друг друга криком загонщиков на охоте — «улюлю» (*Horrido*); осужденный намекал на то, что под Сталинградом Гитлер загнал в тупик 6-ю армию. Партийные товарищи были недовольны мягкостью приговора. Недовольство партийцев чаще всего касалось судов низших инстанций; «народный суд», напротив, раздавал смертные приговоры направо и налево⁴⁷⁰. Известен прецедент с регирунгсратом (государственным советником) из Ростка Теодором Корзельтом, осужденным «народным судом» на смертную казнь за то, что в трамвае он сказал: Гитлера, мол, ждет та же судьба, что Муссолини, и что Гитлер должен уйти в отставку. За схожий проступок была казнена сестра Ремарка фрау Шольц⁴⁷¹.

Ожидания немцев, что «воля фюрера» или его указания смогут обеспечить желанный порядок в стране, не оправдались, что и нашло отражение в информации осведомителей СД⁴⁷². СД передавала, что в 1944 г. к дню рождения Гитлера флаги на домах в сельской местности вывешивали скандально мало по сравнению с прежними временами. Если в первые годы войны пораженческие настроения карались в Германии довольно умеренно — «пораженцам» давали до 5 лет лагерей, то с 1943 г. положение резко изменилось. В первой половине 1940 г. за пораженчество был привлечен и направлен в концлагеря 581 обвиняемый, в 1941 г. — 815, но с 1 января по 30 июня 1943 г. было осуждено 3338 человек, среди них 1662 — приговорено к смертной казни⁴⁷³. По донесениям СД, население весьма критически реагировало на это ужесточение судебной и, в целом, юридической практики⁴⁷⁴.

В итоге следует констатировать, что в процессе осмысления юридической действительности Третьего Рейха важно прояснить, насколько все же остатки Веймарской конституции остались в силе; но для исторического понимания нацистского государства важны не формально-юридические правила, но истинное соотношение сил в государстве. Как писал немецкий социалист Фердинанд Лассаль, «нужно отличать действительную конституцию страны, построенную на реальных материальных факто-

рах, и писаную конституцию, которая представляет собой не более чем клочок бумаги»⁴⁷⁵. Итак, рассматривая правовую сторону нацистского режима, следует прежде всего обратиться к конституционной действительности, а не к формальному праву.

Основные понятийные средства для оценки правовой практики нацистов сформулировали два эмигрировавших из Германии социолога — Эрнст Френкель и Франц Нойман. Френкель был адвокатом в Берлине до 1938 г.; он имел возможность оценить правовую практику гитлеровского государства, которое он называл «двойным государством». По его оценке, в секторе власти, который был жизненно важен для расширения тоталитарных претензий режима, ни объективно, ни субъективно не существовало никакого права; в этой сфере юридических норм не было, там царили «мероприятия». В сфере же гражданского права некоторые старые нормы продолжали существовать параллельно вновь созданным нацистским юридическим нормам, правда, лишь в той мере, в какой они были допустимы по политическим соображениям и практическим потребностям. Право решающего голоса в этом процессе принадлежало нацистской диктатуре, которая практиковала разделение компетенций на субсидиарной основе. Правда, нацисты по возможности воздерживались от юридических новшеств в сфере экономики. Френкель, однако, подчеркивал, что это не основание считать, что нацисты были агентами крупного капитала (как утверждает марксистская историография) — скорее это признак примата политики. Хотя нацисты и признавали частное предпринимательство важной формой мобилизации творческих сил народа, они оставляли за собой право определять, кто может пользоваться этим правом, а кто — нет. От возможности оказаться вне закона и общества не был огражден никто: на задворках юридических норм нацистского государства постоянно маячил призрак политической целесообразности. «Полная резервация за политикой преимущественного положения характеризовала всю нацистскую правовую систему»⁴⁷⁶.

Франц Нойман же, напротив, не считал, что в Третьем Рейхе было единое право и единая фюрерская власть. В своей книге 1942 г. он категорически возражал против

мнения Френкеля. Нойман писал, что в нацистской Германии безраздельно царили хаос, беззаконие и анархия. Немецкое общество, на его взгляд, было разделено на четыре группы, каждая из которых оперировала на основании принципа фюрерства и обладала собственной законодательной, исполнительной и судебной властью: партия, высшая бюрократия, вермахт и монополисты. Руководство этих четырех «тоталитарных организаций» иногда шло на компромиссы и соглашения друг с другом. Компромиссы, однако, никак не кодифицировались и не приводились в соответствие с нормой, но непосредственно реализовывались. Нойман указывал, что Гитлер, хотя и обладал несомненным суверенитетом, единолично принимал только самые важные и существенные решения; правда, и в этих случаях ему приходилось идти на компромиссы. Культ Гитлера служил тому, чтобы скрыть такое положение дел, так как кроме харизматического фюрера не было никакой инстанции для того, чтобы координировать или упорядочивать борьбу между властными группами. Когда же центральная фигура этой структуры утратила свою интегрирующую силу и возможности, то вся система рухнула⁴⁷⁷.

Эти суждения Френкеля и Ноймана лишь внешне противоречат друг другу; оба признают дуализм нацистской властной машинерии и параллельное существование власти и общества, правовой традиции и попыток ее реформировать. Взгляды этих выдающихся и оригинальных аналитиков имеют не столько разную природу, сколько разные углы зрения на нацистское государство и его правовую систему. Анализ Ноймана и Френкеля, однако, не соответствовал общественным настроениям в Германии, до конца находившейся во власти мифа монолитного фюрерского государства. Это тем более примечательно, что нацисты не осмелились сделать то, что сделал Ленин, одним махом заменивший весь личный состав министерства юстиции, а затем полностью преобразовав право под потребности диктатуры. Обе диктатуры, однако, роднит презрительное отношение к праву как таковому.

Мотивацию, представления и потребности, которыми руководствовались нацистское право и советское право, нетрудно понять: например, в перенаселенных советских

городах большую социальную проблему составляли алкоголизм и хулиганство, поэтому чекисты, не обращая внимания на законы, выдвинули на первый план идеологические цели. «Революционное сознание» (в Советской России) или «расовое сознание» (в нацистской Германии) оттеснили право на задний план — в таких условиях получила развитие судебная практика по аналогиям, закон стал иметь обратную силу, подчеркивалась объективность вины и ее преимущественное право перед субъективностью доказательства. Государственные органы использовали в своих целях общественное недовольство социальными проблемами, поэтому в советских и нацистских условиях право находилось в тени чрезвычайных полномочий полиции — ЧК или гестапо. Обе системы практически не делали различий между бытовыми и политическими преступлениями (по крайней мере, в судебной практике и в лагерях к «политическим» относились хуже). Сталин пытался создать впечатление о полной законности своего режима, но при этом мнимых или настоящих врагов он преследовал несравненно более жестоко, чем Гитлер⁴⁷⁸. В Германии, правда, не осуществлялось варварской индустриализации и не проводили показательных процессов «врагов народа», зато вся негативная активность нацистского режима была нацелена на евреев. В Германии заводские повара могли спать спокойно — из-за сырых макарон или мелкого воровства их не объявили бы «врагами народа» и не поставили к стенке, как это порой имело место в СССР.

Часть II

СОЦИАЛЬНЫЙ ОБЛИК ТРЕТЬЕГО РЕЙХА: СОЗДАНИЕ И КУЛЬТИВИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ

ВВЕДЕНИЕ

«La farina del diavolo se ne va in crusca»

*(итальянская пословица)*⁴⁷⁹

«Поскольку диктаторы почти всегда выходят из низших слоев народа, они точно знают, что ожидает от них народ. Исполняя свои желания, они исполняют и желания народа. Народ любит, чтобы ему угождали, чтобы с ним были по отечески ласковы, но строги. Так его можно расположить даже к войнам».

*(Роберт Вальзер 1878—1956,
швейцарский писатель)*

«Тот, кто воспринимает национал-социализм только как политическое течение, тот ничего не понимает в его природе. Национал-социализм — это религия, это воля к сотворению нового человека».

*(А. Гитлер)*⁴⁸⁰

Прежде консервативные историки при рассмотрении нацизма на первый план ставили позитивный аспект диктатуры, а левые — негативный, репрессивный аспект. Сейчас, вследствие развития историографии и ее специализации, историки разных политических убеждений значительно релятивировали свои позиции в этом вопросе. Современный уровень исследований указывает на то, что НСДАП в своей политике по отношению к различным

слоям населения была гораздо ровнее, чем другие партии Веймарской республики, и она была ближе всех к народной партии⁴⁸¹. Большую роль в этом играли такие институты социальной организации Третьего Рейха как ДАФ, НСБО, НСВ, ВХВ, КДФ, «Красота труда». В любом случае можно говорить о постоянном внимании нацистского руководства к социальной сфере, о наличии в этом отношении интегральной стратегии.

Гитлер однажды заявил, что немецкий народ и его национальный характер нисколько не изменились со времен Тацита, и если в процессе исторического развития поток событий захлестывал немцев и они не справлялись с многочисленными напастями, то только потому, что у них были негодные вожди — народ не виноват в неудачах. «Народ» (*Volk*) — вот центральная категория идеологии и политики нацистской партии и ее вождя; не большинство избирателей, как в демократической системе, а народ как совокупность и единое целое всех немцев; не общество (*Gesellschaft*), а общность (*Gemeinschaft*). Иными словами, одним из главных зол Гитлер считал классовое разделение общества, а желанной целью — достижение национальной солидарности. Это представление Гитлер смог внушить огромной части немцев, и подавляющее большинство народа на самом деле оставалось с Гитлером до самого рокового конца. Причиной этого бесспорного успеха является концентрация на позитивном аспекте создания национальной общности, в отличие от советской модели, где преобладали как раз негативные задачи, и террор выступал в качестве главного средства становления нации (по всей видимости, в силу общей нищеты страны и громадного количества всевозможных проблем, вставших на пути поступательного развития России). Гитлеровское же отношение к социальной действительности было отмечено прежде всего стремлением избежать снижения уровня жизни — это было для него чрезвычайно важно.

Объявив по приходу к власти классовую борьбу завершенной, нацисты пытались скрупулезно политизировать общество; в процессе этой политизации отношение каждого немца к партии и государству рассматривалось как политический феномен — в процессе унификации, по

словам Гитлера, «каждый член национальной общности должен был подлежать воспитанию и контролю»⁴⁸². Для нацистов важнейшим этапом создания нового немецкого социума было вовлечение в этот процесс самого многочисленного общественного класса в Германии — пролетариата, который сразу стал объектом нацистской охранительной и социальной политики; затем в этот процесс были вовлечены и другие общественные классы. Важно еще раз подчеркнуть, что в процессе создания и культивирования новой «национальной общности» позитивные средства преобладали: в этом, как уже указывалось, важное отличие от условий тоталитарной советской действительности, в которой насилие и террор (в целях перевоспитания) были нацелены на сам народ; в нацистских условиях террор и насилие были направлены преимущественно вовне (на мнимых или настоящих врагов), а доминировали средства позитивной социальной политики и не очень обременительной для дисциплинированных немцев политической опеки.

Гитлера чрезвычайно беспокоила перспектива снижения популярности из-за необходимых жестких мер в социальной сфере: в этом смысле для него определяющим был опыт Первой мировой войны, когда Германия рухнула не вследствие прямого внешнего давления врагов и военного поражения, но из-за огромного перенапряжения народа, которое постепенно и разъело необыкновенно прочное поначалу национальное единение, возникшее в августе 1914 г. (Роберт Лей в 1934 г. резонно заметил, что «национальная революция» началась в 1914 г.). Внимательное отношение нацистов к социальной сфере находилось в резком контрасте с их обструкционизмом в негативном аспекте культивирования «национальной общности» и с политическим радикализмом их движения. Это противоречие нуждается в пояснении; кроме того, представляется, что последовательное рассмотрение особенностей нацистской социальной политики по отношению к различным слоям и классам немецкого общества поможет представить картину действительности Третьего Рейха в более полном и ясном виде.

ГЛАВА I

МОЛОДЕЖЬ И НАЦИСТСКИЙ РЕЖИМ

«Будущее принадлежит тому, кто привлечет на свою сторону молодежь»

(нацистский лозунг)

Предварительные замечания

В XIX в. Германия более, чем любая другая страна, жила по строго определенным половозрастным правилам и предписаниям: каждый знал свое место и предназначение в обществе и соответствующие ему правила поведения, но за десять лет до Первой мировой войны в Германии возник ранее неизвестный нигде в мире феномен — широкое самостоятельное и самодостаточное молодежное движение, стремившееся создать свой мир, свои правила и отделиться таким образом от взрослого общества. Причиной становления этого движения было нежелание подрастающего поколения терпеть давление взрослых и господство традиции и старины, а также интенсификация всех общественных процессов в связи с общим ростом культуры и просвещения. То, что это произошло именно в Германии, объясняется особенно динамичным характером развития страны на рубеже веков по сравнению с другими европейскими странами, в которых самостоятельные массовые молодежные организации появились позже. В период Веймарской республики немецкая молодежь смогла существенно расширить эту традицию и создать целую систему молодежных организаций: ни одна страна в мире не располагала таким деятельным и многочисленным молодежным движением как Веймарская Германия⁴⁸³, но нацисты смогли его сначала нейтрализовать, а затем и унифицировать в чрезвычайно короткие сроки. Прежняя плюралистическая молодежная культура Веймарской республики, которой трудно подыскать аналог в современном мире (сейчас даже в сфере молодежного движения в мире доминируют вкусы, навязываемые средствами массовой информации, которые пестуют конформизм

или нонконформизм подрастающего поколения — в зависимости от ориентированной на рынок поп-культуры), была вытеснена «Гитлер-югенд». Влияние и масштабы последней были так велики, что многие наблюдатели в Германии и за границей вообще воспринимали национал-социализм почти исключительно как молодежное движение, призванное спасти Германию от хаоса демократии и от беззакония⁴⁸⁴. На самом деле, «Гитлер-югенд» была самой большой в мире молодежной организацией, в которой «молодые руководили молодыми», но сами молодежные фюреры во многих отношениях были только колесиками и винтиками огромной машины тоталитарного государства.

«Завоевание молодежи» — эта цель с самого основания НСДАП фигурировала в качестве одной из центральных; в этом отношении партия располагала большими возможностями: у нее были большие молодежные и студенческие организации и их пропаганда была нацелена на разрешение проблемы поколений в духе лозунга «старички, пора освобождать места». Большинство изменений в Третьем Рейхе были связаны со сменой поколений: 30-летние занимали ведущие позиции в государственной иерархии, и привлекательность нацистской «революции» не в последнюю очередь состояла в том, что она открывала молодежи широкие возможности для карьеры. Сила нацистского движения не в последнюю очередь состояла еще и в том, что режим давал выход молодому воодушевлению и агрессивности. Особенно прочными позиции нацистов были в студенческом движении; «Нацистскую студенческую лигу» возглавлял Ширах, в 1932 г. он, собственно, и включил ее в «Гитлер-югенд». В университетах Грейфсвальда и Эрлангена нацисты получили большинство в студенческом самоуправлении еще в 1929 г., в 1930 г. — в вузах Бреслау, Гисена, Ростока, Йены, Кенигсберга и в Техническом институте Берлина⁴⁸⁵. Причинами сближения студентов с нацистами были материальная нужда студенчества, социальная и духовная неустойчивость и антиреспубликанские установки значительной и активной части немецких студентов, особенно старых националистических студенческих корпораций. Хорошим тоном в студенческой среде были выпады против «систе-

мы» (так называли тогда в Германии Веймарскую республику); в этой среде весьма благосклонно встречали праворадикальные, активистские, антисемитские лозунги. Будучи хорошо осведомленным о настроениях студентов, Гитлер еще в 1921 г. заявил: «В немецких студентах-фелькише воплощаются те силы, которые только и могут преодолеть еврейство»⁴⁸⁶.

Для привлечения молодежи нацисты использовали и склонность молодых людей к романтике обновления и возвышенной утопии. Молодежи нравилось, что нацисты смеялись над стремлением бюргеров к безопасности, к гарантированности существования, над их мещанством, посредственностью и банальностью. Потребности бюргеров в безопасности нацисты противопоставляли идею динамичного жизненного начала, сорелевского «*élan vital*» (жизненного порыва). В стремлении к утверждению молодой энергии, силы и готовности к испытаниям нацистское молодежное движение в лице «Гитлер-югенд» было сходно с итальянскими фашистами: в первые годы их власти в Италии на каждом углу висел лозунг со словами Муссолини «*vivere periculosamente*» (жить рискуя). Нацисты и сами смогли представить и мобилизовать все атрибуты юности — силу, риск, решительность, романтизм, жертвенность; нацистские лидеры и сами были молоды: Гитлеру в 1929 г. было 40 лет, Розенбергу — 32, Гессу — 35, Штрассерам — 37 и 23 года, Геббельсу — 23, Гиммлеру — 30. Это положение сохранилось и после прихода к власти: средний возраст нацистского правительства составлял 40 лет, американского — 56 лет и английского — 53 года⁴⁸⁷. Собственно, захват власти нацистами и был сменой поколений и общественных элит. Молодежь привлекала возможность реализовать юношеский идеализм, готовность к жертвенности, спонтанное стремление к действию и к активности любого рода. Эти возможности в полной мере могла удовлетворить ГЮ, которую без преувеличения можно характеризовать как самую эффективную молодежную организацию в европейской истории. Для многих миллионов немецких юношей и девушек в 1933—1945 гг. «Гитлер-югенд», наряду с семьей и школой, был важнейшим средством социализации. Интересно отметить, что в воспоминаниях немцев, состоявших в ГЮ,

представлены порой совершенно полярные суждения: одни называют ее в высшей степени аполитичной организацией, в которой молодые люди занимались только тем, что им было интересно; для других же ГЮ была связана с юношеским идеализмом и с искренней политической верой, которой нацистские политики злоупотребляли в своих целях. Ближе к истине последние, ибо программа ГЮ была скудной и конъюнктурной, она была направлена на то, чтобы реализовать гитлеровские лозунги и сделать юношей «проворными, как гончая, твердыми, как крупковская сталь и эластичными, как хорошо выделанная кожа»⁴⁸⁸.

***Создание «Гитлер-югенд», ее борьба за монополию
в молодежном движении, характер и сферы
активности***

«Гитлер-югенд» была создана в 1926 г.; ее первым руководителем стал Курт Грубер⁴⁸⁹. Несмотря на первоначальную малочисленность, ГЮ сразу приобрела известность из-за грубости ее членов и постоянных драк с противниками. Подобной активностью ГЮ демонстрировала тотальное презрение ко всему тому, что имело хотя бы косвенное отношение к интеллектуализму. В 1929 г. в дополнение к ГЮ возникает Национал-социалистический школьный союз (*NS-Schulenburg*) под руководством Адриана фон Рентельна; в 1930 г. появляется Лига немецких девушек (БДМ). Будущий лидер ГЮ Бальдур фон Ширах сначала был руководителем Национал-социалистического студенческого союза (*NS-Studentenbund*) и одновременно редактором общего для всех молодежных нацистских организаций журнала «Немецкое будущее». Ширах происходил из дворянской семьи, его отец был директором придворного театра великого герцога в Веймаре, а мать — американка; они поженились в 1861 г., и будущий лидер ГЮ до 6 лет не знал ни слова по-немецки⁴⁹⁰. Ширах вступил в партию в 1925 г. в восемнадцатилетнем возрасте. Он был сентиментальным мечтателем, рвущимся к свершениям во имя высоких целей, любителем поэзии, баллад и литературных дискуссий. В 1932 г. Ширах с карьер-

ной точки зрения удачно женился на Генриетте Гофман — дочери доверенного лица Гитлера и его личного фотографа Генриха Гофмана, который имел исключительное право фотографировать Гитлера. Ширах отличался развитым политическим инстинктом, что и предопределило его успех в борьбе за власть. Своевременно реагируя на любую опасность в бесконечной борьбе за компетенции, Ширах оказался наиболее способным из всех конкурентов, и 30 октября 1931 г. Гитлер назначил его имперским молодежным фюрером в рамках СА (*Reichsjugendführer der NSDAP*) в ранге группенфюрера СА (генерала) (вместо Рентельна)⁴⁹¹. Шираху были подчинены ГЮ, Студенческая нацистская лига и Школьная нацистская лига. Более высокую степень автономии Ширах приобрел в 1932 г., когда власти республики запретили СА, после чего ГЮ вышла из СА и по приказу Гитлера стала самостоятельным подразделением партии. С 1933 г. Ширах стал верно служить новому государству, которое он считал передовым и революционным и которое дало ему возможность почувствовать себя не просто человеком, причастным к великой культуре, но и «одним из тех, кто имеет возможность принести свет в этот унылый, тусклый мир»⁴⁹².

В годы активного сотрудничества и боевого содействия СА (до 1933 г.) 21 член ГЮ погиб в уличных схватках с коммунистами⁴⁹³; в этих схватках в силу лучшей организации СА почти одерживало верх⁴⁹⁴, и это притягивало в ряды ГЮ новых членов. Неограниченное самопожертвование было главным требованием ГЮ — «честь знамени выше, чем смерть»; на воротах летних лагерей ГЮ висел лозунг: «Мы рождены для того, чтобы умереть за Германию». Несмотря на суровые требования, с января по март 1933 г. Ширах смог привлечь в ряды ГЮ 250 тысяч новых членов. К спешке Шираха побуждало то, что рейхсвер стремился взять под свой контроль Имперский комитет немецких молодежных лиг (*Reichsausschluss deutscher Jugendverbände, RDJ*): военные хотели воспользоваться тем, что во главе этой организации стоял отставной генерал Фогт.

Ширах сразу почувствовал опасность, когда в начале 1933 г. в нацистском руководстве рассматривался план создания министерства молодежи и объединения много-

численных групп бундише в Великогерманскую молодежную лигу (*Großdeutsche Jugendbund*). Путем участия в этой Лиге и посредством верноподданнических деклараций бундише надеялись избежать нацистской унификации и первоначально им удалось реализовать свой замысел, но ненадолго. Известие о создании Лиги значительно ухудшало позиции Шираха, но он смог повернуть вопрос так, что уже 17 июня 1933 г. добился у Гитлера своего назначения не только руководителем партийной молодежи, но всей молодежи Германии (*Jugendführer des Deutschen Reiches*)⁴⁹⁵, а вопрос о компетенциях Лиги по указу Гитлера был закрыт. Заняв ключевую позицию в молодежном движении, 26-летний Ширах стал укреплять свои претензии на власть: он получил права надзора за всем молодежным движением и в этом новом качестве первым делом распустил организацию бундише и формально объявил об их включении в ГЮ. По большей части, однако, бундише не присоединились к ГЮ не по причине принципиальных идейных соображений (их у бундише и не было), а потому, что тотальные претензии «Гитлер-югенд» ущемляли их гордость и чувство независимости⁴⁹⁶. Исключение составил Союз артаманов, в котором одно время состоял Гиммлер. В 1934 г. этот союз был целиком включен в состав ГЮ, получив на некоторое время (до 1935 г.) отдельный статус аграрного и колонизационного подразделения. Некоторое время самостоятельность сохраняли и скауты из «Следопытов» (*Pfadpfinder*), но и они в 1934 г. были распущены и унифицированы.

Что касается упомянутого выше Комитета молодежных лиг, то Ширах, действуя явочным порядком, застал его руководство врасплох, и 5 апреля 1933 г. 50 членов ГЮ во главе с Карлом Набербергом заняли помещения этой организации. Затем в течение нескольких дней городские штаб-квартиры и летние лагеря молодежных союзов были захвачены ГЮ⁴⁹⁷. Отставной генерал Фогт уступил свое место Шираху, а сам пошел служить в ГЮ на должность ответственного за военно-спортивное обучение и туризм. Некоторое время спустя Ширах исключил еврейские и социал-демократические левые политические молодежные организации из Комитета молодежных лиг; все прочие политические молодежные организации

шаг за шагом были ликвидированы или самораспустились. После унификации политических молодежных организаций для ГЮ уже не представляло труда унифицировать профессиональные или спортивные организации. Возглавлявший молодежный союз «Великая Германия» адмирал фон Трота на приеме у президента Гинденбурга протестовал против унификации Ширахом молодежного движения. В результате, по наущению Шираха, на адмирала пало подозрение в неблагонадежности; его дом подвергли обыску и вся его деятельность тщательно расследовалась. Только в 1936 г. шумиха улеглась, и Трота стал почетным фюрером военно-морского отделения ГЮ⁴⁹⁸.

После этого Ширах взялся за религиозные молодежные организации — в 1933 г. было заключено соглашение с имперским епископом Людвигом Мюллером о включении 800-тысячной евангелической молодежной организации в ГЮ. Сделать то же самое с католическими молодежными организациями сразу не удалось — они были защищены конкордатом. Но ГЮ всячески ограничивал их деятельность на региональном уровне, вводились всевозможные запреты на вступление в молодежные организации католиков. Католические молодежные организации под защитой конкордата просуществовали до 1937 г.⁴⁹⁹

Таким образом обеспечивался численный рост ГЮ: если в 1932 г. в организации было 107 956 членов, то в 1934 г. — 3 577 565, а в 1935 г. — 3 943 303 юношей и девушек при общей численности этой возрастной группы в 8 172 000 человек⁵⁰⁰. Например, в Дюссельдорфе унификация школьников и ликвидация социал-демократических, еврейских и прочих молодежных организаций осуществлялась довольно быстро — в 1936 г. более 90% школьников уже было членами ГЮ⁵⁰¹. Такая оперативность стала возможной только вследствие давления официальных властей: в 1935 г. власти распорядились вывешивать в каждом классе рекламные плакаты ГЮ, учителям было приказано проводить разъяснительную работу среди тех родителей, которые противились вступлению своих детей в ГЮ.

На посту руководителя ГЮ Ширах развил огромную активность: его договор со спортивным руководством Рейха обеспечил ГЮ монополию в спортивной работе с детьми до 14 лет, старшие подростки могли быть членами

спортивных обществ. Физическое воспитание вообще стало одной из главных задач ГЮ. Для ГЮ и Лиги немецких девушек (БДМ) были учреждены значки спортивных разрядов; с 1935 г. подобные значки были учреждены и для «юнгфольк» (*Jungvolk*) и «юнгмедель» (*Jungmädel*). С 1934 г. стараниями Шираха суббота была объявлена государственным днем молодежи — в этот день вместо школы проводились всевозможные военно-политические мероприятия «Гитлер-югенд», а дети, которые не состояли в ГЮ, должны были в это время посещать дополнительные занятия. Между школами шло соревнование: если в какой-либо школе 90% учащихся вступало в ГЮ, то она получала переходящее знамя. На заводах плакаты предупреждали учеников рабочих специальностей, что они могут быть исключены из профессиональных училищ, если не вступят в ГЮ.

Шираху следует отдать должное — на протяжении всей своей карьеры он придерживался действительно оригинальной политико-педагогической стратегии — юные должны руководить юными. Разумеется, это не означало, что нацистское руководство не могло влиять на политическую линию ГЮ и на воспитательный процесс, — нет, все было так, как и полагается в тоталитарной системе, но формальная автономия от других влиятельных инстанций Третьего Рейха была установлена и соблюдалась до конца. В принципе, вермахт, партия, СС и СА были «независимы» так же, как и ГЮ, и отношения с ними Ширах строил исключительно на договорной основе. Доказательством тому является организация в рамках «Гитлер-югенда» (под эгидой СС) так называемой патрульной службы (*Streifendienst*). Молодые люди, состоявшие в патрульной службе, носили на обшлагах своей формы нашивки, похожие на те, которые носили эсэсовцы; иногда они, как советские тимуровцы, оказывали помощь нуждающимся семьям⁵⁰². Помимо этого, патрульная служба ГЮ предназначалась для контроля за подростками: она посещала пивные залы, патрулировала железнодорожные станции, обеспечивала порядок на лагерных сборах. Попытка создать подобную патрульную службу в рамках Лиги немецких девушек, предпринятая референтом этой организации Юттой Рюдигер, ни к чему не привели — этому вос-

препятствовал сам Гиммлер⁵⁰³: он не терпел конкуренции даже в самых мелких вопросах.

Все попытки вермахта, СА и СС заполучить допризывную подготовку в свои руки, отобрав ее у ГЮ, завершились неудачей. Ясно, что совершенной самостоятельности ГЮ добиться не удалось, — она осталась подразделением партии, но упомянутого суверенитета не имела ни одна организация, ни один человек в Третьем Рейхе, кроме самого Гитлера. Иными словами, степени самостоятельности ГЮ не следует недооценивать, это довольно сложный вопрос. Можно сказать, что Ширах добился многого, но не всего — он не имел желанной финансовой самостоятельности, неудачей завершилась его попытка получить контроль за школьным образованием: министра образования Руста привела в ярость попытка ГЮ посягнуть на его полномочия. Гитлер, впрочем, одно время хотел заменить Руста Ширахом и объединить эти две сферы, но потом раздумал. Отношения ГЮ с главным нацистским идеологом Розенбергом были также весьма натянуты: последний не без оснований упрекал Шираха в стремлении создать собственную автономную организацию внутри партии; Розенберг даже пытался брать под свою защиту учителей, вступивших в конфликт с активистами ГЮ, которые своими акциями мешали учебе⁵⁰⁴. Гитлер во все эти «бои местного значения» предпочитал не вмешиваться, оставляя за собой роль верховного арбитра.

Суть дела не в самостоятельности ГЮ (пусть даже во многом эфемерной), а в том, что она целиком соответствовала идеологии партии и ее политической нацеленности: пока это было так, упомянутая автономия и могла иметь место. В диссертации одного из функционеров «Гитлерюгенд» задачи работы с молодежью описывались таким образом: «Расовое учение — это исходный пункт национал-социалистической программы воспитания, из его выводов следует черпать требования к воспитанию подрастающего поколения. В соответствии с волей фюрера физическая закалка является первым и высшим долгом молодого поколения. Каждый юноша должен стремиться к тому, чтобы физически крепнуть и совершенствоваться в спорте и в играх. Его честолюбие должно быть нацелено на то, чтобы превзойти сверстников в ловкости и силе.

Сила — это единственное, что обуславливает исход борьбы, которая одна только и может способствовать истинному расовому отбору Спорту в высшей степени присущее понятие борьбы, поэтому спорт является великим воспитательным средством. Только борьба и победа могут дать как отдельному человеку, так и целой нации гордость и чувство веры в собственные силы перед лицом своих противников. Эту веру в себя нужно воспитывать с детства в каждом немце. Вся система воспитания и образования должна быть нацелена на то, чтобы воспитать в немце чувство превосходства над другими. С помощью своей физической ловкости и силы молодой немец должен прийти к вере в непобедимость своего народа в целом. Это воспитание должно пробудить в нем веру в превосходство силы и стремление подчиниться сильному»⁵⁰⁵. Эти слова вполне могли принадлежать и Гитлеру, поэтому нацистскому руководству нечего было опасаться за свои тылы в молодежном движении: там все складывалось адекватно развитию режима в целом.

ГЮ в качестве общенемецкой единой молодежной организации завершила те тенденции, которые царили в молодежном движении до 1933 г. и при этом, что особенно важно, преодолела его разрозненность, социальные барьеры и конфессиональные отличия. Важно и то, что единая общенациональная организация была создана не насильственным путем, что она не была государственной организацией и всегда находилась на почтительном расстоянии от властей. Как указывалось выше, даже с СА, с СС и с вермахтом у ГЮ были только договорные отношения. Современные немецкие историки следующим образом оценивают эффективность и достижения ГЮ: «То, чего с помощью самоуправления может достичь живое, воодушевленное юношеским идеализмом молодежное сообщество — это немецкая городская и сельская молодежь впервые осознала только благодаря ГЮ. Такой эффективности и такого чувства общности не было ни до нее, ни после»⁵⁰⁶.

После завершения унификации молодежного движения ГЮ не довольствовалась достигнутым, а продолжала расширять свои компетенции и сферу активности. С 1936 г.

под руководством заместителя Шираха Аксмана были организованы соревнования лучших по профессии (*Der Reichsberufswettkampf — RBWK*). Ширах с гордостью заявил: «Если символом бундише были путешествия и туризм, то символом ГЮ является соревнование лучших по профессии». Победителей этого соревнования в день национального труда — 1 мая — принимал лично Гитлер. В 1934 г. в соревновании приняло участие 0,5 млн человек, в 1939 г. — 3,4 млн юношей и девушек, что было беспспорным организационным достижением⁵⁰⁷. Активностью на производстве деятельность ГЮ не ограничивалась; на деревне ГЮ также была активна: «сельская служба ГЮ» (*Landdienst der HJ*), «помощь БДМ селу» (*Landhilfe der BDM*), трудовая повинность для старшекласников «год на селе» (*Landjahr*), «лагеря обучения сельскому труду девушек» (*Mädelumschulungslager*). Монополия ГЮ на молодежное движение способствовала впечатляющему «охвату» молодежи именно на селе, где до этого почти не было организованного молодежного движения⁵⁰⁸. Упомянутому широкому охвату молодежи способствовал закон от 19 марта 1933 г. о введении «года на селе» (*Landjahr*) — 9 месяцев пребывания в лагере; дети работали на полях, учились ориентированию на местности, совершали туристические вылазки и походами, занимались идеологической учебой и изучением истории края. Вот, например, данные по Дюссельдорфу: в 1934 г. «год на селе» провели 630 подростков из 5497 закончивших школу, в 1935 г. — 620 из 5629. При этом партийное руководство строго следило за тем, чтобы это мероприятие охватывало только здоровых и целеустремленных юношей дабы «год на селе» не превратился в формальное отбытие повинности. Дети, прошедшие «год на селе», пользовались многочисленными льготами при поступлении на работу или учебу. Нацистское руководство даже лелеяло надежду, что со временем эти дети вообще предпочтут большим городам здоровую и простую деревенскую жизнь. Также с целью приохотить детей к работе на земле нацистское руководство распорядилось создать при каждой школе собственные садовые участки, где работали дети разных возрастов: в 1936 г. в Дюссельдорфе, например, было 20 школьных садов общей площадью 83 852 квадратных метров, на которых работали

дети из 28 школ (всего в городе было 122 школы) Дюссельдорфа⁵⁰⁹. В этом отразилось стремление нацистов к воспитанию детей как членов национального коллектива, внушение им мысли о необходимости дисциплины и повиновения. С другой стороны, в этом отражалась реакция общества на индустриальный век: крестьянский мир казался более чистым, простым, человечным, обозримым.

1935 г. ГЮ объявила годом закалки (*Ertüchtigung* — любимое словечко Гитлера): в этот год было введено «имперское спортивное первенство» (*Reichssportwettkampf*), в 1935 г. в нем участвовало 3,5 млн человек, а в 1939 г. — 7 млн. Система охвата юношей становилась со временем все обширнее: в 1935 г. почти параллельно последовало введение всеобщей воинской повинности (16 марта) и имперской трудовой повинности — РАД⁵¹⁰ (26 июня). Таким образом образовалась непрерывная цепочка: ГЮ — РАД — вермахт. С 1 декабря 1936 г. ГЮ соответствующим законом был признан государственной организацией, подчиненной непосредственно Гитлеру; отныне за воспитание молодежи за пределами семьи и школы отвечала ГЮ. С 25 марта 1939 г. в ГЮ стали призывать, как в армию; членство в организации стало обязательным, поэтому ГЮ охватила практически всю немецкую молодежь: в 1933 г. в ГЮ состояло 2,3 млн из 7,5 млн немцев и немок в возрасте от 10 до 18 лет, а в 1939 г. — 8,7 из 8,8 млн⁵¹¹. Закон о «Гитлер-югенд» от 25 марта 1939 г. грозил штрафом в 150 марок родителям, чьи дети не вступили в организацию, а при отягчающих обстоятельствах родителям грозило даже тюремное заключение⁵¹². С другой стороны, не все подростки проходили через ГЮ — от членства в ней нельзя было уклониться в маленьких городах и сельской местности, а в крупных городах при желании это можно было сделать, хотя полиция и выявляла «саботажников».

Масштабы активности ГЮ и сейчас производят большое впечатление, а на современников они, по всей видимости, действовали еще сильнее: в некоторых районах Германии, особенно в сельской местности, до «Гитлерюгенд» не знали никаких молодежных организаций, кроме церковных с их специфическими задачами, а ГЮ открыло перед многими молодыми людьми невиданные ранее возможности; поэтому принцип обязательного членства

в ГЮ был встречен позитивно. Особенно это относится к Лиге немецких девушек (БДМ), в которой многим молодым девушкам впервые удалось встретиться с современными формами работы с молодежью и познакомиться со спортом, ранее не особенно популярным среди женщин.

Некоторые нацистские функционеры отдавали предпочтение культивированию «народной общности», а не ценностям только фюрерского государства; так, известный ээсовец Отто Олендорф открыто отвергал такой односторонний подход (под впечатлением неудач авторитарных методов Муссолини в Италии), делая ставку на адекватную среднесословную политику, патриотизм, на возрастные особенности людей, а не исключительно на авторитарные методы⁵¹³. Такой подход был распространен не только в СС, поэтому до 14 лет дети в ГЮ не подвергались целенаправленной идеологической обработке, — их воспитание велось в игровой форме: детей старались заинтересовать кружковой работой или занятиями по интересам. Для этого в ГЮ были созданы специальные секции, к работе в которых привлекали специалистов по военно-морскому делу, авиации и технике. Каждый вступивший в ГЮ мог подобрать себе занятие по интересам: можно было заниматься искусством, изучать ремесла, заниматься спортом. В этих секциях царили отношения товарищества, солидарности и равенства; у членов ГЮ даже возник ритуал сожжения форменных школьных фуражек в походном костре (цвет и форма этих фуражек указывала на принадлежность детей к той или иной привилегированной школе) — так демонстрировалось презрение к социальным отличиям, культивируемым в буржуазном обществе. Мальчики и девочки жили наполненной жизнью, для них издавались молодежные журналы «Юность и родина», «Юность Германии», «Юнгфольк», «Мир девушек», «Музыка юности народа». Для глухих детей издавался журнал «Источник», для слепых выходил журнал, набранный рельефно-точечным шрифтом Луи Брайля. У ГЮ была даже собственная служба новостей⁵¹⁴. Многие лидеры ГЮ были выходцами из донацистских молодежных организаций и умели проявлять заботу о младших. Если подросток в походе уставал, то его рюкзак нес командир. В палатках во время походов предписывалось

ночевать только мальчикам; девочкам, как будущим матерям, старались найти более подходящий ночлег—на пример, на ближайшей ферме⁵¹⁵.

Часто бывало так, что основные побудительные причины лояльной позиции по отношению к нацистскому режиму и его идеологии имели совершенно неожиданное происхождение. Так, не расовая идеология и не политические соображения были главными при вступлении 11—14-летних девочек в БДМ, но поиски подруг и групповой солидарности — девочки не были убежденными нацистками: под действием бесконечных пропагандистских внушений они склонны были испытывать безотчетный страх перед большевиками, чернокожими, евреями, но эти внушаемые эмоции часто уступали в их сознании место простой человечности⁵¹⁶. Впрочем, некоторые предписания нацистского руководства воспринимались охотно и с полным доверием — требования аскетической простоты одежды, внешности, простоты питания, необходимости постоянного физического совершенствования, вообще простой и естественной жизни при табуировании всяких чувственных радостей и сексуальности. «Девушки, — писала немецкий историк Клаус, — хотя и бессознательно, но подчинялись давлению БДМ, что позволяло нацистской системе интегрировать их; за это они получали прозрачное счастье единства и ощущение идентичности. Девушки вовсе не были шизофреничками, напротив, они действовали так, как им представлялось разумным, ради обретения уверенности в себе и удовлетворения своих жизненных потребностей. Они позволяли обмануть себя, но не сознавали обмана. Они были действующими лицами и объектом действий других, инструментом и дирижерами, “преступницами” и жертвами в одно и то же время»⁵¹⁷.

Нельзя упускать из виду и некоторые аффективные моменты из повседневной действительности Третьего Рейха, воздействовавшие на сознание людей. Так, бывшая референт БДМ Мелита Машманн опубликовала в 1963 г. мемуары, в которых описывала свой путь к нацистской национальной общности. 16-летняя девушка обратилась к нацизму под впечатлением от факельного шествия 30 января 1933 г., а также в знак протеста против буржуазности собственной семьи⁵¹⁸.

Социальной привлекательности «Гитлерюгенд» способствовало и то, что бедные семьи были не в состоянии обеспечить детям в каникулы полноценный отдых и физической развитие. В рамках ГЮ всех детей целыми классами отправляли в детские летние лагеря или — на зимних каникулах — на лыжные базы. Организация детского отдыха финансировалась государством. Организуемые ГЮ спортивные соревнования или соревнования лучших по профессии также были весьма привлекательны, ибо обеспечивали детям из разных социальных слоев равные возможности для самовыражения⁵¹⁹. С целью допризывной подготовки в рамках ГЮ был создан корпус тренеров по стрельбе — 30 700 человек; их готовили в собственной стрелковой школе ГЮ⁵²⁰. Полтора миллиона членов ГЮ были охвачены стрелковым делом, военно-морская организация ГЮ охватывала в 1938 г. 50 тыс., автомобильная — 90 тыс., летная — 74 тыс., авиамодельная — 73 тыс., организация разведчиков — 29 тыс. детей⁵²¹.

Разумеется, детей привлекала красивая униформа и тщательно разработанные знаки различия и награды. Крупный немецкий историк Хербст вспоминал, что именно внешняя сторона привлекла его, выпускника школы 1944 г., к военной карьере: ему нравилась униформа члена Юнгфольк — зелено-белые аксельбанты звеньевского на левом плече, серебряная нашивка добровольца на правом плече, нашивка инструктора по лыжам на левом рукаве, знак меткого стрелка и спортивная медаль на груди⁵²².

В 1939 г. Манфред Роммель (сын фельдмаршала Роммеля) десятилетним мальчишкой вступил в Юнгфольк. Он вспоминал: «Если бы меня мальчишкой спросили, национал-социалист ли я, то я ответил бы утвердительно. Я не вполне представлял себе, что такое национал-социализм, но в нем для меня было ясно одно: отдельный человек — это ничто, а общность — это все; действовать в интересах Германии, фюрера — это почетное и важное дело. В моем тогдашнем представлении национал-социализм был борьбой против большевизма, созданием великогерманской империи, воспитанием нового человека, для которого главным являются не деньги, а честь. Само собой разумеется, что я был против евреев. Моих немногих знакомых евреев я считал исключениями из правил,

о которых твердила антисемитская пропаганда. Я чувствовал себя в высшей степени свободным человеком и делал все, что мне говорили, не по принуждению, а с верой в необходимость подчиняться. Кроме того, носителями национал-социализма были такие же молодые люди, мои ровесники. Учителя, которые не хотели понимать новых веяний и нового времени, были мне противны. То, что Гитлер был величайшим из живущих людей, — в этом для меня не было ни малейшего сомнения»⁵²³.

Место «Гитлер-югенд» в процессе воспитания молодежи в Третьем Рейхе

«Наша молодежь должна мыслить и действовать только по-немецки, а для этого десятилетний ребенок впервые должен осознать себя человеком в нашей детской организации; через 4 года он должен перейти из Юнгфольк в ГЮ, где он будет оставаться еще 4 года. После этого нельзя передавать его в руки старых творцов классового и сословного сознания, а нужно принимать его в партию, ДАФ, СА или СС, в НСКК и так далее. Если в одной из этих организаций он еще не станет убежденным национал-социалистом, тогда его 6—7 месяцев будут воспитывать в национал-социалистическом духе в РАД, под сенью символа немецкой лопаты. За то, что спустя 6—7 месяцев работы останется от классового или сословного сознания, возьмется вермахт, а когда молодой человек через 2—3—4 года вернется из армии, то заботу о нем опять возьмут на себя СА, СС и другие наши организации, которые не оставят этого человека до самой смерти. Когда мне говорят, что кто-то останется не охваченным этой работой, я отвечаю, что национал-социализм находится не в конце своего пути, а в начале».

*(Из речи Гитлера в Рейхенберге,
4 декабря 1938 г.)*⁵²⁴

Вследствие целеустремленной политики унификации молодежь и дети в Третьем Рейхе были организованы следующим образом: девушки с 10 до 14 лет были объединены в организацию «Молодые девушки» (*Jungmädel*), они носили форму — белая блузка и длинная синяя юбка, белые носки и коричневые туфли; для девушек с 14 до 21 года существовала «Лига немецких девушек» (БДМ); наряду с этим девушки могли участвовать в деятельности организации «Вера и красота». Мальчиков с 6 до 10 лет включали в организацию с характерным названием «Пацаны» (от *Pimpf*⁵²⁵); мальчики с 10 до 14 лет были организованы в «Юнгфольк» (*Jungvolk*), с 14 до 18 лет — в собственно «Гитлер-югенд» (ГЮ). В «Юнгфольк» на каждого подростка заводилась «книжка деятельности», в которой делались записи об его успехах, включая идеологический рост в течение всего периода пребывания в молодежном движении. В 10 лет, после «Пимпфа» (сдав экзамены по физкультуре, навыкам жизни в полевых условиях и по истории), мальчик вступал в «Юнгфольк» и принимал присягу: «Перед лицом этого стяга цвета крови, который олицетворяет нашего фюрера, я клянусь посвятить всю свою энергию и все свои силы спасителю нашей страны Адольфу Гитлеру. Я стремлюсь и готов отдать свою жизнь за него. Да поможет мне Бог»⁵²⁶.

Вертикальная структура ГЮ была строго централизованной: имперское руководство ГЮ — 36 областей (*Gebiet*), делившиеся на призывы (*Bann*) — ствол или основа (*Stamm*) — дружина (*Gefolgschaft*) по 150 человек, делилась на 3 ватаги (*Schar*) по 50 человек, делившиеся на три товарищества (*Kameradschaft*) приблизительно по 15 человек⁵²⁷. Структура Лиги немецких девушек была несколько другой: 5 союзов гау (*Gauverbände*), 21 обергау (*Obergau*), 79 гау (*Gaue*), 212 унтергау (*Untergaue*), в каждом унтергау от 3 до 5 девичьих кружков (*Mödelringe*), в каждом кружке по 4 девичьих группы (*Mädelgruppen*), в каждой группе по 2—4 девичьих ватаги (*Mädelscharen*), в каждой ватаге по 2—4 девичника (*Mädelschaften*), в каждом девичнике — от 8 до 20 девушек⁵²⁸.

Во главе ГЮ стоял имперский молодежный вождь, ему прямо подчинялись начальник штаба ГЮ, имперский референт по делам Лиги немецких девушек, ответственный

за физическое воспитание, ответственный за арбитраж ГЮ, а также другие ответственные — за академию руководящих кадров ГЮ, за социальную деятельность. И вообще, вся структура руководства ГЮ была полностью иерархична.

На положении особых подразделений ГЮ существовали морская, авиационная, автомобильная, разведывательная, а также сельская и патрульная части ГЮ. Эти части также были организованы весьма масштабно; так, морская часть принимала ежегодно 78 тыс. мальчиков, авиационная — 135 тыс., моторизованная — 295 тыс. Государство заботилось о материальном обеспечении этих подразделений, например, моторизованной части ГЮ предоставлялось 5 тыс. мотоциклов и 1300 ремонтных мастерских⁵²⁹.

Молодежь в большинстве своем позитивно воспринимала ГЮ, ведь государство пыталось удовлетворить ее нужды: строилось много стадионов и спортивных залов, существовала система социальной помощи молодежи, уделялось много внимания профессиональному образованию молодых людей, существовали соревнования лучших по профессии, в 1938 г. был принят Закон о защите молодежи⁵³⁰. У молодежи появилось чувство, что она является интегральной составной частью национал-социалистической государственной системы и вносит свой посильный вклад в создание новой национальной общности. Утверждение о том, что в нацистские времена немецкой молодежью просто манипулировали, является полуправдой — энтузиазм и активное участие в происходящем было «в высокой степени присуще молодежному движению в годы успехов нацизма (1933—1942 гг.).

Позитивное влияние на юношей, девушек и детей оказывало преодоление социальных барьеров и разницы в общественном положении. В системе образования ГЮ стремился ввести своеобразное равенство и ликвидировать привилегированные аристократические студенческие союзы, борясь, например, против ношения студенческих фуражек как проявления корпоративного духа и, соответственно, социального неравенства (некоторые корпорации носили исключительно снобистский характер). Именно ГЮ способствовала роспуску студенческих кор-

пораций; в партийной прессе роспуск этот предварялся острой критикой студенческих корпораций как «учреждений феодального типа». Излюбленным объектом нападок ГЮ были также гимназии как оплот консервативной буржуазности⁵³¹. Кроме борьбы за социальную однородность, это соответствовало общей антиинтеллектуальной нацеленности нацистского режима в целом и молодежного движения в частности.

Бывшая активистка ГЮ, референт БДМ Мелита Машманн вспоминала, что для нее решающим моментом в обращении к нацизму был протест против кастовой буржуазности семьи: она была в восторге от того, что портниха ее матери, будучи сторонницей НСДАП и активистской БДМ, однажды потребовала у ее родителей, чтобы обеденный стол для прислуги накрывали не на кухне, а в гостиной вместе со всеми⁵³². На девочку это произвело неизгладимое впечатление, так как многие дети обладают обостренным чувством справедливости. Впоследствии Машманн утратила безграничную веру в фюрера и в партию, но это уже было значительно позже. Ширах в своей программной книге «Гитлер-югенд» писал: «Единственный стяг развевается впереди колонн ГЮ. Сын миллионера и рабочий паренек носят одинаковую униформу. Поэтому только ГЮ не имеет социальных предрассудков и по-настоящему воплощает национальную общность, ибо юность — это социализм»⁵³³. В мирные годы ГЮ часто посылала своих представителей — независимо от их социального положения — за границу, да и Германию до войны посетило 250 тыс. молодых людей из Италии, Японии, Югославии, Венгрии, Бельгии, Франции, Португалии, Египта, Голландии, Англии, Польши, Сирии⁵³⁴.

Не менее значительным, чем преодоление социальных барьеров, было и возвышенное чувство причастности к новой общности, которое нацистские «режиссеры» общественного климата заботливо оформляли и направляли. Уже в 1936 г. руководство ГЮ вместе с министерством пропаганды объявило о проведении пропагандистской акции «Год Юнгфолька»; в рамках этой кампании накануне дня рождения Гитлера было приведено к присяге 90% десятилетних мальчиков. С тех пор такая акция проводилась каждый год. Дети получали новую униформу

(шорты, рубашку, полуботинки, кожаный галстук, походный нож, зимнюю одежду, включая пальто, сапоги, кепи⁵³⁵ — для малообеспеченных семей это кое-что значило). До 1944 г. торжественная церемония приема в «Юнгфольк» осуществлялась регулярно и в неизменной, строго отрежиссированной форме.

После четырехлетней «службы» в «Юнгфольк» мальчик вступал в ПО. «Посвящение в обязанности» (*Verpflichtung der Jungen*) члена ГЮ происходило в последнее воскресенье марта. Детей собирали в специально отведенном помещении, увешанном нацистскими флагами; хор пел патриотические и партийные песни и марши. Вступление в ГЮ было приурочено к окончанию школы, и школьная администрация на этом собрании прощалась с детьми; затем дети принимали присягу ГЮ и клялись в вечной верности фюреру. При вступлении в ГЮ также выдавалась униформа: длинные брюки (вместо шорт), обувь, рубашка, галстук и часы — эти вещи олицетворяли переход во взрослую жизнь. Для друзей и соседей этот праздник, заменявший в какой-то степени обряд конфирмации, был поводом для подарков и поздравлений⁵³⁶. После завершения службы в ГЮ 18-летних молодых людей торжественно принимали в НСДАП. Церемония проходила в феврале, в день праздника основания партии; молодым людям вручали значок члена партии и партбилет.

Наряду с физической закалкой в «Гитлер-югенд» практиковали парамилитаристские упражнения, марши, парады. Во время походов за порядком наблюдала специальная патрульная служба ГЮ. Типичный распорядок дня был таков — подъем, пробежка, подъем флага, политинформация, физические упражнения, после короткого послеобеденного отдыха вновь физические упражнения, ориентирование на местности, стрельба из пневматических винтовок, вечерняя поверка, спуск флага, лагерный костер, зоря. Уже в «Пимпфе» детей учили обращению с компасом, картой, определению расстояния на глаз и др. Это обучение затем продолжалось в ГЮ. Особое внимание уделяли обучению стрельбе: к 1938 г. уже 1,25 млн детей имели удостоверения об окончании стрелковых курсов⁵³⁷. ГЮ имел свое собственное «знамя цвета крови» (*Blutfahne*), которое было названо в честь убитого комму-

нистами в период «борьбы за власть» (*Kampfzeit*) 16-летнего члена ГЮ Герберта Норкуса (нацистского Павлика Морозова); с этим знаменем организация торжественной церемонией отмечала и день рождения Фридриха Великого⁵³⁸.

Вся жизнь в ГЮ была построена на коллективизме: юноши и девушки ходили строем, распевая песни из специально допущенных к печати и одобренных властями песенников; многие из этих песен написал сам Ширах. В клятве ГЮ говорилось, что у фюрера много врагов во всем мире, они вынашивают коварные замыслы и хотят погубить его. Но все их замыслы обречены на провал, ибо в Германии всегда найдется достаточно «доблестных меченосцев», чтобы противостоять врагам и защитить фюрера.

Вот пример инструкции Шираха, по которой в 1937 г. должно было происходить мероприятие, которое называлось «шествие со знаменем». Отряд должен был построиться, после чего дежурный рапортовал начальнику лагеря, за рапортом раздавалось приветствие начальника «хайль Гитлер, отряд», отряд отвечал: «хайль Гитлер». Дежурный сообщал девиз на день: «Внимание! Девиз на сегодня — “Герберт Норкус”». После этой преамбулы один из присутствующих руководителей декламировал:

«Мы не горюем у свежей могилы,
Мы выходим вперед и говорим:
Был человеком, который смог совершить то,
Что совершит каждый из нас.
Он умолк навсегда. Мы говорим:
Товарищество нерушимо.
Многие умерли. Многие родились.
Мир велик. Клятва, которую мы дали,
Нерушима до конца наших дней.
Долг важнее всего на свете».

Потом начальник лагеря кратко рассказывал о павшем борце: «24 января 1931 г. в Берлине на Безелькитц коммунистами был убит наш шестнадцатилетний товарищ Герберт Норкус. Как юный гитлеровец, он исполнял свой долг, и это вызвало ненависть у коммунистов. Из-за крови погибших товарищей никогда не может быть понима-

ния между большевиками и нами!». Вслед за выступлением начальника дежурный командовал: «Внимание! Во время подъема флага все поют “Молодая нация поднимается на бой”. Приготовиться к подъему флага! Равнение направо! Флаг поднять!», и командиры отрядов отдавали приказ начинать шествие⁵³⁹. Столь же строго были расписаны и другие мероприятия в ГЮ.

Различного рода кампании и сборы были перманентным состоянием в Третьем Рейхе, и ГЮ принимала в них активное участие — то ли это была макулатура, то ли металлолом, то ли деньги и теплая одежда для «Зимней помощи» или для социальных программ. Хлопотные и громоздкие организационные задачи порождали массу кадровых проблем. Молодые люди 15—18 лет, которые сами еще сидели на ученической скамье, командовали в ГЮ подразделениями численностью от 40 до 100 человек (своих сверстников); с одной стороны, в этом был и некоторый соблазн злоупотребления властью, с другой же стороны, такая ответственность способствовала формированию твердого характера и дисциплинированности. Иногда власть и безнаказанность вкупе с возрастной нетерпимостью и агрессивностью приводили к диким эксцессам по отношению к детям, по какой-либо причине не вписавшимся в коллектив.

Острой была проблема кадров для ГЮ, их профессионализация привела не к смягчению, а к осложнению ситуации. Постоянные функционеры ГЮ (8 тысяч) перед работой обычно проходили идеологическую подготовку; 8 недель они обучались в специальной подготовительной школе, один год в академии управления, три недели на стажировке за рубежом и шесть месяцев на стажировке в Германии. Многие учителя уходили на постоянную работу в ГЮ. Германию лихорадило от активности партии: повсюду проходили шествия, митинги, съезды; стараниями функционеров ГЮ в эту круговерть были включены и дети. Социальный состав функционеров ГЮ в 1938 г. был таков: 16% — школьники, 5,9% — студенты, 3,4% — молодые люди, работавшие в сельском хозяйстве, 8,7% — техники, 25,5% — предприниматели, 20,9% — рабочие, 5,4% — учителя, 11,3% — «прочие», 2,5% — без профессии⁵⁴⁰.

Муштра и «закалка» стали спутниками молодых людей, начиная с десятилетнего возраста: мальчики из «Юнгфольк» в десять лет должны были принимать участие в бесчисленных смотрах и перекличках. Прием в «Юнгфольк» осуществлялся накануне дня рождения Гитлера. Для перехода из «Пимпфа» (6—10-летние мальчики) в «Юнгфольк» (10—14-летние мальчики) дети сдавали экзамены⁵⁴¹. В первые месяцы пребывания в «Юнгфольк» мальчик готовился к «испытанию пацана» (*Pimpfenprobe*); это испытание состояло в том, чтобы пробежать 60 м за 12 секунд, прыгнуть в длину на 2,75 м и бросить мячик на 25 м. Помимо этого нужно было принять участие в полуторасуточном походе, знать структуру и место своего подразделения, наизусть выучить партийный гимн «Хорст Вессель», песню ПО, а также слова торжественной клятвы: «Члены “Юнгфольк” являются жесткими, молчаливыми, смелыми и верными, они хорошие друзья, самое главное для них — честь».

Следующей ступенью было получение «значка спортивных достижений»; к прыжкам, бегу и метанию мяча добавлялось подтягивание, плавание, езда на велосипеде и бег на один километр. Мальчики должны были принять участие в строительстве палаточного городка и в разворачивании полевой кухни; они должны были уметь маскироваться, ползать, знать основные породы деревьев, уметь читать карту, стрелять из пневматических ружей, знать биографию фюрера, статистические данные о немцах за границей и о потерях Германии в годы Первой мировой войны, а также все немецкие праздники⁵⁴². В «Юнгфольк» и, разумеется, в ГЮ мальчики подвергались целой серии тяжелых физических испытаний⁵⁴³. Не менее интенсивными были физические занятия и упражнения и для девочек. Один из теоретиков ГЮ писал: «Интенсивные физические занятия для девушек, осуществляемые БДМ во многих частях Германии, воспринимались почти как революционное событие. Между тем, здоровье наших жен и матерей — первопричина вечной жизни народа. Воспитательная работа Лиги сводится к доведению до сознания всех немецких девушек мысли о естественном отборе и стремлении к выживанию. Тип новой немецкой женщины должен дополнить новый тип немец-

кого мужчины, их союз и обеспечит расовое возрождение нашего народа»⁵⁴⁴. В отношении к физическому воспитанию девочек проявился дуализм гитлеровского консервативного и революционного начал: несмотря на свой антифеминизм, Гитлер настаивал на одинаковом физическом воспитании мальчиков и девочек⁵⁴⁵.

3 февраля 1940 г. СД в своих «Вестях из Рейха» сообщила, что и учителя и родители озабочены растущим количеством пропусков уроков в школе из-за занятости детей в мероприятиях ГЮ⁵⁴⁶. По этой причине учителя, — даже убежденные нацисты, — скептически, а иногда и прямо отрицательно относились к активизму молодежи в рамках ГЮ. Идеологические же противоречия между школой и ГЮ носили единичный характер.

Несмотря на недовольство многих родителей, руководители ГЮ утверждали, что проблема конфликта поколений в гитлеровском молодежном движении преодолена. Так, в 1936 г. Ширах заявил: «Противостояние поколений ныне преодолено. Молодежное движение только тогда оправдывает свое существование, когда оно позитивно расположено к государству. Оно не имеет никакого права выступать выразителем незрелых оппозиционных настроений по отношению к руководству народной общности»⁵⁴⁷. В этом отношении цели ГЮ были такие же, как в советском молодежном движении: преклонение перед вождем, отрицание индивидуальности, примат групповых интересов, антирелигиозная пропаганда, упор на массовые упражнения и мероприятия, в которых стирается чувство личности.

С другой стороны, в случае возникновения конфликтов, руководство ГЮ всячески стремилось обеспечить лояльность к себе со стороны родителей: в 1933—1936 гг. Ширах часто выступал по радио, обращаясь к родителям; проводились родительские собрания, на которых родителям объясняли задачи организации. После введения обязательного вступления детей в ГЮ большинство родителей стало относиться к ГЮ так же, как к службе в армии или к трудовой повинности. Во время войны, когда влияние партийной идеологии ослабло, негативная реакция родителей на ГЮ стала нарастать. Так, полицей-прези-

дент Аугсбурга доносил, что большая часть родителей не понимает или не разделяет целей ГЮ, что «в церквях народа все больше, а на партийных собраниях — все меньше»⁵⁴⁸. Однако мало кто решался открыто выступить против давления ГЮ: после того как 12 декабря 1936 г. был принят закон о ГЮ, сделавший эту организацию государственной и передавший ей все полномочия по атеистическому воспитанию молодежи, единственным чиновником, который протестовал против закона, нарушавшего вековые традиции христианского воспитания молодежи, был министр путей сообщения и почты фон Эльцт-Рюбенах. Он отказался в этой связи принять положенный рейхсминистру золотой значок члена НСДАП⁵⁴⁹, подал в отставку и — после повторного прошения об отставке — был уволен⁵⁵⁰.

Больше никто из должностных лиц в системе народного образования протестовать не осмелился. Мартину Бросцату известен случай протеста 50-летнего преподавателя истории, французского и английского языков в средней школе Хальберштадта доктора Хобом (*Hobohm*) в июне 1937 г. Хобом подал заявление о своем выходе из НСЛБ, поскольку он не разделял идеи государства вытеснить христианство из сферы воспитания подрастающего поколения. При этом он указал, что не отвергает национал-социализма в целом, но не признает учения Розенберга. Хобом, тем не менее, принудительно отправили на пенсию досрочно⁵⁵¹. Когда началась война, вследствие нехватки кадров, Хобом вновь приняли на работу, запретив, правда, вести «мировоззренческий» предмет — историю. Этот пример показывает, что нацисты готовы были идти на компромисс со старыми консервативными ценностями и не стремились к последовательной и жесткой линии тоталитарного государства, как это было в сталинском Советском Союзе.

Особенно действенным средством нацистской унификации молодежи, которым бессовестно и цинично злоупотреблял Ширах, был конфликт поколений. Молодых вожаков ГЮ подбивали на то, чтобы они не слушали учителей, отрицали традиционные методы и формы воспитания. В 1933—1935 гг. под руководством Шираха развернулась целая кампания замены старых учителей, на-

стаивающих на своих принципах, молодыми — убежденными нацистами или оппортунистами. Кампания протекала успешно⁵⁵². Дело дошло до того, что министерство образования, пытаясь сохранить авторитет учителя, вынуждено было призвать ГЮ к порядку. В итоге министерство Руста и ГЮ пошли на компромисс: активистов и членов ГЮ по субботам просто освобождали от занятий, а остальные дети в субботу должны были посещать школу, но заниматься преимущественно политическими науками.

В школе члены ГЮ пользовались у учителей предпочтением перед их еще «не охваченными» одноклассниками. Впрочем, не только у учителей: один из мемуаристов, который ребенком состоял членом ГЮ, вспоминал, что уже к марту 1933 г. в его гимназии в маленьком городке Бранденбург мало кто осмеливался не использовать при встрече «гитлеровское приветствие»⁵⁵³: за этим следили члены ГЮ. Родители опасались наказывать своих униформированных отпрысков, чтобы не оскорбить «одежду фюрера»⁵⁵⁴. Летом 1934 г. в ответ на подзатыльник некий подросток так сильно ударил мать по лицу, что она упала. Этот моральный урод объяснял, что он был в униформе ГЮ, а «никто не смеет бить члена ГЮ»⁵⁵⁵. Шестнадцатилетний шарфюрер ГЮ заколол любовницу своего отца и оправдывался тем, что кровная месть разрешена...⁵⁵⁶ Характерно, что наставник участников группы молодежного сопротивления «Белая роза» профессор Курт Хубер на суде в 1943 г. сказал, что нацистский режим должен быть осужден уже потому, что родители не чувствуют себя в безопасности от своих детей⁵⁵⁷.

В 1935 г. ГЮ добились еще одного важного решения: в школах создали пост учителя, имеющего статус доверенного лица ГЮ (*HJ-Vertrauenslehrer*). В их задачу входило примирять учителей и школьников — членами ГЮ.

Руководители ГЮ давили на учителей, требуя задавать меньше домашних заданий, чтобы больше свободного времени оставалось для занятий спортом; во многих случаях давление приносило плоды, и учителя все более теряли контроль за процессом образования и воспитания. Учителя становились шестеренками в работавшем помимо их воли механизме. НСЛБ (Национал-социалистичес-

кий союз учителей) вел себя оппортунистически, предпочитая поддерживать инициативы и новации ГЮ. Накануне войны Ширах лелеял мысль о расширении компетенций ГЮ; потом он говорил, что Гитлер обещал передать ему после войны всю сферу воспитания. Нет ничего удивительного в том, что накануне войны школьная система и воспитательные учреждения были полностью деморализованы. С другой стороны, было бы неверно утверждать, что к 1939 г. в сфере образования произошла радикальная революция и все изменилось, но вследствие агрессивного антиинтеллектуализма ГЮ академические стандарты в школе снизились, авторитет учителя упал, а учебные планы в значительной степени подверглись идеологической корректировке.

В рамках ГЮ была организована молодежная трудовая повинность — «имперская трудовая повинность» РАД (*RAD — Reichsarbeitsdienst*), которая стала частью предпринятого нацистами преобразования немецкого государства, общества и человека. Положение § 18 закона о РАД гласило, что для осуществления расового надзора вступление в РАД должно контролироваться руководством — так же, как в вермахте или СС. С октября 1935 г. устанавливалась нижняя граница вступления в брак членов РАД — 25 лет. В зависимости от служебного звания жениха разрешение на брак давал либо сам руководитель РАД Константин Хирль, либо нижестоящие фюреры РАД. Законом о РАД регулировалась однородность национального состава организации: евреи не допускались в «социальную школу нации», а метисы были лишены права занимать в РАД руководящие должности. В 1938 г., на том основании, что конфессиональные различия препятствуют созданию в трудовых лагерях атмосферы национальной общности, Борман подписал директивы об участии членов РАД в церковных мероприятиях и праздниках — оно было запрещено в любой форме. РАД должна была организовывать собственные, независимые от церкви, церемонии бракосочетаний или погребений⁵⁵⁸.

Во второй половине 1930-х гг. призыв в РАД осуществляли 276 призывных пунктов (с 32 главными пунктами), которые занимались медицинским освидетельство-

ванием призывников, надзором за ними, вопросами призыва, увольнения, устройства отслуживших работников в гражданской жизни или их переводом в вермахт. Призывные пункты хранили всю документацию о служебной карьере призывников. В октябре 1939 г. численность РАД достигала 300 тыс. человек⁵⁵⁹.

Немецкий педагог Ноль после войны писал, что РАД вернула труду благородство и поставила идею взаимовыручки в центр общественной жизни. Бывшие руководители РАД в 1973 г. писали, что «хорошая идея» воспитания молодежи в трудовых лагерях была, вопреки стараниям руководителя РАД Константина Хирля, извращена во время войны⁵⁶⁰. До войны, как отмечали современники, обязательный труд в течение 6 месяцев не приносил никакого вреда: дети, хотя и жили вдали от дома, узнавали цену физического труда, закалялись, ближе сходились с товарищами; и вообще, объединение детей всех классов и сословий было здоровой и полезной практикой⁵⁶¹. В деревню молодых людей отправляли (и организовывали там их работу) созданные для этого организации «Сельский год» и «Сельская служба». С 1942 г. для проведения осенне-весенних полевых работ стали привлекать учащихся младших классов (с 10 лет)⁵⁶².

1 февраля 1933 г. Гитлер объявил, что трудовая повинность является одним из столпов партийной программы, но для полной реализации этого требования нацистам пришлось преодолеть множество препон. 15 декабря 1933 г. были созданы призывные пункты «трудовой повинности», с 1934 г. слово «доброволец» было заменено словом «работник». 20 января 1934 г. отбывание трудовой повинности стало обязательным для студентов, которые ради своей академической карьеры не хотели портить отношения с начальством. Осенью 1934 г. министр юстиции Гюртнер распорядился, чтобы каждый кандидат права для допуска к первому юридическому экзамену представлял «паспорт трудовой повинности» с отметкой о 6-месячной службе. В феврале 1934 г. Лей заявил, что наличие «паспорта трудовой повинности» является необходимым условием для занятия должности в ПО или ДАФ. Время службы для партийных активистов устанавливалось в год; обычные добровольцы служили 6 месяцев. Лей обещал

всем владельцам «паспорта трудовой повинности» немедленное предоставление рабочих мест в промышленности⁵⁶³. 1 февраля 1935 г. было подписано аналогичное соглашение и с РНШ (продовольственным сословием) — Дарре обязался содействовать тому, чтобы каждый молодой крестьянин проходил школу «трудовой повинности». Начиная с 1935 г. рабочих рук стало не хватать, и 16 февраля нацисты ввели «трудовые книжки», которые должны были затруднить перемену мест работы. Предприниматель не имел права принимать работника без «трудовой книжки». Одновременно с помощью «трудовых книжек» обеспечивался статистический контроль за перемещением рабочей силы, профессиональным ростом, семейным положением и возрастом работников. Впрочем, «трудовые книжки» не выполнили своих функций, и с 1938 г. в Третьем Рейхе перешли к прямой МммТаргоа́ции труда. В ходе строительства оборонительных сооружений «Западного вала» была введена «частичная трудовая повинность» (*Teildienstverpflichtungen*) для рабочих некоторых специальностей — в интересах производства их перемещали как угодно, что ликвидировало свободу выбора работы задолго до начала войны.

«Закон о трудовой повинности» вышел 26 июня 1935 г. Он объявлял трудовую повинность «почетной обязанностью всех молодых людей» — принцип добровольности был ликвидирован; по закону о РАД обязательному отбытию годовой трудовой повинности подлежали молодые люди в возрасте от 18 до 25 лет. РАД была парамилитаристской организацией, молодые люди там служили в рамках замкнутых подразделений под началом командиров. Параграфом 3 закона о РАД Гитлер оставлял за собой право самому определять количество призывников и продолжительность времени службы. Обязанными отбывать трудовую повинность были юноши 18—25 лет; не подлежали призыву судимые, исключенные из НСДАП и неарийцы. Особый раздел закона был посвящен обязанностям работников и руководства⁵⁶⁴. Общая численность РАД до войны составляла 350 тыс. человек⁵⁶⁵. После введения всеобщей воинской обязанности армия остро нуждалась в пополнении, поэтому юноши 1914 и 1915 гг. рождения

призывались в вермахт, минуя РАД⁵⁶⁶. С началом войны РАД, правда, попала под контроль вермахта; ее члены привлекались на саперные работы.

Главной задачей трудовых лагерей РАД было воспитание молодежи в нацистском духе. Занимая среди воспитательных учреждений Третьего Рейха важное место между школой и службой в армии, РАД имела особую цель: молодежь на собственном опыте должна была осознать нравственную ценность труда. Служебный устав РАД, подписанный Гитлером 30 октября 1936 г., в качестве цели называл «воспитание и обучение сознательного, национально и социально мыслящего мужчины, который готов служить своему народу как рабочий и как боец». Важная роль в РАД отводилась воспитанию товарищества и дисциплины, что предусматривало культивирование таких качеств как послушание, прямота, честность, добросовестность, нетерпимость к несправедливости, смелость⁵⁶⁷.

Лагеря РАД находились в сельской местности. Удобства, роскошь и комфорт, по мнению нацистов, противоречили стилю лагеря РАД и его задачам. Социальный состав лагерей стремились сделать как можно более разнообразным и избегали составлять целые взводы только из выпускников школ или студентов для соблюдения социальной однородности или неопределенности. Ту же функцию социальной унификации имела и форма РАД. Хирль лично участвовал в создании униформы и предложил взять за образец головного убора старинную немецкую егерскую шапку, которая и стала «фирменным» знаком этой организации. Полное униформирование РАД осуществилось весной 1934 г. — куртки с коротким воротником, коричневые брюки и коричневые рубашки с черным галстуком и нарукавные повязки со свастикой. Несмотря на все признаки специфически нацистской организации, РАД можно было назвать аналогом американского «корпуса консервации гражданских ресурсов» (ССС); интересно отметить, что в 1935 г. в РАД участвовали группы английских, канадских, австралийских студентов⁵⁶⁸.

Время службы в РАД составляло 76 часов в неделю: 35 часов — производственный труд, 12 часов — занятия, церемонии, упражнения, 29 часов — свободное время. Обязательным элементом распорядка дня была утренняя

и вечерняя линейки у знамени с церемониями спуска и подъема флага и марши в строю с песнями на работу и обратно⁵⁶⁹. В лагерях РАД регулярно проводились служебные занятия, в ходе которых молодежи объясняли общую организацию РАД, ее структуру и задачи и обучали технике безопасности. Строевые занятия имели целью воспитание дисциплины: Хирль указывал, что благодаря строевым занятиям «послушание переходит в кровь и плоть человека и становится его второй натурой»⁵⁷⁰. Процесс воспитания не всегда, однако, проходил гладко; прежняя социальная среда продолжала воздействовать на юношей: в 1933—1935 гг. коммунистам иногда удавалось вызывать бунты, сопровождавшиеся пением коммунистических песен и изгнанием руководства лагерей. В некоторых лагерях РАД царило угодничество, подхалимство и лесть, процветало воровство и нарушение графика отпусков. В знак протеста юноши во весь голос пели Интернационал и саботировали распоряжения трудовых фюреров РАД; позже, когда дисциплина была ужесточена, сопротивление молодежи приняло скрытые формы. В целом педагогические приемы руководства РАД достигали своих целей: объясняется это умелым использованием нацистами тяги молодежи к общению со сверстниками в труде и на отдыхе, созданием действительной альтернативы прежней «гражданской жизни». Романтика жизни на природе, в коллективе сверстников, парады, знамена, музыка и совместный труд вызывали у обитателей лагерей положительные эмоции и делали их восприимчивыми к нацистской идеологии. Создание РАД показало, что Гитлер был готов пойти на финансовые издержки, пожертвовать интересами экономики и рынка труда ради господства над умами и сердцами молодых людей⁵⁷¹.

С началом Второй мировой войны Гитлер отверг предложение военных о ликвидации РАД — подразделения РАД были переориентированы на выполнение военных задач, в частности, на строительство Западного вала; они стали саперными частями. В связи с запланированным нападением на Польшу несколько подразделений РАД получили задание убрать урожай на юге Восточной Пруссии до 10 августа 1939 г.; для реализации этого задания был создан специальный штаб. Наконец, в ходе подго-

товки к войне часть подразделений РАД была преобразована в строительные батальоны, которые перешли в подчинение вермахта. РАД вместе с «организацией Тодта» была важной вспомогательной войсковой организацией в тылу. Большая часть подразделений РАД была снабжена велосипедами, меньшая — передвигалась на автомобилях; эти части имели оружие — винтовки и пулеметы. Гальдер в своем дневнике отдавал ясное предпочтение «организации Тодта», а РАД, по его мнению, плохо работала и ею плохо руководили⁵⁷².

С 1939 г. РАД окончательно превратилась в резерв личного состава армии. В ведении старого руководства РАД остались лишь вопросы пополнения личного состава, снабжение продовольствием, обмундирование и вооружения. Срок службы в РАД составлял теперь 6 месяцев, но вермахт, исходя из собственных представлений о военной необходимости, мог его сокращать⁵⁷³.

В 1940 г., после окончания кампании во Франции, фюрер назначил Шираха гауляйтером и губернатором Вены. При этом Ширах должен был сохранить все посты в партии: он остался рейхслайтером по воспитанию молодежи (*Reichsleiter für Jugendziehung der NSDAP*), а на его пост «вождя молодежи» (*Reichsjugendführer und Jugendführer des Deutschen Reiches*) заступил 27-летний Артур Аксман⁵⁷⁴. В 1943 г. Ширах 6 месяцев служил в вермахте и дослужился от ефрейтора до лейтенанта.

Война принесла ГЮ новые задачи: помощь партийным организациям (курьерская служба, охрана, пропагандистская работа), помощь коммунам (ПВО, извещения об авианалетах, тушение пожаров), помощь почте, железной дороге, помощь вермахту (погрузочно-разгрузочные работы, уход за ранеными, телефония и др.), участие в различных общественных работах, сбор макулатуры, тряпья, лома, помощь при сборе урожая, помощь в организации социальной работы. Дети всех возрастов использовались в хозяйстве по-разному: они работали на фермах, убирали урожай, разносили в городе продовольственные карточки. Девочки помогали в яслях и детских садах, заботились о детях, учились оказывать первую медицинскую помощь пострадавшим при авианалетах. Масштабы

этой помощи не следует недооценивать — так, в 1942 г. в сборе урожая принимало участие 600 тыс. мальчиков и 1,4 млн девочек⁵⁷⁵.

Одной из самых значительных акций ГЮ во время войны было создание детских рекреационных лагерей (*Kinderlandverschickung*) для отправки детей в сельскую местность — подальше из ставших опасными из-за бомбежек городов; инициатива создания таких лагерей исходила от самого Гитлера. Эвакуация детей производилась целыми школами без учета социальных или классовых различий, под присмотром учителей и функционеров ГЮ. До 1944 г. рекреационными лагерями было охвачено 800 тыс. детей; только из Гамбурга, по просьбам родителей, во время войны выехали сотни тысяч детей⁵⁷⁶. Рекреационные лагеря чаще всего располагались за пределами собственно Германии в заселенных фольксдойч районах Румынии, Словакии, Венгрии и Чехии. Школа и ГЮ совместно организовывали эти лагеря и отвечали за обучение, присмотр, снабжение и пропитание детей. Как правило, директором лагеря был учитель, которому помогал так называемый лагерный фюрер от ГЮ (*Lagermannschaftsführer*; на детском жаргоне — *Lamaffi*).

Из Дюссельдорфа, например, дети выехали в рекреационные лагеря в конце января 1941 г. (в Саксонию, Судеты и Словакию, которые союзники не подвергали массовым бомбежкам). До середины апреля 1941 г. 20% школьников Дюссельдорфа находилось в рекреационных лагерях⁵⁷⁷. Отправкой в рекреационные лагеря матерей с маленькими детьми, а также детей 6—10 лет ведала НСВ, а НСЛБ был ответственным за организацию там учебного процесса. Пребывание в лагере (100 рейхсмарок на ребенка в месяц) оплачивало государство.

К 1944 г. в рекреационных лагерях находилось такое количество детей, что в некоторых гимназиях были закрыты с 1-го по 4-й классы, во всех средних школах классы с 1-го по 4-й, а в начальных школах с 5-го по 7-й. Большой проблемой было пребывание в лагерях детей младшего возраста, которые сразу начинали скучать по дому. Сначала хотели создавать рекреационные лагеря внутри гау, недалеко, чтобы дети чаще бывали дома, но из этого ничего не получилось из-за опасности бомбежек.

Особое место в деятельности ГЮ во время войны занимала армейская закалка (*Wehrertüchtigung— WE*); с 1942 г. отправка старших возрастов ГЮ в лагеря армейской закалки стала обязательной. По окончании срока в таком лагере юношам выдавали соответствующее свидетельство. С начала войны многие функционеры и вожатые из ГЮ были призваны в армию и контроль за молодежным движением все в большей степени стал переходить к партийной бюрократии и к Борману. Несмотря на обязательную «службу» всех молодых людей в ГЮ, росло число нелегальных молодежных групп, также во время войны сильно подскочила малолетняя преступность, имевшая преимущественно социальные причины. С 1937 г. по 1942 г. преступления среди молодежи удвоились, их процентная доля в общей статистике преступлений выросла и составила в 1942 г. 15,3% по сравнению с 6% в 1937 г. Также выросли подростковая и юношеская преступности среди девушек: в 1942 г. - 21,5%, в 1937 г. - 15,5%⁵⁷⁸.

Весьма интересный эффект имело широкое привлечение старшеклассников в армию: в 1943—1945 гг. около 200 тыс. школьников 15—17 лет служили в зенитных частях, но не имели статуса солдата. Дело в том, что по указу МВД от 21 января 1943 г. старших школьников стали привлекать к помощи противовоздушной обороне: например, в Дюссельдорфе было привлечено 545 гимназистов и 184 учащихся средней школы. Для всех оставшихся в Дюссельдорфе учащихся обучение закончилось 7 октября 1944 г.⁵⁷⁹

Мобилизованные старшеклассники жили в казармах, обслуживали орудия, стреляли из них, но и продолжали учиться. Этот процесс организовывали три инстанции люфтваффе (в его ведении находилась зенитная артиллерия, школа и ГЮ). Ни в одной из воюющих стран детей так рано не привлекали к армейской службе. Фактически время, проведенное детьми на батарее, было утеряно для учебы, но родители об этом часто не знали, так как ребята жили в казарме, а не дома, а сами школьники, понятно, этому обстоятельству были только рады. Хотя формально институт «помощников зенитчиков» был объявлен частью ГЮ, но это была фикция: они были подчинены люфтваффе носили серо-голубую форму люфтваффе, которая только по покрою походила на зимнюю униформу ГЮ.

В начале 1943 г. в «помощники зенитчиков» привлекали мальчиков 1926 г. рождения, но поскольку этот год, в соответствии с ранее установленным порядком, должен был идти в РАД, то для люфтваффе они вскоре были потеряны. По этой причине в течение 1943 г. призывали 1927 год, а в январе 1944 г. — 1928 год рождения, которым в это время было только 15 лет, эти юноши были учащимися предвыпускного класса школы.

В 1945 г. положение на фронте катастрофически ухудшилось, и «помощников зенитчиков» стали бросать на борьбу с танками. При этом встал вопрос о статусе этих «помощников» — они ведь не были солдатами, а за партизанщину в Красной Армии расстреливали, поэтому было принято решение придать детям статус солдата.

На типичной батарее на Западе Германии в. 1944 г. треть личного состава состояла из немецких солдат и офицеров, треть — из хорватских или русских «хивис» (*Hiwis — Hilfswillige*, добровольные помощники) и треть составляли дети из ПО⁵⁸⁰. К ежедневному удручающему опыту детей принадлежало чувство беспомощности: толку от зениток в условиях массированных налетов было очень мало, эффективность борьбы с армадами англо-американских бомбардировщиков была ничтожна.

По истечению 9 месяцев службы «помощникам зенитчиков» давалось первое звание «старший помощник» (*Luftwaffe Oberhelfer — LwOH*), что для детей значило очень много — они получали серебрянный галун на погоны и аксельбант; их считали «стреляными зайцами». Верхом мечтаний для мальчишек был значок зенитчика-отличника (*Hakkampfabzeichen*)⁵⁸¹. Поэтому, все, что относилось к ГЮ, в среде «помощников зенитчиков» отвергалось — вплоть до ношения нарукавных повязок ГЮ, но политических мотивов в этом не было: скорее, в этом проявлялось стремление детей порвать с детством и быстрее перейти во взрослый статус. Точно так же в Советском Союзе старшие пионеры переставали носить галстук не по политическим соображениям, а просто потому, что хотели казаться старше.

Юношам в период полового созревания часто нужен пример для подражания; нацисты этим активно пользовались, насаждая среди детей культ героев-фронтовиков,

кавалеров Рыцарского креста. В Германии портреты кавалеров Рыцарского креста печатали на почтовых марках, которые мгновенно становились объектом охоты юных филателистов. Пропагандистское значение такого приема трудно переоценить. Отмечалось, однако, что несмотря на культ героев-фронтовиков, в среде «помощников зенитчиков» резко отвергалась всяческая патетика: во все времена дети четко различали фальшь, нарочитость и неискренность. Интересно, что несмотря на усилия пропаганды, в среде «помощников зенитчиков» были популярны запретные джаз и свинг, а такие музыканты как Бенни Гудмен, Глен Миллер и Луи Армстронг были детям хорошо известны. Часть молодежного движения, которая смогла сохранить автономию и оппозицию ГЮ, производит на историков магическое, завораживающее действие и привлекает внимание исследователей, но не следует обманываться: на самом деле политическое значение движения любителей свинга или джаза было, по всей видимости, невелико⁵⁸². Детьми скорее двигало любопытство, возрастной нонконформизм или музыкальные эстетические вкусы, а не желание выразить политическую или моральную оппозицию.

Закономерно, что во время войны влияние партийной идеологии в целом сильно ослабло, и для молодежи, как и для всех других немцев, самым существенным стал вопрос о том, как выжить, спастись, поэтому явного фанатизма молодежь не проявляла. Под действием военного поражения и полного краха Германии прежние ценности сами собой отходили на второй план, уступая место стремлению найти себе место в новой ситуации.

Молодежный нонконформизм и Сопротивление

В период Веймарской республики ГЮ испытывала сильную конкуренцию со стороны молодежных организаций отдельных партий, конфессиональных молодежных организаций, движения бундише (хотя и немногочисленного, но влиятельного) и автономных молодежных организаций. Причем эта конкуренция после 1933 г. заключалась не в массовости молодежных организаций против-

ников ГЮ, но скорее в принципиальном отказе некоторых организаций от тотального контроля со стороны ГЮ: если в ГЮ к концу 1933 г. было 30% молодых людей в возрасте 10—18 лет, то, например, в движении бюндише всего 1,5%⁵⁸³. Последнее отличалось устойчивым неприятием тотальных претензий ГЮ. Существенной чертой отличия молодежи бюндише от ГЮ было сплочение по принципу личных симпатий, личной привязанности и дружбы отдельных членов. Поиски сверстников для совместного проведения досуга — вот основной мотив присоединения к бюндише, а формы совместного времяпровождения были общими для всех бюндише: туризм, спорт, дискуссии, музыка (преимущественно народная, но увлекались и джазом, что встречало особенное неприятие у властей и ГЮ). В процессе совместной жизни подспудно осуществлялся процесс отбора элиты бюндише, которая утверждала необходимость служения коллективу и ответственность перед группой без всяких формальных рамок. Ответственность и солидарность в рамках организаций бюндише во многом способствовала развитию личности и индивидуальных способностей молодого человека. Идеологически бюндише могли быть самыми разными — от национал-большевиков до почвенническо-фелькише групп. К последним принадлежали организации бюндише «*Adler und Falken*», «*Geusen*», «*Artamanen*», «*Freischar Schill*». Особенно радикальным антиславизмом, антиурбанизмом и антисемитизмом отличался бунд артаманов. Члены этого бунда учредили для себя своеобразную трудовую повинность в деревне, стремясь вытеснить польских поденщиков из Восточной Пруссии и таким образом добиться национальной однородности немецкого Востока, его процветания и беспрепятственного развития народной культуры и обычаев. Когда в 1933 г. нацисты ввели трудовую повинность, им пригодился опыт артаманов в организации сезонных сельскохозяйственных работ в Восточной Пруссии⁵⁸⁴. Артаманом был одно время Гиммлер, считавший антиурбанизм одним из самых важных аспектов нацистской идеологии. Артаманом в 1920-е гг. был и будущий комендант Освенцима Рудольф Хесс.

На первом этапе унификации молодежного движения главную опасность для ГЮ составляли не правые группы

бюндише, но оппозиция, обусловленная принадлежностью молодежи к политическим партиям и их организациям — в первую очередь к «Коммунистическому молодежному союзу», к группе «Социалистическая рабочая молодежь», к молодежной организации «Социалистическая рабочая партия Германии» (*SAPD*), к «Интернациональному социалистическому союзу борьбы» (*ISK*) и антинацистским «национал-революционным» молодежным союзам (*Jungnationalen Bünde*). Очень активны в этой фазе были коммунисты, которых нацистские преследования коснулись в наибольшей степени. Молодежное коммунистическое сопротивление отличалось от молодежной антинацистской фронды поздних времен ясной политической конфронтацией с нацизмом и строгой партийной дисциплиной. Примечательно, когда руководство КПГ и СДПГ в изгнании стало детально разрабатывать тактику Сопротивления, — почти все контакты с представителями левых молодежных организаций на местах были уже утеряны. К тому же коммунисты долго находились под властью сталинских рецептов политического противоборства с социал-демократами, которых именовали не иначе как «социал-фашисты». Коммунисты ставили на одну доску и ГЮ, и католические, и социал-демократические молодежные организации, такой подход не мог способствовать полной антинацистской мобилизации. К тому же коммунисты в первой фазе нацистского господства понесли столь значительные потери, что это самым негативным образом сказалось и на состоянии коммунистического молодежного движения. Руководство КПГ предрекало решительную битву за власть с гитлеровцами и (в ближайшее время) торжество коммунизма, хотя очевидно было, что в действительности нет никаких признаков кризиса власти Гитлера и возможности революционного переворота. По этой и по другим причинам коммунистическая нелегальная деятельность к концу 1934 г. потерпела неудачу, и в последующие годы восстановить деятельность молодежного коммунистического движения не удалось, хотя отдельные попытки предпринимались. Мужество и героизм молодых коммунистов ничего не могли изменить в неблагоприятно сложившейся для них ситуации.

В отличие от коммунистов, у СДПГ изначально не было единой концепции борьбы с нацистским режимом, и одни молодые социал-демократы с разочарованием отвернулись от политики, а другие присоединились к коммунистам. Только после того, как руководство СДПГ начало работать в изгнании и после организационного оформления групп «Новое начало» (*Neu Beginnen*) и «Революционные социалисты» (*Revolutionäre Sozialisten*), симпатии молодых социалистически ориентированных молодых людей вновь перешли на сторону СДПГ. К этому моменту, однако, уже не существовало консолидированных социал-демократических групп, и оппозиционная деятельность носила спорадический, а не систематический характер. Как и коммунистическое, так и социал-демократическое руководство первоначально совершенно неверно оценивало перспективы нацистской диктатуры.

Молодежь из «Социалистической рабочей молодежи» или групп бундише власти арестовывали; молодым людям давали тюремные сроки или отправляли в концлагерь на перевоспитание. В январе 1938 г., например, 9 юных «друзей природы» (группа бундише) было приговорено в общей сложности к 13 годам тюрьмы; очевидно, что нацисты серьезно относились к подобной активности, тем более что к политической деятельности эти молодые люди никакого отношения не имели: они устраивали вечеринки, дискуссии и вылазки на природу. В 1933—1935 гг. существовало большое количество таких групп, но постепенно практически все они исчезли.

Из конфессиональных молодежных объединений протестантским группам было тяжелее, чем католическим молодежным организациям, выдерживать четкую оппозиционную линию: часть руководства протестантскими церквями первое время активно сотрудничало с нацистами. Конфликт между евангелическими молодежными организациями и ГЮ начался не по принципиальным вопросам, а из-за разных организационных представлений. Первоначально члены евангелических молодежных организаций верили в то, что смогут сохранить свою автономию внутри ГЮ, а может и вовсе останутся независимыми. К тому же отношения ГЮ и протестантского молодежного движения развивались неравномерно: не-

которые местные организации в полном составе перешли в ГЮ, мотивируя это потребностью в единстве и идеологическим родством, но другие протестантские молодежные организации сплотились в новые образования. Так, ориентировавшиеся на бюндише «Библейский кружок», «Союз христианско-немецкой молодежи» и «Христианские скауты» объединились и, пытаясь противодействовать антихристианской идеологии ГЮ, стали издавать журнал «Юная стража» (*Jungenwacht*), публиковавший материалы в бюндише-протестантском духе. Тираж журнала достигал 15 тыс. экземпляров, и запрещен он был только в 1938 г.⁵⁸⁵ Вероятно, такое странное попустительство нацистов (в высшей степени им не свойственное) объясняется тем, что идеологи ГЮ изображали движение бюндише как состоявшее из двух направлений — одно как антинацистское и антинародное, мешающее созданию и утверждению Третьего Рейха и второе — как предтечу национал-социализма в молодежной среде⁵⁸⁶. Впрочем, сам Ширах отвергал всякую причастность ГЮ к движению бюндише и подчеркивал партийное происхождение ГЮ и ее целей. Единственной реально мыслящей и действующей организацией бюндише Ширах признавал только «Союз артаманов». По всей видимости, властями двигало стремление поддержать любую пронацистскую тенденцию в молодежной среде. В целом же конфессиональные молодежные организации распоряжением Гимmlера были запрещены в 1934 г. Запрет касался ношения формы, значков, шествий и любых (помимо ГЮ) проявлений молодежной общности. Однако бороться с детской солидарностью нацистам было нелегко. Так, одна из участниц распущенной нацистами евангелистской молодежной организации вспоминает, что после роспуска и запрета на общение и ношение формы, чтобы узнавать друг друга, дети договорились покупать за 75 пфеннигов зеленые карманные календарики с желтым карандашом. И дети годами узнавали друг друга в трамвае или на улице, завязывали контакты, общались⁵⁸⁷. Многие члены распущенных нацистами протестантских молодежных союзов из чувства протеста вступили в оппозиционную Вероисповедальную церковь (БК).

По сравнению с протестантскими молодежными организациями католические имели некоторое преимущество,

поскольку никаких обязательств и связей с ГЮ не имели. 28 марта 1933 г. все немецкие епископы подписали приветственный адрес правительству Гитлера. К этому изъявлению лояльности присоединилось, разумеется, и католическое молодежное движение. И церковные иерархи и молодежь надеялись, что после подписания конкордата интересы католиков будет представлять не партия Центра, а государство, в соответствии со своими обязательствами перед папой. Бесспорно, многое в политике новых властей верующим католикам нравилось — отрицание либерализма и марксизма, декларирование национального единства и национального достоинства, авторитарная форма власти. Однако католическая молодежь надеялась сохранить автономию своего движения. Надежды эти оказались напрасными: руководство ГЮ еще до вступления в силу конкордата устроило в разных частях Германии запреты на публичные акции католической молодежи, штаб-квартиры католических молодежных организаций захватывали участники ГЮ, их счета в банках блокировали. Несмотря на подписание конкордата, запрет на внешние акции конфессиональных молодежных организаций сохранился до ноября 1933 г. Особенно рьяно ГЮ препятствовала организации традиционного шествия католиков в праздник тела Христова.

К концу 1933 г. надежды католической молодежи на сотрудничество с ГЮ испарились, и католики начали борьбу за сохранение своей организации. На первом этапе это им удалось: например, тиражи журналов и газет центра католического молодежного движения в Дюссельдорфе в 1934 г. превосходили по своим масштабам тиражи пропагандистских изданий ГЮ. Католическая молодежная газета «Молодой фронт» в 1934 г. имела тираж 200 тыс. экземпляров (в 1933 г. — 85 тыс.), журналы для детей-католиков также повысили тиражи. Такие успехи не были следствием активной политики епископата и Ватикана — напротив, последний считал действия молодежного католического движения слишком агрессивными, а епископы в большинстве своем были склонны к конформизму. Нацистское государство, запретив параллельное членство в ГЮ и католических организациях, в 1934 г. запретило и параллельное членство в ДАФ и католичес-

ких организациях, следовательно, католики лишились возможности получения полноценного профессионального образования и успешного продвижения по служебной лестнице. Политическая полиция запрещала свободную продажу молодежных газет в церквях; когда папа на пасху 1934 г. направил ободряющее письмо молодым немецким католикам, публичное чтение этого письма в церквях было запрещено властями. Придирки и мелкие запреты шли непрерывной чередой от различных местных административных инстанций, давление с каждым днем усиливалось, начались угрозы отправки в концлагерь. Дело дошло до того, что вследствие повсеместных запретов на публичные демонстрации несколько католических молодежных организаций вынуждены были провести свой традиционный слет на «экстерриториальном» пароходе посередине Рейна. На пасху 1934 г. Папа обратился к католической немецкой молодежи со следующими словами: «В первых рядах борцов за веру вы уже принесли жертву и делаете это ежедневно. Мы исполнены удовлетворения вашей убежденностью и мужеством, это воодушевляет и нас. Вопреки всем препонам, через которые ведет вас провидение, вопреки прельщению и давлению пропаганды, уводящей от Христа обратно к язычеству, вы сохраняете Христа и святую церковь в своем сердце»⁵⁸⁸.

В 1935 г. противостояние между ГЮ и католической молодежью сохранялось; на пасху 1935 г. 2 тыс. юных католиков предприняли демонстративное паломничество в Рим. По настоянию руководства ГЮ в 1935 г. газету молодых католиков несколько раз запрещали. Под угрозой потери работы государственных служащих заставляли способствовать выходу своих детей из католических молодежных организаций; в профессиональное обучение брали только детей, состоящих в ГЮ⁵⁸⁹. Интересно, что несмотря на все репрессии, католические молодежные организации не потеряли привлекательности, и до 1935 г. ГЮ не удалось нейтрализовать и вытеснить католическое молодежное движение, поэтому государство перешло к тактике ликвидации последних островков легальности для молодежных католических организаций. Нацистские пропагандисты стали все чаще упоминать о том, что коммунисты и католики работают рука об руку, а заверения

представителя епископата кардинала Бертрама 13 августа 1935 г., что католическая молодежь всегда была нацелена против марксизма, большевизма и коммунизма, вообще не было принято во внимание. В качестве предлога для большой акции против центра молодежного движения гестапо использовало контакты между руководителями молодежного католического движения и представителями КПГ в подполье. По такому стандартному обвинению, например, 57 функционеров католического молодежного движения были арестованы, а центр в Дюссельдорфе временно закрыт. Хотя арестованные были за недостатком улик вскоре освобождены, но государство смогло продемонстрировать свою силу, продолжая оказывать моральное давление. Вслед за серией ограничений на молодежную католическую печать в 1938 г. последовало запрещение всех печатных изданий католических молодежных организаций.

Закон о ГЮ, принятый в конце 1936 г., также предполагал тотальное господство нацистской молодежной организации. Папская энциклика «Со жгучей озабоченностью» (1937 г.), однозначно осуждавшая нацизм, была особенно благоприятно встречена в молодежной католической среде; именно молодежь сыграла ведущую роль в распространении этого запрещенного нацистами документа. После выхода энциклики нацисты сначала запретили католические молодежные организации в отдельных землях, а затем — в 1938 г. — и по всей Германии; центральный орган католического молодежного движения в Дюссельдорфе был закрыт⁵⁹⁰. Этот запрет, однако, не означал конец молодежной работы католической церкви — она продолжалась либо полулегально, либо в подполье, о чем в гестапо поступали все новые сведения. Ни ГЮ, ни нацистскому государству не удалось окончательно справиться с молодежной активностью в католической среде, хотя, казалось, все официальные и публичные возможности нацисты им перекрыли.

Что касается бундише, то формальный запрет на их деятельность последовал сразу в 1933 г., а к фронтальному искоренению нелегальной деятельности бундише гестапо приступило в 1936 г. Со своей стороны, руководство ГЮ выпустило ряд внутренних директив по преодо-

лению нелегальной работы бундише. Патрульная служба ГЮ (*Streifendienst*) регулярно докладывала о раскрытии собраний и сходок бундише. Разведка ГЮ доносила, что многие лидеры бундише, даже перейдя в ГЮ, не прекратили работы. Некоторые лидеры бундише пытались руководить работой из-за границы, как это делал, например, один из наиболее влиятельных лидеров бундише Эберхард Кебель по кличке Туск⁵⁹¹. Интересно, что бундише пытались привлекать в свои ряды детей из младшей группы ГЮ «Юнгфольк».

За несколько недель до начала войны Гиммлер выпустил новое распоряжение о строжайшем запрете всякой активности бундише; в нем перечислялись организации бундише, подлежащие запрету: «*Deutsche Freischar*», «*Freischar junger Nation*», «*Großdeutscher Bund*», «*Deutsche Jugendtrucht*», «*Österreichische Jungenkörps*», «*Graues Korps*», «*Nerother Bund*», «*Reichsschaft deutscher Pfadfinder*», «*Deutscher Ffadfinderbund*», «*Christliche Ifadfinderschaft*», «*Deutsche Pfadfinderschaft St. Georg*», «*Quickbom Jüngerschaft*», «*Deutschmeister Jüngerschaft*», «*Stromkreis*», «*Grauer Orden*», «*Freischar Schill und Eidgenossen*», «*Bündischer Selbstschutz*», «*Navajo*»⁵⁹² и другие. Даже сами названия, вернее, гордые имена этих организаций бундише, часто неперебиваемые на русский язык, да и на немецком звучащие загадочно и возвышенно, свидетельствуют о романтических настроениях этой части немецкой молодежи. Интересно, что некоторые из этих организаций возникли и оформились уже в подполье. Полностью искоренить бундише нацистам так и не удалось.

Предлогом для преследований, репрессий и запретов бундише часто были обвинения в гомосексуализме, при этом власти не стремились отделить правду от лжи и вымысла, огульно обвиняя все движение в целом. В диссертации 1942 г. Макс Ницше прямо называл молодежь бундише гомосексуальной и большевизированной⁵⁹³. Обвинения в гомосексуализме использовались властями и для преследований монахов и закрытия католических монастырей. Интересно, что нацисты более лояльно относились к лесбиянству — оно просто рассматривалось как нежелательное и не особенно опасное социальное явление, так как считалось, что лесбиянки в большинстве ге-

теросексуальны, и не наносят существенного урона рождаемости⁵⁹⁴. В любом случае, отождествление молодежного движения с гомосексуализмом была очень опасна для молодых людей. Показательно, что Гиммлер, узнав о гомосексуальных наклонностях одного из своих племянников, приказал его расстрелять, и понадобилось вмешательство фюрера, чтобы наказание было ограничено сроком в концлагере.

СД передавала, что в начале 1940 г. среди лейпцигской молодежи были популярны клубы, в которых танцевали и слушали джаз, причем особенно популярен был свинг, имевший негритянское происхождение. Последнее обстоятельство особенно раздражало нацистских ревнителей национальной культуры и музыки; кроме того, юно воспринималось как нонконформизм. Чтобы воспрепятствовать распространению в молодежной среде западной культуры и музыки, нацисты стали ограничивать возможности общения молодых людей: 9 марта 1940 г. вышло полицейское распоряжение, запрещающее молодым людям до 18 лет с наступлением темноты появляться на улицах, им было запрещено ходить на вечерние сеансы в кино и появляться после 19.00 часов в кабаре, клубах и ресторанах. Детям до 16 лет не продавали спиртные напитки и табак, а за курение в публичных местах их наказывали⁵⁹⁵.

Деятельность оппозиционных групп (независимо от направления) в молодежном движении ограничивалась совместным времяпровождением (помимо ГЮ), включавшим туристические поездки, обсуждение актуальных проблем, сочинение и распространение печатных материалов, имеющих оппозиционный характер. Функционеры ГЮ расценивали как «моральное разложение нации» всякие попытки открытого публичного обсуждения острых проблем; за это наказывали сначала родителей, а по достижению совершеннолетия — и самих активистов. С началом войны молодежные «банды» (по определению властей и ГЮ) пытались устраивать настоящие акты саботажа, устанавливали контакты с военнопленными и иностранными рабочими, распространяли «пораженческую» информацию о положении на фронтах и т. п. Эти попытки, однако, ни в один из моментов истории Третьего Рейха не

носили организованного характера⁵⁹⁶. В целом, однако, во время войны обозначилась устойчивая негативная по отношению к режиму линия поведения некоторых молодых людей; так, летом 1943 г. — после Сталинграда, после выхода Италии из войны, накануне третьей русской зимы вермахта — СД составили сводку «Отношение молодежи к партии». Сводка была представлена руководителю отдела Олендорфу и, поскольку она носила чрезвычайно негативный характер, тот приказал ее переделать. Олендорфу и без того часто доставалось от начальства за непредвзятые и точные социологические анализы общественного мнения (что, собственно, и рассматривалось им как главная задача отдела). Однако и смягченный по его приказу вариант отчета чрезвычайно не понравился Борману. В сводке речь шла о празднике приема в партию юношей 1924 и 1925 гг. рождения, которые крайне индифферентно отнеслись к этому событию; имели место даже негативные высказывания о необходимости вступления в партийные подразделения. Авторы сводки пеняли на негативное влияние на юношей родителей, церкви⁵⁹⁷, но причиной этого было военное положение Рейха, которое все очевидней указывало на приближающийся крах. Кроме того, для немецких подростков военной поры борьба Гитлера за власть, разрушение им Версальского диктата и преодоление следствия незаслуженного поражения в войне — Веймарской республики — было далекой «историей», которую они сами не пережили и не понимали ее пафоса. Сама НСДАП для молодежи уже не считалась революционной силой молодежного происхождения, но являлась частью истеблишмента со всеми вытекающими отсюда последствиями. Партийные символы веры многие молодые люди считали искусственными, устаревшими, натянутыми; они воспринимали их лишь *potens volens*.

Негативно расположенную к режиму молодежь можно разделить на следующие группы. Во-первых, это стихийные, отчасти анархистские банды криминального характера, часто следствие безотцовщины; во-вторых, группы бундише, культивировавшие старые романтические ценности; в-третьих, политические оппозиционные группы, например, такие, как «Охотники за эдельвейсами» (эта

кельнская группа была обнаружена и уничтожена гестапо в ноябре 1944 г.); в-четвертых, молодежные группы про-западной, часто англофильской ориентации.

Особенную активность молодежных банд СД отмечала в 1943—1944 гг.⁵⁹⁸ Так, в сентябре 1944 г. кельнская банда Ханса Штайнбрюка (1921 г. рождения) ночью после бомбежки похитила тонну сливочного масла стоимостью в 120 тыс. рейхсмарок. На эти деньги молодежь купила оружие и снаряжение. Банда быстро росла, к ней охотно присоединялись дезертиры, «Пираты эдельвейса». Идеей Штайнбрюка было захватить остров на озере недалеко от Кельна и оборонять его от нацистских властей, создав таким образом свой собственный мир, свободный от войны. Однако кто-то донес, и подругу Штайнбрюка арестовали. Тогда он решил вместе со своими друзьями штурмовать здание гестапо. Штурм не увенчался успехом, несмотря на то, что один эсэсовец был убит⁵⁹⁹. Штайнбрюк был арестован и 10 ноября 1944 г. повешен вместе со своими сообщниками. Кто они были: бандиты или борцы Сопротивления?

Следует отметить, что немецкое молодежное Сопротивление было цепью усилий — при недостаточных средствах и крайне неблагоприятных условиях — избежать фронтального унификационного давления ГЮ, но эти усилия к явным переменам не привели: это было следствием не столько слабости Сопротивления, сколько специфики действительности тоталитарного общества. Эта действительность, как мы сейчас знаем, не оставляла никаких шансов на успех; попытки вызвать массовое сопротивление в условиях тоталитарного общества нужно рассматривать как бесперспективные и опасные. Молодежи, однако, свойственен возвышенный и романтический подход к действительности, поэтому и попытки молодежного Сопротивления в Третьем Рейхе нельзя рассматривать, опираясь на критерии взвешенной реалистической политики. Тем более что эти попытки имели высокие моральные цели: восстание против политической системы, разрушающей личность, системы, формируемой бесчеловечными и бесплодными «идеалами» или, как писали в листовке молодежной группы Сопротивления «Бе-

лая роза»⁶⁰⁰, «нельзя позволить управлять собой клике властителей, руководствующихся безответственными и необузданными инстинктами». С другой стороны, нельзя втискивать наши знания о молодежном Сопротивлении в рамки морализирования, сколь важным оно бы ни было: реальная жизнь, особенно жизнь ребенка и юноши, протекает в других измерениях, которые могут не иметь никакого отношения к политике и морали. Немецкая молодежь подвергалась исключительно сильному давлению и военной муштре; огромное количество детей с 10 лет практически служило в армии, и чем ближе приближался срок призыва, тем интенсивнее становилось это давление. Прецеденты политического Сопротивления ГЮ и режиму в целом в молодежной среде были: можно указать на группы «Белая роза» или «Охотники за эдельвейсами», но такая активность требовала исключительного мужества, так как плата за нее всегда была одна — жизнь, поэтому требовать и ожидать такого мужества от всех было невозможно.

В заключении следует подчеркнуть, что, несмотря на особенный характер нацистского молодежного движения в рамках ГЮ, его нельзя представить вне традиции немецкого молодежного движения, которое еще на рубеже веков твердо установило, что молодежью может руководить только молодежь, что молодежное движение должно отражать национальное единство вне зависимости от социальных рамок и барьеров. ГЮ нельзя представить без традиционной антибуржуазноеTM немецкого молодежного движения, без его специфической активности в туризме, без песен у костра, без народных игр, ставших выражением романтизма и протеста против мещанства.

За 12 лет нацистского государства по сцене немецкой жизни прошли три больших группы молодежи 11—18 лет, каждая из которых с разной степенью интенсивности подверглась воздействию тоталитарной идеологии и организации в рамках нацистского режима. Первая группа, составлявшая большинство в молодежном движении 1933—1936 гг., с большим подъемом восприняла идею национального величия (публицист первых послевоенных лет Рудольф Шнайдер-Шельде писал: «Дело Гитлера было делом молодежи. Гитлер был представителем молодежи и

ее революцией»⁶⁰¹)? — приветствовала вооружение Германии и с отвращением относилась к необозримой и труднодоступной для понимания парламентской практике Веймарской республики и внутренне была готова к принятию авторитарного государства. Эта группа с восторгом восприняла слова Гитлера на партийном съезде 1935 г.: «Наш народ становится строже, подтянутой и дисциплинированнее. Германия — это не курятник, в котором все вверх тормашками и каждый кудахчет на свой манер. Мы единый народ, в котором каждый сызмальства должен быть дисциплинированным человеком»⁶⁰². Охватить целиком эту первую группу 11—18-летних молодых людей ГЮ в этот период была еще не в состоянии.

Вторая группа — 1936—1939 гг. — подверглась нацистской унификации уже более интенсивно; она уже почти не имела выбора, что и характеризовало период в целом. Группы противодействия ГЮ существовали, но внешне это было почти незаметно, хотя этот протест, особенно со стороны конфессиональных молодежных союзов и групп бундише, вызывает уважение верностью своим идеалам.

Что касается третьей группы, — военные годы — то она выбора не имела: ее социализация прошла в крайне неблагоприятных условиях — эти дети сразу попали в жернова сложившейся тоталитарной машины и даже представления не имели, что совместное времяпровождение и коллектив можно организовать по-другому. Если судить о немецкой молодежи последних лет войны, то следует сказать, что в целом она осталась лояльной режиму; но так же, как в «студенческую революцию» 1968 г., ситуация в молодежном движении в Третьем Рейхе определялась не молчаливым большинством, а активным меньшинством. Нельзя исключать, что и в нацистской Германии, возможно, настал бы момент, когда молодежная активность смогла бы повлиять на судьбу Германии.

ГЛАВАМ

КРЕСТЬЯНЕ И НАЦИСТСКИЙ РЕЖИМ

«Профессор, который всю жизнь исповедовал ложную теорию, может в конце концов благополучно выйти на пенсию. Крестьянин же, который дважды пропустил сев, — банкрот».

(А. Гелен)

«Третий Рейх будет крестьянским государством, или он со временем изживет себя и исчезнет, как изжили себя и исчезли Первый Рейх Гогенштауфенов и Второй Рейх Гогенцоллернов».

(А. Гитлер)

Немецкие крестьяне и нацистская «почвенническая» доктрина

Аграрная сфера была единственной частью социально-экономической политики нацистов, в которой они имели относительно завершенную концепцию. Еще 6 марта 1930 г., на собрании функционеров партии, были сформированы основные идеологические и экономические принципы этой программы. Нацистская аграрная политика требовала исключения сельского хозяйства из рынка, создания сословной крестьянской организации и системы наследования крестьянских дворов с опорой на расовую теорию. Совершенно новым в программе было требование создания сословных судов и исключительно-го права государства на продажу и покупку земли. После прихода к власти нацисты начали осуществлять аграрную программу почти в полном объеме — другие сферы экономики так и не дождалась обещанных преобразований.

Такое внимание нацистов к крестьянскому труду и аграрной сфере не было беспрецедентным в немецкой традиции: дело в том, что крестьянскую семью, крестьянский труд и жизнь на селе в Германии начали идеализиро-

вать еще во времена ранних романтиков; этот процесс усилился в период индустриального шока XIX в., связанного с феноменом отчуждения и с увеличением численности, на первый взгляд, морально никак не ориентированного и не привязанного ни к каким нравственным ценностям пролетариата. Индустриализация, с одной стороны, несла в себе новые возможности в улучшении качества жизни и поднятии уровня потребления, а, с другой стороны, она же была причиной непреодолимых социальных проблем и жесткого классового противостояния. Крестьянский же мир выгодно отличался от мира бурной и атомизированной городской жизни своей целостностью: ведь он продолжал объединять работу и праздник, хозяйственную и культурную жизнь; крестьянская семья была микрокосмом, воплощением мечты о целостном образе работы и жизни. Еще в XIX в. известный крестьянский идеолог Вильгельм Рильса писал об «аграрной романтике» и «враждебности к урбанизации»⁶⁰³. Немецкий историк Райнхард Зидер справедливо считал, что идеализированные представления о крестьянской жизни и побудили нацистов считать ее уменьшенной моделью немецкой народной общности. Геббельсовская пропаганда представляла сельское общество как «колыбель немецкой расы и немецкой крови»⁶⁰⁴.

В ранних программных заявлениях нацистов звучала враждебность по отношению к индустриализации ценностям; это было следствием фиксации Гитлера на идее «жизненного пространства» с ее аграрной романтикой и антиурбанизмом. Гитлеровские ориентиры не были оригинальными: повсюду в Европе имела место реакция общественности на урбанизацию; так, в 1942 г. французский правый публицист Дрие Ла Рошель, определяя фашизм, писал, что он представляет собой радикальную нравственную революцию, направленную на восстановление физического здоровья нации, ее достоинства, на героическое восприятие жизни в противовес большим городам и машинному производству⁶⁰⁵. Именно аграрная романтика и антимодернистские представления определяли гитлеровскую концепцию общественно-политического развития немецких восточных владений, в которых, по его замыслам, не могло быть места крупной промыш-

ленности. Идеальным типом немецкого поселенца Гитлер считал крестьянина-воина, который на Востоке должен был утверждать превосходство германского расового типа.

Объективная картина эволюции аграрной сферы не была утешительной для аграрных романтиков; хотя производство сельскохозяйственной продукции росло, но его доля в ВВП постоянно падала: с 1850 г. до 1913 г. — с 46% до 23%, с 1924 г. до 1932 г. 800 тыс. га было за долги продано с торгов (в 1931 г. — 5789 дворов, в 1932 г. — 7060 дворов); 30 тыс. крестьян потеряли свои дворы, полученные ими в наследство. Давление цен мирового рынка, растущие налоги и падение спроса имели следствием серьезное падение крестьянских доходов, а государственные дотации и государственная помощь доставалась преимущественно не мелким и средним крестьянским хозяйствам, а восточноэльбским юнкерам, ведущим крупное и эффективное товарное производство. Вынужденные покупать импортные корма, немецкие крестьяне после 1929 г. стояли на грани краха; социальный продукт на селе драматически сократился⁶⁰⁶. Именно поэтому долгое время аграрный сектор был в центре внимания нацистских властей. После прихода нацистов к власти господствующее положение в нацистской аграрной политике занимал эпигон мистической теории «крови и почвы» (*Blut und Boden*, берлинские остряки сразу окрестили ее *Blubo*) Вальтер Дарре, который еще летом 1930 г. возглавил аграрно-политический аппарат партии (*Agrarpolitischen Apparat*). Его главной задачей стало завоевание симпатий немецких крестьян на сторону нацистов.

Дарре родился в Аргентине в шведско-немецкой семье, которая в 1905 г. вернулась в Германию; он был выпускником британского королевского колледжа в Уимблдоне, в войну ушел на фронт добровольцем (был награжден Железным крестом II степени), потом учился земледелию и скотоводству в университете Галле-Заале, имел высшее аграрное образование и был женат на дочери прусского помещика. Профессиональная карьера у него не заладилась, и он обратился к публицистике. Большое влияние на его мировоззрение оказал Хьюстон Стюарт Чемберлен и книга Ганса Гюнтера «Расоведение не-

мецкого народа»⁶⁰⁷; это просматривается, прежде всего, в книге «Крестьянство как источник северной расы» (1929), «Новое дворянство крови и почвы» (1930), а также в трактате с курьезным названием: «Свинья как критерий для нордических народов и семитов». Дарре утверждал, что в противоположностьномадам (особенно, по его мнению, евреям) нордическое крестьянство является подлинным творцом и создателем европейской культуры; для него крестьянство олицетворяло сущность немецкой традиции и культуры и являлось ее единственным животворным источником. Он предлагал создать своего рода «крестьянскую аристократию», то есть коренящийся в крестьянской среде слой господ, который составил бы элиту, смысловой центр и руководящую силу будущего сословного государства. Его суждения носили отпечаток расово-биологических теорий и сводились к тому же, о чем грезил и Гитлер — поиск вечного источника возрождения и обновления нордической расы. Большую роль сыграло и то обстоятельство, что программу Дарре поддерживал Гиммлер.

Дарре пришелся ко двору в партии. Как Гитлер, так и Гиммлер довольно долго находились под влиянием аграрной романтики, антиурбанизма и антимодернизма Дарре. Дарре занимался формированием аппарата аграрного отдела партии с 1930 г., не обладая, впрочем, необходимыми для этого задатками интригана и аппаратчика. Только благодаря случайному стечению обстоятельств после ухода Грегора Штрассера Дарре стал руководителем организационного отдела партии, который с его приходом утратил прежний вес и влияние.

Аграрная романтика Дарре простиралась довольно далеко: он стремился оставить крестьянина крестьянином, а в целом всю аграрную сферу извлечь из-под влияния естественного рыночного механизма, искусственно оградив его от пертурбаций, сопровождающих процесс развития экономики. Первоначально Дарре смог последовательно осуществлять принцип приоритета идеологии над экономикой: несмотря на огромные финансовые проблемы Третьего Рейха, налоги на крестьян систематически снижали. Нассауские крестьяне (район Висбадена) в знак благодарности даже поставили Дарре базальтовый памятник.

ник весом в 120 центнеров; средства для его создания были собраны по подписке⁶⁰⁸.

Гитлеровская аграрная романтика составляет весьма существенный элемент отличия нацистской тоталитарной системы от советской; как указывал Буллок: если Сталин видел в крестьянине-кулаке главное препятствие для осуществления программы модернизации сельского хозяйства, то Гитлер провозгласил крестьянство «вечно живым источником мощи немецкой нации»⁶⁰⁹. В «Майн кампф» Гитлер писал, что «огромные возможности и перспективы, открывающиеся перед нацией при условии сохранения здорового крестьянского сословия, до сих пор не получали должной оценки. Многие наши нынешние проблемы являются следствиями нездоровых взаимоотношений между городским и сельским населением. Прочная и устойчивая прослойка мелких и средних крестьянских хозяйств является лучшим противоядием против социальной напряженности и конфликтов»⁶¹⁰. Символично и показательно, что каждое 1 октября на горе Бюкельберг празднование «Дня немецкого крестьянина» проводилось столь же торжественно и с такой же помпой, как и 1 мая.

«Почвенничество» в условиях нацистской Германии было естественной реакцией теряющего ориентиры и доверие к себе самому в кризисные времена самого некогда значимого и широкого крестьянского слоя⁶¹¹. Дарре обосновывал необходимость санации сельского хозяйства не столько с экономической, сколько с духовной и расовой точки зрения; эта санация была для нацистов главной предпосылкой для того, чтобы вернуть немецкому народу выдающиеся расовые качества, которые были растеряны под влиянием индустриализации. Компоненты расовой теории в крестьянской политике также не являются специфически нацистским явлением, — они становятся заметными в крестьянской идеологии с конца XIX в. и связаны с именами Георга Ханзена и Отто Аммона. Конъюнктура для теории «крови и почвы» в конце 20-х гг. XX в. в Германии объясняется последствиями кризиса 1929 г., после которого особенно интенсивно шел процесс обнищания и деклассирования среднего класса. Крестьяне мечтали о якобы стабильном и свободном мире доиндустриального общества; это настроение было точно уловле-

но нацистами. Таким образом, крестьяне стали не только интегральной составляющей расовой концепции нацизма, но им выпала центральная роль в нацистской идеологии и социальной политике: настойчиво пропагандировалось ношение национальной одежды, домашнее ткачество для женщин, а также строительство крестьянских домов с традиционной крестьянской планировкой, обстановкой и мебелью⁶¹². Для женщин были созданы ткацкие и прядильные курсы, модельеры разрабатывали народную одежду, на ежегодном крестьянском празднике урожая устраивались соответствующие выставки и демонстрации крестьянских нарядов. По радио регулярно шли передачи, посвященные народным обычаям.

Вследствие этого нацисты и до 1930 г. имели довольно сильные позиции как во всевозможных крестьянских ассоциациях, представлявших интересы крестьян, так и собственно на селе: в сельских округах Шлезвиг-Гольштейна с 1928 по 1930 гг. число крестьянских голосов за гитлеровцев увеличилось в 7 раз — с 5 до 35%, в целом в сельских округах, где ощущение кризиса было наиболее острым, на выборах 1930 г. нацисты в среднем получали около 40% голосов, а в некоторых — более 50%⁶¹³. Дело в том, что нацисты точно уловили настроения в крестьянской среде: крестьяне относительно благополучно пережили инфляцию, но падение цен на сельскохозяйственную продукцию и удорожание кредита чрезвычайно осложнило им жизнь; за долги порой можно было лишиться дома и земли.

Многим немцам это казалось совершенно недопустимым, и нацисты, пожалуй, ярче всех сформулировали политические требования, восходящие к отказу от экономических выгод или экономических закономерностей в пользу сохранения высоких моральных ценностей и устоев «святого» крестьянского труда, быта и культуры. Такое своеобразное «почвенничество» даже и вне нацистского движения имело элементы расизма, на которые первоначально не обращали особого внимания. В 1920 г. Нобелевскую премию по литературе получил норвежский писатель Кнут Гамсун (1859—1952). В романе «Соки жизни» (1917 г.) он воспел труд земледельца; это произведение стало гимном крестьянской жизни и одновременно

радикальной критикой городской цивилизации. Успех романа был выражением общего кризиса того времени, откликом на ностальгические воспоминания о доиндустриальном обществе, протестом против интеллектуализма и механистического рационализма.

«Смелыми» лозунгами с требованиями земельной реформы нацистам удалось склонить на свою сторону значительную часть крестьян, особенно на севере Германии, где преобладало мелкое крестьянское землевладение. На выборах 1930 г. НСДАП получила 6,5 млн голосов, 23% из них были крестьянским, а в июле 1932 г. — уже 28%⁶¹⁴. Причиной такого впечатляющего успеха было то, что нацисты смогли убедить крестьян в том, что именно их партия сможет достичь самых важных целей: объединения раздробленных крестьянских дворов, управления рынком продуктов питания и обеспечения экономической безопасности. На руку нацистам было и то обстоятельство, что в крестьянской среде были сильны предубеждения против «еврейских банкиров» и страх перед большевизмом. Крестьян привлекала и идея сословного государства, так как на селе особенно интенсивной была потребность выхода из-под пресса безжалостной рыночной конкуренции. Со времен организации «Союза сельских хозяев» (1893 г.) крестьяне мечтали о доиндустриальных формах хозяйства и общества, особенно им льстило обещание нацистских идеологов, что крестьяне будут основным сословием будущего корпоративного государства. В «Майн кампф» Гитлер указывал на сословные палаты как на центральный экономический парламент. Нацистская пропаганда непрерывно твердила о «продовольственной свободе», о крестьянском «благородном сословии», о сельском хозяйстве как основе народного хозяйства. Все это создавало впечатление, что НСДАП выступает за крестьянские интересы энергичнее, чем другие партии.

Крестьянская политика нацистов до войны

После 1933 г. нацистами была преодолена раздробленность крестьянского движения: с 29 мая 1933 г. Дарре стал «имперским крестьянским вождем» (*Reichsbauernführer*) и

руководителем «сельского сословия» (*Landstand*). Правда, в начале 1933 г. Дарре был разочарован тем обстоятельством, что по тактическим соображениям Гитлер назначил министром сельского хозяйства Гутенберга — ставленника консервативных кругов; и между ним и Дарре разгорелась острая борьба. Суть противоречий состояла в том, что Дарре считал необходимым увеличить цены на сельскохозяйственные продукты, а Гутенберг — уменьшить банковские процентные ставки (одно сулило снижение стандартов потребления, а другое при сохранении цен давало крестьянам финансовые преимущества). Нацистская пропаганда обрушилась на Гутенберга, именуя его не иначе как «тормозом немецкой революции» (*Hemmschuh der deutschen Revolution*). В конце июля, устав от бесконечных нападок, Гутенберг вышел в отставку⁶¹⁵. После отставки Гутенберга гитлеровское правительство в принципе лишь продолжало мероприятия правительства Брюнинга по удешевлению кредита для крестьян и отсрочкам по долгам. Эта политика увенчалась бесспорными достижениями: в 1934—1935 финансовых годах крестьянские долги составили всего 150 млн рейхсмарок по сравнению 1 млрд в 1930—1931 г.⁶¹⁶ Для снятия напряженности 1 июня 1933 г. правительство наполовину простило крестьянам долги, а процент выплат по оставшимся долгам был установлен не более 4,5%⁶¹⁷. Налог на оборот сельскохозяйственной продукции нацистами был наполовину снижен, поэтому доходность крестьянских хозяйств существенно увеличилась: ее рост в 1925—1939 гг. составил 39%. Поэтому положение крестьян стало более сносным, чем положение рабочих и среднего сословия в целом. Вместе с тем, военная конъюнктура оказала давление на занятость в сельском хозяйстве: она упала с 28,9% в 1933 г. до 25,9% в 1939 г., но несмотря на это благодаря росту производительности труда уровень самообеспечения Германии продуктами питания вырос с 68% до 83%⁶¹⁸.

После отставки Гутенберга Гитлер сделал Дарре министром сельского хозяйства и четвертым национал-социалистом в кабинете. С этого момента Дарре получил возможность перейти к реализации собственной программы, предусматривавшей стабилизацию крестьянской собственности на землю, полный контроль за ценами на рын-

ке сельскохозяйственной продукции и создание сети заготпунктов как основы территориальной системы управления сельским хозяйством. Стремясь реализовать свои намерения, с мая по сентябрь 1933 г. Дарре разработал целый ряд законов, на основе которых 13 сентября была преобразована крестьянская корпорация — ранее она называлось «сельское сословие», а с отставкой Гутенберга превратилась в «имперское продовольственное сословие» РНШ (*RNSt— Reichsnährstand*), объединившее 17 млн крестьянских хозяйств. РНШ основывалось на опыте управления немецким сельским хозяйством в Первую мировую войну и на отходе от рыночных принципов и свободы предпринимательства. Этот отход, однако, не был артикулированным поворотом к плановому хозяйству, но, скорее, серией импровизаций с регулированием цен, с контролем процессом производства, с установлением предельного количества выращиваемых культур (контингентов отдельных товаров) для регионов страны и т. п. РНШ охватывало огромную номенклатуру продовольственных товаров — от зерна до порошка для пудингов, от мяса и рыбы до маргарина и горчицы, от пива до уксуса⁶¹⁹. К сфере РНШ относились еще и лесное и деревообрабатывающее производства. «Продовольственное сословие» насчитывало в своих рядах 17 млн членов, что позволяло ему считаться одной из самых крупных организаций нацистского государства. Назвать «корпорацией» это формирование можно лишь условно, поскольку оно было далеко от истинного самоуправления и строилось строго по принципу фюрерства, являясь неотъемлемой и дисциплинированной частью партии. Во главе РНШ стоял «имперский крестьянский вожьд» (*Reichsbauemführer*) — этот пост совмещался с постом министра продовольствия и сельского хозяйства, за ним следовали 20 «земельных крестьянских вождей» (*Landesbauemführer*), 521 «окружной крестьянский вожьд» (*Kreisbauernführer*), 50 153 «местных крестьянских вождей» (*Ortsbauemführer*). Для крестьян РНШ играло такую же роль, как ДАФ для рабочих.

Самым примечательным феноменом нацистской аграрной политики⁶²⁰ был вышедший 15 мая 1933 г. закон о «наследственных дворах» — РЭГ (*REG — Reichserbhofge-*

setz); крестьянские дворы были объявлены неотчуждаемой ни при каких условиях собственностью, что, бесспорно, было заветной мечтой не только немецких, но и всех крестьян во все времена. РЭГ касался крестьянских владений с 7,5 до 125 га и отражал традиционное стремление к полному исключению крестьянских хозяйств из рыночного механизма. Это стремление было традицией, восходящей к XIX в. — как кайзеровский Союз сельских хозяев (*Bund der Landwirte*), так и имперский земельный союз (*Reichslandbund*) времен Веймарской республики в своих программах особо важное место отводили максимальной субсидированию крестьянских хозяйств и их безопасности в условиях рынка. Социал-дарвинистские, антисемитские и сословные принципы также играли заметную роль в деятельности этих организаций и отразились в «законе о наследственных дворах»⁶²¹. Требование же введения обязательного родственного наследования земли тоже являлось традиционным и было связано с постоянной угрозой продажи крестьянских усадеб за долги.

Наследственные дворы не подлежали разделу или дроблению в процессе наследования, а после смерти хозяина переходили лишь к одному наследнику по старшинству. Это установление совпало с существовавшим истари в Германии стремлением предотвратить распыление крестьянской собственности, желанием сохранить крестьянский двор как единицу эффективной хозяйственной системы. В некоторых частях Германии старые крестьянские дворы в старину формально фиксировали (кодифицировали) как неделимые владения (*Anenbesitte*) — так делали в Ольденбурге (с 1873 г.), в Вестфалии (с 1882 г.), Бранденбурге (с 1883 г.), Шлезвиг-Гольштейне (с 1896 г.), в Бадене (с 1898 г.)⁶²². Этот обычай перекликается и со старой феодальной традицией: в старину в Германии, если собственник земли менялся, право охоты оставалось за прежним хозяином, что указывало на то, что акт продажи земли не рассматривался как обычная продажа вещи. Право собственности было, был и коммерческий оборот земельных участков, но в особых случаях определенный участок земли наделялся личными свойствами и изымался из коммерческого оборота. Нацисты просто «реставрировали» эти старые представления, сохранившиеся в

подсознании с глубины веков. Некоторую роль в формировании нацистских представлений о собственности на землю сыграли и представления Адама Мюллера, который считал владение человека продолжением его тела, и в разделении владения и бытия он винил римское право, допускавшее абстрактное владение; это право нацисты требовали заменить «немецким народным правом». В этом отношении пьеса Чехова «Вишневый сад» не о людях, а именно о саде — об имении, которому грозит уничтожение не в физическом смысле, но утрата личной определенности, вследствие чего утрачивается и историческое лицо человека, а в более широком смысле — и нации, потому что разрушается органическая целостность. Эта целостность и дух нации определяются не временем, а землей; народ и его земля — это две стороны фундаментального единства, которое нельзя разорвать, не уничтожив при этом нацию, как утверждал Адам Мюллер⁶²³. Нацисты в своей аграрной политике просто воспроизвели архаические представления о земельной собственности, примешав к ним расистский компонент.

К «наследственным дворам» закон относил крестьянское хозяйство, владелец которого («крестьянин» (*Bauer*), в отличие от «сельского хозяина» (*Landwirt*), которых оставалось довольно много) доказал в семи поколениях свое арийское происхождение (с 1 января 1800 г.); размеры земельного участка определялись довольно либерально — с 7,5 до 125 га, непременным условием была также рентабельность хозяйства, но из сферы действия закона о наследственных дворах были изъяты все мелкие крестьянские владения и латифундии свыше 125 га.

Дети от брака крестьянина с неарийской женщиной, разумеется, в соответствии с РЭГ не имели права наследовать землю. Наследство передавалось по мужской линии, бездетная вдова крестьянина имела право лишь на незначительную компенсацию (*Altenteil*), при этом не учитывалось, что, может быть, она принесла в дом значительное приданое или даже часть земли, а также долгие годы вкладывала свой труд в землю совместно с мужем. Стремление нацистов вовсе отстранить женщин от права собственности на землю на практике не удалось довести

до конца — слишком нелепым оно было: в 1933—1939 гг. 11% единоличных владельцев сельскохозяйственных угодий были женщинами⁶²⁴. Крестьяне не были довольны запретом самостоятельно решать судьбу своей земли: если у крестьянина не было сыновей, а только дочь, то он терял всякий интерес к интенсификации и требующим больших вложений улучшениям в своем хозяйстве... Многие крестьяне логично ставили вопрос: если работающий и деловой зять перенимает хозяйство, что в этом плохого? Лазейки, впрочем, были — в исключительных случаях владельцы наследственных дворов через суд могли без проволочек оперативно решить дело в свою пользу — сказывалась долгая традиция немецкого правопорядка. Положительные решения по крестьянским искам были возможны еще и по той причине, что местные крестьянские функционеры самыми важными считали интересы производства, а не абстрактные мотивы своих руководителей. Если считали, что дочь умершего крестьянина будет хозяйствовать более эффективно, чем его сын, то и решали в пользу наследницы.

К тому же в 1943 г. крупный эксперт по продовольственной политике Герберт Баке ревизовал РЭГ и провел распоряжение о том, что хозяйство может наследовать вдова или дочь погибшего на фронте крестьянина, чтобы избежать перехода земли в руки дальних родственников по линии мужа⁶²⁵. Такая коррекция прежнего жесткого курса была вызвана объективными факторами, и, прежде всего, возросшим значением женского труда в сельском хозяйстве: в 1933 г. из 11,5 млн занятых на селе женщины составляли 4,3 млн, а к началу войны доля женского труда составила уже 55%⁶²⁶. Налицо были противоречия объективных показателей и нацистских лозунгов о материнстве как единственной главной задаче женщин. Нацистское руководство нашло выход в том, что работа женщин в сельском хозяйстве была признана — наряду с работой в социальных службах и в сфере обслуживания — как свойственная и естественная (*arteigen*) для женщин.

Наследнику уже не нужно было платить налог на наследство, но его право распоряжения землей сокращалось: крестьяне, собственно, уже не являлись «владельцами» земли, но только пользующимися и управляющими ею.

РЭГ вводил принудительное наследование земли, независимо от желания и воли владельца; тем самым покупка нерентабельного крестьянского двора для создания более эффективного хозяйства исключалась. Арендуемые земли при этом во внимание не принимались. Любые операции с землей для крестьян были сопряжены с огромной бюрократической волокитой, многочисленными увязками и согласованиями. В июне 1936 г. был принят Закон о переделах земли (*Umlegungsgesetz*), который позволил государству вмешиваться в отношения собственности на земле. Посевные площади, дабы не допустить чересполосицы, были рационально переделены между крестьянами с учетом возделываемых культур. Если крестьянское хозяйство не давало приемлемой производительности, то, в принципе, возможна была процедуры пересмотра вопроса о старшинстве в крестьянской семье (*Abmeierung*) и передача прав крестьянина его родственнику или даже постороннему человеку. Для учета упомянутой производительности вводились «картотеки производительности дворов» (*Hofkarte*), в которых скрупулезно фиксировались производственные показатели отдельных хозяйств⁶²⁷. В упомянутой картотеке, которые заводили на каждое хозяйство, регистрировались наемные работники, отмечалась структура посевов, возрастной состав скота, степень обеспеченности машинами, урожайность, объем обязательных и сверхнормативных поставок. Обязательное и хорошо организованное планирование было повсеместно введено с 1937—1938 гг.⁶²⁸, оно не обошло и аграрную сферу.

В вопросах регулирования цен РЭГ был довольно эффективен, он установил регулирование закупочных сельскохозяйственных цен; с 1934 г. была введена система твердых цен на продукты сельского хозяйства. Были фиксированы обязательные квоты поставки — сначала только для пшеницы и ржи, а затем и для молока. Впоследствии вышло распоряжение о запрете самостоятельной продажи на рынке и переработки сельскохозяйственных продуктов на месте. Эти меры вызвали глухое недовольство крестьян: помимо экономических обстоятельств, большое значение имело и то, что продажа молока, яиц, овощей и свежего хлеба было женской обязанностью и составляло для них некоторое развлечение и средство со-

цианизации в процессе монотонного и тяжелого крестьянского труда. Кроме того, деньги, вырученные от этих продаж, составляли немаловажную часть бюджета крестьянской семьи. С одной стороны, эти доходы позволяли женщинам достичь некоторой самостоятельности, а, с другой стороны, некоторые новые вложения в расширение того или иного хозяйства или фермы часто были возможны исключительно благодаря этим «женским доходам». А это сильно подкрепляло право голоса женщины и ее автономию в семье — и по отношению к мужу, и по отношению к сыновьям. Нацистское же руководство выдвинуло лозунг: «крестьянка не должны быть торговкой». Женщины реагировали на эти запреты «мешочничеством»⁶²⁹. Репрессивные же меры редко имели эффект, поскольку какие-либо серьезные наказания законом не предусматривались.

Представим себе масштабы действия РЭГ: число «наследственных дворов» к 1939 г. составляло 689 700, они охватывали четверть немецкого крестьянства и 38% посевных площадей. По Германии в 1939 г. интенсивность распространения «наследственных дворов» была разная: в Сааре — 1%, в Бадене — 6%, в Вюртемберге и Гессен-Нассау — 11%, в Ганновере — 27,3%, Баварии — 29%, Саксонии — 33%, Шлезвиг-Гольштейне — 46%⁶³⁰. В отличие от прочих крестьянских хозяйств, «наследственные дворы» государство всячески поддерживало, субсидировало, им в первую очередь поставлялась сельскохозяйственная техника, удобрения, а самих крестьян перевозили как фундамент нации, источник ее силы и здоровья, хранителей сокровищницы арийской крови и всего германского достояния. Гитлер даже как-то заявил, что германский народ может обойтись без городских жителей, но без крестьян — нет. Дарре также рассчитывал, что наследственные дворы, включенные в централизованную и регулируемую хозяйственную систему, будут способствовать преодолению «хаоса рынка» и ликвидации капиталистической анархии производства. На деле, однако, до войны проблемы сельскохозяйственного производства регулировались в основном при помощи рыночных механизмов, материального стимулирования крестьян и прямого поощ-

рения роста производства. В начале 1937 г. был принят целый пакет государственных решений, направленных на улучшение положения сельского хозяйства: цены на удобрения были снижены на 25—30%, существенно понижены транспортные тарифы, а заготовительные цены на рожь, картофель и корма — повышены. Год спустя распоряжением имперского правительства были понижены цены на сельскохозяйственные машины. За короткий срок по всей стране была создана сеть консультационных пунктов для крестьян; специалисты из этих пунктов были обязаны помогать крестьянам правильно и рационально организовывать производство⁶³¹.

Разумеется, вмешательство в порядок организации аграрного сектора вызывали различные отклики, часто весьма нелицеприятные. Так, в августе 1934 г. статс-секретарь министерства экономики фон Рор в памятной записке на имя канцлера довольно резко высказался о РЭГ; он указывал на то, что законом о наследственных дворах будет создана неблагоприятная и бесперспективная категория иждивенцев на шее государства, что большинство крестьян отвергает новый закон, противоречащий их правовому чувству и элементарной свободе, что закон выдуман безответственными писаками, а не вырос из практических потребностей крестьян, что в случае неэффективности отдельных хозяйств закон сделает их обузой прежде всего для самих крестьян⁶³². Выводы из докладной записки эксперта полностью оправдались на практике: прежде всего, ограничение кредита имело следствием торможение модернизации сельскохозяйственного производства в Третьем Рейхе, его стагнацию и потерю мобильности. Несмотря на некоторое благоприятное для крестьянского благосостояния действие, создание РНШ не могло отменить ни экономических законов, ни социальных противоречий. Огромная организация РНШ (некоторые функционеры НСДАП даже называли ее «партией в партии») была сначала очень влиятельна — даже Шахт, находясь в пике своего могущества, не мог ничего с ней поделать, что и привело к продолжительному конфликту между ним и Дарре. Собственно, этот конфликт и побудил Гитлера использовать в качестве посредника Геринга, который впоследствии, на посту Генерального уполномоченного

по четырехлетнему плану, смог сделать «имперское продовольственное сословие» частью своей гигантской экономической администрации. Против Дарре также резко выступил Лей; он заявил, что «крестьянский вождь» виноват в безобразных условиях жизни и труда крестьян и в их массовом бегстве из деревни. Отчасти это обвинение соответствовало истине, но, скорее, это была борьба за компетенции.

Примечательно, что закон определял наследование крестьянского хозяйства целиком старшим сыном по правилу майората, то есть младшие сыновья должны были либо служить, либо основывать свои собственные хозяйства; в процессе восточной колонизации младшие сыновья владельцев «наследственных дворов» получали кредиты на приобретение земельных участков до 25 га. Тем не менее, современники отмечали, что число желающих поступать в сельскохозяйственные школы (техникумы) резко сократилось — молодые люди говорили, что если они не первенцы, то не станут владельцами земли, и зачем учиться на крестьянина?

Вообще, нацистское руководство не рассмотрело весьма существенную черту аграрной организации Германии — самой большой проблемой немецкого аграрного сектора была нехватка рабочих рук: еще до Первой мировой войны в Германии ежегодно насчитывалось около полумиллиона сезонных сельскохозяйственных рабочих, в Веймарскую республику эта тенденция сохранилась. Первое время после 1933 г. нацистам не была видна эта проблема, но как только безработица была преодолена (это произошло довольно быстро), началась ожесточенная борьба за трудовые ресурсы. На VI съезде крестьян Дарре заявил, что проблема дефицита рабочих рук на селе — это не столько экономическая, сколько расово-политическая проблема⁶³³, но от таких заклинаний, конечно, положение к лучшему не изменилось. Из-за нехватки рабочих рук уже с 1937 г. на сельскохозяйственные работы стали привлекать армию, СА, службу трудовой повинности (РАД). С февраля 1933 г. для молодых людей в возрасте с 16 до 21 года сначала была введена добровольная единовременная шестимесячная повинность — так называемая «помощь селу» (*Landhilfe*), а с апреля 1934 г. она стала обяза-

тельной, хотя многие избегали этого «года в деревне» (*Landjahr*) — лазеек было достаточно. Поденщики, которые из года в год ездили на сезонные работы из города, стали получать от государства «премии за верность»⁶³⁴. Из-за нехватки мужчин на селе значительная нагрузка ложилась на женские плечи, что было чревато снижением рождаемости и подрывом самых оснований теории «почвы и крови»... С началом войны Дарре прямо призвал немецких крестьянок сохранить производственные показатели их хозяйств, несмотря на то, что их мужья и сыновья отправившись на фронт⁶³⁵. Исходя из прагматических целей с началом войны всякое разделение труда по половому признаку, ранее считавшееся бесспорным, было объявлено «устаревшим».

Что касается важной части аграрной политики нацистов — колонизации, то до 1939 г. внутренняя колонизация была затруднена из-за цен на землю, которые выросли с 1935 г. до 1939 г. на 30%. Обещания Дарре начать внутреннюю колонизацию в Восточной Пруссии натолкнулись на сильное противодействие вставшего на защиту юнкеров Гинденбурга, а после его смерти не менее сильного защитника дворяне получили в лице Геринга. Впрочем, у дворян были значительные связи в государственной бюрократии, армии: число хозяйств свыше 1000 га до середины 1938 г. даже росло, но из 14 тыс. больших хозяйств (свыше 125 га) только 8% стали наследственными дворами — 1086⁶³⁶.

Одним из важнейших элементов нацистской политики было стремление контролировать аграрный рынок; этот контроль должен был увеличить доходы крестьян и повысить уровень производства продуктов питания. Заготовительные пункты устанавливали закупочные цены на продукты и закупали продукты у крестьян по более высоким, чем на мировом рынке, ценам: таким образом претворялась в жизнь программа защиты отечественного производителя. Наследственные дворы должны были стать самостоятельными экономическими единицами, независимыми от рынка с его конъюнктурными колебаниями и предназначенными только для того, чтобы воспроизводить избранное и «высокоценное» (в нацистской терми-

нологии) крестьянство. Нацисты обещали крестьянам высокие закупочные цены и сдержали слово, но крестьяне не были довольны, поскольку не привыкли к централизованным заготовительным кампаниям, которые подчас были сопряжены с некоторой задержкой платежей. Покупатели также часто были недовольны новыми порядками, так как раньше они могли покупать продукты (яйца, молоко, сметану, творог) у «своего» крестьянина, которому доверяли, теперь же все продукты сдавали в центральные заготконторы и лишь после этого распределяли по магазинам⁶³⁷. Для регулирования закупочных кампаний были созданы формальные органы крестьянского самоуправления — заготконторы (*Reichsstellen*) и инстанции более высокого уровня — хозяйственные объединения (*Wirtschaftliche Vereinigungen*) — позднее они назывались «главные объединения» (*Hauptvereinigungen*), но на деле их автономия была фикцией по причине огромного количества всяких вышестоящих инстанций. «Главные объединения» были, по существу, принудительными картелями для производителей и переработчиков сельскохозяйственной продукции, они также устанавливали цены, необходимые кондиции товара и контингенты. Мнимая самостоятельность заготконтор и «главных объединений» создавали у крестьян иллюзию, что их давняя мечта о ликвидации иностранной конкуренции и гарантированных доходах производителей, наконец, осуществилась⁶³⁸. Для стимулирования производства заготконторы пытались использовать ценовое регулирование: так, по зерновым поначалу отмечалось перепроизводство, поэтому заготконторы устанавливали более низкие цены, а чтобы после переработки зерна на мельницах не спекулировали мукой, был создан «мельничный синдикат», устанавливающий цены по сложной системе классификации качества зерна. Когда, однако, в 1934 г., год катастрофически низкого урожая, обнаружился недостаток зерна, то цены поднимать не стали, поскольку нацистское руководство стремилось держать на зерно твердую цену, чтобы не отягчать потребителей хлеба; это вызывало у крестьян недовольство. Для сокращения дефицита Дарре стал просить у руководства валюту для закупки зерна за рубежом. Гитлер, опасаясь роста социальной напряженности, его поддержал.

Условия же молокозаготовок были более благоприятны для крупных производителей, а не для мелких крестьянских хозяйств. В секторе жиров наблюдался огромный дефицит, который нацисты стремились смягчить производством маргарина или заменой масла конфитюрами или вареньем, что, естественно, вызывало недовольство немцев.

Фашистский итальянский режим стремился в собственных целях использовать массовый энтузиазм населения: по призыву Муссолини устраивались бесчисленные общественные кампании, например, битвы за урожай (*bataglia del grano*). В Германии Дарре охотно прибегал к этому средству мобилизации, надеясь поднять производство продуктов питания. Первую битву за урожай (*Erzeugungsschlacht*) в Германии провели в неурожайный 1934 г., при этом помощь селу горожанами рассматривалась как «долг перед отечеством», крестьянский же труд был назван «долгом чести».

Вопреки благим пожеланиям и устремлениям руководства РНШ, отток крестьян из деревни в 1933—1938 гг. был довольно значительным (в город ушло около 1 млн крестьян⁶³⁹) по причине низкого уровня жизни в деревне. Несмотря на пропаганду, доля сельскохозяйственного населения в Германии с 1933 по 1939 гг. уменьшилась с 20,8% до 18%. Непрерывающийся процесс индустриализации и отток крестьян из села имел следствием то, что большее количество земли вообще не обрабатывалось — на селе в 1938 г. не хватало 600 тыс. рабочих рук⁶⁴⁰. Помимо всего прочего, низкий уровень жизни на селе находился в глубоком противоречии с романтической аграрной идеологией нацистов, которая временами казалась крестьянам насмешкой и грубой маскировкой для выкачивания из села ресурсов.

Следует, однако, отметить, что инвестиции в сельскохозяйственное машиностроение с 1933 по 1939 гг. выросли на 26%⁶⁴¹. Химические удобрения стали применять гораздо интенсивнее, что, впрочем, привело в ряде случаев к закислению почвы. В целом, с 1933 г. до начала войны объем сельскохозяйственного производства вырос с 18,6 млрд рейхсмарок до 22,6 млрд, но вырос и импорт — с 0,9 млрд рейхсмарок до 1,1 млрд: достичь искомой ав-

таркии не удалось⁶⁴². Тем не менее, видно, что темпы роста ввоза аграрной продукции сократились. Крестьяне, благодаря значительным субсидиям, торговали по фиксированным ценам и могли рассчитывать на твердый доход (правда, не растущий). Кстати, устранение еврейских посредников не совсем благоприятно сказалось на ценах, ранее свободно формировавшихся на рыночной основе: так, 3 марта 1933 г. местное отделение РНШ баварского местечка Муггендорф жаловалось, что, вопреки категорическому требованию, крестьяне продолжают пользоваться услугами евреев-скупщиков скота⁶⁴³.

Хотя положение в сельском хозяйстве определяли не колонисты и владельцы «наследственных дворов», а восточноэльбские латифундисты, но и хозяйства юнкеров во все большей степени попадали под давление планового хозяйства и плановых решений. Стремление нацистов обеспечить максимальную эффективность аграрной сферы натолкнулось на идеологические противоречия, ибо геббельсовская пропаганда постоянно нападала на юнкеров и латифундистские хозяйства восточных районов Германии, но именно эти хозяйства являлись наиболее продуктивными⁶⁴⁴.

Крестьяне не могли самостоятельно решать вопрос о специализации своего хозяйства; в целом сельское хозяйство оказалось изъятым из естественного хозяйственного процесса. В результате прибыльность крестьянских хозяйств упала, а задолженность выросла. Поначалу крестьяне не ощущали неудобств, но в условиях экономического подъема первых лет нацизма перспектива работы при не растущих доходах становилась все менее привлекательной. В конечном счете весьма притягательные и психологически очень действенные гарантии крестьянской собственности оказались стертыми из-за расширения государственного вмешательства и экономической несвободы крестьян. В этой связи следует отметить, что пресловутый «социализм» нацистов был нацелен не на социализацию и обобществление, а на изменение социального сознания, на кооперацию с политическим режимом и вездесущими правами фюрера — даже право на собственность стало, как и все другие гражданские права, функцией служения новому государству. Крестьяне в целом были не-

довольны регулированием рынка, которое напоминало им регулирование и регламентирование в годы Первой мировой войны⁶⁴⁵. Недовольны были и потребители, которые считали, что аграрному сектору благоприятствовали в ущерб другим.

Нацистская крестьянская политика во время войны

С началом войны «имперское продовольственное сословие» и де-юре стало частью государственного аппарата; мечта о сословном государстве в случае с крестьянами также оказалась миражом, как и для других сословий Третьего Рейха. В принципе, «Имперское продовольственное сословие», формально являлось самостоятельной организацией, но § 4 закона допускал полномочное вмешательство в его дела министра сельского хозяйства, поэтому оно было орудием государства и ни о какой его самостоятельной роли не было и речи. Столь же иллюзорной оказалась надежда функционеров РНШ на то, что в кадровой и воспитательной политике на селе оно будет иметь доминирующие позиции: преодолеть в этой сфере влияние всемогущих гауляйтеров не удалось. Зависимость функционеров аграрного аппарата от партийных инстанций была весьма велика и часто приводила к острым конфликтам компетенций: однажды Дарре сместил вестфальского земельного крестьянского вождя, а местный гауляйтер назначил того руководителем сельскохозяйственного отдела в своем ведомстве⁶⁴⁶. То есть, по существу, решение Дарре было отменено.

Пик влияния Дарре пришелся на 1930—1936 гг.: с момента начала милитаризации экономики и с введением «четырёхлетнего плана» его звезда начинает клониться к закату, а в войну Дарре и вовсе исчез со сцены, уступив место напористым оппортунистам из своего окружения: для осуществления гитлеровских завоевательных планов нужны были индустриализация и модернизация, а не ре-аграризация и антимодернизм. Нацистская аграрная политика была полем конфликта между расово-политическими установками и производственными продовольствен-

ными проблемами: крестьянство как «источник крови нации» должно было занять почетное место в новом нацистском государстве и национальной общности, но эта «высокая» цель противоречила потребностям производства продуктов питания и достижения автаркии⁶⁴⁷. Поэтому в 1936 г. сельское хозяйство было включено в четырехлетнее планирование и в подготовку войны, идеологические постулаты стали отступать на второй план и стали усиливаться рыночные механизмы, с одной стороны, и репрессивные меры государства по отношению к производителям — с другой. С началом войны сельское хозяйство было полностью вовлечено в тотальную военную экономику, и РНШ стало простым административным передаточным механизмом. Оно должно было регулировать производство, переработку и сбыт сельскохозяйственной продукции: крестьяне не могли по собственному усмотрению распоряжаться произведенным продуктом, который надлежало сдавать государству по установленным ценам. Распоряжением «генерального уполномоченного по четырехлетнему плану» 7 сентября 1939 г. вводились специальные разрешения на свободную продажу мяса, зерна, молока. Эти меры, однако, имели и положительную сторону — заготовительные цены были устойчивыми, и крестьяне могли рассчитывать на твердый, хотя и не растущий доход. В войну были введены премии и за дополнительные сверхплановые поставки. С другой стороны, использовать заработанные деньги для расширения производства в войну было невозможно: о мелиорации, механизации и химизации сельского хозяйства в тот период не могло быть и речи. К тому же, с началом войны у крестьян начали реквизируют лошадей и урезать квоты на топливо. Во многих усадьбах стали запрягать ослов; однако, критические настроения крестьян смягчились, когда для полевых и иных работ им стали предоставлять военнопленных, которые смягчили проблему дефицита рабочих рук⁶⁴⁸.

Давление на «мешочников», которые стремились избежать обязательных сдач продуктов по фиксированным ценам, иногда слишком усиливалось: в 1942 г. Гитлер даже призвал чрезмерно усердных администраторов карать только профессиональных спекулянтов, а не останавливать

поезда и автомобили и не обыскивать пассажиров — если крестьянин продает своим городским знакомым оставшиеся после выполнения плана продукты, то не нужно этому мешать, чтобы не создавать дополнительной напряженности⁶⁴⁹.

С того момента, когда нацистская политика вооружений и подготовки к войне подчинила себе все остальные сферы, в сфере продовольственной политики взошла звезда компетентного в вопросах продовольственного снабжения технократа, статс-секретаря в аппарате Генерального уполномоченного по четырехлетнему плану Герберта Баке⁶⁵⁰; его поддерживали Гиммлер и Геринг. Не понимая новых задач и не имея здоровья для упорной работы и интриг, Дарре потерял всякое влияние и интерес к работе, а также поддержку и дружбу Гиммлера⁶⁵¹. Впрочем, формально Дарре так и не был освобожден от должности министра; по состоянию здоровья он вышел в отставку 13 мая 1945 г., но с 1938 г. все дела министерства вел Баке. Фактическое отстранение от дел после войны позволило Дарре говорить о «преследовании» со стороны нацистов⁶⁵². Некоторые историки (Хаусхофер, Брамсвелл) также пытались представить Дарре борцом за крестьянские интересы и за прогрессивные экологические ценности. Но эти попытки несостоятельны по причине расистских и шовинистических установок Дарре. В 1949 г. он был осужден на семь лет, в 1950 г. досрочно освобожден и умер от цирроза печени в 1953 г.⁶⁵³

Баке же со временем стал настоящим продовольственным диктатором, ему и досталась неблагоприятная задача выжать все возможное из крестьян до завоевания «жизненного пространства» на Востоке; в 1944 г. он и фактически стал министром продовольствия. Баке, будучи убежденным нацистом, тем не менее, в отличие от Дарре, последовательно выступал за интенсивную технизацию и рационализацию сельскохозяйственного производства. К такой жесткой позиции Баке толкало и руководство: Гитлер боялся «генерала Голода», который одолел немцев в Первую мировую войну, и стремился к максимальному сокращению продовольственного дефицита. В момент начала войны Третий Рейх располагал значительными

резервами зерна (8,6 млн тонн), но они не были достаточными, для ликвидации дефицита нужны были жесткие меры и непопулярные решения, и Баке готов был действовать в этом направлении. Во время войны в соответствии с Законом об управлении хозяйством (от 27 августа 1939 г.) в Германии существенно изменялся порядок государственной заготовки сельскохозяйственных продуктов: свободная их продажа практически воспрещалась, все продукты подлежали обязательной сдаче на заготовительные пункты. Закон предусматривал даже принудительное взыскание установленных норм. Если ранее основной формой экономических связей в аграрном секторе была система контрактов, то упомянутым законом было введено обязательное контингентирование⁶⁵⁴, которое мало чем отличалось от выполнения плана в советских колхозах. Если до закона 27 августа 1939 г. РНШ рассматривалось как самостоятельная инстанция, подразделявшаяся на земельные «крестьянские общества», то после принятия этого закона оно целиком попало в ведомство министерства сельского хозяйства и утратило всякую автономию. С начала войны продовольствие у крестьян практически конфисковывали. Все меры по рациональному распределению имеющегося продовольствия были довольно эффективными: карточная система распределения продовольствия существовала, но первое сокращение рационов по карточкам произошло только 6 апреля 1942 г. — хлеба стали выдавать вместо 3650 граммов — 3400 граммов, рацион жиров сократился с 800 до 600 граммов в неделю. Если до войны каждый немец ежедневно получал 3000 калорий, то в 1939 г. — 2400, а в 1945 г. — 1400 калорий. До осени 1944 г. на продовольственном рынке немцы не ощущали практически никакого напряжения. Для сравнения можно указать на то, что в Англии трудности с продовольствием начались сразу — в 1940—1941 гг.⁶⁵⁵ Если в Первую мировую войну урожай зерна, картофеля и сахарной свеклы составил 60—64% от довоенного уровня, то в 1944 г. этот показатель составлял в Германии — 78% зерновых от довоенного уровня, 80% по картофелю и 100% по сахарной свекле⁶⁵⁶. Понятно, что это относительное благополучие в продовольственном снабжении и в урожайности не было исключительно итогом усилий

немецких крестьян, но также и ограбления оккупированных стран (в 1942—1943 гг. поставки из оккупированных районов составляли 15%) и использованием на селе труда военнопленных (к 1944 г. на селе в Германии работало 2,4 млн иностранцев).

Институт экономики в городе Киль констатировал в 1944 г., что значение Восточной Европы для снабжения Рейха было весьма незначительным, во всяком случае, не таким, каким оно могло быть, учитывая ее огромные возможности и плодородие земли. Причины такого положения ученые усматривали в хищнической эксплуатации тамошних крестьян, в бесплановости действий властей и в преследовании по расовым мотивам⁶⁵⁷. В западных странах (особенно в Голландии и Франции) нацисты цивилизованными способами добились гораздо больших результатов в вывозе необходимых продуктов питания.

В итоге следует констатировать, что ни идеологические, ни экономические цели аграрной политики Третьего Рейха в полной мере не достигли целей, прокламированных первоначально — предотвращения «капитализации» крестьян и бегства из села: урбанизация активно продолжалась и при нацистах. Первоначальное ощущение, что после многих столетий политической дискриминации крестьян при нацистском режиме их, наконец, стали воспринимать серьезно, их общественная значимость поднималась, а экономически для них открылись блестящие перспективы, — все оказалось обманчивым скорее даже* в силу объективных обстоятельств, а не сознательного обмана нацистов. На самом деле, хоть крестьян и превозносили как самое здоровое сословие нации, «гарантию будущего», но фактически их безжалостно эксплуатировали в предвоенные годы и особенно во время войны. Ожидания крестьян сделаться первым и самым важным сословием государства не оправдались: корпоративные убеждения нацистов имели на практике столь же малое значение, как и их антикапитализм.

Хотя в экономическом отношении дела у большинства крестьян в нацистские времена пошли лучше — их владения были законодательно защищены от рисков (что имело беспрецедентный в западной истории характер) —

эти бесспорные достижения были сведены на нет нацистским вмешательством в процесс хозяйничанья на земле, всякого рода регламентациями и репрессиями против плохо функционирующих хозяйств или против крестьян-неконформистов. Тем не менее, несмотря на некоторые неудовлетворительные высказывания и критику режима со стороны крестьян, большинство крестьянского населения вплоть до конца Второй мировой войны поддерживало нацистский режим. Во многом эти крестьянские симпатии стали следствием минимализации капиталистических рыночных рисков, а также гарантирования хотя и умеренного, но стабильного дохода.

ГЛАВА III

РАБОЧИЙ КЛАСС И «НАРОДНАЯ ОБЩНОСТЬ» (VOLKSGEMEINSCHAFT)

«У меня нет большего достижения и нет в жизни большей гордости, чем сознание того, что перед смертью я смогу сказать, что я отвоевал германский Рейх и передал его немецким рабочим».

(А. Гитлер)⁶⁵⁸

«Либерализм — это вера в деньги, а социализм — это вера в труд».

(Й. Геббельс)

Первоначальная унификация рабочих: одобрение и апатия

7 августа 1921 г. Гитлер, обосновывая необходимость сохранения в названии партии обозначения «рабочая», сказал, что если Фридрих Великий говорил о себе как о первом слуге государства, работнике, то почему нужно стыдиться этого слова? На самом деле, нацисты много сделали для того, чтобы увеличить уважение к рабочим в обществе. В соответствии с доктринально-расовой точкой зрения Гитлера, рабочие после крестьян представляли из себя «более здоровую», чем остальные, часть немецкого народа, не «выродившуюся» в расовом отношении. В этой оценке прежде всего выражалось презрение Гитлера к интеллигенции, являвшейся, на его взгляд, виновницей рассудочной политической позиции и отсутствия патриотизма. В этой связи гитлеровское толкование причин поражения в Первую мировую войну пребывало в двух плоскостях: метаисторических спекуляций (урбанизация, упадок нравов, материализм, евреи, слабости руководящих слоев, тотальная политическая дегенерация). Другая плоскость, находившаяся в минимальной связи с первой — предательство вождей рабочего класса («удар кинжалом в спину» борющемуся фронту).

Исходя из этой логики, первым шагом Гитлера стала ликвидация организованного рабочего движения. Гитлер считал, что «освобождение» немецкого рабочего, — в сущности, патриота и националиста, — от разлагающей идеологии «ноябрьских преступников» составляет одну из важнейших предпосылок будущей успешной войны. За ликвидацией организованного рабочего движения последовало столь же последовательное и скрупулезное уничтожение всякого подпольного сопротивления. При этом первоначальные масштабы репрессий были абсолютно беспрецедентными. Эти репрессии были следствием вывода Гитлера, что революционные и пацифистские агитаторы должны быть безжалостно уничтожены. Политику нацистов отчасти можно представить как стремление сделать опыт национального воодушевления августа 1914 г. перманентным состоянием народа, что было довольно трудно, ибо требовало постоянного подкрепления, подпитки, но нацистам это по большей части удавалось.

В соответствии с гитлеровским расовым антисемитизмом, именно еврейская интеллигенция смогла через марксистские пролетарские партии внедрить в рабочей среде классовое сознание. Вспоминая годы жизни в Вене, Гитлер писал, что крайне негативное впечатление произвело на него отсутствие патриотизма у венских строительных рабочих, а также восприятие ими законов, религии, школы и морали исключительно через призму классового сознания. Поэтому он считал, что только подъем социального положения широких рабочих масс поможет им избавиться от положения париев в обществе и вовлечет их в нацию как единое целое, а также оторвет от социалистических агитаторов⁶⁵⁹.

После прихода Гитлера к власти в пропаганде вновь и вновь поднимался вопрос о том, что в Германии происходит истинная социалистическая революция, в результате которой немецкие рабочие займут то место, которое им давно пророчила НСДАП. 11 мая 1933 г. Гитлер сказал, что «Германия лишь тогда станет самой великой и мощной державой, если самые бедные немцы станут самыми верными гражданами»⁶⁶⁰. Еще раньше — 10 февраля 1933 г. — Гитлер произнес программную речь в берлинском дворце спорта. Высшей целью партии он объявил «сохранение народа и

устранение нелепого положения классового противостояния в обществе». Второй после крестьян опорой нации он назвал рабочих, которых «следует вернуть в национальную общность как равноправных членов».

11 ноября 1933 г., выступая перед рабочими завода Сименс-Шукерт, Гитлер заявил: «Если сейчас я обращаюсь к миллионам рабочих, то на это у меня прав больше, чем у кого-либо. Я вырос среди вас, я был одним из вас, я 4,5 года сидел вместе с вами в окопах и говорю с вами о том, что нас объединяет и что нас заботит»⁶⁶¹.

До прихода Гитлера к власти численность рабочих в НСДАП колебалась (в 1930—1933 гг.) между 26% и 38%⁶⁶² — этого было явно недостаточно при нацистских претензиях на положение массовой партии, представлявшей интересы всей нации. Несмотря на усилия нацистской пропаганды и повышенное внимание Гитлера к вопросу привлечения на сторону НСДАП как можно большего количества рабочих, дело у нацистов не шло, так как нацистской пропаганде противостояли традиции классовой солидарности и превосходная партийная организация СДПГ и КППГ. Вслед за известным немецким историком Броскатом следует констатировать, что «рабочий элемент выказал пренебрежение НСДАП как массовой политической организацией»⁶⁶³. Однако немецкий рабочий класс смог сохранять дистанцию по отношению к нацистам только в условиях Веймарской демократии; после прихода Гитлера к власти дело приняло другой оборот: в условиях диктатуры и безоглядной демагогии нацисты в минимально мыслимые сроки смогли свести к нулю и пролетарскую классовую солидарность и, казалось, непоколебимую и жесткую партийную организацию СДПГ и КППГ. Большую роль в разрушении этой солидарности сыграло и то, что в Третьем Рейхе было много возможностей для социального подъема — немецкими историками подсчитано, что социальная мобильность немецкого общества в течение первых шести лет нацистского режима была в два раза выше, чем за последние шесть лет существования Веймарской республики: «различные бюрократические инстанции, — писал немецкий историк Шефер, — и всевозможные частные инициативы поглотили один миллион человек, которые вышли из рабочего класса»⁶⁶⁴.

Унификация и опека в нацистской системе не распространялась по всему обществу равномерно: рейхсвер, промышленность, церковь и бюрократия довольно долго сохраняли относительную свободу, в отличие от них рабочий класс сразу стал объектом охранительной и социальной политики гитлеровцев. Гитлер как-то сказал, что он вмешается, если деятельность крупной промышленности будет противоречить интересам нации, но не раньше; и на самом деле заметно, что если структура промышленности в целом долгое время не претерпевала каких-либо изменений, то рабочее и социальное законодательство и организация изменилось сразу и кардинально, да и гитлеровское внимание к этим вопросам носило устойчивый характер. Несмотря на уступчивую позицию руководства профсоюзов — после успешных для нацистов парламентских выборов 5 марта 1933 г. председатель АД ГБ (самого крупного немецкого профсоюзного объединения) Лейпарт в письме Гитлеру открыто отказался от ориентации на СДПГ⁶⁶⁵ — все равно нацисты были исполнены решимости покончить с организованным профсоюзным рабочим движением.

Для достижения этой цели еще 10 апреля Гитлер распорядился объявить 1 мая Днем национального труда; он стал праздноваться официально, сделавшись выходным днем. Таким образом Гитлер хотел заменить международный красный праздник солидарности трудящихся (официальное признание которого было мечтой многих поколений рабочих) национальным праздником, что ему и удалось сделать. 1 мая 1933 г. в Берлине на аэродроме Темпельхоф был проведен миллионный митинг, на котором нацисты призвали покончить со снобизмом и классово-борьбой и установить отношения взаимного уважения между различными составляющими нации⁶⁶⁶. Под завесой эйфории, вызванной установлением нового праздника, нацисты смогли разрушить социал-демократическую профсоюзную организацию, вожди которой — Лейпарт и Грассман — надеялись, что у Гитлера не достанет смелости пойти на столь радикальный шаг; они считали, что лучше не провоцировать нацистов. В этом профсоюзное руководство серьезно просчиталось: уже на следующий день после праздника штурмовики начали действовать, и

вскоре профсоюзов не стало, их имущество было конфисковано. По приказу Геринга 10 мая 1933 г. вслед за имуществом профсоюзов было конфисковано недвижимое имущество и денежные средства СДПГ, а партийную организацию запретили еще через месяц — 22 июня⁶⁶⁷. За полгода до этого никому и в голову не могло прийти, что самое мощное и организованное в Европе рабочее движение будет так быстро разбито без всяких затруднений и сопротивления: для нацистов это была феноменальная удача. Для того, чтобы пресечь возрождение старых профсоюзов, в рамках ДАФ была создана собственная контрразведка⁶⁶⁸.

Предпринимательские организации также подверглись унификации — 20 января 1934 г. вышел закон «О регулировании национального труда», провозглашавший равенство прав рабочих и предпринимателей; предприниматель объявлялся «вождем» предприятия, создавался доверительный совет, который в процессе руководства предприятием имел право совещательного голоса, закон также регулировал продолжительность рабочего дня, заработной платы, условия найма и увольнения рабочих — все было в компетенции предпринимателя. Доверительный совет формировался по представлениям предпринимателя и ДАФ, а затем утверждался общим собранием коллектива. Работодатель становился «вождем предприятия», а рабочие считались его «дружиной» (*Gefolgschaft*), обязанной сохранять верность своему лидеру; эта общность рабочих и предпринимателей поощрялась также в целях успешного выполнения плановых заданий. В каждом из 12 экономических районов назначались «опекуны труда» — «беспристрастные» посредники между рабочими и предпринимателями. Старосты ДАФ не пользовались на предприятиях особым весом, так как кроме права выставить своих представителей в доверительный совет, никаких юридически оформленных прав не имели. Если в доверительном совете дело доходило до споров, то в дело вступал представитель арбитража труда РТА (*R TA — Reichstreuhändler der Arbeit*) при министерстве труда, а не ДАФ. Хотя в «Майн кампф» Гитлер однозначно подтверждал полезность и необходимость существования профсоюзов⁶⁶⁹, но достижение равновесия в противостоянии ра-

бочих и предпринимателей он видел не в самой классовой борьбе, рассматриваемой как пустая трата сил, а в государственном арбитраже.

В своей практической деятельности предприниматель находился под контролем арбитража. Законом об организации национального труда от 20 января 1934 г. на предприятиях вводился фюрерский принцип и полностью исключались как стачка, так и локаут. Задачами представителей арбитража на предприятиях было формирование производственных доверительных советов (*betriebliche Vertrauensräte*), вынесение решений в спорных вопросах организации производственного процесса и формирование общих правил организации производственного процесса. Знаток социальной истории Третьего Рейха Тимоти Мэйсон так характеризовал положение арбитров труда: «Арбитраж был своего рода головной социально-политической инстанцией, главная задача которого состояла в том, чтобы на предмет действительной необходимости проверять массовые увольнения рабочих, следить за соблюдением приемлемого уровня условий труда и по возможности содействовать их улучшению, издавать и утверждать новые тарифные схемы оплаты труда»⁶⁷⁰. Сами же правила организации труда должны были издавать «фюреры» предприятий; эти правила регулировали начало и окончание работы, периодичность и размеры оплаты труда, периодичность и размеры выплаты зарплаты, условия аккордной и сдельной оплаты, правила, размеры и способы взимания штрафов, условия увольнения.

Эти социальные ограничения должна была компенсировать ДАФ, руководитель которой Роберт Лей и его помощники Клаус Зельцнер, Рудольф Шмеер, Отто Маренбах стремились в рамках своей организации проводить такую социальную политику, которая бы обеспечила постепенное формирование бесконфликтного общества, в котором не было бы места политическому плюрализму и классовой борьбе. Лея манил «коричневый коллективизм», при котором только сон оставался бы частным делом человека. Бюрократический аппарат ДАФ был довольно мощным и насчитывал 44 тыс. функционеров, она располагала огромными финансовыми возможностями. Благодаря активности ДАФ в ряде случаев улучшились

условия труда рабочих; в случае болезни, несчастных случаев и инвалидности ДАФ поддерживала пострадавших. Очень популярной была программа ДАФ «Сила через радость» (КДФ — *KdF-Kraft durch Freude*). Вследствие многообразной активности ДАФ, предприниматели видели в нем «чрезвычайно динамичный и мощный профсоюз», поскольку функционеры ДАФ оказывали на предпринимателей давление и требовали более высокой зарплаты, более длительного отпуска, лучших условий труда, больших сроков предварительного извещения об увольнении. Впрочем, во время войны ДАФ изменила курс на прямо противоположный: она уже требовала 72-часовой рабочей недели и ужесточения трудовой дисциплины. Лей, располагая доверием Гитлера, лелеял «наполеоновские» планы в отношении роли ДАФ в будущем: в 1938 г. он представил на рассмотрение законы, которые в случае их принятия, по словам Гимmlера, поставили бы его и ДАФ выше, чем государство и партию. Такие перспективы стали логичным продолжением прежней линии нацистов в социальной сфере.

На отдельных предприятиях место крупнейшего социал-демократического профсоюза (АДГБ), коммунистических и других профсоюзов первоначально занял нацистский профсоюз — НСБО (*NSBO, NS Betriebszellenorganisation*) и нацистские производственные ячейки, созданные Грегором Штрассером⁶⁷¹. Во главе НСБО находился сначала Вагенер, затем Мухов — оба были сторонниками Штрассера и пламенными поборниками антикапитализма. НСБО не были особенно популярны среди рабочих по той причине, что у них не было денег на забастовочные фонды поддержки рабочих⁶⁷². К тому же, НСБО не были самостоятельны, они были включены в ДАФ. Вследствие жесткой позиции НСБО, деньги крупной промышленности пропорционально всем ее расходам на политические партии, до 1933 г. были направлены против НСДАП, а не в поддержку нацизма, как это традиционно считала советская историография⁶⁷³. Вероятно, именно по этой причине Гитлер не испытывал ни малейших симпатий к социал-революционным представлениям левого крыла партии и НСБО во главе с Муховым⁶⁷⁴.

До 1933 г. НСБО самостоятельно не смогли получить значительные позиции в профсоюзном движении, хотя сам Гитлер на это и не рассчитывал; он указывал, что НСБО должны сыграть на предприятиях такую же роль, что играют на улицах штурмовики, НСБО «должны стать мировоззренческим войском национал-социализма на предприятиях»⁶⁷⁵. Вследствие радикализма НСБО, им была уготована такая же участь, как и СА, с тем различием, что СА были низведены до уровня аморфной массовой организации, не принимавшей участие в политике, а НСБО были вытеснены и замещены ДАФ к 1934 г. Особенно прочными позиции НСБО были первоначально сильны в «красном гау» гауляйтера Рейнпфальца Йозефа Бюркеля, который стремился представить партию как социалистическую и рабочую. Ядром бюркелевской модели социализма для рабочих было требование «участия в прибылях», активная социальная политика и государственное вмешательство в частным образом организованное производство. Как и Грегор Штрассер, Бюркель был убежден, что в сознании рабочего класса дремлет глубокий антикапитализм. Бюркель грозил* «разорвать на части» любого рейнского промышленника, если тот посмеет что-либо сказать против Грегора Штрассера⁶⁷⁶. Не случайно в гау Бюркеля процент пролетарских выборщиков НСДАП был самым высоким в Рейхе. Бюркеля спасло от расправы в «ночь длинных ножей» только то, что он был по совместительству гитлеровским уполномоченным в Сааре. Высшей целью Бюркель считал привлечение рабочего класса, — отравленного-де пацифизмом и отказом от национальной идеи, — на сторону партии. Бюркель определял социализм как веру, исходящую от сердца, идущую от крови; он говорил, что «социализм — это не что иное как вера, товарищество, преданность народу»⁶⁷⁷. Социализм для него — это синоним общности духа и преодоления классовых противоречий. Весьма действенным было осуществление Бюркелем своего старого требования о равных рождественских премиях для рабочих и для служащих, а также введение 6-часового рабочего дня для шахтеров. «Жадным до денег вредителям» из числа предпринимателей он грозил концлагерем и закрытием предприятий. В 1938 г. Бюркель на самом деле приказал гестапо арестовать директора

одного большого предприятия в Кайзерслаутерне и отправил его в концлагерь за то, что тот ввел на своем заводе эксплуататорскую аккордную оплату труда и самовольно увеличил рабочий день до 14 часов.

Не меньшим радикалом и сторонником «истинного» национального социализма был и Отто Вагнер, образ мыслей которого долго был близок Гитлеру. Для того, чтобы воспрепятствовать Вагнеру стать министром экономики, Геринг убедил Гитлера назначить на этот пост Курта Шмитта, директора мюнхенского страхового общества «Альянс»⁶⁷⁸. Шмитт, разумеется, представлял интересы прежде всего бизнеса, а не социалистов из НСДАП. Шмитт и подобные ему политики — при помощи ловкого трюка с разделением капитализма на «грабительский еврейский» и «производственный творческий арийский» — смогли избежать необходимости критики капитализма как такового и превратили предпринимателя в «вождя предприятия», для которого более важной является общая польза и общее благо. Наемные работники должны были стать его послушной «дружиной», действующей заодно с вождем во имя процветания нации. Неумное стремление некоторых предпринимателей к наживе и беспощадной эксплуатации рабочих были объявлены нацистами проявлением «бесхарактерности», которую следовало карать учрежденным для этого судам чести. Такие угрозы многие предприниматели справедливо воспринимали как фарс. При этом Гитлер не раз высказывался в том смысле, что главную долю ответственности за классовую борьбу несут не рабочие и их идеологи, а падкие до наживы буржуи⁶⁷⁹. Правда, не менее часто он говорил и о происках евреев.

Как бы там ни было, но Гитлеру в исторически короткий срок удалось при помощи сочетания позитивных и репрессивных действий (масштабы и размах сопротивления коммунистов и социал-демократов не были большими) унифицировать самое мощное в Европе рабочее движение. Этот несомненный и быстрый успех в формировании новой рабочей политики свидетельствует о наличии динамики в действиях нацистов, а также об их умении формулировать притягательные для рабочих цели социальной политики и реализовывать их на практике.

Труд и занятость рабочих во время войны

В Германии во время войны положение в сфере занятости радикально отличалось от других западных стран, где сохранялась высокая безработица, и массовый призыв в армию только сбалансировал занятость; в Третьем Рейхе необходимость формирования все новых крупных военных соединений действовала подобно помпе, высасывающей не только гражданские структуры занятости⁶⁸⁰, но и негативно действующей на военное производство. Уже летом 1939 г. вермахт изъял из производства 2,5 млн военнообязанных. Проблема усугублялась тем, что полная занятость в Германии была достигнута за счет форсированного производства вооружений, а заменить военнообязанных, уходящих в армию, было нечем.

Если в первый период войны как солдат, так и рабочих, было достаточно, то с началом войны на Восточном фронте положение резко изменилось в худшую сторону. Приоритет, естественно, был отдан армии, и из-за призыва на военную службу ощущалась нехватка рабочих: между маем 1939 и маем 1942 гг. было призвано 9,7 млн мужчин, оставивших рабочие места. К таким потерям нацистская система занятости не была готова; учет рабочей силы был поставлен плохо: система «трудовых книжек», созданная министерством труда, учитывала только занятых, не имеющих самостоятельного дела, и оставляла неучтенными всех остальных (крестьян, ремесленников, лиц свободных профессий); так называемая «народная картотека» (она должна была учесть все трудовые ресурсы Германии) к 1939 г. еще не была готова и только выходила из стадии планирования. В результате этой неразберихи к началу войны была учтена только половина занятых, что стало серьезной помехой для мобилизации.

Первоначально все рабочие военных предприятий получали «бронь» (освобождение от военной службы), поэтому каждое предприятие стремилось получить военный заказ и сохранить таким образом квалифицированных рабочих, машинный парк и складские помещения. Это приводило к распылению военных заказов. Хотя с началом мобилизационных мероприятий «незаменимые» специалисты (рабочие и инженеры) были освобождены от

военной службы, но они рассматривались как мобилизованные и должны были считаться с отрывом от семьи, казарменным положением и снижением оплаты труда. «Беспольные» в военное время предприятия закрывались, а специалистов переводили оттуда на военное производство, что, понятно, также не вызывало восторга у рабочих.

Потребность в «пушечном мясе» росла, и соблюдать систему «брони» (к началу операции «Барбаросса» ее имели 5 млн немецких рабочих) уже было трудно; тогда перешли к беспрецедентной практике отзыва солдат из действующей армии и возвращения их на время в военную промышленность. Но такая практика была возможна только при среднестатистических потерях, ведь каждая фронтовая потеря ощущалась вдвойне — и на фронте, и в тылу: нужно было найти замену и погибшему или раненому солдату, и потерявшему для производства специалисту. На подобный риск мог пойти лишь тот, кто был убежден в абсолютном успехе своего стратегического планирования⁶⁸¹; эта убежденность Гитлера, казалось, на самом деле сработала в сенсационной победе над Францией, где вермахт имел глубоко эшелонированные оперативные резервы, которых у вермахта летом 1941 г. в СССР почти не было, да и не могло быть хотя бы в силу совершенно немислимых масштабов кампании.

На вакантные рабочие места первоначально начали вербовать иностранцев⁶⁸² из Польши, Голландии, Бельгии, Люксембурга, Норвегии и Дании. Ответственным за вербовку был гитлеровский уполномоченный по рабочей силе Фриц Заукель⁶⁸³ (гауляйтер Тюрингии, бывший моряк и фабричный рабочий), который пообещал быстро привлечь 5 млн иностранцев, преимущественно западных рабочих (их не нужно было изолировать и охранять). Рабочие западных стран, однако, не особенно охотно ехали в Германию, и Заукель начал переходить к практике передач военных заказов западноевропейским заводам, которые за это освобождались от мобилизации рабочих в Германию. Эта политика, впрочем, не имела особого успеха, и Заукель организовал охоту за людьми: миллионы людей по всей Европе, — кто обманом, а кто и силой, — были вывезены в Германию для работы на полях и заво-

дах. Интересно, что Заукель серьезно относился к обещаниям, данным людям, отправлявшимся на работу. Во Франции, например, он заключил своеобразную сделку с добровольцами: военнопленным предложили немедленное освобождение, если они подпишут контракт и поедут работать на немецких фабриках. По условиям еще одного договора предлагалось освободить одного военнопленного в обмен на трех добровольцев, которые согласятся покинуть Францию и поехать в Рейх⁶⁸⁴. До конца 1941 г. призывам немецких вербовщиков в западных странах последовало 300 тысяч человек. Уполномоченные Заукеля носили армейскую форму: и сам Заукель и Гитлер считали организацию подневольного труда приравненной к участию в военных операциях.

Расово-идеологические мотивы и опасения, что все советские люди — убежденные коммунисты, препятствовали использованию 3,5 млн советских военнопленных первого года войны; к 1942 г. 1,1 млн из них были еще живы, даже в конце 1942 г. — лишь 0,4 млн советских военнопленных работало в Германии⁶⁸⁵, что составляло около 10% их численности в 1942—1943 гг.; гораздо большую роль в германской экономике сыграли гражданские лица, насильственно угнанные в Германию или приехавшие добровольно. В целом из СССР было депортировано 2,8 млн гражданского населения, из которых 600 тыс. погибло⁶⁸⁶.

Гитлер во время войны отказался расширять привлечение к работе женщин: до войны работали 14 млн немецких женщин, после ее начала — столько же (6 млн на селе и 8 млн — в других сферах); для сравнения: в США и Великобритании число работающих женщин удвоилось, а в СССР они практически вынесли на своих плечах весь тыл. Война с самого начала была воспринята немцами без особого энтузиазма, а с увеличением издержек военного времени стало наблюдаться снижение патриотических настроений, о чем свидетельствует поведение женщин, которые стремились любыми путями избежать работы: с 30 мая 1939 г. до 31 мая 1941 г. число работающих женщин сократилось на 287 500⁶⁸⁷. Гитлеровское руководство долго терпело это положение, и лишь 23 января 1943 г. вышел «Указ фюрера о всеохватывающем полном привлечении мужчин и женщин для решения оборонных задач»

(Erlaß des Führers über den umfassenden Einsatz von Männer und Frauen für Aufgaben der Reichs-Verteidigung)'), по этому указу еще не охваченные мужчины с 16 до 65 лет и женщины с 17 до 50 лет должны были явиться в ведомства по труду, пройти регистрацию, встать на учет и устроиться на указанную работу. Результат этого указа был мизерным: через полгода Заукель доложил Гитлеру о привлечении 1,3 млн человек (1,2 млн из них были женщины, 700 тыс. из которых работало неполный день); этого было явно недостаточно⁶⁸⁸. Причины небольшого эффекта указа объясняются тем, что руководство опасалось взрыва социальной напряженности: ответственным за эту акцию было дано указание помнить о последствиях своих действий и не усугублять положение на «фронте тыла»⁶⁸⁹.

Таковыми же колебаниями была отмечена нацистская политика по «вычесыванию» трудовых ресурсов из определенных отраслей промышленности или из управленческих кадров. Когда акции по закрытию предприятий торговли, различных мастерских и служб в гостиницах и ресторанах столкнулись с претензиями со стороны пострадавших, интерес к осуществлению этих мероприятий упал, и осенью 1943 г. всякая активность в реализации этих планов была прекращена из опасений «побить политический фарфор». Тем самым желание Геббельса «сделать тотальными внутренние военные усилия Германии» были сведены на нет⁶⁹⁰.

Поэтому Заукель вынужден был вновь обратиться к иностранной рабочей силе: за три года своей деятельности он рекрутировал 5,3 млн иностранных рабочих. Самые значительные контингенты шли из Голландии, Бельгии и Франции — в конце 1944 г. 20% всех рабочих в Германии были иностранцами. Летом 1944 г., на пике немецкого военного производства, в Германии работало 7,6 млн иностранцев: 2,8 млн советских людей, 1,7 млн поляков, 1,3 млн французов, 590 тыс. итальянцев, 280 тыс. чехов, 270 тыс. голландцев и 250 тыс. бельгийцев. В сельском хозяйстве иностранцы составляли 50% занятых, а в промышленном производстве — треть⁶⁹¹. Не менее значительным, чем количество, было и качество рабочей силы; исследования рабочих свойств 12 тыс. рабочих одного из оборон-

ных предприятий дали следующий результат: по степени пригодности у мужчин наблюдалась такая очередность: французы, русские, немцы, поляки, югославы, голландцы, норвежцы, итальянцы. У женщин по качеству рабочей силы на первом месте оказались русские, затем шли польки, немки, француженки и югославки. В начале 1944 г. Имперская промышленная палата опубликовала результаты исследования о производительности труда иностранных рабочих относительно немецкой нормы в 100%: советские работницы — 90—100%, квалифицированные чешские рабочие — 80—95%, советские рабочие — 60—80%, итальянцы — 70%, рабочие из Голландии, Дании и с Балкан — 50—70%⁶⁹². Несмотря на довольно значительное отставание от немецкого уровня производительности труда, не может быть никакого сомнения в том, что иностранные рабочие были одним из главных факторов успехов немецкой военной промышленности в последние годы войны.

С началом отступления на Востоке рекрутирование все более сворачивалось, советских рабочих почти не поступало, поэтому весной и летом 1944 г. по приказу имперского уполномоченного по ведению тотальной войны Геббельса была предпринята последняя попытка перетрясти наличные немецкие трудовые ресурсы. Но и эти меры — расширение обязательной явки на биржи труда, введение 60-часовой рабочей недели, отмена отпусков, очередная кампания по «прочесыванию» управленческого аппарата, усиление борьбы с прогулами — оказались недостаточными и запоздалыми: они ничуть не улучшили положение с рабочей силой в военной экономике. К тому же, через несколько недель развитие военной обстановки сделало эти меры ненужными, так как полный приоритет получил призыв новых солдат, а не набор новых рабочих⁶⁹³.

Сам Заукель признавал, что из 5 млн иностранных рабочих только 200 тыс. были добровольцами; очень непродолжительное время поезда с остарбайтерами, украшенные цветами, прибывали на немецкие вокзалы, и смеющиеся украинцы выгружались на перрон. С 1943 г. на оккупированной территории СССР для отправки на работы в Германию были обязаны явиться все люди с 14 до 65 лет; желающих сделать это добровольно было немного, и началась настоящая охота за людьми. Впоследствии

это варварство также было поставлено Заукелю в вину — Нюрнбергским трибуналом он был осужден и казнен.

Рабочие с Запада имели меньший рацион, чем немцы, а рабочие с Востока — половину немецкого рациона; восточные рабочие получали от 7 до 22% от зарплаты западных рабочих. На практике немецкие рабочие были «присматриваемыми», а западные рабочие занимали подчиненное положение. К тому же они были оторваны от своих семей, что создавало дополнительный дискомфорт, размещались они преимущественно в бараках, в специальных лагерях⁶⁹⁴.

Для польских же рабочих все обычные положения трудового права «польскими указами» в марте 1940 г. были отменены, и вводились особые наказания за прогулы и нарушения трудовой дисциплины; все польские рабочие обязаны были носить нарукавную повязку со знаком «Р» (*Pole* — поляк), за ними устанавливался полицейский надзор. В дальнейшем эта особая система обращения с поляками вылилась в их полную изоляцию не только от окружающей социальной среды в Германии, но от родины и семьи. Самую же нижнюю часть пирамиды составляли «осты» и советские военнопленные. Наиболее явно дискриминация проступала в оплате труда: в начале 1940 г. для поляков, работающих в Рейхе, вводилась отдельная система расценок, а также был введен «социальный компенсационный сбор» в размере 15% от зарплаты со следующей любопытной мотивировкой — «для обеспечения немцам, по причине их высокого уровня жизни, большего вознаграждения, чем полякам». На зарплату же «остов» ввели налог, переименованный в 1943 г. во «взнос восточных рабочих», который почти полностью урезал заработок советских гражданских лиц⁶⁹⁵.

Что касается социальной политики ДАФ, то довоенные социальные мероприятия в войну хотя и не были отменены, но во многих случаях практически прекратили существование, зато появились другие заботы: специальная служба помощи жильцам разбомбленных квартир в поисках жилья, заводские столовые и пункты раздачи витаминов. Особым вниманием пользовались работающие женщины: для помощи им на предприятиях создава-

лись детские сады, продовольственные магазины обязали доставлять продукты прямо на заводы, чтобы женщины не стояли в очередях. Война наложила свой отпечаток и на деятельность ДАФ: после 1939 г. по некоторым оценкам на долю вермахта приходилось 80% всей деятельности ДАФ — он занимался обучением, размещением и питанием миллионов иностранных рабочих; вплоть до 1944 г. ДАФ управлял 1000 лагерей, где сосредоточилось 1,1 млн рабочих; также ДАФ надзирал за 4600 такими же лагерями⁶⁹⁶. С началом войны нацистское руководство распорядилось о том, чтобы все указы правительства, касающиеся производственной деятельности, доводились до рабочих на производственных собраниях или линейках (*Betriebsappelle*). Проведением этих линеек и соответствующей пропагандистской подачей непопулярных правительственных мер на производстве занималось военное ведомство ДАФ, что отнюдь не было легкой задачей. СД передавала, что рабочие без радости принимали известия об очередных ухудшениях своего положения. Рабочий день с началом войны был увеличен до 10, а иногда и до 12 часов, при шестидневной рабочей неделе.

Для ДАФ был важен вопрос о зарплате немецких рабочих; влиять на положение в этой сфере ДАФ почти не мог, так как «Постановлением об экономике военного времени» от 4 сентября 1939 г. зарплата была заморожена, все доплаты за сверхурочные, ночные и работу в выходные дни и в праздники отменялись. Это значительное снижение доходов было усугублено увеличением на 50% подоходного налога, от которого освобождались только те, чей доход не превышал 2400 марок в год. Были повышены акцизы на пиво, табак и спиртное. Правда, как только положение на фронте прояснилось, руководство шло на попятную: вскоре министр труда восстановил дополнительные выплаты за работу в воскресенье, в праздники и по ночам, а с конца 1939 г. стали вновь платить за сверхурочные, превышающие 10-ти часовой рабочий день. В сентябре 1940 г. опять стали доплачивать за 9-й и 10-й рабочие часы, так что все пункты постановления об экономике военного времени оказались изъятыми — в силе остались только налоговые предписания⁶⁹⁷. Эти позиции правительства в области зарплаты оставались неизмен-

ными до конца войны, то есть следует признать, что во время войны Гитлер смог минимизировать материальные тяготы немецких рабочих. По официальным данным реальные доходы промышленных рабочих до 1941 г. росли, а затем — до 1944 г. — стабилизировались на уровне относительно благополучного 1938 г.⁶⁹⁸

В 1940 г. Роберт Лей по предложению Гитлера выступил со своим «планом Бевериджа»⁶⁹⁹ — проектом социальных мероприятий, охватывавших все периоды жизни немца от колыбели до гробовой доски. Если бы этот проект был осуществлен, то было бы создано общество социального подъема и многообразных возможностей развития человека с системой почти полного социального страхования. План Лея предусматривал строительство жилья с низкой квартплатой, страхование по болезни, прогрессивную структуру зарплаты и широкую систему пенсионного обеспечения. План Лея предвосхищал многие прогрессивные социальные новшества, осуществленные в Европе после войны, особенно — стараниями лейбористского правительства — в Англии. Правда, в отличие от плана Бевериджа, основополагающим элементом нового нацистского социального порядка должно было стать угнетение побежденных народов, которые бы обеспечили немцам преимущества метрополии перед колониями, особенно на Востоке. Лей указывал, что «колонизация на Востоке одним махом может поставить сотни тысяч немцев (в терминах нацистов — *Volksgenossen*) на привилегированные рабочие места, которые они никогда бы не смогли получить в старом Рейхе»⁷⁰⁰. После войны уровень жизни самых бедных немцев не мог быть ниже уровня жизни самых богатых представителей покоренных народов, которым планировалось оставлять только часть произведенного продукта: остальное должно было передаваться немцам в качестве вознаграждения за политическое руководство. Это означало, однако, реализацию новой разновидности эксплуатации, которая должна была заменить традиционную капиталистическую эксплуатацию. Лей писал: «Через 10 лет Германию будет не узнать. Из пролетарского народа немецкий народ превратится в нацию господ. Через 10 лет немецкий рабочий будет выглядеть лучше, чем нынешний английский лорд»⁷⁰¹.

До реализации этих утопий нужно было еще дожить, а пока военные будни рабочих определялись другими, менее радостными заботами. Летом, 1943 г. СД передавала, что среди рабочих, — особенно в Саксонии, долгое время бывшей оплотом коммунистов, — распространялись суждения, что при большевиках будет плохо только нацистской элите, а рабочему классу и широким массам будет все равно, кто ими руководит: нацисты или большевики. Старые рабочие говорили, что при кайзере, в республику и при нацистах им приходилось много работать; и от большевиков они тоже ничего, кроме работы и скудной оплаты не ждут. На Западе Рейха рабочие поговаривали, что им нечего бояться в случае немецкого поражения, так как они войдут в англо-франко-американскую зону оккупации. Аналитики СД, как бы извиняясь, отмечали, что это только частные высказывания, но при этом указывали на опасный характер этой тенденции⁷⁰². На деле каких-либо опасных эксцессов неповиновения властям в рабочей среде до конца войны так и не было отмечено, даже когда в конце сентября 1944 г. нацисты стали создавать народное ополчение (*Volkssturm*), в которое включали всех мужчин от 16 до 60 лет.

В итоге следует констатировать, что за всю свою историю именно в период Третьего Рейха немецкий рабочий класс в наибольшей степени был не субъектом, а объектом развития⁷⁰³. В этом, впрочем, нет ничего обидного или унижительного для немецкого пролетариата, так как у него, как и у остальных классов общества, не было и не могло быть иммунитета против коричневой заразы, а условия тоталитарной действительности не оставляли никаких возможностей для политического самовыражения, в том числе и выражения особого классового сознания немецких рабочих. Акценты и активизм нацистской социальной политики находились в совершенно иной плоскости, нежели традиционные политические подходы СДПГ и КПП, поэтому нацисты смогли, репрессиями выведя КПП И СДПГ «за скобки», представить дело так, что именно они являются настоящими носителями и выразителями истинной национальной общности, равноправной и весомой частью которой является и немецкий рабочий класс.

ГЛАВА IV

ЖЕНЩИНЫ В ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ

«Немецкие женщины хотят быть женами и матерями, они не хотят быть товарищами, как призывают красные. У женщин нет стремления работать на фабриках, в бюро, в парламенте. Хороший дом, любимый муж и счастливые дети ближе ее сердцу».

(А. Гитлер)⁷⁰⁴

Соотношение объективных и субъективных факторов в нацистской женской политике

Нацистская женская политика восходила к примитивному социал-дарвинизму XIX в.; собственной оригинальной женской идеологии нацисты не имели. Лозунги типа «женщина — это продолжательница рода, носительница домашних добродетелей и хранительница домашнего очага» скрывали практические цели: устранение безработицы, рост населения ради удовлетворения потребностей армии и колонизации на Востоке. Гитлер однажды так прямо и высказался: «наша женская программа сводится к одному слову — дети»⁷⁰⁵. Произведя в некоторых сферах социальной политики революционные преобразования, в женском вопросе нацисты оставались традиционалистами и консерваторами; они стремились во что бы то ни стало ограничить сферу деятельности женщин домашним очагом и детьми, доктриной нацистов была «эмансипация женщин от женской эмансипации». Гитлер не раз подчеркивал, что в современном западном обществе воцарилось либеральное уравнивание полов, которое является ошибочным в силу игнорирования естественного разделения полов: после 1933 г. в Германии было объявлено о разрешении женского вопроса путем возвращения женщине ее «естественной» роли продолжательницы рода, хранительницы биологического наследия нации и чистоты крови, матери, супруги, хозяйки дома. До Второй мировой войны нацисты опубликовали множество книг и

статей, в которых изображалась идиллическая картина долгожданного «освобождения» немецких женщин от деградации и угнетения республиканской веймарской «системой»⁷⁰⁶. На Нюрнбергском съезде 1934 г. Гитлер сказал: «мир мужчины — это государство, это борьба за общность, то есть можно сказать, что мир женщины меньше. Ее мир — это семья, муж, дети и дом. Но где был бы большой мир, если бы не было малого? Большой мир строится на малом: мужчина проявляет мужество на поле боя, женщина же самоутверждается в самоотдаче, в страдании и работе. Каждый ребенок, которого она производит на свет — это ее битва, выигранная битва за существование своего народа»⁷⁰⁷. Хотя женщины были желанными «партийными товарками» (*Parteigenossinnen*), но, как указывал партийный идеолог Розенберг, — «в одном должна быть ясность — судьями, солдатами и государственными деятелями могут быть только мужчины»⁷⁰⁸. С другой стороны, отношение Гитлера и нацистов к женщинам было часто неоднозначным — пренебрежительные отклики о женском уме соседствовали порой с поощрением «неженской» карьеры той или иной представительницы «слабого» пола: вдова любимого Гитлером немецкого архитектора Пауля Трооста Герда руководила собственным архитектурным бюро, которое нацисты активно снабжали крупными заказами; Гитлер активно помогал развитию режиссерского таланта Лени Рифеншталь, чрезвычайно одаренного человека с весьма независимым характером. Без моральной и финансовой поддержки Гитлера Винфред Вагнер вряд ли смогла бы возродить Байрейтский фестиваль вагнеровской музыки и стать его патроном. При этом фюрер неоднократно повторял, что «женщина не может быть творческой натурой, равной мужской натуре художника. Ангелика Кауфман был великим художником»⁷⁰⁹. Это, впрочем, не мешало ему говорить, что Зигфрид Вагнер (сын композитора и дирижер) ничего не достиг бы без такой матери, как Козима и без такой жены, как Винфред. Сам Гитлер в общении с женщинами никогда не выказывал превосходства или пренебрежения. Шпеер вспоминал, что жены столпов режима, с которыми Гитлер охотно и часто общался, оказались более неподатливыми на искушения власти, чем их мужья. Они не

витали в их фантастических мирах, и политические вихри, возносившие кверху мужей, стороной обходили жен. Шпеер считал, что фрау Борман так и осталась простой домохозяйкой; фрау Геринг, казалось, постоянно подсмеивалась над фанфаронством своего мужа; фрау Геббельс в умственном и моральном отношении стояла значительно выше мужа; Ева Браун никогда не использовала власть в личных целях⁷¹⁰. С этим утверждением Шпеера трудно не согласиться, и оно делает действительную картину положения и роли женщины в Третьем Рейхе более точной.

В целом Гитлер и нацисты стремились отвести женщине пассивную роль в обществе, их считали не в полной мере правоспособными. Так, в соответствии с Нюрнбергскими законами немецких женщин не наказывали за связь с евреем, что должно было указывать на неполную моральную и правовую состоятельность женщин и их зависимость от мужчин⁷¹¹. Наказанию подлежали еврей-мужчины и немцы-мужчины, замеченные во «вредоносных» для арийской расы связях. Впрочем, в разгар войны женщин, замеченных в недопустимых с точки зрения нацистов связях, стали помещать под превентивный арест и отправлять в концлагеря.

Следует учитывать, что женская эмансипация имела во многих отношениях объективный характер и, вопреки всем нацистским теоретизированием и попыткам повернуть колесо истории вспять, эмансипация набирала обороты, а Германия в этом отношении была страной с самыми эмансипированными женщинами в мире. Например у доктора наук, дипломированного инженера и летчицы Мелитты Шиллер (в замужестве Штауффенберг) в послужном списке было 1500 вылетов на испытаниях истребителей и пикирующих бомбардировщиков; каждый из этих вылетов был смертельно опасен. Интересна судьба Беате Кестлин (в замужестве Узе), которая в войну была летчицей-испытательницей: она испытывала реактивный истребитель Me-262. В 1945 г. Кестлин со своим сыном и маленькой дочерью смогла улететь из осажденного советскими войсками Берлина на Запад и таким образом спастись. После войны Беате Узе занялась бизнесом и сделала головокружительную карьеру, начав издателем эротического журнала и расширив свою деятельность до

создания концерна, занимающегося порнобизнесом; в этом качестве она существенно повлияла на изменение сексуальной морали в ФРГ в 1960—1970-е гг. Великой летчицей, известной всему миру, была Ханна Ройтч (1912—1979); в 1937 г. Гитлер лично вручил ей диплом первой в мире женщины-командира эскадрильи (*Flugkapitän*); она первой испытала вертолет (сконструированный Генрихом Фоке по знаменитому чертежу Леонардо да Винчи), первой пролетела на вертолете в помещении. Будучи уже известной летчицей, Ройтч отвергла членство в БДМ и не пожелала вступить в партию⁷¹². В 1942 г. Гитлер вручил Ройтч Рыцарский крест 1-го класса за риск при испытании летательных аппаратов; она испытывала и реактивные самолеты⁷¹³. Правда, на фронт ее, как и других женщин, категорически не допускали.

В вермахте вообще не было женских подразделений, не было женщин-офицеров, даже в санитарной службе вермахта были только медсестры и сиделки, но не было женщин-врачей, не говоря уже о фронтовых санитарках (как в Советской армии). Лишь в люфтваффе числилось несколько женщин-пилотов, которые еще до войны были известными во всем мире спортсменками. В уставе вермахта было оговорено, что женщины в вермахте являются лишь вспомогательными силами. По мнению нацистской верхушки и Гитлера, ношение оружия не сочеталось с местом и ролью женщины в семье и обществе. Эту свою линию нацисты, впрочем, не смогли провести до конца — в самом конце войны женщин (на основе добровольности) стали привлекать в зенитную артиллерию, поэтому в марте 1945 г. вышло распоряжение, разрешающее женщинам использовать ручное огнестрельное оружие и фаустпатроны. Но даже в самом конце войны соотношение мужчин и женщин в вермахте было 20:1⁷¹⁴.

Кроме субъективного фактора (отношение самого Гитлера к женскому вопросу), в Германии, как и в прочих европейских странах, имел место и объективный процесс модернизации, начавшийся в стране в вильгельмовские времена, продолжившийся в Веймарскую республику, а после нацистов — в ФРГ. Во всех странах Первая мировая война ослабила старые ортодоксальные институты и органы власти, и по окончании войны ни правительство,

ни церковь, ни школа и семья не могли, как прежде, контролировать жизнь людей. Стало складываться более свободное от условностей общество, и женщины от этого только выиграли. Устаревшие предписания касательно того, что женщинам подобает или не подобает делать, более не пользовались доверием; потеряли свою силу и прежние табу на появление женщин в общественных местах без сопровождающих, на употребление спиртных напитков и курение табака и даже на добрые сексуальные связи. Все это в равной степени относится как к Германии, так и к Англии и Франции. Еще до прихода нацистов к власти положение женщин в Германии сильно изменилось под воздействием экономического кризиса, который коснулся миллионов людей самых разных социальных положений и обоих полов. Надо учитывать и степень эмансипации в Германии к моменту прихода нацистов к власти. Так, в 1926 г. в конгрессе и сенате США было 3 женщины, в австрийском парламенте — 6 женщин, а в рейхстаге — 32 женщины-депутата. В начале 1933 г. в рейхстаге было 35 женщин, а в английском парламенте — 15⁷¹⁵. С другой стороны, в немецкие университеты женщины были допущены только в Первую мировую войну, а после Второй мировой войны темпы эмансипации немецких женщин отстали от других стран: если в 1919 г. в Рейхстаге было 10% женщин, то в бундестаге в 1989 г. — 7%, что значительно ниже западных стандартов. В ФРГ в университетах квота женщин хоть и выросла с 22% в 1957 г. до 40% в 1989 г., но среди штатных профессоров женщин было только 5%, такой же процент женщин наблюдался среди адвокатов, а среди высших администраторов — 3,4%⁷¹⁶. Это значительно ниже, чем в Англии и во Франции. По всей видимости, консерватизм немецкого общества и немецких женщин оказался выше, чем в других странах — этим консерватизмом и воспользовался Гитлер, за которого в 1930—1933 гг. проголосовала значительная часть немецких женщин. Весьма показательный факт: несмотря на несомненный расцвет феминистского движения в ФРГ в 1960—1970 гг., когда среди левых радикалов и террористов было много женщин, даже Ульрика Майнхоф и Гудрун Энсселин не были феминистками⁷¹⁷.

Значительная степень модернизации немецкого общества в женском вопросе (до 1933 г.) и связанное с ней ослабление строгих правил сексуальной морали вызвали серьезные осложнения для нацистской женской политики. В 1941 г. одна из ведущих женских функционерок Третьего Рейха Рюдигер выдвинула лозунг: «Немецкая девушка, твоя честь — это верность крови твоего народа»; этот лозунг имел целью воспрепятствовать проникновению «чуждой» крови в немецкую «расу господ». Это было тем более актуальным, что со времени своего основания «Лига немецких девушек» слыла организацией, спокойно относившейся к вопросам половой морали. Ослаблению контроля в сексуальной сфере способствовало то, что девушки и молодые женщины, занятые работой в БДМ, подолгу были оторваны от семьи и домашнего контроля. Особенно большую опасность Рюдигер видела в том, что девушки соприкасаются не только с немецкими солдатами и своими сверстниками, но и с военнопленными. Связь с военнопленным Рюдигер призывала рассматривать как предательство солдат, сражающихся на фронте⁷¹⁸. Ослабление сексуальной морали отмечали и независимые источники; так, в нелегальных донесениях из Германии подпольных групп СДПГ с возмущением сообщалось, что многие 12—13-летние матери даже не знают, кто отцы их детей⁷¹⁹. Циркулировали всевозможные вариации на тему аббревиатуры БДМ — «*Bund der deutschen Matrazen*» (Союз немецких подстилок), «*Bedarfsartikel-deutscher-Männer*» (товар на потребу немецких мужчин), «*Bald-deutsche-Mutter*» (в скором времени рожу), «*Bubi-drück-mich*» (паренек, жми-ка меня).

С сексуально и общественно приниженной ролью женщины в Третьем Рейхе обыкновенно связывают в литературе и оценки женского антисемитизма. Историки — феминистски сводят антисемитизм к изобретению мужчин: женщины-де восприняли его только под их влиянием. Наиболее известная представительница этого подхода, Маргарет Митчерлих (*M. Mitscherlich*), в 1985 г. пыталась доказать, что антисемитизм — это исключительно мужская болезнь, обошедшая женщин. Она настаивала на том, что есть женский и мужской антисемитизм, и женский антисемитизм питается преимущественно от мужских

предрасудков. Мотив такого приспособления — страх потери мужской любви, подавленной и полностью зависимой женщиной⁷²⁰. Если это так, то женская часть населения Третьего Рейха должна быть освобождена от ответственности за отвратительный нацистский антисемитизм.

Помимо активизма нацистов в «деле» преодоления женской эмансипации, весьма значительную роль сыграли и некоторые исторические обстоятельства, повсеместно препятствовавшие и продолжающие препятствовать женской эмансипации. Хотя нацистам пришлось иметь дело с самой высокой в Европе степенью женской эмансипированности общества, гитлеровцы довольно быстро преодолели эти «трудности», и уже в 1934 г. американка Алиса Гамильтон, изучавшая женский вопрос в Германии, писала, что если в Веймарской республике немецкие женщины имели высокую степень равенства, то в Третьем Рейхе они оказались отброшены на 100 лет назад⁷²¹. Хотя формально бесполезное в тоталитарном обществе избирательное право осталось у немецких женщин и после 1933 г., женщин стали вытеснять из различных сфер занятости — так, 25 апреля 1933 г. вышел закон о «переполнении школ и университетов», по которому в вузах квота для евреев устанавливалась в 1,5%, а для женщин — в 10%⁷²². Из всего женского состава рейхстага после прихода к власти нацистов 4 депутатки покончили жизнь самоубийством, 30 были арестованы, 10 из них поместили в концлагеря, другие отправились в вынужденное изгнание⁷²³. Несомненно, что присутствие этих женщин в рейхстаге имело положительный резонанс, но позитивно оно никак не повлияло на положение немецких женщин в период Веймарской республики. В Веймарскую республику очень быстро обнаружилось, что партии не готовы бороться за какое-либо расширение политических прав, могущее поставить под угрозу прерогативы мужчин. Даже СДПГ не проголосовала за уравнивание зарплаты при одинаковой работе, за женское равенство в вопросах гарантии рабочих мест и условий труда. Законодательство, дискриминирующее женщин, во многих отношениях осталось неизменным... Рейхстаг Веймарской республики отклонил законопроект о защите матерей-одиночек, также прова-

лились попытки поддержать работающих матерей и обеспечить государственную заботу о здоровье детей. Такой мужской шовинизм основывался на старой традиции кайзеровской Германии. Так, в роман прусского писателя Теодора Фонтане «Эффи Брист» (1895) описывается история женщины, которая была покинута мужем, родителями и друзьями вследствие мимолетного романа, в котором она сама и призналась мужу; героиня умерла, опустошенная и всеми покинутая. На ту же тему и в то же время писали и в других европейских странах, но с Эммой в романе Флобера «Госпожа Бовари» (1857), с Норой в романе Ибсена «Нора» (1879), с Тэсс в романе Харди «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» (1891) не обходились так жестко и жестоко, что указывает на большую степень внутренней неготовности немецкого общества к эмансипации, принимаемой формально и декларативно, но не искренне и с готовностью довести дело до логического завершения.

По всей видимости, именно разочарование в скудных результатах приобретения женщинами избирательных прав и было тем вышеуказанным историческим объективным обстоятельством, которое помогло нацистам утвердить собственную точку зрения на этот вопрос. Это разочарование женщин до некоторой степени повлияло на тот факт, что на закате республики все большее число избирательниц отдавали свои голоса консервативным (в женском вопросе) партиям, и особенно нацистам. Последнее обстоятельство следует отнести еще и на счет скрытых сомнений в преимуществах эмансипации⁷²⁴, чем и воспользовался Гитлер, о котором часто говорили, что причина его успеха как оратора заключалась в способности превращать каждого отдельного слушателя в героя немецкой драмы, и женщины, конечно, не устояли перед его гипнотической силой. Когда Гитлер разглагольствовал об отдельных, но взаимодополняющих мирах мужчины и женщины, где первый сражается за государство и общество, а последняя — за маленький мирок своего мужа, семью и детей, — его слова, казалось, наполняли смыслом и облагораживали естественное призвание женщины, снабжая его патриотическим предназначением⁷²⁵. Вероятно, этим можно объяснить то обстоятельство, что жен-

щины, которые были важными выборщицами НСДАП, в партии были представлены крайне слабо — всего около 5% в 1933 г.⁷²⁶

С началом войны эмансипация, внешне отвергаемая нацистами, объективно стала ими поощряться: в этот период, как никогда за всю историю, огромное количество немецких женщин было занято в мужских профессиях, и совершить в этой сфере попятное движение после войны, даже если бы Гитлер ее и выиграл, было бы уже невозможно. Движение, повсеместно начавшееся в Европе в 20-е гг. и направленное на высвобождение культа тела и культивирование более свободной сексуальной морали, практически беспрепятственно продолжалось и при нацистах.

Сам Гитлер умел производить прямо-таки эротическое воздействие на воображение женщин, во время публичных выступлений перед громадными массами женщин он испытывал оргиастические эмоции. «Нужно видеть сверху, — писал Раушнинг, — с трибуны, эти сломленные экстазом, влажные и затуманенные глаза слушательниц Гитлера. У вас не останется сомнения в характере этого воодушевления: роль эротики в современной массовой пропаганде нельзя документировать более наглядно»⁷²⁷. Весьма оригинальную психоаналитическую точку зрения на отношения Гитлера и женщин предлагал Александр Кемпфе — он считал, что если поклонницами «Beatles» были в основном 12—13-летние девочки на пороге менструаций и такого же возраста юноши (то есть в массовом психозе вокруг «Beatles» пол не играл особой роли), то Гитлера превозносили зрелые матроны, он был для них гарантом оргазма⁷²⁸. Обусловленные импульсами самодовольства, выступления Гитлера имели особую притягательную силу для женщин, энтузиазм которых на первом этапе движения имел решающее значение для роста массового влияния НСДАП. Гитлер сам говорил, что в его политической карьере женщины сыграли значительную роль, они его «открыли, избрали и обожествовали». Графиня Ревентлов называла его «грядущим мессией», перед ним преклонялись Хофман (состоятельная вдова, которую именовали «мамой» Гитлера), супруга издателя

Брукмана, жена фабриканта роялей Бехштейна; женщины открыли Гитлеру двери в высшее общество, нуждавшееся во встряске. В 1926 г., когда перед НСДАП встала перспектива финансового банкротства, а Гитлер хотел покончить с собой, фрау Эльза Брукман, владелица известного в Мюнхене салона, познакомила Гитлера с Эмилем Кирдорфом, который и закрыл все партийные долги. Она подарила Гитлеру лимузин «Мерседес» за 26 тыс. марок (Брукман предлагала лимузин фирмы «Майбах», но Гитлер предпочел более известную марку). По ее просьбе Гуго Брукман (известный издатель) оплачивал гитлеровские счета и предоставил в распоряжение фюрера большой особняк для приемов гостей. Почитательница Гитлера Лили фон Абегг пожертвовала партии не только деньги, драгоценности и картины, но и подарила дом⁷²⁹. Гитлер не церемонился и брал все, что ему предлагали.

В своей знаменитой книге об истоках тоталитаризма Ханна Арендт указывала на восхищение высших классов общества, — в том числе и женщин, — анархическим цинизмом низами и презрением последних к моральным вопросам. Значительный вклад в этот процесс внес кружок фрау фон Дирксен (она была женой немецкого посла в Лондоне); в 20-е гг. в Мюнхене⁷³⁰ в нем часто бывал Гитлер. Именно фрау Дирксен организовала выступление Гитлера перед высокопоставленными членами «Национального клуба» в Берлине. Политический салон фрау Дирксен сохранил свое значение и в нацистские времена.

Из 6 женщин, с которыми Гитлер был близок, 5 покончили собой или пытались это сделать⁷³¹, что свидетельствует о громадном впечатлении, которое он на них производил. В 1935 г. Гитлер захотел повлиять на британскую политику через английскую аристократку Юнити Митфорд (*Unity Valkyrie Mitford*), дочь лорда Рэдсейла. В этой особе Гитлер узрел образец истинно германской красоты и подтверждения своей теории о том, что британцы и немцы — единственные представители германской расы, призванной господствовать над миром. Юнити и сама повсюду повторяла, что ее цель — добиться союза между «владыкой земли и владыкой морей», то есть между Германией и Великобританией. Ее сестра Диана симпатизировала английским фашистам, другая сестра —

Джессика — коммунистам, а Юнити грезилась о Гитлере. В 1934 г. Юнити приехала в Мюнхен и ходила на партийные собрания; вскоре она вошла в близкий круг общения Гитлера, который через нее хотел установить контакт с Черчиллем (этого сделать не удалось — влияние Юнити так далеко не распространялось). Она говорила, что у нее две родины, и когда обе родины оказались в состоянии войны друг с другом, — она пустила себе пулю в лоб. Самоубийство, правда, было неудачным; по распоряжению Гитлера ее, подлечив после ранения, отправили в Англию. Интерес Гитлера к юной английской аристократке был подкреплен еще и тем, что она разделяла старую идею Гитлера о необходимости союза двух «народов-господ» — английского и немецкого. В одной из застольных бесед Гитлер сказал, что «в Англии живет чудесная отборная раса, но только в верхах, а в Германии — наоборот»⁷³². Великобритания в политических планах Гитлера играла большую роль, что отразилось уже в «Майн кампф». Гитлер планировал оставить Великобританию «владычицей морей», а Германию сделать гегемоном в Европе⁷³³. Симпатии Гитлера к Юнити были связаны и с тем, что в 1937—1938 гг. он развил особенную активность в стремлении установить дружественные отношения с Великобританией. В список его британских гостей входили английский газетный король лорд Ротермир, историк Арнольд Джозеф Тойнби, министр воздушного транспорта лорд Лондондерри, заместитель статс-секретаря Ванзиттарт, Дэвид Ллойд-Джордж и Антони Иден. Все они приезжали в Германию с тем, чтобы прощупать почву под фундамент англо-германских отношений, и многие из них были в восторге от гостеприимства и учтивости Гитлера. Ллойд-Джордж даже назвал Германию «страной чудес еще более впечатляющих, чем в США»⁷³⁴.

Гипнотическое, завораживающее действие фюрера на женскую аудиторию находится в некотором противоречии с тем, что, как указывал биограф Гитлера Фест, фюрер как раз являлся распространенным в НСДАП типом безродного, беспризорного, бездомного человека, испытывавшего отвращение и неспособность к семье, бюргерской обстоятельности, основательности и укорененности. Имея опыт жизни в мужском приюте и фронтовой

опыт, Гитлер с самого начала чурался всяких тесных и устойчивых связей с семьей, с женщиной и с детьми. Насаждаемое в СС и СА орденское мышление способствовало формированию образов «непоколебимого вождя», «друга, готового в любой момент прийти на помощь» и «товарища, готового пожертвовать собой». В этом проявились гомоэротические элементы нацизма: не случайно некоторые ветераны нацистского движения были гомосексуалистами. Долгие годы среди руководителей партии не было никого, кто имел бы семью (кроме Геббельса и Бормана).

В целом соотношение субъективных и объективных факторов формирования нацистской женской политики в период Третьего Рейха не было постоянным, но колебалось в зависимости от состояния общества и актуальных задач, стоящих перед ним, а также от политической обстановки. В практической политике наиболее желательной для нацистов была все же антиэмансипационная линия, реализовать которую за 12 лет, отведенных историей для «тысячелетнего Рейха», они не смогли.

Женская политика в Третьем Рейхе и пропагандистские цели нацистов

НСДАП с самого начала отказалась от самостоятельного участия женщин в движении (участие женщин в примыкающих к нацистской партии организациях — 10% — было самым маленьким среди партий Веймарской республики)⁷³⁵: первое крупное собрание членов партии в 1921 г. приняло решение, что «женщины не могут входить в руководство партии и других высших партийных инстанций»; в дальнейшем нацисты подтвердили это намерение — в руководстве партией было всего 3% женщин⁷³⁶; среди 108 депутатов, одетых в коричневую униформу, в рейхстаге 1930 г. не было ни одной женщины; среди студентов при нацистах было только 10% женщин. В 1934 г. из 100 тыс. университетских абитуриентов девушек было всего 1,5 тыс.⁷³⁷ Такая низкая цифра была не следствием конкурсного отбора, но системы квот (10%),

которые нацисты стали устанавливать с 1933 г.⁷³⁸ Школьные учительницы и врачи-женщины должны были уступать свои места мужчинам, а те женщины, которые смогли сохранить свою работу, стали получать значительно меньшую, чем мужчины зарплату; в 1936 г. Гитлер принял решение, что женщины не могут быть судьями и адвокатами. В октябре 1937 г. Гитлер еще раз заявил, что на высоких чиновничьих постах он хотел бы видеть только мужчин. В соответствии с этой установкой женщины — ученые, а также женщины, занимавшие высокие управленческие посты, подвергались систематическому давлению и сокращению. Число студенток в вузах хотели искусственно ограничить — 10%, и с 1933 г. до 1939 г. процент этот на самом деле снизился с 15,8% до 11,2%⁷³⁹. В этой связи в учебных планах школ для девочек центр тяжести намеренно перемещался на домоводство и предметы, которые могли пригодиться в семейной жизни будущим женам.

Когда в 1933—1934 гг. нацисты начали борьбу за преодоление экономических трудностей* важной частью этой кампании стало удаление женщин из хозяйственной жизни. Прямого давления на работающих женщин не оказывали, но предлагали добровольно уйти с работы за 600 рейхсмарок отступных и выйти замуж⁷⁴⁰. Законом от 30 июня 1933 г. предписывалось увольнение женщин с гражданской службы и открыто декларировался принцип неравной оплаты за женский и мужской труд. Когда на одном из совещаний у Гитлера глава ДАФ доктор Лей предложил ввести равенство в оплате, фюрер категорически высказался против. Мотивировал он это тем, что зарплата в нацистском государстве имеет две функции: экономическую (оплата труда) и социальную функцию, которая обеспечивает семейному мужчине более высокую зарплату для того, чтобы он имел возможность содержать семью, поэтому он должен получать больше, чем холостой мужчина или женщина. На этом же совещании Гитлер заявил, что принцип равной оплаты за равный труд противоречит сохранению национальной общности в Германии. Он считал, что в мирное время на производстве должны трудиться только мужчины, и даже неквалифицированный работник должен иметь возможность содержать на свою

зарплату семью и оплачивать как минимум трехкомнатную квартиру. Его жена должна содержать дом. Если же женщина выполняет мужскую работу и к тому же растит детей, то ей следует доплачивать премии или гарантировать налоговые льготы, но основной принцип начисления зарплаты, связанный с ее социальной функцией, трогать нельзя. В заключительной части Гитлер сказал, что некоторые профессии в мирное время следует вообще закрыть для мужчин (например, профессию дамского парикмахера) или для женщин (профессию официанток)⁷⁴¹.

Вопрос женской занятости имел замысловатую историю, и для того, чтобы составить правильное мнение о женской занятости в нацистской Германии и понять, что нового привнесли в нее нацисты, нужно учесть долговременные тенденции. Женская занятость в Германии, как и в других европейских странах, росла с XIX в. — новой в этом процессе была не женская работа сама по себе, — она и в доиндустриальные времена играла большую роль, — но то, что женщины стали получать за работу деньги. Ранее трудовая и личная сферы жизни женщин были нераздельны, а после их разделения в ущерб оказалась личная сфера. Вашингтонская конвенция (1919 г.) об условиях занятости женщин установила первый декретный отпуск: неделя до родов и неделя после родов оплачивались из фондов страхования по безработице, а по возвращению на работу кормящим женщинам для кормления выделялось специальное время. Об оплате женского труда в конвенции не упоминалось. Ради справедливости надо отметить, что в Германии, как и в других европейских странах, состояние этой проблемы было столь же прискорбным: так, в Британии принцип равной оплаты за равный труд мужчин и женщин на деле был реализован только в середине 50-х гг. XX в.

Как говорилось в предыдущем разделе, в деле формальной женской эмансипации и равноправия Веймарская республика была передовым государством, предоставившим равные права женщинам задолго до других западных государств. Другое дело, что за декларированием женских прав в Европе (а не только в Германии) не всегда следовала их реализация — наиболее показательным примером был СССР, где конституции 1918 г. и 1936 г.

декларировали равноправие полов, но не изменили мужской монополии в обществе: женщины оказались вдвойне нагруженными: на производстве, как «равноправные», и дома — по традиции. Правда, советские женщины стали доминировать в медицине и в народном образовании, но лишь потому, что эти сферы были самыми плохо оплачиваемыми. В 1942 г. Гитлер с удовлетворением констатировал, что жизненный уровень советских врачей мизерен: при стоимости костюма в 900 рублей, они зарабатывают 550—700 рублей в месяц, то есть 55—70 рейхсмарок⁷⁴². В Германии рабочий в среднем получал около 120—130 рейхсмарок, а должности доктора и учителя в Германии и в нацистские времена были престижными и хорошо оплачиваемыми. И в других европейских странах не все профессии были открыты для женщин. Иными словами, нацисты лишь формально утвердили фактическое положение в сфере женской занятости, повсеместно распространенное в Европе.

В конце Веймарской республики в общей структуре занятости женщины составляли треть от всех работников; они стали постоянным фактором производства. Абсолютный прирост женской занятости приходился, однако, на вспомогательный труд, поэтому женщины меньше мужчин выигрывали от индустриализации. Этот процесс был аналогичным по всей Европе. В 1933 г. в Германии было уже 1,5 млн трудящихся женщин, причем каждая седьмая из них была служащей. Работодатели предпочитали служащих женщин по той причине, что им можно было платить меньше (в среднем — на 10%), чем мужчинам⁷⁴³. Нацистские антифеминистские лозунги пришлись бизнесу по вкусу.

В новейшей литературе по истории нацистской женской политики встречается утверждение о том, что после прихода к власти нацисты радикально сократили женскую занятость, но это верно только отчасти. С 1933 г. до 1934 г. число работниц хоть и медленно, но увеличивалось: с 1,2 млн до 1,4 млн. Во-первых, крупные промышленные предприятия совершенно не изменили свою кадровую политику. Дело в том, что в Третьем Рейхе разница между оплатой равного женского и мужского труда составляла 25%, и на производстве предприниматели охот-

но замещали мужчин женщинами. Вместе с тем женщины, как и мужчины, выигрывали от растущего дефицита рабочей силы, так как предприниматели платили больше и давали премии для того, чтобы удержать у себя рабочих и работниц. На берлинских заводах концерна Сименса между сентябрем 1932 г. и декабрем 1933 г., то есть в разгар кампании против женской занятости и пресловутого совместительства (*Doppelverdiene*n), было уволено 282 мужчины и только 13 женщин, а на работу было вновь принято в два раза больше работниц, чем рабочих⁷⁴⁴. Это касается, однако, только рабочих специальностей: форсированная милитаризация экономики в Германии, хоть и привела в 1936—1937 гг. к нехватке рабочих рук, но эти изменения на рынке рабочей силы позитивно никак не отразились на положении высококвалифицированных специалистов-женщин, которых повсеместно сократили сразу после 1933 г. и на прежнюю работу уже не возвращали⁷⁴⁵. В военных отраслях промышленности занятость женщин была низкой и составляла 13% от всех занятых женщин (1,48 млн из 11,6 млн). В 1936 г. Германия стала первой промышленной страной, достигшей полной занятости и стабилизации рынка труда⁷⁴⁶, поэтому именно здесь в этот период отмечался упадок трудовой морали, усталость, большое количество прогулов и больничных, что объясняется не протестом против нацизма, но снижением социальной опасности и уверенностью в том, что работа гарантирована высокой конъюнктурой. То же касается и работниц⁷⁴⁷. В отношении последних нужно иметь в виду то обстоятельство, что между 1925 г. и 1938 г. число замужних работниц выросло с 3,6 до 4,6 млн. С марта 1939 г. женщин стали привлекать и на строительство «Западного вала» (по «женским» специальностям) — таким образом, еще до начала войны рынок женского труда также был отчасти милитаризован. Еще более определенный характер имела женская занятость в аграрной сфере — в годы нацизма она постоянно росла, а с началом войны пропаганда начала прямо обращаться к крестьянкам с призывами сохранить прежний уровень производства⁷⁴⁸. Впрочем, в пропаганде разделение сельского труда по половому признаку продолжалось, просто его реализацию откладывали до лучших послевоенных времен. Вообще,

война в пропаганде рассматривалась как переходное время, в котором прекращали действие обычные правила в отношениях полов.

Поскольку война планировалась как «молниеносная», то и Генеральный уполномоченный по четырехлетнему плану Геринг, и министр труда Зельдте предписывали подчиненным не привлекать на производство женщин для того, чтобы заменить призываемых в армию мужчин. По расчетам министерства Зельдте, в июне 1939 г. в Германии к 13,8 млн уже занятых на производстве женщин можно присоединить еще по меньшей мере 3,5 млн не занятых женщин. По данным статистики, 940 тыс. незамужних женщин и 5,4 млн бездетных женщин к маю 1939 г. не были заняты в производстве. В 1940 г. распоряжением министерства труда часть работниц была переведена из невоенных предприятий на военные; они (речь о 250 тыс. женщин) были обязаны оставаться там до особого распоряжения, но это распоряжение касалось только обладательниц трудовых книжек. Такой односторонний классовый подход бросался в глаза и общественностью был воспринят неодобрительно⁷⁴⁹.

Во время войны масштабы мобилизации женщин в Германии были самыми низкими из всех стран-участниц войны: даже в демократической Великобритании она была выше. Отказ нацистского руководства от использования экономического и духовного потенциала немецких женщин во время войны самым отрицательным образом сказался на развитии немецкой науки и промышленности в период Третьего Рейха. Причиной такого положения, помимо установок Гитлера, было гораздо меньшее воодушевление войной, нежели в 1914 г.; кроме того, для женщин была слаба экономическая мотивация — они и так уже получали достаточные для жизни компенсации за воевавших мужчин. Поддержка семей, призванных в армию солдат, была довольно щедрой и составляла до 85% дохода мужа или сына до его призыва в армию, включая его приработки и премиальные. Поэтому мотивация женской занятости упала, что и повлекло ее сокращение с мая 1939 г. до мая 1941 г. почти на 500 тыс. работниц. Хотя в Германии — по сравнению с Англией и США — процент женщин в рабочей силе к концу войны был все

же выше: 51% немецких рабочих мест был занят женщинами; в Англии этот показатель равнялся 37,9%, а в США — 35,7%⁷⁵⁰, но, с другой стороны, если число работающих женщин по сравнению с довоенным временем в Англии и США во время войны удвоилось, то в Германии оно осталось прежним, и уходивших на фронт мужчин заменяли военнопленные или вольнонаемные рабочие из европейских стран — их было более 5 млн⁷⁵¹.

Во время войны ввиду растущего дефицита рабочей силы представители вермахта, правительства и партийная верхушка разработали Закон об обязательной женской трудовой повинности; к июню 1940 г. этот закон был согласован со всеми необходимыми инстанциями, но неожиданно его отказался подписать Геринг, который еще недавно целиком поддерживал Зельдте в этом вопросе. Причины такого решения рейхсмаршала были таковы: во-первых, он считал принуждение женщин работать сомнительным по причинам социального свойства, а нехватку специалистов на военных предприятиях он собирался компенсировать отзывом их с фронта (это часто и практиковалось в войну); во-вторых, он надеялся на приток даровой рабочей силы в лице военнопленных.

Хотя технократы, военные и промышленники настаивали на введении обязательной женской трудовой повинности, партийная верхушка была против социальных перегрузок, в итоге примат политики оказался решающим фактором. Вернее, не примат политики, а, как доказала в своей монографии Дора Винклер, личные убеждения Гитлера были главным препятствием введения женской трудовой повинности в полном масштабе⁷⁵². Руководителям экономики оставалось одно — призвать женщин сознательно и добровольно помочь стране в трудный час; развернулась широкая пропагандистская кампания, которая, правда, никаких ощутимых результатов не принесла: слишком мало женщин откликнулось на гитлеровский призыв⁷⁵³ (по указанной уже причине меньшей моральной мобилизации и патриотического воодушевления, чем в Первую мировую войну).

Годичная трудовая повинность (РАД) для женщин старше 25 лет (с 1939 г.) ничего не меняла в принципиальной ориентации Гитлера и в фактическом положении в жене-

кой занятости. Хотя женская РАД во время войны — с введением обязательной трудовой повинности для девушек в сентябре 1939 г. и с изданием в 1941 г. «Закона о вспомогательной военной службе» — превратилась в массовую организацию — на деле число работающих женщин с 1939 до 1941 гг. даже сократилось на 0,5 млн., что было обусловлено уже указанными причинами: выплаты родственникам солдат были такие, что многие женщины бросали работу или, в отличие, например, от английских жен и матерей солдат, вынужденных работать по необходимости, — довольствовались уже имеющимися средствами. К 1941 г. из 3 миллионов женщин в возрасте от 17 до 45 лет работой было охвачено лишь 0,9 млн⁷⁵⁴. В июне 1941 г. Геринг попытался вернуть на производство всех женщин, покинувших работу с началом войны. В народе это было воспринято негативно, поскольку указ не касался тех, кто до 1939 г. нигде не работал; реакция была такова: «обманывают только простых людей». Доверенные лица СД доносили: простой народ недоволен тем, что дам из высших социальных слоев не принуждают идти на фабрики⁷⁵⁵. Еще раньше — 13 февраля 1941 г. — Геббельс выдвинул лозунг занятости бездетных женщин с 14 до 40 лет⁷⁵⁶ и началась пропагандистская кампания под лозунгом «женщины приближают победу». СД в своих «Вестях из Рейха», однако, передавала, что пропагандистские призывы не возымели на женщин никакого действия⁷⁵⁷.

После поражения под Сталинградом Гитлер был вынужден принять решение о трудовой мобилизации — 13 января 1943 г. был выпущен «Указ о всеохватывающей мобилизации мужчин и женщин на решение задач обороны Рейха». По этому указу еще не охваченные мобилизацией должны были явиться в местные отделения ведомства труда: мужчины с 16 до 65 лет, женщины — с 17 до 50 лет. Исключение делалось для женщин, имеющих детей с 2 до 14 лет, студенток и беременных. В указе было много неясностей: например, было не понятно — рассматривать ли женскую работу в благотворительных организациях как достаточную для освобождения от мобилизации, или нет. Указ был нацелен на многомиллионную группу незанятых женщин, но он не имел никакого эффекта, так как предусматривал огромное количество ис-

ключений и никаких наказаний⁷⁵⁸. Желаящие увильнуть от работы находили в указе сколько угодно лазеек, поэтому в народе этот указ прозвали «резиновым» (*Gummi-Verordnung*)⁷⁵⁹. Более жесткие мобилизующие средства находились в руках Гитлера, но он не желал прибегать к ним по идеологическим мотивам⁷⁶⁰. Ясно, что идеологические и рациональные мотивы нацистской женской политики явно вошли в противоречия, и предпочтение было отдано первым. До конца 1943 г. 3,1 млн женщин заявило о своем желании работать, из них пригодными к работе было признано 1 235 000 человек; причем половина была занята только часть рабочего дня. Указ принес больше вреда чем пользы, так как семьи чиновников, служащих, офицеров и людей свободных профессий были возмущены «большевистскими методами» трудовой мобилизации и вмешательством в частную жизнь. Дамы из средних и высших слоев общества избегали работы, пользуясь связями, отъезжая в деревню или получая легкую работу в каких-либо бюро⁷⁶¹.

В итоге результаты акции Заукеля (ответственного за трудовые ресурсы) были мизерными: удалось мобилизовать только 1,3 млн человек, из них 1,2 были женщины, из них только 70% работало полный день, а остальные — полдня⁷⁶². Прибегать же к репрессивным мерам можно было только с разрешения Гитлера, который от них решительно воздерживался, и «тотальная» мобилизация была таковой только на словах. Министр вооружений Альберт Шпеер часто просил Гитлера заменить плохо и неэффективно работающих военнопленных немецкими женщинами, но каждый раз следовал отказ — из опасения причинить немкам психический и моральный ущерб, который мог негативно повлиять на женское психическое состояние и, следовательно, на потомстве. Шпеер вспоминал, что Гитлер в 1941 г. мог бы иметь гораздо большую армию, если бы в таких же масштабах, как в США или в Англии, увеличил женскую занятость. Тогда почти 5 млн немецких женщин заменили бы на производстве более 3 млн мужчин, которых можно было мобилизовать в армию и вермахт увеличился бы по меньшей мере на треть⁷⁶³.

17 января 1943 г., с началом «тотальной войны», в геббельсовской еженедельной газете «Рейх» была опублико-

вана передовица самого министра пропаганды, в которой констатировалось, что «тотальную войну» приветствуют во всех слоях населения Германии. Информаторы СД сообщали, что немцы говорили о том, что давно уже следовало реализовать крутые меры по мобилизации всего населения. В то же время в отчетах СД подчеркивалось, что многие немцы вовсе не были уверены, что возможно реальное осуществление этих мер. Так, никто не верил, что трудовая мобилизация коснется дам из высшего общества⁷⁶⁴. В «Вестях из Рейха» прямо говорилось, что в провинциальных немецких городках никто не верил, что жену местного бургомистра или прокурора можно будет принудить к работе⁷⁶⁵. На самом деле, немецкие женщины из высших слоев общества были вообще освобождены от каких либо повинностей, что, конечно, осознавалось нацистами как социальная несправедливость и противоречила их доктрине, но этот вопрос старательно замалчивали: Гитлер отвергал уравнивание женщин как коммунистическое, а Геринг цинично заявлял, что кобылу хорошей породы нельзя впрягать в плуг. В этой связи у руководства женским движением возникли большие трудности с трудовой мобилизацией женщин из буржуазной среды — нужно было как-то реализовывать представления о национальном единстве и об одинаковом распределении тягот⁷⁶⁶. Эти «трудности» так до конца и не были преодолены.

Геббельс был наиболее последовательным сторонником введения принудительной мобилизации женщин на производство. Жена Геббельса Магда, подавая личный пример, стала работать на фабрике, ежедневно добираясь туда и возвращаясь обратно на общественном транспорте. Геббельс, ссылаясь на донесения СД, еще летом 1941 г. указывал на «вопиющее положение», сложившееся на южно-немецких курортах, куда «беженки» из высших слоев общества устремлялись от тягот обыденной жизни и работы. В этой связи министр пропаганды предложил регистрировать всех женщин и девушек, которые находятся на курортах более четырех недель, и направлять их на военное производство. Геббельс предложил даже последовать примеру Ганновера, гауляйтер которого распорядился конфисковывать пустующее жилье «беженцев» на южные курорты⁷⁶⁷. Все эти усилия Геббельса и летом 1941 г.

и позже были напрасны — Гитлер ничего не хотел слушать о принуждении женщин к труду.

Ответственный за полную мобилизацию трудовых ресурсов Заукель в этом вопросе также попал под влияние Гитлера; он заявил, что «все ответственные мужчины в партии, государстве и в экономике с большим почтением и признательностью должны принять мнение нашего фюрера Адольфа Гитлера, чьей величайшей заботой всегда было здоровье немецких женщин и девушек, иными словами, нынешних и будущих матерей нашей нации»⁷⁶⁸.

Одним из следствий милитаризации экономики стала большая «текучка» рабочей силы. От этого процесса значительно больше пострадало сельское хозяйство (на военных предприятиях заработки были гораздо большими), поэтому в январе 1938 г. было принято решение о том, что все женщины до 25 лет, занятые в текстильной, швейной и табачной промышленности и служащие государственных организаций должны отработать год на селе. Это не касалось девушек из буржуазных семей, которые к этим работам не привлекались, что справедливо рассматривалось работницами как дискриминация⁷⁶⁹. Крестьянки же оказались в еще более тяжелом и невыгодном положении: для них эти «помощницы на год» хотя и были значительным подспорьем, но принципиально решить вопрос нехватки рабочих рук на селе и ликвидировать огромные перегрузки на работе не могли.

Именно по причинам, связанным с упомянутой дискриминацией, с началом войны замужние женщины все больше стали оставлять работу: они видели, что тяготы войны не распространяются на представительниц привилегированных классов. Отлынивание от работы на некоторых предприятиях приняло такой размах, что производство упало до 25%, а заказы вермахта хронически не выполнялись. Руководство предприятий часто жаловалось, что за рабочую неделю прогуливают работу до 45% работниц. Женщины были более недисциплинированы, чем мужчины; это объясняется тем, что мужчин строго наказывали за прогулы, а женщина могла отделаться незначительным денежным вычетом или вообще выговором. К тому же, никаких средств принуждения женщин к работе у администрации не было⁷⁷⁰. Многие исследовате-

ли отмечают довольно слабую дисциплину труда у немецких женщин, предпочитавших прежде всего заниматься домашним хозяйством, которое стояло для них на первом месте: их социальный статус и положение в семье были важнее, чем работа⁷⁷¹. Значительная часть немок изыскивала всякие возможности уклоняться от трудовой повинности. Одной из таких лазеек было поступление в вузы. По этой причине половину немецких студентов составляли женщины. Иногда женщины предъявляли медицинские свидетельства, брали фиктивные справки о трудоустройстве у знакомых работодателей или шли на работу в общественные благотворительные организации: это освобождало от трудовой повинности⁷⁷².

Было совершенно ясно, что необходима была обязательная и строжайшая трудовая повинность для всех бездетных женщин: таким образом были бы разгружены работающие матери и восстановлена социальная справедливость. Вермахт, государственная бюрократия и Лей убеждали Гитлера пойти именно по этому пути. Гитлер же упорно отказывался это сделать, говоря, что пойдет на это только в случае вступления в войну США. Потом Гитлер стал приводить аргумент о биологическом вреде массовой женской занятости на производстве. В итоге женскую обязательную трудовую повинность Гитлер не ввел и после вступления США в войну. Заукель, как ни старался, также не смог переубедить Гитлера: тот упорно держался догмы, что главная задача немецких женщин состоит в том, чтобы рожать немецкому народу детей и все, что может препятствовать или вредить этой задаче, должно быть по возможности устранено.

948 тыс. немецких незамужних женщин и 5,4 млн замужних предпочли в 1939 г. не работать; принуждать их так никто и не решился. Как уже говорилось, пособия для семей солдат были довольно велики, и никакой нужды зарабатывать деньги у женщин, оставшихся дома, не было. Если в Первую мировую войну поддержка солдатских семей ограничивалась только небольшим вспомоществованием солдатским женам (*Wehrsold*), то во Вторую мировую войну выплаты предназначались всей семье (*Familienunterhalt*); размер этих выплат был ориентирован на довоенные стандарты жизни. Объективной причиной от-

носителем невысокой занятости немецких женщин были значительные пособия оставшимся в тылу женщинам (*Unterstützungssätzen*); также большую роль играли социальные ограничения на женскую занятость: многие фирмы, опасаясь всевозможных ограничений на женский труд, предпочитали иностранных рабочих, на условия труда которых можно было не обращать внимание. Такая политика нацистов была продиктована не только заботой собственно о женщинах, но и рациональным стремлением к стабильности общества, а также желанием поддержать на должной высоте боевой дух солдат⁷⁷³.

В марте 1944 г. Геббельс провел еще одну рекламную кампанию по привлечению женщин на производство. Будучи уполномоченным по тотальной мобилизации, Геббельс распорядился прекратить симуляции и приказал даже расширить возрастные рамки с 45 до 50 лет. 30% личного состава гражданские инстанции и учреждения должны были передать военной промышленности. Театры и рестораны по его указу закрывались. Более того, женщин было приказано принимать в вермахт, и с октября 1944 г. ими стали комплектоваться подразделения зенитных прожекторов⁷⁷⁴. Клемперер отмечал в военном дневнике, что 16 июня 1944 г. в «*Dresdner Zeitung*» была опубликована статья «Женщины у зенитных прожекторов»; автор этой статьи уверял, что помощницы зенитчиков — это не военнослужащие, а только «относящиеся к вермахту» (*Wehrmacht-Gefolgschaftsmitglieder*). Немецких женщин не обучали владению оружием и стрельбе, как в СССР или в Великобритании⁷⁷⁵. Соответственно, если немецкая женщина погибнет на своем посту у прожектора, то она погибнет не как солдат, но станет «жертвой воздушного бандита»⁷⁷⁶. Иными словами, попытки нацистской пропаганды изобразить привлечение женщин к воинской службе были хорошей миной при плохой игре.

Приказы Геббельса и в 1944 г. не принесли никакой пользы. Мягкость и нерешительность нацистского руководства в этом жизненно важном для Рейха вопросе особенно бросаются в глаза на фоне необыкновенной жесткости и напора в других сферах. Причины этого ясны: до войны идеалом женщины считалась домохозяйка, а работающим женщинам сочувствовали и рассматривали их как

«людей второго сорта». Пересматривать такие позиции значило признать сложность и даже безвыходность положения, в которое нацисты завели Германию.

К официально пропагандируемому и превозносимому идеалу немецкой женщины принадлежали такие качества, как простота и естественность, поэтому косметика и всяческие модные причуды не приветствовались и даже высмеивались. СД передавала, что «женщины в брюках, размалеванные как индейцы», вызывали у простых немцев отвращение⁷⁷⁷. Нацисты вообще осуждали употребление табака и алкоголя, а по отношению к женщинам — особенно настойчиво: из-за вреда для будущего потомства. Гиммлер неоднократно заявлял, что женщинам надо заниматься спортом, а не косметикой. Дамы, злоупотреблявшие косметикой, рисковали нарваться на публичное оскорбление или недобрые реплики прохожих. С другой стороны, планируемое министерством экономики запрещение производства средств для окраски и завивки волос не было осуществлено на деле, и в магазинах все это продолжали продавать⁷⁷⁸. Сам Гитлер никогда не высказывался против маленьких женских хитростей, но партийные «пуристы» не раз устраивали кампании по преодолению этих, по их словам, «извращений». Нацисты уловили весьма примечательную сторону отношений полов — изысканные, но неудобные и нефункциональные одежды и украшения демонстрировали праздность их обладательниц, а праздность подлежала бесспорному осуждению. На это щекотливое обстоятельство указывал в свое время известный американский моралист Торнстайн Веблен⁷⁷⁹. Он писал, что праздный класс избрал своим идеалом немощный и никчемный женский образ, служивший лишь доказательством состоятельности обладателя этой женщины. Иностранную женскую моду нацисты осуждали; женская мода, по их мнению, не должна быть фривольной и не должна походить на мужскую моду (ношение женщинами брюк осуждалось). В 1933 г. «Немецкое бюро моды» возглавила Магда Геббельс, отличавшаяся изысканным вкусом; она заявила, что нужно сделать немецкую женщину красивее. Первостепенное значение придавалось созданию немецкого стиля женской моды —

это было легче декларировать, чем осуществить на деле: в итоге немецкие журналы мод все равно ориентировались на парижские тенденции⁷⁸⁰.

Нацисты планировали преодолеть буржуазный стереотип женщины: в будущем СС собирались создать «Женские высшие школы мудрости и красоты» (*Frauenhochschulen für Weisheit und Kultur*), где воспитывалась бы элита молодых женщин. По мысли Гитлера, нацистским вождям они должны были заменить жен, переставших соответствовать своим мужьям⁷⁸¹. Изрядная доля цинизма сквозит и в ответе фюрера на замечание гауляйтера Данцига Форстера, который сомневался в необходимости облав на девиц легкого поведения. Гитлер сказал: «И совершенно справедливо — не следует натравливать полицию на людей. Иначе жизнь в тылу будет, как в тюрьме. Изгнать из кафе девиц легкого поведения — значит лишить солдат-отпускников основных радостей жизни»⁷⁸². Проституток в вермахте использовали также, как и в Первую мировую войну: после начала войны их перевели на казарменное положение; всего в 1942 г. в вермахте было зарегистрировано 500 публичных домов, там — преимущественно добровольно — «служили» польки, русские и еврейки⁷⁸³. В войну вообще наблюдалось значительное снижение морали. СД даже составила по этому поводу специальную сводку «Аморальное поведение немецких женщин»; в сводке сообщалось, что во всех немецких городах были определенные и общеизвестные места, где можно было познакомиться с доступными дамами. СД сетовала, что на время этих свиданий дети оставались брошенными. Подчеркивалось, правда, что речь идет в основном о женщинах из низких социальных слоев, но подобные стереотипы поведения распространяются постепенно и на женщин из других слоев населения Германии, в том числе и незамужних. СД отмечала большое количество случаев беременности среди 14—18-летних девиц. Особенно безотрадным, с точки зрения СД, было то, что фиксировалось множество случаев связей немок с военнопленными и иностранными рабочими, что нарушало принципы «расовой чистоты». В числе причин ослабления морали СД называла следующие объективные обстоятельства. Во-первых, широкое распространение обще-

ственных увеселительных мероприятий — танцев, туризма, спорта. Во-вторых, в условиях дефицита женихов матери хотели как можно скорее выдать своих дочерей замуж, но поскольку твердо рассчитывать на что-либо в войну не приходилось, то не возбранялись хотя бы кратковременные связи. В-третьих, сексуальные потребности солдатских жен бывали иногда так велики, что командиры подразделений получали письма с просьбами отправить того или иного солдата в отпуск — иначе их жены грозят «выйти на панель». В-четвертых, относительно высокие денежные выплаты семьям фронтовиков привели к тому, что многие замужние дамы коротали время в кафе и ресторанах и знакомились там с мужчинами. В-пятых, ежедневные угрозы бомбежек и смерти привели к тому, что люди стали стремиться вкушать максимальное количество радостей жизни, пока на то есть возможность. В-шестых, за связь с солдатом женщина могла получить дефицитные товары — натуральный кофе, шоколад, вино, чулки... В-седьмых, тяга к связям с иностранцами была во многом обусловлена жаждой нового и необычного в сексе⁷⁸⁴. В этом перечне не упоминалось то важное обстоятельство, что враждебная церкви политика нацистов ослабила христианские ограничения половой жизни.

Организованное женское движение в Третьем Рейхе

Несмотря на то, что партия приняла решение не допускать женщин в руководящие органы, в примыкающих к партии организациях, связанных с работой среди женщин и девушек, на руководящих постах их было довольно много. В процессе организации женского движения нацисты смогли привлечь на свою сторону большое количество активисток, которые либо всерьез не воспринимали отрицательную по отношению к их активности позицию мужчин, либо примирились с ней, либо надеялись, что со временем все уладится само собой. Второстепенное положение женских организаций в Третьем Рейхе имело одно преимущество — если в мужской части партии царил строгая идеологическая муштра и надзор, то жен-

ские организации в практической работе имели гораздо большую свободу.

Непосредственная организация женского движения в Третьем Рейхе берет свое начало еще в Веймарской республике: в 1931 г. параллельно существовали две нацистские женские организации — «Национал-социалистические женщины» НСФ (*NSF— NS-Frauenschaft*) и «Немецкий женский орден» — НФО (*NFO — Deutsche Frauenorden*). Первая подчинялась непосредственно партийным инстанциям, а вторая — нет, хотя и была самой крупной женской нацистской организацией, которую иногда именовали «красной свастикой» (по аналогии с Красным крестом и в связи со словом «орден» в названии). Во главе этой организации находилась Эльсбет Цандер. В целях унификации женского нацистского движения в 1931 г. НФО был упразднен, и НСФ стала единственной женской организацией нацистов. После роспуска НФО большинство его местных организаций, располагавших значительной автономией, не вошли в НСФ: многие были недовольны отсутствием самостоятельности и принижением положением женщин в рамках НСДАП. В НСФ женщины вступали в возрасте 21 года, после БДМ; несмотря на огромную по немецким масштабам численность, эта организация не имела какого-либо самостоятельно значения и не располагала политическим влиянием. Парадоксально, но большая часть функционеров НСФ даже не входила в партию⁷⁸⁵.

Как это обыкновенно бывает в аппаратных играх, нашлась функционер, которая поддержала партийную линию. Ею оказалась руководительница нацистской организации Бадена Гертруд Шольц-Клинк; она согласилась с подчиненным положением, чем и обеспечила себе поддержку влиятельного баденского гауляйтера Вагнера⁷⁸⁶. Сама Шольц-Клинк не имела собственных идей в отношении женской работы — она только повторяла партийные лозунги и претворяла в жизнь установки начальства. Поощряя ее лояльность, гауляйтер Вагнер и выдвинул Шольц-Клинк: поначалу ей поручили организацию женской трудовой службы в Бадене и Гессене⁷⁸⁷. Вагнер отмечал выдающиеся достижения этой службы, «особенно в сфере вспомоществования, заботы о вдовах ветеранов

партии, о больных и детях партийных товарищей, заботы о поддержке пунктов питания для безработных — это заслуга нашего превосходно организованного союза»⁷⁸⁸. Когда 1 января 1934 г. была создана ДФАД (немецкая женская добровольная трудовая служба), то ею (по рекомендации Вагнера) стала руководить Шольц-Клинк. В лагерях ДФАД девушек должны обучать домашнему и сельскому хозяйству, садоводству и уходу за домашними животными. Каждый лагерь специализировался на чем-то одном. Лагеря домашнего хозяйства и вспомогательной социальной работы учреждались около городов и охватывали в среднем по 50 участниц каждый. Их задачей было обучение городских девушек всем секретам домашнего хозяйства. Сельские лагеря ДФАД состояли каждый примерно из 30 участниц и имели целью обучение сельскохозяйственному труду; они должны были самообеспечиваться продуктами питания. В ДФАД могли вступать арийские девушки 17—25 лет, потерявшие рабочие места⁷⁸⁹. С 1 апреля 1936 г. ДФАД была распущена, и на ее место встала организация «Трудовая повинность для женской молодежи» (*Arbeitsdienst für die weibliche Jugend — ADwJ*), а с ноября 1937 г. — «Имперская трудовая повинность для женской молодежи» (*Reichsarbeitsdienst für die weibliche Jugend — RADwJ*). Шольц-Клинк возглавляла и эту работу.

Как указывалось выше, по протекции гауляйтера Вагнера 24 февраля 1934 г. Шольц-Клинк была назначена руководительницей нацистской женской организации — НСФ⁷⁹⁰. Нацистскую идеологию Шольц-Клинк воспринимала довольно узко и упрощенно, но одобряла расистские и экспансионистские идеи Гитлера. НСФ подчинялась «Национал-социалистическая немецкая организация женского труда» НСДФВ (*NSDFW — Nationalsozialistische Deutsche Frauenwerk*), в которую после 1933 г. включили все унифицированные женские социальные организации прежних времен. НСДФВ входила в нацистскую организацию социального народного вспомоществования — «Национал-социалистическое народное благополучие», НСВ (*NSV — Nationalsozialistische Volkswohlfahrt*). Обе эти организации (НСФ и НСДФВ) возглавила Шольц-Клинк, вторую организацию, правда, под эгидой Хильгенфельда. Шольц-Клинк так представляла себе свою задачу: поста-

вить всех немецких женщин (если они не являлись расово-неполноценными или политически неблагонадежными) на службу Третьему Рейху и фюреру Речь шла не только о реализации знаменитого лозунга трех «К» — (*Kirche, Küche, Kinder* (церковь, кухня, дети)), но о полной идеологической унификации женщин в нацистской системе. Нацисты стремились к тому, чтобы устаревшее немецкое слово *die Maid* (дева) стало бы акронимом для обозначения добродетелей, присущих истинно немецкой девушке: *der Mut* (мужество), *die Aufopferung* (самопожертвование), *der Idealismus* (идеализм), *die Demut* (смирение)⁷⁹¹.

К 1935 г. унификация женского движения завершилась, и началось время единства и консолидации нацистского женского движения; НСФ и НСДФВ приобрели четкие организационные структуры, в Кобурге и в Берлине были созданы даже специальные кадровые школы для НСФ. После того, как указом от 24 августа 1934 г. Гитлер запретил женщинам работать адвокатами и прокурорами, Шольц-Клинк получила указание использовать освободившиеся кадры в своей организации⁷⁹². В НСФ было 32 руководительницы НСФ в рамках гау (*Gaufrauen-schaftsleiterinnen*), 725 руководительниц окружных организаций НСФ (*Kreisfrauenschaftsleiterinnen*), 22 593 руководительницы местных организаций НСФ (*Ortsfrauenschaftsleiterinnen*), 59 802 руководительницы ячеек НСФ (*Zellenfrauenschaftsleiterinnen*) и 223 024 руководительницы НСФ в масштабах блоков из нескольких домов (*Block-frauenschaftsleiterinnen*)⁷⁹³. НСФ и НСДФВ имели отдельные финансы и управление: первая была в юрисдикции казначея партии Шварца, а вторая была финансово-самостоятельной. В НСФ оформились различные отделы — мировоззрения, материнства, домашнего хозяйства и культуры-воспитания-образования. Масштабы этих организаций были довольно значительными: в конце 1940 г. численность НСФ и НСДФВ составляла 6—8 млн человек. Но ни та, ни другая организации не стали по-настоящему массовыми, хотя там и числилось большое количество участниц: почти все они были включены туда автоматически (в организации допускалось коллективное членство) — вновь вступивших же к 1939 г. было 6 % от

всех женщин старше 20 лет⁷⁹⁴. В 1941 г. в Германии было 30 млн женщин и девушек старше 18 лет, а в НСФ состояло только 6 млн⁷⁹⁵. Недостаточная популярность и привлекательность НСФ объясняется просто: курсы молодых матерей и поваренные курсы пользовались бесспорным успехом, но политическая учеба была в высшей степени непривлекательна для женщин, тем более что руководство намеренно старалось поддерживать интеллектуальный уровень женского движения на самом примитивном уровне. Ограниченные умственные горизонты большинства немецких женщин в значительной степени способствовали тому, что в Германии столь беспрепятственно распространялась «эпидемия глупости», как жестко сформулировал один мемуарист⁷⁹⁶. Ни одна нацистская организация в умственном отношении не стагнировала так значительно, как женская. По этой причине городские женщины из верхов общества старалась избегать НСФ. Католические женские организации вроде бы были защищены конкордатом, но на деле этот конкордат был для нацистов просто клочком бумаги. Впрочем, в католических районах отмечалось сильное влияние на женщин католических священников.

Способная аппаратчица, Шольц-Клинк постепенно расширяла свои компетенции — 24 февраля 1934 г. она объединила под одну крышу НСФ, НСДФВ и имперскую женскую трудовую службу; с 1 июня 1934 г. она стала руководительницей Немецкого Красного креста; 9 июля 1934 г. она была назначена руководительницей вновь основанного женского ведомства ДАФ; с августа 1934 г. она стала участницей экспертного совета национал-социалистических производственных ячеек (НСБО). В личный штаб Шольц-Клинк входили многочисленные заместители и референты по различным сферам женской общественной активности: руководительница отдела по связям с немецким Красным крестом, Старшая сестра немецкого сестринского дела, Старшая сестра свободного имперского объединения сестер и сиделок, Старшая сестра сестринской организации в немецком Красном кресте, старший эксперт организации сестринского дела в НСВ, эксперт по молодежному воспитанию и благополу-

чию в НСВ, эксперт отдела «матери и ребенка», руководительница отдела по связям с имперским продовольственным сословием, руководительница отдела по связям с имперским студенческим союзом, референтка из отдела женского воспитания учительского союза, специалист из отдела воспитания РАД⁷⁹⁷. Этот перечень дает представление о масштабах активности Шольц-Клинк. В качестве имперской женской руководительницы она подчинялась Гитлеру, Лею, и Хильгенфельду, которым импонировало ее неприятие феминизма и претензий на самостоятельность. Ее нисколько не смущало такое множественное подчинение, поскольку идеологических вопросов она не касалась и занималась чисто практической работой⁷⁹⁸. НСФ имела три собственных журнала, занятых, впрочем, исключительно женскими проблемами и не поднимавшимися до политических вопросов. Специфическая пропагандистская активность НСФ сводилась к выпуску плакатов о гигиене питания, уходу за детьми, личной гигиене, рациональной готовке пищи (например, о важности в рационе овощей и фруктов); одних только листовок с советами молодым матерям было распространено 2 млн⁷⁹⁹.

В русле партийных требований и распоряжений о сокращении женской занятости выступила Шольц-Клинк и по поводу «профессионализации» женского неоплачиваемого труда; были организованы курсы молодой матери, на которых преподавали гигиену материнства, правила ухода за младенцами, домоводство и педагогику. В 1935 г. при участии Шольц-Клинк в берлинской «Высшей школы политики» был открыт семинар руководительниц нацистского женского движения⁸⁰⁰. Шольц-Клинк часто повторяла, что видит свое призвание в том, чтобы помочь женщинам подавить эгоистические устремления и обратиться к «специфически женским задачам»: к рождению и воспитанию детей, к домашнему хозяйству; кроме того, женщина должна выполнять свою духовную и культурную миссию, поддерживать высокий моральный уровень отношений с мужчиной и сохранять немецкие культурные традиции и обычаи. Для подобных целей в рамках НСФ были организованы курсы молодых матерей, вспомогательные сестринские и другие подоб-

ные службы; женщины собирали деньги и одежду для благотворительных целей, на специальных курсах учились готовить блюда без мяса и жира, в целях экономии активисты НСФ пропагандировали переход на искусственные ткани. Кроме того, время от времени местные организации НСФ созывали женские собрания, на которых заезжие лекторы внушали местным дамам «правильное» самосознание. В программе бывали лекции на исторические темы (например, о роли женщин у древних германцев) или о местных поэтах, или о значении Нюрнбергских расовых законов. Поощрялось хоровое пение народных песен и традиционное рукоделие — предпочтение отдавалось вышиванию по старым крестьянским образцам⁸⁰¹. Весьма эффективной была «соседская помощь», организованная НСФ — в рамках этой акции домохозяйки добровольно брали на себя заботу о детях и домашнем хозяйстве работающих соседок и подруг; это помимо детских яслей НСФ, которые в 1940 г. посещало 644 тыс. детей до 6 лет⁸⁰². Также весьма эффективной и популярной была акция НСФ по сбору и ремонту поношенной и поврежденной детской одежды (у работающих матерей), помощь престарелым, создание и поддержка работы кухонь для бесплатного питания бездомных и стирка белья безработным⁸⁰³.

В 1936 г. в ДАФ была создана женская секция (во главе с той же Шольц-Клинк); ей было поручено заботиться о благополучии 7 млн работающих замужних женщин. Женская секция ДАФ имела значительные кадры: в 1938 г. на уровне гау было 291 функционера этой секции (51 из них на полном рабочем дне), на уровне округа — 643, в местных группах — 9073 функционера. В дополнение к этому секция Шольц-Клинк имела 47 870 представителей на предприятиях, 1000 социальных работников, которые надзирали за условиями труда, выступали посредниками в трудовых спорах и консультировали по правовым проблемам. Одной из главных задач социальных работниц был контроль за условиями женского труда — бесспорной заслугой ДАФ было отстранение женщин от вредного производства и сменного труда. В июле 1934 г. по настоянию ДАФ вышло распоряжение о запрете женского труда в ночную смену, с 1937 г. — на горячем производстве⁸⁰⁴.

В 1937 г. вышло распоряжение, по которому девушек после окончания школы отправляли на год в деревню на общественные работы — это должно было благоприятствовать физическому развитию и здоровью будущих матерей. Девушки в РАД (как и юноши) носили униформу, оплачиваемую государством. Важной функцией женской секции ДАФ была организация курсов обучения работниц домоводству и уходу за детьми. Для слушательниц эти курсы были бесплатными — деньги вносила ДАФ. Размах этих курсов был весьма значительным: в 1937 г., к примеру, на курсах обучалось более полумиллиона женщин.

Наряду с Лени Рифеншталь, фрау Троост и Винфред Вагнер, Шольц-Клинк была парадной женской фигурой Третьего Рейха, но с 1933 г. она не имела ни одной аудиенции у фюрера⁸⁰⁵, что доказывает отсутствие какой-либо самостоятельной роли НСФ. Шольц-Клинк сама могла служить средством пропаганды — всегда в наглухо застегнутой блузе, с короной заплетенных в косы и уложенных кольцом светлых волос и со своими 11 детьми — она была образцом немецкой жены и матери. На работе она часто и подолгу отсутствовала (рожала детей и занималась семьей), но соперницы никак не могли ее обойти: она подходила и Хильгенфельду, и Борману, и Гессу⁸⁰⁶. Полной унификации женского движения она, однако, достичь не смогла: значительная его часть в лице «Лиги немецких девушек» (БДМ) подчинялась Бальдуру фон Шираху. Главным функционером БДМ в 1934—1937 гг. была Труде Мор; ее пост назывался «имперская референтка Лиги немецких девушек». Мор, как и Шольц-Клинк, следовала в фарватере партийных представлений о женской роли в обществе: она отвергала как тип «бой-бабы», так и чрезмерную женственность и домовитость — «Нашему народу нужно такое поколение девушек, которые были бы здоровы телом и духом, которые гордо и уверенно шли бы избранным путем, которые требовательно и трезво относились бы к жизни и окружающим, которые были бы свободны от пустых мечтаний и сантиментов. Именно благодаря упомянутым качествам они станут верными и надежными спутниками своих мужей, которых будут вос-

принимать не как идолов, но как верных спутников. Такие девушки привнесут национал-социализм в духовный настрой последующих поколений нашего народа»⁸⁰⁷. С другой стороны, в ГЮ были распространены представления о самостоятельной роли молодежи в обществе и об особых педагогических приемах, необходимых для работы в новых условиях: Труде Мор постоянно заявляла, что девушки с 10 до 18 лет еще мало интересуются семьей и материнством, это особый возраст, требующий особых подходов в воспитании. Как формулировал Ширах: «каждый юноша стремится стать мужчиной, а каждая девушка матерью, но прежде, чем это произойдет, девушки в БДМ, а юноши в ГЮ должны жить своей собственной неповторимой жизнью юности»⁸⁰⁸. Прежняя буржуазная педагогика, как известно, не предусматривала такого разделения. Мор не предусматривала соперничества и культа достижений, как это делалось у юношей, но посредством занятий танцами и гимнастикой надеялась вырастить тип девушки, которая была бы «строгой, но не грубой, подтянутой, но не молодцевато-ражей»⁸⁰⁹. Также и руководство девушками не должно было основываться — как у юношей — на приказе и принуждении, но более на положительных примерах. В соответствии с этим подходом специальные подразделения ГЮ были для девушек закрыты.

Для того, чтобы компенсировать такую дискриминацию в ГЮ, а также для осуществления идеологического руководства немецкими девушками, в 1938 г. в качестве дополнительного подразделения «Лиги немецких девушек» была создана организация «Вера и красота» (BDM-

Werk Glaube und Schönheit); она должна была опекать девушек, которые по возрасту покидали БДМ, но не должны были выйти из-под контроля и опеки нацистской партии. Возглавляла эту организацию Ютта Рюдигер. Это подразделение имело рабочие группы культуры, спорта и домоводства. «Вера и красота» было гордостью Рюдегер, незадолго до того назначенной имперским референтом БДМ; она считала свое детище одним из самых оригинальных начинаний Третьего Рейха, хотя «Вера и красота» имела более ранние аналоги и на Западе⁸¹⁰. Со временем для 17-летних девушек стало обязательным обучение санитарному делу и азам противопожарной безопасное-

ти. Для девушек из «Веры и красоты» была издана специальная книжка карманного формата, своего рода молитвенник, содержащий важнейшие даты и факты по истории нацизма и Германии: когда родился Гитлер и Фридрих Великий, когда капитулировала Франция, когда был убит Герберт Норкус; книжку украшали иллюстрации с портретами руководства; в ней были и полезные советы — как стирать белье, как готовить пищу, как оказать помощь раненому, — и очерки: один из них, например, разъяснял преимущества немецкой традиционной одежды перед парижскими модами. В книжке, например, говорилось: «Прошли времена, когда немецкая женщина была тихой, загруженной работой и малообразованной; программа “Верность и красота” сделает женщину нового поколения свободной и следующей своим природным инстинктам»⁸¹¹.

Во время войны в функциях БДМ произошли значительные изменения— девушек привлекали к работе в лазаретах, пунктах питания вермахта, детских садах, для организации культурных программ различного рода для вермахта, в ПВО, службе новостей, мобилизовывали на организацию детских рекреационных лагерей, на сельскохозяйственные работы, обязывали трудиться на почте и на железной дороге. 29 июля 1941 г. вышел указ Гитлера о создании «вспомогательной военной службы» — КХД (*Der Kriegshilfsdienst — KHD*). КХД стала составной частью РАД для женской молодежи: зимой 1941—1942 гг. 61% девушек из КХД работали в вермахте, в органах власти и на транспорте, 35% — в учреждениях здравоохранения, 4% оказывали помощь многодетным семьям⁸¹².

Положение женщины в семье в нацистской Германии

«Эмансипация женщин, на которой в наше время так все настаивают, является биологически и социально немислимой. Материнство — это единственная судьба женщины, а не мужчины. Это положение не изменится и при дальнейшем развитии культуры, так как материнство является основой жизни».

*(К. Заллер)*⁸¹³

Представьте себе аллегорическую картинку семейной жизни (этот лубок часто можно было лицезреть в пропагандистских изданиях): мужчина стоит на валуне, его взор устремлен на восход (или заход) солнца. Рядом с ним, опираясь на его руку, стоит высокая (но чуть ниже мужа) светловолосая, полногрудая, смелая и готовая к отпору (но одновременно нежная), сердечная и теплая по натуре матрона, которая беспрерывно рождает детей. Это и есть истинная нацистская идиллия. Весьма характерно объявление в одной из мюнхенских газет: «52-летний врач, ариец, участник битвы под Танненбергом, ищет с целью обзаведения в законном браке потомством мужского пола молодую девушку арийского происхождения, без претензий, готовую к тяжелой физической работе, хозяйственную, с широкими бедрами, без серег, можно без приданого. Посредники не нужны, конфиденциальность гарантируется»⁸¹⁴.

Нацисты и в браке видели политические задачи; по своим способностям рожать детей женщины делились на несколько категорий, что впоследствии нашло отражение в наградах матерям-героиням. В нацистской публицистике говорилось о «введении в бой женщин», указывалось на «функции» женщин — дарить мужчине счастье любви и рожать ему детей; нацисты называли это есть героическими вехами в жизни женщины, поэтому женщину, отказавшуюся от родов, считали дезертиром. В 1938 г. ФБ писала: «Немецкая многодетная мать должна занимать такое же почетное место в национальной общности, как герой-фронтвик: ее духовная и физическая самоотдача та же, что и у фронтовиков в грохоте сражений»⁸¹⁵. Культ матери и ореол материнства в Третьем Рейхе культивировался так интенсивно и был настолько притягательным, что приводил к нелепым и трагическим ситуациям. Так было с Каролиной Рашер (в девичестве Диль), родившейся в преуспевающей семье мюнхенского провизора, рано вышедшей замуж за антрепренера, который вскоре после Первой мировой войны умер. В 1936 г., в возрасте 43 лет, Каролина Диль познакомилась с 27-летним доктором Зигмундом Рашером, который работал в Мюнхенском университете. Поскольку Рашер был эсэсовцем, то для женитьбы ему нужно было разрешение Гимmlера.

Тот не хотел его давать из-за слишком большой разницы в возрасте, к тому же Каролина была бездетная. Каролина во что бы то ни стало хотела заполучить в мужа молодого врача — это была ее последняя надежда. В конце концов она забеременела, но беременность оказалась неудачной. Для того, чтобы создать семью, она сохранила аборт в тайне и вместе со своей кухиной украла первого ребенка. Одним ребенком она не удовлетворилась: как того требовала доктрина нацизма, Каролина хотела иметь много детей. Она стала разыскивать беременных матерей для того, чтобы либо на долгое время забрать, либо украсть у них детей. В 1944 г. она была разоблачена и казнена в Равенсбрюке, несмотря на то, что ее муж — высокий эсэсовский чин (в концлагерях он проводил садистские опыты над живыми людьми) — был в фаворе у Гимmlера⁸¹⁶.

Как уже говорилось выше, в нацизме был весьма силен гомоэротический элемент, но верх в итоге взяла та часть партии, которая превыше всего ставила семью; гомосексуализм же по неясной причине нацисты стали рассматривать как азиатский феномен, занесенный в арийскую среду католической церковью⁸¹⁷. С другой стороны, нацисты могли сколько угодно клясться в приверженности семье и ее ценностям, но объективно они эти ценности систематически разрушали. В нацистские времена ходил анекдот о дружной нацистской семье, все члены которой круглый год заняты всевозможными акциями в СА, БДМ, ПО, НСВ, и лишь раз в год все они встречаются на партийном съезде в Нюрнберге⁸¹⁸. Интересно отметить, что — при нацистском фанатическом стремлении все организовать, — организации, занимавшейся вопросами семьи, в Третьем Рейхе не было.

Несмотря на всю риторику, цели нацистов в этой сфере были коллективистскими и биологическими, а не консервативными. Семья рассматривалась как центральная ячейка (*Kernzelle*) биологической тотальной общности. Нацисты стремились положить конец разнообразию стилей и образов жизни: незамужние и бездетные женщины и холостые мужчины рассматривались как ненормальное явление, которое следовало исправить; гомосексуализм рассматривался как преступление против нации⁸¹⁹. Удивительным исключением из этого правила был Гитлер,

который по неясным причинам вовсе отказался от семьи и утверждал, что семейная жизнь ему совершенно чужда. Свою холостяцкую жизнь Гитлер, разумеется, представлял своей жертвой на алтарь нации. Образцом нацистской семьи могла бы служить пара Геббельсов с их многочисленным потомством, но и министр пропаганды (об этом знала вся Германия) был известным дамским угодником.

Нацистская официальная партийная идеология фактически освобождала мужчину от семейных обязанностей — он должен был только обеспечивать семью. Патриархальное разделение полов было решающей особенностью нацистской женской политики: образцом для них стала тевтонская древность, когда мужчина был воином, а женщина — хранительницей домашнего очага. На взгляд нацистов, в мужчине главным является творческое начало, а в женщине — воспроизводящее. Поэтому материнство составляло предмет постоянной заботы со стороны нацистского руководства. Исходя из этого, нацисты были против занятости женщин вне дома, они выступали против привлечения женщин в академическую среду, а феминисткам они заявляли, что мужчины и женщины равны, но не одинаковы (*gleichwertig aber nicht gleichartig*). Гитлер настолько высоко ставил способность женщин к воспроизводству и настолько ценил положение женщины именно в семье, что в «Майн кампф» он планировал введение для женщин по достижению зрелости особого переходного правового положения, которое только после замужества переходило бы в статус полноправного гражданства⁸²⁰. Это намерение, правда, не было осуществлено.

В своей знаменитой книге о массовой психологии фашизма Вильгельм Рейх, неортодоксальный ученик Фрейда, справедливо указывал, что семья в нацистской Германии была бесспорно авторитарной не только в силу экономической зависимости женщин и детей от мужа и отца, но и в силу сексуального подавления женщины, которая рассматривалась нацистами не как равноправный сексуальный партнер, но исключительно как роженица, как «машина для производства детей» — прежде всего, конечно, солдат. Расовый отбор и «принципы» евгеники при планировании семьи были обязательны: так, нацисты сте-

рилизовали женщин, не различавших цветов — Рейху не нужны были солдаты-дальтоники⁸²¹.

Идеализация материнства находилась в резком противоречии с бесправным состоянием трудящейся женщины. Признание женщины равной мужчине означало бы крушение авторитарной семьи⁸²². Вильгельм Рейх писал, что понимание полового акта не как возможности получить удовольствие, а исключительно для рождения детей лишает женщину достоинства и является проявлением реакционной сексуальной политики, даже если она проводится коммунистами. На самом деле, 10 июня 1924 г. Коминтерн заявил, что «революция бессильна, пока существует понятие семьи и семейных связей» и рекомендовал бигамию и полигамию⁸²³, что не помешало сохранению авторитарной семьи и в СССР — старая культура и традиция возобладали. Впрочем, авторитарная семья осталась здравствовать и в демократических странах вплоть до «сексуальной революции» рубежа 1960—1970 гг., когда и начались истинные перемены в этой сфере, и семья стала эволюционировать в ином направлении. Во Франции патриархальный закон, ставивший женщину в прямую зависимость от мужа (*le mari conserve toujours sa prerogative de «puissance maritale» avec son droit a Vobeissance*⁸²⁴), сохранялся вплоть до 1938 г.⁸²⁵ Такого не было даже в нацистской Германии, где введение кредитов на женитьбу, декретный отпуск в один год, денежные пособия на детей и налоговые льготы должны были способствовать антиэмансипационным процессам. Дело, правда, не дошло до запрета работать, но стремление сократить женскую занятость было очевидным.

Законы о браке вторгались в самую интимную сферу жизни человека — отныне выбор спутника жизни и стремление продолжить свой род должны были определяться не личными симпатиями и любовью, а мировоззрением: это было совершенно новым в человеческой истории. Главным условием предоставления государственных дотаций и кредитов молодоженам была расовая чистота вступающих в брак. Даже в основе запрета на аборт лежали не моральные причины (как у католиков), а прежде всего расово-биологические. Гомосексуализм приравнивался к аборт-

там по той причине, что оба они вели к снижению рождаемости. В 1938 г. закон о разводах был изменен в сторону либерализации: чтобы увеличить число вновь заключаемых браков и, соответственно, число новорожденных.

Молодожены получали в долгосрочный кредит от 600 до 1000 рейхсмарок; это была довольно приличная сумма — платяной шкаф из ореха стоил в 1933 г. 30 марок, свинина — 50 пфеннигов за пол кило, ореховый спальный гарнитур — 300 марок, дом на семью — 6800 марок, четырехдверный автомобиль «Ситроен» — 3550 марок,⁸²⁶ а промышленный рабочий получал около 130 рейхсмарок в месяц. Брачный кредит (*Ehestandsdarlehen*) был введен законом от 1 июня 1933 г.: брачующиеся получали 1000 рейхсмарок в том случае, если жена оставляла работу. В 1933—1937 гг. 700 тыс. пар (25 % от вступивших в брак) получили брачное пособие⁸²⁷. Среди тех, кому было отказано, преобладали душевно или физически нездоровые пары. С 3 ноября 1937 г. ссуда в 1000 марок предоставлялась молодоженам в форме купонов, по которым различные фирмы выдавали мебель и домашнюю утварь. При рождении ребенка 25 % долга списывалось⁸²⁸; кредит можно было не возвращать, а «отплатить детьми» (*«abgekindert»*, как выражались функционеры: по-немецки это довольно смешной неологизм). Финансировалась эта программа за счет специального налога на холостых; замужним женщинам, проработавшим в социальной организации под названием «женская служба» (*Frauidienst*), долг целиком списывался. В других случаях возвращать кредит нужно было по 1 % в месяц. Ссуда в 1000 марок предоставлялась, если за 6 месяцев до брака невеста уходила с работы. Результат был ошеломляющим: до 1935 г. было выплачено 378 тыс. ссуд на сумму 206 млн марок, уже в 1933 г. было заключено на 200 тыс. браков больше, чем в 1932 г.⁸²⁹, что однозначно свидетельствовало об эффективности демографической политики нацистов. Государственные брачные ссуды были поддержаны выплатами частных компаний. Так, табачная кампания Реемстма премировала своих работниц 600 рейхсмарками, если они увольнялись после вступления в брак⁸³⁰.

К концу 1934 г. около 300 тыс. женщин оставили работу, получив ссуду: как правильно рассчитали нацисты,

многие женщины рады были бросить тяжелую и монотонную работу ради семьи и домашнего труда⁸³¹. Впрочем, из многих мест женщин вытесняли целенаправленно: с тяжелых и вредных производств, из шахт, с заводских конвейеров.

Ссуды сыграли весьма значительную роль в увеличении числа браков и в подъеме рождаемости (см. таблицу ниже)⁸³².

Год	Число браков	Число новорожденных
1931	609 068	1932: 1 170 753
1932	597 941	1933: 1 137 389
1933	718 467	1934: 1 359 878
1934	817 629	1935: 1 419 892
1935	730 065	1936: 1 432 567
1936	690 070	1937: 1 427 820
1937	702 303	1938: 1 508 417

При этом, правда, следует иметь в виду, что опасения в отношении падения рождаемости и грядущей дегенерации народа не были немецкой спецификой, эта проблема тревожила и других европейцев. Большая часть того, что предприняли для увеличения рождаемости в Германии, было сделано в Англии и во Франции, разумеется, в рамках иной аргументации⁸³³. Поэтому центр тяжести работы НСФ приходился не на организацию общих мероприятий социальной политики (например, «Зимняя помощь»), а на вспомоществование (*Hilfswerk*) для рожениц — для этой цели 28 февраля 1934 г. была создана специализированная организация «Мать и дитя» (*Mutter und Kind*). В более чем 30 тыс. местных организаций «Матери и дитя» было занято свыше 500 тыс. человек из семей, признанных нацистскими партийными функционерами, пригодными для работы в сфере помощи семье. Помощь предназначалась прежде всего беременным и кормящим матерям. Совместно с национал-социалистической Сестринской организацией обслуживались детские сады, детские приюты и летние детские рекреационные лагеря. Особое внимание последним уделялось во время войны⁸³⁴.

Размеры государственной помощи матерям также были весьма впечатляющи: только в 1935 г. этой помощью было

охвачено около 600 тыс. беременных женщин⁸³⁵. Не все пары были готовы погасить долг рождением детей: в 31% браков в 1933—1938 гг. не было детей, в 27% — только один ребенок. Дело дошло до того, что в 1938 г. был введен «штрафной налог» на пары, не имевшие детей более 5 лет после свадьбы. В этой связи росло число судебных преследований из-за аборт: в 1934—1939 гг. — с 4539 до 6983; врачу, сделавшему аборт, давали 15 лет тюрьмы или лагерей⁸³⁶. Истерия по поводу падающей рождаемости привела в 1943 г. к двум смертным приговорам женщинам, сделавшим аборт⁸³⁷. Столь же реакционной в отношении аборт была государственная политика и в других европейских странах: во Франции аборты были запрещены, за них предусматривалось уголовное наказание⁸³⁸. В 1920 г. большевики формально легализовали аборт, но впоследствии вернулись на реакционные позиции. Впрочем, аборт по расовым причинам при нацистах был обязательным; матерям-алкоголичкам запрещалось рожать, впоследствии их стали принудительно стерилизовывать; в 1938 г. было объявлено, что еврейки могут беспрепятственно делать аборты⁸³⁹.

Режим стимулировал рождаемость не только среди молодоженов: с июля 1936 г. выплачивалось по 10 рейхсмарок за пятого и каждого последующего ребенка в семьях, где доход был меньше 185 рейхсмарок в месяц, причем, это касалось $\frac{2}{3}$ семей рабочих и служащих. С 1938 г. давали уже 20 рейхсмарок с третьего ребенка. В 1936 г. «детские деньги» (*Kindergeld*) получало 300 тыс. семей, а в 1938 г. — 2,8 млн семей. С 1934 г. налоговые скидки на каждого ребенка школьного возраста увеличились в два раза. С сентября 1935 г. дополнительно к ежемесячным детским деньгам нуждающиеся семьи стали одновременно получать по 100 рейхсмарок на ребенка, если в семье было более 5 детей. В марте 1938 г. 550 тыс. семей получили эту добавку, в среднем по 330 рейхсмарок на семью⁸⁴⁰. Интересно отметить, что современная ФРГ сохранила традицию выплаты «детских денег», а в такой богатой стране, как США, такого обычая нет и не было.

Даже матерей-одиночек — явление, которое нацисты считали следствием «марксистской» половой распущенности, — режим также поддерживал: они получали добав-

ку к зарплате, но кредитов им не давали⁸⁴¹. Добавка была распространена и на женщин, имевших приемных детей. С 1937 г. женщинам разрешили именоваться «фрау» вне зависимости от семейного положения. Два года спустя внебрачное материнство перестало рассматриваться как повод для увольнения с государственной службы⁸⁴².

Очевидно, что прежняя сдержанная позиция государства по отношению к матерям-одиночкам была основана на соображениях морального свойства, на стремлении показать, что государство не одобряет поведения этих женщин. Одной из причин учреждения Гиммлером «Либенсборна» стало то, что незамужние матери были неполноценными членами общества — эта организация должна была осуществлять официальную охрану материнства. Гиммлер в 1944 г. утверждал, что «в настоящее время (имеется в виду война — *О. П.*) соотношение незаконнорожденных и законнорожденных детей приблизительно одинаковое»⁸⁴³. Ради повышения рождаемости закон от 1938 г. устанавливал новые правила развода: теперь измена являлась для развода достаточным основанием, а § 55 устанавливал, что если супруги не «жили вместе» три года, то брак может быть расторгнут⁸⁴⁴. Ясно, что этот закон был ориентирован на повышение рождаемости. Поначалу разводов по новому закону стало больше, чем обычно, но потом положение выровнялось, так как распадались, в основном, давние браки.

Нацисты, однако, не забывали и о расовых подходах: 14 июля 1933 г. вышел закон о предотвращении наследственных болезней у новорожденных; он предусматривал насильственную стерилизацию и насильственный развод родителей с наследственными болезнями. Из этих мер логически вытекал запрет на брак для больных наследственными болезнями: закон от 18 октября 1935 г. как раз и вводил запреты на брак для больных наследуемыми болезнями, но, оглядываясь на католическую церковь, нацисты не осмелились ввести запрет на брак вследствие бесплодия. Незадолго до этого были запрещены браки с евреями⁸⁴⁵. Запреты такого рода были настолько строги, что даже для находившейся долгое время во главе БДМ Труды Мор возникли, казалось, непреодолимые преграды в устройстве собственной семейной жизни: замуже-

ство Мор с оберштурмфюрером СС Вольфом Бюркнером первоначально было запрещено РУСХА (расовое и переселенческое ведомство СС) вследствие того, что Мор была близорука. Лишь после продолжительной переписки с этим ведомством вопрос был решен положительно⁸⁴⁶.

В 1933 г. началось всеобщее фотокопирование немецких церковных регистрационных книг для выяснения чистоты расы всех немцев. Эту задачу выполняло специально созданное в МВД бюро — оно называлось «имперская инстанция для изучения кровнородственных отношений» (*Reichsstelle für Sippenforschung*), а 12 ноября 1940 г. эта организация была переименована в «ведомство кровнородственных отношений» (*Reichssippenamt*); его руководителем стал доктор Курт Майер. Задачей ведомства была проверка арийского происхождения в случаях, когда требовалась компетентная проверка эксперта; экспертиза считалась окончательным доказательством арийского происхождения. Ведомство было государственным учреждением и никогда не входило в партийные структуры, хотя Гиммлер и пытался отобрать у него некоторые функции⁸⁴⁷.

18 октября 1935 г. вышел закон «наследственного здоровья немецкого народа», который вводил «свидетельство годности к браку». После этого была заведена книга почета немецких многодетных семей, а многодетным матерям выдавали почетную грамоту за обеспечение будущего немецкого народа. Многодетным семьям выдавалось удостоверение, для них предусматривались некоторые льготы на общественном транспорте и преимущества при получении других видов льгот⁸⁴⁸. В 1938 г. был учрежден орден — «Крест матери» — в бронзе, серебре и золоте. Образцом для «Креста» стала французская награда *Médaille de la Famille Française*⁸⁴⁹, надпись на оборотной стороне немецкого «Креста матери» гласила: «ребенок облагораживает мать». Орден был основан 12 августа, в день рождения матери Гитлера: по замыслу министерства пропаганды, женщины должны были занять в народе такое же почетное место, как и фронтовые солдаты. Устанавливалось три степени почетного звания — 3-я степень за 4 детей, 2-я степень (серебряной знак) — за 6 детей, 1-я степень (золотой знак) — за 8 детей⁸⁵⁰. Награду вручали ежегодно в «День матери»; крест носили на ленте. Женщинам,

удостоенным награды, выдавали удостоверение с надписью: «самое прекрасное слово в мире — мать». Предъявление этого удостоверения обеспечивало сидячее место в общественном транспорте, почет и уважение; молодежь обязана была приветствовать носительниц креста гитлеровским приветствием. Поскольку число матерей-героинь оказалось больше ожидаемого (только в 1939 г., например, выдали 5,5 млн крестов), в последующие годы награждали только матерей старше 60 лет⁸⁵¹. Основанная в 1920 г. как общественная организация «Лига многодетных семей» получила в Третьем Рейхе официальное признание и была передана в ведение расово-политического ведомства партии⁸⁵².

На местах имели место разнообразные инициативы: так, в Дармштадте для популяризации больших семей местное нацистское руководство объявило о намерении выдать карточки для бесплатного посещения театров 1500 матерям, у которых 3 и более детей. В других городах многодетным семьям снизили налоги и предоставили льготы по уплате за электричество⁸⁵³.

Такими способами нацисты хотели вернуться к широко распространенной (не только в Германии) практике больших семей конца XIX в. В этой связи решение жилищной проблемы многодетных семей было официально провозглашено в качестве приоритетных направлений социальной политики. Один из нацистских функционеров писал: «Нужно убрать пугало маленьких жилищ... 47% всего построенного в 1935 г. жилья выпадает на маленькие жилища до двух комнат... Первый ребенок еще может найти там пространство, но уже второй создает трудности, а при наличии третьего и четвертого ребенка это жилище становится инкубатором болезней тела и души. Маленькая квартира является основной причиной маленькой семьи»⁸⁵⁴.

Многодетные семьи превозносились в прессе, в кино, в литературе и в изобразительном искусстве. Успех этой кампании продемонстрировал, сколь глубоко пропаганда смогла внедриться в интимную семейную сферу. Рождаемость выросла с 1,47% в 1933 г. до 2,04% в 1939 г.⁸⁵⁵, что вкупе с увеличением числа браков превозносилось пропагандой как доказательство доверия к новому Рейху. Се-

мья и детство были хорошим предлогом требовать от немецкого народа жертв ради того, чтобы дети могли прекрасно жить в «тысячелетнем Рейхе». Заботой о матери и ребенке нацисты стремились не только способствовать повышению рождаемости, но и внушить женщинам чувство самоуважения, что, в свою очередь, поднимало престиж режима в глазах женщин.

Идеальным типом нацистской фрау может служить Герда Борман — она завела большое количество детей, и все, что бы ни говорил Гитлер, — все без труда вписывалось в ее мировоззрение. После признания мужа в связи с актрисой Маней Беренс, Герда Борман придумала систему так называемого «сменного материнства» — она предлагала взять к себе эту актрису, и сама Герда сможет находиться рядом с мужем, пока беременна⁸⁵⁶. Борман даже приказал сделать бюст Мани Беренс и передал его жене для украшения дома⁸⁵⁷. Герда писала, что хорошо бы вышел закон, разрешающий каждому здоровому мужчине иметь двух жен (фюрер тоже высказывал эту мысль): слишком мало полноценных мужчин переживут эту войну, и многие здоровые женщины будут обречены на бездетность. На письме жены Борман поставил отметку: «Абсолютно верно для предстоящей борьбы, которая определит национальную судьбу»⁸⁵⁸. Кальтенбруннер был того же мнения; он считал, что каждая замужняя женщина в возрасте до 35 лет, которая не имеет 4 детей, обязана рожать; женат на ней мужчина или нет — не имеет никакого значения. Эти и другие энергичные меры нацистов быстро повлияли на рождаемость с 1934 г.: с 59 детей на 1000 женщин в 1933 г. эта цифра поднялась до 73 в 1934 г. и 77 в три последующих года, а в 1938—1940 гг. она составила соответственно 81,85 и 84 ребенка. Это, однако, было меньше, чем рассчитывали нацисты — в 1929 г. было 90 родов, а в 1910—1911 гг. — 128 родов на 1000 женщин⁸⁵⁹.

Надо указать и на то, что положение в семьях самой нацистской верхушки не всегда соответствовало их идеалам. Бывшая медсестра и довольно трезвый человек Маргарет Гиммлер слишком презирала своего мужа, чтобы серьезно воспринимать его идеи (не решаясь порвать с властной и умной женщиной, Гиммлер имел содержанку). Ева Браун, не имея какого-либо влияния на Гитлера,

не скрывала своего полного равнодушия к нацистской идеологии и политике. Магда Геббельс часто и ожесточенно спорила с мужем и даже с Гитлером о необходимости женской эмансипации и, в интеллектуальном отношении превосходя обоих⁸⁶⁰, часто заводила эти дискуссии в тупик: однажды она прямо возразила высказыванию Гитлера о допустимости внебрачной беременности и родов⁸⁶¹. Эмма Геринг и не думала о реализации нацистских семейных идеалов, а помышляла о карьере актрисы. Генриэтта фон Ширах (в воспитании которой принимал участие сам Гитлер: она была дочерью его лейб-фотографа, который рано потерял жену — мать Генриэтты) участвовала в организации культурной жизни Вены; да и другие жены нацистских боссов не думали стоять у плиты и заниматься детьми. В семьях нацистской элиты не было требуемой и поощряемой ими многодетности: «выполняли плановые задания» только семьи Бормана и Геббельса. Наверное, Герда Борман была единственной дамой элиты, полностью соответствовавшей нацистскому идеалу «курицы-несушки».

4 ноября 1939 г. в формальном брачном праве последовало крупное изменение: было введено заочное обручение, теперь невеста могла стать женой в отсутствие жениха-солдата⁸⁶², а за несколько дней до нападения на Польшу вышло распоряжение об ускоренном браке, оно касалось солдат вермахта. Ускоренным этот брак назывался из-за того, что при его заключении не нужно было предоставлять полный документ, подтверждающий арийское происхождение брачующихся (*Ariernachweis*), но только имеющиеся документы. Жениху и невесте достаточно было устно подтвердить свое арийское происхождение. Этим, казалось, незначительным изменением было существенно ослаблено действие антисемитских «законов о защите крови». Следствием этого закона стало увеличение числа женитьб: за первые три месяца войны было отмечено на 55,3% больше браков, чем за тот же период 1938 г.⁸⁶³

В стремлении увеличить рождаемость нацисты часто доходили до абсурда: 8 ноября 1940 г., Гитлер выпустил тайное (поначалу) распоряжение о заключении браков с

павшими на фронте женихами, если до их смерти были доказанные намерения жениться. В народе это распоряжение остряки моментально окрестили «венчанием с мертвецом» (*Leichentrauung*); другое распоряжение Гитлера давало возможность развода погибшего солдата с «недостойной его женой»⁸⁶⁴. В ведомственном информационном бюллетене СД «Вести из Рейха» сообщалось, что к «бракам с мертвецом» прибегали по разным причинам довольно часто⁸⁶⁵. Следует вспомнить, что в конце концов Гитлер и сам прибег к «браку мертвецов», сначала женившись на Еве Браун, а затем совместно с ней покончив с жизнью.

В стремлении реформировать брачные отношения нацистское руководство на этом не успокоилось: одновременно с «браком с мертвецом» нацисты хотели ввести и многоженство, до Первой мировой войны планировавшееся сторонниками евгеники, а затем и нацистскими расовыми теоретиками. Однако только к 1944 г. предложения о полигамии приняли конкретные формы. Вальтер Гросс (многолетний руководитель расово-политического ведомства партии), Тирак (министр юстиции) и Борман (он уже практиковал так называемый «вынужденный брак» — *Volksnoteh* — с Маней Беренс) были сторонниками многоженства. Гросс подчеркивал, что введение многоженства не будет препятствовать параллельному существованию нормального брака, но станет расширением возможностей для воспроизводства нации. Планам этим, однако, не было суждено осуществиться⁸⁶⁶. Склонность к признанию многоженства отмечалась именно у тех нацистов, которые склонялись к радикальному неприятию иудео-христианской этики, несоединимой, на их взгляд, с новоязыческой нацистской этикой.

Гиммлер собирался детально планировать многоженство: когда 28 октября 1939 г. был создан «Лебенсборн», он, чтобы подчеркнуть предпочтительное положение первой жены, придумал термин «домина». Гиммлер считал, что вторую жену как высшую награду может получить герой войны, кавалер Золотого или Рыцарского креста. Позднее он решил награждать также кавалеров Железного креста 1-й степени и обладателей золотой или серебряной пряжки за рукопашный бой. Гитлер говорил, что

если немец, как истинный солдат, готов умереть за Родину, то он должен иметь право любить без всяких условий — борьба и любовь, на его взгляд, связаны друг с другом и неразделимы, а мещанин пусть довольствуется тем, что осталось от воина⁸⁶⁷. Гиммлер полагал, что систематическое спаривание высокоценных в расовом отношении людей станет основой для нового подъема германской расы; правда, посвятить народ в эти планы он собирался только после окончания войны. Предметом особых забот Гиммлера было воспроизводство потомства СС. Приказ от декабря 1931 г. о порядке помолвки и женитьбы для членов СС устанавливал гораздо более строгие ограничения на выбор супруги, чем Нюрнбергские законы 1935 г. Эсэсовцы получали разрешение на женитьбу только с 25 лет, а по государственным немецким законам — по достижению совершеннолетия. Эсэсовские установления предусматривали гораздо более длительный срок для помолвки, чем это было принято в Германии. Длительный срок помолвки способствовал рождению добрачных детей (*Brautkinder*), которых государство уже до войны отличало от внебрачных детей⁸⁶⁸. В 1936 г., для подготовки молодых женщин к браку, в рамках СС были созданы специальные курсы; одно из самых известных отделений этих курсов находилось в пригороде Берлина Ванзее, недалеко от виллы Геббельса. Там готовили жен для находящихся на фронте эсэсовцев. Эта школа была в начале мая 1945 г. занята советскими войсками, а женщины отправлены в советские лагеря, откуда они не вернулись⁸⁶⁹.

Явный антиклерикализм нацистов имел и положительную сторону — он привел к ликвидации статуса незаконнорожденного. Однажды Гиммлер заявил своему врачу Керстену: «Нынешняя форма брака — это сатанинское дело рук католической церкви, а все современные законы о браке — аморальны»⁸⁷⁰. В этой связи следует указать, что проблема внебрачных детей стала чрезвычайно актуальной с началом войны. 28 октября 1939 г. Гиммлер выпустил приказ по СС, в котором говорилось, что в войну действует отрицательный отбор, и лучшие представители расы погибают. Поэтому, говорилось в приказе, следует допустить рождение внебрачных детей и несколько выйти за рамки буржуазного права и обычая в половых отно-

шениях расово-полноценных немцев и немок⁸⁷¹. В народе этот приказ именовали не иначе как «приказ о зачатии» (*Zeugungsbefehl*). Зачатие от солдата, который может погибнуть на войне, представлялось Гиммлером событием, имевшим почти религиозное значение; это вызвало у немцев беспокойство: солдаты вермахта интерпретировали приказ как предоставление эсэсовцам полной свободы в нарушении супружеской верности. Приказ Гиммлера моментально связали с «Лебенсборн», в интернатах которого неверные жены могли избавляться от нежелательных детей. Опровержения Гиммлера, разумеется, только укрепили подозрения немецкой публики. Намерения Гиммлера натолкнулись на противодействие со стороны НСФ и БДМ: как Шольц-Клинк, так и Рюдигер настаивали на сохранении принципа семьи и семейного воспитания детей⁸⁷². Это удивительно, так как отношение Гитлера к внебрачному рождению детей было известно; в 1928 г. он писал: «К сожалению, у нас в стране женщин на 2 миллиона больше, чем мужчин, поэтому следует стремиться к тому, чтобы каждая женщина вышла замуж, а те, кому этого не удалось, перед тем как состариться и увянуть, обязательно должны родить хотя бы одного ребенка. Природа ждет, чтобы каждая женщина родила — некоторые женщины даже заболевают из-за невозможности родить. Да, в тысячу раз лучше, чтобы немецкая женщина родила, чем чтобы она ушла из этого мира озлобленной, несчастной и одинокой»⁸⁷³. По свидетельству Кальтенбруннера на Нюрнбергском суде, в 1943 г. эсэсовские демографы планировали обязать всех немецких женщин до 35 лет родить от безупречных в расовом отношении мужчин 4 детей, для осуществления этого «мероприятия» всех женатых мужчин собирались объявить свободными⁸⁷⁴. Правда, свидетельств, что подобные планы находили поддержку у Гитлера, нет.

В итоге следует констатировать, что женщины поддерживали Гитлера по той причине, что, реакционные на первый взгляд мероприятия в женской политике на практике обернулись улучшением их жизни в семье и на работе⁸⁷⁵. Как бы там ни было, но приведенные материалы свидетельствуют о том, что женская мобилизация в Тре-

тьем Рейхе действительно носила большие масштабы и была важнейшей частью позитивного аспекта создания и культивирования национальной общности, а вместе с ней и первого в европейской истории прецедента «*welfare state*». Возможно, такова была благодарность Гитлера за поддержку немецкими женщинами НСДАП. Во многом обусловленные эротическими импульсами, выступления Гитлера имели особенно притягательную силу для женщин, энтузиазм которых по отношению к фюреру на первом этапе развития нацистского движения имел для нацизма решающее значение⁸⁷⁶. На эротический характер не только речей, но и жестов Гитлера, указывал и Герман Раушнинг в мемуарах «Беседы с Гитлером»⁸⁷⁷. Гитлер сам говорил, что в его политической карьере женщины играли значительную роль: по всей видимости, это соответствует истине.

Некоторые немецкие публицисты считали даже, что Сталин, помня, что Гитлера к власти отчасти привели женщины, отдал негласный приказ о том, чтобы насилие солдат над немецкими женщинами не считалось нарушением воинской дисциплины... На самом деле, дисциплинированные солдаты Советской армии в оккупированной Германии участвовали в насилиях в необыкновенно широких масштабах — это-де была месть Сталина немкам за их любовь и поддержку Гитлера⁸⁷⁸. Трудно ответить на вопрос, почему среди наших солдат оказалось столько бандитов, которые скопом насиловали женщин, девушек и девочек, а потом их, безоружных, убивали. Попытки отдельных советских офицеров прекратить разгул насилия — наказывались. В частности, Льву Копелеву, офицеру-переводчику, за такое заступничество («буржуазный гуманизм») дали лагерный срок⁸⁷⁹. Вполне возможно, что Сталин намеренно использовал естественное чувство мести советских людей в качестве компенсации собственных промахов и ошибок. Более адекватной реакцией было бы сдерживание импульсивного и вполне объяснимого чувства мести, а не его поощрение, но ожидать такой линии поведения от тирана, каковым был Сталин, не приходилось.

ГЛАВА У

СУЩЕСТВО ПРОТИВОРЕЧИЙ СРЕДНЕСОСЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ НАЦИСТОВ

«Feigheit, dein Name ist Bürgertum».

(А. Гитлер)⁸⁸⁰

Еще в 1932 г. крупный немецкий социолог Теодор Гейгер констатировал среднесословное происхождение нацизма; представители марксистского направления и франкфуртской школы социологии подтвердили гипотезу о среднесословном происхождении национал-социализма; впоследствии она была закреплена Сэмюэлем Липсетом. Единогласие авторитетных исследователей не может, однако, скрыть того факта, что для Гитлера буржуазия была декадентским сословием, уже выполнившим свою историческую задачу. «Буржуазные партии, — писал он, — давно уже представляют собой не что иное, как выражение интересов определенных профессиональных групп, и их самая возвышенная цель — это максимально последовательное представление эгоистических интересов»⁸⁸¹. Незадолго до смерти Гитлер предрекал конец буржуазного мира и гибель либерализма. Встает вопрос, а почему Гитлер связался с находящимся в состоянии упадка классом, почему он по приходу к власти его не «тронул», как «тронули» буржуазию большевики? Ответ на этот вопрос лежит на поверхности: потому что он нуждался в военных и в промышленности для организации обширной экспансии. Кроме того, Гитлер считал буржуазию неопасной как раз по причине ее слабости. Представляется особенно важным подчеркнуть, что Гитлер не был ни агентом буржуазии, ни ее инструментом, а презрение к буржуа довело его даже до того, что в речи 14 сентября 1936 г. он признал наличие скрытых добродетелей даже в коммунистическом движении: «В свое время по приходу к власти мы не стремились очистить Германию от большевизма полностью, мы не стали радикально отделяться от большевизма, поскольку мы и не намеревались консервиро-

вать или освежать буржуазный мир ценностей. Если коммунизм на самом деле мог бы послужить удалению отдельных гнилых элементов из элиты общества (из верхних десяти тысяч) или из среды столь же бесполезных мещан, тогда мы были бы готовы терпеть его еще некоторое время»⁸⁸². Надо отметить, что Гитлер вообще не терпел элиты старого государства: так, раздраженный засильем аристократии и ролью королевского двора в фашистской Италии, Гитлер однажды сказал, что Муссолини поспешил с приходом к власти — следовало бы подождать год-другой с тем, чтобы красная метла вымела всю эту аристократическую нечисть. «Высшее общество» Германии он называл «ошибкой в эволюции». Зато он неизменно положительно высказывался о рабочем классе, хвалил своих товарищей-фронтовиков, которые на войне выказывали самые лучшие человеческие качества⁸⁸³.

Ввиду «антибуржуазности» Гитлера следует помнить, что служащие и чиновники, в принципе, получили от нацистов менее всего выгод: в период «национальной революции» нацисты представляли их как носителей ненавистной «системы» (нацисты только так называли Веймарскую республику). Сами нацисты, разумеется, выступали как борцы против замшелого бюрократизма и инертности государственной бюрократии. 7 апреля 1933 г. вышел «Закон о реставрации служилого сословия»; с его помощью нацисты хотели создать «правовую базу» для осуществления чистки среди государственных чиновников и служащих. По этому закону чиновником мог быть только тот, кто имел арийское происхождение и по своим политическим взглядам соответствовал новой национальной общности.

Вместе с тем исследователи социальной истории Третьего Рейха единодушно указывают, что общественной группой, которую нацисты считали базовой для их движения, были средние слои, то есть ремесленники и мелкие торговцы, одним словом, — мелкая буржуазия. В нацистской среднесословной политике можно, грубо обобщая, выделить три фазы. Первая фаза — от прихода к власти 30 января 1933 г. до июля 1933 г., в этой фазе нацистские идеологи среднесословной политики были в силе и казалось, что их планы вскоре реализуются. Вторая

фаза — до провозглашения четырехлетнего плана в сентябре 1936 г., в этот период ремесленники и торговцы закрепили за собой определенную общественную нишу, не претендуя на реализацию прежних планов в отношении обещанной нацистами фронтальной поддержки среднего сословия. В третьей фазе — с 1936 г. и до конца войны нацистские правящие верхи систематически притесняли среднее сословие в интересах политики вооружений, а также в угоду планам в социальной сфере.

Прагматизм нацистов по отношению к среднему сословию наблюдался задолго до 30 января 1933 г. Еще в 1927—1928 гг. в нацистском руководстве высказывалась мысль, что для нацистской политики средние слои будет легче мобилизовать, чем промышленных рабочих, и соответственно этому убеждению нацисты апеллировали к традиционным для крестьян, ремесленников, торговцев и служащих требованиям защиты их групповых интересов. Однако необходимость завоевания «жизненного пространства» на Востоке поставила на повестку дня программу вооружений, которая могла быть реализована только в союзе с крупной промышленностью. Промышленники с опаской и недоверием относились к нацистским программным требованиям в среднесословной политике, поэтому Гитлер уже в сентябре 1932 г. предпринял ряд шагов, которые практически нейтрализовали прежние идеологические партийные установки. В отделе экономической политики партийного руководства были произведены изменения, уравнившие прежнего критика «процентного рабства» и капиталистической эксплуатации Готтфрида Федера и креатуру промышленных кругов Вальтера Функа, который, хотя и составлял к выборам 1932 г. «Экономическую программу восстановления Германии» вместе с Федером, но отличался от последнего большей трезвостью. Упомянутая программа в свое время заменила левую экономическую программу Грегора Штрассера. Таким образом, Гитлер одновременно ослабил позиции начальника этого отдела Отто Вильгельма Вагенера, известного своей приверженностью проектам корпоративного строительства промышленности и торговли по образцу итальянской «хартии труда» (*Charta del Lavoro*). Пропаганда корпоративной модели организации экономики была не-

гласно запрещена и более нацистами не восстанавливалась. Функовская программа скорректировала некоторые важные положения штрассеровской программы: право на труд исчезло, вместо больших налогов на крупные состояния было декларировано снижение налогов и процентных ставок. Об инвестиционном контроле и контроле за ценами уже не было и речи, антикапиталистическая терминология штрассеровской программы растаяла. Старое нацистское требование создания рабочих мест осталось и в программе Функа, но кредитование этой программы было ограничено 3 млрд рейхсмарок. Разумеется, эти изменения соответствовали требованиям Шахта и Гитлера⁸⁸⁴.

В декабре 1932 г. последовала реорганизация нацистской среднесословной организации: был основан «Союз борьбы ремесленного сословия» во главе с Адрианом фон Рентельном; эта организация заменила прежний «Союз борьбы против универмагов и потребительских кооперативов». Все меры указывали на то, что партийное руководство стремится к более полному контролю за среднесословной политикой. В конце 1932 г. Рентельн заявил, что партия стремится к такой среднесословной политике, которая не нанесла бы вреда нации в целом. С другой стороны, сразу после прихода к власти Гитлера наблюдалась большая активность нацистов из среды ремесленников и торговцев — в бойкотах универмагов и погромах еврейских торговых предприятий. С февраля по апрель 1933 г. казалось, что партийное руководство поощряет эти эксцессы, да и не в правилах Гитлера было противодействовать настроениям толпы, ибо его искусство политика заключалось не только в мобилизации нужных эмоций, но и в использовании в собственных целях спонтанных реакций. В феврале 1933 г. немецкие среднесословные объединения, в руководстве которых давно уже преобладали нацисты, обратились к правительству с предложением обратить внимание на бедственное положение немецкого среднего сословия и предпринять необходимые меры для обеспечения условий его процветания. 17 февраля 1933 г. Гитлер в присутствии ведущего функционера по среднесословной политике Теодора фон Рентельна подтвердил готовность имперского правительства действовать в этом направлении⁸⁸⁵. Симптоматично, что стремление к

унификации среднесословных организаций и политики в рамках немецкого промышленного и торгового сословия во главе с Рентельном в апреле 1933 г. не сопровождалось пропорциональной унификацией организаций крупной промышленности. Еще одним опасным конкурентом Рентельну выступил несравненно более опытный (по сравнению с аппаратом Рентельна) и сильный «аграрно-политический аппарат» Вальтера Дарре, который и сам, впрочем, не долго продержался на плаву в борьбе за компетенции.

Во второй половине марта 1933 г. среднесословные нацистские организации поддержали бойкот еврейских универмагов, потребкооперации и еврейской торговли. Апогея эта кампания достигла 1 апреля, когда имперское правительство санкционировало действия нацистских активистов по бойкоту еврейских предприятий. Вскоре после бойкота нацисты завершили унификацию среднесословных предприятий, из которых были удалены все евреи.

Вследствие успехов нацистских среднесословных политиков в борьбе против универмагов резко подскочили цены на различные товары, что повлекло недовольство влиятельных нацистских организаций — СА и НСБО: на поверку оказалось, что наивные мечты нацистских среднесословных политиков о торжестве «справедливых» цен вследствие организационных перестановок — это утопия; на практике эти перестановки породили хаос и нежелательный рост цен (торговое дело в масштабах больших универмагов было более выгодно не только для их хозяев, но и для покупателей). 16 мая 1933 г. баварское правительство постановило полицейскими мерами пресечь необоснованное повышение цен — в течение нескольких дней только в Мюнхене было арестовано 200 торговцев, завывсивших прежние цены, а на их лавках появилась надпись: «Закрывается вследствие спекуляций, хозяин отправлен в концлагерь Дахау на перевоспитание»⁸⁸⁶.

Желание среднесословных нацистских политиков создать всеобъемлющее среднесословное законодательство, которое способствовало бы гармоничному и сбалансированному развитию этого сословия, также оказались фикцией. 12 мая 1933 г. имперское правительство ограничилось законом об ограничении (на некоторое время) даль-

нейшего развития торговли в универмагах. Через год — 23 июля 1934 г. — был принят закон о строгой государственной регламентации розничной торговли — это противоречило прежним нацистским среднесловным принципам самоуправления. Прекращение борьбы против универмагов особенно разочаровало среднесловных политиков — в обращении государства в сторону более современной, но неудобной для мелких торговцев формы организации розничной торговли, они усмотрели однозначный отказ от учета их интересов.

НСБО и СА опасались банкротства универмагов еще и потому, что оно повлекло бы за собой сокращение большого числа рабочих мест, повышение цен, потерю заказов многими поставщиками товаров для универмагов и т. д. Более того, когда вследствие нацистского бойкота крупнейший торговый концерн «Херти» (*Hermann-Tietz-Konzern*, «*Herti*», 14 тыс. работников) оказался на пороге банкротства, то Гитлер, уступая просьбам министерства экономики, решил осуществить государственную санацию концерна, несмотря на то, что владельцами его были евреи. Курьезно, но крупный нацистский среднесловный политик доктор Хиллянд, не зная о том, что решение принято непосредственно Гитлером, призвал к разоблачению еврейских финансовых групп, стоящих за этим решением правительства. 29 июня и 7 июля 1933 г. с тем, чтобы покончить наконец с этим вопросом, заместитель Гитлера по партии Гесс выпустил два циркуляра: в первом циркуляре Гесс извещал, что партийная позиция по отношению к потребительским кооперативам остается неизменной, но, принимая во внимание общее экономическое положение, партия не считает целесообразным проводить по отношению к ним прежнюю линию. Во втором циркуляре речь шла об универмагах; там также говорилось, что партия не изменила на них свою точку зрения, но впредь местным партийным организациям запрещалось устраивать погромы или бойкоты универмагов. В обосновании такого поворота говорилось о приоритетах в социально-экономической политике и о том, что универмаги и потребкооперация отвечают интересам большого числа немцев. Правда, циркулярами запрещалась пропаганда универмагов и потребкооперации.

Происхождение и причины такой метаморфозы в отношении властей к универмагам ясна: по приходу к власти среди нацистов преобладали левацкие элементы, действовавшие под знаменем «национальной революции». На первых порах и среднесословные элементы в НСДАП давали о себе знать своей активностью и стремлением к ликвидации универмагов, анонимных кампаний и потребкооперации, вредивших мелкой торговле. Это очевидное противоречие между большим значением среднесословной по своему происхождению нацистской идеологии и сравнительно небольшим весом и значением собственно немецкого среднего сословия стало бросаться в глаза, поэтому в нацистской среднесословной политике и произошел полный поворот. НСДАП отказалась от некоторых своих принципиальных требований, зафиксированных в партийной программе. Особенно ясно это видно по упомянутым циркулярам Гесса.

В некоторых универмагах это партийное указание отпечатали и вывесили на видных местах, что вызвало ярость у дезориентированных «партайгеноссе». Гесс успокаивал местные партийные организации: он обещал исполнение программных требований партии об универмагах в будущем. Правда, универмаги не ликвидировали вовсе, но стремились всячески ограничивать: в 1935 г. был введен дополнительный налог на оборот в универмагах, там были запрещены кафе и рестораны, время сезонных распродаж в универмагах было ограничено тремя днями и только зимой и летом⁸⁸⁷. В дальнейшем универмаги продолжали, между тем, наращивать свой товароборот и теснить мелкую розничную торговлю, что имело объективную основу в общественных потребностях. После того, как в «хрустальную ночь» с 9 на 10 ноября 1938 г. 29 еврейских универмагов были разрушены и сожжены, а остальные «аризированы», партийная борьба против универмагов завершилась и к этому вопросу более не возвращались.

Знаком поворота партии в сторону, противоположную интересам среднего сословия, было то, что 14 июля 1933 г. Вагнер растерял полномочия как начальник отдела экономики в партийном руководстве. На первый план в экономической политике выдвинулся технократ Курт Шмитт,

27 июня 1933 г. ставший министром экономики. Гесс, со своей стороны, запретил всякие дебаты о корпорациях, а в случае нарушений грозил дисциплинарными взысканиями. В августе 1933 г. «Союз борьбы ремесленного сословия» был распущен, а его члены влились в национал-социалистическую торговую, ремесленную и промышленную организацию НСХАГО (*NS-HAGO — Nationalsozialistische Handwerks-, Handels- und Gewerbeorganisation*), которая стала частью ДАФ. Главной задачей НСХАГО была уже не защита интересов среднего сословия, а воспитание ремесленного сословия в духе национал-социализма. Следует отметить, что среднесословные организации партии гораздо раньше потеряли влияние на развитие событий и политический вес. После того, как Гитлер декларировал завершение «нацистской революции», среднесословный нацистский «Союз борьбы» был преобразован в упомянутый НСХАГО и лишен права вербовать в свои ряды новых членов, что лишало его всяких перспектив в будущем.

В составе же ДАФ ситуация для НСХАГО совершенно изменилась: в той же степени, в какой ДАФ не был профсоюзом, в такой же степени он стремился убедить утративших политическую идентичность рабочих в том, что вся политика режима нацелена на их идейное и материальное преобладание. Страх перед перспективой массового недовольства рабочих был для нацистов гораздо важнее, чем забота о том, как бы не разочаровать своей политикой средние слои. Иными словами НСХАГО для нацистов особой политической ценности не представлял, соответственно и влияние его было минимальным.

В январе 1934 г. министр экономики Курт Шмитт назначил ветерана партии Шмидта «имперским руководителем ремесленников», то есть наследником Рентельна. В июне 1934 г. Шмидт перенял также и руководство вновь созданным подразделением ДАФ «Ремесло». В первом своем качестве он подчинялся министру экономики, а во втором — Лею. Таким образом, завершение так называемой «второй революции» в июле 1934 г. значительно ослабило антикапиталистические элементы в СА, НСБО и в НСХАГО, что, разумеется не значит, что в Третьем Рейхе были ликвидированы все социальные конфликты.

24 октября 1934 г. ДАФ была признана организацией всех немецких работников — и физического и умственного труда. В соответствии с параграфом 7 распоряжения фюрера, ДАФ получала полномочия регулировать трудовые споры. Участие в этом процессе других организаций воспрещалось. Чтобы подчеркнуть, что это касается и среднесословных организаций, 20 февраля 1937 г. в воззвании к ремесленникам Лей написал, что ремесленные обычаи и традиции противоречат духу новой Германии и нуждаются в пересмотре⁸⁸⁸.

Эволюция экономического положения ремесленников в Третьем Рейхе указывает на то, что нацистский режим не придавал особого значения ремесленному среднему слою. На самом деле, оборот ремесленных предприятий составлял около 20 млрд марок в 1928 г., затем он упал наполовину к 1932 г., но в 1938 г. вырос до 30 млрд; в войну же опять упал⁸⁸⁹. С 1939 г. начались так называемые «прочесывания» с целью привлечь к службе в армии людей, без которых на производстве, в принципе, можно обойтись. От этих «прочесываний» ремесленное производство сильно пострадало; впрочем, задачу сохранить ремесленное производство никто и не ставил: Функ однажды заявил, что, в силу большей эффективности массового промышленного производства, это бессмысленно. О необходимости защиты ремесленного среднего сословия нацистское руководство перестало говорить с 1936 г.

Функционер ДАФ Нонненбрух в январе 1939 г. писал в нацистской ФБ, что экстремальные меры по защите среднего сословия повлекут за собой необходимость искусственно отгородить нижние слои народа от подъема в средний класс. Не народ должен служить среднему классу, а средний класс — народу. Функ на съезде ремесленников в 1939 г. говорил, что у национал-социалистического правительства нет желания проводить экономическую политику, выгодную только крестьянам или только промышленности, или ремесленным предприятиям, — эта экономическая политика должна быть одинаково благоприятна для всех слоев общества⁸⁹⁰. Во Вторую мировую войну к ремесленным предприятиям в Германии относились несравненно жестче, чем в Первую мировую войну.

Завоевание «жизненного пространства» на Востоке представлялось Гитлеру и его окружению необходимым: во-первых, для достижения автаркии; во-вторых, чтобы путем реаграризации воспрепятствовать пролетаризации населения Германии. Для завоевания же этого «жизненного пространства» необходимо было достижение высшей степени технической и производственной эффективности. Иными словами, цель входила в противоречие со средствами ее достижения. Это обстоятельство и привело к тому, что 23 декабря 1942 г. было опубликовано распоряжение имперской канцелярии о создании в гау 29 хозяйственных палат и одновременно о прекращении действия ремесленного самоуправления и о роспуске соответствующих организаций ремесленников⁸⁹¹.

Разрушение ремесленного самоуправления показало, насколько низко руководство Третьего Рейха стало ценить ремесленное среднее сословие, сыгравшее в момент прихода нацистов к власти столь значительную роль. По существу, ремесленное среднее сословие было изолировано в обществе уже с 1936 г. Нацистское руководство всегда опасалось рабочего класса с его мощной традицией самоорганизации: ему стремились обеспечить благоприятные социальные условия; зато ремесленного среднего сословия гитлеровская верхушка совершенно не боялась. Крупная буржуазия смогла сохранить большую, чем ремесленники, свободу, но все важные политические решения принимались без ее участия. В этой связи следует отметить, что программа обеспечения «жизненного пространства» не была выражением какого-либо определенного классового или группового экономического интереса. Ее истоки находятся скорее в архаическом страхе перед современностью, которая воспринималась как конец всякой определенности и безопасности. Кризис 1929 г. значительно «освежил» эти страхи, и не только в Германии. Незавершенная индустриализация была травмой среднего слоя в Германии, выразителями этих страхов и были нацисты, в большинстве своем вышедшие из этого слоя. Нацистские лидеры и, прежде всего, сам Гитлер были в свое время выброшены из буржуазной среды, и у них ничего, кроме презрения к этому слою, не сохранилось, поэтому цели их только идеологически, а не мате-

риально были обусловлены их средой. Попытка же среднего ремесленного сословия реализовать эти цели ни к чему не привела: среднее сословие дорого заплатило за свои иллюзии по отношению к нацизму

В течение всех 12 лет истории Третьего Рейха тенденция не изменилась: среднее сословие никакой самостоятельной роли не играло, а все попытки государственной регламентации вели только к ухудшению положения среднего сословия в Германии. Введение в 1935 г. «большого аттестата способностей» (*Grossen Befähigungsnachweises*), а также другие меры по «очищению» среднего сословия от случайных элементов и ликвидации нежизнеспособных предприятий, привели к 1939 г. к закрытию 180 тыс. ремесленных предприятий (10%)⁸⁹². Приблизительно то же произошло и с мелкорозничной торговлей — она систематически снижала свою долю в торговле: с 1933 г. до 1939 г. - на 9%⁸⁹³.

Из этого следует вывод, что определяющей в нацистской среднесословной политике была не среднесословная романтика, а потребности индустриального общества. Положительным в нацистской среднесословной политике было то, что нацистское государство поставило под давление принципа эффективности всю ремесленную и мелкотоварную сферу, а это содействовало поднятию эффективности народного хозяйства в Германии при нацистах.

ГЛАВА VI

МИФЫ НАЦИИ И ИХ МЕСТО В ПРОЦЕССЕ КУЛЬТИВИРОВАНИЯ ГИТЛЕРОВСКОЙ «НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ»

*Исторические и общественно-политические
корни прусского и австрийского
немецкого национализма и Третий Рейх*

«Пруссачество — это не географическое, а морально-этическое понятие.

Муссолини — это настоящий пруссак».

(А. Гитлер)

«Левые историки и публицисты написали очень много чепухи о “прусских исторических корнях национал-социализма”, который на деле был баварским революционным движением»

(Хью Тревор-Ропер)⁸⁹⁴

В процессе создания и культивирования национальной общности — помимо чисто социальных мероприятий и активной социальной политики нацистов — большую роль сыграли и ущемленные после окончания Первой мировой войны национальные чувства немцев. Ущемленное национальное самосознание было актуальным не только для немцев, проживавших в Германии — в терминах нацистов «рейхсдойч» (*Reichsdeutsch*), — но и для этнических немцев, проживавших за пределами Германии — «фольксдойч» (*Volksdeutsch*). Сначала в данной главе будут рассмотрены особенности немецкого национализма в Пруссии и Австрии, а затем — особенности местного национального самосознания отдельных групп фольксдойч и то, как нацисты ими пользовались в своих целях.

Французский знаток немецкой традиции Шарль Андер указывал, что в основе немецкого национализма самыми мощными и значимыми были следующие мифы былого величия нации: миф Священной Римской империи немецкой нации, миф величия и могущества Ганзы и Любека, миф Пруссии и ее миссии на славянском Востоке Европы⁸⁹⁵. Самым устойчивым оказался миф Пруссии, который после развала Австро-Венгрии сделался общегерманским мифом, тесно связанным с немецким социализмом. Если в XIX в. в национальном сознании значительное место занимал миф Священной Римской империи немецкой нации, то после 1918 г. молодое поколение отвергло южное направление распространения Рейха как суетное и бесполезное. По-настоящему великим и близким немецким интересам деянием средневекового Рейха стало считаться завоевание и колонизация земель на востоке Европы, начатые нижнесаксонскими герцогами, Генрихом Львом, Вельфами, продолженные курфюрстами Саксонии и завершенные Тевтонским орденом и Гогенцоллернами. Обширные и едва заселенные просторы средней и восточной Германии сами приглашали к заселению, колонизации и христианизации — это и является великим деянием немецкой истории, даже если учесть острый вековой конфликт между немцами и славянами. Значительная часть Германии не знала ни римского права, ни римской администрации, отсюда и нараставшее значение мифа «*Drang nach Osten*». В этом смысле сравнение с эволюцией национализма во Франции, Испании и Англии, находившихся под прямой властью Рима, кажется очень продуктивно. Со временем в Германии все более распространялось убеждение, что истинно национальное деяние было совершено именно на Востоке, а не в Италии и на Западе, где Рейх не смог утвердиться. Если на Западе были потеряны долина Роны, Бургундия, Валлония, Лотарингия, Швейцария, Голландия и Эльзас, то на Востоке удалось перешагнуть Эльбу (старую границу между славянами и германцами) и колонизировать южную часть Прибалтики, Саксонию, Гольштейн, Мекленбург, Померанию, Бранденбург и Силезию. На очереди уже стояли Чехия и Моравия. Благодаря этой колонизации немцы шагнули далеко за пределы империи Карла Великого

и Оттона I. Саксонские, фламандские и франконские крестьяне следовали за князьями, ремесленниками и торговцами, которые основывали города, получавшие на долгое время магдебургское право.

На славянском Востоке Европы — вплоть до Таллина и Кракова — росли немецкие города с готическими церквями, ратушами, монастырями и гражданскими строениями. Самой молодой немецкой колонией была Пруссия — творение немецкого рыцарского ордена, который сначала боролся с врагами веры на Ближнем Востоке, а потом стал обращать в христианство славян и прибалтийские народы. В XV в. преграду немецкому продвижению поставил разгром Ордена у Грюневальда, но постепенное освоение этих земель продолжалось. Объединившись с Бранденбургом и осуществив территориальные приращения по Вестфальскому миру, Пруссия смогла создать прочную военно-бюрократическую государственную систему. Прусские цвета — это черно-белые цвета орденового государства; наследницей ордена стало герцогство Пруссия.

Восточная Пруссия была для Германии и Европы тем же, чем для Америки «дикий Запад», с той разницей, что остававшиеся в стране пруссы не были краснокожими, они были индоевропейцами и либо были ассимилированы, либо долгое время сохранялись как старопрусские семьи. Язык пруссов, близкий литовскому и латышскому, постепенно был вытеснен немецким, при этом каких-либо расовых или национальных преследований или ограничений не было, так как Пруссию цементировали другие ценности, преимущественно этического, а не расового или националистического свойства. С поданными ненемецкого происхождения в Пруссии обращались так же, как с немцами. Вплоть до Фридриха Вильгельма IV (правившего в 1840—1857 гг.), прусские короли обязательно владели и польским языком⁸⁹⁶. В Западной Пруссии — по переписи 1910 г. — жили немцы, поляки, мазуры и кашубы. Мазуры были евангелического вероисповедания и говорили на мазурском языке (отличающемся от польского); они расселялись в восточнопруссских приморских районах и занимали треть территории всей Восточной Пруссии. Родственные же полякам кашубы проживали доволь-

но компактно — в двух округах Восточной Пруссии они составляли 31 и 69 % населения⁸⁹⁷.

Тридцатилетняя война (1618—1648) стала для Германии колоссальной травмой; она принесла не только неопишное опустошение и обнищание, не только полное порабощение крестьян в Восточной Германии и Австрии, но и разложение и деградацию немецкой культуры и мысли. Вакуум, возникший в XVII в. в германском пространстве после победы над габсбургскими гегемонистскими устремлениями, не мог быть заполнен мелкотравчатыми и корыстными князьями, и наступило столетие французского влияния в политике, литературе, архитектуре, искусстве, языке и обычаях. То, что Германия смогла обрести новое дыхание, — во многом есть заслуга протестантской, энергичной и мужественной Пруссии. Это стало очевидным с середины XVIII в. по войнам Фридриха Великого: казалось, что Пруссия вновь берет на себя миссию колонизации и освоения Востока. После третьего раздела Польши поражение Ордена под Грюнвальдом было отмщено, большая часть прусских подданных стала после войн Фридриха II славянами, прусское знамя развевалось над Варшавой.

Наполеоновские войны и Венский конгресс на время положили конец устремлениям Пруссии: русский царь стал королем Польши, но Пруссия сохранила Данциг, устье Вислы, Познань и Силезию. Иными словами, Пруссия была потеснена со славянских земель, но значительно расширилась на запад за счет присоединения рейнских земель — это способствовало усилению экономической мощи и процветанию государства. Перенос «центра тяжести» Пруссии на Запад способствовал обострению отношений с Австрией в борьбе за господство в Германии к основанию Второго Рейха в 1871 г. Казалось, что у Бисмарка не было намерений продолжения колонизации Востока, и два поколения пруссаков, забыв о возможностях движения на Восток, расширяли промышленность и торговлю, развивали флота и приобретали заморские колонии.

Долгие годы в немецком сознании пруссачество было синтезом подчеркнуто солдатского духа и христианского евангелического этоса; оно демонстрировало особый

стиль, связанный с обостренным чувством долга, скромностью, умеренностью и правовым порядком в государстве. Связывать этот стиль с тоталитарным государством Гитлера нет никаких оснований, поскольку «экстремальный радикализм национал-социализма нашел своего вождя в австрийце с католического немецкого юга, а прусский трезвый дух кальвинизма и Просвещения отвергал экстремальный национализм»⁸⁹⁸.

Пруссия — как ни одна страна, ни один народ, ни одна культура в европейской истории — не вызывала столь полярных эмоций: любовь, восхищение и почитание с одной стороны и — отвращение и ненависть с другой стороны. Поразительно, что самое бедное немецкое княжество, не обладавшее никакими богатствами, население которого на 80% было неграмотным, смогло стать пятой державой континента в относительно короткий промежуток времени между воцарением Великого курфюрста (1640 г.) и смертью Фридриха Великого (1786 г.). Именно последний выбрал в жены Петру III будущую российскую императрицу Екатерину II. Звезда Пруссии в европейской политике взошла практически одновременно со звездой России — в 1640 г. к власти пришел Великий курфюрст Фридрих Вильгельм. При нем Пруссия была единственной толерантной и терпимой к меньшинствам европейской страной (в веротерпимости только Нидерланды могли равняться с Пруссией): в 1685 г., когда во Франции отменили Нантский эдикт, Великий курфюрст (кальвинист, в отличие от своих подданных лютеран) приютил 20 тыс. гугенотов, в 1690 г. из 11 тыс. жителей Берлина было 4 тыс. гугенотов, а в 1700 г. в Берлине французы-гугеноты составляли 20% населения. До гугенотов — в 1671 г. — приют в Пруссии находили евреи, потом вальденсы, меннониты и 18 тыс. лютеран из Зальцбурга, вытесненных тамошними католиками⁸⁹⁹. Великий курфюрст почти все высокие должности в своем государстве отдавал единоверцам — кальвинистам, часто выходцам из Голландии. Интересно заметить, что у российского императора Петра I была та же симпатия к голландцам.

Значение Пруссии определяется тем, что она являлась ядром Германии, да и сейчас многие немецкие политические и иные добродетели имеют прусские корни. Тра-

гично, что сразу после войны и Аденауэр (рейнский немец) и Ульбрихт (саксонец) испытывали антипатию к Пруссии, что также сыграло роль в ее послевоенной печальной судьбе. Одним из мотивов антипруских настроений было то, что непререкаемым качеством прусского характера считалась грубость — во времена Гете галантными слыли, в первую очередь саксонцы, и богатые англичанки приезжали в Дрезден, чтобы обучиться немецкому языку и тонким манерам в «немецком Париже»⁹⁰⁰. Когда Клаус Манн спросил Аденауэра о том, какой из парламентов был самым ответственным с точки зрения интересов государства и общности, тот — несмотря на нелюбовь к пруссакам — коротко и ничего не комментируя ответил: «прусская Палата господ»⁹⁰¹. С 1917 г. Аденауэр был некоторое время ее депутатом от Кельна, в период Веймарской республики он был депутатом рейхстага, потом наблюдал работу бундестага, поэтому мог ответить с полным знанием дела. Очевидно, что преимущества «прусской Палаты господ» (*Herrenhaus*) были не в ее ярко выраженном сословном характере, но в особых этических прусских качествах.

Если во Франции Просвещение не коснулось широких масс, за исключением периода Великой революции, и простой народ по-прежнему шел за католическими священниками, то в Пруссии Просвещение проникло не только в государственный аппарат, но и в церковь. Просвещение стало содержанием прусского протестантизма, а протестантизм — формой Просвещения. Лютеранская ориентация на государство развилась вместе с прусским Просвещением в своего рода почитание государства, в котором слились в одно целое государственный резон и любовь к Богу⁹⁰², а также служение государству — беспристрастное и беспрекословное, что было совершенно несовместимо с национал-социализмом, отстаивавшим собственные принципы и цели. Служением общности (а не отдельному индивиду, как в кальвинизме) был пронизан и пиетизм прусских лютеран. Не случайно именно в Пруссии впервые дало о себе знать немецкое национальное самосознание — в 1813 г. нигде в Германии не было сравнимого с прусским национальным воодушевлением в связи с антинаполеоновской войной: ни в Саксонии и Тю-

рингии, ни на Западе Германии. Кроме того, никогда не существовало прусского партикуляризма, которым была больна остальная Германия. 17 января 1871 г., за день до провозглашения империи, старый король Вильгельм I в слезах жаловался: «Завтра наступит самый несчастный день в моей жизни! Мы будем хоронить Прусское королевство»⁹⁰³. В том же 1871 г. некий польский депутат рейхстага сказал, что поляки доверяют Пруссии и хотят остаться под ее скипетром, а в единый немецкий Рейх не хотят⁹⁰⁴. Мать польского министра иностранных дел Владислава Барташевского (он был министром в самом начале нашего века) в момент вступления вермахта в Варшаву говорила сыну, что немцы могут быть жестокими, но Германия — это правовое государство. Она долгое время жила в Пруссии и, хотя не любила эту страну, но была высокого мнения о ее правопорядке⁹⁰⁵. На самом деле, «цитадель права» (по словам Майнеке) Пруссия в годы Веймарской республики была оплотом демократии. Прусская традиция продолжилась и после 1945 г., так как политическая культура не может быть создана искусственно или произвольно устранена. «Пруссия, — писал в этой связи известный немецкий историк Дирк Блаузиус, — была с момента возникновения ФРГ важным ингредиентом ее политической культуры»⁹⁰⁶.

Однозначно оценить роль прусской традиции невозможно: прусские консерваторы были против основания Рейха в 1871 г.; Бисмарк осуществил его совместно с буржуазными партиями. После 1871 г., по словам знатока прусской истории Венора, не Германия опруссачилась, а Пруссия огерманилась⁹⁰⁷. Позднее прусские консерваторы были против строительства флота и против колониальной политики, но, с другой стороны, прусский чиновничий корпус со времен Штейна и Гарденберга являлся носителем либеральной идеи, а также осторожного консервативного социализма, который долгое время был в Пруссии значительной силой; интересно, что в прусском ландтаге вплоть до 1908 г. не было ни одного социал-демократа, что, впрочем, можно объяснить и трехклассной избирательной системой. Чиновники Пруссии, под влиянием лютеранского чувства долга, кантовской этики и воспитательной деятельности королей-кальвинистов, —

часто оказывались прогрессивнее монархов; в этом отношении Пруссия являлась уникальной страной, в которой каждый пруссак мог сказать: «*L'état c'est moi*»⁹⁰⁸. Фридрих Дальман не менее возвышенно сравнивал Пруссию с волшебным копьём, которое так же хорошо лечит, как и больно ранит — «*the magic spear which heals as well as wounds*»⁹⁰⁹. Несмотря на некоторое преувеличение этих характеристик и оценок, следует, однако, признать, что некоторое время Пруссия была самой прогрессивной и модернизированной страной Европы.

Прусской исторической традицией в разные времена пользовались по-разному: то зывали к прусскому военному величию, то к прусскому социализму, то к прусским административным достижениям. То же относится и к пресловутому «прусскому стилю» — это был ответ на культурный плюрализм, который воспринимался как угроза немецкой культуре и идентичности. Гитлер инсценировал «день Потсдама»⁹¹⁰ с определенной целью — связать НСДАП с прусской традицией; кроме того, он всегда придавал большое значение идентификации с прусской историей и умел внушить немецкой публике, что является восприимчиком и продолжателем прусской старины. В прусской традиции его привлекало в том числе и то, что отказ от исполнения долга рассматривался как саботаж и предательство народа; к прусской традиции относится и безоговорочное признание авторитета власти. Авторитарная монархия, воспоминания о которой еще дремали в сознании немецких масс, была ловко подменена фигурой фюрера, которого нацисты представляли как правителя, впервые последовательно реализовавшего прусскую традицию и уверенно ведущего Германию по пути счастья и процветания. Великолепно функционирующая пропагандистская машина нацистов сумела представить Гитлера как истинного наследника прусской традиции⁹¹¹.

Гитлер уважал, прежде всего, военную составляющую прусской традиции, хотя среди нацистских «старых борцов» насчитывалось всего 3,4% пруссаков, а среди командиров многочисленных дивизий «партийного воинства» нацистов — Ваффен-СС — не было ни одной старой прусской фамилии⁹¹². Быть причастными к прусской традиции стремились многие: так Геринг, родившийся в

Баварии, всегда, по его словам, чувствовал себя пруссаком, прежде всего прусским военным⁹¹³. Правда, он назначил своего бывшего шофера и «мальчика на побегушках» Пауля («Пили») Кернера государственным секретарем Пруссии, что стало нонсенсом для прусской бюрократической традиции⁹¹⁴.

Несмотря на преклонение нацистов перед прусской традицией, цвет прусского дворянства и прусской элиты практически исчезли после уничтожения гитлеровцами участников заговора 20 июля 1944 г. «Прусская дисциплина, — писал Ральф Дарендорф, — правопорядок, строгая мораль, честная и открытая прямота, но и авторитаризм прусской традиции, гуманизм, но и отсутствие гласности в политической практике прусского прошлого — все это закончилось 20 июля 1944 г.»⁹¹⁵. Впрочем, Пруссии и до того предрекали гибель и считали, что ей больше не возродиться: как 18 января 1871 г., в день основания Второго Рейха, или в 1918 г., когда германский кайзер и прусский король отрекся от короны, или 30 января 1934 г., когда нацисты осуществили унификацию Пруссии, а союзники после окончания войны повторили этот шаг 25 февраля 1947 г. (приказ № 46 Союзного контрольного совета). Пруссия в оценках иностранцев всегда идентифицировалась с восточно-эльбскими юнкерами («*Ostelbier*»), которые, как многие считали, были главными виновниками войны — так, по крайней мере, думали Сталин и Черчилль. То, что значительная часть восточно-эльбской знати оказалась в Сопротивлении, никого не волновало.

Во второй половине XIX в. Пруссия выпала из колонизации Восточной Европы, однако и без участия Пруссии, но по ее примеру немецкая колонизация восточного угла Прибалтики продолжилась или, по крайней мере, колонисты-немцы сохранили свои позиции, оставшись важной и динамичной составляющей экономики и культуры Восточной Европы. Именно в этот период — в последней трети XIX в. — российское правительство приступило к русификации своих окраин, что коснулось и немцев. С 1867 г. вышло распоряжение царского правительства о введении делопроизводства на русском языке;

старые остзейские органы полицейской власти были заменены принятыми повсюду в России; русский язык стал официальным языком и в Прибалтике. С 1887 г. языком обучения в школах и университетах стал русский (когда ученые — немцы по этой причине покинули университеты, уровень преподавания существенно упал).

Бисмарк, правда, не считал возможным поддерживать прибалтийских немецких колонистов, и они оказались один на один со своими проблемами. Традиция немецких поселенцев в Восточной Прибалтике сочетала в себе постоянную лояльность царю и сохранение собственной культурной идентичности. Профессор Тартуского университета Карл Ширрен в 1869 г. по этому поводу писал: «В течение веков вокруг Балтийского моря сложилась германо-евангелическая культура финнов, шведов, эстонцев, латышей и немцев. Как бы мы не были верны Российской империи, наша духовная родина находится на Западе»⁹¹⁶. Следует иметь в виду, что долгое время остзейцы имели широкую автономию, оговоренную в серии государственных актов, подписанных еще Петром I.

Для немецкой колонии в восточной Прибалтике эта культурная идентичность с Западом была особенно значимой по той причине, что колония состояла преимущественно из городского населения, крестьян в ней практически не было. «В отличие от Пруссии, — писал Трейчке, — которая была колонизирована, в Курляндии, Лифляндии и Эстляндии лишь тонкий слой немецкого элемента расположился над массой коренного населения. Эти колонии имели односторонне-аристократический характер. Таким образом в небольшом регионе наш народ создал наглядные образцы тех двух главных направлений колониальной политики, которые впоследствии с аналогичными результатами были осуществлены англичанами и испанцами на необъятных просторах Америки. Англичане действовали, как в Пруссии, испанцы — как в Прибалтике»⁹¹⁷. «Прибалтийские бароны» держались особняком и не были склонны к ассимиляции с местным населением; это была преимущественно городская культура, напоминавшая положение античного полиса в варварском окружении. Если в Финляндии, наряду с господствующим слоем шведских помещиков, были шведы — крестьяне и

рыбаки, если в Галиции наряду с польской шляхтой была и польская беднота, то в Лифляндии, Курляндии и Эстляндии немцы составляли исключительно верхушку тамошнего общества. Имущественное и классовое разделение усугублялось традиционным высокомерием, чванством и неуступчивостью остзейцев. Немецкий историк Хатцель таким образом характеризовал тамошнюю систему отношений: «Немецкие патриции управляли прибалтийскими городами на манер средневековья. Они господствовали экономически и юридически в муниципалитетах и гильдиях, от членства в которых все остальные нации были отстранены, если не считать символического представительства. Официальным языком края был немецкий язык, на нем велись все административные и судебные дела и преподавание в школах. В старинном Дерпте был университет, исконно немецкий дух которого отличался от русских учебных заведений не в меньшей степени, чем мрачные готические башни Ревеля или Риги от Кремля»⁹¹⁸.

В Первую мировую войну культурное преобладание (или, по крайней мере, значительный вес) немцев в Восточной Европе стал открытием для немецких солдат, воевавших на Восточном фронте. В этих условиях миф Пруссии и колонизации Востока стал вновь приобретать популярность: грандиозная перспектива немецкого расширения на Восток стала для молодых немцев осязаемой, тем более когда в немецкие руки попала Польша, Прибалтика и даже Украина. В Первую мировую войну немецкие солдаты на Востоке везде наталкивались на следы немецкой колонизации — для некоторых из них, особенно для немцев с Запада, это стало откровением: им показалось, что духовное и культурное влияние Германии простирается до самой Москвы. Во многих отношениях так оно и было — уже не многие помнят, что после Второй мировой войны из Восточной Европы было выселено 12—14 миллионов немцев, составлявших некогда активный и продуктивный элемент населения этой части Европы. Немецкие националисты всячески раздували это обстоятельство, пангерманисты считали, что Россия должна отдать Германии Эстонию, Лифляндию, Курляндию и Жемайтию в обмен на львиную долю турецкого наследства. Генерал-квартирмейстер немецкого Генштаба Лю-

дендорф в 1915 г. назначил Альфреда фон Госслера шефом военной администрации Курляндии, в которой сразу было введено представительство местных немцев и создан ландесрат. Это свидетельствовало о стратегических планах немцев на эти земли. В 1915 г. Людендорф с иронией писал в МИД: «После того, как мы оккупируем всю Польшу, я создам в Литве и Курляндии новое королевство»⁹¹⁹.

Брестский мир в глазах этих молодых немцев лишь формально утвердил фактически существовавшее положение, но немцы проиграли Первую мировую войну, и в Версале у них все отобрали. После Парижской конференции, завершившей Первую мировую войну, оказалось, что прибалтийские государства, Польша, Финляндия, Чехословакия и Румыния смогли извлечь пользу из поражения России от Германии и поражения Германии на Западе. Во вновь возникших в Европе государствах значительное немецкое меньшинство стало нежелательным и гонимым; его политические, экономические и социальные права стали зависеть от воли национальных правительств — теперь национальные принципы действовали уже против немцев. В глазах этих немцев западная по своему происхождению идея равенства и суверенитета национальных государств создала в Восточной Европе такой порядок, который по своему характеру был враждебен прежнему культурному и экономическому положению немцев в этом регионе Европы. Кроме того, в Германии многие были убеждены, что распространение Антантой собственных представлений о ценности национального государства на Восточную Европу — это трагическая ошибка, так как это противоречит социальной, культурной и экономической действительности и наносит непоправимый ущерб своеобразному национально-государственному развитию живущих там славян. Немецкие правые были убеждены в том, что славянский мир живет по отличным от Запада ценностям и законам. Часть этих немецких правых ратовала за объединение со славянами для борьбы против Запада (Ван ден Брук и некоторые другие младоконсерваторы), а большинство стремилось к восстановлению прежнего немецкого господства и продолжения колонизации. Тем более что пруссакам казалось,

что поляки сами не способны наладить жизнь и работу в своем государстве. Немцы относились к полякам, как к людям некультурным, ленивым, а потому и бедным; письменные свидетельства этой характеристики поляков появляются уже в первой половине XIV в. Уже в XX в. некий прусский аристократ писал, что только под строгим и жестким руководством поляки способны на производительный труд, а без этого принуждения — они плохие работники. У пруссаков даже было устойчивое словосочетание для обозначения запущенного и плохого хозяйства: «польское хозяйство» (*polnische Wirtschaft*). Тот же аристократ жаловался на то, что сделали поляки за несколько лет хозяйничанья в «польском коридоре»: «Города загажены, Висла обмелела, мы воспринимали как чудовищную несправедливость то, что Польша (якобы обиженная немцами) вызвала в мире сочувствие и симпатии. Польское государство в свое время развалилось как раз под влиянием польской недееспособности, и ее власти предлагали соседям свою же страну как залежалый товар; Фридрих Великий принял часть Польши только потому, что опасался, что Россия все возьмет сама... Я сам человек польского происхождения, но поведение поляков после Первой мировой войны и особенно после Второй мировой войны не говорит в их пользу»⁹²⁰. Интересно отметить, что даже в наше время у немцев сохранилось снисходительное отношение к полякам; так на вопрос анкеты журнала «Шпигель» (1994 г.) о том, превосходят ли немцы какой-либо народ, 52% немцев ответило — нет, а 45% — что «превосходят некоторые народы». На вопрос, кого именно они превосходят, 87% опрошенных немцев ответило, что поляков, 74% — турков, 63% — русских, 20% — французов, 11% — американцев⁹²¹.

После Первой мировой войны немецкие колонисты потеряли свои позиции не только в Польше, но и в восточной Прибалтике, где они долгое время занимали привилегированное положение. В 20-е гг. XX в. остзейское дворянство потеряло свои земли в результате повсеместной земельной реформы, за счет которой было создано десятки тысяч новых крестьянских хозяйств. Остзейцы протестовали против земельной реформы в Лиге Наций и пытались воззвать к общественному мнению в Герма-

нии — без успеха. Впрочем, остзейцы были нежелательным элементом не только в Эстонии, Латвии и Литве: аристократический характер этой немецкой колонии вызывал впоследствии раздражение и у «плебейского» нацистского движения. Гитлер неоднократно повторял, что прибалтийские немцы за 700 лет оказались не в состоянии ассимилировать коренное население Прибалтики. Гиммлер также испытывал неприязнь к остзейцам, особенно к представителям родового дворянства. Гитлер в разговоре с одним из руководителей Западной Пруссии, Германом Раушнинггом, сказал, что коренное население Прибалтики давно было бы германизировано, если бы этому не препятствовало социальное предубеждение и высокомерие прибалтийских баронов⁹²². Вероятно, именно по этой причине Гитлер так легко пошел на выселение остзейцев-фольксдойч из восточной Прибалтики по условиям секретного протокола к советско-германскому пакту о ненападении от 23 августа 1939 г. Более того, остзейцев не пустили в Германию⁹²³; им приказали селиться в отобранных у Польши районах, а именно в районе Варты, в Познани. Латышская пресса, выражая общественные настроения, «навек прощальсь» (*auf Nimmerwiedersehen*) с остзейцами. После 22 июня 1941 г. многие остзейцы выражали желание вернуться на места предков, но в октябре 1941 г. нацистские власти официально запретили это возвращение. Впрочем, многие остзейцы попали на свою старую родину в качестве хозяйственных функционеров, корреспондентов газет и полицейских чиновников⁹²⁴. В 80-е гг. в советских республиках Эстонии и Латвии проживало около 10 тыс. немцев, но это не были остзейцы, а волжские немцы, которым разрешили выезжать с мест высылки.

Зимой 1939 — 1940 гг. в соответствии с советско-германскими договоренностями в Рейх начали выселять немцев из Галиции и Волыни, летом 1940 г. — из Бессарабии и Буковины. Все было проделано организованно и быстро, под надзором советско-германской переселенческой комиссии. Приблизительно тогда же на основе немецко-румынского соглашения были переселены немцы из Южной Буковины и Добруджи, за ними в Рейх последовали немцы из принадлежавшей Болгарии Южной Добруджи.

Та же участь в 1941 г., после раздела Югославии, ожидала немцев из отошедшей к Италии Крайны. Под давлением югославских партизан местные фольксдойч были отчасти вытеснены из Боснии и Хорватии. В декабре 1942 г. Гиммлер приказал перевести в Хорватию сформированную из местных фольксдойч 7-ю дивизию Ваффен СС «Принц Ойген». До конца войны эта дивизия занималась борьбой с югославскими партизанами⁹²⁵, а после войны всех югославских фольксдойч обвинили в сотрудничестве с нацистами. На 31 марта 1931 г. в Югославии было 499 969 этнических немцев⁹²⁶, а после войны не осталось почти никого.

Большей частью немецкие переселенцы с юго-востока Европы попали в район Варты, Западную Пруссию и в австрийские земли (Словению). Для этого проживавших там поляков (или словенцев) выселяли. Эти переселения предпринимались не в интересах фольксдойч, но более в имперских геополитических интересах нацистского Рейха. Веками формировавшиеся и развивавшиеся общности и уникальные культуры оказались моментально разрушенными.

За несколько дней, с 1 по 17 декабря 1939 г., 87 838 поляков было депортировано из Познани в генерал-губернаторство для того, чтобы освободить место 40 тыс. фольксдойч из Прибалтики⁹²⁷. Гитлер сказал, что это делается для создания более ясных разграничительных линий и нового порядка этнографических взаимоотношений⁹²⁸. Горожан селили в сельской местности, надеясь, что они, не имеющие никаких представлений о крестьянском труде, будут осваивать землю, отобранную у поляков. Парадоксально, но Гитлер положил конец 700-летней колонизации немцами восточной Прибалтики. С тех пор немцев в этом районе Европы уже нет. Как указывал знаток немецкой истории XX в. Мартин Броскат, своей бесформенной и обструкционистской политикой нацисты привели не только к поражению и провалу политики Третьего Рейха на Востоке, но и «разрушили исторически-правовую основу немецких позиций на Востоке»⁹²⁹. Бесспорной заслугой современной демократической ФРГ является осознанный (хотя и вынужденный) отказ от всяких претензий на «восточные территории», которыми Гер-

мания владела в течение многих веков и в развитие которых она внесла значительный вклад. Вопреки публикациям, которые время от времени появляются в отечественной и зарубежной печати и в которых высказываются опасения в отношении возрождения немецкого ревизионизма в Восточной Европе, представляется, что эти опасения совершенно ни на чем не основываются и являются чистой фантазией.

В столь же значительных масштабах, как и в случае с Пруссией, нацисты злоупотребили проблемами Австрии после Первой мировой войны. Австрийцев, строго говоря, нельзя считать фольксдойч, поскольку и до Гитлера и после него они имели собственное национальное государство, но интенсивность интеграции Австрии после аншлюса указывает на родственное фольксдойч положение австрийцев в межвоенной Европе. Также, как и в случае с Пруссией, Австрия — по ряду объективных причин — оказалась в сфере действия сильных националистических эмоций, которые со временем стали частью нацистских мифов нации. Положение Австрии после окончания Первой мировой войны было более сложным, чем положение Германии, которая хотя и была исключена из круга держав, но это положение всеми воспринималось как временное, а Австрия была поставлена перед незавидным выбором: либо стать сателлитом Италии, либо частью Германии. Австрийская республика располагала только четвертой частью прежних габсбургских владений, и, следовательно, сильно усеченным сельскохозяйственным сектором, промышленностью и сырьевой базой.

Излишне и говорить о том, что Австрия, — ранее Австро-Венгрия — обладала уникальной политической культурой, необходимость интегральности и существования которой для стабильного развития Европы признавал в свое время даже такой ненавистник Австрии, как Бисмарк. Вместе с тем культурно, этнически и в языковом отношении Австрия, безусловно, была частью Германии; не случайно 12 ноября 1918 г. национальное собрание в Вене единодушно провозгласило Австрию составной частью будущей немецкой республики. Столь же единодушное стремление к аншлюсу наблюдалось и с другой сто-

роны границы, причем вне зависимости от политических и партийных пристрастий немцев и австрийцев. Крупнейшим политическим просчетом Сен-Жерменского договора 1919 г. был запрет на аншлюс, так как, с одной стороны, это компенсировало бы немецкие территориальные потери по Версальскому миру и сделало бы немецкий реваншизм и ревизионизм не таким острым, а, с другой стороны, в межвоенный период граница между Австрией и Германией все равно была полностью проницаемой. Любопытно отметить, что в официальном названии страны имелось прямое указание на национальную принадлежность: «Немецкая Австрия» (*Deutsch-Österreich*), что было беспрецедентным случаем в истории. Возвращение в состав Германского Рейха, к которому Австрия принадлежала до 1867 г., казалось естественным после того, как по Сен-Жерменскому миру иноязычные части Австрии стали самостоятельными. Для европейцев, однако, Германия и без Австрии была слишком мощным государством, чтобы к нему присоединять еще какие-либо территории, пусть и родственные Германии. К тому же немцы проиграли войну, и было бы странным приращивать их территорию. Поэтому Австрия стала небольшим самостоятельным государством в 84 тыс. км и с 6,8 млн населения — в большинстве своем — немцев, (также в ней проживало 200 тыс. словенцев). Интересно отметить, что словенцы симпатизировали Германии по причине стремления к унификации со стороны белградского правительства. Поэтому в 1941 г. солдат вермахта приветствовали не только местные немцы, но и словенцы, радовавшиеся освобождению от «сербского ига». Во время войны словенская самооборона часто вступала в стычки с партизанами, поддерживая вермахт. По этой причине после ухода вермахта из мести за сотрудничество с Третьим Рейхом в Нижнем Штайермарке было убито 15 тыс. словенцев и 5 тыс. немцев⁹³⁰. Немецкие власти, со своей стороны, также положительно относились к словенцам: так, после поездки в Словению инспекторы Гимmlера высказались не за выселение, а за ассимиляцию местных жителей, которые «в расовом отношении производили очень хорошее впечатление». В итоге, по приказу Гимmlера 65 тыс. словенцев были переселены в старые немецкие земли

(*Altreich*); правда, это произошло только после отказа хорватских властей принять переселенцев.

Получив от Лиги наций кредит в 300 млн шиллингов, в соответствии с Лозаннским протоколом от 15 июля 1932 г. Австрия должна была отказаться от мысли о присоединении к Германии до 1952 г. — все это несмотря на громкие протесты немецкой и австрийской общественности. Для того, чтобы заблокировать распространение в Австрии национал-социализма, австрийский бундесканцлер Энгельберт Дольфус предпринял государственный переворот и ввел корпоративную конституцию по итальянскому образцу. С 7 марта 1933 г. Дольфус правил, опираясь на так называемый Военный закон о чрезвычайных полномочиях (*Kriegswirtschaftlichen Ermächtigungsgesetz*) от 24 июля 1917 г., по которому республиканский шутцбунд был распущен. 26 мая 1933 г. была распущена Коммунистическая партия Австрии, 19 июня 1933 г. — была запрещена НСДАП. Дольфус провозгласил «Отечественный фронт», и 17 марта 1934 г. заключил договоры с Италией и Венгрией. Во время нацистского путча и восстания в Каринтии и Штайере Дольфус был убит (25 июля 1934 г.), но путч захлебнулся. Гитлер воздержался от каких-либо военных акций, так как Муссолини был против немецкого проникновения в Австрию и на перевале Бреннер сконцентрировал свои войска. Вместо Дольфуса канцлером в Австрии стал Курт фон Шушниг⁹³¹, бывший министр образования. Правительство Шушнига заключило с гитлеровской Германией соглашения (1936 и 1938 гг.), ускорившие аншлюс. В 1938 г., на переговорах, Гитлер заявил Шушнигу: «Вся история Австрии — это история предательства немецкого народа; так было раньше, так сохранилось и ныне. Этой исторической бессмыслице, однако, необходимо положить конец. Я заявляю, господин Шушниг, что я твердо решил это сделать. Немецкий Рейх — это большая держава, и никто не помешает этой державе навести на собственных границах порядок»⁹³².

После осуществления «аншлюса» в марте 1938 г., Австрия была моментально унифицирована: нетерпимость к кому-либо виду автономии — в природе тоталитарного государства: оно исключает признание даже некоторого

регионального своеобразия. Как писал Генрих Манн, «то, что тоталитарное государство не проглотило, против этого оно и нацелено, и эта не поглощенная еще часть для него противник, враг»⁹³³. К тому же после аншлюса экономическое положение в Австрии стало быстро меняться к лучшему. Так, аншлюс имел большое значение для ликвидации безработицы: если в январе 1938 г., незадолго до аншлюса, в Верхней Австрии было 37 тыс. безработных, то год спустя, благодаря притоку капитала из Германии, — 11 тыс. Сразу после аншлюса началось осуществление большой программы жилищного строительства, по этой программе до 1944 г. было построено 11 тыс. новых квартир в Линце и 2,5 тыс. — в Штайере; причем квартиры предназначались в основном рабочим семьям. Именно поэтому полиция Линца в 1940 г. доносила, что среди рабочих, обычно критически настроенных по отношению к властям, царит благодущие и удовлетворение⁹³⁴.

Негативная часть унификации Австрии также протекала быстро: уже через пару дней после аншлюса редакции австрийских газет должны были уволить сотрудников-евреев. Вскоре были уволены еврейские артисты, театральные деятели, судьи, адвокаты, учителя и врачи⁹³⁵. Только в Вене 800 евреев-юристов лишились работы. Евреи-профессора, ассистенты, доценты и студенты должны были покинуть университеты. Дети евреев больше не могли посещать школу вместе с арийцами. Автомобили евреев, если они находились в общественных гаражах, конфисковывали.

Австрии было возвращено ее старинное название «Остмарк» (*Ostmarck*). 10 апреля в бывшей Австрии и в Германии был проведен референдум по следующему вопросу: «Признаешь ли ты нашего фюрера Адольфа Гитлера и осуществленный 13 марта 1938 г. аншлюс?». Ответ порастил даже самих нацистов — из 49 493 028 голосовавших 49 279 104 (99,08%) высказались положительно⁹³⁶. Гитлер сам был несказанно удивлен такой поддержкой австрийцев и воспользовался этой победой для того, чтобы еще на 4 года продлить закон о чрезвычайных полномочиях.

О политической позиции австрийского населения в момент аншлюса в послевоенной австрийской историографии высказываются так: «нацистское мировоззрение

для австрийцев было слишком энергичным, нетерпимым, без чувства юмора, столь присущего южанам, слишком динамичным, чтобы стать для них приемлемым»⁹³⁷. Что касается воодушевления австрийцев приездом Гитлера, то обычно это относят к аффективной реакции и впечатлительности местных жителей. Впрочем, впечатлительность австрийцев в условиях действия нацистской тоталитарной машинерии никакого значения уже не имела, более того — они оказались в невыгодном положении, будучи вынужденными доказывать новым хозяевам свою лояльность в гораздо больших масштабах, чем это делали собственно немцы, поскольку для нацистских властей австрийцы были чужаками.

После аншлюса Гитлер говорил, что за несколько дней Германия получила больше, чем после крупной победоносной войны: 84 тыс. км² территории и 6,8 млн населения. Совершенно беспрецедентным было и то, что такое приращение произошло в мирных условиях. Кроме того, нацисты получили запасы валюты в размере 1,4 млрд рейхсмарок, в то время как немецкие запасы равнялись всего 76 млн рейхсмарок⁹³⁸.

После аншлюса Австрии гауляйтером Вены был назначен один из самых радикальных нацистских функционеров, эсэсовский головорез Одило Глобочник, известный своими высказываниями о необходимости ликвидации самого термина «Австрия» как исторического и географического понятия. Несмотря на поддержку имперского штатгальтера гауляйтера Бюркеля, своей грубостью и финансовыми махинациями Глобочник в короткий срок восстановил против себя и своих подчиненных и некоторых высоких функционеров партии, в том числе и главного казначея партии Шварца. Методы Бюркеля мало чем отличались от методов Глобочника, поэтому он его и защищал, правда, до тех пор, пока Шварц, ссылаясь на поддержку Гитлера, не пригрозил прикрыть финансирование гау⁹³⁹. 30 января 1939 г. Гитлер отправил Глобочника в отставку, но Гиммлер тут же назначил его в Люблин шефом местных СС и полиции. Дольше всего гауляйтером Вены был руководитель ГЮ Бальдур фон Ширах, являвшийся по нацистским масштабам довольно умеренным и «терпимым» руководителем.

Трудно выбрать какой-то особый масштаб оценки поведения австрийцев в нацистском Рейхе, так как после аншлюса они ничем особенным не выделялись и были такими же немцами, как и все прочие.

Использование нацистами проблем фольксдойч в процессе культивирования национальной общности

Среди составляющих гитлеровских мифов нации — помимо Пруссии и Австрии — следует упомянуть специфический национализм фольксдойч, складывавшийся в особых условиях и имевший большое значение для культивирования национальной общности в Третьем Рейхе. К значительным группам фольксдойч в Европе относятся немецкие колонисты в Польше, Чехословакии и в других странах Европы — о них и будет речь в данном разделе работы.

Весьма многочисленная и активная немецкая община вне собственно Германии была благодатным полем деятельности нацистских пропагандистов и нацистской идеологии по объективным причинам, кроющимся в особенностях исторического развития и распространения немецкой колонизации Восточной Европы. Дунайские швабы, саксонцы Семиградья, немцы Галиции, Буковины, Бессарабии и Добруджи, Крыма, Кавказа и Волги попали туда, где они жили, не вследствие завоевательных походов и войн, а по приглашению тех, кто владел землей и к взаимной выгоде. Поселенцев приглашали на земли, по каким-либо причинам пришедшие в запустение для того, чтобы они их освоили в хозяйственном отношении и обеспечили лояльность этих территорий. Первое письменное упоминание о таком предложении относится к 1192—1196 гг., когда саксонцы были приглашены в Семиградье (по-венгерски — Трансильвания или по-румынски — Ардял) осваивать лежащие в запустении земли. В 1723 г. венгерский сейм в Пресбурге (Братиславе) создал правовые основания для немецкой колонизации вследствие того, что после войны с турками придунайские земли лежали в запустении, и поселенцы должны были вдохнуть в них жизнь. Российская императрица Екатерина II неоднок-

ратно призывала немцев селиться в неосвоенных землях присоединенного к империи юга России. Поселенцы никого не теснили: на этих землях вследствие войн и междоусобиц народу практически не было, и места хватало всем. Поселенцы много сделали для освоения новой родины: они осушали болота, превращали лесные дебри в пашню, поднимали степную целину. Необходимые для этого знания и технику они принесли с родины, связи с которой долго не порывались⁹⁴⁰. В этой связи была заметна существенная культуртрегерская роль немцев в Восточной Европе.

После англичан немцы являлись, наверное, самым активным элементом западной колонизации, и при нацистах это обстоятельство всячески эксплуатировали для оправдания имперской экспансии. Во многом объективной причиной последней долгое время было отсутствие у германского мира естественных границ (таких границ никогда не имела и Россия, что также было одной из причин активной российской колонизации) и, как следствие, широкое распространение немцев по всему миру. В 1934 г. некий Шумахер опубликовал брошюру, название которой «*Deutschland — Fibel*» можно перевести как «Германия — объединяющее (опоясывающее) начало (фибула, пряжка) всего мира». Шумахер пришел к ошеломляющему выводу, что в начале 30-х гг. XX в. в мире проживало 99 662 000 немцев. Памятуя о вошедшей в поговорку немецкой аккуратности и точности, любопытно проследить, каким образом немецкий публицист получил эту несуразную цифру. В соответствии с подсчетами Шумахера, собственно в европейских государствах с преобладающим немецким населением проживало 73,3 млн (Германия — 64,5 млн, Данциг — 0,348 млн, Австрия — 6,3 млн, Люксембург — 0,25 млн, Швейцария — 2,9 млн, Лихтенштейн—0,01 млн); в утраченных по Версальскому договору немецких землях — 6,2 млн (Эльзас — 1,634 млн, Эйпен-Мальмеди — 0,05 млн, Северный Шлезвиг — 0,077 млн, Мемель — 0,098 млн, Западная Пруссия, Померания, Познань — 0,35 млн, Верхняя Силезия — 0,3 млн, Гульчинский округ — 0,075 млн, Судеты — 3,5 млн, Нижний Штайермарк и Южная Каринтия — 0,04 млн, Западная Венгрия — 0,035 млн, Южный Тироль — 0,235 млн); в прочей

Европе — 3 млн (в Прибалтике — 0,15 млн, в Польше — 0,6 млн, в Чехословакии — 0,3 млн, в Словении, Бачке, Воеводине, в южнославянском Банате — 0,7 млн, в румынском Семиградье, румынском Банате, Буковине, Бессарабии, Добрудже — 0,8 млн, в Венгрии — 0,55 млн); в СССР — 1,1 млн (в волжской колонии — 0,45 млн, на Черноморском побережье — 0,35 млн, на Волыни — 0,12 млн, на Кавказе — 0,07 млн); за пределами Евразии проживает 14,3 млн (в Канаде — 0,5 млн, в США — 12 млн, Аргентине — 0,2 млн, в Бразилии — 0,75 млн, Чили — 0,72 млн, в других странах Латинской Америки — 0,078 млн, в Австралии — 0,1 млн)⁹⁴¹. Такая статистика производила неизгладимое впечатление и будоражила воображение, особенно в пораженной бациллой национализма послевоенной Германии, униженной Версальским миром.

Помимо «численных» эмоций, в пропаганде нацисты активно проводили мысль о культурном превосходстве немцев над их окружением в диаспоре. Принципы собственной «национальной политики» (*Volkstumpolitik*) нацисты разрабатывали на основе превосходства немецкого народа над всеми остальными народами; они представляли немецкий народ как расовую общность высшего типа, как «народ господ», которому должны подчиняться все другие народы. Проживавшие практически во всех европейских странах немецкие меньшинства объявлялись принадлежащими к «высшей расе», составной частью немецкой народной общности (*Volksgemeinschaft*). Под таким предлогом Третий Рейх присвоил себе право распоряжаться судьбой этнических немцев (*Volksdeutsch*) по своему собственному усмотрению, несмотря на то, что они являлись гражданами других государств. Потребностью воссоединения всех немцев в одном государстве Третий Рейх мотивировал аншлюс Австрии, присоединение Судет, перекройку границ с Польшей и т. д.

В межвоенный период, вследствие неловкой и агрессивной политики по отношению к немцам за пределами Германии (особенно в Восточной Европе), традиционно популярная в среде фольксдойч пангерманистская имперская политика была вытеснена в область национальных чувств и культурно-политических устремлений и требований и стала частью культурного стереотипа. Этот пово-

рот в мышлении и в представлениях фольксдойч имел огромное значение. Немцы в Чехословакии, Польше, Венгрии, Румынии, Югославии, Латвии, Литве и Эстонии активизировались — это была их защитная реакция на ассимиляционную политику правящих кругов тех стран, где они проживали. Будучи сами достаточно слабыми, эти страны хотели ликвидировать в культурном, экономическом и политическом смысле национальные меньшинства, реализовав за их счет свои собственные националистические претензии. В процессе нарастающего отчуждения фольксдойч Восточной Европы следует учесть и то, что многие фольксдойч были набожны, что еще более подчеркивало их идентичность: это были немцы-лютеране среди католиков-поляков, немцы-католики среди православных украинцев или румын, немцы-баптисты или немцы-меннониты среди тех же украинцев. Соответственно, национальные чувства немецкого меньшинства подкреплялись религиозными, — впрочем, для нацистов с их враждебной церквям позицией это обстоятельство было скорее помехой⁹⁴².

Все это и стало причиной пробуждения национализма фольксдойч, которые до Первой мировой войны имели только ландшафтную идентичность и именовали себя швабами Баната, саксонцами Семиградья, остзейцами и т. д., а не немцами — резкий поворот произошел после Версальского мира. Обратной стороной «национального пробуждения» фольксдойч стало стремление к присоединению к Рейху, и это их стремление совпало с целями нацистских политиков и Гитлера, который всячески поощрял эти настроения. Строго говоря, Гитлер и сам был фольксдойч; вообще бросается в глаза, что в нацистском руководстве фольксдойч явно преобладали. После Первой мировой войны из Польши, Судет, Югославии, Румынии и Прибалтики в Германию устремились тысячи немцев, национальные чувства которых были чрезвычайно обострены; во многом именно они и стали разносчиками почвеннической идеологии фелькише. С распространением идеи национального государства судьба немцев в европейской диаспоре становилась все более определенной. Так, в Словении в 1910 г. было 106 тыс. немцев, в 1921 г. — уже 41,5 тыс., в 1931 г. в югославской Дравской Бановине

(так называли Словению) уже всего 29 тыс. немцев⁹⁴³. В 1881 г. в Эстонии и Латвии насчитывалось 180 тыс. остзейцев, на рубеже веков их было уже 153 тыс., накануне Первой мировой войны вследствие поселения 20 тыс. немецких крестьян в Курляндии численность остзейцев поднялась до 162 тыс. После Октябрьской революции половина остзейцев перебралась в Германию, и в 1922 г. в Эстонии было 18 319 немцев, а в 1934 г. — 16 346 немцев. В Латвии в 1925 г. их было 70 964 человек, а в 1935 г. — 621 44 человек⁹⁴⁴.

Поощрять и развивать националистическую идеологию среди фольксдойч были призваны специальные подразделения нацистской партии. Такую роль исполняла «Организация немцев за границей» (*Auslandsorganisation NSDAP — AO*), во главе которой с 1933 г. находился гауляйтер Эрнст Боле; она насчитывала 500 зарубежных групп⁹⁴⁵. Первоначально АО располагалась в Гамбурге, потом правление АО со своими 800 функционерами переехало в Берлин. АО занималась в основном культурной и просветительской деятельностью и поощрением изучения немецкого языка. Практическая работа с фольксдойч была зарезервирована за эсэсовской «посреднической инстанцией фольксдойч» ФОМИ (*Volksdeutsche Mittelstelle*). Во время войны организацию переселения фольксдойч взяло на себя «Расовое и переселенческое главное ведомство» СС — РУСХА. На компетенции в отношении фольксдойч претендовали и другие организации в Третьем Рейхе: в этой сфере все обстояло точно так же, как и в прочих государственных сферах: царил обычный для Третьего Рейха институционный дарвинизм и борьба компетенций.

Сразу после Первой мировой войны наиболее острой была проблема фольксдойч в Польше. Во время войны в борьбе за национальную независимость часть польских политиков во главе с Пилсудским сделала ставку на Германию, а другая часть — во главе с Романом Дмовским — на Россию. Немецкий и австрийский императоры провозгласили независимость Польши 5 ноября 1916 г., но только на российской территории. После Брест-Литовского мира (3 марта 1918 г.) судьба послевоенной Польши

оставалась неясной. Бывший российский «забор» Польши должен был составить центральный элемент «*Mitteleuropa*» (серединной Европы) под эгидой Германии⁹⁴⁶.

После войны, однако, пути немецких и польских политиков разошлись. Дело в том, что западные районы Польши подверглись интенсивному немецкому культурному и экономическому освоению и ассимиляции. Поэтому провести там национальную границу (как того требовал принцип национального самоопределения, провозглашенный после войны победителями) было довольно сложно.

Так, Верхняя Силезия как спорная территория была оккупирована французскими (13 тыс. солдат) и итальянскими (2 тыс. солдат) войсками. Полицейская власть также принадлежала оккупационным войскам, международная комиссия по плебисциту была, по сути, французской комиссией и поддерживала только польские требования. В Верхней Силезии по переписи 1910 г. проживало 264 тыс. поляков и 698 тыс. немцев. Местные поляки не хотели жить в Германии и бойкотировали выборы в Национальное собрание Германии в январе 1919 г., требуя присоединения района к Польше, поэтому международная комиссия взяла управление Верхней Силезией на себя⁹⁴⁷. Это продолжительное напряжение в национальных отношениях не могло оставаться без последствий — в августе 1919 г. вспыхнуло первое Силезское восстание, подавленное немецкими фрайкорами. Через год — 17 августа 1920 г. — началось второе Силезское восстание, в Катовице было объявлено чрезвычайное положение, погибло несколько немцев, восставшие поляки сожгли немецкую деревню, стараниями властей волнения едва удалось унять.

После проведения референдума (59,6% — за Германию и 40,4% — за Польшу) и поражения на нем, польское правительство решило действовать самостоятельно, и 3 мая 1921 г. началось третье Силезское восстание: в течение короткого времени восставшие поляки заняли почти всю Верхнюю Силезию. Все три Силезских восстания с польской стороны возглавлял Адальберт Карфанти. В ответ на действия Польши по всей Германии начали формироваться добровольческие войска. Особую известность и символическое значение приобрела оборона Аннаберга, который

немецкий добровольческий отряд защищал от превосходящих сил поляков. После завершения военных действий Верхнюю Силезию поделили, насколько это вообще было возможно: немцы там преобладали в городах, а на селе — поляки — 59,6% населения Верхней Силезии, несмотря на оккупацию союзными войсками и сильное давление со стороны поляков, на плебисците 20 марта 1921 г. проголосовали за то, чтобы регион оставался в составе Германии, но $\frac{4}{5}$ этой богатой промышленной области тем не менее отошло к Польше⁹⁴⁸. По преимуществу немецкие города — *Tamowitz, Königshütte, Kattowitz, Pleß, Rubnik* — отошли к Польше. Поэтому западная граница Польши, установленная в 1921 — 1922 гг., никогда не признавалась Веймарской республикой. В этих городах осталось довольно значительное немецкое население⁹⁴⁹. Территория, на которой находился Аннаберг, отошла к Германии, и монастырь сделался символом немецкого национализма: там нацисты соорудили памятник погибшим 50 немецким добровольцам, а также место для тинга (народное собрание у скандинавов в средние века). После победы над гитлеровской Германией поляки взорвали немецкую стелу и в 1952 г. поставили памятник польским героям третьего Силезского восстания (скульптор Дуниковский).

Положение польских фольксдойч накануне войны стало невыносимым; их численность — вследствие давления на них местных властей — стремительно сокращалась.

Не лучшее положение было и у немцев Познани, оказавшихся после Первой мировой войны в составе Польши. Еще до официальной передачи Познани $\frac{2}{3}$ местных немцев покинули родные места и переехали в Германию. Численность немецкого населения в Познани сократилась с 455 тыс. в 1910 г. до 327 тыс. в 1921 г., а в 1924 г. — до 224 тыс. В самых крупных городах провинции Познань — в Бромберге и Познани — немецкое население сократилось на 85%. Поляки были этому только рады и пытались ускорить этот процесс⁹⁵⁰. Культурная автономия местных немцев подвергалась постоянным ограничениям. Большинство немецких детей не имело возможности учиться на родном языке: если в 1919 г. в центральной Польше было 564 немецких школы, то в 1936 г. — только 11. В 1933 г. вышло правительственное распоряжение о том,

чтобы преподавание истории и географии в немецких школах осуществлялось на польском языке⁹⁵¹.

Нацисты и в самой Польше весьма энергично эксплуатировали проблемы фольксдойч, несмотря на то, что в этой стране фольксдойч было относительно немного: среди национальных меньшинств в Польше немцы составляли 3% населения (от 750 тыс. до 1 млн) — это немного по сравнению с украинцами (их было 14%), евреями (9%), белорусами (4%)⁹⁵². Немецкое меньшинство в Польше было в основном сосредоточено на Западе и, в принципе, считалось лояльным по отношению к польским властям, которые проводили довольно жесткую дискриминационную по отношению, к немцам линию. Повсеместно практиковавшаяся на Востоке Европы дискриминация немецкого меньшинства имела место и в Польше: власти стремились подавить немецкую культурную жизнь, не допустить развития национальной школы, прессы, системы общественных организаций. Неправительственные организации также проявляли активность: так, польская националистическая организация «Объединение западных областей» проводила бойкоты немецких товаров. Немецкое меньшинство в Польше было практически исключено из политической жизни и ощущало себя скорее замкнутой, изолированной группкой, а не функциональным и равноправным меньшинством внутри титульной нации Польского государства. Весной 1939 г., после разрыва отношений с Польшей, немецкие власти всеми способами стимулировали радикализацию антипольских настроений фольксдойч. Польские же власти, со своей стороны, закрывали немецкие школы и газеты, проводили дискриминационную по отношению к немцам экономическую политику, инициировали и поощряли антинемецкие эксцессы.

Когда 1 сентября 1939 г. Гитлер напал на Польшу, противостояние фольксдойч и поляков резко обострилось — немцы частично спонтанно, частично организованно осуществляли многочисленные акты саботажа и неповиновения властям⁹⁵³. Теперь уже трудно судить об эффективности, масштабах и последствиях деятельности немецкой «пятой колонны» в Польше — ясно только, что никакого влияния на ход войны она не оказала. В горяч-

ке войны польские власти отдали приказ об аресте активных саботажников из фольксдойч и о выводе всех фольксдойч из районов боевых действий; тех, кто не мог идти, польские солдаты часто расстреливали, немцев изгоняли из домов и издевались над ними. 3 сентября 1939 г., после того, как группа фольксдойч напала на польские войска, начались антинемецкие погромы, многие сотни фольксдойч были убиты. Нацистская пропаганда утверждала, что было убито 58 тыс. немцев, современные исследователи чаще всего сходятся на цифре в 4 тыс.⁹⁵⁴ Для сравнения, польские потери в «блицкриге» составили 66 300.

Представляется, что Эрнст Нольте вполне справедливо указывал, что «война против Польши началась тенденциозным геноцидом, осуществлявшимся польской стороной. Сомнительно, что немецкое меньшинство пережило бы войну, если бы она продолжалась более трех недель»⁹⁵⁵. Причина подобной враждебности по отношению к немецкому меньшинству состояла в следующем: после образования единого Польского государства у него появилось масса проблем в процессе интеграции различных по своему уровню развития частей, и выравнивание этого уровня происходило за счет снижения стандартов развития наиболее высокоразвитых областей (в большинстве своем — немецких). Бедой Польши была растущая безработица и бедность — отдушиной для досады и злобы служили этнические конфликты с немецким меньшинством, которое до 1918 г. выделялось экономическим преуспеванием.

Гитлер, узнав об антинемецких погромах в Польше, приказал создать отряды самообороны «хаймверы» (*Heimwehr*). Эта «самооборона» сразу приобрела значительные масштабы: из 200 тыс. фольксдойч, проживавших в округе Данциг-Западная Пруссия, 38 300 вступило в эти отряды; еще больший процент фольксдойч проявил активность в районе Варты⁹⁵⁶. Легко предположить, что «самозащита» вела себя гораздо хуже польских погромщиков, отличившихся в первые дни войны. Генерал-губернатор Польши Ганс Франк называл «хаймверы» не иначе как «бандой убийц», гауляйтер Данцига-Западной Пруссии Форстер неоднократно требовал, чтобы безобразия «хаймверов» были прекращены. Против актов насилия высту-

пали и отдельные офицеры вермахта; случались даже случаи арестов погромщиков немецкой армией. Освободить погромщиков армейское начальство отказывалось даже после объявления Гитлером 4 октября амнистии «по случаю навязанного нам похода в Польшу»⁹⁵⁷. В конце концов, 8 ноября 1939 г. Гитлер распустил «самозащиту», и ее активисты перебрались в СА, СС и другие нацистские организации. Роспуск отрядов «самозащиты» знаменовал собой завершение самой зловещей фазы нацистского террора в Польше и некоторую консолидацию власти. Упомянутая консолидация оккупационной власти в Польше не означала завершения террора, как и пресечение самоуправства СА в 1934 г. не означало прекращения нацистской деспотии, но некоторое облегчение, некоторая предсказуемость действий властей были, бесспорно, налицо. Тем более что перед Польшей, ставшей плацдармом готовящегося вторжения в СССР, были поставлены дополнительные требования в смысле обеспечения транспорта, безопасности и снабжения. Именно этим целям служила аннексия польских районов — Силезии, Познани, района Варты. На эти земли в 1939—1945 гг. эсэсовцы переселили около 400 тыс. этнических немцев, но другие 500 тыс. немцев, перемещенные в Польшу из Венгрии, Словакии, Румынии и Югославии, так и оставались беженцами и перемещались из лагеря в лагерь⁹⁵⁸. Когда на Восточном фронте началось гитлеровское отступление, к этим несчастным присоединились еще 350 тыс. советских немцев, попавших под власть оккупантов.

В аннексированных Германией районах поляки должны были освободить место для фольксдойч; в итоге массовых депортаций до марта 1941 г. — именно в это время акции по переселению завершились — жилища и имущества лишились 365 тыс. человек. До конца войны было депортировано или выселено еще около 750 тыс. поляков — эти усилия нацистов, однако, оказались напрасными: заселять освободившиеся территории было некем. По этой причине решили подвергнуть «германизации» часть местного польского населения, привязав ее к Нюрнбергским законам от 1935 г. Был составлен так называемый «немецкий народный список» (*Deutsche Volksliste*), который состоял из 4 категорий «обретших» немецкое гражд-

данство поляков. В первую категорию вошла 1,7 млн граждан Рейха (*Reichsbürger*); ее составляли собственно немцы-переселенцы, у которых были все права немецких граждан. Численность этой категории за счет «аризации» поляков к 1944 г. выросла до 3,48 млн⁹⁵⁹. Вторую категорию составляли польские «соискатели немецкого гражданства» (*Deutschtums-Anwärter auf Probe*), которые так же, как и первая категория, снабжались по карточкам, но у них было меньше прав. Они не могли занимать высокие административные должности, им требовалось особое распоряжение при вступлении в брак, они имели ограниченные права собственности. Их еще следовало «воспитать», чтобы они стали немцами, и поэтому их курировали СД и НСДАП. Контрольный срок пребывания в статусе второй категории составлял 10 лет, но в случае отличия на фронте, они могли получить полные гражданские права досрочно. Третью группу (83 тыс. поляков) составляли «испытываемые на принадлежность к государству» (*Staat-sangehörige auf Probe*), у которых было меньше прав, чем у второй группы, но продовольственные карточки они тоже получали. В 1945 г., после введения советских войск на польские территории, аресту подверглись не только фольксдойч, но и поляки, которые под давлением немецких властей были внесены в «немецкие национальные списки»: 25—30 тыс. этих людей было депортировано в СССР только из Померании и Верхней Силезии⁹⁶⁰.

Однако главная масса поляков была признана непригодной для «аризации», поэтому самую значительную группу составляли 6 млн поляков, «находящихся под защитой» (*Schutzangehörige*), и «прочих». Эта группа была в Германии самой бесправной: на работах в Рейхе они должны были носить на одежде букву *P* (*Pole*), точно так же, как евреи носили на одежде букву *J* (*Jude*). Дело в том, что принадлежность к польской нации была для нацистов особенно дискриминирующей, и поэтому в 1940 г. вышло распоряжение не причислять к полякам лиц украинской или литовской национальностей. В 1943 г. браки для «четвертой категории» были вообще запрещены. Прочие запреты для поляков «четвертой категории» были бесчисленны: запрет посещать рестораны и кафе для немцев, запрет заходить в определенные часы в магазины;

кроме того, они были обязаны приветствовать немцев в униформе. Уровень жизни и стандарты потребления «находящихся под защитой» поляков в Германии ничем не отличался от положения поляков в генерал-губернаторстве, куда им и грозило переселение в случае благоприятного для Германии исхода войны. 17 сентября 1939 г. польское землевладение было запрещено; земельная собственность поляков передавалась в пользу Рейха или попечителям⁹⁶¹.

Немецкий журналист Георг Дертингер⁹⁶² после поездки по Познани и Западной Пруссии писал, что на улицах порядок, все учреждения работают, земля обрабатывается, затемнений от воздушных налетов власти не вводят (как это уже делали по всей Германии), польская администрация заменена немецкой. Местных поляков и евреев выселяют в районы восточнее Варшавы, а на их место прибывают фольксдойч из Прибалтики, Волыни и Семиградья. О порядке размещения этих фольксдойч Дертингер рассказывал следующее: в аннексированное польское поселение прибывает, например, немец-парикмахер. Сначала он приходит в немецкую администрацию, где ему дают адрес местного парикмахера. Затем этот фольксдойч является к своему польскому «коллеге» в сопровождении представителей местной власти и СД, которые выдают поляку предписание в короткий срок переселиться в генерал-губернаторство. Если у выселяемого хозяина есть повозка для пожитков, он грузится и едет на Восток, если нет — отправляется пешком. Дертингер писал, что внешне все выглядело спокойно и организовано, но добавлял при этом, что каждую ночь недовольные поляки убивали немецких солдат⁹⁶³. Перспективы колонизации захваченных на Востоке земель живо обсуждались немецкой общественностью, а некоторые немцы даже пытались сделать из них практические выводы. Так, за несколько дней до нападения на СССР великий герцог Ольденбургский обратился к Гиммлеру с вопросом, не будет ли ему предоставлена возможность купить на Востоке землю, поскольку он хотел бы обеспечить своих шестерых сыновей поместьями. Гиммлер ответил, что для него не будет сделано никаких исключений, но если его сыновья с лучшей стороны покажут себя на фронте, если им позволит здо-

ровье и если они будут иметь соответствующее сельскохозяйственное образование, они смогут после войны приобрести землю⁹⁶⁴.

Не менее тяжелым, чем в Польше, было после Первой мировой войны положение фольксдойч в составе Литвы — естественный и объяснимый национализм малой нации болезненно отразился на тамошних немцах. Гитлер, который был хорошо информирован о настроениях рядовых немцев в Германии и о настроениях фольксдойч, 23 марта 1939 г. еще раз (после аннексии Чехии и Моравии) рискнул доверием немцев: в этот день солдаты вермахта, приветствуемые местным населением, вступили в Мемельскую область. Район Мемеля, а также части района Тильзита в соответствии с Версальскими установлениями перешли под юрисдикцию победителей и с января 1923 по март 1939 гг. управлялись Литвой. В мае 1924 г. Литва, Англия, Франция, Италия и Япония установили для района Мемеля автономию вследствие преобладания там немцев, но эта автономия не удовлетворила местных немцев. Мемельские активисты НСДАП во главе с их лидером доктором Эрнстом Нойманном нагнетали вокруг этого вопроса напряжение и еще до выборов в ландтаг Мемеля (12 декабря 1938 г.) смогли провести решение об отказе от литовского суверенитета над Мемелем, прибрали исполнительную власть к своим рукам и смогли принудить Литву к уступкам. После 23 марта Мемель был включен в состав Восточной Пруссии. В этот же день на борту крейсера «Германия» Гитлер прибыл в Мемель; его речь произвела на местных немцев сильное впечатление. В частности, обращаясь к жителям Мемеля, он сказал: «Вы некогда были позорно брошены Германией на произвол судьбы, но теперь историческая справедливость торжествует, и вы возвращаетесь в лоно своей родины. 20 лет нужды и страданий, которые вы перенесли, должны послужить уроком и для нас и для вас»⁹⁶⁵.

Также острую проблему в послевоенные годы фольксдойч составляли в Судетах, тянувшихся вдоль немецко-чехословацкой границы от Одера через лесистые Судетские горы и Чешский лес (*Böhmerwald*) до называемого

местными немцами Драймеркенштайна (*Dreimerkenstein am Dreisesselberg*). Здесь проходил пояс немецкого расселения (около 3,5 млн немцев), который местами достигал ширины в 100 км и на эльбской-моравской равнине приближался к Праге, некогда являвшейся для Габсбургов имперским коронационным центром, на расстояние в 30 км. Еще в 929 г. богемский герцог (затем король) присягнул в Праге немецкому императору и стал одним из имперских князей Священной Римской империи немецкой нации. В 1348 г. немецкий император Карл IV Люксембург основал в Праге Карлов университет, а немецкие мастера отстроили знаменитый старинный район Праги — Градчаны. Сами немцы долгое время именовали чехов не иначе как «пруссаки среди славян», указывая при этом на значительное влияние немецкой культуры и традиции. Бисмарк называл Богемию «цитаделью Европы»⁹⁶⁶.

Немецкие крестьяне со средних веков оплодотворяли и расширяли культурные и хозяйственные достижения Чехии и Словакии, осушали болота, расчищали для пашни дикий лес; они сыграли в этом районе определенную культуртрегерскую роль, как и немецкие купцы, как и немецкие ремесленники, основавшие в этих местах горняцкое дело. В Северной Богемии семья майссенского ремесленника Ширера (*Schirer*) основала производство стекла, немец Каспар Леман (*K. Lehmann*) изобрел способ шлифовки знаменитого на весь мир хрусталя. Благополучие судетских немцев, которым они выделялись из своего окружения, было обусловлено не спекуляцией, воровством или насилием, но работой, бережливостью, порядком, аккуратностью и трудолюбием. Из 6,7 млн населения Чехии в 1911 г. 2,5 млн немцев платили 5,7 млн крон подоходного налога, а 4,2 млн чехов — 3,1 млн крон. Впрочем, и без этих цифр ясно, что именно Судеты были промышленным центром Австро-Венгрии, именно в Богемии производилось 80% промышленной продукции габсбургской монархии.

Со времен Гуситских войн между чехами и немцами шла непрекращающаяся борьба за каждую пядь земли на судетской языковой границе, разделяющей разные культурные общности. Во времена Габсбургов естественное преимущество в этой борьбе имели немцы, являвшиеся

титulyной нацией Австрии (позже Австро-Венгрии), а после провозглашения Чехословакии — чехи и словаки. Исключительно самобытная политическая культура Австро-Венгрии, безвозвратно утраченная после войны, в последней стадии своего существования характеризовалась довольно лояльным отношением к славянам. Например, в Чехии еще в 1882 г. габсбургским правительством было утверждено равноправие языков. Император Австро-Венгрии не короновался в Праге (старинном коронационном центре) лишь потому, что этому противились венгры, которые завидовали Богемии (Чехии) из-за ее экономического процветания. Именно венгры настояли на том, чтобы самая развитая в экономическом отношении часть Австро-Венгрии не обладала самоуправлением.

После 1918 г. территория Чехословакии составила 21% территории прежней дуалистической монархии: Богемия, Моравия, часть Силезии, Словакия и Карпатская Русь. Немцы в этих районах проживали довольно компактно и при монархии пользовались определенными преимуществами. Так, в Брно, в старинном центре Моравии, многие века существовала немецкая администрация и городское самоуправление.

Нацистская пропаганда, разумеется, изображала давление на немцев после обретения Чехословакией государственной независимости как «войну на уничтожение немецкой культуры и немецкой экономики». В одной из пропагандистских брошюр описывалось, что вследствие чешской дискриминационной политики «ранее процветавшая земля стала промышленным кладбищем, фабрики остановились и разрушаются, машины ржавеют, и в некогда благословенном крае царят безработица, голод и бедность. Чехословацкое правительство закрывает немецкие школы, изгоняет немцев с государственной службы, ограничивает использование немецкого языка; немецкая промышленная собственность и немецкие пахотные угодья либо национализируются, либо ставятся в заведомо проигрышное положение»⁹⁶⁷. Отчасти, правда, эти обвинения соответствовали истине.

Положение немцев в Судетах Гитлер свел к довольно эффектной формуле: «Если 3,5 млн немцев из 80 млн не могут петь свой национальный гимн только потому, что

это не нравится чехам, если их избивают только за то, что они носят шорты и гольфы, которых чехи не могут видеть, если их терроризируют из-за использования не нравящегося чехам приветствия, если их подвергают гонениям за простые проявления национальных чувств, и если все это является нормальным явлением для представителей европейских демократий только по той причине, что речь идет о немцах, то я могу прямо заявить представителям этих демократических государств, что нам есть до этого дело, и мы не потерпим такого обращения с соотечественниками. Полному бесправию и преследованиям этих людей следует положить конец!»⁹⁶⁸. Арнольд Тойнби, в 1938 г. побывавший в Чехословакии, подтверждал несправедливое обращение чехов с немцами⁹⁶⁹.

Чтобы избежать службы в чехословацкой армии, около 200 тыс. судетских немцев бежали в Германию; там они стали распространителями слухов, соответствующих целям гитлеровской пропаганды. Нацистский пропагандистский напор был очень силен — даже в день вступления вермахта в Судеты в нацистской партийной газете ФБ красовались следующие заголовки: «Грабежи продолжаются», «Насилия немецких девушек и женщин в Судетах», «Новые убийства судетских немцев», «Вдова расстреляна из-за бегства сына в Германию», «Число немецких беженцев из Судет достигло цифры в 244 850 человек»⁹⁷⁰.

26 сентября 1938 г. в берлинском дворце спорта Гитлер заявил, что германское требование Сбудет является последней территориальной претензией Германии; Англии и Франции он предъявил ультиматум со сроком до 28 сентября. Казалось, Европа вновь стоит на пороге войны, но в этот момент посредником выступил Муссолини.

Судетский учитель физкультуры, олимпийский чемпион 1936 г. по легкой атлетике Конрад Генлейн в 1933 г. основал «Отечественный фронт судетских немцев» (*Sudetendeutsche Heimateront*), а в 1935 г. — «Партию судетских немцев» (ЗДП — *SdP, Sudetendeutsche Partei*), которая в 1938 г. имела фракцию в парламенте в Праге. Первоначально эта партия добивалась автономии немцев в рамках Чехословацкого государства, а потом — при поддержке нацистов (Генлейн был назначен гауляйтером Судет) — перешла к требованию аншлюса Судет. В Германии при

финансовой поддержке партии были сформированы судетские фрайкоры, систематически провоцировавшие напряжение на чехословацко-германской границе и подготавливавшие почву для последующего выдвижения гитлеровских претензий к Чехословакии⁹⁷¹.

Немецкий посол в Праге Эрнст Айзенлор был противником гитлеровской аннексионистской политики, да и сам лидер «Судето-немецкой партии» Генлейн в 1934 г. заявил, что его партия отличается от нацистской: «Мы, — заявил Генлейн, — никогда не отказывались от свободы личности»⁹⁷². Только небольшая группа пронацистски настроенных судетских немцев настаивала на присоединении к Германии. В 1937 г. руководство СД решило даже сместить Генлейна, считая его неспособным на решительные действия любителем компромиссов. Гитлер же категорически запретил эсэсовцам интриговать против бывшего олимпийского чемпиона и даже распорядился присвоить ему звание группенфюрера (генерала) СС. В этой связи интересно отметить, что все интриги нацистов в Словакии с целью побудить лидера Словацкой народной партии Тисо к отделению от чехов протекали помимо Генлейна. В конце войны Генлейн покончил жизнь самоубийством.

12 сентября 1938 г. миллионы немцев с напряжением прислушивались к словам Гитлера по поводу Судет и Чехословакии — многие боялись, что кризис может привести к войне. 9 сентября мюнхенская военно-хозяйственная инспекция доносила руководству, что многие боятся, что надвигающаяся война положит конец процветанию страны и принесет Германии неисчислимые беды. При этом рабочие старшего поколения вспоминали о нищете и бесчисленных проблемах, сопровождавших жизнь в Первую мировую войну: до ее начала страна экономически процветала, внешняя торговля росла, росло и потребление, а в августе 1914 г. все рухнуло. Особенную обеспокоенность функционеры партии отмечали среди сельского населения, которое тревожилось по поводу того, что в случае начала военных действий вермахт будет реквизировать лошадей⁹⁷³. Полицейские получили указание, что в случае начала войны они будут подчинены армейскому руководству и будут рассматриваться как военнотруж-

шие. Бывшим деятелям рабочего движения было предписано ежедневно отмечаться в полицейских участках, некоторых арестовали и отправили в концлагеря.

К осени 1938 г. из 13,4 млн населения Чехословакии половину (6,8 млн) составляли чехи, 2 млн — словаки, 3 млн — немцы (23,4%), 745 тыс. — венгры, 462 тыс. — румын и 76 тыс. — поляки. Интересно отметить, что лозунг передачи Судет Германии пришел из Великобритании, которая стыдилась того, что торжественно декларированное на Парижской конференции (1919 г.) право народов на самоопределение было интерпретировано не в пользу немцев, проигравших войну; поэтому лорд Рансимен предложил чехословацкому правительству уступить Рейху те области, в которых проживало больше 50% немцев⁹⁷⁴. После возвращения с Мюнхенской международной конференции, у трапа самолета Чемберлен сказал: «я привез вам мир» (*this is peace for our time*). Гитлеровские же представления о справедливости находились в совсем иной плоскости, для него гораздо важнее была не справедливость, но возможность продолжения экспансии.

Мюнхенский договор (от 30 сентября 1938 г.) стал соглашением о присоединении пограничных земель Чехословакии, населенных немцами, к Германии. Дополнительно была принята декларация, в которой Великобританией и Францией давались гарантии новым границам Чехословакии: таким образом, по инициативе англичан было реализовано старое требование Гитлера, который с самого начала политической деятельности требовал воссоединения с «тремя с половиной миллионами немцев, в 1919 г. отрезанных от своих соотечественников группой сумасшедших политиков». Так, еще в 1935 г. он, воспользовавшись незначительным пограничным инцидентом, выдвинул свои войска к границам Чехословакии. Однако Франция и СССР, заключившие с Чехословакией договор (1935 г.) о взаимопомощи, предупредили Германию, что они выполняют свои обязательства по оказанию помощи Чехословакии; это заставило Гитлера отвести войска от границ. Пропаганда, описывавшая «муки» судетских немцев, а также организованные судето-немецкой партией провокации и беспорядки сгустили атмосферу вокруг Судет и предоставили Гитлеру возможность для нападков

на Чехословакию. 30 мая 1938 г. на совещании генералитета в Ютеборге Гитлер огласил приказ о вооруженном захвате Чехословакии не позднее 1 октября 1938 г. (операция «Грюн»), а в сентябре на съезде НСДАП в речах Гитлера и Геббельса звучали недвусмысленные предупреждения об «освобождении угнетаемых немцев» и ликвидации чехословацкого государства. В результате Мюнхенского договора Чехословакия потеряла около $\frac{1}{5}$ своей территории, около 5 млн населения (из них 1,25 млн чехов и словаков), а также 33% промышленных предприятий.

1 октября 1938 г. немецкие войска вошли в Судеты; при всеобщем ликовании Гитлер отметил свою очередную победу. Чехословакия — отчасти вследствие безответственной политики «чехизации» — потеряла около 33% населения и важнейший промышленный район. Воспользовавшись моментом, свои территориальные притязания высказали Польша и Венгрия; это позволило Гитлеру обелить аннексию Судет «международным» характером требований к Чехословакии. Южная часть Словакии отошла к Венгрии, Тешинский округ — к Польше; 16 марта 1939 г. Гитлер осуществил присоединение Чехии к Рейху, а 23 марта 1939 г. Карпатская Украина была передана Венгрии.

ФБ торжественно приветствовала переход судетских немцев в «восьмидесятимиллионный немецкий Рейх» и выражала восхищение фюрером, который смог обеспечить значительные территориальные приращения без кровопролития и войны⁹⁷⁵. В соответствии с Мюнхенским договором, судетские немцы могли в течение 4 недель выйти из чехословацкой армии или полиции; немецких политзаключенных должны были выпустить из чехословацких тюрем.

Нацистская пропаганда смогла эффективно использовать проблему Судет: если в 1935—1936 гг. значительная часть немцев еще была критически настроена по отношению к режиму, то после бескровного аншлюса Судет люди стали верить режиму⁹⁷⁶. Авторы донесений — информаторы СДПГ — удивлялись масштабам перемен в настроениях рабочих, которые теперь иногда даже обижались на недооценку их заинтересованности в строительстве новой Германии, если начальство отправляло их домой до истечения 10 часов рабочего времени⁹⁷⁷. Это непред-

взятое суждение свидетельствует о том, что нацистская система функционировала не только вследствие репрессий властей. Кроме того, информаторы СДПГ находились под впечатлением корректного отношения вермахта к политическим противникам Третьего Рейха, ранее эмигрировавшим в Чехословакию⁹⁷⁸.

Гитлер присоединил Судеты 1 октября 1938 г., а 3 марта 1939 г. вследствие внутренних проблем, а также по причине нацистских интриг Чехословакия распалась: Чехия была включена в состав Третьего Рейха, а Словакия стала самостоятельным государством. Организованное нацистскими режиссерами общественное мнение гласило, что войны опять удалось избежать благодаря мудрости и прозорливости фюрера. Отмечалось, однако, что присоединение Чехии немцы встретили более сдержанно, хотя и одобрительно⁹⁷⁹.

Мюнхенский договор и захват Чехословакии были, бесспорно, имперскими актами и подлежали осуждению и ревизии, что и было сделано в 1942 г. Великобританией и Францией, в 1944 г. — Италией, в 1950 г. — ГДР и в 1973 г. — ФРГ. С другой стороны, существует и необходимость ревизии суровых и неадекватных мер по отношению к фольксдойч, осуществленных чехословацким правительством после войны, в 1945—1946 гг. Интересно, что декреты президента Бенеша об изгнании из Судет немцев до сих пор актуальны — общественное мнение Германии их не одобряет, а чешский парламент в апреле 2002 г. единогласно высказался за их сохранение⁹⁸⁰. Огромное значение в таких вопросах имеют взаимная терпимость и готовность идти навстречу друг другу несмотря на старинные обиды.

Формально к фольксдойч относились и довольно многочисленные советские немцы, но их участь была отличной от судьбы остальных фольксдойч в Восточной Европе. Дело в том, что согласно второму секретному протоколу к советско-германскому договору о границах, дружбе и сотрудничестве от 29 сентября 1939 г., лица немецкого происхождения, проживавшие на территориях, отошедших к СССР, подлежали репатриации в Германию. Но эта договоренность не касалась немцев, проживавших в дру-

гих районах СССР. Во время войны значительная часть советских немцев попала под нацистскую или румынскую оккупацию: 93% этих немцев проживало на Украине. К жившим на Украине немцам, в отличие от «черноморских немцев» или немцев Поволжья, примыкали немцы Волыни⁹⁸¹. Разница между немцами, проживавшими на Украине и в Поволжье, сводилась к тому, что — хотя на Украине немцев было почти столько же, сколько и на Волге,— они составляли там только 1,36% и были разбросаны по разным регионам, а на Волге немцы проживали компактно и сохранили национальное самосознание. Волжская колония после начала войны была «мобилизована» в «трудармию» (которая по откликам современников была хуже, чем военные советские исправительные лагеря), а после демобилизации «трудармии» в 1947 г. советских немцев поселили в Казахстане и Киргизии. Эти немцы в подавляющем своем большинстве остались лояльны советской власти и никак не заслужили столь несправедливого обращения. Кстати, еще в 1929 г. немецкий посол в СССР Дирксен сообщал своему МИД, что нижние слои немецких крестьян одобрили коллективизацию, а к эмиграции из СССР склоняется лишь состоятельная часть немецкой общины (8 тысячам немцев в 1929 г. было дано разрешение на выезд).

Советские немцы делились на две большие группы: горожане и сельские жители. Первые начали прибывать в Россию во времена Петра I либо из Германии, либо из восточной Прибалтики, а крестьянское заселение началось во времена Екатерины II, которая хотела включить присоединенные районы в сельскохозяйственное производство и сразу обеспечить им высокие по тем временам стандарты производства. И на самом деле, колонисты добились значительных успехов в сельском хозяйстве благодаря применению прогрессивных способов обработки земли и введению новых пород скота. Накануне Первой мировой войны немцы только на Украине владели землями, которые по своим размерам в два раза превышали современную землю Гессен в ФРГ. В Херсоне немцы составляли 6,6% населения и владели 19,1% обрабатываемой земли, в Екатеринославе соответственно — 5,4% и 25%, в Крыму и на южной Украине — 8,8% и 38%,

в районе Симферополя 9,2% и 77,8%, в окрестностях Одессы — 7% и 60%⁹⁸². То есть, в указанных районах немецкие колонисты владели львиной долей обрабатываемой земли, и у них не было никаких причин поддерживать большевиков. Немцы, в отличие от евреев, не имели своих представителей в высших эшелонах власти. Розенберг в свое время говорил: «Большая часть Крыма принадлежала ранее немцам-колонистам, половина обрабатываемой земли в районе Симферополя принадлежала немцам, которых обобрали русские и евреи»⁹⁸³.

С 70-х гг. XIX в. российские власти начали притеснять немцев, и многие из них переехали в США. Для тех немцев, кто не успел уехать, Первая мировая война приготовила много трудностей: появились дискриминационные законы, часть имений немцев была конфискована, из Волыни царское правительство даже выселило немцев. Февральская революция, однако, положила конец преследованиям немцев. Появление на Украине кайзеровских войск в 1918 г. вызвало радость у местных немецких колонистов — они были рады видеть земляков («*deutsche Leute*»), а немцы-землевладельцы надеялись, что им вернут отобранные земли. Радость колонистов выразилась в том, что они выкупили немецкий военный заем на 28 млн золотых рублей (80 млн золотых марок). Два конгресса колонистов в 1918 г. обращались к кайзеру с просьбой присоединить их к территории Рейха⁹⁸⁴. Одновременно с помощью немецких офицеров организовывались и местные отряды самообороны, которым немцы при отступлении оставили много оружия. Особенно многочисленными и организованными были отряды немецкой самообороны у Одессы, во главе этих отрядов стоял некий Лауэр, возглавивший восстание колонистов против большевиков; много колонистов служило у Деникина и Врангеля. Во время нацистской оккупации Лауэр вернулся и даже стал местным обер-бургомистром. Впрочем, местные немцы каким-либо политическим самосознанием не отличались. Немецкая иммигрантка Пливир, в 1935 г. оказавшись в Поволжье, сообщала, что большинство немецких крестьян считало Гитлера новым германским кайзером⁹⁸⁵.

После окончания польской кампании, 10 октября 1939 г. Гитлер объявил о необходимости возвращения фолькс-

дойч в Рейх. Это была революция в немецкой политике — раньше возвращающихся фольксдойч называли не иначе как дезертирами. Переселение началось с восточных районов Польши, отошедших к СССР по секретной договоренности Гитлера и Сталина, затем из Буковины, Бессарабии и Прибалтики. Когда слух о переселении фольксдойч достиг советских немцев, то некоторые даже стали паковать добро и продавать вещи.хлопоты оказались напрасными — на советских немцев советско-германское соглашение о перемещении этнических немцев не распространялось.

22 июня 1941 г. над советскими немцами навис дамоклов меч. НКВД успел эвакуировать в тыл половину немцев, проживавших на Украине. Из Волыни, оккупированной вермахтом, в июле было вывезено 7% местных немцев, из района Николаева (оккупирован 17 августа) советские власти эвакуировали 5% немцев, из района Днепропетровска (занят 25 августа) — 6%, много немцев осталось в районе Одессы (40% всех немцев, попавших в нацистскую оккупацию). Встреча колонистов с солдатами вермахта весьма интересна в психологическом плане, но, к сожалению, каких-либо детальных описаний подобной встречи в литературе не отмечается, хотя указывается, что иногда солдат вермахта встречали с ликованием. СД доносила, что опасения большевизации большинства советских немцев оказались необоснованными. С другой стороны, ни актов саботажа, ни разведывательной деятельности, которую часто вели фольксдойч в Польше или Чехословакии (с этой целью из тамошних фольксдойч в вермахте был сформирован полк «Бранденбург»), в Советском Союзе не отмечалось. Советские немцы не заслужили репрессий и гонений, обрушившихся на них после начала войны со стороны властей.

Первые впечатления оккупантов при виде советских фольксдойч были тяжелыми; так, один эсэсовский офицер писал: «нам долго внушали, что в течение 20 лет советских немцев притесняли, унижали, разрушали их культуру и заставляли голодать — и все это подтвердилось». В захваченных вермахтом немецких селах возле Одессы местные немцы были так бедны, что у них в домах не было даже постельного белья — это были последствия

коллективизации⁹⁸⁶. Впечатление от советских немцев до-революционный колонист Гетц, эмигрировавший в Германию после Октябрьской революции, свел к следующим пунктам. Во-первых, из 2 млн немцев из-за голода, войны и коллективизации осталось 800 тыс. Во-вторых, многие немецкие села опустели и заселены русскими. В-третьих, оставшееся немецкое население находится в ужасном физическом состоянии. В-четвертых, молодежь развращена большевиками. В-пятых, молодежь почти не знает родного языка. В-шестых, немецкие семейные традиции, обычаи и религиозность остались лишь у немногих старых людей⁹⁸⁷. Что в первую очередь занимало местных фольксдойч, так это возможность быстрее покинуть свою старую родину и переехать в Германию; но это нацисты не приветствовали.

По оценкам Тайха, в 1941 г. около 22 тыс. советских немцев служили в Красной Армии, Героями Советского Союза стало 5 немцев. Немцам было запрещено служить в армии и даже находиться в прифронтовой полосе, но они меняли фамилии или записывались евреями. Примечательно, что при обороне Брестской крепости мужественно сражались и красноармейцы — немцы. Командир дивизии вермахта, штурмовавшей Брест, был родом из России и в Первую мировую войну также сражался за Брест, но только в царской армии: удивительная ирония истории...

В итоге следует констатировать, что наряду с мобилизацией отдельных социальных групп населения Германии и в сфере мобилизации фольксдойч нацистам удалось достичь ощутимых результатов. Мобилизация национальных мифов в среде фольксдойч произошла благодаря ловкой нацистской режиссуре, а также вследствие объективного положения фольксдойч в условиях преобладающего враждебного окружения. Внутренняя логика развития событий после подписания Версальского договора (было бы наивно полагать, что Франция нашла бы в себе силы признать присоединение почти 7 млн австрийцев и более 3 млн судетских немцев к Рейху) и участь фольксдойч была такова, что они естественным образом попадали в объятия нацистских пропагандистов, которые беззастен-

чиво использовали объективные трудности положения этих людей для достижения собственных политических целей.

Многие фольксдойч последовали за отступающим вермахтом и таким образом избежали худшей участи. Те, кто остались, подверглись коллективному наказанию без всякого разбора степени вины и ответственности. В Югославии немцы из Баната, Бачки и Нижнего Штайермарка в ноябре 1944 г. — в соответствии с «решением в городе Яйце» — были лишены гражданских прав и имущества и помещены в лагерь. В целом в Югославии после войны из 500 тыс. немцев было убито 80 тыс.⁹⁸⁸

20 ноября 1945 г. Союзный контрольный совет принял решение выселить из Венгрии 220 тыс. немцев, что и было сделано до 1948 г.⁹⁸⁹ Около 150 тыс. дунайских швабов были вывезены в СССР на работы по восстановлению народного хозяйства — таким образом осуществляли коллективное наказание фольксдойч⁹⁹⁰. Те, кто остался жив, вернулись из СССР в 1948—1949 гг. Из Румынии и Венгрии на работы в СССР было вывезено около 600 тыс. фольксдойч и венгров. После возвращения из СССР немцев приняла только Румыния, которая стала единственной из европейских стран, сохранивших немецкие поселения. В начале 50-х гг., в процессе сталинской коллективизации, 40 тыс. румынских «кулаков» из швабов Баната было сослано. Венгрия в 1952 г., а СССР — в 1956 г. объявили о так называемых «амнистиях» немцам; они были освобождены от обвинений в сотрудничестве с нацистами. В СССР, правда, и после амнистии 1964 г. немцам не разрешали селиться на прежних землях⁹⁹¹.

ЭПИЛОГ

История Германии в Средние века и в Новое время характеризовалась уникальным сочетанием партикуляризма и авторитаризма, что наложило на немецкую политическую культуру отпечаток, сохранивший значение к 1933 г. Вместе с тем, Германия (после объединения в 1871 г.) стала составной частью системы европейских держав и общеевропейских политических движений и на себе испытала воздействие общих для всей Европы интенций.

В новейшее время два основополагающих ориентира господствуют в прогрессистском политическом мышлении Европы: изменения и улучшения. Ради этих изменений к лучшему велась борьба с неудовлетворительным положением вещей, с традицией, в конечном счете идея прогресса оправдывала и революцию. Только вульгарный исторический материализм отвергал силу подобных идей и объяснял их замаскированными материальными интересами. Может быть, без помощи социальных сил политические идеи и остаются мертворожденными, но очевидно, что силы эти слепы и неуправляемы, пока не облекаются в идеи. Идея прогресса была одной из самых важных для новой истории.

Однако идея прогресса изначально предполагала и мирное его распространение, обещавшее полное решение политических проблем. Столкновение между мирным путем расширения прогресса, постепенной либерализацией общества и революционной реализацией идеи прогресса впервые произошло в конце XIX в. Эта двусмысленность идеи прогресса нашла свое наиболее полное отражение в утверждении, что война является мотором прогресса и более всего способствует экономическим, научным и моральным изменениям в обществе («белый революционер» Бисмарк именно вследствие войны осуществил казавшееся тогда прогрессивным объединение Германии). Более того — войну рассматривали не как катастрофу, а как возможность утвердить мужественность, жертвенность и другие человеческие добродетели.

Кроме того, существует и другое противоречие в понятии прогресса — либеральные демократы, например,

видели самый существенный признак прогресса в распространении личной свободы и в возможностях развития индивидуальности человека. Но существует и представление о прогрессе как об усилении и расширении власти. Эту амбивалентность понятия прогресса можно свести к формуле: прогресс как развитие **свободы личности** и прогресс как **развитие власти**. К первой части этой формулы относится идейное наследие и мысли физиократа Анн Тюрго, политэконома Адама Смита, отцов-основателей США, просветителя Жана Кондорсе, экономиста Томаса Мальтуса, философа Иммануила Канта, философа и экономиста Джона Стюарта Милля, социолога Герберта Спенсера. Вторая часть нашей формулы представлена идеями Руссо, Фихте, Гегеля, Сен-Симона, Конта, Маркса и Гобино, которые противопоставили прогрессистскому индивидуализму доктрины этатизма, национализма, социалистического утопизма и расизма. Либералам XIX в. казалось, что эти идеи отжили свое, по крайней мере, никто из крупных мыслителей не предвидел расцвета национализма, но в XX в. произошел невиданный его подъем. Главные аргументы для обеих частей формулы предоставляла моральная философия, ибо политическая теория — это ветвь моральной философии, начинающаяся с применения моральных категорий к политическим отношениям.

Катаклизм идей обозначился еще на рубеже веков, когда вследствие противоречий между подходами к прогрессу и возникла угроза сведения последнего к абсурду. Примером этому, помимо Советской России, стал германский Третий Рейх, в котором с наибольшей последовательностью воплотились все признаки этатизма и доведенных до абсурда национализма, расизма и социализма. Эта абсурдность, однако, не является очевидной и явной, поскольку в нынешней политической действительности взял верх некий синтез обоих ориентиров прогрессистского мышления. Этот синтез предполагает использование (в различных пропорциях) обоих составляющих прогрессистского мышления. В каких долях происходит это смешение — зависит от политической культуры общества и конкретных исторических обстоятельств. Идея конституционного правительства, ответственного перед образо-

ванными и уверенными в себе гражданами, чьи права ясно определены и защищены, стала программой либерализма XIX в. Тем не менее, ее развитию в Европе мешала политическая отсталость, чрезмерное уважение законной власти, укоренившаяся привычка к повиновению и опасения, что конституционное правительство будет чем-то ненациональным. Вследствие немецкого антизападного аффекта это было особенно актуально для Германии. Кроме того, для Германии, как и для всех европейских держав, XX в. стал веком масс: те, кто управляет смогли прямо обращаться к тем, кем они управляют — газеты, радио и кино создали новые возможности управления. Умение убеждать массы стало необходимым свойством политиков, а технология этого искусства тщательно изучалась и применялась как в демократических государствах, так и в тоталитарных режимах. Естественно, в новых условиях старые элиты, обладавшие финансовыми и экономическими привилегиями, почувствовали тревогу. В странах с сильными демократическими традициями энергия масс могла быть направлена в положительную сторону благодаря модификации представительских институтов (так это было в США, Англии и Франции) и расширению демократии. В условиях же авторитарной традиции сделать это было по разным причинам невозможно. Поэтому призрак тоталитарной революции — наподобие советской — витал над Европой. Многие политики и простые люди на Западе, особенно в Германии, сомневались в прочности демократических институтов перед лицом большевистского переворота. Сейчас понятно, что «левую» угрозу преувеличивали, но в первой трети XX в. это не было очевидно.

В этой связи следует указать, что в Германии после 1933 г. переход к тоталитарной модели развития государства и общества был существенно облегчен тем, что эта страна была наследницей самого успешного среди европейских государств авторитаризма, фундамент которого был заложен еще при Фридрихе II и затем закреплен при Бисмарке. Нигде в мире авторитарный принцип власти не был столь эффективным как в Германии — собственно, именно благодаря ему и произошло образование немецкого национального государства. Харизма Гитлера не

в последнюю очередь основывалась на образе поведения «верховного владыки», небюрократический образ действий которого более всего напоминал старые времена. Эта харизма опиралась на атавистические инстинкты все еще находившегося под сильным династическим влиянием общества — не случайно малограмотные советские фольксдойч считали Гитлера новым германским кайзером. Как писал американский историк Крейг, «нахождение у власти Адольфа Гитлера стал для него поводом утверждать, что только он один способен вернуть утраченные честь и славу немецкой нации — это и привлекло легковверных немцев»⁹⁹².

Этой эффективной и пользовавшейся поддержкой в немецком обществе властью нацисты злоупотребили, извратив ее сущность во многих отношениях, поскольку «фюрерское государство» не соответствовало прежнему немецкому государственному опыту и традиции. Эти последние характеризовались высокой степенью ответственности государственных мужей, уважением буквы и духа закона и консервативной лояльностью. Нацисты не отменили конституцию Веймарской республики, гарантировавшую, между прочим, свободу вероисповедания и политические свободы. Но при этом высшим законом в Третьем Рейхе стала воля фюрера и интересы «народной общности», которые формулировал тот же фюрер — каким образом он вникал в существо этих интересов, объяснить было невозможно, поэтому власть приобретала непостижимый для простых людей смысл. При этом особое значение в процессе приобщения к фюрерскому государству имела национальная укорененность, принадлежность к народу, мистическая и магическая «национальная общность».

Нацистское государство было фикцией, обманом, поскольку на место прежнего твердого принципа разделения властей, ясного разделения полномочий и жесткого соблюдения законности пришла безграничная «борьба компетенций» различных ведомств, создававшихся по произволу Гитлера. В результате возникло государство, которое внешне было тоталитарным, а по своей внутренней сути — царством анархического произвола, лишенным возможности самостоятельного (без внешнего вмешательства)

внутреннего обновления и оздоровления. В этом, собственно, и состоит главная причина поражения нацистской Германии в войне.

Внутренняя неустойчивость и анархия компетенций в Третьем Рейхе соответствовали положению в обществе, которое стало объектом бонапартистской политики власти, боявшейся утратить симпатии народа. Поэтому нет ничего парадоксального в том, что в демократических странах Запада (не говоря об СССР) требования властей к народу и жертвы народа на алтарь победы были несравненно большими, чем те, которых требовали от народа в Третьем Рейхе. Такое положение объясняется неуверенностью власти в Третьем Рейхе и желанием постоянно подчеркивать значение социальной политики. В войну это стало особенно ясно — война, как известно, это продолжение политики другими средствами, и для Гитлера война с Советским Союзом была осуществлением видения обширной территориальной экспансии немецкого народа с целью обеспечения его долгосрочной экономической безопасности и одновременно реализацией возможности постоянного расового обновления. Общая картина этого видения во время войны претерпевала некоторые изменения, под влиянием актуальной политики и реалий происходили переносы акцентов, но смысл оставался прежним.

Можно утверждать, что культивированная нацистами «национальная общность» в Третьем Рейхе была создана, и вплоть до конца войны всевозможными средствами ее удавалось поддерживать. Понятие «национальная общность» не было только пропагандистской фразой для прикрытия продолжающих существовать классовых противоречий. Этому понятию соответствовала долгое время игнорируемая историками социальная реальность Третьего Рейха. Хотя социальное устройство в обычных условиях рыночной системы должно соответствовать экономическому устройству общества, в условиях тоталитарного режима оно может модифицироваться в довольно широком диапазоне в соответствии с идеологическими установками или целями политического руководства. Это видно из материалов второй части данной работы.

Так, в большинстве своем молодежь позитивно воспринимала ГЮ: ведь государство было внимательно к ее

нуждам; строилось много стадионов и спортивных залов, существовала система социальной помощи молодежи, много внимания уделялось профессиональному образованию молодых людей, существовали соревнования лучших по профессии, Закон о защите молодежи от 1938 г. улучшал положение молодых людей. Лучшими стали возможности подобрать работу по вкусу, больше возможностей и вариантов выбора появилось в сфере культурного досуга. У молодежи было чувство, что она является интегральной составной частью национал-социалистической государственной системы и вносит свой посильный вклад в создание новой национальной общности. Следовательно, утверждение о том, что в нацистские времена немецкой молодежью просто манипулировали, является полуправдой — энтузиазм и активное участие в происходящем было в высокой степени присуще молодежному движению в годы успехов нацизма. Огромное значение имело то, что ГЮ была ориентирована на ликвидацию социальных барьеров, она стремилась ввести в системе образования своеобразное равенство. ГЮ стремилась ликвидировать привилегированные аристократические студенческие союзы, излюбленным объектом нападок ГЮ были гимназии как оплот консервативной буржуазности, что, в целом, соответствовало общей антиинтеллектуальной нацеленности нацистского режима. Особенно действенным средством нацистской унификации молодежи стал конфликт поколений. Можно, конечно, критиковать примитивность и прямолинейность нацистской унификации, но критика эта будет идти мимо цели. В 30-е гг. Раймон Арон писал о нацизме, что «протест здорового жизнелюбия против утонченности и скептицизма не заслуживает ни презрения, ни иронии. Коллективная вера всегда груба, легко показать ее абсурдность, но История не признает правоты резонерствующего ума»⁹⁹³.

Крестьяне также в значительной степени подверглись новой социальной политике, главной целью которой было предотвращение урбанизации и превращение крестьян в оплот расовой политики нацистского режима. После многих столетий политической дискриминации крестьян, при нацистском режиме их, наконец, стали принимать всерьез, их общественная значимость поднялась, для них от-

крылись блестящие экономические перспективы. Радужные перспективы на деле оказались фикцией, но в силу объективных обстоятельств, а не сознательных действий нацистов. Дело в том, что развитие современной экономики неизбежно ведет к рационализации крестьянского труда, с которой несовместима аграрная романтика, какой бы сильной она ни была. Тем не менее, большинство крестьянского населения в Германии вплоть до конца Второй мировой войны поддерживало нацистский режим. И некоторое время после войны неонацизм в ФРГ более всего был распространен именно в среде бывших владельцев «наследственных дворов», потерявших беспрецедентные гарантии.

Немецкий пролетариат с его традициями классовой борьбы нацистам удалось в исторически короткий срок унифицировать и включить в «национальную общность» не столько репрессиями, сколько позитивными изменениями в положении рабочего класса в обществе, путем повышения социального статуса рабочих, а также реальными шагами по улучшению условий их жизни и труда. Рабочую политику Третьего Рейха следует характеризовать как несомненный успех нацистов, что указывает на наличие в их действиях действительной динамики, а также на их умение формулировать притягательные для рабочих цели социальной политики и реализовывать их на практике.

Нацистская женская политика свидетельствует о том, что женская мобилизация в Третьем Рейхе имела значительный масштаб и была важнейшей частью позитивного аспекта создания и культивирования национальной общности, а вместе с ней и первого в европейской истории прецедента «*welfare state*». Возможно, женская политика нацистов была несвоевременной, возможно, она не соответствовала действительным потребностям модернизации общества, но отказ от женской мобилизации в войну воспринимался в немецком обществе как проявление безусловной заботы о будущем нации и как принципиальная позиция, отходить от которой Гитлер не захотел даже под давлением военных проблем и надвигающейся катастрофы.

Особенно примечательной была нацистская среднесословная политика, так как в общественном сознании Гер-

мании нацизм первоначально был идентичен мелкой буржуазии и ее интересам. Из приведенного во второй части работы материала ясно, что ради «национальной общности» и ее интересов нацисты практически отказались от какой-либо специфической среднесословной политики. Это указывает на то, что приоритетом для них служил широко воспринимаемый «интерес всего народа», а не какой-то его части, пусть даже и сыгравшей в подъеме нацистского движения важную роль.

Если рассматривать идеологическую мобилизацию нацистами фольксдойч как часть создания «национальной общности», то и здесь гитлеровцам удалось достичь ощутимых результатов. Вследствие ловкой нацистской режиссуры, а также объективного положения дел фольксдойч довольно быстро оказались интегральной составной частью Третьего Рейха.

Социальные достижения Третьего Рейха, магия «национальной общности» не могут, однако, рассматриваться в отрыве от людоедской нацистской геополитики, экспансионизма, нацистского расизма и антисемитизма, из-за которых Германия вела себя как дикий зверь среди людей. Поэтому и «национальная общность» вследствие обскурантизма и политического авантюризма властей Третьего Рейха после войны оказалась полностью разрушенной, и преодолеть последствия этой катастрофы удалось только в ФРГ, в совершенно иных, отличных от Третьего Рейха, условиях. Современной Германией эта катастрофа была морально преодолена, и достижения современного немецкого общества в процессе строительства «*welfare state*» многократно превзошли социальные успехи, имевшие место в Третьем Рейхе.

Список сокращений

АО — AO (Auslandsorganisation NSDAP) — Иностранная отдел НСДАП.

ББГ — BBG (Gesetz zur Wiederherstellung der Berufsbeamtentum) — Закон о реставрации немецкого чиновничьего корпуса.

БДМ — BDM (Bund der deutschen Mädel) — Союз немецких девушек.

БК — В К (Bekanntniskirch) — Исповедальная церковь.

ВХВ — WHW (Winterhilfswerk) — Зимняя помощь (организация).

ГБА — GBA (Generalbevollmächtigter für den Arbeitseinsatz) — Генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы.

ГБВ — GBW (Generalbevollmächtigter für die Wirtschaft) — Генеральный уполномоченный по экономике.

ГБФ — GBV (Generalbevollmächtigter für die Reichsverwaltung) — Генеральный уполномоченный по административной части в Рейхе.

Гестапа — Gestapa (Geheimes Staatspolizeiamt) — Ведомство тайной государственной полиции (в Пруссии).

Гестапо — Gestapo (Geheimes Staatspolizei) — Тайная государственная полиция.

ГЮ — HJ (Hitler-Jugend) — Гитлер-югенд.

ДАФ — DAF (Deutsche Arbeiterfront) — Немецкий рабочий фронт.

ДК — DC (Deutsche Christen) — Немецкие христиане (пронацистская протестантская церковь).

ДФВ — DFW (Deutsche Frauenwerk) — Немецкий женский труд (организация).

КДК — KfDK (Kampfbund für deutsche Kultur) — Союз борьбы за немецкую культуру (под эгидой А. Розенберга).

КДФ — KdF (Kraft durch Freude) — «Сила через радость» (подразделение ДАФ).

Лебенсборн — Lebensborn e.V. — «Родник жизни» (интернаты СС для «арийских» детей, родившихся вне брака).

КХД — KHD (Der Kriegshilfsdienst) — Вспомогательной военной службы (подразделение РАД).

Мефо — Mefo (Metallurgische Forschungs-GmbH) — Металлургическое исследовательское общество с ограниченной ответственностью.

НАПОЛА — NAPOLA (Nationalpolitische Lehranstalten) — Национально-политическое учебное заведение.

НСБО — NSBO (Nationalsozialistische Betriebszelleorganisation) — Национал-социалистические производственные ячейки.

НСВ — NSV (Volkswohlfahrt) — Национал-социалистическое народное благосостояние (организация).

НСДАП — NSDAP (Nationalsozialistische deutsche Arbeiterpartei) — Национал-социалистическая немецкая рабочая партия.

НСДФВ — NSDFW (Nationalsozialistische Deutsche Frauenwerk) — Национал-социалистический немецкий союз женского труда (подразделение НСФ).

НСДШБ — NSDSStB (Nationalsozialistische Deutsche Studentenbund) — Национал-социалистический студенческий союз.

НСКК — NSKK (Nationalsozialistische Kraftwagenkorps) — Национал-социалистический союз автомобилистов.

НСЛБ — NSLB (Nationalsozialistische Lehrerbund) — Национал-социалистический союз учителей.

НСРБ — NSRB (Nationalsozialistische Rechtswahrerbund) — Национал-социалистический союз поборников права.

НСХАГО — NS-Hago (Nationalsozialistische Handwerks-, Handels- und Gewerbe-Organisation) — Национал-социалистическая организация ремесленников, мастеровых и торговцев.

НСФ — NSF (Nationalsozialistische Frauenschaft) — Национал-социалистические женщины (организация).

НСФО — NSFO (Nationalsozialistische Frauenorganisation) — Национал-социалистическая женская организация.

ОТ — (Organisation Todt) — «Организация Тодта»

ПО — PO (Politische Organisation) — Политическая организация (в отличие от СА, собственно политическое руководство НСДАП).

РАД — RAD (Reichsarbeitsdienst) — Имперская трудовая служба (организация).

РАФ — RAF (Royal Air Force) — Британские военно-воздушные силы.

РКФДФ — RKFDV (Reichskommissariat für die Festigung des deutschen Volkstums) — Имперский комиссариат по укреплению немецкой народности.

РМВЕФ — RMWEV (Reichsministerium für Wissenschaft, Erziehung und Volksbildung) — имперское министерство науки, воспитания и народного образования.

РНШ — RNSt. (Reichsnährstand) — Имперское продовольственное сословие (организация).

РСХА — RSHA (Reichssicherheitshauptamt) — Главное управление имперской безопасности.

РУСХА — RuSHA (Rasse und Siedlungshauptamt SS) — Расовое и переселенческое главное ведомство СС.

РЭГ — REG (Reichserbhofgesetz) — Закон о наследственных дворах (15 мая 1933 г.).

СА — SA (iSturmabteilungen) — Штурмовые подразделения.

СД — SD (Sicherheitsdienst) — Служба безопасности.

СС — SS (Schütz Staffelei) — Защитные отряды.

ТВ — TV (TotenkopfVerbände) — Подразделения «Мертвая голова»

УШЛА — Uschla (Untersuchungs- und Schlichtungsausschluß) — Следственный и арбитражный комитет НСДАП.

ФБ — Völkischer Beobachter — газета, печатный орган НСДАП.

ФОМИ — Vomi (Volksdeutsche Mittelstelle) — Посреднические бюро фольксдойч.

ЮМ — JM (Jungmädel) — Юнгмедель, девичье подразделение ГЮ.

ЮФ — JV (Jungvolk) — Юнгфольк, мальчиковое подразделение ГЮ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вообще, феномен «правых» политических симпатий молодежи в целом требует объяснения, ибо мы привыкли скорее к тому, что молодежь после Второй мировой войны чаще склонялась к левым идеям и ценностям — то ли по причине особой привлекательности для молодых и романтической возвышенности идеалов всеобщей справедливости, то ли по той причине, как указывал Сент-Экзюпери, что у левых особенно явно выражена идея исторического величия, а это особенно важно не только для молодежного движения, но и в целом для массовых политических движений в XX в.

² К слову, это то, чего совершенно не хватает современной отечественной историографии и политологии, — они, кажется, просто игнорируют проблемы советского тоталитаризма и российского империализма, — как, впрочем, и российская общественность в целом.

³ Можно представить, что нам могут принести преисподняя или небо, но никому не ведомо, что намерен делать король (англ.).

⁴ Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне Третьего Рейха против СССР. Секретные речи. Дневники. Воспоминания. М., 1996. С. 92.

⁵ *Тревор-Роупер Х. Р.* Последние дни Гитлера. СПб., 1995. С. 145.

⁶ Цит. по: *Лакер У.* Россия и Германия. Наставники Гитлера. Вашингтон, 1991. С. 387.

⁷ См.: *Lucacs J.* The Hitler of History. New York, 1998, p. XII.

⁸ *Zitelmann R.* Adolf Hitler. Gottingen, 1989. S. 10.

⁹ Цит. по: *Heer F.* Der Glaube des Adolf Hitler: Anatomie einer politischen Religiosität. Frankfurt am Main, 1968. S. 11.

¹⁰ *Kocka J.* Sozialgeschichte. Göttingen, 1977. S. 75.

¹¹ Ср.: *Джонсон П.* Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы. Т. 1. М., 1995. С. 151.

¹² Ср.: *Rauschning H.* Gespräche mit Hitler. Zürich, 1940. S. 247.

¹³ *Schramm P.* Hitler: The Man and Military Leader. Chicago, 1971, p. 31.

¹⁴Цит. по: *Мазер В.* Адольф Гитлер. Легенда, миф, реальность. Ростов-на-Дону, 1998. С. 139.

¹⁵*Maser W.* Adolf Hitler. Legende — Mythos — Wirklichkeit. München, 1974. S. 34.

¹⁶Цит. по: *Eich H.* Die unheimlichen Deutschen. Düsseldorf, 1963. S. 153.

¹⁷Ср.: *Lucacs J.* The Hitlers of History. New York, 1998. P. 95.

¹⁸*Семиряга М. И.* Коллаборационизм. С. 37.

¹⁹*Мазер В.* Адольф Гитлер. Легенда, миф, реальность. Ростов-на-Дону, 1998. С. 313.

²⁰*Мазер В.* Адольф Гитлер. Легенда, миф, реальность. Ростов-на-Дону, 1998. С. 212.

²¹См.: *Wallach J.* Adolf Hitler Privatbibliothek // Zeitgeschichte, 1992, Н., S. 29.

²²Ср.: *Lucacs J.* The Hitler of History. New York, 1998. P. 65.

²³*Raeder E.* Mein Leben. Bd. 2 Von 1935 bis Spandau 1955. Tübingen, 1957. S. 178.

²⁴*Smelser R., Syring E., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite II. Dbsseldorf, 1993. S. 142.

²⁵*Шнеер А.* Воспоминания. Смоленск, 1997. С. 322.

²⁶См.: *Линденберг К.* Технология зла. К истории становления нацизма. М., 1997. С. 34.

²⁷*Шнеер А.* Воспоминания. Смоленск, 1997. С. 128.

²⁸См.: *Lucacs J.* The Hitler of History. New York, 1998. P. 228.

²⁹*Giesler H.* Ein angerer Hitler. Leoni am Starnberger See, 1978.

³⁰Цит. по: *Равенскрофт Т.* Копье судьбы. М., 1998. С. 209.

³¹*Клемперер В.* ЛТД. Язык Третьего Рейха. Записная книжка филолога. М., 1998. С. 74.

³²Цит. по: *Крейг Г.* Немцы. М., 1999. С. 69.

³³*Равенскрофт Т.* Копье судьбы. М., 1998. С. 211.

³⁴Ср.: *Крейг Г.* Немцы. М., 1999. С. 69.

³⁵В свое время Гейне предупреждал французов, что нельзя недооценивать силу идей — философские концепции, возвращенные в тиши кабинетов, могут рушить цивилизации. Он говорил, что кантовская «Критика чистого разума» стала мечом, который обезглавил германский деизм, а работы Руссо — кровавым оружием, которое попало в руки Робеспьера и разрушило старый режим. Гейне предсказывал и то, что немецкие последователи обратят романтическую веру Фихте и Шеллинга против либеральной западной культу-

ры. Предсказание Гейне реализовалось в фигуре Гитлера. Ср.: Берлин И. Философия свободы. Европа. М., 2001. С. 123.

³⁶ Ср.: *Джонсон П.* Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы. Т. 1, М., 1995. С. 153.

³⁷ Ср.: *Крейг Г.* Немцы. М., 1999. С. 352.

³⁸ Ср.: *Winkler A.* Der Weg in die Katastrophe- Arbeiter und Arbeiterbewegung in der Weimarer Republik. Bonn, 1990. S. 194.

³⁹ *Schramm P.* Hitler: The Man and Military Leader. Chicago, 1971. P. 125.

⁴⁰ *Крейг Г.* Немцы. М., 1999. С. 69.

⁴¹ *Haffner S.* Anmerkungen zu Hitler. Muenchen, 1978. S. 29.

⁴² *Ржевская Е.* Геббельс. Портрет на фоне дневника. М., 1994. С. 156.

⁴³ См.: *Штрассер О.* Гитлер и я. Ростов-на-Дону, 1999. С. 92.

⁴⁴ *Толанд Д.* Адольф Гитлер. Т. 1. М., 1993. С. 148.

⁴⁵ Цит. по: *Сент-Экзюпери А.* Из записных книжек // Звезда. 1995. С. 128.

⁴⁶ См.: *Eich H.* Die unheimlichen Deutschen. Düsseldorf, 1963. S. 362.

⁴⁷ *Irving D.* Führer und Reichskanzler Adolf Hitler 1933—1945. Muenchen, 1989, S. 69.

⁴⁸ *Гейден К.* История германского фашизма. М.—Л., 1935. С. 63.

⁴⁹ Цит. по: *Буллок А.* Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. Т. 1. Смоленск, 1994. С. 440.

⁵⁰ *Reichel P.* Der schöne Schein des Dritten Reiches. Faszination und Gewalt des Faschismus. München, 1992. S. 336.

⁵¹ Цит. по: *Fest J.* Das Gesicht des Dritten Reiches. München, 1964. S. 35.

⁵² *Lucacs J.* The Hitler of History. New York, 1998. P. 135.

⁵³ Ср.: *Schmidt M.* Albert Speer. Das Ende eines Mythos. Bern, 1982. S. 42.

⁵⁴ *Kremp H.* Wir brauchen unsere Geschichte. Frankfurt am Main, 1988. S. 43.

⁵⁵ Ср.: *Тревор-Роупер Х. Р.* Последние дни Гитлера. СПб., 1995. С. 61.

⁵⁶ Ср.: *Der Spiegel*, 1995. N 14. S. 170.

⁵⁷ Цит. по: *Функе М.* Гитлер и вермахт. В кн: Михалка В. Вторая мировая война. С. 247.

⁵⁸ *Шнеер А.* Воспоминания. Смоленск, 1997. С. 209.

⁵⁹ Maser W. Hitler Biographie // Der Spiegel, 1973. N 19. S. 134.

⁶⁰ Гудериан Г. Воспоминания солдата. М., 1954. С. 424.

⁶¹ Цит. по: Böltken A. Führerinnen im "Führerstaat". Gertrud Scholz-Klink, Trude Mohr, Jutta Rüdiger und Inge Viermetz. Pfaffenweiler, 1995. S. 86.

⁶² Reichel P. Der schöne Schein des Dritten Reiches. Faszination und Gewalt des Faschismus. München, 1992. S. 120.

⁶³ Ср.: Schmeer K. Die Regie des öffentlichen Lebens im Dritten Reich. München, 1956. S. 21.

⁶⁴ Smelser R., Syring E., Zitelmann R. (Hg) Die braune Elite II. Düsseldorf, 1993. S. 144.

⁶⁵ Thamer H.-U. Verführung und Gewalt. Deutschland 1933—1945. Berlin, 1986. S. 118.

⁶⁶ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. С. 360.

⁶⁷ Толанд Д. Адольф Гитлер. Т. 1. М., 1993. С. 234.

⁶⁸ Начальник личной канцелярии Гитлера Филипп Булер в 1942 г. опубликовал книгу о Наполеоне, которую Гитлер читал и перечитывал. Ср.: Wistrich R. Wer war wer im Dritten Reich. Frankfurt am Main, 1987, S. 37.

⁶⁹ Peters L. Volkslexikon Drittes Reiches. Die Jahre 1933—1945 in Wort und Bild. Veröffentlichungen des Instituts für deutsche Nachkriegsgeschichte. Bd. XX. Tübingen, 1994. S. 349.

⁷⁰ Мазер В. Адольф Гитлер. Легенда, миф, реальность. Ростов-на-Дону, 1998. С. 27.

⁷¹ Мазер В. Адольф Гитлер. Легенда, миф, реальность. Ростов-на-Дону, 1998. С. 13.

⁷² Буллок А. Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. Т. 1. Смоленск, 1994. С. 450.

⁷³ Mommsen H. Der Nationalsozialismus und die deutsche Gesellschaft. Ausgewählte Aufsätze. Reinbeck bei Hamburg, 1991. S. 94.

⁷⁴ Ср.: Smelser R., Syring E., Zitelmann R. (Hg) Die braune Elite II. Düsseldorf, 1993. S. 188.

⁷⁵ Linge H. Bis zum Untergang. Als Chef des Persönlichen Dienstes bei Hitler. München, 1980. S. 31—32.

⁷⁶ Boberach H. (Hg) Meldungen aus dem Reich. Die geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1938—1945. Bd. 3, Herrsching, 1984. S. 449.

⁷⁷ Ср.: Maser W. Das Regime. Alltag in Deutschland. München, 1983. S. 234.

⁷⁸ Однажды он сказал, что если бы не война, то он бы стал величайшим в истории Германии архитектором, в другой раз он уверял, что обладает самым тонким музыкальным слухом и может на память насвистеть любую оперу Вагнера, а когда однажды сфальшивил, то заявил, что это не его ошибка, а ошибка композитора. Гитлер почитал и очень часто ссылался на Томаса Карлейля с его культом героев и героического в истории. Весьма часто он вспоминал о Фридрихе Великом, портрет которого висел в его кабинете. Биография Фридриха Великого, написанная Карлейлем, была патетическим произведением, превозносившим прусского короля. Немцы воспринимали ее как доказательство собственного национального гения; только в 1917 г. в Германии было продано 140 тысяч экземпляров этой книги. Карлейля в этом смысле можно вполне причислить к идеологическим предтечам национал-социализма и Гитлера. Ср.: Tallgren V. Hitler und die Helden. Heroismus und Weltanschauung. Helsinki, 1981. S. 62, 161. В. Мазер считал, что в целом Гитлер воспринимал историю точно так же, как идеалистическая историография XIX в., наиболее ярким представителем которой и был Карлейль. Ср.: Maser W. Adolf Hitler. Düsseldorf, 1987. S. 237.

⁷⁹ И по этой причине отверг предложение «табачного короля» Германии Филиппа Ремтсма передать большую сумму денег в личный культурный фонд Гитлера. Ср.: Irving D. Goering. Muenchen, 1987. S. 245.

⁸⁰ До 1931 г. он, правда, ежедневно выпивал 5—6 кружек пива, но, заметив, что стал полнеть, бросил пить и пиво.

⁸¹ *Шнеер А.* Воспоминания. Смоленск, 1997. С. 160.

⁸² *Heiden K.* Adolf Hitler. Ein Zeitalter der Verantwortungslosigkeit. Eine Biographie. Bd. 1. Zürich, 1936. S. 32.

⁸³ *Толанд Д.* Адольф Гитлер. Т. 2. М., 1993. С. 31.

⁸⁴ *Peters L.* Volkslexikon Drittes Reiches. Die Jahre 1933—1945 in Wort und Bild. Veröffentlichungen des Instituts für deutsche Nachkriegsgeschichte. Bd. XX. Tübingen, 1994. S. 350.

⁸⁵ Ср.: *Fest I.* Das Gesicht des Dritten Reiches. München, 1964. S. 71.

⁸⁶ Ганза (нем. Hanse), торговый и политический союз северонемецких городов в XIV (окончательное оформление) — XVI вв. (формально до 1669) во главе с Любеком. Ганзе, осуществлявшей посредническую торговлю между Зап., Сев. и Вост. Европой, принадлежала торговая гегемония в

Сев. Европе. В Ганзу входило до 100 городов, в т. ч. Ревель (Таллинн), Дерпт (Тарту), Рига и др. С кон. XV в. начался упадок Ганзы.

⁸⁷ Ср.: *Klemperer V.* Ich will Zeugniß ablegen bis zum letzten. Tagebücher 1942—1945. Berlin, 1996. S. 576.

⁸⁸ *Rauschning H.* Gespräche mit Hitler. Zürich, 1940. S. 215.

⁸⁹ Кого бог решает погубить, того он лишает разума (лат.)

⁹⁰ Ср.: *Steinert M.* Hitler. München, 1994. S. 201.

⁹¹ *Steinert M.* Hitler. München, 1994. S. 203.

⁹² *Arendt H.* Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft. Frankfurt am Main, 1955. S. 262.

⁹³ По всей видимости, во внутренней слабости и расплывчатости итальянского фашизма виновато как раз это отсутствие четко артикулированного и пропагандистски разработанного образа врага.

⁹⁴ См.: *Пленков О. Ю.* Мифы нации против мифов демократии. СПб., 1997, passim.

⁹⁵ *Maser W.* Adolf Hitler: Legende, Mythos, Wirklichkeit. München, 1971. S. 263.

⁹⁶ Ср.: *Lucacs J.* The Hitler of History. New York, 1998. P. 184.

⁹⁷ *Heim H, Jochmann W.* (Hg) Hitler: Monologe im Führerhauptquartier. Hamburg, 1980. S. 239.

⁹⁸ Ср.: *Kroll F.-L.* Geschichte und Politik im Weltbild Hitlers // Vierteljahrshäfte für Zeitgeschichte, 1996. Jg. 44. H. 3. S. 329.

⁹⁹ *Gamm H.-J.* Derbraune Kult. Hamburg, 1962. S. 187.

¹⁰⁰ *Kroll F.-L.* Geschichte und Politik im Weltbild Hitlers // Vierteljahrshäfte für Zeitgeschichte, 1996. Jg. 44. H. 3, S. 343.

¹⁰¹ *Demand A.* Klassik als Klischee: Hitler und die Antike // Historische Zeitschrift. 2002. Bd. 274. H. 2. S. 293.

¹⁰² *Demand A.* Klassik als Klischee. S. 294.

¹⁰³ *Kroll F.-L.* Geschichte und Politik im Weltbild Hitlers // Vierteljahrshäfte für Zeitgeschichte, 1996. Jg. 44. H. 3. S. 347.

¹⁰⁴ *Hitler A.* Reden, Schriften, Anordnungen. Bd. II, München, 1992. S. 393.

¹⁰⁵ *Ржевская Е.* Геббельс. Портрет на фоне дневника. М., 1994. С. 121.

¹⁰⁶ Цит. по: *Энтин Д.* Теория заговоров и конспиративистский менталитет // Новая и новейшая история, 2000. № 1. С. 75.

¹⁰⁷ Ср.: *Энтин Д.* Теория заговоров и конспиративистский менталитет // Новая и новейшая история, 2000. № 1. С. 79.

- ¹⁰⁸ *Haffner S.* Anmerkungen zu Hitler. München, 1978. S. 85.
- ¹⁰⁹ *Dusik B.* (Hg) Adolf Hitler. Reden, Schriften, Anordnungen. Bd. II. München, 1992. S. 396.
- ¹¹⁰ *Фест И.* Гитлер. Биография. Т. 2. Пермь, 1993. С. 12.
- ¹¹¹ См.: *Zietelmann R.* Hitler. Selbstverständnis eines Revolutionärs. Hamburg, 1987. S. 463.
- ¹¹² *Друела Рошель П.* Фашистский социализм. СПб., 2001. С. 88.
- ¹¹³ Цит. по: *Der Spiegel*, 1966. N 33. S. 45.
- ¹¹⁴ Ср.: *Фест И.* Гитлер. Биография. Т. 2. Пермь, 1993. С. 10.
- ¹¹⁵ Ср.: *Nolte E.* Der Europäische Bürgerkrieg 1917—1945. Nationalsozialismus und Bolschewismus. Berlin, 1989. S. 21. *Linge H.* Bis zum Untergang. Als Chef des Persönlichen Dienstes bei Hitler. Muenchen, 1980. S. 103.
- ¹¹⁶ Цит. по: *Блок М.* Странное поражение. М., 1999. С. 168.
- ¹¹⁷ Ср.: *Zietelmann R.* Selbstverständnis eines Revolutionärs. Hamburg, 1987, passim.
- ¹¹⁸ Цит. по: *Höhne H.* Der Orden unter dem Totenkopf. Die Geschichte der SS. Augsburg, 1992. S. 376—377.
- ^{1,9} *Haffner S.* Anmerkungen zu Hitler. München, 1978. S. 60.
- ¹²⁰ *Lukacz J.* Die Entmachtung Europas. Der letzte europäische Krieg 1939—1941. Stuttgart, 1978. S. 356.
- ¹²¹ *Scheuch M.* Hitler oder Die Faszination des Bösen // *Europaеische Rundschau*, 1999. N 3. S. 130.
- ¹²² Ср.: *Борозняк А. И.* Искупление. Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого? М., 1999. С. 80.
- ¹²³ Цит. по: *Ржевская Е.* Геббельс. Портрет на фоне дневника. М., 1994. С. 186.
- ¹²⁴ Цит. по: *Irving D.* Führer und Reichskanzler Adolf Hitler 1933-1945. München, 1989. S.63.
- ¹²⁵ Ср.: *Bracher K.-D.* Die deutsche Diktatur. S. 37.
- ¹²⁶ *Moll M.* (Hg) Führer — Erlasse, 1939—1945. Stuttgart, 1997, passim.
- ¹²⁷ *Kershaw I.* Hitler 1889-1936. Stuttgart, 1998. S. 27.
- ¹²⁸ *Weizsäcker E.* von Erinnerungen. München, 1950. S. 202.
- ¹²⁹ *Mommsen H.* Der Nationalsozialismus und die deutsche Gesellschaft. Ausgewählte Aufsätze. Reinbeck bei Hamburg, 1991. S. 81.
- ¹³⁰ *Broszat M.* Der Staat Hitlers. Grundlegung und Entwicklung seiner inneren Verfassung. München, 1969. S. 43.

¹³¹ Ср.: *Reichel P.* Der schöne Schein des Dritten Reiches. Faszination und Gewalt des Faschismus. München, 1992, S. 114.

¹³² В 1975 г. на вопрос, как она относится к своему прошлому и к Гитлеру, Винифред Вагнер ответила, что если бы в один прекрасный момент Гитлер вошел к ней, она, как это было много лет назад, была бы ему рада. См.: *Der Spiegel*, 2001. №21. S. 170. И это несмотря на то, что Вагнер осуждал антисемитизм и сама спасла жизнь некоторым еврейским музыкантам...

¹³³ *Linge H.* Bis zum Untergang. Als Chef des Persönlichen Dienstes bei Hitler. München, 1980. S. 132.

¹³⁴ *Толанд Д.* Последние 100 дней Рейха. Смоленск, 2001. С. 152.

¹³⁵ Ср.: *Kershaw I.* Der Nationalsozialistische Staat. Geschichtsinterpretationen und Kontroversen in Überblick. Reinbeck bei Hamburg, 1988. S. 147.

¹³⁶ Ср.: *Diehl-Thiele P.* Partei und Staat im Dritten Reich. München, 1969. S. 8.

¹³⁷ *Buchheim H.* Totalitäre Herrschaft. München, 1962. S. 109.

¹³⁸ *Kershaw I.* Hitler: Profile in Power. New York, 1991. P. 194.

¹³⁹ Ср.: *Jäckel E.* Hitlers Weltanschauung. Entwurf einer Herrschaft. Tübingen, 1969. S. 99.

¹⁴⁰ *Broszat M.* Der Staat Hitlers. Grundlegung und Entwicklung seiner inneren Verfassung. München, 1978. S. 391.

¹⁴¹ Ср.: *Diehl-Thiele P.* Partei und Staat im Dritten Reich. München, 1969. S. 20.

¹⁴² *Arendt H.* Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft. S. 606.

¹⁴³ *Steinert M.* Hitler. München, 1994. S. 323.

¹⁴⁴ Ср.: *Thamer H.-U.* Verführung und Gewalt. Deutschland 1933-1945. Berlin, 1986. S. 343.

¹⁴⁵ Ср.: *Kershaw I.* Der nationalsozialistische Staat. Geschichtsinterpretationen und Kontroversen. Reinbeck b.H., 1988. S. 18.

¹⁴⁶ Ср.: *Nolte E.* Streitpunkte. Heutige und künftige Kontroversen um den NS. Berlin, 1993. S. 175.

¹⁴⁷ *Smelser R., Syring E., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite II. Düsseldorf, 1993. S. 240.

¹⁴⁸ *Дэвидсон Ю.* Суд над нацистами. Смоленск, 2001. С. 87.

¹⁴⁹ *Шнеер А.* Воспоминания. Смоленск, 1997. С. 132.

¹⁵⁰ *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. С. 368.

¹⁵¹ Mommsen H. Der Nationalsozialismus und die deutsche Gesellschaft. Reinbeck/Hamburg, 1991. S. 68.

¹⁵² Bracher K.-D. Zeitgeschichtliche Kontroversen. Um Faschismus, Totalitarismus, Demokratie. München, 1976. S. 85.

¹⁵³Ср.: Steiner M. G. Hitlers Krieg und die Deutschen. Stimmung und Haltung der deutschen Bevölkerung im Zweiten Weltkrieg. Düsseldorf, 1970. S. 431.

¹⁵⁴ Mommsen H. Der Nationalsozialismus und die deutsche Gesellschaft. Reinbeck/Hamburg, 1991. S. 70.

¹⁵⁵ Ср.: Irving D. Führer und Reichskanzler Adolf Hitler 1933—1945. München, 1989, S. 685. Геббельс вслед за фюрером также лестно отзывался о Сталине в своих дневниках: «Сталин — в высшей степени продувной и хитрый крестьянин, для которого цель оправдывает средства. Насколько жалким по сравнению с ним выглядит дуче, который сейчас в газетах заявляет, что фашизм намерен вернуться к двухпартийной системе. Это — новая причуда совершенно выбившегося из колеи фашистского интеллектуала, который в данной стадии войны ко всему прочему намерен еще и распрощаться со своими принципами». См.: Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне Третьего Рейха против СССР. Секретные речи. Дневники. Воспоминания. М., 1996. С. 426.

¹⁵⁶ Irving D. Führer und Reichskanzler Adolf Hitler 1933—1945. München, 1989. S. 699.

¹⁵⁷Цит. по: Фест И. Гитлер. Биография. Т. 1. Пермь, 1993. С. 31.

¹⁵⁸Буллок А. Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. Т. 2. Смоленск, 1994. С. 508.

¹⁵⁹Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне Третьего Рейха против СССР. Секретные речи. Дневники. Воспоминания. М., 1996. С. 66.

¹⁶⁰Haffner S. Anmerkungen zu Hitler. München, 1978. S. 60.

¹⁶¹Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. С. 372.

¹⁶² Цит по: Wallmann J. Gottfried Benn. Mühlacker, 1965. S. 57.

¹⁶³Steinert M. Hitler. München, 1994. S. 215.

¹⁶⁴Hitler A. Mein Kampf. S. 431.

¹⁶⁵Steinert M. Hitler. S. 246.

¹⁶⁶Zitelmann R. Hitler. Selbstverständnis eines Revolutionärs. S. 363.

¹⁶⁷ Zitelmann R. Hitler. S. 1048.

¹⁶⁸ Zitelmann R. Hitler. S. 359.

¹⁶⁹ Steinen M. Hitler. S. 218.

¹⁷⁰ Eitler A. Mein Kampf. S. 643.

¹⁷¹ Ср.: Rauschning H. Gespräche mit Hitler. S. 169 ff.

¹⁷² Rauschning H. Gespräche mit Hitler. S. 171.

¹⁷³ Rauschning H. Gespräche mit Hitler. S. 171.

¹⁷⁴ Wagener O. Hitler aus nächster Nähe. Aufzeichnungen eines Vertrauten. Hrsg. Von H.A. Turner. Frankfurt am Main. 1978, passim.

¹⁷⁵ Wagener O. Hitler aus nächster Nähe. S. 289.

¹⁷⁶ Ср.: Lucacs J. The Hitler of History. New York, 1998. P. 210.

¹⁷⁷ Под этим термином сами нацисты понимали сложный процесс переговоров и интриг, в котором сами гитлеровцы не обязательно имели инициативу, поэтому политические перспективы нацизма не всегда были ясными: был момент, когда Гитлер даже размышлял о самоубийстве вследствие отсутствия какой-либо перспективы.

¹⁷⁸ Arendt H. Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft. Frankfurt am Main, 1955. S. 488-489.

¹⁷⁹ Цит. по: Arendt H. Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft. S. 489.

¹⁸⁰ Hoegner W. Flucht vor Hitler. Erinnerungen an die Kapitulation der ersten deutschen Republik. München, 1977. S. 126.

¹⁸¹ Ibid. S. 127.

¹⁸² Weiss H. Ideologie der Freizeit im Dritten Reich. In: Archiv für Sozialgeschichte, 1993. Bd. 33. S. 291.

¹⁸³ Herbst L. Die nationalsozialistische Deutschland 1933—1945. S. 65.

¹⁸⁴ Herbst L. Die nationalsozialistische Deutschland 1933—1945. S. 65.

¹⁸⁵ Ср.: Frei N. Der Führerstaat. Nationalsozialistische Herrschaft 1933 bis 1945. München, 1989. S. 175.

¹⁸⁶ Ср.: Rebenisch D. Führerstaat und Verwaltung im Zweiten Weltkrieg. Verfassungsentwicklung 1939—1945. Stuttgart, 1989, passim.

¹⁸⁷ Arendt H. Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft. S. 606.

¹⁸⁸ Ср.: Buchheim H. Anatomie des SS-Staates. Bd. 1. Olten, 1965. S. 28.

¹⁸⁹ Ср.: Fest J. Das Gesicht des Dritten Reiches. München, 1964. S. 69.

¹⁹⁰ *Hitler A.* Mein Kampf. Bd. 1. S. 60.

¹⁹¹ *Hitler A.* Mein Kampf. Bd. 1. S. 65-66.

¹⁹² Ср.: *Arendt H.* Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft. S. 750.

¹⁹³ *Maser W.* Deutschland. Traum oder Trauma. Kein Requiem. München, 1984. S. 397.

¹⁹⁴ *Maser W.* Das Regime. S. 319.

¹⁹⁵ Цит. по: *Аникеев А. А., Кольга Г. И., Нуховская Н. Е.* НСДАП. Идеология, структура и функции. Ставрополь, 2000. С. 117.

¹⁹⁶ *Herbst L.* Die nationalsozialistische Deutschland 1933—1945. S. 68.

¹⁹⁷ Немцы шутили, что рейхстаг — это самый высокооплачиваемый хор в мире: собираются раз в год, поют национальный гимн и получают за это весьма приличную зарплату.

¹⁹⁸ *Mommsen H.* Der Nationalsozialismus und die deutsche Gesellschaft. Ausgewählte Aufsätze. Reinbeck bei Hamburg, 1991. S. 67.

¹⁹⁹ Gutachten des Instituts für Zeitgeschichte. München, 1958. S. 315.

²⁰⁰ *Jäckel E.* Das deutsche Jahrhundert. Eine historische Bilanz. Stuttgart, 1996. S. 173.

²⁰¹ Ср.: *Thamer H.-U* — Verführung und Gewalt. Deutschland 1933-1945. Berlin, 1986. S. 69.

²⁰² Цит. по: *Knoll J.* Консервативное Кризисное сознание на конце Веймарской Республики // *Deutsche Rundschau*, 1961. N 10. S. 938.

²⁰³ Totenkopf und Treue. Heinrich Himmler ohne Uniform. Aus den Tagebuchblättern des finnischen Медиинрата F. Kersten. Hamburg, o. J. S. 383.

²⁰⁴ *Nolte E.* Streitpunkte. Heutige und künftige Kontroversen um den NS. Berlin, 1993. S. 170.

²⁰⁵ Ср.: *Jäckel E.* Das deutsche Jahrhundert. Eine historische Bilanz. Stuttgart, 1996. S. 179.

²⁰⁶ Ср.: *Goehring M.* Bismarcks Erben 1890—1945. Deutschlands Weg von Wilhelm II bis Adolf Hitler. Wiesbaden, 1959. S. 247.

²⁰⁷ *Herbst L.* Die nationalsozialistische Deutschland 1933—1945. S. 67.

²⁰⁸ *Diehl-Thiele P.* Partei und Staat im Dritten Reich. München, 1969. S. 125.

²⁰⁹ Во время избирательной кампании погибло 16 нацистов; жертвы их противников были более значительными — 51 человек.

²¹⁰ *Jäckel E.* Das deutsche Jahrhundert. S. 179.

²¹¹ *Diehl-Thiele P.* Partei und Staat im Dritten Reich. München, 1969. S. 39.

²¹² *Maser W.* Deutschland. Traum oder Trauma. Kein Requiem. München, 1984. S. 394.

²¹³ *Thamer H.-U* — Verführung und Gewalt. Deutschland 1933-1945. Berlin, 1986. S. 260.

²¹⁴ *Frei N.* Der Führerstaat. Nationalsozialistische Herrschaft 1933 bis 1945. München, 1989. S. 176.

²¹⁵ *Diehl-Thiele P.* Partei und Staat im Dritten Reich. München, 1969. S. 42.

²¹⁶ Цит. по: *Glum F.* Der Nationalsozialismus. München, 1962. S. 224.

²¹⁷ *Maser W.* Das Regime. Alltag in Deutschland. München, 1983. S. 29.

²¹⁸ *Bracher K.-D.* Die deutsche Diktatur. Köln, 1969. S. 379.

²¹⁹ *Neesse G.* Die Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei. Geschichte, Aufbau, Stellung. In: Das Dritte Reich im Aufbau. Berlin, 1941. Bd. 5. S. 134.

²²⁰ Ср.: *Maser W.* Das Regime. Alltag in Deutschland. München, 1983. S. 27.

²²¹ Ср.: *Steinert M.* Hitler. München, 1994. S. 291.

²²² Шпренгер был героем войны; в 1916 г. он получил баварскую золотую медаль за храбрость, к которой полагалась пенсия. Из 3 миллионов баварских солдат ею были отмечены только 1003 человека, и она считалась баварской *Pour le Mérite*. Ветеранское прошлое придавало ему дополнительный вес в партии. Ср.: *Zibell S.* Der Gauleiter Jakob Sprenger und sein Streben nach staatlicher Macht im Gau Hessen-Nassau. Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 2001. N 5. S. 392.

²²³ Цит. по: *Diehl-Thiele P.* Partei und Staat im Dritten Reich. München, 1969. S. 200.

²²⁴ *Broszat M.* Der Staat Hitlers. S. 152.

²²⁵ *Шнееп А.* Воспоминания. Смоленск, 1997. С. 302.

²²⁶ *Kater M.* The Nazi Party. A social profile of members and leaders 1919-1945. Harvard, 1983. P. 195.

²²⁷ *Thamer H.-U* — Verführung und Gewalt. S. 146.

²²⁸ *Smelser R., Syring F., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite II. Düsseldorf, 1993. S. 61.

- ²²⁹ *Smelser R., Syring E., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite II. S. 62.
- ²³⁰ *Smelser R., Syring E., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite II. S. 259, 262.
- ²³¹ Cp.: *Kershaw I.* Der Nationalsozialistische Staat. Geschichtsinterpretationen und Kontroversen in Überblick. Reinbeck bei Hamburg, 1988. S. 147.
- ²³² *Smelser R., Syring E., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite II. S. 262.
- ²³³ Буллок А. Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. Смоленск, 1994. Т. 2. С. 9.
- ²³⁴ *Dietrich O.* 12 Jahre mit Hitler. München, 1955. S. 127.
- ²³⁵ Цит. по: *Broszat M.* Der Staat Hitler. München, 1969. S. 159.
- ²³⁶ *Goebbels J.* Tagebücher aus den Jahren 1942—43. Zürich, 1948. S. 243.
- ²³⁷ См.: *Nolte E.* Streitpunkte. Heutige und künftige Kontroversen um den NS. Berlin, 1993. S. 175.
- ²³⁸ *Nolte E.* Streitpunkte. S. 177.
- ²³⁹ *Nolte E.* Streitpunkte. S. 178.
- ²⁴⁰ *Arendt H.* Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft. S. 641.
- ²⁴¹ *Rebentisch D.* Führerstaat und Verwaltung im Zweiten Weltkrieg. Stuttgart, 1989. S. 552.
- ²⁴² *Rebentisch D.* Führerstaat und Verwaltung im Zweiten Weltkrieg. S. 128.
- ²⁴³ *Rebentisch D.* Führerstaat und Verwaltung im Zweiten Weltkrieg. S. 536.
- ²⁴⁴ *Тревор-Поупер Х. Р.* Последние дни Гитлера. СПб., 1995. С. 79.
- ²⁴⁵ Cp.: *Ruck M.* Führerabsolutismus und polykratisches Herrschaftsgefüge — Verfassungsstrukturen des NS-Staates. In: Bracher K. D., Funke M., Jacobsen H.-A. (Hg) Deutschland 1933—1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. Bonner Schriften zur Politik und Zeitgeschichte, Bd. 23, Düsseldorf, 1992. S. 40.
- ²⁴⁶ *Picker H.* Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier 1941 — 1942. Stuttgart, 1963. S. 171.
- ²⁴⁷ Hannah Arendt, цит. по: *Hecht I.* Sühne, nicht Rache // Die Neue Gesellschaft, 1996. N 4. S. 370.
- ²⁴⁸ СС от нем. *der Schutz-Staffel* — подразделение защиты, в отличие от СА — от нем. *die Sturmabteilung* — штурмовой отряд.

- ²⁴⁹ См.: *Höhne H.* Der Orden unter dem Totenkopf. Die Geschichte der SS. Augsburg, 1992. S. 7.
- ²⁵⁰ Ср.: *Höhne H.* Der Orden unter dem Totenkopf. S. 126.
- ²⁵¹ *Мельников Д., Черная Л.* Империя смерти. С. 14.
- ²⁵² *Steinert M.* Hitler. München, 1994, S. 303.
- ²⁵³ Ср.: *Kogon E.* Der SS-Staat. Das System der deutschen Konzentrationslager. Frankfurt am Main, 1959. S. 21.
- ²⁵⁴ См.: *Fest J.* Das Gesicht des Dritten Reiches. S. 139.
- ²⁵⁵ *Smelser R., Syring E.* (Hg) Die SS: Elite unter dem Totenkopf. Paderborn, 2000. S. 215.
- ²⁵⁶ Любопытно, что аббревиатуру «гестапо» придумал для удобства один почтовый служащий.
- ²⁵⁷ *Höhne H.* Der Orden unter dem Totenkopf. S. 8—9.
- ²⁵⁸ *Höhne H.* Der Orden unter dem Totenkopf. S. 16.
- ²⁵⁹ Цит. по: *Höhne H.* Der Orden unter dem Totenkopf. S. 16.
- ²⁶⁰ *Höhne H.* Der Orden unter dem Totenkopf. S. 387.
- ²⁶¹ Ср.: *Шнеер А.* Воспоминания. С. 429.
- ²⁶² *Smelser R., Syring E., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite II. S. 61.
- ²⁶³ Любопытно, что в переводе с немецкого *der Schreck* — это «ужас, страх»: невольно в голову приходит латинская поговорка «*nomen est omen*» (имя — это предзнаменование)... Впрочем о том, что СС со временем стал самым могущественным подразделением партии, ужасом Европы, при основании СС не догадывались ни организаторы, ни сам Гитлер. Пример взлета СС как раз свидетельствует об аппаратном «дарвинизме», присутствующем нацистскому движению.
- ²⁶⁴ *Thamer H.-U.* Verführung und Gewalt. S. 134.
- ²⁶⁵ Ср.: *Шелленберг В.* Секретная служба Гитлера. Смоленск, 1991. С. 38.
- ²⁶⁶ *Шнеер А.* Воспоминания. С. 496.
- ²⁶⁷ *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. С. 266.
- ²⁶⁸ Цит. по: *Arendt H.* Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft, S.
- ²⁶⁹ Ср.: *Frei N.* Der Führerstaat. München, 1989. S. 196.
- ²⁷⁰ *Тревор-Поупер Х. Р.* Последние дни Гитлера. СПб., 1995. С. 109.
- ²⁷¹ *Wulf J.* Martin Bormann — Hitlers Schatten. Gütersloh, 1962. S. 9.
- ²⁷² Цит. по: *John M. Steiner:* Über das Glaubensbekenntnis der SS. In: Bracher K. D., Funke M., Jacobsen H.-A. (Hg): Natio-

nalsozialistische Diktatur. 1933—1945. Eine Bilanz. Düsseldorf, 1983. S. 207.

²⁷³ Шелленберг передавал, что во время допроса генерала фон Фрича по поводу его мнимого гомосексуализма Гимлер усадил в соседней комнате 12 (!) эсэсовских офицеров и приказал им сосредоточить свои мысли на обвиняемом генерале и таким образом с помощью внушения заставить его говорить правду. Ср.: Шелленберг В. Секретная служба Гитлера. Смоленск, 1991. С. 15.

²⁷⁴ *Тревор-Роупер Х. Р.* Последние дни Гитлера. СПб., 1995. С. 114.

²⁷⁵ *Уильямсон Г.* СС — инструмент террора. Смоленск, 1999. С. 177.

²⁷⁶ *Равенскрофт Т.* Копье судьбы. М., 1998. С. 276.

²⁷⁷ *Лакер У.* Черная сотня. Происхождение русского фашизма. М., 1994. С. 173.

²⁷⁸ *Der Spiegel*, 1960. N 20. S. 49.

²⁷⁹ Ср.: *Steiner F.* Die Armee der Geächteten. Göttingen, 1963. S. 59.

²⁸⁰ Общие отряды были своего рода клубом нацистской элиты: сам факт членства в них расчищал путь для успешной карьеры, пребывание в общих отрядах считалось общественной деятельностью и не требовало отрыва от основной работы. Общие отряды должны были обеспечить связи, деньги и престиж. Принеся клятву безоговорочной верности Гитлеру и объявив целью своей жизни беспощадное истребление всякой крамолы, каждый член этих отрядов чувствовал себя представителем особого ордена и становился активным носителем террора; он следил за поведением окружающих и широко пользовался правом привлекать карательные органы. Выполнив со временем свою функцию и не будучи формально упраздненными, общие СС выродились в ничего не значащую организацию; 60% их состава ушли в армию, а остатки по положению в нацистском обществе ничем не отличались от уцелевших ветеранов СА или НСКК (национал-социалистический корпус автомобилистов).

²⁸¹ *Kersten F.* Totenkopf und Treue. Hamburg, 1952. S. 229.

²⁸² Ср.: *Böltken A.* Führerinnen im «Führerstaat». Gertrud Scholz-Klink, Trude Mohr, Jutta Rüdiger und Inge Viermetz. Pfaffenweiler, 1995. S. 106—107.

²⁸³ Ср.: *Stephenson J.* Women in Nazi Society. London, 1975. P. 67.

²⁸⁴ *Steiner J. M* Über das Glaubensbekenntnis der SS. In: Bracher K. D., Funke ML, Jacobsen H.-A. (Hg): Nationalsozialistische Diktatur. 1933—1945. Eine Bilanz. Düsseldorf, 1983. S. 214.

²⁸⁵ *Höhne H.* Der Orden unter dem Totenkopf. S. 147—149.

²⁸⁶ Ср.: *Stephenson J.* Women in Nazi Society. P.68—69.

²⁸⁷ *Böltken A.* Führerinnen im «Führerstaat». S. 109.

²⁸⁸ *Böltken A.* Führerinnen im «Führerstaat». S. 115.

²⁸⁹ *Peters L.* Volkslexikon Drittes Reiches. Die Jahre 1933—1945 in Wort und Bild. Veröffentlichungen des Instituts für deutsche Nachkriegsgeschichte. Bd. XX. Tübingen, 1994. S. 464.

²⁹⁰ *Koehl R. L.* RKFDV German Resettlement and Population policy 1939-1945. Cambridge, 1957. P. 42.

²⁹¹ *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 212.

²⁹² *Smelser R., Syring E., Ziteimann R.* (Hg) Die braune Elite II. S. 72.

²⁹³ Ср.: Der Spiegel. 1963. N 42. S. 67.

²⁹⁴ *Lebor A., Boyes R.* Surviving Hitler. Corruption and Compromise in the Third Reich. London, 2002. P. 3.

²⁹⁵ *Шелленберг В.* Секретная служба Гитлера. Мемуары начальника управления шпионажа и диверсий службы безопасности (СД). Киев, 1991. С. 13.

²⁹⁶ Ср.: *Безымянский Л.* Человек за спиной Гитлера. Мартин Борман и его дневник. М., 1999. С. 99.

²⁹⁷ *Peters L.* Volkslexikon Drittes Reiches. S. 649.

²⁹⁸ *Deschner G.* Reinhard Heydrich. Statthalter der totalen Macht. Biographie. Esslingen am Neckar, 1977. S. 8.

²⁹⁹ *Boberach H.* (Hg) Meldungen aus dem Reich. Die geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1938—1945. Bd. 1, Herrsching, 1984. S. 12.

³⁰⁰ *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 221.

³⁰¹ *Boberach H.* (Hg) Meldungen aus dem Reich. Die geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1938—1945. Bd. 1, Herrsching, 1984. S. 17.

³⁰² Это подразделение было сформировано в 1939 г. под эгидой II отдела Абвера, занимавшегося саботажем и подрывной деятельностью. В 1940 г. «Бранденбург» был переименован в «специальное подразделение 800». До нападения на СССР подразделение выросло до дивизии из 5 полков; с 1 ноября 1942 г. дивизия стала называться «Бранденбург, особого назначения 800» (Brandenburg, z. b. V. 800). Разумеется, о его существовании в Германии никто, кроме посвя-

щенных, не знал. До февраля 1944 г. дивизия подчинялась Канарису, а потом перешла в ведение РСХА; после покушения на Гитлера дивизия вошла в состав егерских частей Ваффен-СС. См.: *Peters L. Volkslexikon Drittes Reiches*. S. 161.

³⁰³ Небе оставался на посту руководителя уголовной полиции вплоть до 1944 г., когда его пытали и повесили как участника заговора 20 июля 1944 г.

³⁰⁴ *Höhne H. Der Orden unter dem Totenkopf*. S. 193.

³⁰⁵ *Höhne H. Der Orden unter dem Totenkopf*. S. 218.

³⁰⁶ *Boberach H. (Hg) Meldungen aus dem Reich. Auswahl aus den geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1939—1944*. Berlin, 1965. Позднее вышла расширенная редакция этих интереснейших документов: *Meldungen aus dem Reich. Die geheimen Lageberichte des SD der SS. Bd. 2 (Jahresbericht 1938), Bd. 3 (Bericht zur innerpolitische Lage 1939—1940), Bd. 4 (Meldungen aus dem Reich)*. Berlin, 1984.

³⁰⁷ *Boberach H. (Hg) Meldungen aus dem Reich. Die geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1938—1945. Bd. 1, Herrsching*, 1984. S. 11.

³⁰⁸ *Kersten F. Totenkopf uns Treue*. S. 253.

³⁰⁹ *Höhne H. Der Orden unter dem Totenkopf*. S. 238.

³¹⁰ *Peters L. Volkslexikon Drittes Reiches*. S. 596.

³¹¹ *Höhne H. Der Orden unter dem Totenkopf*. S. 219.

³¹² *Höhne H. Der Orden unter dem Totenkopf*. S. 276.

³¹³ Ср.: *Комек Ж., Ригуло П. Век лагерей. Лишение свободы, концентрация, уничтожение. Сто лет злодеяний*. М., 2003. С. 16.

³¹⁴ *Комек Ж., Ригуло П. Век лагерей. Лишение свободы, концентрация, уничтожение. Сто лет злодеяний*. М., 2003. С. 31.

³¹⁵ *Herbst L. Das nationalsozialistische Deutschland 1933—1945*. Frankfurt am Main, 1996. S. 81.

³¹⁶ 24 июля 1937 г. Гиммлер приказал назвать концлагерь у Веймара на горе Эттерсберг вымышленным именем «Бухенвальд», поскольку название этой горы ассоциировалось у немцев с именем Гете. Ср.: *Overesch M. Ernst Thapes buchenwalder Tagebuch von 1945 // VfZ*, 1981. Н. 4. S. 634.

³¹⁷ *Thamer H.-U. Verführung und Gewalt*. S. 190.

³¹⁸ Поскольку в Третьем Рейхе не было достигнуто полного понимания природы гомосексуализма — носит ли она наследственный характер или определяется социальными условиями, — то число узников этой категории хотя и вы-

росло с 5 тыс. до 15 тыс., но до систематического уничтожения гомосексуалистов в концлагерях дело не дошло. Ср.: *Schmuhl H.-W.* Rassismus unter den Bedingungen charismatischer Herrschaft. Zum Übergang von der Verfolgung zur Vernichtung gesellschaftlicher Minderheiten im Dritten Reich. In: Bracher K.D., Funke M., Jacobsen H.-A. (Hg) Deutschland 1933—1945. Neü Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. Bonner Studien zur Politik und Zeitgeschichte, Bd. 23, Düsseldorf, 1992. S. 183.

³¹⁹ *Kogon E.* Der SS-Staat. Frankfurt am Main, 1959. S. 63.

³²⁰ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933—1945. Frankfurt am Main, 1996. S. 416.

³²¹ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933—1945. S. 415.

³²² *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933—1945. S. 417.

³²³ *Деларю Ж.* История гестапо. Смоленск, 1993. С. 94.

³²⁴ *Толанд Д.* Адольф Гитлер. Т. 1. М., 1993. С. 231.

³²⁵ *Thamer H.-U.* Verführung und Gewalt. S. 690.

³²⁶ *Peters L.* Volkslexikon Drittes Reiches. S. 50.

³²⁷ *Fest J.* Das Gesicht des Dritten Reiches. München, 1974. S. 376.

³²⁸ *Lifton R. J.* Ärzte im Dritten Reich. Stuttgart, 1988. S. 3.

³²⁹ *Fest J.* Das Gesicht des Dritten Reiches. München, 1974. S. 377.

³³⁰ *Fest J.* Das Gesicht des Dritten Reiches. S. 384.

³³¹ *Thamer H.-U.* Verführung und Gewalt. S. 373.

³³² Цит. по: *Fabry P.* Mutmassungen über Hitler. Urteile von Zeitgenossen. Düsseldorf, 1969. S. 42.

³³³ Цит. по: *Diehl-Thiele P.* Partei und Staat im Dritten Reich. München, 1969. S. 31.

³³⁴ *Hitler A.* Mein Kampf. Bd. 2. S. 94.

³³⁵ *Heiden K.* Adolf Hitler. Ein Zeitalter der Verantwortungslosigkeit. Eie Biographie. Bd. 1. Zürich, 1936. S. 126.

³³⁶ *Thamer U.* Verführung und Gewalt. S. 95.

³³⁷ *Thamer U.* Verführung und Gewalt. S. 139.

³³⁸ Цит. по: *Thamer U.* Verführung und Gewalt. S. 137.

³³⁹ *Thamer U.* Verführung und Gewalt. S. 137.

³⁴⁰ *Horn W.* Führerideologie und Parteiorganisation in der NSDAP (1919-1933). Düsseldorf, 1972. S. 12.

³⁴¹ Ср.: *Smelser R., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite. 22 biographische Skizzen. Darmstadt, 1989. S. 293.

³⁴² Цит. по: *Schüddenkopf O.* Linke Leute von rechts. Die nationalrevolutionären Minderheiten und der Kommunismus in der Weimarer Republik. Stuttgart, 1960. S. 317.

³⁴³ *Reichel P.* Der schöne Schein des Dritten Reiches. Faszination und Gewalt des Faschismus. München, 1992. S. 117.

³⁴⁴ *Shirer W.* Das Jahrzehnt des Unheils. München, 1989. S. 75.

³⁴⁵ Ср.: *Diehl-Thiele P.* Partei und Staat im Dritten Reich. München, 1969. S. 31.

³⁴⁶ *Smelser R., Syring E., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite II. S. 60.

³⁴⁷ Ср.: *Thamer U.* Verführung und Gewalt. S. 11

³⁴⁸ Ср.: *Thamer U.* Verführung und Gewalt. S. 53

³⁴⁹ Ср.: *Maser W.* Hitler. Biographie. Der Spiegel, 1973. N 19. S. 154.

³⁵⁰ *Glum F.* Der Nationalsozialismus. Werden und Vergehen. München, 1972. S. 245.

³⁵¹ *Irving D.* Göring — München, 1987. S. 245.

³⁵² Ср.: *Broszat M.* Der Staat Hitlers. Grundlegung und Entwicklung seiner inneren Verfassung. München, 1969. S. 246.

³⁵³ *Broszat M.* Der Staat Hitlers. S. 262.

³⁵⁴ Ср.: *Broszat M.* Der Staat Hitlers. S. 263.

³⁵⁵ Интересно отметить, что во время митингов или других акций штурмовикам было запрещено пить спиртное и курить. Ср.: *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 142.

³⁵⁶ *Broszat M.* Der Staat Hitlers. S. 249.

³⁵⁷ *Diehl-Thiele P.* Partei und Staat im Dritten Reich. S. 46.

³⁵⁸ *Broszat M.* Der Staat Hitlers. S. 249.

³⁵⁹ *Broszat M.* Der Staat Hitlers. S. 273.

³⁶⁰ Цит. по: *Брамштедте Е., Френкель Г., Манвелл Р.* Йозеф Геббельс. Мефистофель усмехается из прошлого. Ростов-на-Дону, 2000. С. 127.

³⁶¹ Organisationsbuch der NSDAP. München, 1938. S. 487.

³⁶² *Frei N.* Der Führerstaat. Nationalsozialistische Herrschaft 1933 bis 1945. München, 1989. S. 176.

³⁶³ *Diehl-Thiele P.* Partei und Staat im Dritten Reich. München, 1969. S. 207.

³⁶⁴ По состоянию на 1939 г. Ср.: *Diehl-Thiele P.* Partei und Staat im Dritten Reich. München, 1969. S. 165.

³⁶⁵ *Schmiechen-Ackermann D.* Der «Blockwart». Die unteren Parteifunktionäre im nationalsozialistischen Terror — und Überwachungsapparat // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 2000. H. 4. S. 583.

³⁶⁶ *Bracher K.-D.* Die deutsche Diktatur. S. 379.

³⁶⁷ *Schmiechen-Ackermann D.* Der «Blockwart». S. 588.

³⁶⁸ *Schmiechen-Ackermann D.* Der «Blockwart». S. 597.

³⁶⁹ Gutachten des Instituts für Zeitgeschichte. München, 1958. S. 316.

³⁷⁰ Теоретически и для членов ГЮ до 1944 г. при приеме в партию сохранялся принцип добровольности, но на практике оно следовало автоматически, например, в 1944 г. все юноши 1926 г. рождения и девушки 1927 г. рождения стали членами партии. Ср.: Gutachten des Instituts für Zeitgeschichte. München, 1958. S. 319.

³⁷¹ Gutachten des Instituts für Zeitgeschichte. München, 1958. S. 315.

³⁷² *Schoenbaum D.* Die braune Revolution. Köln, 1968. S. 103.

³⁷³ Gutachten des Instituts für Zeitgeschichte. München, 1958. S. 317.

³⁷⁴ Gutachten des Instituts für Zeitgeschichte. S. 323.

³⁷⁵ См.: *Broszat M.* Der Staat Hitlers. S. 253.

³⁷⁶ *Schmiechen-Ackermann D.* Der «Blockwart». S. 589.

³⁷⁷ *Schmiechen-Ackermann D.* Der «Blockwart». S. 594.

³⁷⁸ См.: *Broszat M.* Der Staat Hitlers. S. 254.

³⁷⁹ *Lampe F. W.* Die Amtsträger der Partei. Freiburg, 1940. S. 21.

³⁸⁰ *Diehl-Thiele P.* Partei und Staat im Dritten Reich. München, 1969. S. 177.

³⁸¹ *Diehl-Thiele P.* Partei und Staat im Dritten Reich. S. 46.

³⁸² *Thamer U.* Verführung und Gewalt. S. 357.

³⁸³ Ср.: *Mommsen H.* Der Nationalsozialismus und die deutsche Gesellschaft. Ausgewählte Aufsätze. Reinbeck bei Hamburg, 1991. S. 76.

³⁸⁴ Ср.: *Maser W.* Das Regime. Alltag in Deutschland. München, 1983. S. 249.

³⁸⁵ *Шнеер А.* Воспоминания. С. 252.

³⁸⁶ *Безьямянский Л.* Человек за спиной Гитлера. Мартин Борман и его дневник. М., 1999. С. 103.

³⁸⁷ *Speer A.* Erinnerungen. Frankfurt am Main, 1966. S. 133.

³⁸⁸ *Longerich P.* Hitlers Stellvertreter. Führung der Partei und Kontrolle des Staatsapparates durch den Stab Heß und die Partei-Kanzlei Bormann. München, 1992. S. 109.

³⁸⁹ Ср.: *Smelser R., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite. 22 biographische Skizzen. Darmstadt, 1989. S. 87.

- ³⁹⁰ *Longerich P.* Hitlers Stellvertreter. S. 154.
- ³⁹¹ Ср.: *Wulf J.* Martin Bormann — Hitlers Schatten. Gütersloh, 1962. S. 56.
- ³⁹² *Fest J.* Das Gesicht des Dritten Reiches. S. 455.
- ³⁹³ *Diehl-Thiele P.* Partei und Staat im Dritten Reich. München, 1969. S. 131.
- ³⁹⁴ *Longerich P.* Hitlers Stellvertreter. S. 184.
- ³⁹⁵ *Diehl-Thiele P.* Partei und Staat im Dritten Reich. S. 216.
- ³⁹⁶ Ср.: *Smelser R., Syring E., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite II. S. 46.
- ³⁹⁷ *Schmier L. E.* Martin Bormann and the Nazi Party 1941—1945. Chapel Hill, 1968, passim.
- ³⁹⁸ *Буллок А.* Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. Т. 1. Смоленск, 1994. С. 415.
- ³⁹⁹ Цит. по: *Diehl-Thiele P.* Partei und Staat im Dritten Reich. S. 190.
- ⁴⁰⁰ *Diehl-Thiele P.* Partei und Staat im Dritten Reich. S. 20.
- ⁴⁰¹ Ср.: *Schmitt C.* Verfassungsrechtliche Aufsätze aus den Jahren 1924-1954. Berlin, 1958. S. 433.
- ⁴⁰² *Schoeps H.-J.* Preußen. Bilder und Zeugnisse. Berlin, 1967. S. 12.
- ⁴⁰³ *Пукер Г.* Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, 1993. С. 101.
- ⁴⁰⁴ См.: *Bessel R.* Life in the Third Reich. Oxford, 1986. P. 20-21.
- ⁴⁰⁵ *Mayer-Malz T.* Arbeitsgerichtsbarkeit im Nationalsozialismus. Judikatur als Instrument von «Säuberung» und Disziplinierung // Archiv für Sozialpolitik. 1991. Bd. 31. S. 137.
- ⁴⁰⁶ *Wirsching A.* Jüdische Friedhöfe in Deutschland // VfZ. 2002. H. 1. S. 1.
- ⁴⁰⁷ *Wirsching A.* Jüdische Friedhöfe in Deutschland. S. 4.
- ⁴⁰⁸ *Koch H.* Volksgerichtshof. Politische Justiz im 3. Reich. München, 1988. S. 213.
- ⁴⁰⁹ Ср.: *Broszat M.* Der Staat Hitlers. S. 418.
- ⁴¹⁰ *Picker H.* Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier 1941-1942. Stuttgart, 1963. S. 225.
- ⁴¹¹ *Domarus M.* (Hg) Hitlers Reden, Bd. 2, Hlbd. 2. S. 1876.
- ⁴¹² *Maser W.* Das Regime. Alltag in Deutschland. München, 1983. S. 303.
- ⁴¹³ Цит. по: *Milza P.* Les fascismes. Paris, 1991. P. 301.
- ⁴¹⁴ *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 259.

- ⁴¹⁵ *Goebbels J.* Tagebücher aus den Jahren 1942—1943. Zürich, 1948. S. 199.
- ⁴¹⁶ *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 195.
- ⁴¹⁷ *Dreier R., Sellert W.* (Hg) Recht und Justiz im Dritten Reich. Frankfurt am Main, 1989. S. 163.
- ⁴¹⁸ С 1934 г. гестапо снабжало дело каждого превентивно арестованного первой буквой его фамилии и номером: один немец, арестованный в 1945 г., имел номер М-34591. Ср.: *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 220.
- ⁴¹⁹ *Пукеп Г.* Застольные разговоры Гитлера. С. 198.
- ⁴²⁰ Ср.: *Broszat M.* Der Staat Hitlers. S. 405.
- ⁴²¹ *Wistrich R.* Wer war wer im Dritten Reich. Frankfurt am Main, 1987. S. 94.
- ⁴²² *Koch H.* Volksgerichtshof. Politische Justiz im 3. Reich. München, 1988. S. 150.
- ⁴²³ *Koch H.* Volksgerichtshof. S. 130.
- ⁴²⁴ *Ruck M.* Führerabsolutismus und polykratisches Herrschaftsgefüge — Verfassungsstrukturen des NS-Staates. In: *Bracher K D., Funke M., Jacobsen H.-A.* (Hg) Deutschland 1933—1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. Bonner Schriften zur Politik und Zeitgeschichte, Bd. 23, Düsseldorf, 1992. S. 32.
- ⁴²⁵ *Ruck M.* Führerabsolutismus und polykratisches Herrschaftsgefüge. S. 33.
- ⁴²⁶ *Niermann H.-E.* Politische Strafjustiz im NS. Exemplarische Bedingungen ihrer Durchsetzung und Radikalisierung im Dritten Reich. Aachen, 1996. S. 309.
- ⁴²⁷ *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 201.
- ⁴²⁸ *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 197.
- ⁴²⁹ Ср.: *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus, S. 198.
- ⁴³⁰ *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 194.
- ⁴³¹ *Niermann H.-E.* Politische Strafjustiz im NS. Exemplarische Bedingungen ihrer Durchsetzung und Radikalisierung im Dritten Reich. Aachen, 1996. S. 206.
- ⁴³² Ср.: *Broszat M.* Der Staat Hitlers. S. 405.
- ⁴³³ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933—1945. Frankfurt am Main, 1996. S. 80.
- ⁴³⁴ *Retter W.* SA und SS als Instrumente nationalsozialistischer Herrschaft. In: *Bracher K. D., Funke M., Jacobsen H.-A.* (Hg) Deutschland 1933—1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. Bonner Schriften zur Politik und Zeitgeschichte, Bd. 23, Düsseldorf, 1992. S. 92.

- ⁴³⁵ *Mayer-Malz T.* Arbeitsgerichtsbarkeit im Nationalsozialismus. Judikatur als Instrument von «Säuberung» und Disziplinierung // Archiv für Sozialpolitik, 1991. Bd. 31. S. 144.
- ⁴³⁶ *Mayer-Malz T.* Arbeitsgerichtsbarkeit im Nationalsozialismus. S. 146.
- ⁴³⁷ *Broszat M.* Der Staat Hitlers, S.407.
- ⁴³⁸ Цит. по: *Smelser R., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite. 22 biographische Skizzen. Darmstadt, 1989. S. 42.
- ⁴³⁹ *Smelser R., Syring E., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite II. S. 132.
- ⁴⁴⁰ *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 202.
- ⁴⁴¹ *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 206.
- ⁴⁴² *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 208.
- ⁴⁴³ Ср.: *Broszat M.* Der Staat Hitlers. S. 411.
- ⁴⁴⁴ Цит. по: *Smelser R., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite. 22 biographische Skizzen. S. 44.
- ⁴⁴⁵ Ср.: *Smelser R., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite. 22 biographische Skizzen. S. 49.
- ⁴⁴⁶ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933—1945. S. 270.
- ⁴⁴⁷ *Angermund R.* «Recht ist, was dem Volk nutzt». Zum Niedergang von Recht und Justiz im Dritten Reich. In: *Bracher K. D., Funke M., Jacobsen H.-A.* (Hg) Deutschland 1933—1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. Bonner Schriften zur Politik und Zeitgeschichte, Bd. 23, Düsseldorf, 1992. S. 57.
- ⁴⁴⁸ *Gruchmann L.* Justiz im Dritten Reich 1933—1945. München, 1988. S. 909.
- ⁴⁴⁹ Gutachten des Instituts für Zeitgeschichte. München, 1958. S. 75.
- ⁴⁵⁰ Ср.: *Broszat M.* Der Staat Hitlers. S. 419.
- ⁴⁵¹ *Broszat M.* Der Staat Hitlers. S. 420.
- ⁴⁵² См.: *Gruchmann L.* Der Reichstagsbeschluß vom 26. April und seine Bedeutung für die Maßregelung der deutschen Richter durch Hitler // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 2003. H. 4, passim.
- ⁴⁵³ *Gruchmann L.* Der Reichstagsbeschluß vom 26. April. S. 510.
- ⁴⁵⁴ *Gruchmann L.* Der Reichstagsbeschluß vom 26. April. S. 512.
- ⁴⁵⁵ *Gruchmann L.* Der Reichstagsbeschluß vom 26. April. S. 513.

- ⁴⁵⁶ *Gruchmann L.* Der Reichstagsbeschluß vom 26. April. S. 517.
- ⁴⁵⁷ Ср.: *Толанд Д.* Последние 100 дней Рейха. Смоленск, 2001. С. 63.
- ⁴⁵⁸ *Koch H.* Volksgerichtshof. Politische Justiz im 3. Reich. München, 1988. S. 437.
- ⁴⁵⁹ *Goebbels J.* Tagebücher aus den Jahren 1942—43. Zürich, 1948. S. 130.
- ⁴⁶⁰ *Boberach H.* (Hg) Meldungen aus dem Reich. Auswahl aus den geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1939-1944. Berlin, 1965. S. 293.
- ⁴⁶¹ *Angermund R.* «Recht ist, was dem Volk nutzt». Zum Niedergang von Recht und Justiz im Dritten Reich. In: *Bracher K. D Funke M., Jacobsen H.-A.* (Hg) Deutschland 1933—1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. Bonner Schriften zur Politik und Zeitgeschichte, Bd. 23, Düsseldorf, 1992. S. 73.
- ⁴⁶² *Broszat M.* Der Staat Hitlers. S. 421.
- ⁴⁶³ *Angermund R.* «Recht ist, was dem Volk nutzt». S. 69.
- ⁴⁶⁴ *Angermund R.* «Recht ist, was dem Volk nutzt». S. 70.
- ⁴⁶⁵ *Angermund R.* «Recht ist, was dem Volk nutzt». S. 71.
- ⁴⁶⁶ *Haase N.* Wehrmattsangehörige vor dem Kriegsgericht. In: *Müller R.-D., Volkman H.-E.* (Hg) Die Wehrmacht. Mythos und Realität. München, 1999. S. 481.
- ⁴⁶⁷ *Haase N.* Wehrmattsangehörige vor dem Kriegsgericht. S. 481.
- ⁴⁶⁸ Ср.: *Dönhoff M.* Gräfin «Um der Ehre willen». Erinnerungen an die Freunde vom 20. Juli. Berlin, 1994. S. 36.
- ⁴⁶⁹ *Graml H.* Die Wehrmacht im Dritten Reich // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 1997. N 3. S. 383.
- ⁴⁷⁰ *Boberach H.* (Hg) Meldungen aus dem Reich. Auswahl aus den geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1939-1944. Berlin, 1965. S. 466.
- ⁴⁷¹ *Weisenbom G.* (Hg) Der lautlose Aufstand. Bericht über die Widerstandsbewegung des deutschen Volkes. Hamburg, 1962. S. 265.
- ⁴⁷² Ср.: *Maser W.* Das Regime. Alltag in Deutschland. München, 1983. S. 317.
- ⁴⁷³ *Maser W.* Das Regime. S. 316.
- ⁴⁷⁴ *Boberach H.* (Hg) Meldungen aus dem Reich. Auswahl aus den geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1939-1944. Berlin, 1965. S. 250.

⁴⁷⁵ *Lassalle F.* Reden und Schriften. München, 1970. S. 87.

⁴⁷⁶ *Fraenkel E.* Der Doppelstaat. Recht und Justiz im Nationalsozialismus. Frankfurt am Main, 1984. S. 94—96.

⁴⁷⁷ *Neumann F.* Behemot. Struktur und Praxis des Nationalsozialismus. Frankfurt am Main, 1984. S. 110.

⁴⁷⁸ *Kershaw I., Lewin M.* (Ed.) Stalinism and Nazism. Dictatorship in Comparison. Cambridge, 1997, *passim*.

⁴⁷⁹ Помол дьявола весь идет в отруби.

⁴⁸⁰ Цит. по: *Rauschning H.* Gespräche mit Hitler. New York, 1940. S. 212.

⁴⁸¹ Ср.: *Reichel P.* Der schöne Schein des Dritten Reiches. Faszination und Gewalt des Faschismus. München, 1992. S. 233.

⁴⁸² *Thamer H.-U.* Verführung und Gewalt. S. 495.

⁴⁸³ Ср.: *Шулер У.* Взлет и падение Третьего Рейха. М., 1991. С. 292.

⁴⁸⁴ Именно так воспринимал нацизм один из крупнейших знатоков немецкой исторической традиции, выдающийся английский историк Вильям Доусон, ср.: *Beiger S.* William Harbutt Dawson: The Career and Politics of an Historian of Germany// *English Historical Review*, 2001. Vol. 96. N 465. P. 102.

⁴⁸⁵ *Thamer H.-U.* Verführung und Gewalt. S. 165.

⁴⁸⁶ Цит. по: *Heiden K.* Adolf Hitler. Das Zeitalter der Verantwortungslosigkeit. Eine Biographie. Bd. 1, Zürich, 1936. S. 76.

⁴⁸⁷ *Bracher K. D.* Die deutsche Diktatur. Entstehung, Struktur, Folgen. Köln, 1970. S. 299.

⁴⁸⁸ Цит. по: *Smelser R., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite. 22 biographische Skizzen. Darmstadt, 1989. S. 252.

⁴⁸⁹ ГЮ позиционировала себя как пролетарскую молодежную организацию. На самом деле, в 1926—1933 гг. основная часть участников и руководства «Гитлер-югенд» была из семей рабочих. После 1933 г. социальный состав ГЮ радикально изменился; это произошло вследствие включения в состав «Гитлер-югенд» других молодежных организаций, в том числе спортивных, а также молодежных организаций правых партий. Анализ социального состава «Гитлер-югенд» после 1936 г. вообще излишен, так как к этому времени она охватила всю немецкую молодежь. Правда, процент молодых людей из высших слоев общества был значительно выше среднего в специальных подразделениях — в морской, авиационной и автомобильной организациях «Гитлер-югенд». См.: *Klönne A.* Jugend im Dritten Reich. Die Hitler-Jugend und ihre Gegner. München, 1995. S. 88.

- ⁴⁹⁰ *Smelser R., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite. 22 biographische Skizzen. S. 246.
- ⁴⁹¹ *Smelser R., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite. 22 biographische Skizzen. S. 249.
- ⁴⁹² *Дэвидсон Ю.* Суд над нацистами. Смоленск, 2001. С. 282.
- ⁴⁹³ *Klönne A.* Jugend im Dritten Reich, S. 18.
- ⁴⁹⁴ *Focke H., Reimer U.* Alltag unterm Hakenkreuz. Bd. 1, Reinbeck bei Hamburg, 1979. S. 14.
- ⁴⁹⁵ *Focke H.; Reimer U.* Alltag unterm Hakenkreuz. Bd. 1, S. 21, *Thamer H.-U.* Verführung und Gewalt, S. 404, *Smelser R., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite. 22 biographische Skizzen. S. 250.
- ⁴⁹⁶ Ср.: *Thamer H.-U.* Verführung und Gewalt. S. 403.
- ⁴⁹⁷ *Thamer H.-U.* Verführung und Gewalt. S. 404.
- ⁴⁹⁸ *Дэвидсон Ю.* Суд над нацистами. С. 265.
- ⁴⁹⁹ *Thamer H.-U.* Verführung und Gewalt. S. 405.
- ⁵⁰⁰ *Klönne A.* Jugend im Dritten Reich, S. 24, *Smelser R., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite. 22 biographische Skizzen. S. 250.
- ⁵⁰¹ Ср.: *Richer W.* Die nationalsozialistische Kulturpolitik in Düsseldorf 1933-1945. Düsseldorf, 1972. S. 143.
- ⁵⁰² Ср.: *Peters L.* Volkslexikon Drittes Reiches. S. 350.
- ⁵⁰³ *Böltken A.* Führerinnen im «Führerstaat». Gertrud Scholz-Wink, Trude Mohr, Jutta Rüdiger und Inge Viermetz. Pfaffenweiler, 1995. S. 92.
- ⁵⁰⁴ См.: *Smelser R., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite. 22 biographische Skizzen. S. 252.
- ⁵⁰⁵ *Heussler W.* Aufbau und Aufgaben der NS-Jugendbewegung. Würzburg, 1940. S. 25.
- ⁵⁰⁶ *Griesmayr G., Würschinger O.* Idee und Gestalt der Hitlerjugend. Leoni, 1979. S. 41.
- ⁵⁰⁷ *Thamer H.-U.* Verführung und Gewalt. S. 406.
- ⁵⁰⁸ *Frei N.* Der Führerstaat. München, 1989. S. 102.
- ⁵⁰⁹ *Richer W.* Die nationalsozialistische Kulturpolitik in Düsseldorf. S. 144.
- ⁵¹⁰ Историю РАД можно условно разделить на три периода: с января 1933 до июня 1935 — в этот период «Добровольная трудовая повинность» (ФАД) была унифицирована, и 26 июня 1935 г. был опубликован закон о РАД, вводящий обязательное отбытие трудовой повинности; с июня 1935 до начала войны — в этот период были практически

воплощены в жизнь концепции руководства РАД, организация достигла своей максимальной численности, а ее руководство — максимума влияния; в годы войны РАД дегенерировала до придатка вермахта, что было связано с объективными обстоятельствами. Ср.: *Ерин М. Е., Ермаков А. М.* «Имперская трудовая повинность» в нацистской Германии (1933-1945). Ярославль, 1998. С. 6.

⁵¹¹ *Klönne A.* Jugend im Dritten Reich, S. 34.

⁵¹² *Focke H., Reimer U.* Alltag unterm Hakenkreuz. Bd. 1. S. 32.

⁵¹³ Ср.: *Smelser R., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite. Darmstadt, 1989. S. 189.

⁵¹⁴ Ср.: *Дэвидсон Ю.* Суд над нацистами. Смоленск, 2001. С. 269.

⁵¹⁵ *Дэвидсон Ю.* Суд над нацистами. Смоленск, 2001. С. 274.

⁵¹⁶ *Klaus M.* Mädchen im Dritten Reich. Köln, 1983. S. 18.

⁵¹⁷ Цит. по: *Оболенская С. В.* История обыденности в историографии ФРГ // Одиссей. М., 1990. С. 192.

⁵¹⁸ *Focke H., Reimer U.* (Hg) Alltag untern Hakenkreuz. Bd. 1. Wie die Nazis das Leben der Deutschen veränderten. Reinbeck bei Hamburg, 1979. S. 18.

⁵¹⁹ *Klönne A.* Jugend im Dritten Reich. S. 128.

⁵²⁰ *Klönne A.* Jugend im Dritten Reich. S. 32.

⁵²¹ *Klönne A.* Jugend im Dritten Reich. S. 33.

⁵²² *Herbst J.* Requiem for a German Past. A Boyhood among the Nazis. Madison, 1999. P. 100.

⁵²³ *Maser W.* Das Regime. Alltag in Deutschland. München, 1983. S. 89.

⁵²⁴ Цит. по: *Klönne A.* Jugend im Dritten Reich. S. 30.

⁵²⁵ Слово австрийского происхождения, имевшее оттенок фамильярного обращения к уличному мальчишке. Как отмечал филолог В. Клемперер, это было одним из излюбленных словечек в Третьем Рейхе. См.: *Klemperer V.* Ich will Zeugnis ablegen bis zum letzten. Tagebücher 1933—1941. Berlin, 1996. S. 184.

⁵²⁶ Цит по: *Шурер У.* Взлет и падение Третьего Рейха. С. 293.

⁵²⁷ *Focke H., Reimer U.* Alltag unterm Hakenkreuz. Bd. 1. S. 33.

⁵²⁸ *Peters L.* Volkslexikon Drittes Reiches. Die Jahre 1933—1945 in Wort und Bild. Veröffentlichungen des Instituts für deutsche Nachkriegsgeschichte. Bd. XX. Tübingen, 1994. S. 112.

⁵²⁹ *Ziemer G.* Education for death. The making of the nazi. New York, 1972. P. 155.

⁵³⁰ *Petrick F.* Zur soziale Lage der Arbeiterjugend in Deutschland 1933-1939. Berlin, 1974. S. 95.

⁵³¹ *Stachura P.* Das Dritte Reich und die Jugendbewegung: Die Rolle der Hitlerjugend 1933—1939. In: *Bracher K. D., Funke M., Jacobsen H.-A.* (Hg): Nationalsozialistische Diktatur. 1933—1945. Eine Bilanz. Düsseldorf, 1983. S. 237.

⁵³² См.: *Focke H.; Reimer U.* Alltag unterm Hakenkreuz. Bd. 1. S. 18.

⁵³³ *Schirach B.* Die Hitler-Jugend. Idee und Gestalt. Leipzig, 1934. S. 76.

⁵³⁴ *Ziemer G.* Education for death. P. 156.

⁵³⁵ Pimpf, was du von Deinem Dienst wissen musst, s.a.e.l. S. 16.

⁵³⁶ См.: *Schmeer K.* Die Regie des öffentlichen Lebens im Dritten Reich. München, 1956. S. 80—81.

⁵³⁷ *Klönne A.* Jugend im Dritten Reich, S. 59.

⁵³⁸ Интересно, что несмотря на то, что большая часть молодежи берлинского рабочего района Моабит присоединилась к коммунистам, Норкус в 1931 г. вступил в «Гитлерюгенд» и погиб в одной из драк с коммунистами при обстоятельствах, напоминающих легенду о Павлике Морозове. См.: *Bayrd J.* To Die for Germany. Heroes in the Nazi Pantheon. Bloomington, 1990. P. 111.

⁵³⁹ Ср.: *Дэвидсон Ю.* Суд над нацистами. Смоленск, 2001. С. 258.

⁵⁴⁰ *Klönne A.* Jugend im Dritten Reich. S. 90.

⁵⁴¹ *Ziemer G.* Education for death. P. 55.

⁵⁴² *Focke H., Reimer U.* Alltag unterm Hakenkreuz. Bd. 1. S. 44.

⁵⁴³ *Ziemer G.* Education for death. P 103.

⁵⁴⁴ Цит. по: *Klönne A.* Jugend im Dritten Reich. S. 84.

⁵⁴⁵ *Lucacs J.* The Hitler of History. New York, 1998. P. 103.

⁵⁴⁶ *Boberach H.* (Hg) Meldungen aus dem Reich. Die geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1938—1945. Bd. 6, Herrsching, 1984. S. 1967.

⁵⁴⁷ Цит. по: *Pätel K.* Das Bild vom Menschen in der deutschen Jugendführung. Bad Godesberg, 41.

⁵⁴⁸ *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. Stimmung und Haltung der deutschen Bevölkerung im Zweiten Weltkrieg. Düsseldorf, 1970. S. 278.

⁵⁴⁹ Обладатель золотого значка члена партии обеспечивался автомобилем и бесплатным проездом в железнодорожном транспорте. См.: Дэвидсон Ю. Суд над нацистами. Смоленск, 2001. С. 176.

⁵⁵⁰ Ср.: Broszat M. Der Staat Hitlers. Grundlegung und Entwicklung seiner inneren Verfassung. München, 1969. S. 294.

⁵⁵¹ Broszat M. Der Staat Hitlers. S. 295.

⁵⁵² Stachura P. Das Dritte Reich und die Jugendbewegung. S. 238.

⁵⁵³ См.: Focke H., Reimer U. Alltag unterm Hakenkreuz. Bd. 1. S. 15.

⁵⁵⁴ Deutschland-Berichte der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands (Sopade), Bd. 3 (1936). S. 769 (3. Juni)

⁵⁵⁵ Deutschland-Berichte der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands (Sopade), Bd. 1 (1934). S. 565 (1. September).

⁵⁵⁶ Deutschland-Berichte der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands (Sopade), Bd. 5 (1938). S. 1397 (5. Dezember)

⁵⁵⁷ См.: Petry C. Studenten aufs Schafott. Die Weisse Rose und ihre Scheitern. München, 1968. S. 188.

⁵⁵⁸ Ерин М. Е., Ермаков А. М. «Имперская трудовая повинность». С. 78.

⁵⁵⁹ Ерин М. Е., Ермаков А. М. «Имперская трудовая повинность». С. 79.

⁵⁶⁰ Ср.: Ерин М. Е., Ермаков А. М. «Имперская трудовая повинность». С. 4.

⁵⁶¹ Ширер У. Взлет и падение. С. 295.

⁵⁶² См.: Аникеев А. А. Аграрная политика нацистской Германии во время Второй мировой войны. Ростов-на-Дону, 1990. С. 105.

⁵⁶³ Ерин М. Б., Ермаков А. М. «Имперская трудовая повинность». С. 57.

⁵⁶⁴ Ерин М. Е., Ермаков А. М. «Имперская трудовая повинность». С. 61.

⁵⁶⁵ Herbst L. Das nationalsozialistische Deutschland 1933—1945. S. 242.

⁵⁶⁶ Ерин М. Е., Ермаков А. М. «Имперская трудовая повинность». С. 80.

⁵⁶⁷ Ерин М. Е., Ермаков А. М. «Имперская трудовая повинность». С. 66.

⁵⁶⁸ Ерин М. Е., Ермаков А. М. «Имперская трудовая повинность». С. 85.

⁵⁶⁹ Ерин М. Е., Ермаков А. М. «Имперская трудовая повинность». С. 69.

⁵⁷⁰ *Ерин М. Е., Ермаков А. М.* «Имперская трудовая повинность». С. 73.

⁵⁷¹ *Ерин М. Е., Ермаков А. М.* «Имперская трудовая повинность». С. 76.

⁵⁷² *Гальдер Ф.* Военный дневник. М., 1968. Т. 1. С. 51.

⁵⁷³ Ср.: *Ерин М. Е., Ермаков А. М.* «Имперская трудовая повинность». С. 98.

⁵⁷⁴ Как гауляйтер Вены Ширах ответственен за депортацию 60 тысяч австрийских евреев в концлагеря на территории Польши. Несмотря на бесчеловечный характер этой акции, Ширах рассматривал депортацию как «большой вклад в европейскую культуру». См.: *Smelser R., Zitelmann R.* (Hg) *Die braune Elite. 22 biographische Skizzen.* S. 254. Впрочем, Ширах не избежал немилости со стороны Гитлера, ибо на взгляд фюрера бывший молодежный лидер «Гитлер-югенд» недостаточно жестко и активно вовлекал Вену в тотальную войну. В Нюрнберге Ширах был осужден на 20 лет, освобожден 1 октября 1966 г., умер 8 августа 1974 г.

⁵⁷⁵ *Klönne A.* *Jugend im Dritten Reich.* S. 38.

⁵⁷⁶ *Focke H., Reimer U.* *Alltag unterm Hakenkreuz.* Bd. 1. S. 55; *Klönne A.* *Jugend im Dritten Reich.* S. 39.

⁵⁷⁷ *Richer W.* *Die nationalsozialistische Kulturpolitik in Düsseldorf.* S. 200.

⁵⁷⁸ *Steiner M. G.* *Hitlers Krieg und die Deutschen.* S. 302.

⁵⁷⁹ *Richer W.* *Die nationalsozialistische Kulturpolitik in Düsseldorf.* S. 203.

⁵⁸⁰ *Schörken R.* «Schülersoldaten». S. 459.

⁵⁸¹ *Schörken R.* «Schülersoldaten». S. 464.

⁵⁸² В советские времена на этот счет была даже присказка: «сегодня слушает он джаз, а завтра родину продаст».

⁵⁸³ *Hellfeld M.* *Bündische Jugend und Hitlerjugend. Zur Geschichte von Anpassung und Widerstand 1930—1939.* In: *Archiv der Jugendbewegung,* 1987. Bd. 3. S. 13.

⁵⁸⁴ См.: *Kater M.* *Die Artamanen — völkische Jugend in der Weimarer Republik.* In: *Historische Zeitschrift,* 1971. Bd. 213. H. 3. S. 599.

⁵⁸⁵ *Klönne A.* *Jugend im Dritten Reich.* S. 164.

⁵⁸⁶ Ср.: *Raabe F.* *Die bündische Jugend.* Stuttgart, 1961, S. 7—8. См. подробнее о молодежи бундише: *Пленков О. Ю.* *Мифы нации против мифов демократии.* СПб., 1997. С. 450.

⁵⁸⁷ *Focke H., Reimer U.* *Alltag unterm Hakenkreuz.* Bd. 1. S. 35.

- ⁵⁸⁸ Цит. по: *Neuhäusler J.* Kreuz und Hakenkreuz. Bd. 2, München, 1946. S. 294.
- ⁵⁸⁹ *Klönne A.* Jugend im Dritten Reich. S. 186.
- ⁵⁹⁰ *Klönne A.* Jugend im Dritten Reich. S. 190.
- ⁵⁹¹ См.: *Klönne A.* Jugend im Dritten Reich. S. 200.
- ⁵⁹² *Klönne A.* Jugend im Dritten Reich. S. 204.
- ⁵⁹³ *Hellfeld M.* Bündische Jugend und Hitlerjugend. Zur Geschichte von Anpassung und Widerstand 1930—1939. In: Archiv der Jugendbewegung, 1987. Bd. 3. S. 14.
- ⁵⁹⁴ Ср.: *Stephenson J.* Women in Nazi Society. London, 1975. P. 63.
- ⁵⁹⁵ Ср.: *Klose W.* Generation im Gleichschritt. Oldenburg, 1964. S. 222.
- ⁵⁹⁶ См.: *Klönne A.* Hitlerjugend. Die Jugend und ihre Organisation im Dritten Reich. Hannover, 1960, passim.
- ⁵⁹⁷ *Boberach H.* (Hg) Meldungen aus dem Reich. Auswahl aus den geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1939-1944. Berlin, 1965. S. 501.
- ⁵⁹⁸ *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 403.
- ⁵⁹⁹ *Lebor A., Boyes R.* Surviving Hitler. Corruption and Compromise in the Third Reich. London, 2002. P. 55.
- ⁶⁰⁰ Участники этой группы (Ганс Шолль (24 года), Софи Шолль (21), К. Пробст (23)) 22 февраля 1943 г. были приговорены к смертной казни за расклеивание или рассылку по почте по произвольно выбранным адресам «пораженческих» листовок. Несколько месяцев спустя состоялся второй процесс по делу «Белой розы» и казнены профессор К. Хубер, студенты А. Шморелль и В. Граф. Прочие обвиняемые по этому делу получили различные сроки концлагеря — от года до десяти лет.
- ⁶⁰¹ *Schneider-Schelde R.* Die Frage der Jugend. München, 1946. S. 95.
- ⁶⁰² Цит по: *Klönne A.* Jugend im Dritten Reich. S. 71.
- ⁶⁰³ Ср.: *Münkel D.* «Du, deutsche Landfrau bist verantwortlich!» Bauer und Bäurin im Nationalsozialismus // Archiv für Sozialgeschichte, 1998. Bd. 38. S. 144.
- ⁶⁰⁴ *Zuder P.* Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII—XX вв.). М., 1997. С. 10.
- ⁶⁰⁵ Ср.: *Milza P.* Les fascismes. Paris, 1991. P. 356.
- ⁶⁰⁶ *Corni G., Gies H.* Blut und Boden. Rassenideologie und Agrarpolitik im Staate Hitler. Idstein, 1994. S. 25.

- ⁶⁰⁷ *Günther H. F. K.* Rassenkunde des deutschen Volkes. Berlin, 1922.
- ⁶⁰⁸ *Гейден К.* История германского фашизма. М. — Л., 1935. С. 345.
- ⁶⁰⁹ *Буллок А.* Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. Смоленск, 1994. Т. 1. С. 404.
- ⁶¹⁰ *Hitler A.* Mein Kampf. Bd. 1. München, 1925. S. 151.
- ⁶¹¹ Ср.: *Schönauer F.* Deutsche Literatur im Dritten Reich. Versuch und Darstellung in polemisch — didaktischen Absicht. Olten, 1961. S. 84.
- ⁶¹² Ср.: *Werckmeister J.* (Hg) Land-Frau-Alltag. Hundert Jahre Lebens- und Arbeitsbedingungen der Frauen im ländlichen Raum. Marburg, 1989. S. 71.
- ⁶¹³ *Thamer H.-U.* Verführung und Gewalt. S. 165.
- ⁶¹⁴ *Corni G., Gies H.* Blut und Boden. S. 24.
- ⁶¹⁵ *Maser W.* Das Regime. S. 39.
- ⁶¹⁶ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933—1945. Frankfurt am Main, 1996. S. 243.
- ⁶¹⁷ *Focke H., Reimer U.* (Hg) Alltag untern Hakenkreuz. Bd. 1. S. 152.
- ⁶¹⁸ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933—1945. S. 243-244.
- ⁶¹⁹ *Corni G., Gies H.* Blut und Boden. S. 29.
- ⁶²⁰ Ср.: *Grundmann F.* Agrarpolitik im Dritten Reich: Anspruch und Wirklichkeit des Reichserbhofgesetzes. Hamburg, 1979, passim.
- ⁶²¹ *Münkel D.* Bäuerliche Interessen versus NS-Ideologie // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 1996. H. 4. S. 552.
- ⁶²² *Corni G., Gies H.* Blut und Boden. S. 34.
- ⁶²³ Ср.: *Müller A.* Elemente der Staatskunst. Berlin, 1809, passim.
- ⁶²⁴ *Münkel D.* «Du, deutsche Landfrau bist verantwortlich!». S. 154.
- ⁶²⁵ *Corni G., Gies H.* Blut und Boden. S. 39.
- ⁶²⁶ Ср.: *Münkel D.* «Du, deutsche Landfrau bist verantwortlich!». S. 148.
- ⁶²⁷ *Corni G., Gies H.* Blut und Boden. S. 55.
- ⁶²⁸ Ср.: *Bracher K. D.* Die deutsche Diktatur. Entstehung, Struktur, Folgen des Nationalsozialismus. Köln, 1970. S. 362.
- ⁶²⁹ Ср.: *Münkel D.* «Du, deutsche Landfrau bist verantwortlich!» S. 156.

- ⁶³⁰ *Münkel D.* Bäuerliche Interessen versus NS-Ideologie // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 1996. H. 4. S. 553.
- ⁶³¹ *Corni G., Gies H.* Blut und Boden. S. 55.
- ⁶³² Ср.: *Broszat M.* Der Staat Hitlers. S. 237.
- ⁶³³ *Corni G., Gies H.* Blut und Boden. S. 51.
- ⁶³⁴ *Corni G., Gies H.* Blut und Boden. S. 51.
- ⁶³⁵ Ср.: *Münkel D.* «Du, deutsche Landfrau bist verantwortlich!». S. 147.
- ⁶³⁶ *Corni G., Gies H.* Blut und Boden. S. 40.
- ⁶³⁷ *Focke H., Reimer U.* (Hg) Alltag untern Hakenkreuz. Bd. 1. S. 154.
- ⁶³⁸ *Corni G., Gies H.* Blut und Boden. S. 44.
- ⁶³⁹ Ср.: *Bracher K. D.* Die deutsche Diktatur. S. 366.
- ⁶⁴⁰ *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 64.
- ⁶⁴¹ *Corni G., Gies H.* Blut und Boden. S. 47.
- ⁶⁴² *Corni G., Gies H.* Blut und Boden. S. 47.
- ⁶⁴³ *Broszat M., Fröhlich E., Wiesemann F.* (Hg) Bayern in der NS-Zeit. Soziale Lage und politisches Verhalten der Bevölkerung im Spiegel vertraulicher Berichte. München, 1977. S. 91.
- ⁶⁴⁴ Ср.: *Bracher K. D.* Die deutsche Diktatur. S. 366.
- ⁶⁴⁵ *Corni G., Gies H.* Blut und Boden. S. 45.
- ⁶⁴⁶ *Corni G., Gies H.* Blut und Boden. S. 32.
- ⁶⁴⁷ *Münkel D.* Bäuerliche Interessen versus NS-Ideologie // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 1996. H. 4. S. 550.
- ⁶⁴⁸ *Focke H., Reimer U.* (Hg) Alltag untern Hakenkreuz. Bd. 1. S. 173-174.
- ⁶⁴⁹ Ср.: *Пукер Г.* Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, 1993. С. 370.
- ⁶⁵⁰ *Herbert Backe* (1896—1947) родился в семье немецкого колониста в Батуми. Во время Первой мировой войны был арестован и интернирован, а после войны переселился в Германию. Изучал сельское хозяйство в университете Геттингена. В диссертации рассматривал производство зерновых в России и пришел к выводу, что только под немецким руководством можно будет оздоровить русский аграрный сектор. После окончания учебы Баке работал управляющим имением. В 1922 г. вступил в СА, в 1925 г.— в НСДАП. С 1933 г. Баке работал в РУСХА. Вскоре он был назначен статс-секретарем министерства продовольствия. В 1936 г. он взял на себя руководство группой продовольствия ведомства четырехлетнего плана.
- ⁶⁵¹ *Corni G., Gies H.* Blut und Boden. S. 23.

- ⁶⁵² См.: *Smelser R., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite. S. 25.
- ⁶⁵³ *Corni G., Gies H.* Blut und Boden. S. 24.
- ⁶⁵⁴ *Аникеев А. А.* Аграрная политика нацистской Германии в годы Второй мировой войны. Ростов-на-Дону, 1990. С. 23.
- ⁶⁵⁵ Ср.: *Zweiniger-Bärgielowska I.* Austerity in Britain. Oxford, 2000. P. 19.
- ⁶⁵⁶ *Corni G., Gies H.* Blut und Boden. S. 62.
- ⁶⁵⁷ *Corni G., Gies H.* Blut und Boden. S. 65.
- ⁶⁵⁸ Цит. по: *Heul E.* Der umworbene Stand. Die ideologische Integration der Arbeiter im Nationalsozialismus 1933—1945. Frankfurt am Main, 1989. S. 13.
- ⁶⁵⁹ Ср.: *Weiss H.* Ideologie der Freizeit im Dritten Reich. In: *Archiv für Sozialgeschichte*, 1993. Bd. 33. S. 289.
- ⁶⁶⁰ Цит. по: *Maser W.* Das Regime. S. 39.
- ⁶⁶¹ Цит. по: *Schilling R.* Die «Helden der Wehrmacht» — Konstruktion und Rezeption. In: *Müller R.-D., Volkmann H.-E.* (Hg) Die Wehrmacht. Mythos und Realität. München, 1999. S. 560.
- ⁶⁶² *Böhnke W.* Die NSDAP im Ruhrgebiet 1920—1933. Marburg, 1970. S. 1950.
- ⁶⁶³ *Broszat M.* Zur Struktur der NS-Massenbewegung // *VfZ*, 1983. N 1. S. 62.
- ⁶⁶⁴ *Schafer H.D.* Das gespaltene Bewußtsein. München, 1983. S. 117.
- ⁶⁶⁵ *Mattias E., Morsey R.* (Hg) Ende der Parteien. Düsseldorf, 1960. S. 177.
- ⁶⁶⁶ Ср.: *Буллок А.* Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. Смоленск, 1994. Т. 1. С. 400.
- ⁶⁶⁷ См.: *Glum F.* Der Nationalsozialismus. S. 230.
- ⁶⁶⁸ *Roth K. H.* Facetten des Terrors. Der Geheimdienst der DAF und die Zerstörung der Arbeiterbewegung 1933 bis 1938. Bremen, 2000, passim.
- ⁶⁶⁹ *Hitler A.* Mein Kampf. Bd. 1, München, 1940. S. 49.
- ⁶⁷⁰ *Mason T.* Sozialpolitik im Dritten Reich. Opladen, 1977. S. 118.
- ⁶⁷¹ Любопытно, что Шпенглер называл Г. Штрассера «единственным из нацистов, который напоминает Муссолини». Ср.: *Heiden K.* Adolf Hitler. Ein Zeitalter der Verantwortungslosigkeit. Eine Biographie. Bd. 1. Zürich, 1936. S. 386.

⁶⁷² *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 134.

⁶⁷³ Ср.: *Turner H. Jr.* Big Business and the Rise of Hitler // *American Historical Review*. October 1969. R 66.

⁶⁷⁴ Ср.: *Weiss H.* Ideologie der Freizeit im Dritten Reich. S. 292.

⁶⁷⁵ Цит. по: *Mai G.* Die NS-Betriebszellenorganisation. Zum Verhältnis von Arbeiterschaft und Nationalsozialismus//*VfZ*, 1983. N 4. S. 577.

⁶⁷⁶ *Smelser R., Syring E., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite II. S. 54.

⁶⁷⁷ *Smelser R., Syring E., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite II. S. 55.

⁶⁷⁸ См.: *Буллок А.* Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. Т. 1. С. 402.

⁶⁷⁹ Ср.: *Rhodes J.* The Hitler Movement. A Modern Millenarian Revolution. Stanford, 1980. P. 102.

⁶⁸⁰ См.: *Кренер Б.* Борьба за «дефицитный человеческий материал». Научные споры о мобилизации германского военного хозяйства 1939—1942. В кн.: *Михалка В.* (ред.) Вторая мировая война. С. 321.

⁶⁸¹ Ср.: *Кренер Б.* Борьба за «дефицитный человеческий материал». С. 327.

⁶⁸² См.: *Recker M.-L.* Nationalsozialistische Sozialpolitik im Zweiten Weltkrieg. München, 1985. S. 193.

⁶⁸³ 27 марта 1942 г. Геринг был вынужден уступить Заукелю ряд компетенций по трудовым ресурсам. Заукель мог издавать инструкции, обязательные для выполнения высшими властями Рейха. 30 сентября 1942 г. Гитлер предоставил Заукелю полномочия назначать собственных представителей в гражданские и военные администрации оккупированных территорий, причем и эти представители наделялись правом издавать директивы по поводу организации вывоза рабочих. Если Шпеер назначал на должности инженеров и способных управленцев, то Заукель — своих коллег-гауляйтеров, которые его постановлением от 6 апреля 1942 г. формально были назначены его представителями в гау. Ср.: *Дэвидсон Ю.* Суд над нацистами. Смоленск, 2001. С. 481.

⁶⁸⁴ *Дэвидсон Ю.* Суд над нацистами. С. 486.

⁶⁸⁵ Ср.: *Smelser R.* (Hg) Die braune Elite II. S.238.

⁶⁸⁶ *Штрайм К.* Советские военнопленные — массовые депортации — принудительные работы. В кн.: *Михалка В.* (ред.) Вторая мировая война. С. 596.

⁶⁸⁷ *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 195.

⁶⁸⁸ *Smelser R.* (Hg) Die braune Elite II, S. 240.

⁶⁸⁹ См.: *Рекер М.-Л.* Между социальным умиротворением и материальной эксплуатацией. Условия и оплата труда во Вторую мировую войну. В кн.: *Михалка В.* (ред.) Вторая мировая война. С. 344.

⁶⁹⁰ См.: там же.

⁶⁹¹ См.: *Frei N.* Der Führerstaat. S. 157.

⁶⁹² *Smelser R.* (Hg) Die braune Elite II. S. 242.

⁶⁹³ *Рекер М.-Л.* Между социальным умиротворением. С. 345-346.

⁶⁹⁴ См.: *Рекер М.-Л.* Между социальным умиротворением. С. 343.

⁶⁹⁵ *Рекер М.-Л.* Между социальным умиротворением. С. 348.

⁶⁹⁶ См.: *Смелзер Р.* «Коричневая революция». В кн.: *Михалка В.* (ред.) Вторая мировая война. С. 336.

⁶⁹⁷ Там же. С. 346; *Recker M.-L.* Nationalsozialistische Sozialpolitik im Zweiten Weltkrieg. München, 1985. S. 57.

⁶⁹⁸ *Рекер М.-Л.* Между социальным умиротворением. С. 349.

⁶⁹⁹ Этот британский план в 1942 г. был сформулирован лордом Вильямом Бевериджем и нацелен на создание всеохватывающей системы социальной безопасности в Великобритании. План Бевериджа провозглашал наступление на нужду, болезни, неграмотность. Социальные гарантии по этому плану должны были распространяться на всех граждан без изъятия, всем должен был гарантироваться минимальный доход. Лорд Беверидж писал: «Цель моего доклада состоит в разработке долгосрочной программы, направленной прежде всего против великих социальных зол — нужды, болезней, нищеты, невежества, безработицы». Основой плана Бевериджа было убеждение в необходимости связи социальной и экономической политики государства, нацеленной на полную занятость. Исполнение этих установок началось в Англии в 1944 г. и продолжилось после войны; благодаря плану Бевериджа Англия превратилась в мирового лидера в сфере социальных гарантий и социальной политики.

⁷⁰⁰ Цит. по: *Смелзер Р.* «Коричневая революция». С. 337.

⁷⁰¹ *Смелзер Р.* «Коричневая революция». С. 338.

⁷⁰² *Boberach H.* (Hg) Meldungen aus dem Reich. Auswahl aus den geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1939-1944. Berlin, 1965. S. 358.

- ⁷⁰³ Ср.: *Schneider M.* Unterm Hakenkreuz. Arbeiter und Arbeiterbewegung 1933—1939. Bonn, 1999. S. 1089.
- ⁷⁰⁴ Fest J. Das Gesicht des Dritten Reiches. München, 1964. S. 361.
- ⁷⁰⁵ *Domarus M.* (Hg) Hitler. Reden und Proklamationen. 1932-1944. Bd. 1, Würzburg, 1962. S. 452.
- ⁷⁰⁶ Ср.: *Stephenson J.* Women in Nazi Society. *London, 1975. P.1.
- ⁷⁰⁷ Цит. по: Die Zeit. 1985. N 4. S. 20.
- ⁷⁰⁸ *Rosenberg A.* Der Mythos des XX. Jahrhunderts. München, 1930. S. 512.
- ⁷⁰⁹ *Jochmann W.* (Hg) Adolf Hitler: Monologe im Führerhauptquartier 1941 — 1944. Die Aufzeichnungen Heinrich Heims. Hamburg, 1980. S. 201. Дело в том, что значительный немецкий художник и график эпохи классицизма А. Кауфман (1741 — 1807) по чьей-то прихоти носил женское имя, поэтому несведущие люди считали этого художника дамой.
- ⁷¹⁰ *Шнеер А.* Воспоминания. С. 215.
- ⁷¹¹ Gutachten des Instituts für Zeitgeschichte. München, 1958. S. 74.
- ⁷¹² *Sigmund A. M.* Die Frauen der Nazis. Bd. 2, Wien, 1998. S. 138.
- ⁷¹³ *Sigmund A. M.* Die Frauen der Nazis. Bd. 1. S. 14.
- ⁷¹⁴ Ср.: *Kundrus B.* Nur die halbe Geschichte. Frauen im Umfeld der Wehrmacht zwischen 1939—1945. In: *Müller R.-D., Volkmann H.-E.* (Hg) Die Wehrmacht. Mythos und Realität. München, 1999. S. 721.
- ⁷¹⁵ *Stephenson J.* Women in Nazi Society. London, 1975. P. 3.
- ⁷¹⁶ *Ardagh J.* Germany and the Germans. New York, 1990. P. 164.
- ⁷¹⁷ Ср.: *Ardagh J.* Germany and the Germans. P. 165.
- ⁷¹⁸ *Böltken A.* Führerinnen im «Führerstaat». S. 94.
- ⁷¹⁹ *Böltken A.* Führerinnen im «Führerstaat». S. 93.
- ⁷²⁰ *Böltken A.* Führerinnen im «Führerstaat». S. 19—20.
- ⁷²¹ *Stephenson J.* Women in Nazi Society. P. 6.
- ⁷²² *Sigmund A. M.* Die Frauen der Nazis. Bd. 1. S. 12.
- ⁷²³ *Крейг Г.* Немцы. С. 175.
- ⁷²⁴ Думается, что ни в одном современном обществе в любой европейской стране женский вопрос не решен окончательно, и проблемы в отношениях полов не устранены.
- ⁷²⁵ Ср.: *Крейг Г.* Немцы. С. 176.
- ⁷²⁶ Ср.: *Broszat M.* Der Staat Hitlers. S. 49.

- ⁷²⁷ *Rauschnig H.* Gespräche mit Hitler. Zürich, 1940. S. 240.
- ⁷²⁸ *Kämpfe A.* Deutschland eins. Von einem der auszog das Deutschsein zu lernen. Kiel, 1986. S. 165.
- ⁷²⁹ *Sigmund A. M.* Die Frauen der Nazis. Bd. 1. S. 8—9.
- ⁷³⁰ *Arendt H.* Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft. Frankfurt/M., 1955. S. 242 ff.
- ⁷³¹ *Dietrich O.* 12 Jahre mit Hitler. München, 1955. S. 235.
- ⁷³² *Picker H.* Hitlers Tischgespräche im Führershauptquartier. Stuttgart, 1965. S. 242.
- ⁷³³ *Henke J.* England in Hitlers politischem Kalkül 1935—1939. Boppard am Rhein, 1973. S. 303.
- ⁷³⁴ Ср.: *Sigmund A. M.* Die Frauen der Nazis Bd. II. S. 106.
- ⁷³⁵ *Böltken A.* Führerinnen im «Führerstaat», S. 35.
- ⁷³⁶ *Kirkpatrick C.* Nazi Germany: Its Women and Family Life. New York, 1971. P. 57.
- ⁷³⁷ *Graig G.* Deutsche Geschichte 1866—1945. Von Norddeutsche Bund bis zum Ende des Dritten Reiches. München, 1983. S. 552.
- ⁷³⁸ *Stephenson J.* Women in Nazi Society. P. 133.
- ⁷³⁹ *Winkler D.* Frauenarbeit versus Frauenideologie. Probleme der weiblichen Erwerbstätigkeit in Deutschland. In: Archiv für Sozialgeschichte, 1977. Bd. XXVII. S. 108.
- ⁷⁴⁰ *Graig G.* Deutsche Geschichte, S. 551—552.
- ⁷⁴¹ *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 429.
- ⁷⁴² Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне Третьего Рейха против СССР. Секретные речи. Дневники. Воспоминания. М., 1996. С. 161.
- ⁷⁴³ Ср.: *Winkler D.* Frauenarbeit versus Frauenideologie. S. 102.
- ⁷⁴⁴ *Winkler D.* Frauenarbeit versus Frauenideologie. S. 107.
- ⁷⁴⁵ *Winkler D.* Frauenarbeit versus Frauenideologie. S. 108.
- ⁷⁴⁶ *Focke H., Reimer U.* (Hg) Alltag untern Hakenkreuz. Bd. 1. S. 161.
- ⁷⁴⁷ *Winkler D.* Frauenarbeit versus Frauenideologie. S. 111.
- ⁷⁴⁸ Ср.: *Münkel D.* «Du, deutsche Landfrau bist verantwortlich!». S. 152.
- ⁷⁴⁹ *Winkler D.* Frauenarbeit versus Frauenideologie. S. 112.
- ⁷⁵⁰ *Frei N.* Der Führerstaat. S. 136.
- ⁷⁵¹ *Smelser R., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite. 22 biographische Skizzen. Darmstadt, 1989. S. 239, 241.
- ⁷⁵² *Winkle? D.* Frauenarbeit im «Dritten Reich». Hamburg, 1977. S. 188.

- ⁷⁵³ *Winkler D.* Frauenarbeit versus Frauenideologie. S. 113.
- ⁷⁵⁴ *Thamer H.-U.* Verführung und Gewalt. S. 518.
- ⁷⁵⁵ *Winkler D.* Frauenarbeit im Dritten Reich. S. 110.
- ⁷⁵⁶ *Boelcke W.* (Flg) Kriegspropaganda 1939—1941. Geheime Ministerkonferenzen im Reichspropagandaministerium. Stuttgart, 1966. S. 618.
- ⁷⁵⁷ *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 197.
- ⁷⁵⁸ *Winkler D.* Frauenarbeit versus Frauenideologie. S. 118.
- ⁷⁵⁹ *Boberach H.* (Hg) Meldungen aus dem Reich. Auswahl aus den geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1939-1944. Berlin, 1965. S. 349.
- ⁷⁶⁰ *Winkler D.* Frauenarbeit im Dritten Reich. S. 188.
- ⁷⁶¹ *Boberach H.* (Hg) Meldungen aus dem Reich. Auswahl aus den geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1939-1944. Berlin, 1965. S. 356.
- ⁷⁶² *Ibid.* S. 240.
- ⁷⁶³ Ср.: *Sigmund A. M.* Die Frauen der Nazis. Bd. 1. S. 19.
- ⁷⁶⁴ *Boberach H.* (Hg) Meldungen aus dem Reich. S. 343.
- ⁷⁶⁵ *Boberach H.* (Hg) Meldungen aus dem Reich. S. 347.
- ⁷⁶⁶ *Böltken A.* Führerinnen im «Führerstaat». S. 57.
- ⁷⁶⁷ См.: *Паламарчук Е. А.* Гендерные отношения в Третьем Рейхе. Ростов-на-Дону, 2003. С. 65.
- ⁷⁶⁸ Цит. по: *Паламарчук Е. А.* Гендерные отношения.... С. 67.
- ⁷⁶⁹ Ср.: *Winkler D.* Frauenarbeit versus Frauenideologie. S. 110.
- ⁷⁷⁰ *Winkler D.* Frauenarbeit versus Frauenideologie. S. 115.
- ⁷⁷¹ *Winkler D.* Frauenarbeit im Dritten Reich. Hamburg, 1977, passim.
- ⁷⁷² *Паламарчук Е. А.* Гендерные отношения в Третьем Рейхе. Ростов-на-Дону, 2003. С. 72.
- ⁷⁷³ Ср.: *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933-1945, S. 260.
- ⁷⁷⁴ *Focke H., Reimer U.* (Hg) Alltag untem Hakenkreuz. Bd. 1. S. 165.
- ⁷⁷⁵ На немецких фронтовиков и немецкую общественность произвело сильное впечатление то, что в битве под Прохоровкой водителями некоторых советских танков были женщины.
- ⁷⁷⁶ *Klemperer V.* Ich will Zeugnis ablegen bis zum letzten. Tagebücher 1942-1945. Berlin, 1996. S. 534.
- ⁷⁷⁷ *Boberach H.* (Hg) Meldungen aus dem Reich. S. 363.

⁷⁷⁸ *Speer A.* Erinnerungen. Frankfurt am Main, 1982, S. 553.

⁷⁷⁹ *Веблен Т.* Теория праздного класса. М., 1984. С. 182.

⁷⁸⁰ *Stephenson J.* Women in Nazi Society. London, 1975, P. 190.

⁷⁸¹ *Fest J.* Das Gesicht des Dritten Reiches. S. 370.

⁷⁸² Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. С. 370.

⁷⁸³ *Kundrus B.* Nur die halbe Geschichte. Frauen im Umfeld der Wehrmacht zwischen 1939—1945. In: *Müller R.-D., Volkmann H.-E.* (Hg) Die Wehrmacht. Mythos und Realität. München, 1999. S. 732. К сожалению я не могу сослаться на воспоминание нашего ветерана (или проверить его) о том, что в Советской армии в войну были попытки создать публичные дома для офицеров, но завершились они чисто по-русски: обитательницы их стали военно-полевыми (а некоторые и настоящими) женами офицеров.

⁷⁸⁴ *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S.427.

⁷⁸⁵ Ср.: *Scholz-Klink G.* Die Frau im Dritten Reich. Eine Dokumentation. Tübingen, 1978. S. 33.

⁷⁸⁶ *Böltken A.* Führerinnen im «Führerstaat». S. 29.

⁷⁸⁷ Женская трудовая служба ни теоретически, ни практически не была нацистским изобретением, — эта традиция в Германии восходит к XIX веку. Различные женские эмансипационные группы видели в введении женского «трудового года» возможность для расширения спектра женской занятости. Введенный после 1933 г. нацистский добровольный женский «трудоугод» был, скорее, мерой по смягчению страшной безработицы.

⁷⁸⁸ Цит. по: *Smelser R., Syring E., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite II. S. 221.

⁷⁸⁹ *Ерин М. Е., Ермаков А. М.* «Имперская трудовая повинность». С. 141.

⁷⁹⁰ *Scholz-Klink G.* Die Frau im Dritten Reich. S. 46.

⁷⁹¹ *Ерин М. Е., Ермаков А. М.* «Имперская трудовая повинность». С. 146.

⁷⁹² *Scholz-Klink G.* Die Frau im Dritten Reich. S. 63.

⁷⁹³ *Scholz-Klink G.* Die Frau im Dritten Reich. S. 74.

⁷⁹⁴ *Smelser R., Syring E., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite II. S. 224.

⁷⁹⁵ *Scholz-Klink G.* Die Frau im Dritten Reich. S. 75.

⁷⁹⁶ *Reck - Malleczwen F.* Tagebuch eines Verzweifelten. Stuttgart, 1966. S. 154.

⁷⁹⁷ *Scholz-Klink G.* Die Frau im Dritten Reich. S. 76.

- ⁷⁹⁸ *Böltken A.* Führerinnen im «Führerstaat». S. 42.
- ⁷⁹⁹ *Scholz-Klink G.* Die Frau im Dritten Reich. S. 85.
- ⁸⁰⁰ *Böltken A.* Führerinnen im «Führerstaat». S. 45.
- ⁸⁰¹ *Scholz-Klink G.* Die Frau im Dritten Reich. S. 35.
- ⁸⁰² *Scholz-Klink G.* Die Frau im Dritten Reich. S. 155.
- ⁸⁰³ *Scholz-Klink G.* Die Frau im Dritten Reich. S. 43.
- ⁸⁰⁴ *Stephenson J.* Women in Nazi Society. R 97.
- ⁸⁰⁵ *Böltken A.* Führerinnen im «Führerstaat». S. 59.
- ⁸⁰⁶ *Scholz-Klink G.* Die Frau im Dritten Reich. S. 34.
- ⁸⁰⁷ Цит. по: *Böltken A.* Führerinnen im «Führerstaat». S. 73.
- ⁸⁰⁸ Цит. по: *Böltken A.* Führerinnen im «Führerstaat». S. 74.
- ⁸⁰⁹ Цит. по: *Böltken A.* Führerinnen im «Führerstaat». S. 75.
- ⁸¹⁰ *Böltken A.* Führerinnen im «Führerstaat». S. 89.
- ⁸¹¹ *Дэвидсон Ю.* Суд над нацистами. С. 276.
- ⁸¹² *Ерин М. Е., Ермаков А. М.* «Имперская трудовая повинность». С. 160.
- ⁸¹³ Заллер (Saller) Карл (1902—1969), немецкий антрополог и медик. Автор многочисленных и общепризнанных трудов о древнем населении и современных расах Европы, методике антропологического исследований в расоведении.
- ⁸¹⁴ Цит. по: *Fest J.* Das Gesicht des Dritten Reiches. S. 356.
- ⁸¹⁵ *Völkischer Beobachter*, 24.12.1938.
- ⁸¹⁶ *Sigmund A. M.* Die Frauen der Nazis II. S. 203.
- ⁸¹⁷ *Grau G.* (Hg) Homosexualität in der NS-Zeit. Dokumente einer Diskriminierung und Verfolgung. Frankfurt am Main, 1993. S. 147.
- ⁸¹⁸ *Grundberger R.* Das zwölfjährige Reich. Der deutschen Alltag unter Hitler. Wien, 1972. S. 251.
- ⁸¹⁹ О гомосексуалистах и политике Третьего Рейха по отношению к ним см.: *Grau G.* (Hg) Homosexualität in der NS-Zeit. Dokumente einer Diskriminierung und Verfolgung. Frankfurt am Main, 1993, passim.
- ⁸²⁰ *Focke H., Reimer U.* (Hg) Alltag untern Hakenkreuz. Bd. 1. S. 160.
- ⁸²¹ *Ziemer G.* Education for death. The making of the nazi. New York, 1972. P. 28.
- ⁸²² *Reich W.* Der Massenpsychologie des Faschismus. Köln, 1972. S. 121.
- ⁸²³ *Ibid.* S. 127.
- ⁸²⁴ Муж навсегда получает в свои руки все прерогативы и право на послушание жены.
- ⁸²⁵ *Stephenson J.* Women in Nazi Society. P. 14.

- ⁸²⁶См.: *Maser W.* Das Regime. S. 67.
- ⁸²⁷*Focke H., Reimer U.* (Hg) Alltag untem Hakenkreuz. Bd. 1. S. 122.
- ⁸²⁸*Schmitz-Berning C.* Vokabular des Nationalsozialismus. Berlin, 2000. S. 161.
- ⁸²⁹*Thamer H.-U.* Verführung und Gewalt. S. 476.
- ⁸³⁰*Паламарчук Е. А.* Гендерные отношения в Третьем Рейхе. Ростов-на-Дону, 2003. С. 19.
- ⁸³¹Ср.: *Stephenson J.* Women in Nazi Society. P. 88.
- ⁸³²Сведения взяты из: *Maser W.* Das Regime. S. 67.
- ⁸³³Ср.: *Quine M. S.* Population Politics in Twentieth-Centure Europe. London, 1996, passim.
- ⁸³⁴*Peters L.* Volkslexikon Drittes Reiches. S. 343.
- ⁸³⁵*Focke H., Reimer U.* (Hg) Alltag untem Hakenkreuz. Bd. 1. S. 125.
- ⁸³⁶*Focke H., Reimer U.* (Hg) Alltag untem Hakenkreuz. Bd. 1. S. 122-124.
- ⁸³⁷*Stephenson J.* Women in Nazi Society. P. 69.
- ⁸³⁸*Stephenson J.* Women in Nazi Society. P. 5.
- ⁸³⁹Ср.: *Stephenson J.* Women in Nazi Society. P. 62.
- ⁸⁴⁰*Focke H., Reimer U.* (Hg) Alltag untem Hakenkreuz. Bd. 1. S. 126.
- ⁸⁴¹Ср.: *Stephenson J.* Women in Nazi Society. P. 63.
- ⁸⁴²*Паламарчук Е. А.* Гендерные отношения в Третьем Рейхе. Ростов-на-Дону, 2003. С. 33.
- ⁸⁴³Ср.: *Stephenson J.* Women in Nazi Society. P. 65.
- ⁸⁴⁴*Stephenson J.* Women in Nazi Society. P. 42.
- ⁸⁴⁵*Essner C., Conte E.* «Femehe», «Leichenehe» und «Totenscheidung». Methamorphosen des Ehrechts im Dritten Reich // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 1996. H. 2. S. 201.
- ⁸⁴⁶*Böltken A.* Führerinnen im «Führerstaat». S. 78.
- ⁸⁴⁷Gutachten des Instituts für Zeitgeschichte. München, 1958. S. 282.
- ⁸⁴⁸*Peters L.* Volkslexikon Drittes Reiches. S. 180.
- ⁸⁴⁹*Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 271.
- ⁸⁵⁰Как нацистский «крест матери» повлиял на учреждение в СССР в 1944 г. ордена «мать-героиня» за 10 и более детей — не ясно, но параллели напрашиваются. Ср.: *Stephenson J.* Women in Nazi Society, P. 50.
- ⁸⁵¹*Peters L.* Volkslexikon Drittes Reiches. S. 181.
- ⁸⁵²*Паламарчук Е. А.* Гендерные отношения в Третьем Рейхе. Ростов-на-Дону, 2003. С. 18.

- ⁸⁵³ Ср.: *Stephenson J.* Women in Nazi Society. P. 48.
- ⁸⁵⁴ Цит. по: *Паламарчук Е. А.* Гендерные отношения в Третьем Рейхе. Ростов-на-Дону, 2003. С. 20.
- ⁸⁵⁵ Ср.: *Peters L.* Volkslexikon Drittes Reiches. S. 79*
- ⁸⁵⁶ *Trevor-Roper H.* (Ed) The Bormann Letters. London, 1954. P. 42.
- ⁸⁵⁷ *Sigmund A. M.* Die Frauen der Nazis. Bd. II. S. 22.
- ⁸⁵⁸ *Fest J.* Das Gesicht des Dritten Reiches. S. 367.
- ⁸⁵⁹ *Stephenson J.* Women in Nazi Society. P. 51.
- ⁸⁶⁰ Она совершила эволюцию от убежденной буддистки через увлечение сионистским движением к национал-социализму и была человеком высокого интеллектуального уровня. Это не помешало родить ей 7 детей; в 1938 г. она стала первой «матерью-героиней» и получила «Крест матери». Ср.: *Sigmund A. M.* Die Frauen der Nazis. Bd. I. S. 74.
- ⁸⁶¹ *Sigmund A. M.* Die Frauen der Nazis. Bd. I. S. 18.
- ⁸⁶² *Essner C., Conte E.* «Femehe», «Leichenehe» und «Totenscheidung». S. 209.
- ⁸⁶³ *Essner C., Conte E.* «Femehe», «Leichenehe» und «Totenscheidung». S. 208.
- ⁸⁶⁴ *Essner C., Conte E.* «Femehe», «Leichenehe» und «Totenscheidung». S. 202.
- ⁸⁶⁵ *Boberach H.* (Hg.) Meldungen aus dem Reich 1938—1945. Herrsching, 1984. Bd. 13. S. 492.
- ⁸⁶⁶ *Essner C., Conte E.* «Femehe», «Leichenehe» und «Totenscheidung». S. 221.
- ⁸⁶⁷ *Fest J.* Das Gesicht des Dritten Reiches. S. 369.
- ⁸⁶⁸ *Essner C., Conte E.* «Femehe», «Leichenehe» und «Totenscheidung», S. 204.
- ⁸⁶⁹ *Peters L.* Volkslexikon Drittes Reiches. S. 669.
- ⁸⁷⁰ *Kersten F.* Totenkopf und Treue. Hamburg, 1953. S. 224.
- ⁸⁷¹ Ср.: *Kuhn A., Rothe V.* (Hg.) Fraün im deutschen Faschismus, Bd. 1. Düsseldorf, 1982. S. 135.
- ⁸⁷² *Bu,ltken A.* Führerinnen im «Führerstaat». S. 95.
- ⁸⁷³ *Maser W.* (Hg) Hitlers Briefe und Notizen. Sein Weltbild in handschriftlichen Dokumenten. Düsseldorf, 1973. S. 123.
- ⁸⁷⁴ *Fest J.* Das Gesicht des Dritten Reiches. S. 369.
- ⁸⁷⁵ Ср.: *Graig G.* Deutsche Geschichte. S. 555.
- ⁸⁷⁶ *Fest J.* Das Gesicht des Dritten Reiches. S. 359.
- ⁸⁷⁷ *Rauschning H.* Gespräche mit Hitler. New York, 1940. S. 240.
- ⁸⁷⁸ Ср.: *Kaempfe A.* Deutschland eins. Von einem der auszog das Deutschsein zu lernen. Kiel, 1986. S. 179.

- ⁸⁷⁹Ср.: *Копелев Л. 3.* Хранить вечно. М., 1990. С. 11, 115.
- ⁸⁸⁰ «Трусость, твое имя — буржуазия». См.: *Steinert M. Hitler.* München, 1994. S. 185.
- ⁸⁸¹ Цит. по: *Steinert M. Hitler.* S. 186.
- ⁸⁸² *Domarus M.* (Hg) *Hitler. Reden und Proklamationen.* München, 1962. Bd. 1.2. S. 645.
- ⁸⁸³ Ср.: *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 288.
- ⁸⁸⁴ *Smelser R., Syring E., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite II. S. 95.
- ⁸⁸⁵ Ср.: *Broszat M.* Der Staat Hitlers. S. 208.
- ⁸⁸⁶ *Uhlig H.* Die Warenhäuser im Dritten Reich. Köln, 1956. S. 106.
- ⁸⁸⁷ *Uhlig H.* Die Warenhäuser im Dritten Reich. S. 152.
- ⁸⁸⁸ Ср.: *Winkler H. A.* Der entbehrliche Stand. Zur Mittelstandspolitik im «Dritten Reich». In: *Archiv für Sozialgeschichte, 1977.* Bd. XXVII. S. 18.
- ⁸⁸⁹ *Winkler H. A.* Der entbehrliche Stand. S. 31.
- ⁸⁹⁰ Ср.: *Winkler H. A.* Der entbehrliche Stand. S. 34.
- ⁸⁹¹ *Winkler H. A.* Der entbehrliche Stand. S. 39.
- ⁸⁹² *Schoenbaum D.* Die braune Revolution. Eine Sozialgeschichte des Dritten Reiches. München, 1980. S. 185.
- ⁸⁹³ *Broszat M.* Der Staat Hitlers. S. 217.
- ⁸⁹⁴ Цит. по: *Der Spiegel.* 1956. N 6. S. 24.
- ⁸⁹⁵ *Neurohr J.* Der Mythos vom Dritten Reich. Zur Geistesgeschichte des Nationalsozialismus. Stuttgart, 1957. S. 202.
- ⁸⁹⁶ Ср.: *Schoeps H.-J.* Preußen. Bilder und Zeugnisse. Berlin, 1967. S. 10.
- ⁸⁹⁷ *Zeitschrift für Ostforschung, 1993.* N 3. S. 391.
- ⁸⁹⁸ См.: *Plessner H.* Die verspätete Nation. Stuttgart, 1959. S. 21.
- ⁸⁹⁹ *Schoeps H.-J.* Preußen. S. 16.
- ⁹⁰⁰ *Eich E.* Die unheimlichen Deutschen. Düsseldorf, 1963. S. 29.
- ⁹⁰¹ См.: *Dönhoff M.* Gräfin Kindheit in Preußen. Berlin, 1991. S. 35.
- ⁹⁰² См.: *Greiffenhagen M.* Von Potsdam nach Bonn. S. 25.
- ⁹⁰³ *Haffner S., Venohr W.* Preussische Profile. Königsten/Ts., 1980. S. 5.
- ⁹⁰⁴ *Schoeps H.-J.* Preußen. S. 10.
- ⁹⁰⁵ Ср.: интервью Борташеского: *Der Spiegel.* 2001. №4. S. 67.
- ⁹⁰⁶ Цит. по: *Zalling P.* Das ist unser Unglück. Preussens Rolle in Deutschland // *Der Spiegel.* 1993. N 16. S. 270.

⁹⁰⁷ См.: *Haffner S., Venohr W.* Preussische Profile. S. 1.

⁹⁰⁸ Ср.: *Schoeps H.-J.* Preußen. S. 17.

⁹⁰⁹ См.: *Sheehan J.* German Liberalism in the Nineteenth Century. Chicago, 1978. S. 39.

⁹¹⁰ В 1933 г., в день годовщины открытия Первого рейхстага объединенной Германии (21 марта 1871 г.) во дворе гарнизонной церкви Потсдама Гитлер провел демонстрацию единства правого спектра Германии перед лицом левой угрозы. Это мероприятие и получило название «день Потсдама».

⁹¹¹ См.: *Hagemann W.* Publizistik im Dritten Reich. Hamburg, 1948. S. 123, 126.

⁹¹² См.: *Greiffenhagen M.* Von Potsdam nach Bonn. S. 30—31.

⁹¹³ См.: *Smelser R., Zitelmann R.* (Hg.) Die braune Elite. Darmstadt, 1989. S. 70.

⁹¹⁴ См.: *Irving D.* Goering. München, 1987. S. 173.

⁹¹⁵ *Dahrendorf R.* Gesellschaft und Demokratie in Deutschland. München, 1968. S. 428.

⁹¹⁶ Цит. по: *Райд Я. Г.* Прибалтийские немцы в буржуазной Эстонии 1920—1940. Таллинн, 1978. С. 6.

⁹¹⁷ Цит. по: *Крупников П. Я.* Полвека истории Латвии глазами немцев. Рига, 1989. С. 39.

⁹¹⁸ Цит. по: *Крупников П. Я.* Полвека истории Латвии. С. 46.

⁹¹⁹ *Janssen K.-H.* Alfred von Gosslar und die deutsche Verwaltung im Baltikum 1915/18 // *Historische Zeitschrift*, 1968. Bd. 207. H. 1. S. 43, 48..

⁹²⁰ *Nadolny R.* Mein Beitrag. Erinnerungen eines Botschafters des Deutschen Reiches. Köln, 1988. S. 34.

⁹²¹ *Der Spiegel*. 1994. N 38. S. 124.

⁹²² Ср.: *Rauschnig H.* Gespräche mit Hitler. Wien, 1973. S. 43.

⁹²³ В итоге в Рейхе по особым разрешениям поселились к 1941 г. только 0,18% прибалтийских немцев, ср.: Цит. по: *Райд Я. Г.* Прибалтийские немцы. С. 121.

⁹²⁴ *Deutsche Geschichte im Osten Europas. Baltische Länder.* Berlin, 1994. S. 540.

⁹²⁵ *Deutsche Geschichte im Osten Europas. Land an der Donau.* Berlin, 1994. S. 341.

⁹²⁶ *Deutsche Geschichte im Osten Europas. Land an der Donau.* Berlin, 1994. S. 329.

⁹²⁷ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933—1945. S. 284.

⁹²⁸ См.: *Paūð Я. Г.* Прибалтийские немцы. 1978. С. 99.

⁹²⁹ *Broszat M.* Nazionalsozialistische Polenpolitik 1939—1945. S. 192.

⁹³⁰ *Deutsche Geschichte im Osten Europas. Zwischen Adria und Karawanken.* Berlin, 1998. S. 12.

⁹³¹ К. von Schuschnigg (1897—1977), федеральный канцлер Австрии в 1934—1938, один из лидеров Христианско-социальной партии. В 1941—1945 находился в концлагере, из которого был освобожден в 1945, до 1967 г. был в эмиграции.

⁹³² Цит. по: *Glum F.* Der Nationalsozialismus. S. 329.

⁹³³ *Mann G.* Geschichte und Geschichten. Frankfurt am Main, 1961. S. 22.

⁹³⁴ *Jeffery C.* Konsens und Dissens im Dritten Reich // *Zeitgeschichte.* 1992. N 5/6. S. 137.

⁹³⁵ *Maser W.* Das Regime. S. 176.

⁹³⁶ *Irving D.* Führer und Reichskanzler Adolf Hitler 1933—1945. Muenchen, 1989. S. 106.

⁹³⁷ *Brook-Sheperd G.* Der Anschluß. Graz, 1963. S. 18.

⁹³⁸ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933—1945. S. 191.

⁹³⁹ *Smelser R., Syring E., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite II. S. 108.

⁹⁴⁰ Ср.: *Die Donauschwaben. Deutsche Siedlung in Südosteuropa.* Ausstellungskatalog. Siegmarienen, 1987. S. 12.

⁹⁴¹ *Schumacher R.* von Deutschland — Fibel. Berlin, 1934. S. 67.

⁹⁴² Ср.: *Bergen D. L.* The Nazi Concept of «Volksdeutsche» and the Exacerbation of Anti-Semitism in Eastern Europe, 1939—1945 // *Journal of Contemporary History,* 1994. V. 29. N 4. P. 575.

⁹⁴³ *Deutsche Geschichte im Osten Europas. Zwischen Adria und Karawanken.* Berlin, 1998. S. 363.

⁹⁴⁴ *Deutsche Geschichte im Osten Europas. Baltische Länder.* Berlin, 1994. S. 492.

⁹⁴⁵ *Koehl R. L.* RKFDV. German Resettlement and Population policy 1939-1945. Cambridge, 1957. P. 10.

⁹⁴⁶ *Boockmann H.* Deutsche Geschichte im Osten Europas. Ostpreußen und Westpreußen. Berlin, 1992. S. 395.

⁹⁴⁷ По постановлению этой комиссии Верхняя Силезия до 20 марта 1921 г. объявлялась самостоятельной территорией; выпускались даже почтовые марки Верхней Силезии, которые сейчас очень ценятся филателистами.

⁹⁴⁸ Deutsche Geschichte im Osten Europas. Schlesien. Berlin, 1994. S. 621.

⁹⁴⁹ Deutsche Geschichte im Osten Europas. Schlesien. S. 627.

⁹⁵⁰ См.: Deutsche Geschichte im Osten Europas. Land der großen Ströme. Berlin, 1996. S. 383.

⁹⁵¹ Deutsche Geschichte im Osten Europas. Land der großen Ströme. S. 399.

⁹⁵² *Векбеккер А.* Ополчение в «идеологической войне»: самозащита лиц немецкого происхождения» в Польше в 1939—1940 гг. В кн.: Михалка В. (ред.) Вторая мировая война. С. 380.

⁹⁵³ Ср.: там же.

⁹⁵⁴ Ср.: *Векбеккер А.* Ополчение в «идеологической войне». С. 381.

⁹⁵⁵ *Nolte E.* Der europäische Bürgerkrieg. Frankfurt am Main, 1987. S. 502. Цит. по: *Векбеккер А.* Ополчение в «идеологической войне». С. 381.

⁹⁵⁶ Ср.: *Векбеккер А.* Ополчение в «идеологической войне». С. 384.

⁹⁵⁷ Ср.: *Векбеккер А.* Ополчение в «идеологической войне». С. 390.

⁹⁵⁸ *Буллок А.* Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. Смоленск, 1994. Т. 2. С. 474.

⁹⁵⁹ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933—1945. S. 287.

⁹⁶⁰ *Куртуа С., Верт Н., Панне Ж.-Л., Панковский А., Бартошек К., Марголен Ж.-Л.* Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. М., 2001. С. 352.

⁹⁶¹ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933—1945. S. 288.

⁹⁶² После войны он остался в ГДР, 1949—1953 гг. работал в МИД и сотрудничал с разведывательной службой ГДР. В 1953 г. был арестован западногерманской полицией за шпионаж, осужден, но в 1964 г. помилован и переправлен в ГДР, где и умер в 1968 г.

⁹⁶³ *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 108.

⁹⁶⁴ *Müller R.-D.* Hitlers Ostkrieg und die deutsche Siedlungspolitik. Die Zusammenarbeit von Wehrmacht, Wirtschaft und SS. Frankfurt am Main, 1991. S. 29.

⁹⁶⁵ Цит. по: *Maser W.* Das Regime. S. 201.

⁹⁶⁶ См.: *Haller J.* Die Epochen der deutschen Geschichte. Stuttgart, 1936. S. 34.

- ⁹⁶⁷Ср.: *Vorbach K.* 200 000 Sudetendeutsche zuviel. München, 1936. S. 11-12.
- ⁹⁶⁸ *Domarus M.* (Hg) Hitler: Reden und Proklamationen, 1932-1945. Bd. 1. S. 901.
- ⁹⁶⁹Ср.: *Glum F.* Der Nationalsozialismus. S. 337.
- ⁹⁷⁰ Völkischer Beobachter, 1.10.1938.
- ⁹⁷¹ *Maser W.* Das Regime. S. 188.
- ⁹⁷² *Höhne H.* Der Orden unter dem Totenkopf. Augsburg, 1992. S. 259.
- ⁹⁷³ *Maser W.* Das Regime S. 183.
- ⁹⁷⁴ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933—1945. S. 194-195.
- ⁹⁷⁵ *Maser W.* Das Regime. S. 189.
- ⁹⁷⁶ Deutschland-Berichte der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands (Sopade) 1934—1940. Frankfurt am Main, 1980. Bd. 1938. S. 565.
- ⁹⁷⁷ Deutschland-Berichte der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands (Sopade). Bd. 1939. S. 340.
- ⁹⁷⁸ Deutschland-Berichte der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands (Sopade). Bd. 1938. S. 1173.
- ⁹⁷⁹ Deutschland-Berichte der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands (Sopade). Bd. 1938. S. 1664.
- ⁹⁸⁰ *Sonka J.* Zukunft statt Vergangenheit. Die Benes — Dekrete und das deutsch-tschechische Verhältnis // Internationale Politik, 2002. N 9. S. 29.
- ⁹⁸¹ *Buchweiler M.* Volksdeutsche in der Ukraine am Vorabend und Beginn des Zweiten Weltkrieges. Ein Fall doppelter Loyalität? Schriftenreihe des Instituts für Deutsche Geschichte Universität Tel Aviv, Bd. 7. Gerlingen, 1984. S. 14.
- ⁹⁸² *Buchweiler M.* Volksdeutsche in der Ukraine. S. 121.
- ⁹⁸³ Цит. по: *Buchweiler M.* Volksdeutsche in der Ukraine. S. 132.
- ⁹⁸⁴ *Buchweiler M.* Volksdeutsche in der Ukraine. S. 118.
- ⁹⁸⁵ Ср.: *Buchweiler M.* Volksdeutsche in der Ukraine. S. 141.
- ⁹⁸⁶ *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 723.
- ⁹⁸⁷ *Buchweiler M.* Volksdeutsche in der Ukraine. S. 310.
- ⁹⁸⁸ Deutsche Geschichte im Osten Europas. Zwischen Adria und Karawanken. Berlin, 1998. S. 419.
- ⁹⁸⁹ Deutsche Geschichte im Osten Europas. Land an der Donau. Berlin, 1994. S. 530.
- ⁹⁹⁰ Deutsche Geschichte im Osten Europas. Land an der Donau. S. 524.

⁹⁹¹ Die Donauschwaben. Deutsche Siedlung in Südosteuropa. Ausstellungskatalog. Siegmarienen, 1987. S. 34.

⁹⁹² Крейг Г: Немцы. М, 1999. С. 314.

⁹⁹³ Арон Р. Мемуары. 50 лет размышлений о политике. М., 2002. С. 77.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Часть I. СТАРЫЕ И НОВЫЕ ИНСТИТУТЫ ВЛАСТИ В ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ: ДИАЛЕКТИКА ИХ ВЗАИМО- ДЕЙСТВИЯ И НЕМЕЦКОЕ ОБЩЕСТВО.....	12
Введение.....	12
Глава I. Государство, фюрер и его народ: миф Гитлера и его место в истории Третьего Рейха.....	14
Особенности харизмы Гитлера и его влияния на окружение и немецкую общественность.....	15
Гитлер-идеолог: мотивы общественной мобилиза- ции и цели нацистского государства.....	37
Место Гитлера в системе власти Третьего Рейха ...	51
Глава II. Роль государства в Третьем Рейхе: узурпация власти, новые качества власти при нацистах.....	70
Государственная власть и нацисты: соотношение теории и практики.....	70
Унификация немецких земель	85
Институционный дарвинизм в Третьем Рейхе.....	95
Глава III. Место СС в гитлеровском государстве.....	106
Принципы организации и причины притягатель- ности СС для молодежи.....	106
Террор и другие методы принуждения и унифи- кации общества в полицейской деятельности СС	122
Глава IV. Партия, власть и общество	142
Партийное строительство в НСДАП до прихода Гитлера к власти.....	142
Роль партии в нацистской системе власти и ее влияние на общество.....	152

ГЛАВА V. Нацистское правосудие и немецкое общество.....	178
Теоретическая перспектива.....	178
Нацистское правосудие и общество до войны.....	185
Нацистское правосудие и общество в годы войны..	198

ЧАСТЬ II. СОЦИАЛЬНЫЙ ОБЛИК ТРЕТЬЕГО РЕЙХА: СОЗДАНИЕ И КУЛЬТИВИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ.....	213
Введение.....	213

Глава I. Молодежь и нацистский режим.....	216
Предварительные замечания.....	216
Создание «Гитлер-югенд», ее борьба за монопо- лию в молодежном движении, характер и сферы активности.....	219
Место «Гитлер-югенд» в процессе воспитания молодежи в Третьем Рейхе.....	231
Молодежный нонконформизм и Соппротивление....	251

ГЛАВА II. Крестьяне и нацистский режим.....	265
Немецкие крестьяне и нацистская «почвенниче- ская» доктрина.....	265
Крестьянская политика нацистов до войны.....	271
Нацистская крестьянская политика во время войны.....	285

Глава III. Рабочий класс и «народная общность» (Volksgemeinschaft).....	291
Первоначальная унификация рабочих: одобрение и апатия.....	291
Труд и занятость рабочих во время войны.....	300

Глава IV. Женщины в Третьем Рейхе.....	309
Соотношение объективных и субъективных факторов в нацистской женской политике.....	309
Женская политика в Третьем Рейхе и пропагандистские цели нацистов.....	320
Организованное женское движение в Третьем	

Рейхе.....	335
Положение женщины в семье в нацистской Германии.....	344
Глава У. Существо противоречий среднесловной политики нацистов.....	361
Глава VI. Мифы нации и их место в процессе культиви- рования гитлеровской «национальной общности».....	372
Исторические и общественно-политические корни прусского и австрийского немецкого национализма и Третий Рейх.....	372
Использование нацистами проблем фольксдойч в процессе культивирования национальной общ- ности	392
Эпилог.....	417
Список сокращений	425
Примечания.....	428

Олег Юрьевич Пленков

Тайны Третьего Рейха. Спартанцы Гитлера

Ответственный за выпуск *С. З. Кодзова*

Редактор *В. О. Бутомо*

Редактор предисловия *Д. А. Коцюбинский*

Корректор *Л. С. Самойлова*

Оформление обложки *А. Ф. Щавелева, С. Ф. Щавелева*

Верстка *Н. А. Платоновой*

Подписано в печать 21.01.11.

Гарнитура «Ньютон». Формат 84 x 108 ¹/₃₂.

Бумага газетная. Печать офсетная. Уч. изд. л. 20,25.

Усл. печ. л. 25,2. Изд. № ОП-Ю-0441-СМ. Доп. тираж 1500 экз.

Заказ NQ P-115.

ЗАО «ОЛМА Медиа Групп»

129626, г.Москва, Проспект Мира, д. 102, стр. 12

Почтовый адрес: 143421, Московская область,
Красногорский район, 26 км. автодороги «Балтия»,
Бизнес-парк «Рига Лэнд», стр. 3

www.olmamedia.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала ОАО «ТАТМЕДИА»

«ПИК «Идел-Пресс».

420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

E-mail: idelpress@mail.ru

ТАЙНЫ Третьего Рейха

СПАРТАНЦЫ ГИТЛЕРА

После прихода к власти Гитлер превратил Германию в страну фундаментального правопорядка. Он оказался чрезвычайно энергичным, напористым и фонтанирующим удачными тактическими находками политиком, более того – он оказался организационным гением, создавшим эффективный и эффективный аппарат власти. Тщательно выстроенная им сильная и неуязвимая государственная машина Третьего Рейха работала почти без сбоев. Пока не случилась война...

Почему Гитлер считал древнюю Спарту образцовым и совершенным с расовой точки зрения государством?

Как удалось самозваному «фюреру немецкого рейха и народа» утвердиться в качестве пожизненного диктатора и легализировать свое назначение?

Почему все самое ценное из традиционной немецкой административной машины было поставлено на службу нацистскому режиму?

По какой причине Германия перешла к правовому беспределу и демонтажу старых юридических норм?

Как действовала созданная Гитлером монолитная и жесткая система власти?

И почему столь тщательно выстроенная нацистами конструкция во главе со всемогущим «фюрером» в итоге рассыпалась как карточный домик?

ISBN 978-5-373-01990-3

9 785373 019903

ОЛМА
МЕДИА ГРУПП

www.olmamedia.ru